ГОД ДРАКОНА

Трое

Мы все трое – Сергеевичи, хотя у Вовки фамилия Ермоленко, а у нас с Максиком – Тартановы, но из-за отчеств нас с детства считали стопроцентно родными братьями. А мы родные только наполовину: по маме. Отец Вовки был гаишником и погиб при исполнении, когда его сыну было два года. Мама получала немаленькую пенсию по потере кормильца, и потому очень долго не выходила замуж за нашего отца. Свадьбу они сыграли уже после рождения Максика. Мне тогда было четыре, и я помню, как на свадьбе бабушка Аля, мать Сергея Ермоленко, сказала новому маминому мужу:

– Вовку-то не обижай. Он за твоими парнями присмотрит.

Не знаю, предвидела ли бабушка то, что произошло несколькими годами позже, или просто пыталась обратить внимание нашего отца на домовитость пасынка. Вовка был словно создан для семейного быта: серьёзный, ответственный, трудолюбивый, с золотыми руками. Всё, за что бы ни брался мой старший брат, спорилось в его руках. Помню, отец говорил про него:

– Торжество грубой силы над интеллектом.

Правда, из его уст это звучало комплиментом, потому что сам ни одного гвоздя в квартире не забил. Он работал юристом в страховой компании и считал, что работники умственного труда имеют право не уметь менять лампочки. И часто от него можно было услышать:

– Вовка, что-то кран в ванной течёт. Ты бы посмотрел…

И это он говорил двенадцатилетнему парню, благодаря которому у нас в доме не протекали краны, не искрили розетки, работали утюги и видеомагнитофоны.

Отца я помню как-то смутно. В силу своей профессии он проводил много времени в разъездах, а если и бывал дома, то запирался в спальне, где стоял его компьютер, и работал там, готовился к судам и всевозможным аттестациям. Он запомнился мне немногословным и каким-то строгим человеком. Он редко играл с нами, почти не читал нам сказок, правда, для поддержания семейных ценностей мы чуть ли не каждые выходные ездили на пикники. Там Вовка тоже затмевал отчима. Развести костёр или соорудить шалаш у него получалось так быстро, что все только диву давались. И потому я страстно мечтал походить на старшего брата. Я копировал всё, что он делал. Если мама отправляла его гулять с Максиком, я не отставал ни на шаг, умоляя позволить мне везти коляску. Если Вовка готовил завтрак, я не мог лежать в постели, я летел на кухню и там крутился у него под ногами, стараясь помочь. Если Вовка садился чинить велосипед, я устраивался рядом в надежде, что он доверит мне какое-нибудь дельце, например, посветить фонариком на деталь или подать ключ. Брат всегда относился ко мне серьёзно, по крайней мере, я не помню, чтобы он когда-нибудь прогонял меня или говорил, что я слишком мал, чтобы помогать.

Что же касается Максика, то к нему у меня были смешанные чувства. Если рядом был Вовка, младший брат меня раздражал, потому что перетягивал на себя слишком много внимания. Если же мы с Максиком оставались вдвоём, то мне было приятно возиться с ним. Я часто играл с ним в меня и Вовку. Сам я был, конечно же, Вовкой, а ничего не подозревающий Максик играл меня. Он возился с игрушками, а я делал вид, что чиню, например, настольную лампу.

– Эй, мелкий! Ну-ка не лезь туда! – строго произносил я, хотя братишка никуда и не думал лезть. – Сейчас я закончу и почитаю тебе сказку.

Мне думается, что мы были счастливой семьёй. Отец хорошо зарабатывал, мы ни в чём не нуждались. Я готовился пойти в первый класс гимназии с углублённым изучением английского языка. Вовка мечтал поступить в технический университет, чтобы потом открыть свою автомастерскую. Ему ужасно нравилось возиться с машинами.

Ничему этому не суждено было сбыться. Всё круто изменилось двадцать второго июня, в одиннадцать часов тридцать минут, когда наши родители погибли в автокатастрофе. Они возвращались из деревни, от бабушки. Машина, которую вёл отец, на большой скорости пробила ограждение моста и упала в реку. Экспертиза не обнаружила никаких технических дефектов: ни отказавших тормозов, ни повреждений рулевой колодки – ничего, что могло бы стать причиной

такого странного манёвра. Вскрытие тоже не выявило у отца ни алкоголя в крови, ни инфаркта, ни инсульта. Он был совершенно здоров, когда крутанул баранку и протаранил ограждение. Официальной версией произошедшего стал луч, ослепивший водителя. Считать, что Сергей Тартанов намеренно хотел оставить сиротами троих детей, было глупо. Он пару месяцев как стал руководителем филиала, собирался на стажировку в Финляндию, он был на подъёме – и вдруг такая нелепая смерть.

Бабушка забрала нас жить к себе. Вовка не пошёл в десятый класс, а поступил в автомобильный техникум Холмогорска – небольшого городка в пятидесяти километрах от нашей деревни. Я же пошёл в первый класс не языковой гимназии, а обычной сельской школы.

Мне очень не хватало мамы и папы, но я не мог плакать, как Максик. Я хотел быть сильным, как Вовка, который все удары судьбы встречал с поднятой головой. Я не показывал вида, что мне больно и страшно, потому что мне казалось, что на нашу семью обрушился гнев какого-то незримого, но могучего и жестокого божества. И если его разозлить ещё сильней, то он изничтожит всю нашу родню. Поэтому на разговоры о смерти мамы и папы я наложил негласное табу, в отличие от моего четырёхлетнего брата, который приставал к бабушке и Вовке с расспросами, когда вернутся папа и мама. Вовка всегда брал его на руки или сажал к себе на колени и терпеливо объяснял, что богу на небесах понадобились помощники, и он позвал наших родителей. Сейчас они сильно заняты поручениями бога, но когда освободятся, то обязательно приедут нас навестить. Максик дотошно выяснял, что это за поручения и как можно упросить бога дать папе и маме выходные. А я ужасно боялся, что у бога найдется дело и для Вовки, чего лично я пережить не смог бы никогда.

Тем не менее сбылось то, о чём говорила бабушка: место наших родителей занял старший брат. Он считал своим долгом заботиться о нас, и иногда мне казалось, что он не доверяет нас никому.

– Не лезьте к бабушке, она устала! – говорил он и сам купал горластого Максика, делал со мной уроки, читал нам книги перед сном. Он учил нас всему. Максика – завязывать шнурки и чистить зубы, меня – колоть дрова и варить борщ. Вовка стал для нас с братом островком безопасности в агрессивном и страшном мире, куда нас выкинуло после смерти родителей. А для меня он был богом – рослым и мускулистым, с ломающимся баском и пушком над верхней губой. Я по-прежнему во всём подражал ему. Я бежал вместе с ним поливать огород, не обращая внимания на путающегося под ногами Максика. Я хвостом следовал за ним в сарай, где Вовка доводил до ума купленный по дешёвке убитый мотоцикл. Я не отставал, когда брат лез латать дыры на крыше. Один раз я свалился со стремянки и сильно порезал руку. Мне было очень больно, но я не плакал – боялся, что Вовка больше не возьмёт меня с собой. И пока мне накладывали швы в нашем здравпункте, я улыбался и говорил, что мне щекотно.

Три счастливых года мы прожили в деревне. Вовка окончил техникум с отличием, устроился на работу в совхоз. Я тоже окончил начальную школу на одни пятёрки. Максик готовился стать первоклассником, и я готовился с достоинством принять на себя бремя присматривать за этим энерджайзером в стенах школы. Но восьмого августа, когда мы с Максиком и с другими пацанами купались на речке, туда прибежал рыжий Андрюха и с вытаращенными глазами прокричал:

– Женька! Твою бабушку сараем убило!

С этого момента я помню всё как в тумане. Я бежал домой, но ноги меня не слушались. Я падал, вскакивал, снова бежал. Мне казалось, я ещё могу успеть всё исправить, но зарёванный Максик хватал меня за руку и за шорты. Он не мог бежать так же быстро, как я, а я никак не мог сбросить с себя этот балласт.

Когда я влетел во двор, оттуда выезжала скорая. Мы с братом чуть не угодили под колёса.

– Где бабушка? – дурным голосом заорал я, задыхаясь от страха и бега.

– Жень, она умерла. Несчастный случай, – из толпы возник Вовка, положил ладонь мне на плечо, взял на руки рыдающего Максика. – Ничего, парни, мы справимся. Всё будет хорошо.

Эти слова успокоили не только меня, но и младшего. Рядом с Вовкой мы не боялись ничего. Рядом с ним любая трагедия воспринималась притуплённо, как заглушённая лекарствами боль. И

даже верилось в то, что всё может наладиться – пусть без бабушки и родителей. У нас с Максиком была непоколебимая уверенность в то, что оплот нашей семьи – старший брат, а не взрослые.

Целый месяц мы жили втроём – словно бабушки и не было никогда. Соседи нам помогали, но по сути ничего и не изменилось: Вовка всё так же был главой семьи, а мы – всё так же оставались его младшими братьями. Я думал, что самое страшное позади, что мы справились, но ошибся: что десятилетний пацан вообще понимает в жизни? Оформить над нами опеку Вовка так и не смог: работа у него хоть и была, но платили мало. Комиссия посчитала, что этого недостаточно, чтобы прокормить двух иждивенцев. А то, что в то время на мизерные зарплаты жила практически вся деревня, чиновники в расчёт не брали. К тому же восемнадцать лет Вовке исполнялось лишь в октябре, а до этого времени ему категорически нельзя было заботиться о младших братьях. Поэтому нас с Максиком отправили в детский дом №12, что находился в шестнадцати километрах от райцентра. Два месяца Вовка приезжал к нам каждые выходные, рассказывал, как продвигаются дела с нашей опекой, делился планами, в какие ещё инстанции он намерен обратиться.

Пока в детдоме был Максик, это придавало мне сил. Я ощущал себя старшим братом, который должен нести ответственность за младшего. Мне хотелось, чтобы Вовка гордился мной, чтобы он, когда ему всё-таки разрешат взять опеку над нами, сказал бы мне: «Молодец, Женька! Ты отлично справился!». Я слышал в голове его голос и старался вовсю.

Впрочем, заботиться о Максике было несложно: мы держались вместе, чтобы нас не обижали. Правда, вовсе избежать покушений нам так и не удалось: у мелкого украли игрушки. Такие же младшеклассники, как и он, которые выросли в детдоме и не видели ничего лучше поломанных игрушек, уцелевших от старших товарищей. Максик же был обладателем шикарного водяного пистолета, набора солдатиков, у которых двигались руки и поворачивались головы, и двух гоночных машинок на пружинной тяге. Поначалу сироты попытались пойти проторённым путём и попросту отнять игрушки, но отобрать что-то у Максика было сложной задачей. Несмотря на небольшой рост и тщедушное телосложение, он дрался с такой отчаянностью, что одним этим повергал врагов в ужас. Он не стеснялся пускать в ход зубы и ногти, он умело превращал в оружие любой предмет – от карандаша до дверной ручки. Он интуитивно находил болевые точки противника и бил туда, попадая точно в незажившие раны и свежие синяки. По вёрткости он напоминал дикого хорька и мог выскользнуть из любой хватки. Поэтому после пары неудачных попыток отобрать у Максика игрушки сироты сменили тактику и просто их украли. Против такого приёма брат оказался бессилен и пришёл за помощью ко мне.

Я, собственно, тоже никогда не был гением сыска. Я даже не знал, с какой стороны подступиться к решению этой проблемы, поэтому просто поймал самого задиристого младшеклассника и пообещал ему мучительную смерть, если воры не вернут вещи моему брату. Я лишь хотел напугать его и пытался выглядеть грозным, но в глубине души понимал, что Максику придётся проститься и с водяным пистолетом, и с солдатиками, и с машинками.

Однако случилось чудо: задира после уроков в школе распил с местными дружками какую-то бормотуху. То ли его друзья оказались более выносливыми, то ли здоровье парня уже было чем-то подточено, только через час его увезли на скорой в реанимацию. По детдому поползли слухи, что его отравил я. Меня стали обходить стороной, а в тумбочке Максика чудесным образом объявились все его исчезнувшие игрушки.

И как раз в тот момент, когда нам с братом только-только удалось добиться перемирия и некоторой стабильности, из Тихвина приехала тётя Оля – папина сестра. Она была ласкова с нами, даже чересчур ласкова: обещала нас усыновить и увезти в Ленинградскую область. Я не очень обрадовался этому факту. Не то чтобы я не хотел покидать детдом – очень хотел! Но закон о тайне усыновления не давал мне покоя. Я боялся, что Вовке не скажут, где мы. Страх потерять брата был сильнее желания вырваться из детдома. Впрочем, пока я боялся потерять старшего брата, я потерял младшего. Тётя Оля, которая с таким жаром рассказывала нам про разводные мосты и Неву и обещала показать Финский залив и Петергоф, усыновила только Максика. Может, я был чрезмерно молчалив или показался тёте Оле слишком грубым, но я не мог быть общительным и милым, когда в

моей жизни произошло ещё одно грустное событие: в конце ноября Вовку призвали в армию. И хоть он писал письма каждую неделю или две, эти послания лишь подчёркивали то расстояние, которое пролегло между нами.

В марте судьба разделила нас с Максиком, и я понял, что это если не навсегда, то очень надолго. Наступило самое тяжёлое время для меня. Я лишился единственной родной души в этом мире, который с каждым днём становился всё враждебнее. Только рядом с младшим братом моё внутреннее напряжение ослабевало и наступало нечто вроде временного и зыбкого душевного комфорта. Только с ним я мог делиться самым сокровенным – фантазиями о том, как Вовка заберёт нас из детдома. Чем ярче я рисовал брату картину нашего будущего, тем сильнее верил в него и тем ближе мне становился Максик.

Но в марте я остался один. Младший брат укатил в далёкий и неизвестный Тихвин, а старший отправился в не менее далёкую и пугающую Чечню. И только его короткие, на пол-листа, письма, коих у меня набралась целая обувная коробка, тянули ко мне непрочные нити, напоминающие подвесные мосты туземцев Полинезии.

Вовка писал, что я должен быть стойким. Он уверял, что у меня достаточно сил, чтобы выдержать испытание. Я писал ему в ответ, что у меня всё хорошо, а сам плакал украдкой, боясь, что мне не хватит терпения дожить хотя бы до лета.

Именно тогда я понял, что силы надо экономить. Надо распределить их так, чтобы продержаться два с половиной года – с запасом, ведь оформление документов требует времени. Чтобы как-то скоротать этот срок, я пытался наладить контакт с Максиком. Я хотел позвонить или написать ему, но директор детдома так и не дал мне ни адреса, ни телефона тёти Оли. Я надеялся, что брат сообразит написать мне, но голова у него была бестолковая. К тому же он был увлекающейся натурой: смена обстановки, новая школа, новые друзья, новая семья могли вытеснить из его мыслей и меня, и тем более Вовку. Мне было обидно, что мелкий бросил меня, едва его жизнь наладилась. Но глубоко в душе я понимал, что он всего лишь маленький мальчик, который, даже захоти он этого, не смог бы преломить ход событий.

Мне оставалось только стиснуть зубы и терпеть. Слава отравителя быстро померкла, и я стал обыкновенным сиротой, у которого сильные отбирали всё вкусное и новое. Я не был готов драться за каждый кусок шоколада, как непременно делал бы Максик. Вместо этого я избрал другую тактику – затаиться. Она нужна была мне, чтобы выжить среди жестоких детей, обозлённых и обиженных на свою долю. Она нужна была мне, чтобы осуществить мой запасной план – побег. Дело в том, что я, наученный горьким опытом, опасался, что Вовке снова не разрешат взять надо мной опеку, поэтому я готовился сбежать из приюта.

Желание это усилилось по прошествии двух лет, когда после окончания срочной службы в воздушно-десантных войсках Вовка остался ещё на два года служить по контракту. Он сам написал мне об этом, мотивируя своё решение тем, что ему надо заработать денег на наше проживание. Когда я узнал об этом, я чуть не заболел. Да, эта новость меня сильно подкосила, но я убедил себя, что смогу выдержать и этот срок. И я держался. Я, как мог, сливался с этой ужасной средой, притворялся и хитрил, чтобы не выдать себя раньше времени. Я ждал брата из армии так, как ни одна девчонка никогда не ждала своего парня. Я считал дни и распределял силы, чтобы дотерпеть до того момента, когда Вовка приедет и заберёт меня из детдома.

Среди сирот не было принято хорошо учиться. Скажем прямо, большинству воспитанников это было просто не по силам, поэтому умников здесь не любили и всячески над ними издевались. Я не хотел тратить силы на противостояние старшим товарищам, я прикидывался тихим троечником, чтобы меня не трогали. Это прикрытие помогало мне разрабатывать план побега. Я с жадностью прочитывал учебники по географии и биологии, но у доски мямлил что-то невразумительное. Я быстрее всех решал задачи по алгебре и физике, но на контрольной сдавал листок самым последним. Чтобы мне не ставили пятёрок, я намеренно допускал ошибку в решении, а черновик сжигал, чтобы никто не вычислил мой хитрый манёвр. Если ошибку допустить было нельзя, то я сдавал листок с одним невыполненным заданием. Учителя жалели меня: парень вроде бы

соображает, но какой-то невнимательный и медлительный. Тройка стала моей основной оценкой, изредка дневник разбавляли четвёрки. От единственной пятёрки по геометрии меня чуть удар не хватил, но бить меня не стали, посчитав такую оценку недоразумением.

Я раздобыл карту нашей области и, когда приходила моя очередь мыть туалет (а только в этом случае я мог остаться наедине, зная, что никто меня не потревожит), изучал её подробнейшим образом: дороги, населённые пункты, леса и поля. Идти домой мне было нельзя: когда меня хватятся, то будут искать в первую очередь в деревне. Я намеревался податься в областной центр: там проще затеряться и больше шансов выжить. Я уже разработал себе маршрут, продумал, где буду ночевать и чем питаться. Я с особой тщательностью изучал местные ядовитые и съедобные ягоды и грибы, поскольку они должны были стать моей основной пищей.

Свой подход к городу я проложил через садовый кооператив «Энергетик». Во-первых, там можно было раздобыть еду и укрыться от непогоды. Даже отсидеться пару дней перед финальным марш-броском. Во-вторых, там проще было спрятаться или уйти от погони. В-третьих, оттуда до города ходил автобус. Смешаться с толпой садоводов было проще, чем ждать автобус на какой-нибудь остановке на трассе, где одинокий и грязный мальчик привлечёт гораздо больше внимания.

Я намеревался дать о себе знать Вовке, отведя от него все подозрения в причастности к моему побегу. Мне оставалось только придумать, как отправить ему зашифрованное сообщение об условленном месте и времени. Я решил, что буду каждый понедельник ждать его на перроне железнодорожного вокзала, а Вовка, как только сможет, придёт туда, и мы встретимся. Что будет после этого, я пока не придумал, но был уверен, что война покажет план и, оказавшись в городе, я доработаю заключительную часть побега.

Однако, когда вышел срок контрактной службы, Вовка вообще пропал – ни писем, ни звонков. Я боялся, что его убили или что он стал инвалидом и боится показаться мне на глаза. К тому же инвалиду не позволят взять опеку над несовершеннолетним.

Мой побег стал бессмысленным мероприятием. Мне некуда было податься, я не знал, где искать брата: в госпитале для ветеранов войн? В реанимации? На кладбище? Мои радужные мечты поблёкли. Мне не оставалось ничего, кроме как смириться с тем, что я проведу в этом чёртовом детдоме ещё четыре года до своего совершеннолетия. Однако я дал себе зарок, что как только шагну за порог этого заведения, тут же отправлюсь разыскивать братьев. Сначала старшего, потом младшего.

Новая жизнь

Я раскрашивал свои унылые будни, как мог. Я хотел поступить в автомобильный техникум, как мой брат, но директор детдома рассмеялся мне в лицо: с моей успеваемостью о таком даже мечтать было нельзя. Никто не дал мне ни единого шанса – мои документы отправили в кулинарное училище, куда я и был зачислен на льготной основе после двух экзаменов. Мне не нравилось учиться на повара, и первую же сессию я провалил. Директор детдома популярно объяснил мне, почему он не любит дармоедов и что меня ждёт во взрослой жизни, когда я выйду за ворота этой богадельни. Мои возражения насчет того, что в жизни надо заниматься любимым делом, он даже слушать не стал. На следующий год его стараниями я предпринял вторую попытку поступить в кулинарное училище. Я кое-как убедил себя, что быть поваром – не так уж и плохо. Я смогу поехать в город, найду работу в какой-нибудь столовке, и тогда мне позволят заботиться о Вовке, если он стал инвалидом после Чечни. Мысль, что я смогу отплатить старшему брату за всё, что он дал нам с Максиком, грела меня, и я терпеливо постигал мудрёную профессию.

Шёл восьмой год ожиданий. Я жил мелкими радостями и привилегиями старшего воспитанника детдома. Всю учебную неделю проводил в городе (меня там поселили в общежитии), на выходные возвращался в родные пенаты. В городе я был белой вороной, потому что не пил вместе с одногруппниками водку, а на дискотеках быстро уставал от громкой музыки. В училище у меня не было друзей: парни и девушки меня сторонились. Впрочем, я тоже сторонился их, потому что мои

сверстники казались мне примитивными созданиями. Все их желания сводились к тому, чтобы достать выпивки и заняться сексом.

Иногда я завидовал одногруппникам, но больше частью – жалел их. Не имея глобальной цели, какую имел я, они неслись по течению жизни, ослеплённые физиологией, и этим ничем не отличались от тараканов, вольготно проживавших вместе с нами в общежитии.

В детдоме я тоже выделялся из общей массы, потому что занимался несвойственной для старшего воспитанника работой: помогал повару тёте Маше, возился с младшими, не воровал, не пил, не дрался с деревенскими. Сироты на меня смотрели косо, но мои ровесницы, преодолевая страх перед моей странностью, пытались со мной заигрывать. Я не отвечал им взаимностью, но и не отталкивал – держал на нейтральном расстоянии детдомовской дружбы. Я жил в ожидании своего совершеннолетия, когда можно будет стать свободным человеком и начать поиски брата, и не хотел, чтобы любовные отношения помешали моим планам.

И вот в каникулы, 30 января, когда я пилил дрова за сараем, а Лерка Владимирова тёрлась рядом, всячески строя мне глазки, во двор въехал тёмно-синий, почти чёрный «Чероки». Он был не первой молодости, где-то середины девяностых, его заднее левое крыло недавно заменили, и оно выделялось более светлым цветом. Впрочем, пара дней по нашему бездорожью и слякоти – и от разницы в цвете не останется и следа. Я не видел номера машины, но точно знал, что приехал кто-то чужой: таких джипов я не помнил ни у местных чиновников, ни у здешних бизнесменов, которые частенько наведывались к нам с показушной благотворительностью.

Из джипа долго никто не выходил, и моё любопытство росло с каждой секундой. К тому же сквозь тонированные стёкла не было видно, сколько человек сидит в салоне.

– Как думаешь кто? – Лерка тоже наблюдала за машиной гостя.

– Не знаю, – почему-то шёпотом ответил я, и когда дверь водителя открылась, мне вдруг стало нехорошо. Я на секунду представил, как из джипа сейчас выйдут несколько бандитов и откроют стрельбу по сиротам. Я хотел предотвратить это, но не знал как, поэтому бросил Лерке: «Жди тут!» и шагнул навстречу неизбежности.

В следующую секунду я изумлённо замер: из джипа вышел Вовка. Он стал ещё плечистее и выше, и его мощную фигуру удачно подчёркивала короткая тёплая куртка и чёрные штаны, заправленные в армейские сапоги, какие носят десантники. Довершала портрет трёхдневная щетина, которая придавала лицу брата мужественности. Я не мог ни пошевелиться, ни произнести хоть слово. А Вовка, словно виделся со мной только вчера, привычным движением захлопнул дверцу, поставил машину на сигнализацию и только после этого улыбнулся.

Он всё так же чуть сильнее оттягивал правый уголок рта, из-за чего улыбка получалась немного скошенной вправо, как будто он по-доброму усмехался над неумелыми младшими братьями. Но эта улыбка стоила дороже всех сокровищ мира. Я задохнулся от сердцебиения и, наконец, смог сойти с места – бросился брату на шею, как будто мне всё ещё было десять лет. Вовка обнял меня, и я ощутил, какая сила появилась в его руках. Возможно, в детстве он просто не сжимал нас так крепко, как теперь.

– Я же сказал, что вернусь за тобой, – голос у него был бархатистый и такой родной.

– Почему ты раньше не приезжал? – я разжал руки и отступил на шаг. – Я думал, ты погиб.

– Мне надо было подготовиться, – Вовка виновато пожал плечами.

– К чему?

– Чтобы защи… – он запнулся и смущённо кашлянул. – Чтобы позаботиться о тебе и Максике. Проводи меня к директору.

У меня ноги подкашивались от радости, мне хотелось кричать, но я лишь сдержанно улыбался.

– Это твой брат? – спрашивали меня все, кто попадался нам на пути к кабинету директора.

– Да, – небрежно отвечал я. – Он приехал за мной.

– Что-то вы долго думали, Владимир Сергеевич, – мрачно вздохнул директор, перебирая документы, которые привёз брат. – А где представитель отдела опеки?

– Вы с ним уже встречались, не ломайте комедию, – сурово ответил брат. – Вы просили привезти документы. Я собрал их и привёз.

У меня неприятно ёкнуло сердце: значит, директор уже знал, что мой брат жив и что он хочет забрать меня, но не сказал мне ни слова. В который раз за эти восемь лет мне захотелось сломать о его голову стул.

– Здесь не все документы.

Вовка в одно мгновение помрачнел, и мне показалось, что сейчас он воплотит мою мечту в реальность.

– Все, которые были в списке.

– Вы служили в горячей точке, Владимир Сергеевич. Служили четыре года, поэтому мне мало стандартной справки от психиатра. Нужна справка из военкомата, что вас демобилизовали по собственному желанию, а не по медицинским показаниям.

– Как вы думаете, психиатр, выдавший мне эту справку, не поинтересовался моим военным прошлым? – Вовка подался вперёд, как будто собирался боднуть директора. – Я беседовал с двумя профессорами, прежде чем мне дали добро на опекунство.

– Когда комитет по защите прав детей спросит с меня эту справку, что я ему отвечу? – повысил голос директор. – Если положен набор документов, то должен быть набор документов.

– Почему же вы не уточнили это при нашей встрече в отделе опеки?

– Я думал, что эта справка у вас на руках, раз вы проходили психиатрическую экспертизу. Странно, что её не затребовали врачи.

Вовка встал, с шумом отодвинув стул:

– Завтра я буду здесь со справкой. Только попробуйте придумать ещё какую-нибудь причину, по которой я не смогу забрать Женьку!

– Завтра пятница, в отделе опеки неприёмный день, – ехидно заметил директор, но Вовка смерил его тяжёлым взглядом:

– Завтра я привезу справку!

Кивнув мне, он быстро вышел, и я сорвался следом за ним.

– Ничего, Жень, ничего, – брат ободрительно хлопнул меня по плечу. – Я вернусь за тобой, подождёшь?

– Я восемь лет ждал, подожду ещё один день, – улыбнулся я, стараясь как-то успокоить его.

– Каждый час на счету, Женька, – Вовка вдруг остановился и впервые за всё это время посмотрел мне в глаза. – Я так соскучился по тебе, что не могу ждать ещё один день.

Мы вышли во двор.

– Я завтра с утра возьму эту чёртову бумагу и сразу обратно.

– Вов, не торопись. Дороги плохие.

– Если завтра этого козла не будет на месте, я тебя выкраду, Женька. Собери вещи на всякий случай.

У меня опять участился пульс от этих слов: Вовка готов на похищение, лишь бы мы снова были вместе!

Я провожал его как в тумане. Я сам не ожидал, что появление брата так растрогает меня, и все мои силы уходили на то, чтобы не броситься за его машиной и не заплакать.

Весь следующий день я прождал Вовку. Если бы мне было десять лет, я бы прилип к окну и не отходил от него до вечера. Но мне было семнадцать с лишним, и я старался вести себя достойно: не показывал, как я волнуюсь и чутко прислушиваюсь к любому шуму, доносящемуся со двора. Я тайком, чтобы никто не заметил и не настучал директору, собрал свои вещи. Я ждал условного сигнала, готовый сорваться в любую минуту в бега. Но в тот день Вовка не приехал. Я надеялся, что он появится в субботу, но и она прошла без брата.

Что случилось? Почему он не приехал? Ладно, если ему просто не удалось взять справку. А если он гнал по трассе и не справился с управлением? Вечером я заглянул на кухню к тёте Маше (у неё всегда работало радио) и поинтересовался последними местными новостями: не было ли каких

аварий на дорогах. Она сказала, что ничего такого не слышала. Впрочем, журналисты сообщают только о крупных автокатастрофах с большим количеством жертв. А если на трассе просто перевернулся какой-то джип, – кому это интересно?

От волнения я не мог уснуть той ночью. В голову лезли дурные мысли, перед глазами стоял перевёрнутый и раскуроченный «Чероки» на обочине. Впервые моё сердце переполняла такая обида и злость на судьбу, что я задыхался.

Видимо, эти эмоции утомили меня, потому что я всё-таки заснул, а проснулся через пару часов от шума и ужасной суеты. Я подскочил на кровати и увидел дым. Разбудив своих соседей по комнате, я вытолкал их в коридор и велел бежать на улицу, а сам бросился в другое крыло, где находилась младшая спальня. Мне было ужасно страшно, но именно огонь и дым придавали мне сил. Очаг возгорания находился в том же крыле, поэтому выйти через двери мы уже не успели. Я стулом выбил стекло и стал передавать шестилеток через окно подоспевшему дворнику. Убедившись, что спальня пуста, я вылез в окно сам. Детей отвели в амбар, а я остался стоять посреди двора, наблюдая, как разгорается наш двухэтажный корпус. Огонь вырывался из окон, словно сам хотел спастись от страшной участи, и столько ужасного величия было в этих алых крыльях, что дух захватывало.

Когда приехали пожарные, крыло, в котором жили младшие ребята, почти полностью сгорело. Как огнеборцы разматывают рукава брандспойта и начинают сражение со стихией, я наблюдал уже из амбара. Младшие плакали, а я думал: вот он, идеальный шанс для побега. Пока меня хватятся, пока сообщат в розыск, пройдут сутки, а то и больше. За это время я мог бы уже добраться до областного центра, но я, как назло, в самый подходящий момент оказался не готовым бежать. Одет я был лишь в то, что успел натянуть в спальне: в джинсы, кроссовки и фланелевую рубашку. В таком виде февральской ночью далеко не уйдёшь.

Когда в борьбе с огнём наступил переломный момент, за нами из города пришёл автобус, чтобы отвезти в больницу и оказать помощь, если понадобится. Я помог усадить в него детей. Всех удивляло моё спокойствие, но я не был спокоен, я был равнодушен. Странная смесь событий лишила меня всяческих переживаний. Я ехал на заднем сидении автобуса, уткнувшись лбом в стекло, и думал, что теперь моя очередь отыскивать брата. Когда автобус свернул на шоссе, ведущее в город, мне показалось, что я увидел тёмный силуэт джипа, следующего за нами с выключенными фарами. Всего секунда и неясное видение – но в душе зажглась надежда.

На больничной стоянке мои ожидания оправдались: помогая выгружать младших, я заметил, как «Чероки» припарковался на противоположной стороне улицы. Никто не выходил из машины, как будто Вовка выжидал. Я понял, чего он ждёт: когда я замечу его. Вот он – сигнал к побегу!

– Это все? – спросила меня медсестра, встречающая детей в дверях приёмного покоя.

– Сейчас гляну в автобусе, – ответил я и вернулся на парковку. Убедившись, что взрослые заняты во всеобщей суматохе, я подбежал к джипу, открыл дверцу с пассажирской стороны и юркнул внутрь. Тепло салона обхватило меня уютным покрывалом.

– Молодца! – коротко бросил Вовка и бесшумно тронулся. Джип медленно проехал мимо больницы и свернул на первую же улицу. Там брат прибавил скорости, и моё сердце радостно застучало. Через пять минут мы уже мчались по трассе к границе с соседней областью. Я молчал, боясь нарушить такую прекрасную атмосферу побега.

– Согрелся? – наконец, спросил Вовка.

– Ага.

– Пожар – это ужас. Я боялся, что ты… Хотя… огонь нам не страшен, верно?

Его слова показались мне странными, но я всё равно кивнул.

– Голодный? Завтракать будем только через пять часов, не раньше. Надо оторваться от преследования.

Я снова кивнул и решился задать вопрос:

– Ты был там, когда дом загорелся?

– Да, я ночевал в машине, хотел выкрасть тебя рано утром, когда самый крепкий сон. А потом увидел всполохи и понял: не успел.

– Значит, справку ты так и не взял, раз решился на похищение?

– Директор же сказал: в пятницу приёма нет, – Вовка бросил на меня быстрый взгляд и улыбнулся: – Мне не хотелось затягивать с твоим вызволением.

Я не стал больше задавать вопросов. Мне было хорошо от одной мысли, что мы с братом снова вместе. Я положил голову на валик кресла и зачем-то произнёс:

– А Максика усыновила тётя Оля.

– Да, знаю. Его мы тоже заберём. Но сначала займёмся твоей личностью.

– Моей – чем?

– Документы сгорели вместе с детдомом, и ты теперь никто, – пояснил Вовка. – Это к лучшему, потому что так проще начать новую жизнь. А со старой нам стоит иметь как можно меньше общего.

– Почему?

– Потому что нас ищут нехорошие люди.

– Бандиты?

– Можно и так сказать.

– Зачем?

– Это я тебе расскажу чуть позже. Пока же у меня одна цель – забрать тебя и Максика. Со мной вы в безопасности.

– Его ты тоже выкрадешь?

– Это не так просто сделать: Петровы переехали в Болгарию, так что придётся действовать хитрее.

У меня дух захватывало от предстоящих приключений. Я вытянулся в кресле и зажмурился: начиналась новая жизнь.

Чужой брат

Пригревшись, я заснул. Никогда ещё до этого я не ощущал такого уюта. Словно весь мир, что окружал меня в беспорядке, наконец, гармонично сложился, как мозаика – деталь к детали.

Не знаю, сколько я проспал, но когда открыл глаза, было ещё темно. Причём как-то особенно темно, по-тревожному. Я не сразу понял, откуда это ощущение: Вовка гнал по шоссе с выключенными фарами. От страха у меня похолодела спина: дорога покрыта колючей позёмкой, один неверный поворот руля – и нас занесёт. Но только я открыл рот, чтобы попросить брата включить фары, как джип притормозил и аккуратно свернул на просёлочную дорогу. Всё так же в кромешной тьме, переваливаясь на ледяных накатах, мы двигались к чернеющему в лунном свете лесу.

– Вов, с фарами безопаснее, – робко заговорил я.

– Безопасней без них. Не хочу, чтобы какой-нибудь ранний молоковоз заметил нас.

– Но… ты разве видишь в темноте?

– Так же хорошо, как днём. В армии меня многому научили.

Я промолчал, не зная, как реагировать на такое заявление.

– Ты тоже многому научишься со временем.

Я не видел его лица, но чувствовал, что он улыбается.

Достигнув леса, мы съехали с дороги и встали между деревьев: Вовка каким-то непостижимым образом умудрился выбрать такое место, чтобы его огромная машина не провалилась в рыхлый снег. Заглушив мотор, он достал с заднего сиденья спортивную сумку:

– Переоденься. Только быстро.

И вышел из машины. Я заглянул в сумку: джинсы, футболка, свитер, тёплая куртка, сапоги. Я начал стягивать свою детдомовскую одежду, которая в один момент опротивела мне. Не знаю, сколько времени у меня ушло на переоблачение в темноте, но мне казалось, что я справился в рекордно короткие сроки. Когда я вышел из машины, Вовка стоял лицом к дороге, замерев в

странной позе – как будто напряжённо вслушивался во что-то. Я окликнул его. Брат вздрогнул, словно только что вспомнил о моём присутствии.

– Я готов, – пояснил я.

Он коротко кивнул, сгрёб мою старую одежду и свалил в кучу за джипом, потом полил всё это жидкостью из пластикового флакона и поджёг.

– Зачем это? – удивился я.

– Тебя объявят в розыск. Лучше избавиться от всех возможных примет. Переодевание, конечно, нас не спасёт, но уменьшит шанс выследить тебя.

Я смотрел, как живенько горят мои вещи, и мне казалось, что я на пороге какого-то удивительного и волнующего мира погонь, тайн и приключений. Дождавшись, когда этот погребальный костёр догорит, Вовка забросал золу и непрогоревшие подошвы кроссовок снегом, а я сел в машину. После огня тьма снова сомкнулась вокруг нас плотным кольцом. И единственным укрытием в этом новом и неизвестном для меня мире был джип «Чероки», а проводником – мой старший брат, умеющий видеть в темноте.

Когда мы выбрались на шоссе, Вовка включил ближний свет, и мы стрелой помчались дальше. Я прижался лбом к боковому стеклу, наблюдая, как бесформенные силуэты, отделяющиеся от кромешной тьмы в свете фар, стремительно приближались, превращаясь в дорожные знаки, сугробы, кусты и автобусные остановки. Я не знал, куда мы едем, да меня это и не интересовало: за братом я готов был идти хоть на край света. Именно так я себе и представлял тот день, когда он заберёт меня из детдома: мы будем ехать и молчать – каждый о своём. В этом молчании было наше единение. Как будто наши души после многолетней разлуки искали точки соприкосновения, чтобы снова прорасти друг в друга.

Когда начало светать, мы въехали в довольно крупный город в соседней области. Вовка уверенно вёл машину, сворачивая с улицы на улицу, а через пятнадцать минут мы остановились возле кафе быстрого питания.

– Один разок придётся поесть эту дрянь, – с сожалением сообщил брат. – Просто в кафе, где обслуживают официанты, мы можем запомниться, а для нашей безопасности лучше оставаться незаметными.

Я жадно ловил каждое слово, потому что понимал: чем быстрее я усвою правила новой жизни, тем быстрее она перестанет меня пугать.

Мы купили сэндвичи, кока-колу, картошку-фри и два куриных бедра.

– Куда мы едем? – спросил я, когда мы, наконец, сели за стол и начали завтракать.

– Домой. Надо залечь на дно и посвятить тебя в план. Потом сделаем тебе новые документы и двинем за Максиком.

У меня тревожно забилось сердце: Максик! Каким он стал? Узнает ли меня? Узнает ли Вовку? Примет ли нас?

– Ты ешь и слушай, – продолжал брат. – Если нас остановят менты, ты молчи. Разговаривать с ними буду я. Но если вдруг спросят тебя, откуда мы едем, скажи, что ты студент, учишься в Москве. Мы с тобой путешествуем и собираем фольклор для твоей курсовой работы. Можешь сказать, что я твой брат, только не называй свою фамилию. Представляйся моей.

– От кого мы скрываемся?

– Тебя вот-вот объявят в розыск, если уже не объявили. Нам надо добраться до дома и залечь на дно. Через неделю-другую менты успокоятся, и тогда я посвящу тебя в дальнейший план.

– Почему не сейчас?

– Потому что сейчас рано.

– Думаешь, я сдам тебя? – догадка так возмутила меня, что я даже есть расхотел.

Брат промолчал, опустив глаза в тарелку.

– Вов, я доверился тебе с первого момента, хотя мог бы и предъявить некоторые претензии. Ты вернулся из армии и четыре года пропадал невесть где, хотя обещал забрать меня из детдома. Или ты думал, что там средиземноморский курорт? Согласись, я имел право обидеться и вообще не

разговаривать с тобой, но я не скандалю. Единственное, что меня волнует – это наше будущее. Я хочу… я должен знать, что нас ждёт и как вести себя, если вдруг нас остановят и арестуют.

– Жень, расслабься. С ментами я разберусь – плёвое дело.

– Если дело такое плёвое, почему мы должны залечь на дно? Мы что… скрываемся ещё от кого-то?

– Об этом поговорим в более безопасном месте, – буркнул Вовка.

– Я не знаю, что ты натворил, но я всегда буду на твоей стороне. Просто скажи мне правду, – мой голос звучал, пожалуй, чересчур умоляюще.

– Ты не готов её воспринять.

– Я ждал тебя восемь лет. Думаешь, я её не заслужил?

Вовка отложил гамбургер и испытующе уставился на меня. Его взгляд было непросто выносить, но я выдержал.

– Это касается наших родителей, – наконец, выдал Вовка. – Точнее, их смерти. Она была неслучайной.

– В каком смысле?

– И твой, и мой отец погибли из-за нашей мамы. Люди, на которых она… работала, ищут нас.

– Чтобы отомстить?

– Женька, я тебе всё расскажу со временем. А сейчас я хочу, чтобы ты просто доверился мне и не задавал вопросов.

– Я верю, но задавать их буду.

Вовка смерил меня недовольным взглядом и продолжил завтрак. Я чувствовал, что с расспросами лезть к нему опасно, и не решался сказать хоть что-то. Так, в молчании, мы и доели свои сэндвичи и картошку.

В машине тоже какое-то время ехали в тишине. Вовка сосредоточенно глядел на дорогу, а я думал о том, как же сильно он был одинок. Даже музыку в машине не слушает – настолько привык быть наедине с собой. Но раз в его жизни теперь появился я, брату придётся мириться с моим обществом. И поскольку меня просто распирало от любопытства, а на сытый желудок я осмелел, то я начал разговор:

– Ты сказал, что наши отцы погибли неслучайно. Их убили?

– Можно и так сказать, – Вовка пожал плечами. – Они просто не выдержали. Никто из людей не может долго жить в гнезде дракона.

– Где?

Вовка поморщился, как будто ему сделали больно, а во мне вдруг стала разгораться непонятная злость.

– Гнездо дракона? Ты серьёзно? Это что, метафора какая-то?

– Жень, я хочу рассказать тебе правду, но не знаю, как это сделать, – на лице брата отразилось страдание.

– Просто скажи и всё!

– Это не метафора, это… Ну ладно, пусть будет метафора. Наша мама была… в общем, их… отряд называли драконами.

– И чем она занималась?

– Устраняла неприятности, – уклончиво ответил брат. – О деталях меня не спрашивай: я их не знаю. Но, видимо, они были не очень лицеприятные, потому что мама сбежала и долго скрывалась. Вышла замуж, родила троих детей – чтобы походить на обычного человека и замести следы. Она и нас пыталась защитить, но у неё не получилось. Поэтому она попросила меня…

– Мама?! – я аж на месте подскочил. – Хочешь сказать, что она не умерла?

Вовка ответил не сразу. Молчание тянулось долго, и я уже хотел повторить вопрос, как брат буркнул:

– Ладно, не бери в голову.

– Что значит «не бери в голову»?! – взвился я. – Ты только что сказал, что мама говорила с тобой. Что это значит? Почему она не приехала ни за мной, ни за Максиком? Она инвалид? Она в психушке?

Брат не отвечал.

– Скажи мне правду! – я вцепился в его куртку, не в силах больше сдерживать эмоции. – Я готов ко всему, даже к самому страшному. Вов, пожалуйста!

– Она умерла, – отрезал он. – Просто оставила мне послание.

– Его можно прочитать или прослушать?

– Я уничтожил его. Такова была её воля.

Я откинулся на спинку сиденья и скрестил руки на груди:

– И о чём было это послание?

– Она просила позаботиться о вас с Максиком и защитить от тех, кто преследовал её.

– И кто же они?

– Я толком не знаю…

– Тогда как ты защитишь нас? – усмехнулся я.

– У меня есть чёткие инструкции, не дрейфь! Доберёмся до места, и я передам их тебе, чтобы и ты смог уйти от преследования или постоять за себя в случае чего.

Впервые в жизни мне стало обидно. Мне казалось, Вовка таким образом самоутверждается: раздул из обычной истории какую-то великую тайну и мучает меня. Более того, я был уверен, что в итоге окажется, что мама не выплатила какой-то кредит или насолила какому-нибудь олигарху. Всего-то ничего, но Вовка сделал из этой истории шпионский детектив, чтобы манипулировать мной. Поразмыслив немного, я пришёл к выводу, что лучше мне стать равнодушным, чтобы брат потерял рычаги воздействия на меня.

Я умолк и уставился в окно, вспоминая события прошлой ночи. Мне казалось, что всё это произошло несколько лет назад – настолько далека уже была от меня моя прошлая жизнь.

Внезапно я осознал, что в пожаре сгорел мой mp3-плеер. Это была моя последняя покупка на сэкономленную стипендию и деньги за подработку. Плеер мне было намного жальче, чем телефон и кожаную «косуху». Телефон был старый, «косуха» жала в плечах, а плееру не исполнилось и двух месяцев.

– Слух на охоте – незаменимый инструмент. И он тебе ещё пригодится, – вдруг произнёс Вовка, а я вздрогнул: откуда он узнал, о чём я думаю?

Он же лишь слабо улыбался, как будто показал простенький фокус трёхлетнему ребёнку. Я назло ему промолчал. Пусть думает, что мне не любопытно.

Через час мы въехали в областной центр. Я никогда не выезжал за пределы родного края. Я и больших городов-то почти не помнил. Да что там – я боялся их. Привыкнув к деревенской жизни, а потом и к изолированному существованию в детдоме, я испытал настоящий стресс, очутившись в районном центре, где учился на повара. А тут – промышленный миллионник. Тьма машин. Суета, светофоры, толпы, высотные дома. Я вжался в спинку сиденья, стараясь не показывать, как мне не по себе, но, видимо, скрыть это было трудно. Вовка бросил на меня взгляд и улыбнулся. Он-то чувствовал себя уверенно, лавируя в потоке машин. Иногда его джип проходил в опасной близости от капотов и бортов наших соседей по дороге, и всякий раз у меня внутри всё замирало. К счастью, ехали мы недолго: машина свернула с широкой улицы на узкую, а потом въехала во двор, окружённый десятиэтажками. Вовка нашёл место для парковки и заглушил мотор. Я вышел из машины вслед за ним и, пока брат забирал из багажника увесистую спортивную сумку, я осматривался, гадая, в каком из этих домов-муравейников он живет.

– За мной! – коротко скомандовал Вовка, закинул на плечо сумку и зашагал через двор. Я шёл за ним. К моему удивлению, брат миновал этот двор и через арку в доме вышел во двор соседний. Мы миновали детскую площадку и оставили позади ещё одну десятиэтажку.

– Долго ещё? – не выдержал я.

Вовка не ответил, но я понял, куда он направляется. Торцом к нам стол ещё один панельный дом. Брат поднялся на крыльцо крайнего подъезда, набрал комбинацию на кодовом замке.

– Код я тебе позже скажу, – бросил он и открыл дверь, впуская меня.

Мы поднялись на десятый этаж. На площадке единственная дверь не имела номера, и вела она в Вовкину квартиру. Я с некоторым трепетом переступил порог. Мне вдруг вспомнилась наша квартира, в которой мы жили с родителями: светлый линолеум, обои с геометрическими узорами, нашу с Максиком комнату в сине-белых тонах.

Квартира Вовки была типичным примером холостяцкой берлоги. Минимум мебели, а имеющаяся – не самая новая, скорее всего, купленная с рук по объявлению. Комнат было две. Одна располагалась прямо напротив входной двери, а другая – правее по коридору. С левой стороны коридор заканчивался дверями в ванную и туалет и проходом в кухню.

– Твоя – там, – Вовка махнул рукой вправо, но я и сам догадался, какую комнату он мне определил – подальше от двери, чтобы я не смог сбежать незамеченным. Вовка снял куртку, разулся, прошёл на кухню. И хотя жилище брата мне понравилось, я чувствовал себя скованно в нём, даже в свою комнату вошёл с осторожностью, как в кабинет директора.

Из мебели здесь был только диван, шкаф и стол у балкона. Даже стульев не было. Я прошёлся до окна.

– На балконе есть лестница. Она достаёт до крыши: на её конце есть крюки. Так что в случае опасности можно сбежать, – продолжал брат. – В подъезде тоже есть выход на крышу. Это на случай, если побег через окно будет невозможен.

Я не произносил ни слова, хотя моё сердце билось учащённо, как будто нам сейчас предстояло лезть на крышу и скрываться от погони.

– Машину я всё время ставлю в разных местах и подальше от дома. Во-первых, так она не указывает на место, где я живу. Во-вторых, пока идёшь от машины до подъезда или обратно, успеваешь понять: следят за тобой или нет.

– И что делать, если следят?

– Продолжать движение. Но не заходить в подъезд и не садиться в машину. Пока ты двигаешься, они не нападут, зато ты сможешь выяснить, кто тебя ведёт, и оторваться от хвоста.

– Ты параноик. Хочешь и меня таким сделать?

– Очень надеюсь, что с опасностью ты столкнёшься, когда хоть немного будешь уметь сопротивляться ей.

Я закатил глаза.

– Сегодня из дома не выходи. Я вечером схожу в магазин и заодно разведаю обстановку. А завтра у нас будет насыщенный день.

– Будем подбирать мне парик и усы? – не сдержался я.

– Примерно так, – кивнул Вовка. – Пойдём на кухню. Я приготовлю что-нибудь на обед и заодно посвящу тебя в планы.

Мне очень хотелось предложить свою помощь, ведь я всё-таки на повара учился, но я сдержался. Лезть в привычную жизнь человека, хоть он и твой брат, было неловко. И я молча сидел на табуретке в углу, наблюдая, как неуклюже Вовка разделывает курицу.

– Я не собираюсь устраивать казарму, но будет лучше, если ты первое время не станешь мне перечить. Всё, что я буду говорить, продиктовано вопросом твоей, да и нашей безопасности.

Я скептически качнул головой, и Вовка, словно уловил этот жест, хоть и стоял ко мне спиной, начал подробно пояснять свои слова:

– Во-первых, тебя уже объявили в розыск. И пока мы не добудем тебе новые документы, на улице лишний раз в одиночку лучше не мелькать. Во-вторых, надо сделать тебе защиту. Она, конечно, не скроет твои следы, но зато поможет, если вдруг дойдет до нападения. В-третьих, как следует из предыдущего пункта, я должен научить тебя обороняться. В этом я вижу трудность, потому что большого доверия ты ко мне не испытываешь. Пока его нет, я не смогу разбудить твою сущность.

– Ты говоришь загадками. Какое тут может быть доверие?

– Скоро ты получишь ответы на все вопросы.

– Например, где ты встретился с мамой?

– И на этот тоже.

Пока у меня не было оснований не верить Вовке: он всегда сдерживал обещания. Вряд ли эта черта его характера изменилась с годами.

– Я понимаю, что ты взрослый парень и что у тебя может быть своё мнение на происходящее, но я прошу тебя об одном: беспрекословно выполняй мои приказы. Вернее, он будет всего один, и я хочу, чтобы ты пообещал, что выполнишь его во что бы то ни стало.

– Я не могу этого пообещать, пока не узнаю, что за приказ.

– Оставлю за тобой право поступать, как ты хочешь, во всех ситуациях, кроме тех, где твоей жизни будет угрожать реальная опасность. В такие моменты надо действовать быстро и по определённому алгоритму, который неопытному бойцу ещё предстоит усвоить. Я не уверен, что тебе хватит опыта и знаний поступить правильно, поэтому ты должен следовать моим приказам.

Я ухмыльнулся, и это задело Вовку.

– Я обещал маме защищать вас с Максиком. И я буду делать это, даже если ты пошлёшь меня к чёрту и сбежишь сегодня ночью.

В его голосе было столько отчаяния, что мне стало жалко брата.

– Хорошо, я буду выполнять твои приказы, – пообещал я. – Только не думай, что сможешь командовать мной в ситуациях, когда не будет идти речи о жизни и смерти. Я сам буду решать, когда мне ложиться спать и покупать или нет плеер.

И хоть я не видел лица брата, я почувствовал, как он улыбнулся.

Обед он приготовил довольно сносный. Я бы, конечно, сделал это намного быстрее и вкуснее, но всё равно с удовольствием стрескал свою порцию. Пока мы ели, разговаривать было некогда, но когда стали пить чай, повисла неловкая пауза, которую мне хотелось хоть чем-нибудь заполнить. Я мучительно подбирал тему, чтобы не возвращаться к тем тайнам, которыми меня заинтриговал брат, но ничего не получалось. Спас ситуацию Вовка.

– Чем ты занимался в детдоме?

– Ничем. Жил, учился, – я пожал плечами. – Последние три года – в кулинарном училище.

– То есть ты почти дипломированный повар?

– Почти.

– Это хорошо, потому что готовить я не люблю, – признался брат. – С радостью доверю тебе эту сферу.

– Ладно, – мне было приятно слышать это. Вообще, я привык, что мне доверяют важные вещи, и потому неожиданное перераспределение обязанностей мне польстило: ведь брат не знает, как я готовлю, но уже всецело полагается на меня.

– А ты чем занимался после армии? – в ответ поинтересовался я.

– Расследовал смерть родителей, тренировался, искал способы, как защитить вас с Максиком.

– И как расследование? – я старался унять нетерпение в голосе.

– Прокуратура, как всегда, нашла удобную для всех версию и закрыла дело. Мой отец погиб при исполнении, а твой – в результате несчастного случая. Но я нашёл доказательства, что и в том, и в другом случае это было самоубийство. Мой отец во время перестрелки вышел из укрытия на линию огня, твой крутанул руль и пробил заграждение моста.

– Очень оригинальный способ свести счёты с жизнью…

– Он не оригинальный, он спонтанный. Знаешь, как короткое замыкание.

– И как же ты пришёл к такому выводу?

– Для начала отмёл версию следствия, – охотно стал пояснять Вовка. – Там говорилось, что отчима ослепило встречное солнце, он неадекватно оценил ситуацию на дороге, начал уходить от мнимого столкновения, а поскольку скорость была большой, то не справился с управлением и вылетел с моста. Эта версия нежизнеспособна по двум причинам. Первая – двадцать второго июня в

одиннадцать тридцать солнце стояло высоко над горизонтом и светило с пассажирской стороны, поскольку машина ехала на северо-восток. Вторая причина – одна фотография, которую я случайно нашёл в подшивке старых газет, – Вовка вышел из кухни и через пару минут вернулся с толстой пластиковой папкой. – Собственно, этот снимок и подвиг меня начать собственное расследование. Я даже нашёл фотографа и сделал оригинальный отпечаток с плёнки.

Брат протянул мне фотографию 20 на 30. На ней на асфальтовой площадке дети в костюмах из листьев и травы, с разукрашенными краской лицами танцевали некое подобие ритуального танца.

– День Нептуна в детском оздоровительном лагере «Росинка». Концерт начался в половине одиннадцатого утра, выступление этого отряда пришлось примерно на время гибели родителей. Лагерь находится в трёх километрах от моста.

– И что? – я напряжённо вглядывался в фигурки детей.

– Ничего не замечаешь? Я вот сразу обратил внимание. Посмотри на асфальт и на небо.

Я взглянул в верхнюю часть снимка: всё небо было затянуто тучами.

– Видишь лужи на асфальте? – Вовка ткнул пальцем в фотографию. – Ночью шёл дождь и он продолжался и днём. Мне об этом фотограф рассказывал, и крапинки на одежде вожатой подтверждают его слова. Поэтому никакое встречное солнце не могло ослепить твоего отца.

Я продолжал с усердием разглядывать детали снимка, словно мог увидеть в них ответ на вопрос, что же заставило успешного медицинского юриста Сергея Тартанова угробить себя и свою жену и оставить сиротами троих детей.

– Я тоже долго ломал голову над тем, почему твой и мой отцы так бездумно распорядились своими жизнями. Всего один момент, но стопроцентный. Приняли ли они такое решение мгновенно, или вынашивали план самоубийства несколько месяцев, ожидая удобного случая? – Вовка провёл рукой по лицу. – Меня это ужасно мучило. Я буквально места себе не находил. Но когда познакомился с Горынычем, он мне раскрыл глаза на многие вещи. В том числе и на смерть родителей.

– Он убедил тебя, что это было самоубийство?

– Нет, он помог сплести в единую картину всю ту информацию, которую я собрал в ходе расследования. Если хочешь, я познакомлю тебя с деталями.

– Будь добр.

– Я старался подробно описать это в дневнике, и будет лучше, если ты прочтёшь его, – Вовка взял у меня фотографию и убрал обратно в папку. – Мне самому неловко рассказывать об этом.

Я покачал головой, как будто понимал природу этой неловкости. На самом деле ничего я не понял. В моей душе лишь зародились неприятные догадки: что такого могло произойти с нашими отцами, если брату неловко об этом говорить?

– Ты не показывал своё расследование прокурору? – спросил я, чтобы отделаться от мыслей.

– А смысл? – Вовка слабо улыбнулся. – Дело закрыто, состава преступления нет ни в официальной версии, ни в моей. Я просто должен был выяснить правду, должен был понять природу своей сущности, её сильные и слабые...

– О какой сущности ты всё время говоришь? – нахмурился я.

Вовка взял паузу, смотрел на меня из-под бровей, наклонив голову вперёд. Я видел, что ему очень хочется чем-то поделиться со мной, но он не доверяет мне. Боится, что я сбегу или сдам его властям. Возможно, у него есть какая-то проблема типа алкоголизма, справиться с которой в одиночку он не в силах. Правда, ни на алкоголика, ни на наркомана Вовка не походил. Возможно, у него имелась не такая приметная, но не менее пагубная зависимость – клептомания, например, или тяга к азартным играм. Может быть, даже какое-то сексуальное расстройство или маниакальная страсть к извращённым убийствам.

Мне стало страшно. Так страшно, как будто я увлёкся погоней за бабочкой и вдруг оказался в глухом лесу, окружённый людоедами. Я проворонил момент, когда безопасное место стало опасным. Я так сильно ждал возвращения брата, что даже мысли не допускал, что за восемь лет он может измениться до неузнаваемости. Мне вдруг вспомнились слова директора детдома, который

требовал с Вовки справку, что из армии он ушёл по причине окончания срока контракта, а не по причине психического или иного расстройства.

Однако и за этот страх мне было стыдно. Неужели братские узы уже ничего не значат для меня? Неужели я готов бросить Вовку только потому, что он мучается нестерпимым желанием что-нибудь украсть?

Я моментально поменял нас местами и представил, как бы повёл себя брат, обнаружься у меня такая мания. Он бы не отступил. Он возил бы меня по врачам. Был бы рядом в моменты приступов. И даже если бы я кинулся на него с ножом или в припадке оскорблял его, он ни за что бы не оставил меня. А я-то вот трусливо поджал хвост и малодушно подумывал о побеге.

Мне стало противно от своей трусости. Настолько противно, что я мог бы ударить себя, будь я один в комнате. Брат пожертвовал бы всем, чтобы излечить меня, а я не был готов даже выслушать его, не позволяя поделиться с близким человеком своей «страшной тайной». И ведь вполне допустимо, что именно эта возможность поделиться, это доверие и были основным лечением. Теперь я был почти уверен, где Вовка пропадал четыре года после окончания службы: лечился от своей мании, боролся с негативной стороной той сущности, о которой пытается мне сказать. Он избавлялся от своих демонов в одиночку, чтобы предстать передо мной нормальным человеком, но в какой-то момент понял, что без помощи брата ему не обойтись, и потому приехал за мной.

Все эти мысли огромной волной нахлынули на меня, а потом, как водится, отступили, оставив на полосе прибоя неприглядные останки моего малодушия. Думаю, Вовка заметил те чувства, которые я испытал во время этого странного прилива. Потому что глаза его сначала смотрели испытующе, а потом потеплели.

– Я говорю о сущности нашей мамы, которая передалась и нам – мне, тебе, Максику. Это… странное свойство… убило наших отцов. Люди не могут долго находиться рядом с его носителем: они просто сходят с ума. Мы трое – были маленькими, и наши сущности ещё не окрепли в то время. Можно сказать, мы были почти безобидными. А вот мама была сильной, потому что она стопроцентный… – брат споткнулся и произнёс едва слышно: – …дракон. Мы же с тобой и Максик – помесь, поэтому наши способности начинают проявляться не с рождения, а на исходе второго десятка лет.

– Погоди-погоди, – я чувствовал, что сейчас утрачу нить разговора. – Ты опять сказал это слово – «дракон».

Вовка смерил меня взглядом, словно оценивал, какую дозу бредовой информации я смогу переварить.

– Ты не ослышался, она дракон. А мы – дракоиды.

Я прыснул со смеху:

– Ты ведь говорил, что это какой-то отряд. Разве такое передаётся по наследству?

– Тогда я назвал это отрядом, чтобы немного смягчить правду. Иначе ты бы мне не поверил.

– Хочешь сказать: драконы существуют? – я уже хохотал, не сдерживаясь.

– Я понимаю, что тебе трудно осмыслить всё это, поэтому постараюсь как-нибудь попроще рассказать, – Вовка отложил папку и уставился на меня. – Скажем так, один из экспериментов генных инженеров позволил скрестить ДНК дракона с ДНК человека…

– В каком НИИ это было?

– Не здесь.

– Ну где «не здесь»? В России, в США, в Японии – где?

– Это было сделано не в этом мире и не людьми.

– Но из людей, – мне было до слёз обидно. Я столько лет ждал возвращения брата, я был готов принять его любого: безногого, парализованного, оглохшего – с любым физическим недугом, но только не сошедшего с ума. Я не знал, что делать в такой ситуации. Интуитивно я чувствовал одно: не надо убеждать брата в том, что драконов не существует. Пока он псих тихий, не стоит выводить его из этого равновесия. Но что мне делать дальше, я не представлял. Уж точно не бежать. Побег и в моей, и в жизни брата всё изменит в худшую сторону: меня вернут в детдом, где я буду дожидаться

совершеннолетия, чтобы потом пойти в армию, вернуться к разбитому корыту и начать потихоньку обустраивать свою жизнь. Вовку, скорее всего, арестуют и упекут в тюрьму или в психушку, где я его буду навещать, отслужив в армии. К тому же я чувствовал, что не смогу бросить брата сейчас, в таком состоянии. Ведь он не виноват, что война покалечила его мозги, а если ещё и родной человек от него отвернётся…

– Ты можешь уйти в любую минуту, я не буду препятствовать, – после недолгого молчания заговорил Вовка. – Но я тебе советую остаться и во всём разобраться, потому что от меня сбежать ты сможешь, но убежишь ли ты от себя? Твоя сущность будет крепнуть год от года, и в один прекрасный момент ты поймёшь, что больше не можешь её контролировать. Она будет управлять тобой. Я знаю, о чём говорю, потому что сам столкнулся с этим в армии. Изнурительные марш-броски и множество ненужной работы, которую мы делали, не спасали меня от приступов, а те становились всё сильнее. Я боялся, что в мирной жизни не смогу заглушить это и сойду с ума, поэтому остался на контрактную службу. Но она не только не спасла меня, но и всё усугубила. Я не хочу, чтобы ты повторил этот путь. Поэтому я готов помочь тебе прожить этот период с наименьшими потерями.

– Вов, не обижайся, но всё это звучит…

– У тебя уже начались головные боли?

– Н-нет, – я пожал плечами, хотя в последние два месяца у меня трижды случались сильнейшие, до темноты в глазах, мигрени. Я списывал это на свои хождения без шапки в мороз.

– Значит, это не за горами, – продолжал Вовка. – Ужасные боли, но, слава богу, кратковременные. Самая продолжительная у меня была семь минут. Это случилось как раз во время построения на плацу. Я чуть в обморок не упал – настолько сильно меня скрутило. Такое ощущение, что у меня из головы росло дерево и ветвями ломало череп. Хорошо, что друзья меня подхватили, а то бы я точно грохнулся. Поэтому, когда у тебя начнётся что-то подобное, скажи мне, я помогу.

– Хорошо, – согласился я. В то, что головные боли могут указывать на какую-то особенность происхождения, я, конечно, не поверил.

– Второй симптом – мелкие пророчества, как я их называю. Когда ты сначала за несколько секунд, потом за несколько минут, а потом и часов знаешь, что именно случится. Поначалу меня это забавляло, но потом умение крепло, и я начал использовать это в своих целях. Играл в карты на деньги. Я в точности знал, какая карта кому придёт, поэтому повышал ставки или вовремя выходил из игры.

Со мной такого точно не случалось. Разве что я пару раз угадывал, какой билет мне достанется на экзаменах.

– Это так ты научился читать мысли? – спросил я, и мне показалось, что брови брата дрогнули. Он явно не ожидал такого вопроса.

– Нет, это умение я освоил недавно, – смущённо признался он. – И не всегда ещё получается.

– То есть ты можешь влезть в голову к любому человеку?

– Теоретически – да, но делаю это очень редко. То, о чём думают люди, между нами говоря, или скучно, или довольно мерзко.

– А ко мне зачем влез?

– Хотел знать, не обидел ли тебя. Больше не буду так делать, обещаю.

– Ладно.

Разговор расклеился. Эти неловкости в общении меня тяготили. Я боялся, что за восемь лет мы стали настолько чужими, что нам уже никогда не избавиться от долгих пауз и мучительного подбора темы для разговора.

– Если хочешь, можешь принять душ, – Вовка взялся мыть посуду.

Душ был прекрасным способом избежать неловкости, поэтому я воспользовался этим спасением.

Дневник

Я ворочался уже больше часа. Мне не спалось на новом месте. Не хватало привычной возни в комнате, а звуки, доносящиеся из соседних квартир, будоражили. Где-то плакал младенец, на улице то и дело срабатывала сигнализация у чьей-то машины, а в промежутках между её воем лаяла собака. Я ворочался с боку на бок, отбиваясь от мыслей про детдом. Я ненавидел его восемь лет, и вот сейчас, отдалившись на несколько сотен километров, я ощущал тоску по нему. Хватились ли меня? Если да, то кто первым заметил моё отсутствие? Какие версии возникли у директора? Думает ли он, что меня похитили, или уверен, что я сам дал дёру?

Время перевалило за час ночи, а у меня сна не было ни в одном глазу. В детдоме от бессонницы помогал кусочек хлеба, припрятанный с ужина. В первый год сиротства я вообще плохо спал, но сжевав хлеб, я ощущал во рту его кисловато-мучной привкус, напоминавший мне деревню и бабушку, чувствовал, как на меня нисходит покой, и только после этого погружался в сон. Сейчас я тоже решил немного перекусить, чтобы снять состояние тревожности. Например, выпить кофе. Этот напиток действовал на меня не так, как на остальных людей. Даже после маленькой чашечки меня клонило в такой сон, с которым я едва мог бороться. Правда, я не знал, есть ли у Вовки кофе.

Проходя мимо комнаты брата, я заглянул в неё через приоткрытую дверь. Я не знал, спит ли он, но мне очень хотелось, чтобы не спал: я отчаянно нуждался в компании в свою первую ночь в незнакомой обстановке.

Вовка стоял, глядя в окно, в той же напряжённой позе, как тогда, у леса, когда я переодевался в джипе. Только сейчас от лица Вовки на стекло падал розоватый свет, будто брат держал в зубах фонарик. Я замер, вглядываясь в его силуэт, пытаясь понять, что с ним происходит.

– Мне надо отлучиться, но я боюсь оставлять тебя, – тихо произнёс Вовка, и голос его показался мне необычно глубоким и низким.

– Мне не пять лет.

– Именно поэтому ты можешь сбежать.

Отсвет на окне погас, и Вовка медленно обернулся.

– Не могу уснуть на новом месте, – признался я.

– Это моя вина, прости. Я разведывал обстановку, и это взбудоражило тебя.

– У тебя есть кофе?

– Есть. Но если тебе не спится, можешь пойти со мной на охоту…

От этого предложения внутри меня что-то дрогнуло, и я ощутил явный раскол. Одна часть меня затрепетала в радостном предвкушении, другая замерла от страха.

– На кого ты будешь охотиться? – поинтересовался я.

– Увидишь.

Я колебался. Конечно, охота, как и любое другое общее дело, могла помочь нам с братом сблизиться, но в этот раз страх победил любопытство.

– Нет, Вов, я не пойду.

– Как скажешь, – он пожал плечами. – Я вернусь быстро.

– Мне придётся освежевать тушку и приготовить её завтра на обед? – пошутил я, и брат, к моему удовольствию, рассмеялся.

– Хоть это и прозвучит глупо, но ты лучше не выходи из квартиры, – он хлопнул меня по плечу, быстро обулся, накинул куртку и стремительно вышел за дверь.

Я прижался к ней ухом, слушая, как удаляются шаги по лестнице. Я для верности подождал ещё минут пять, а потом бросился в комнату брата: меня распирало от любопытства, даже руки подрагивали. Я включил свет и огляделся. Моё внимание сразу привлёк пластиковый книжный шкаф – с обшарпанными углами и отошедшей кое-где обивкой. Верхние две трети занимали прогнувшиеся под тяжестью книг полки. Я бегло прошёлся взглядом по корешкам книг.

Складывалось впечатление, что библиотеку собирали несколько разных человек. Здесь была и классика (я заметил Жюля Верна, Бальзака, Гофмана, Купера), их разбавляли представители мистической литературы – По и Лавкрафт. Кроме того, я насчитал штук десять романов в стиле фэнтези, столько же детективов Чейза, учебник по физике Фейнмана, самоучитель по кунг-фу,

энциклопедию огнестрельного оружия, эзотерические книги, несколько потрёпанных журналов «Юный техник» восьмидесятых годов и, что меня привело в искреннее недоумение, три толстых сборника сказок народов мира.

Исследовав полки, я присел на корточки и распахнул дверцы шкафа, занимающего нижнюю треть. От увиденного у меня быстрее забилось сердце: тут располагалась целая кладовая настоящих сокровищ, о которых мечтает каждый мальчишка.

Первое, что я заприметил, – меч в ножнах. Пока я не взял его в руки, я был уверен, что это муляж или игрушка. Но стоило мне приподнять его над коробками, на которых он лежал, я сразу понял, что имею дело с настоящим боевым оружием. Я аккуратно достал его, вынул из ножен. Сталь отразила свет лампы, и я буквально всем своим существом ощутил опасность данного предмета. Затаив дыхание я рассматривал его несколько минут.

Меч был скромный и изысканный одновременно: обычная чёрная рукоять с простым навершием, украшенным витиеватой буквой В. Позже я узнал, что брат ставит этот вензель на все свои изделия – как клеймо мастера. Перекрестье оружия было прямым, но имело на концах мыски, направленные в сторону лезвия. В центре гарды красовался узор – сплетение металлических нитей, напоминавшее морду дракона. Такие же нити, переплетённые в форме гибких тел с массивными головами, расходились от середины перекрестья к мыскам. Гарду с клинком скрепляла выпуклая и продолговатая капля, словно бы стекающая с лезвия к рукояти.

Сам клинок заслуживал отдельного описания. В верхней части его полотна с каждой стороны имелось по выступу. Мне почему-то представилось, что они выполняют роль стопперов и не дают клинку проникнуть глубоко в тело. От этих мысков начинался дол, а сталь вокруг него была украшена узорами из тёмного серебра. Приглядевшись, я понял, что это не просто узор, а какие-то письмена, может, даже заклинания, написанные на не известном мне языке.

Я осторожно прикоснулся к острию, и на коже тут же выступила кровь: заточен меч был, как хирургический скальпель. Сунув порезанный палец в рот, я убрал оружие и продолжил поиски.

На этот раз мой взгляд упал на не менее притягательный, но столь же опасный предмет – пистолет. Это был девятимиллиметровый «Стечкин». В оружии я разбирался слабо, но когда мне было двенадцать, в наш детдом привезли гуманитарную помощь, собранную по всему району, – одежду, игрушки, книги, предметы гигиены. В этих книгах помимо сказок, замшелых советских романов и букварей я отыскал энциклопедию Александра Жука «Револьверы и пистолеты XX века» и проглотил её за три вечера. К сожалению, больше возможности пополнить свои знания у меня не было, но те, что имелись, позволяли мне по достоинству оценить оружие брата. Помня, как наказал меня за любопытство меч, я с ещё большей осторожностью вынул «Стечкин» и сжал его рукоятку. Увесистый и холодный, он рождал страшное чувство неотвратимости смерти. Мне ужасно хотелось выстрелить. И не просто в пустоту ради звука и отдачи, а по мишени – по движущейся мишени. Хотелось увидеть, как поразит её пуля. Хотелось насладиться своей властью над чужой жизнью. Эти ощущения испугали меня, и я поспешил убрать оружие на место, чтобы перейти к менее воинственным вещам.

Возвращая «Стечкина» в шкаф, я заприметил рядом с ним пухлый блокнот, у которого вместо переплёта были три толстых кольца. Я открыл его и понял, что нашёл то, что искал.

Первые страницы были посвящены расследованию смерти Вовкиного отца. Сюда брат записывал вопросы, возникающие в ходе расследования, ответы на них фигурантов дела, различные собственные версии и факты. Одна из страниц сверху донизу была исписана фамилиями и телефонами сослуживцев Сергея Ермоленко, напротив которых стояли различные пометки. Например, «уволен», «на пенсии», «бизнесмен». Меня больше всего заинтересовала пометка «жесть!!!» возле фамилии старшего лейтенанта Здоряги. Расследование смерти инспектора ГАИ плавно перетекло в дело об автокатастрофе, в которой погибли мой отец и мама. Я запоем читал эту запись, надеясь отыскать в ней указания на то, что мама жива. Однако Вовка писал про какие-то знаки, про ухудшение психического состояния Сергея Тартанова, про несостыковки в версии следствия.

Стоит отдать брату должное: он проделал трудоёмкую и кропотливую работу. Он не только не ленился встречаться и разговаривать с каждым, кто мог пролить хоть какой-то свет на произошедшее, но и подробно всё описывал. Такое ощущение, что он носил с собой диктофон, а потом расшифровывал запись, делая пометки о том, как говорил человек, с какой интонацией и как себя вёл во время разговора. Я всё ждал, когда же он сведёт воедино все возникшие у него и его собеседников версии и, как в детективе, напишет, кто убийца, но Вовку что-то отвлекло от развязки. Среди записей о расследовании стали появляться заметки, явно выделяющиеся из общей канвы. «Встретиться с Горынычем» – было написано чёрной пастой, а рядом синей и печатными буквами приписано: «5 т.р. втор.» Видимо, Горыныч обещал оказать какую-то услугу за пять тысяч рублей, которые надо было принести во вторник. На следующей странице я опять увидел такую же запись: «Горыныч воскр. за будкой». Ещё через лист – «Шу тел. у Горыныча» и приписано зелёной пастой: «Одеться!!!».

Теперь я уже читал о расследовании вполглаза: меня больше волновали эти хаотичные пометки. Только из них одних можно было составить вполне себе детективную историю.

«Шу. Ключи, деньги, брасл. Суб. 22:40»

«Двуглавый в городе»

«Заточка для охоты. От Горыныча пятн.»

«Двуглавый свил гнездо»

«Срочно найти Шу!!!»

«Элебет. Два дня»

«Камни на лечение Кота»

«Охота с Шу сред. Заклинание!»

«Убить бона, кот. ранил Кота»

«Двуглавый на месте»

Я понимал, что Шу, Горыныч и Кот – это друзья Вовки. Было так же очевидно, что двуглавый (кстати, это слово брат всегда писал со строчной буквы) – это какой-то авторитетный и уважаемый парень. Правда, ни о ком, кроме него, брат не сообщал личных подробностей. Все перемещения этого авторитета удостаивались отдельной записи, а вот о том, что какой-то бон ранил Кота и тому требуется лечение, я узнал между прочим, мимоходом. Ну и соответственно, камни, которые надо было достать брату – это драгоценности для взятки врачу. Наверное, чтобы тот не сообщал о раненом в полицию.

К слову сказать, когда на страницах дневника стала закручиваться история с Шу, Котом и двуглавым, брат перестал писать о расследовании, так и не вынеся заключительный вердикт. Теперь дневник состоял из схем с описанием странных существ, целые абзацы текста были написаны какими-то иероглифами. Я бегло просматривал их, отыскивая заметки про таинственных друзей брата, пока не наткнулся на три слова. Они были написаны крупными печатными буквами, каждый элемент из которых был несколько раз обведён ручкой, поэтому не заметить данное послание было невозможно. К сожалению, никакой смысловой нагрузки эта фраза не несла, просто набор букв.

Знаки на теле

Проснулся я от того, что кто-то тронул меня за ногу. Я открыл глаза и увидел Вовку, который укрывал меня пледом. Сам я лежал на полу, рядом валялся открытый дневник. Я не помнил, как это случилось, но сейчас осознал, что отрубился во время чтения, и брат застал меня за моим шпионским занятием. Мне стало ужасно стыдно. Я сел, лихорадочно придумывая оправдание.

– Извини, я старался не разбудить тебя, – вздохнул Вовка.

– Слушай, я… мне ужасно неудобно, что я…

– Не оправдывайся. Все моё – твоё. Конечно, кроме этого, – брат задрал левый рукав и продемонстрировал свой браслет. – Можешь читать и смотреть всё, до чего сумеешь добраться. Тем более этот дневник я писал для тебя.

Я не знал, что сказать. Брат протянул мне руку, помог встать, а потом поднял с пола блокнот.

– Я сам виноват. Надо было сразу отдать его тебе. Только предупредить о ловушках.

– Каких ловушках?

– Заклинаниях. Дневник мог попасть в чужие руки, поэтому я расположил на его страницах заклинания-ловушки. Они написаны крупным шрифтом и бросаются в глаза, как только перевернёшь страницу. Человеческий глаз так устроен: невольно улавливает то, что выделяется из общей массы. Ты и уснул потому, что прочитал заклинание сна. Люди от этого заклинания спят до тех пор, пока их не разбудят. Хороший способ ловить воров.

Я смутился ещё больше, и Вовка понял, что его слова вызвали не тот эффект, на который он рассчитывал, и поспешил исправиться:

– У меня раньше оно на стене было написано напротив двери. И ещё одна скрытая ловушка была в этой комнате. Растяжка, как на минном поле. Вор заходит, задевает её ногой, но ничего не взрывается, конечно. Просто сзади него с шорохом разворачивается плакат, на котором написано то же заклинание. Вор невольно оборачивается на звук, читает слова и засыпает на месте. Но я убрал всё перед твоим приездом.

– Хитро придумано, – я кивнул на блокнот.

– Там есть ещё заклинание забывчивости: человек забывает всё, что было с момента точки отсчёта. Есть и заклинание гипноза. Прочитав его, человек начинает выполнять всё, что написано далее.

– Смотрю, ты неплохо подстраховался.

– Если бы ещё эти страховки работали на сто процентов, – Вовка подбросил тетрадь на руке и положил её на стол. – Человек может пролистнуть страницу с заклинанием, может защититься от него тайным знаком. Дневник может попасть в руки существа, на которого не действует заклятье. Поэтому я важные вещи писал на других языках. Есть надежда, что читающий ими не владеет.

– Я точно не владею.

– Я тебе расскажу, что там написано. Если ты захочешь это знать.

– Для начала расскажи, кто такие Горыныч, Шу и двуглавый.

– О! – Вовка расплылся в улыбке. – К Горынычу мы с тобой поедем на следующей неделе. С Шу ты познакомишься в апреле: раньше просто нет смысла везти тебя. Насчёт двуглавого не знаю. Пока он не изъявил желания встречаться с тобой, и поэтому я вряд ли имею право рассказывать тебе о нём.

– Понятно. Ты поохотился?

– По мне не видно?

Я окинул брата взглядом. Выглядел он посвежевшим.

– Если у тебя есть какие-то вопросы по записям – задавай, – Вовка сел на свою кровать.

– Ты не закончил расследование.

– Закончил, просто не стал писать его результаты. Во-первых, потому, что сам долго не мог принять это. Во-вторых, глаза на произошедшее мне раскрыл Горыныч, и я много времени потратил на то, чтобы опровергнуть его теорию. Но получилось, что я её доказал. В-третьих, результаты показались мне очень личными, и если бы дневник попал в чужие руки, это могло бы сыграть против меня. Ну и в-четвёртых, к тому времени я набрал столько новой и порой противоречивой информации, что она требовала немедленной систематизации. Это показалось мне наиболее важным, и я бросил описывать расследование.

– Так чем всё закончилось в итоге?

– Самоубийством. Во время перестрелки у моего отца случился выброс адреналина, и внутренние барьеры не выдержали. Сослуживцы рассказывали, что он просто взял и вышел из укрытия, как ребёнок, которому надоела игра. Думаю, он в этот момент просто отчаянно хотел, чтобы всё закончилось. И всё закончилось.

Я молчал, опустив глаза. Какие-то реплики вертелись у меня в голове – возражение и сочувствие, но я не произнёс ни звука. Я вдруг отчётливо представил, что именно чувствовал Сергей Ермоленко в тот момент, когда шагнул под пули. Это чувство показалось мне знакомым,

хотя я никогда не ощущал явного желания покончить с собой. Но именно это внезапное понимание поступков незнакомого мне человека и удержало меня от дальнейших расспросов. Просто я почувствовал: Вовка прав.

Его, наверное, удивила моя покладистость, потому что он прервал молчание:

– С твоим отцом было так же. Я не знаю, что сыграло роль капли, переполнившей чашу, но он…

– Слушай, разве можно легковой машиной пробить ограждение моста? – перебил я брата.

– В том месте – да. Мост был старый, железо проржавело. И если бы удар пришёлся по касательной, то есть если бы твой отец врезался в заграждение по ходу движения, возможно, они с мамой остались бы живы. Но он вырулил на встречку и протаранил ограду почти влобовую.

От сказанного мне стало дурно. Конечно, я в общих чертах знал причину гибели родителей, но новые детали добавили ей некоторой фатальности.

Видя, какое тяжёлое впечатление на меня произвёл рассказ, Вовка погладил меня по плечу и бодро произнёс:

– Ты так и не выпил кофе. Хочешь, я сделаю?

– Тогда уж полноценный завтрак! – слабо улыбнулся я.

– Будет исполнено! – Вовка двинулся на кухню, но я удержал его за руку:

– Доверь это профессионалу.

Скажу честно, к приготовлению завтрака я приступал с тяжёлым сердцем. Меня не покидало давящее чувство, рождённое паникой и неясным страхом. Что же такого ужасного происходило в нашей семье, что свело с ума наших отцов? Ведь и Сергей Ермоленко, и Сергей Тартанов были парнями с крепкой психикой. Тем не менее не выдержали оба. Может быть, им угрожали? Может, их планомерно сводили с ума? Но кто? Мама? Или сторонники той организации, от которой она скрывалась? И если эти люди добрались до самой беглянки, то зачем тогда было убивать её мужей первыми? Может, всё не так, как пытается показать Вовка? Может, мама не сбегала ниоткуда, а продолжала работу. Просто мужья – первый быстро, а второй через длительное время – раскрывали её. И тогда она их просто устраняла. Например, давала какой-нибудь яд или наркотик, который расшатывал психику человека. И у того не оставалось выхода – только покончить с собой, чтобы прекратить это мучение.

Такие мысли одолевали меня, когда я начал готовить завтрак. Но постепенно тревога испарилась, словно работа вытеснила всё то, что не имело никакого отношения к кулинарному искусству. И скоро я уже забыл о своих страшных домыслах, полностью погрузившись в процесс.

Вовка несколько минут сидел тихо, наблюдая за мной, а потом с гордостью заявил:

– У тебя так ловко это получается! Как на кулинарном шоу.

Комплимент был приятен. Я словно в детство вернулся, когда брат хвалил меня за всякую мелочь, например, за то, что я самостоятельно сделал уроки или полил огород без напоминания. Я почувствовал себя хозяином ситуации, поэтому по-хозяйски бросил:

– Ты бы руки помыл…

– Точно! Надо помыть, – согласился брат и ушёл в ванную.

Вернулся он голый по пояс, с чистой футболкой в руках, которую никак не мог вывернуть на правую сторону. Я, накрывая на стол, невольно восхитился братом: его бицепсы, кубики пресса, грудные мышцы вызывали невольную зависть. Но больше всего внимание привлекла татуировка, которая находилась посередине груди на уровне сердца. Она представляла собой многослойный узел наподобие морского.

– Нравится? – перехватив мой взгляд, поинтересовался Вовка. – Это элебет, прародитель пентаграммы. Проще говоря – зам*о*к, который запирает душу в теле.

– Я думал, что десантники набивают себе парашюты и тигров в беретах, – поддел я брата, но тот проигнорировал мою издёвку и продолжил:

– Благодаря элебету никто не сможет пробраться внутрь твоей души или, скажем, похитить её. Элебет делает тебя сейфом.

– Ты веришь в эту хрень? – удивился я.

– У нас свободная страна: каждый может выбрать для веры любую понравившуюся хрень, – усмехнулся брат.

– У каждого сейфа есть ключ, – я поставил на стол тарелки с запеканкой.

– Верно. У этого замка он тоже есть, но знаю его только я. И открыть свою душу тоже смогу только я. Хочешь, я и тебе элебет сделаю? – Вовка, наконец, натянул футболку и принялся за еду.

– Зачем?

– Мне спокойней, если ты будешь бронированным ящиком, потому что вытряхивать из тебя паразитов или выдирать тебя из когтей хищников – не самое приятное занятие.

– Мы собираемся в Африку на сафари? – съязвил я.

– Жень, ты прекрасно понимаешь, что я говорю не о глистах и тиграх, а о тварях, которые охотятся за душами. Одни живут внутри человека, обгладывая его душу, вторые съедают её, убив хозяина. Разве ты не видел в дневнике записи о них?

– Не вчитывался.

– Ничего, ещё будет время. Так вот, с замк*о*м ты будешь непреступным для паразитов, и хищники, увидев его, возможно, тоже не позарятся на тебя.

Колкость уже созрела у меня на языке, но я сдержался: я ведь сам вчера выбрал тактику усыпления бдительности. Не перечить, не вызывать раздражения. Потакать всем дурацким замыслам брата, чтобы лучше понять природу его недуга. Поэтому я взял себя в руки и пробурчал:

– Я не люблю татуировки. Можно я сделаю её где-нибудь на ноге или в другом неприметном месте?

– Теоретически – можно, но если враг будет видеть её, то задумается, стоит ли нападать. Туловище как раз самая приметная часть тела. К тому же, не дай бог, конечно, но руку или ногу ты можешь потерять, и тогда твоя душа лишится защиты.

– Хорошо, убедил. Но я могу сделать наколку не на груди, а, скажем, на спине? Не хочу каждый день видеть её в зеркале.

– Можно и на спине, – пожал плечами Вовка и отправил в рот большой кусок запеканки.

Минуту или чуть больше мы ели в тишине, но брата она, видимо, тяготила, потому что он вытянул вперёд руку, чтобы я мог лучше разглядеть рисунок на его правом предплечье:

– Такую тебе тоже придётся сделать. Это магический символ. Поскольку одного оружия в борьбе с тварями мало, время от времени необходимо прибегать к услугам магии. Заклинания, которые ты выучишь, будут храниться под этим знаком, а он, соответственно, будет усиливать их действие.

До сего момента мне казалось, что у брата на руке вытатуировано что-то из армейского фольклора. Мужчины в армии любят украшать свои тела изображением оружия, каких-нибудь животных и техники. Вот и на Вовкиной татуировке был обоюдоострый клинок, рукоять которого раздваивалась кверху и переходила в морду неведомого монстра с витиеватыми рогами. Правда, картинку можно было истолковать двояко. Например, что на предплечье изображено чудовище с высунутым языком-кинжалом.

– Это древний знак Воина. Он усиливает боевые качества, – с неподдельной гордостью пояснил Вовка.

– А я думал, что боевые качества десантуры усиливает водка и мат, – не сдержался я.

– Мне нравится твой подход!

– Я вообще-то иронизирую над тобой.

– Мне нравится твоя ирония. По крайней мере, ты не сбежал, – Вовка развёл руками. – Ты готовишь завтрак и говоришь со мной. Чёрт возьми, мне нравится твой сарказм, твой нигилизм и любопытство. Но когда мы поедем за Максиком – вот там будут вилы!

Его слова резанули меня по сердцу: Максик! Чужая семья, чужая страна. И если я смог пережить разлуку с братьями, потому что помнил их, думал о них каждый день и мечтал о встрече, то семилетний ребёнок вряд ли будет жить воспоминаниями. Новые друзья, новые родители наверняка быстро вытеснили из его памяти и меня, и Вовку, и даже маму с папой.

Визит капитана

Наверняка в дирекцию казино можно было попасть через залы, но охранник повёл гостя иным путём. По расположению двери, которая выходила на небольшую, в пять машин, парковку, по извилистому коридору с пятнами одинаковых дверей без табличек Миронов понял, что это путь предназначался исключительно для экстренного отхода владельцев в случае опасной ситуации. Парковка у чёрного выхода охранялась и имела выезд на улицу, а оттуда вариантов бегства было как минимум три.

Сопровождающий молчал, тяжело ступая по керамогранитным плитам коридора. Его блестящие остроносые ботинки цокали, видимо, каблуки уже изрядно поизносились, раз начали выступать гвозди. Левой ногой охранник цокал сильнее, чем правой, что явно указывало на какие-то проблемы с тазобедренными суставами.

Миронов мотнул головой, отгоняя эти мысли: опять эта ненужная информация забивает голову! Впрочем, работа научила, что любая информация оказывается нужной в тот или иной момент.

Наконец, цокающий охранник достиг небольшого квадратного холла, в одном углу которого имелось окно, а по диагонали от него располагалась массивная двухстворчатая и наверняка пуленепробиваемая дверь. Сопровождающий с неожиданным изяществом английского дворецкого открыл одну створку, приглашая гостя внутрь. Миронов вошёл и сразу почувствовал себя неловко. Не стеснительно, не смущённо, а именно неловко, словно его позвали на чай, а он пришёл положить конец чьей-то империи. У него всегда возникало такое чувство, когда он посещал места, где нарушали закон, но прекратить это пока не было возможности. Миронов решил, что так, наверное, чувствуют себя начинающие диверсанты, которых засылают на чужую территорию. Враг ничего не подозревает и, возможно, даже радушно принимает посланца, а тот высматривает слабые стороны противника, чтобы по ним ударить.

За дверью находился ещё не сам кабинет директора, а странная смесь комнаты отдыха с приёмной. За стильным столом, обросшим эргономичными полочками, на которых покоились принтеры, сканеры и прочая офисная техника, сидела миловидная девчушка лет двадцати. Наверняка по совместительству любовница директора. Вокруг девчушки и её стола буйными зарослями громоздились фикусы, пальмы, лианы и прочая экзотическая для московских широт растительность. В огромной, подвешенной к потолку клетке чирикал разноцветный попугай, а в углу возле окна мерно гудел кислородным фильтром массивный аквариум. Королева этих офисных джунглей бросила на гостя беглый взгляд и снова погрузилась в работу на компьютере.

Проследовав мимо диковинных растений к ещё одной двери, Миронов хотел было взяться за ручку, но цокающий охранник ловко опередил его, впустил в святая святых и тут же деликатно закрыл дверь. Миронов остался один на один с известным криминальным авторитетом Сергеем Кулагиным, которого ещё десять лет назад вся Москва знала как Скулу. Скула был невысок ростом и скроен на манер питбуля: тонкие ноги через широкие бедра крепились к мускулистому торсу с могучей шеей, на которой сидела большая, коротко стриженная и при этом удивительно круглая голова, похожая на шар для боулинга.

– Капитан Миронов, старший оперуполномоченный уголовного розыска, – машинально представился гость, но хозяин казино перебил его, поднимаясь из-за стола:

– Да я в курсе! Ты же… то есть вы же звонили. Присаживайтесь. Может, чаю?

– Нет, спасибо, – Миронов опустился в кресло с невысокой спинкой, видимо, предназначенное для не очень желанных гостей.

– Может, чего покрепче? – по-дружески подмигнул Скула, но, перехватив взгляд капитана, осёкся и снова сел. – Чем обязаны, капитан?

– Вам знакома Соловьёва Галина Викторовна?

– Что-то не припомню, – Скула для верности поднял глаза к потолку, как будто это могло освежить ему память.

– Она была у вас в казино позавчера. А вчера пришла к нам и написала заявление, что в вашем заведении у неё украли перстень.

– Точно! Перстень с топазом. Сейчас я вспомнил эту тётку! – почти по-детски обрадовался директор, но тут же взял себя в руки и напустил суровости. – Она и к нам обращалась, только вот это… в общем, никто у неё не крал перстень. Она сама его потеряла.

– Вы можете доказать это?

– Ну да! У нас везде камеры. Я даже попросил Славяна… то есть начальника службы безопасности, чтобы он нашёл все записи, на которых есть Соловьёва. Хотите посмотреть?

– Хочу.

Скула с деловым видом нажал кнопку на телефоне и произнёс голосом, каким обычно разговаривают в голливудских фильмах сволочные владельцы больших корпораций с нерадивыми подчинёнными:

– Кариночка, сообщи Вячеславу Юрьевичу, что мы сейчас навестим его.

Не дослушав, что ответит Кариночка, Скула поднялся, одёрнул пиджак и указал рукой на дверь:

– Мы щас сходим к нашему пульту, вам всё покажут.

– Я думал, что изображение с камер выводится к вам на ноутбук, – бросил Миронов, тоже поднимаясь.

Кулагин обернулся на свой стол, словно только что заметил на нём ноутбук. На мгновение в его глазах мелькнула растерянность и даже беспомощность, но он быстро справился с собой:

– У меня демонстрация в режиме рил-тайм, а вам-то запись нужна. Она на жёстком диске.

Миронов кивнул, хотя в отмазку Скулы не поверил ни на секунду. Скорее всего, у него там открыт документ, который оперу видеть нежелательно, и он не успел свернуть страницу – просто захлопнул крышку ноутбука.

Они вышли из кабинета. После дивных джунглей в коридоре было как-то совсем уныло. Миронов брёл позади маленького Скулы, размышляя о том, призван ли этот офисный оазис создать некий ореол рая в глазах посетителей Кулагина, или же его задача более прозаичная: например, быть тайником для сейфа.

Служба безопасности находилась ближе к выходу в зал, видимо, чтобы можно было оперативно задерживать мошенников или нарушителей порядка. Её начальником был парень с открытым, честным лицом, как у героев ранних советских фильмов. Говорил он так же, будто снимался в «Трактористах».

– Сергей Владимирович, я уже на пять раз всё пересмотрел! Никто не брал пиджак. Никто к нему даже не подходил, – сходу объявил он, едва директор переступил порог комнаты, уставленной всевозможной аппаратурой.

– Какой пиджак? – Миронов слегка прищурился, пытаясь уловить ход мысли «тракториста» Славы.

– Ну, мужа её. В котором кольцо было.

– Кольцо в муже? – не удержался Миронов.

– Да в пиджаке этом треклятом!

– Слава! – мягко осадил «тракториста» Скула. – Объясни с самого начала.

– В общем, Соловьёва эта сняла кольцо…

– Перстень, – поправил Миронов.

– Ну да, перстень… В общем, сняла она его и мужу отдала. На записи это хорошо видно. Муж в пиджак положил, во внутренний карман. Потом они ещё немного поиграли в рулетку и пошли к карточным столам. Там-то мужик и снял пиджак, повесил его на подлокотник кресла.

– А дальше? – вступил Миронов, по паузе Славы чувствуя, что тот закончил рассказ.

– Дальше ничего. Повисел этот пиджак, а потом мужик его надел и ушёл. Совсем.

– И к стулу никто не подходил?

– Никто. Даже на расстояние вытянутой руки не приближался.

– Да ты покажи! – Скула кивнул на батарею мониторов над широким столом. – Лучше, как грица, один раз увидеть…

Слава тут же плюхнулся в крутящееся кресло, которое заскрипело и застонало под ним, оттолкнулся ногами от пола, как конькобежец, и с неожиданной скоростью переместился к мониторам. Его пальцы застучали по клавишам, и на одном экране погасло изображение пустого коридора, зато вместо него появилось изображение стола с рулеткой. Слава подцепил бегунок ленты и перемотал видео до нужного момента. За это время капитан и директор успели подойти к столу.

Галину Соловьёву Миронов узнал сразу, хотя камера запечатлевала в основном её макушку, плечи и грудь: Галина Викторовна была женщиной в теле.

– Вот они, с мужем, – Слава ткнул пальцем в монитор. – Сидят себе, никого не трогают.

Несколько секунд капитан наблюдал за четой Соловьёвых, не находя ничего подозрительного.

– Вот сейчас она кольцо снимет, – прокомментировал «тракторист», который, видимо, и вправду несколько раз пересмотрел запись.

– Перстень, – снова поправил Миронов.

– Ну, пусть будет перстень, – со вздохом согласился Слава.

Галина Соловьёва, повинуясь его комментарию, принялась стягивать перстень с руки.

– Как вы думаете, зачем она его сняла? – Миронов повернулся к Скуле.

– Откуда ж я знаю?! – искренне удивился тот. – Может, на удачу. Тут люди, чтобы выиграть, такие фортеля выкидывают…

– Может, у вас есть человек, который следит за игроками?

– У нас камера следит, – усмехнулся Скула.

– Но в Лас-Вегасе во всех казино есть люди, которые просматривают записи, чтобы вычислить мошенников ещё до того, как те сорвут банк, – поддел его Миронов. – У вас ведь в тот вечер тоже был инцидент, да?

– Да какой это инцидент? Два парня напились, подрались с охраной, – фыркнул директор. – Мои парни выкинули их за дверь – вот и вся разборка.

– Выходит, ваши парни вместе с теми драчунами невзначай и полмиллиона выкинули, – пожал плечами капитан и, хоть и не видел лица Скулы, был готов поклясться, что лицо это вытянулось. Не ожидал преступный божок, что менты осведомлены о его делишках!

– Не понимаю, о чём вы, – директор мотнул головой.

– Можно взглянуть на тех дебоширов?

Слава бросил тревожно-вопросительный взгляд на хозяина и тот, подумав пару секунд, утвердительно кивнул. «Тракторист» снова застучал по клавишам, и через пару мгновений изображение в зале сменилось изображением крыльца заведения. Люди, перемещаясь рывками, как в футуристических плёнках, входили и выходили в двери, курили на крыльце, говорили по телефону, садились в такси. Слава перематывал, отыскивая нужный момент. Фон на записи темнел – и вот уже парковку и крыльцо озарили неоновым светом десятки ламп. Наконец, на видео что-то произошло, что-то быстрое, стремительное, не похожее на происходившее ранее.

– Вот! – победно провозгласил Слава и, сдав бегунок чуть-чуть назад, явил оперуполномоченному картину, как из дверей казино вышел паренёк лет восемнадцати в кожаной куртке и быстрым шагом направился куда-то в глубь стоянки. Через минуту после исчезновения его из поля видимости камеры на крыльце возник второй – спортивного вида, в джинсах и чёрной толстовке, с непрозрачным пакетом в руке, сквозь стенки которого топорщились уголки купюр. Парень явно торопился уйти от погони: как только он достиг конца лестницы, на крыльце нарисовались два охранника. Перепрыгивая через две ступени, один первым догнал беглеца и схватил за плечо, но спортсмен развернулся и сильным ударом в лицо уложил громилу. Это произошло так стремительно, что второй боец не успел сориентироваться и получил такой же сокрушительный удар в живот. Атлет припустил бежать, и ему хватило двух шагов, чтобы выйти из

зоны видимости. Охранники, кое-как поднявшись, бросились в погоню. На подмогу им спешили ещё двое.

– Хороший у него удар! – похвалил Миронов и поднял глаза на Скулу. – В пакете деньги, как я понимаю?

Кулагин помолчал, выдерживая взгляд опера, а потом спросил холодным тоном:

– Вы думаете, это они украли перстень?

– Мы привыкли отрабатывать все возможные версии, – слабо улыбнулся Миронов. – Даже маловероятные. Что если эти парни провели отвлекающий манёвр?

Скула молчал, играя желваками.

– Тот, что помоложе, он ведь был за столом, где сидела Соловьёва?

– Да, точно! Был же! – оживился Слава.

– Можно посмотреть это ещё раз? – Миронов, минуя директора, обратился напрямую к «трактористу», а тот уже шуровал в своей сложной технике, возвращаясь к изображению за столом.

Камера плохо захватывала подозрительного парня, но, даже наблюдая половину его затылка и плечо, Миронов мог с уверенностью сказать, что пацан смотрит на Соловьёву. Он буквально сверлил её взглядом, особенно в тот момент, когда женщина принялась снимать перстень. По приподнятым плечам и замершим в недожатом кулаке пальцам парня Миронов определил, что тот чего-то ждёт – напряжённо, настороженно. Возможно, он ждал не того, что должно было наступить, а того, что должно было отпустить его. Скажем, приступ клептомании.

– Можно скопировать мне эту запись? – капитан слегка откинул голову в сторону директора.

– Конечно.

– И ещё ту, с внешней камеры. А есть записи с парковки?

Слава открыл, было, рот, но Скула опередил его:

– Нет, к сожалению. На той камере был повреждён кабель.

Миронов перевёл взгляд на «тракториста», и тот активно закивал.

– Слава, запиши товарищу капитану видео на диск, – чтобы сгладить неловкость, попросил Скула.

Миронов ушёл не сразу. Ещё задал несколько вопросов относительно расследования пропажи охранниками казино.

– У нас тут редко такие вещи случаются. Обычно если крадут, то телефоны или фишки, – с неохотой заговорил Кулагин. – Деньги вот ещё бывает – у тех, кто в баре на коньяк налегает. Но уже полгода не было ни одного инцидента.

– И какова ваша версия случившегося?

– Я думаю, мужик этот выпил и потерял перстень. Выронил, когда пиджак снимал. Вещь-то ведь круглая, могла укатиться под другой столик, а там его кто-нибудь подобрал.

– А возможен вариант, что он передал кому-то украшение или обменял на фишки? – уточнил Миронов.

– Фишки у нас выдаются только в обмен на наличку, а что касается того, передавал ли Соловьёв перстень посторонним, то мы этого не видели. Может, вы заметите, – Скула кивнул на компакт-диск, который капитан держал в руке.

Миронов попрощался и направился к выходу.

Кровь и огонь

Татуировку мне сделали между лопаток. Если честно, я был уверен, что мне придётся несколько часов терпеть адскую боль, поэтому ещё на пороге салона спросил татуировщика, будет ли он мне делать анестезию. Парень посмотрел на меня так, будто я потребовал присутствие Киры Найтли.

– Потерпишь! – Вовка хлопнул меня по плечу, и после этих слов мне стало как-то неудобно настаивать на уколе.

К великому моему облегчению, процесс оказался не таким уж болезненным. Было не столько больно, сколько неприятно: по одному и тому же месту татуировщик водил своей иглой, и это раздражало с каждой минутой всё сильнее. Но я держался.

На нанесение рисунка ушло почти три часа, хотя татуировщик обещал уложиться в два. Однако Вовка, когда взглянул на то, что получилось, похвалил мастера, сказал, что вышло намного лучше, чем он ожидал. Мне даже стало немного досадно, что тату на спине и я не вижу, как она выглядит.

После этого выезда мы на неделю залегли на дно. Не сказать, что брат запер меня в четырёх стенах, нет. Мы выходили с ним в город, он показывал мне окрестности. И в основном это происходило на пробежке. Да-да, мы стали бегать по утрам, хоть дни и выдались морозные. Брат вплотную занялся моей физической формой. Вообще, я любил физкультуру, хлюпиком никогда не был, однако на перекладине я смог подтянуться только пять раз, в то время как Вовка с лёгкостью проделывал это раз сто. А бегать мы начали потому, что, как сказал мой брат, сильные лёгкие и сердце – залог хорошей охоты.

На кого мы собирались охотиться, он пока не говорил. Только хитро подмигивал: скоро узнаешь. Я со страхом ждал этого дня. Я помнил свою первую ночь в его доме. Тогда Вовка ушёл на охоту во втором часу ночи, а вернулся под утро. Вряд ли он за это время успел съездить в лес. Я понимал, что охотился он в черте города – но на кого и как? Ответ на этот вопрос я и боялся узнать. Если брат убивает бездомных собак или бомжей, я не стану это терпеть. Но раз уж мне придётся вступить с ним в конфронтацию, я должен быть в форме. И я усиленно тренировался: если я не смогу дать в морду десантнику, то я должен суметь хотя бы убежать от него.

А ещё Вовка учил меня рукопашному бою. К сожалению, мы делали это не в тёплом спортзале на матах, а на пустыре за каким-то заводом. Там был рыхлый снег, в котором брат каждодневно от души валял меня, награждая новыми синяками. Уроки я усваивал быстро, и за неделю уже овладел десятком приёмов и одной комбинацией броска.

Параллельно с этим каждый день Вовка час посвящал теоретическим занятиям: рассказывал, какое бывает огнестрельное оружие, как классифицируется, как рассчитывается калибр. Он учил меня разбирать и собирать свой «Стечкин», рассказывал, как правильно прицеливаться с поправкой на ветер, как гасить отдачу, как ухаживать за оружием.

Если не считать этих занятий по военной подготовке, наша жизнь походила на ту, что мы вели в деревне до смерти бабушки. Да и занятия, поначалу казавшиеся мне подозрительными, постепенно увлекли меня. Я стал видеть в них больше пользы, чем вреда.

Единственное, что меня волновало – сам Вовка. Он не был странным, не заговаривал больше про знаки, спасающие души. Он был такой же, каким я его запомнил с детства: весёлым, заботливым, добродушным. Но что-то в нём меня настораживало. Я анализировал все его слова и поступки, но формально не находил в них ничего подозрительного, однако моё чутьё не давало мне покоя. Борьба между разумом и интуицией совсем вымотала меня, и я решился на хитрый и в чём-то даже подлый ход – спровоцировать Вовку.

Как-то вечером, сидя на кухне за чашкой чая, я как бы между делом спросил его:

– Ты встречался с теми людьми, на которых работала мама?

На мгновение взгляд брата наполнился тревогой, но он быстро справился с собой:

– Скажем так: лично с ними не знаком. Но я их видел. Издалека.

– И кто они? Какая-то секта? Спецслужбы?

– И то, и другое одновременно.

– Вов, не юли!

– Я не уверен, что ты готов услышать правду, – улыбнулся брат, отпивая чай.

– Значит, из пистолета стрелять я готов, а узнать правду – нет?! – в тон ему ответил я.

Вовка глянул на меня поверх кружки и снова глотнул чая.

– Это просто нечестно! – выпалил я, но тут же понял, что сдаю позиции, и взял себя в руки. – Я уже не мальчик, Вов. Я готов ко всему.

Брат скептически усмехнулся, и я подумал, что какая-нибудь клятва или другое доказательство преданности смогли бы поколебать его. Но у меня в голове, как назло, не было ни одной мало-мальски стоящей идеи, и поэтому я выдал первое, что показалось мне хорошим заменителем клятвы.

– Ты боишься, что я кому-то это разболтаю? Да у меня даже друзей нет…

Брат со стуком опустил чашку на стол – словно точку в своём решении поставил. Я замер весь во внимании.

– Пообещай, что дашь мне договорить, даже если мои слова покажутся тебе бредом, – серьёзно произнёс Вовка, и я с жаром поклялся в этом.

– Я начну издалека, с урока истории. Поначалу будет скучновато, но эту информацию знать необходимо.

Я кивнул в знак готовности. Вовка немного помолчал, собираясь с мыслями, потом шмыгнул носом и начал рассказ.

– Очень давно, несколько тысяч лет назад, на Земле жили драконы.

У меня аж челюсть отпала. Я ожидал услышать что угодно – про заговор правительства, про масонов или экстрасенсов, про суперсекретных агентов суперсекретных спецслужб, про инопланетян и прочие небылицы, которые так любят перемалывать жёлтые газетёнки, – но только не это.

– И хоть драконы никогда не трогали людей, люди их боялись и стремились уничтожить. Драконы же…

– Вов, серьёзно? – не выдержал я. – Драконы? Хочешь посмеяться надо мной?

– Ещё раз перебьёшь – и я больше никогда не вернусь к разговорам про маму, – неожиданно строго оборвал меня брат, и в голосе его послышались нотки обиды. Я невольно умолк, потому что Вовка всегда держал слово. Если он сейчас обидится, то потом раскрутить его на откровенности будет практически невозможно.

– Хорошо, больше не буду, – поспешил повиниться я.

Брат выдержал паузу и заговорил, передвигая по столу чашку из руки в руку:

– Люди убивали драконов, сочиняя в своё оправданье страшные легенды и кровавые сказки. В результате драконы покинули этот мир.

– Умерли? – уточнил я.

– Нет, переселились в другой. Если тебе будет интересно, я об этом расскажу позже. Так вот, драконы переселились, но оставили тут двух разведчиков – на случай если люди вдруг вымрут от чумы или всемирного потопа. Тогда разведчики дадут сигнал своим, что можно возвращаться.

К сожалению, лиги – могущественные существа, контролирующие людскую расу, – пленили одного из них и подвергли чудовищным экспериментам. Они хотели скрестить ДНК человека с ДНК дракона, чтобы вывести новый вид – дракона в человеческом теле.

– Зачем? – недоумевал я. Не то чтобы я верил в реальность описываемых братом событий, просто сия задача казалась мне лишённой смысла.

– Видишь ли, в нашем мире помимо людей, животных, птиц, рыб и прочей живности живут ещё и другие существа – твари, которые питаются душами. Люди и животные не могут противостоять им, а вот для драконов они – любимое лакомство. Поэтому лиги и стали создавать человекодраконов, чтобы те охраняли людей от тварей. Печальный опыт прошлых веков показал, что исполинские размеры и грозный вид летающих существ внушал человечеству страх. Люди убивали драконов, не понимая, что те спасают их. Поэтому лиги задумали сделать спасителей более неприметными – поместить их в человеческое тело.

Долго ничего не получалось, поскольку людская оболочка слишком слаба, чтобы выдержать сущность огромной зверюги, но в итоге лиги добились своего, создав человекообразных драконов. Одним из них и была наша мама.

Я ждал подобного поворота, поэтому никак не отреагировал на услышанное.

– Конечно, создав столь сложный гибрид, лиги не могли просто взять и выпустить его на свободу. Подобно людям, которые на фермах разводят коров и свиней, лиги контролировали плоды своего эксперимента. Требовали полного подчинения и секретности: драконам нельзя было рассказывать людям о своей расе, или применять к человеку свои магические умения. Тех, кто нарушал запрет, лиги лишали права охотиться на тварей, а иногда даже сажали в тюрьмы. Кроме того, созданные драконы могли вступать в брак не только друг с другом, но и с человеком. Результатом таких союзов были дракоиды – люди, наделённые способностями драконов, а значит, теперь они могли сами противостоять паразитам и хищникам.

Казалось бы, наступила идиллия: человеческие души теперь могли спокойно развиваться под защитой драконов и дракоидов, и защита эта была тем хороша, что не привлекала к себе внимания. Вот уже почти два столетия миллионы людей живут бок о бок с теми, о ком они читали лишь в сказках, и даже понятия не имеют о том, что кто-то ежедневно спасает их души.

Но воплощённые мечты лиг принесли им новые проблемы. Создавая такой сложный гибрид, лиги не учли один нюанс: драконы – очень свободолюбивые существа. Они не могут жить в неволе, не терпят, когда ими управляют или в чём-то ограничивают. Поэтому время от времени некоторые драконы выходят из подчинения и, так сказать, убегают с фермы. Если лигам удаётся изловить такого беглеца, его жестоко наказывают, но чаще всего создатели оказываются в проигрыше, потому что свойство, позволяющее драконам успешно вписываться в общество людей, затрудняет их поиски. К тому же за два столетия драконы успели распространиться по всей планете, а потому беглецы могут рассчитывать на помощь соплеменников в любом уголке земного шара.

– Современные технологии позволяют находить людей, где бы они ни находились, – напомнил я.

– Всё верно. Но этим способом удаётся найти только тех беглецов, которые продолжают активную деятельность. Чаще всего она носит криминальный характер, поэтому отыскать след такого дракона просто. Большинство же беглецов избегает контактов с правоохранительными органами и мест, где их легко выследить – аэропортов, банков, больниц.

– Сейчас техника порождает всё больше способов контроля, – не сдавался я. – Беглецам же нужно что-то есть, каким-то образом зарабатывать на жизнь. Или они все уходят в леса и живут натуральным хозяйством?

– Драконы не так сильно, как люди зависимы от биологической пищи, потому что могут заменить её пищей энергетической, то есть питаться тварями, – пояснил Вовка. – Для поддержания жизнедеятельности организма они могут употреблять биологическую пищу раз в неделю или того реже. К несчастью, жить им всё равно приходится в городах, потому что большое скопление людских душ приманивает тварей, которые обеспечивают драконам пропитание. Жизнь в городе требует денег: надо платить за квартиру, покупать одежду и лекарства, водить детей (да, многие беглецы заводят семьи) в школу и так далее. Деньги драконы, как правило, зарабатывают теневым способом.

– Воруют?

– Некоторые и воруют, но чаще всего беглецы не совершают преступлений, чтобы не привлекать к себе внимания. Видишь ли, каждый дракон наделён каким-либо талантом. У кого-то золотые руки, и он может за деньги оказывать людям услуги, например, ремонтировать машины или шить одежду. Другие прекрасно ладят с детьми и работают нянями и сиделками. Третьи наделены физической силой и могут работать грузчиками или даже участвовать в подпольных боях. В общем, они ищут такой вид деятельности, который приносил бы доход, но не требовал оформления документов. По крайней мере, в нашей стране найти такую работу легко.

Вовка замолчал, ожидая моей реакции. Я понимал, что эту паузу брат сделал нарочно, чтобы я задал вопросы, но я не мог произнести ни слова. Мне хотелось плакать, потому что то сумасшествие, которое охватило моего брата, было сродни психозу. Я видел, что он искренне верит во всю эту чушь с драконами, и все мои попытки эту веру разрушить будут тщетными. Более того – брат хотел, чтобы я верил так же сильно, как и он, и в этом была главная проблема. Верить в эту

бредятину я не собирался, а значит, мне придётся притворяться. Я боялся, что брат быстро раскусит меня, и тогда события могут принять непредсказуемый поворот.

Чтобы отсрочить сей неприятный момент, я сменил опасную тему:

– Ты обещал рассказать про маму. Что за послание она тебе оставила?

Вовка закрыл глаза и потёр двумя пальцами лоб над переносицей.

– Понимаешь, – с трудом заговорил он, – мама не оставляла мне посланий. Она…

Я ждал с замиранием сердца. Эта информация была важна для меня, даже если брат подаст её в ключе своей сказочной истории. Сумасшедшие часто вплетают реальные факты в вымышленные ситуации, и я надеялся, что мне удастся разобраться, что в сказанном правда, а что плод больного воображения. Вовка поморщился и мотнул головой.

– Когда я служил в Чечне, случилось нечто, – Вовка говорил с паузами, мучительно подбирая слова. – Мы двигались автоколонной по горной дороге, и первая машина наскочила на мину. Боевики, которые ждали в засаде, подбили последнюю машину, и мы оказались запертыми в смертельном кольце. Это был ад. Сколько ни готовься к боевым действиям, сколько инструктажей ни проходи, всё равно, когда это случается, ты ведёшь себя так, как подсказывает тебе инстинкт, а не пункты инструкции. Только опыт помогает выжить, но в тот день даже он оказался бессильным. Нас расстреливали из автоматов и миномётов, поливали огнём, превращая людей в бесформенные окровавленные куски. Из сорока с лишним человек выжило только трое – и все с тяжёлыми ранениями. Меня в той перестрелке сильно контузило, кусок железной обшивки грузовика вонзился мне в спину, и я не мог пошевелить ногами. Думал, что мне перебило позвоночник. Это фактически означало смерть: я не мог добежать до укрытия, не мог даже отстреливаться. Я лежал беспомощный рядом с пылающими останками грузовика, и молился, чтобы смерть наступила быстро.

Тогда-то я и увидел их – летающих жутких тварей. Они появлялись из ниоткуда, из дыма и огня, пикировали на раненых или убитых, вырывали из их тел души и тут же поглощали. Я на руках пополз к обочине, надеясь скрыться от этой новой бойни, и одна из тварей бросилась ко мне. Я увидел, как сверкнули её глаза, увидел острые зубы… Ещё пара секунд, и она бы вонзила их в меня, но что-то отбросило монстра в сторону. Алая молния прошила пространство, и твари забеспокоились, кинулись врассыпную. Потом был ещё один взрыв, от которого меня отшвырнуло метра на четыре. Я упал на камни, совсем не чувствуя боли. Я думал, что мне оторвало и руки и ноги, я боялся открыть глаза. Мне казалось, что легче умереть зажмурившись, чем глядя на этот кошмар…

Пальцы брата принялись крутить чашку, и чем дальше заходил рассказ, тем сильнее набирала обороты чашка.

– Но кое-что заставило меня открыть глаза. Это был мамин голос.

Вовка бросил быстрый взгляд на меня, а я боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть рассказчика.

– Понимаешь, от контузии я оглох и не слышал ни взрывов, ни стрельбы, ни криков, но её голос был отчётливым и явным. Он звучал так, как для тебя сейчас звучит мой. Я открыл глаза, но не увидел ничего, кроме ярко-розового облака. Оно окутывало меня, как туман, и внутри него было очень уютно и безопасно. Я сразу понял, что это облако и есть мама. Она рассказала мне всё – про драконов, про лиг, про вас с Максиком.

У меня защипало в носу, и я испугался, что сейчас расплачусь, а потому кашлянул. Вовка воспринял это, как знак недоверия. Его голос дрогнул, после чего интонации стали суше.

– Она сказала, что драконы никогда не бросают свою семью, поэтому я должен забрать тебя и Максика и защитить вас от лиг. Ещё она сказала, что рассекретила своё местонахождение, и потому велика вероятность, что её скоро отыщут и заберут туда, откуда она сбежала. «Я буду хранить тебя столько, сколько смогу, – сказала она. – Но если меня поймают, главным в семье станешь ты, и на тебя ляжет ответственность за младших братьев». И ещё она велела никогда, во что бы то ни стало не сдаваться лигам. После этого она коснулась моего лба – и наступила тишина и темнота.

Брат посмотрел на меня в упор. Его взгляд лучился смятением, нежностью, решительностью и даже отчаянием. Я вдруг понял, что его так же, как и меня, обуревают противоречивые чувства. Он

так же, как я, боялся показаться слабым или чересчур чувствительным, но воспоминания о маме делали его именно таким – ранимым и беспомощным. В ту секунду я ощутил неожиданную близость с Вовкой, как тогда, в детстве, когда я понимал его с полувзгляда. Я понял, что именно эти воспоминания могут сблизить нас, а не сказки о драконах.

Мне сложно вспомнить, выражало ли моё лицо то, что я чувствовал, но в душе у меня творился настоящий кавардак. Я вдруг увидел маму – такой, какой она осталась в моей памяти: улыбающейся, ласковой. Я вспомнил, как она напевала, когда готовила. Как она брала меня на руки – просто так, без всякого повода.

Я уже не мог сдерживать слёзы. Они застили мне глаза толстой, дрожащей пеленой, и мне пришлось моргнуть, чтобы согнать её. На стол упали две тяжёлые капли. Казалось, звук от их удара о поверхность стола заполнил всё пространство, поэтому я, стыдясь своей слабости, боялся поднять глаза на брата. А он молчал, давая мне время справиться с эмоциями, чтобы я мог дослушать его рассказ.

– И что было потом? – спросил я, как только почувствовал, что более-менее контролирую своё тело.

– Я очнулся в госпитале, – тут же ответил Вовка, словно ждал этого вопроса. – Я вспомнил разговор с мамой, много думал об этом и пришёл к мысли, что это была лишь игра воображения. Я запретил себе вспоминать об этом, чтобы грёзы не вышли за рамки дозволенного. Я все силы бросил на восстановление после ранения, а когда уже готовился к выписке, мне приснилась мама. Она велела мне уволиться из армии и разыскать таких же, как я. С тех пор я стал видеть её во снах, где она давала мне какие-то указания и даже информацию. Кстати, это она дала мне адрес Горыныча. Она торопила меня, боялась, что лиги до вас доберутся раньше, чем я, – Вовка заглянул в кружку, махом, как водку, допил остатки чая. – А я очень долго не мог поверить в происходящее. Я занимался расследованием смерти своего отца, вместо того чтобы рвануть за тобой. Я пытался вернуться в нормальную жизнь, хотя она выплюнула меня и не хотела принимать обратно. Я долго сопротивлялся течению, пока не понял: оно несёт меня к моему предназначению. И когда я это осознал, всё встало на свои места. Я принял свою драконью сущность, научился жить с ней. Это не так уж трудно, потому что она даёт множество бонусов.

– Вов, скажи, что ты шутишь, – мне с каждой минутой становилось всё больнее слышать это.

– Не скажу. Ты ведь тоже чувствуешь, что ты не такой, как все.

– Нет, не чувствую. Я не знаю, какими должны быть эти безликие «все». Нет такого показателя, чтобы измерить похожесть или непохожесть людей. Все мы чем-то отличаемся друг от друга, и это не повод выдумывать себе какое-то сказочное происхождение.

– Ты сопротивляешься, и это правильно. Твой мозг, твоя биологическая оболочка привыкли осознавать себя человеком. Разум без боя не сдастся. Я сам прошёл через это, поэтому и не хотел вываливать на тебя правду в первый день. Я думал понаблюдать за тобой, подготовить к разговору. Теперь понимаю: к такому не подготовишь.

– У тебя была тяжёлая травма головы. Мне очень жаль, Вов, но это почти никогда не проходит бесследно. У меня ощущение, что кто-то воспользовался твоим состоянием и хорошенько промыл мозги – Горыныч или ещё кто-то. И теперь ты даже не понимаешь, как звучат твои слова, потому что искренне уверовал в каких-то драконов.

– Думаешь, я сумасшедший? – Вовка горько усмехнулся. – Моё умение видеть в темноте тебя, помнится, напугало.

Я пренебрежительно фыркнул.

– Рацио внутри тебя требует доказательств. А лучше – чуда, как это было испокон веков с людьми, – не унимался брат. – Если хочешь, я могу тебе устроить целый парад чудес.

– Было бы неплохо, – моя едкость граничила с хамством.

– Хорошо, – брат вышел из кухни, а через полминуты вернулся с толстой книгой трудов Фромма.

На самом деле это оказалась никакая не книга, а шкатулка. Три боковые её стенки были раскрашены под страницы, а четвёртая имитировала кожаный переплёт. Вовка открыл шкатулку, и я обомлел: она до краёв была наполнена золотыми украшениями – браслетами, часами, цепочками, серьгами.

– Что это? – у меня от вида такого богатства даже дух перехватило.

– Мой инвестиционный фонд, – неожиданно весело ответил брат.

– Ты всё это украл?

– Не совсем. В сказках часто можно встретить упоминание, что драконы любят золото. Это не совсем так: золото любит драконов. И всегда откликается на наш зов. Держи! – он сунул шкатулку мне и отошёл на три шага. – Сейчас я тебе это докажу.

Брат вытянул вперёд руку, и браслеты с цепочками зашевелились. Я не придал этому значения, решив, что сам тряхнул шкатулку. Вовка слегка прищурился, и вдруг из гущи украшений выпрыгнул золотой кулон и перелетел к нему в руку. Это произошло так стремительно, что я даже вздрогнул. Брат загадочно улыбался, наслаждаясь моей реакцией.

– Это простой фокус, – не сдавался я, но моё неверие было вызвано лишь тем, что я получил чудо, о котором просил. – У тебя в рукаве магнит.

– Магниты действуют на золото? Интересная теория, – теперь пришёл Вовкин черёд издеваться надо мной. – Тогда объясни вот это.

Он разжал пальцы, и кулон поднялся в воздух и медленно поплыл обратно в коробку. Мой разум категорически отказывался верить в происходящее. Я не удержался и схватил летящее украшение. К моему удивлению, я не ощутил ни натяжения нити, ни сопротивления магнитного поля, ни рвущейся резинки. Я взял кулон так же легко, как если бы он лежал на столе.

– Этого достаточно для чуда? – довольный произведённым эффектом, поинтересовался Вовка.

– Это невозможно! – только и смог произнести я.

– Для людей – да, а для драконов – обычное дело. Видишь ли, золото происходит из нашей крови. Какой-нибудь лихой рыцарь, захотевший славы или власти, убивал дракона. Кровь просачивалась в землю, взаимодействовала с различными элементами – водой, углеродом, горными породами – и получалось золото. Таков вкратце историко-химический аспект вопроса.

– Вов, ты воруешь то, что тебе не принадлежит.

– Это как посмотреть. Я не нападаю, не граблю, не взламываю сейфы, не совершаю налёты на ювелирные магазины. Я просто зову золото, и оно приходит ко мне.

– Домой?

– В руки. Сейчас покажу. Надень! – брат протянул мне широкую цепь-браслет.

Я уже не мог сопротивляться своему любопытству и принялся надевать украшение. От волнения у меня дрожали пальцы, и я долго не мог справиться с застёжкой. Вовка хотел, было, помочь, но я отстранился. Все фокусники так делают: вроде подходят с безобидными намерениями, а сами прицепляют какую-нибудь нитку или другое приспособление. Закончив с застёжкой, я вышел из-за стола и отошёл от брата на шаг:

– Ну давай, показывай свои номера, заслуженный артист!

Вовка хитро улыбнулся и тоже отошёл на несколько шагов, значительно увеличив между нами расстояние:

– Следи за браслетом. Это будет интересно.

Я уставился на цепь. Брат щёлкнул пальцами, и застёжка, на которую я потратил полторы минуты, с лёгкостью расстегнулась. Браслет соскользнул с руки. Я попытался поймать его, но он, словно живой, обогнул мои пальцы и упал на пол. Произошедшее дальше заставило меня раскрыть рот: браслет пополз по полу. Вернее, он не полз, как змея, – он струился, как ручей. Достигнув ноги Вовки, он, обвивая её по спирали, начал подниматься всё выше и выше, а когда добрался до кармана, то юркнул в него, как в нору.

– Офигеть! Как ты это делаешь?

– Я уже сказал: это не фокус. Золото меня слышит и само идёт ко мне, – Вовка вынул браслет из кармана и вернул его в шкатулку.

– Цели ты достиг: я в шоке, – выдохнул я. – Но это не значит, что я теперь буду поклоняться тебе до конца жизни. Будь уверен, я докопаюсь до истины.

– Ты себе не представляешь, как я хочу, чтобы ты докопался!

– Всему этому есть какое-то научное объяснение. Мне не пять лет, чтобы верить в сказки про летающее золото.

– Тогда скажи мне, что ты думаешь про огонь? – брат отставил шкатулку, порылся в ящике стола и достал зажигалку.

– В каком смысле? Боюсь ли я его?

– Нет. Что это такое? – над фитилём зажигалки вспыхнул язычок пламени.

– Не знаю. Стихия, – вопрос поставил меня в тупик, но я предчувствовал, что сейчас последует псевдофилософская цитата и держание руки над огнём.

– Да, люди его так называют, но я бы поспорил, – Вовка двумя пальцами осторожно взял пламя и… снял его с зажигалки. Огонь продолжал гореть в его руках так же, как секунду назад горел на фитиле.

– Есть разные стихии, и обо всех можно сказать, из чего они состоят, куда уходят и откуда появляются. Вода, например, превращается в пар или в лёд, любым газом можно наполнить баллон, металл можно расплавить, – Вовка убрал зажигалку в карман, поднёс к освободившейся руке пламя, аккуратно поставил его на ладонь, словно цветок пересадил, и убрал пальцы. Огонь всё также горел, только теперь посреди его ладони. – Но никто ничего не может сказать про эту стихию, – брат слегка подул на пламя, и оно немного выросло. – Огнём нельзя наполнить сосуд, огонь не переходит ни в какое другое агрегатное состояние. Никто до сих пор не знает, ни откуда эта стихия приходит, ни куда уходит, когда огонь потушат. Ты знаешь?

– Что? Куда уходит огонь? Нет.

– А откуда приходит? – Вовка снова подул на пламя, и оно ещё увеличилось.

– Ну-у… появляется искра, – предположил я.

– Всегда ли огонь возникает из искры? – брат в третий раз раздул пламя, которое теперь выросло до размеров яблока.

– Сам-то ты как думаешь? Откуда берётся огонь?

– Не из этого мира точно. Он здесь гость, – Вовка смотрел на языки пламени с такой любовью, словно это был его домашний питомец. – Он живёт вне этого мира, но когда мы вызываем его, он приходит. Иногда уничтожая, иногда даруя спасение. Тысячи лет люди используют огонь, но до сих пор не знают, из чего он состоит, почему горит именно языками, а не облаком, например.

Меня всё сильнее завораживало это зрелище. Особенно когда Вовка поднёс к огню палец, а огонь дёрнулся в сторону от него.

– Ну-ну, я не обижу тебя.

Языки пламени выпрямились, и брат провёл по ним пальцем, словно погладил. А потом обратился ко мне:

– Хочешь подержать?

– Н-нет, не очень, – я на всякий случай отстранился.

– Зря боишься. Огонь тебя не тронет. Ты ещё не осознал этого, но пожар в детдоме начался из-за тебя.

– Что?! – меня до глубины души возмутило это заявление. – Думаешь, я способен на поджог? Там были маленькие дети, которые могли…

– Разве я говорил про поджог? Я сказал, что пожар начался из-за тебя. Наши чувства, эмоции – это огонь. Я не приехал, и ты был расстроен – настолько, что твои чувства приобрели материальное выражение.

Я молчал, поражённый словами брата. Да, вечером перед пожаром я был ужасно зол на весь мир, я очень хотел, чтобы этого детдома не было на свете. Видимо, пока я бодрствовал, я как-то

контролировал эмоции, но стоило мне уснуть – и они вырвались наружу. Пожар очень точно иллюстрировал моё тогдашнее состояние.

Правда, следующая догадка поразила меня ещё сильнее.

– Ты нарочно не приехал, чтобы я разозлился и спалил детдом? – выдал я, и огонь в руке брата заплясал и забился. – Ты не подумал о том, что я мог погибнуть?

– Во-первых, я не приехал в пятницу по другой причине, – Вовка не отрывал взгляд от пламени. – Во-вторых, я никогда бы не поставил под угрозу жизни других людей, хотя, не скрою, всё сложилось довольно удачно. Ну и в-третьих, огонь никогда не причинит тебе вреда. Запомни это.

– Всё это очень подозрительно, – мне приходилось говорить сквозь зубы, чтобы сдержать злость и обиду.

– Согласен, – Вовка вытянул губы трубочкой и вдохнул в себя пламя. – Если бы ты видел, как я реагировал поначалу! Я настолько сильно не хотел принимать правду, что чуть не пустил себе пулю в лоб. Представляешь, что осталось бы от моей головы, если бы я выстрелил в неё из «Стечкина»? Ничего! – Вовка рассмеялся и хлопнул меня по плечу. – Я совсем выбил тебя из колеи. Надо отвлечься.

Но отвлечься я так и не смог. Остаток вечера я просидел над шкатулкой, изучая золотые украшения. Мне хотелось найти хоть малюсенькую зацепку и разгадать секрет фокуса брата. Золото было настоящее: на всех изделиях стояла проба. Весило оно так, как и должно было весить. Никаких следов от ниток или проволок. Застёжку того браслета, что так неожиданно покинул мою руку, я тоже проверил раз на двадцать: чтобы расстегнуть её, необходимо было прикладывать механическое усилие.

Спать я лег в совершенном смятении. Мне все хотелось поймать Вовку на противоречии, ухватиться за какую-нибудь ниточку. Не знаю почему, но мне отчаянно хотелось доказать, что мама жива. Поверить в то, что она бесплотное говорящее облако, я, понятное дело, не мог. Но брат пока уверенно гнул свою линию, и мне нужно было затаиться и ждать момента, когда он потеряет бдительность. Чтобы это произошло быстрее, я решил делать вид, что поверил в историю с драконами.

Охота

С момента моего побега из детдома прошло уже больше двух недель. Странно, но чтобы привыкнуть к жизни в нём, мне потребовалось больше года, а вот чтобы отвыкнуть от детдомовских реалий – всего несколько дней. Сейчас, на исходе третьей недели, мне казалось, что я последние восемь лет прожил с братом. Детдом же превратился в смутное воспоминание, которое, как сон, забывается уже к обеду.

Единственное, что мне не нравилось в моей нынешней жизни, это моё враньё. Я разыгрывал перед братом дозревающего скептика – так для себя я определил этот образ. То есть я как бы принял его теорию, но до конца в неё не верил и спорил с ним на каждом шагу. Вовка воспринимал это спокойно и терпеливо отвечал на мои вопросы, порой откровенно дурацкие. Это помогало мне усыплять бдительность брата и заодно разведывать обстановку. Правда, меня ужасно раздражало, что взрослый парень, десантник, прошедший войну, богатырь и умница – одним словом, практически эталон настоящего русского мужика верит в чушь, в которую не поверил бы даже ребёнок. И я боялся, что однажды не смогу сдержать этого раздражения и брат поймёт, что я всё это время пудрил ему мозги.

Слава богу, пока что Вовка был увлечён своим сказочным миром. Он рассказывал мне о чудовищах и, надо отдать должное, рассказывал интересно. Если забыть, что он выдавал эти истории за реальные, меня они захватывали. Мир, созданный воображением Вовки, выглядел пугающим и мрачным, но в то же время необъяснимо притягательным. Так в детстве читаешь страшную сказку и не можешь оторваться, не хочешь даже на секунду покинуть героев, вынужденных идти к своей цели сквозь страх и преодоление.

Вовка рассказывал, что чудовища бывают трёх типов: паразиты, хищники и пришельцы. Первые проникают в душу человека и год за годом пожирают её. Хищники тоже не прочь были полакомиться жизненной энергией, но они, как и положено хищникам, убивали её носителя. Пришельцы же – существа, приходящие из других миров, – охотились за душами с разными целями. Кому-то она нужна была для перехода на новый этап развития, кто-то крал души и уносил в свой мир, где они считались самым сильным источником энергии.

С первыми двумя категориями, по словам Вовки, драконы расправлялись без труда. Точнее, с паразитами без труда, а хищники могли оказать сопротивление или сбежать, но драконы, как правило, всё-таки одолевали их. Пришельцы были сильны и хитры, и не всегда в схватке с ними дракон выходил победителем.

Ещё брат рассказывал про лиг, которые контролировали людей вот уже много столетий и несли ответственность за их души. Для этого у лиг существовала целая инфраструктура: планировщики, которые следили за численностью людской расы и эффективностью её развития; охотники, которые отыскивали и убивали тварей; ловцы, которые собирали души умерших и внедряли их в новые тела согласно предписаниям планировщиков; ангелы, которые охраняли души, принадлежащие их клану, от посягательств лиг-соседей. Однако все вместе они занимались единым делом – выращивали людские сущности, чтобы создавать из них себе подобных. Драконы в этом процессе нужны были для охраны. Подобно собакам, отгоняющим от отары овец волков, драконы пожирали хищников и отпугивали пришельцев. Правда, те тоже не терялись и изобретали всё новые способы нападения, сбивались в стаи, становились более агрессивными и отчаянными.

В принципе мир, о котором рассказывал мне Вовка, был довольно стройный, видимо, тот, кто его придумал, не один год провёл в проработке деталей. Да я и не горел желанием пошатнуть веру брата. Я думал, как мне вести себя, когда у него начнётся обострение, а оно должно было вот-вот начаться, ведь наступала весна. Я тайком разрабатывал план действий на случай, если Вовка станет метаться по квартире, гоняясь за невидимыми демонами или как их там.

Про вызов психиатрической бригады можно было забыть. Во-первых, я боялся, что брата закроют в больнице на несколько месяцев. Тогда я останусь один в незнакомом городе, да ещё и в статусе беглого детдомовца. Прожив восемь лет в мире, который был замкнут сам на себе, я не знал многих нюансов мира настоящего, и потому боялся его. Пока рядом был Вовка, самостоятельная жизнь не пугала меня, но что я буду делать, если его заберут в психушку?

Во-вторых, сдав брата врачам, я до конца своих дней буду чувствовать себя предателем. Я точно знал, что Вовка никогда бы так не поступил со мной, но при этом я знал и ещё одно: он во много раз сильнее меня. Не только физически, хотя и это немаловажный фактор, когда живёшь в одном доме с буйнопомешанным. Вовка был силён духом, чего нельзя было сказать обо мне. Например, мне сейчас было столько же лет, сколько было брату, когда умерла бабушка, и я не представлял, как бы я сейчас остался один с двумя младшими братьями. Одна только мысль об этом вызывала у меня панику, а Вовка оказался один на один с жестокой реальностью – и не дрогнул.

Нет, определённо я не годился на роль главы семьи. Я способен лишь быть подмастерьем: приготовить еду, постирать, сделать уборку, купить продукты, вовремя оплачивать счета. Поэтому я и мучился этой двойственностью: мне нравился сказочный мир драконов и тварей, но стоило мне вспомнить, какой недуг породил эту необычную вселенную, у меня сжималось сердце.

Чтобы чувствовать себя уверенней, я упрашивал Вовку поскорее приступить к занятиям практической стрельбой. Умение стрелять нужно было мне вовсе не для того, чтобы пальнуть в брата, когда у него начнётся буйный припадок. Мне просто хотелось чувствовать себя защищённым, и оружие, а главное – умение им пользоваться – давало такое ощущение. А пока же на все мои намёки про поход в тир Вовка отвечал:

– Сначала к Горынычу съездим.

Он жил на Волге – в сутках езды от нас. Вовка собирался гнать днём и ночью, чтобы сократить время по максимуму. Но для этого ему необходимо было подготовиться.

– Пойдёшь сегодня со мной на охоту? – спросил он.

Я вспомнил, как он предложил мне это в первый день. Тогда моё любопытство вступило в жесточайшую схватку с робостью и проиграло. Сейчас оно двумя ударами вырубило страх – я даже глазом моргнуть не успел. Я просто обязан был узнать, на кого и как охотится Вовка, даже если увиденное шокирует меня. Мне нужно было понять, как далеко зашёл брат в своих забавах, и оценить степень их опасности для меня.

Мы вышли из дома в первом часу ночи. Меня удивляло, что Вовка не взял ничего, что обычно берут с собой охотники – оружие, патроны, компас, карты. Возможно, всё снаряжение уже лежало в машине, но меня стала мучить смутная догадка, что брат называет охотой процесс, далёкий от выслеживания дичи.

– Сегодня ты будешь стажёром, – серьёзно говорил Вовка, пока мы пересекали двор. – Просто смотри, запоминай и учись. У меня будет мало времени на теоретическую часть, поэтому все вопросы задашь позже.

– А сейчас можно? На кого мы будем охотиться?

– Ещё не знаю. Кто первый подвернётся, – бесхитростно ответил Вовка. – Вообще, лучше тренироваться на ком-нибудь попроще, скажем, на паразите. Но я не уверен, что ты его увидишь.

Я ничего не сказал. Мне нужно было морально подготовиться к охоте на сказочных существ. Не каждый день с таким сталкиваешься.

Мы ехали на машине в рабочий район.

– Нет какого-то конкретного места, где ловить тварей, – делился со мной брат. – Люди слабые везде – и в заводских районах, и в фешенебельных, но на окраинах их проще провоцировать. Для тренировки самое то. Люди, одержимые паразитами, как правило, выпивают или принимают наркотики, чтобы заглушить душевную боль. Но со старыми алкоголиками я не связываюсь. Из них, конечно, очень просто вытряхнуть тварь, но душа таких людей слаба и больна, а значит, через день-два-три они снова станут жертвой другого паразита. Спасти таких людей нельзя, или я просто не знаю, как это сделать, поэтому нацеливаюсь на молодых – у них есть шанс. При этом выбираю такого, чтобы был не сильно пьян. Во-первых, чтобы разозлить и разбудить в нём паразита. Когда тварь чувствует опасность, она побуждает человека к агрессии. Во-вторых, мне хочется, чтобы человек помнил процесс избавления, чтобы задумался об этом и сделал какие-то выводы.

– И многие делают выводы?

– Я не слежу за судьбами тех, кого спасаю от тварей, – признался Вовка. – У меня нет на это времени. Но с некоторыми я случайно пересекался какое-то время спустя после охоты. Все эти люди были чисты. Это внушает мне оптимизм.

Мы кружили по району, пока, наконец, не заметили двух подвыпивших парней. Оба были в спортивных штанах, кроссовках и спортивных утеплённых куртках. На головах – неизменные вязаные шапки. Вовка резко притормозил у круглосуточного магазинчика, что стоял в десятке метров от парней.

– Сиди в машине, чтобы ни случилось! – бросил брат и вышел.

Я смотрел, как он, изображая пьяного, обогнул джип, опираясь на багажник, нетвёрдой походкой подошёл к дверям магазинчика, с минуту возился, вытаскивая якобы застрявший в кармане куртки бумажник, а когда выдернул его, то на землю упали и золотые часы. Парни, с интересом наблюдавшие за Вовкой, тут же активизировались. Но когда они прошли половину расстояния, брат заметил пропажу, сматерился и, придерживаясь за стену, наклонился и подобрал часы.

– Эй, положи-ка на место, братан! – крикнул тот, что был пониже ростом.

– Я те не братан! – в тон ему огрызнулся Вовка и сунул часы в карман.

– Это я потерял. Вот Дися докажет, – низкорослый пихнул локтем друга.

– Ага, – закивал Дися. – Гони часики сюда!

Вовка выдохнул, взглянул на обоих исподлобья и разразился таким отборным матом, что некоторые обороты удивили даже меня. Парни тем временем приблизились на опасное расстояние. Я боялся, что они достанут ножи, но нападавшие пока вели себя выжидающе.

– Чё, ментовку вызывать бум? – продолжал наскакивать низкий. – Вождение в нетрезвом виде заодно вкатают.

Вовка бросил на джип удивлённый взгляд, словно только что вспомнил, что у него есть машина, а потом неожиданно двинул парню в морду. Тот отшатнулся.

– Ты чё, сука?! – взвился его друг и попытался ударить Вовку, но брат увернулся от его кулака и вторым ударом сбил Дисю с ног.

– Ах ты сука! – первый неожиданно выхватил из кармана куртки пистолет, и я не успел ужаснуться такому повороту событий, как раздался выстрел. Вовку отбросило назад, и он упал лицом вниз.

Всё произошло так мгновенно, что я вздрогнул от хлопка. Дися, похоже, тоже не ожидал такой развязки.

– Лёх, ты чё? Ты чё наделал? – залепетал он, поднимаясь. – Ты чё, замочил его? Лёх, ты его грохнул!

От этого слова у меня всё похолодело внутри. Я смотрел на неподвижное тело брата и сам не мог пошевелиться. Ещё минуту назад всё было хорошо, и вдруг – такой конец. В голову сразу полезли слова Вовки, что он писал дневник для меня, что у нас мало времени. Как будто он предчувствовал свою смерть и старался быстрее передать мне свои знания, а я так отчаянно сопротивлялся.

– Лёх… валим… валим! – Дися дёрнул за рукав друга, который тоже неотрывно смотрел на убитого парня.

– Погоди… Часы забери, – Лёха, наконец, пришёл в себя.

– Щас менты приедут…

– Забери часы – и валим, – Лёха толкнул друга к телу. – И бумажник.

Дися тяжело дышал, боясь приблизиться, а я, пригнувшись, чтобы меня не увидели через лобовое стекло, судорожно шарил в бардачке и под сидением в поисках какого-нибудь оружия. Кто знает, что на уме у этих парней? Вдруг они захотят угнать джип, откроют дверцу, а тут я. Тогда парни убьют и меня, чтобы не оставлять свидетелей.

– Не тупи! Быро! – Лёха сильнее толкнул друга, и тот осторожно подобрался к Вовке, наклонился, чтобы сунуть руку в карман его куртки. И тут мой мёртвый брат со всей силы двинул локтем парню в лицо, да так сильно, что тот упал без сознания. Опешивший Лёха не сразу вспомнил, что у него в руках пистолет, и направил его на Вовку, лишь когда тот поднялся. Однако выстрелить второй раз парень не успел. Брат махнул рукой, словно что-то кинул в противника, и тот с криком схватился за левое бедро. Я заметил, как сквозь пальцы у него засочилась кровь. Вовка молниеносно вскочил, в один прыжок оказался возле Лёхи и точным ударом отправил его в нокаут. Тут уже я не выдержал и выскочил из машины:

– Вовка!

– Стой там! – он вскинул руку, потом схватил стрелка за грудки, поднял над землёй и приложил руку к его лицу.

Я видел, как брат сжал зубы от напряжения, но никак не мог понять, что он делает. Он как будто пытался содрать кожу с лица противника. Через несколько секунд мне показалось, будто пальцы брата ухватили что-то, и он с усилием начал отрывать их от головы Лёхи. Я стоял словно громом поражённый: Вовка вытягивал из парня какие-то нитки, которые светились красным и мерцали. Вся процедура длилась не более минуты, а когда брат отпустил несчастного и выпрямился, я увидел, что он держит красную узорчатую сетку, похожую на паутину.

– Ты видишь это? – Вовка поднял вверх руку, чтобы я мог лучше рассмотреть его добычу.

Я растерянно закивал.

– Это лярва, – с гордостью сообщил брат. – Молодая и упитанная, но в парня забралась недавно, поэтому ещё не успела его поработить.

– И что ты с ней будешь делать? – тихо спросил я, глядя, как извивается в руках брата мерцающая паутина.

Вовка открыл рот, как будто собирался зевнуть, но внутри, где-то в его гортани, вспыхнул розовый свет. Такой я видел в отражении на окне в первую ночь. Чем сильнее разгорался свет, тем сильнее билась в руках брата лярва, а когда свечение по силе сравнялось с ксеноновой фарой, Вовка поднёс тварь к лицу, и её, словно воронкой, засосало внутрь. Свечение стало угасать, и брат закрыл рот.

– Вот я и подкрепился, – улыбнулся Вовка. – Могу не спать пару-тройку ночей, так что до Горыныча доберёмся быстро.

Мне казалось, что я сейчас проснусь. Я не мог поверить, что всё мной увиденное – реальность, а не сон. Я даже подумал, что Вовка что-то подмешал мне в еду, но вовремя вспомнил, что готовил ужин сам. Моё рацио отчаянно искало, за что ухватиться, чтобы остаться в реальности.

– Вов, он выстрелил в тебя… – я указал на лежащего без сознания Лёху.

– Я заметил. Но я давно уже быстрее пули.

– А эти? – я кивнул на лежащих горе-налётчиков.

– Эти скоро придут в себя и решат, что Лёха выстрелил, и пуля рикошетом угодила в него, – брат сел в машину.

– Но рикошета не было! – я тоже юркнул на сидение.

– Это был я, ты прав, – Вовка завёл мотор и вырулил на дорогу. – Я поймал пулю и вернул владельцу. В следующий раз будет думать, прежде чем палить.

Я вернулся домой в растрёпанных чувствах. Если парни, которые не видели и половины фантастического спектакля, решат, что у них крыша поехала на почве пьянства, то что думать мне? На моих глазах брат поймал пулю, потом метнул её в ногу противника, потом вынул из его головы невесть что и всосал в себя. Я очень хотел проснуться, но всё происходящее упорно доказывало мне, что я не сплю.

– Я понимаю: тебе сейчас не по себе. Поговорим об этом позже, хорошо? – предложил Вовка. – Кстати, завтра вечером выдвигаемся к Горынычу.

Дракон Иисус

Я не мог уснуть той ночью. Сон и покой оставили меня, казалось, навсегда. Я свернулся на диване калачиком и пялился в серо-жёлтый квадрат окна, пытаясь осознать то, что я сегодня увидел. Разум искал достоверные версии произошедшего. Единственное логичное объяснение, которое я нашёл, – постановочный трюк. Каскадёры тоже весьма убедительно падают, а рестлеры весьма убедительно ломают друг об друга стулья. Но всё это, казалось бы, кровавое и травматичное действо – результат многодневных тренировок. Правда, кровь у парня текла самая настоящая. Мне казалось, что я даже видел, как она выходила толчками из разорванной кожи.

Мне не верилось в то, что Вовка мог поставить такой зрелищный спектакль. Он вообще никогда не был склонен к театрализации и мистификации.

С другой стороны, всё выглядело настолько естественным, что в отрепетированность действа не верилось. Даже самые хорошие актёры не смогли бы сыграть так искренно, как вели себя парни у киоска.

И что мне оставалось думать? Что мой брат – супермен, который может поймать руками пулю, вынуть из человека нечто… и проглотить это?

Я вспомнил свет, который лился у Вовки изо рта, и моё сердце застучало сильнее. Вокруг меня творилась какая-то чертовщина, и я ощущал, как я беспомощен перед ней. Обречённость испепеляла меня: что бы я ни делал, мне никуда не деться от монстра, которым стал брат. Даже если я, допустим, сбегу, то куда мне податься в феврале? Я не знаю этого города, я не знаю этого мира, потому что всю сознательную жизнь прожил в изолированных местах – сначала в деревне, потом в детдоме. Я не знаю, где брать деньги и как искать пропитание, где заночевать, чтобы не замёрзнуть. И даже если я, например, украду золото, как мне его сбыть без паспорта? Да, я мог бы сдаться в полицию, но тогда они вернут меня в детдом, где меня быстро отыщет Вовка. С его умениями видеть в темноте, уворачиваться от пуль и бог ещё знает какими ни полиция, ни стены не

помешают ему добраться до меня. Мне же после этого не поздоровится. Поэтому, чтобы не будить чудовище, я должен быть паинькой, пока не придумаю стопроцентно верный план побега. Но долго ли я смогу продержаться, усыпляя бдительность Вовки, который горит желанием обратить меня в свою веру?

Мне хотелось кричать от бессилия и несправедливости. Я так сильно и так долго ждал возращения брата, а теперь жалею, что этот момент наступил. Кроме того, я никак не мог отделаться от мысли о том монстре, который захватил разум Вовки. Голливудские фильмы очень часто рисуют этих чудовищ в самых безобидных образах – в виде маленьких девочек или улыбчивых старушек. Эту тактику понять можно: мнимая слабость физической оболочки притупляет чувство опасности, внушая жертве уверенность в том, что она сможет одолеть маленького или престарелого человека.

Но что побудило тварь вселиться в здорового парня? Может, она сама страдает от комплекса неполноценности и не уверена в своих силах, и потому выбрала физически сильного мужчину?

Такой вариант меня немного успокоил. Если чудовище внутри Вовки боится быть побеждённым, значит, шанс справиться с ним у меня есть.

Но что если никакого злодея нет? Что если этим монстром стал сам Вовка? Травма ли головы, а может, смерть родителей и бабушки лишила его рассудка? Видимо, поначалу он держался, мобилизовал все внутренние ресурсы, но разлука с нами подточила его, а служба в горячей точке подлила масла в огонь.

Этот вариант был самым страшным для меня, потому что я не знал, что делать при таком раскладе. Никогда я ещё не чувствовал себя таким одиноким, как сейчас. Я бы не отказался от любой помощи, но ждать подмогу было неоткуда.

В коридоре послышались шаги, и я привстал на локте, гадая, куда идёт брат: на кухню или в мою комнату. Когда его фигура появилась в дверном проёме, у меня внутри всё сжалось. Я поспешно сел, хотя мне хотелось вскочить на ноги и схватить пистолет. Никогда в жизни я так не боялся своего брата.

– Раз уж ты всё равно не спишь, может, поговорим? – Вовка навалился плечом на косяк. – Я готов доказать тебе, что я не монстр.

Меня обдало внутренним жаром: он ведь говорил, что умеет читать мысли, а я не верил!

– Это один из недавно приобретённых навыков, поэтому получается через раз, – смущённо признался брат. – Но то, что ты тут перемалывал в голове, я не мог не услышать.

У меня руки опустились: теперь я для этого чудовища как открытая книга. Теперь он будет знать обо всех моих планах, и, похоже, петля на моей шее затягивается.

– Ты не бойся, я тебя не трону, – добродушно улыбнулся Вовка. – Мы, монстры, своих не обижаем.

Теперь мне стало стыдно. Возможно, брат и не был чудовищем, а сегодняшняя охота – хорошо отрепетированный трюк, который так меня впечатлил, что я был готов поверить во что угодно – даже в то, что мой брат сошёл с ума.

– Я не осуждаю тебя, Жень, – Вовка прошёл в комнату и сел на стул напротив меня, сцепив руки в замок и положив локти на колени. – Ты немного напуган, и я бы дал тебе время привыкнуть к ситуации, но этого времени у меня как раз и нет.

– Почему?

– Потому что дракон в тебе просыпается.

– Никто во мне не просыпается, Вов. Я злюсь на тебя, да, но это не значит, что…

– Ты не можешь этого не чувствовать! Ты видел то, что людям видеть не дано, – тварь. Ты ведь видел лярву?

Я промолчал. Эту светящуюся паутину я действительно видел.

– Лишь драконы могут видеть этих тварей. Не только видеть, но и чувствовать, потому что это наша еда.

– Прости, но это откровенный бред! Я не знаю, что ты задумал, но я в этом участвовать не буду. Обратить меня в свою сказочную веру у тебя не получится. Лучше сразу убей.

– Зачем мне мёртвый брат? – горько усмехнулся Вовка. – Я пережил уже достаточно смертей.

– Если ты не собираешься меня убивать, то тогда отпусти. Я не выдам тебя, я просто уйду. Я хочу быть обычным человеком. Это не так уж плохо, понимаешь? Жить, работать, создать семью…

– У тебя ничего этого не будет, Женя. Ни работы, ни тем более семьи. Ещё пара лет – и твой дракон наберёт такую силу, что ты станешь опасен и для окружающих, и для себя.

Я устало закатил глаза. Разговор пошёл по кругу. Вовка это понял и сразу сменил тактику:

– Вот ты с детства такой упёртый! Ведь хочешь поверить, но не можешь унять своё эго. Я тут, как Иисус, и по воде хожу, и воду в вино превращаю, и прокажённых исцеляю, а ты всё упорствуешь. Ждёшь моего воскрешения, чтобы уверовать? Не боишься, что будет поздно?

От этих слов мне стало страшно, но я не знал, что ответить брату. Одна часть меня с ним соглашалась, потому что всё, что Вовка делал, выходило за рамки обычных фокусов. Другая же моя часть отчаянно сопротивлялась, понимая, что стоит хоть на шаг сдать позиции, как Вовка тут же перейдёт в наступление и подомнёт меня.

Я свесил ноги и уставился на него в упор. Это, конечно, нельзя было назвать психологической атакой, потому что в темноте очертания Вовкиного лица едва угадывались, но я всё равно вложил в свой взгляд всю решимость и жёсткость, какие только смог найти в себе.

– Давай по-честному, Вова. Скажи, чего ты хочешь. Ограбить банк? Кого-то убить? Тебе нужен подельник? Кто-то, кто мог бы постоять на стрёме или отвлечь внимание? Может быть, тебе нужен парень, который внедрится в нужную организацию и добудет секретную информацию? Выкладывай всё!

Вовка рассмеялся, хлопнув себя по коленям. Я не отметал такую реакцию, но всё же ждал другой. Надеялся, что он серьёзно отнесётся к моим словам.

– Вот, значит, о чём ты мечтаешь! – просмеявшись, сказал брат. – Куда-то внедриться и украсть ценную информацию. Если ты этого сильно хочешь, мы можем это устроить. Надо только придумать, куда внедряться и что красть. Да, и кому продавать.

– Хватит ёрничать! – я настолько разозлился, что вскочил на ноги. – Я устал от тайн!

– А я устал от твоего упрямства. Разуй глаза, Женя: правда перед тобой! Я говорил об этом уже десять раз. Сколько ещё нужно сказать, чтобы ты меня услышал?

– Твоя сказка про драконов, не спорю, очень интересная, но меня можно было купить этим лет пять назад. Я уже не мальчик, ты заметил?

Вовка вдруг резко встал и схватил меня за плечи. Всё произошло так быстро, что я не успел увернуться, а когда пальцы брата вцепились в меня, дёргаться было уже поздно.

– Если в тебе живёт дракон, то он откликнется на мой зов, – негромко, но как-то зловеще произнёс он. – Если дракона в тебе нет, то ничего не произойдёт. Ты даже ничего не почувствуешь.

Сказав это, Вовка приоткрыл рот, и у него внутри, где-то в гортани, стал разгораться розовый свет. Я с ужасом смотрел на нависшего надо мной брата, боясь, что сейчас и из меня он вынет что-нибудь странное, как из того парня.

Свет между тем становился всё ярче, и я даже стал ощущать его, как тепло костра. Только в отличие от огня свечение не грело, а слегка покалывало кожу. И от этого покалывания внутри зарождалась тупая боль. Сначала я не придал ей значения, но с каждой секундой она становилась всё сильнее, как будто что-то давило изнутри на грудную клетку, мешая дышать. Я жадно хватал ртом воздух, но его всё равно не хватало. Я хотел попросить брата прекратить это, но не мог произнести ни слова. Язык не слушался меня, и изо рта вырывалось только какое-то мычание.

Но, к моему ужасу, это была не единственная проблема. Внезапно у меня началась сильнейшая головная боль. Она вспыхнула где-то в макушке, а потом ударила мощными лучами в виски. Это была невыносимая боль, которая в одно мгновение поглотила весь мир вокруг меня. Я не видел и не слышал ничего. Да что там! Я даже своего собственного тела не чувствовал.

Не знаю, сколько длилась эта пытка, но постепенно мигрень отступила, и я обнаружил себя лежащим на диване. Видимо, Вовка переместил меня туда, когда я отключился. Всё тело ныло, больно было шевелиться.

– Ты как? – тихо спросил брат, и в его голосе я услышал тревогу.

– Нор…мально… – прохрипел я.

– Прости, я немного перестарался, – виновато признался брат. – Я не думал, что так получится.

Я слабо кивнул и закрыл глаза. Даже дыхание причиняло дискомфорт.

Вовка не уходил: я ощущал его присутствие, и это тяготило меня. Я знал, что он способен просидеть рядом всю ночь, а я больше всего сейчас хотел побыть в покое, наедине с собой. Но не мог сказать это брату: речь всё ещё плохо давалась мне. Однако я зря переживал. Боль так опустошила меня, что я мгновенно уснул.

Той ночью я увидел сон, который потом стал преследовать меня. Он не походил ни на одно сновидение, что были у меня ранее, потому что в нём сохранялось ощущение реальности происходящего. Я как будто снова и снова переживал какое-то событие.

Я видел незнакомых людей, похожих на каких-то учёных или врачей. Они смешивали всякие вещества, пропускали через полученные смеси электричество и облучали их рентгеном, исследовали с помощью разных приборов и записывали результаты в толстые тетради – словом, ничего ужасного они не делали, но всякий раз после таких снов я просыпался в холодном поту, с учащённым пульсом и долго не мог успокоиться. Я не понимал, что именно меня пугает в действиях учёных, и это непонимание тревожило меня.

Вот и сейчас я проснулся от страха. Он исходил из сна, но я несколько минут перебирал в голове детали сновидения, пытаясь понять, в чём именно кроется опасность. И этот поиск, а может, особенность снов с каждой минутой терять очертания – успокоили меня. Я услышал птичий гомон за окном, увидел кусочек праздничной лазури зимнего неба – и в душе у меня установился тот мягкий, словно замшевый, мир, который заставляет людей блаженно улыбаться своим мыслям.

Правда, в следующую минуту эта улыбка сошла с моего лица, потому что кроме умиротворения я ощутил внутри ещё кое-что – нечто такое, что заставило меня резко сесть. Я с ужасом прислушивался к себе и с каждой секундой всё отчётливей понимал: меня наполняла вера.

Да, ещё вчера вечером я был напуганным скептиком, которого ужасало то, что творилось вокруг, а проснулся я в полной уверенности, что сказки про драконов – никакой не вымысел, а самая обыденная реальность. Весь ужас ситуации был в том, что к этой вере я пришёл не сам. Не веские доводы склонили меня на сторону Вовки и не летающие золотые украшения. Моя вера просто проросла внутри меня, захватив власть. А разум – этот холодный островок реализма и логики – он просто сдался. Последний оплот здравого смысла не пал под натиском врага, не превратился в руины и пепелище – он просто открыл центральные ворота и впустил врага. И это была не сделка, в ходе которой проигравшая сторона обычно меняет трофеи на жизни своих солдат. Это был какой-то совершенно глупый поступок, не оправданный ни страхом смерти, ни фактом многочисленных потерь. И как бы я ни пытался воскресить утраченный стержень, у меня не получалось. Мой рассудок был ледяным, словно мёртвым. Моё Я, моё Эго предало меня, обменяв жёсткое, но всё же дающее шанс на победу противостояние на елейный мир.

Это так потрясло меня, что я заплакал от обиды, хотя не делал этого уже несколько лет.

Голубая Смерть

Дверь открыл опрятно одетый пожилой мужчина с аккуратной чеховской бородкой, в идеально выглаженной рубашке и лёгких домашних брюках. Казалось, он сошёл с экрана кинолент тридцатых годов, рассказывающих о советской интеллигенции. Миронов вздохнул: что-то сегодня ему везде мерещатся советские фильмы.

– Здравствуйте, Павел Антонович, – он улыбнулся мужчине. – Гостей принимаете?

– В моём возрасте, Мишенька, чаще лекарства приходится принимать, чем гостей, – улыбнулся в ответ Павел Антонович и впустил капитана. – Старики мало кого интересуют, поэтому любое внимание для нас – на вес золота.

На самом деле старичок лукавил: уж к нему-то народная тропа не зарастала.

Павел Антонович Измайловский был известной личностью не только в столице, но и далеко за пределами МКАДа. Всю жизнь он проработал на Московском ювелирном заводе, пройдя путь от простого мастера до главного инженера. Сейчас он вышел на пенсию, но не канул в реку забвения, как сам выражался. Павел Измайловский до сих пор являлся ведущим экспертом в области ювелирных украшений. К его услугам прибегали как частные коллекционеры, так и музеи, и даже суды. Если нужно было выявить подлинность того или иного украшения или доказать обратное, то лучше Измайловского никто бы не смог этого сделать. При этом Павел Антонович имел небольшой, но постоянный приработок: ремонтировал украшения, подгонял под размер обручальные кольца, доставшиеся кому-то по наследству, оценивал драгоценные камни.

Капитану Михаилу Миронову Павел Антонович приходился бывшим соседом по даче. Бывшим – потому, что бабушка Миронова, владевшая их участком, умерла почти десять лет назад, и родители продали дом. Измайловский, насколько Михаил знал, схоронив жену, тоже перестал появляться на своей даче, оставив её дочери. И несмотря на то, что вот уже несколько лет Миронов и Измайловский не являлись соседями, они до сих пор хранили тёплую дружбу, проистекавшую из доброго прошлого.

Павел Антонович пригласил гостя на кухню – знак особого расположения. Нежеланных гостей старый ювелир принимал в гостиной и никогда не угощал – ни чаем, ни чем-то покрепче. Визитёров по деловым вопросам он приглашал в мастерскую, собственно, для того она и служила. Но если же Измайловский вёл гостя на кухню, то таким приглашением надо было дорожить. Миронов давно знал о гостевой градации старика и всякий раз, когда Павел Антонович приглашал его на кухню выпить чаю, с облегчением выдыхал. Почему-то потерять доверие старика капитан боялся. И вовсе не потому, что время от времени Измайловский, его знания и опыт были полезны следствию. Миронов дорожил самой дружбой, словно она помогала удерживать в его памяти прошлое.

Павел Антонович поставил чайник – не современный электрический, а старомодный, со свистком, достал печенье и вазочку с вареньем, изготовленным уже снохой, а не женой. Миронов протянул ему пакет с сухофруктами, к которым старик в последнее время пристрастился.

– Что за дело у тебя, Миша? – поинтересовался Измайловский, присаживаясь на табурет.

Пока вскипает чайник, можно поговорить и о цели визита.

– Дело, как всегда, запутанное, Павел Антонович, – крякнув в кулак, начал Миронов. – Вы не знаете, кто в городе сейчас занимается скупкой краденого?

Большой опыт Измайловского и не менее обширные связи делали его хранителем самой разнообразной информации. В том числе и о происходящем в криминальных кругах. Многие ювелиры единоразово или на постоянной основе оказывали услуги преступникам разного пошиба: помогали сбывать краденое, переплавляли украшения, заменяли в них камни и прочее.

Измайловский положил одну руку на стол и, постукивая пальцами, задумался. Миронов терпеливо ждал, понимая, что ювелиру требуется какое-то время, чтобы систематизировать и проанализировать имеющуюся информацию. Через минуту Павел Антонович подал голос:

– Пошли слухи, что Вартанян снова в деле, хотя он месяц как инфаркт перенёс. Зачем ему такие треволнения?

Миронов пожал плечами. Павел Антонович любил, когда во время его речи собеседник невербально участвует в разговоре, например, поддакивает, или кивает, или каким-то другим способом выражает свои чувства и мысли.

– А вот Косуха, наоборот, залёг на дно, – продолжал Измайловский. – Затаился. Не слышно и не видно его. Не к добру это.

Миронов кивнул и нахмурился.

– В принципе на манеже всё те же: Дурманов, Тройский, Пахченко, Москвин, Габидуллин…

У Миронова было такое лицо, что Измайловский умолк, не назвав ещё несколько фамилий, и спросил:

– Но ты ведь не это хочешь услышать, верно? Что тебя на самом деле интересует, Миша? Какой-то особый случай?

Миронов ответил с той же неспешностью, с которой говорил его собеседник:

– Не то чтобы особый… Я полагаю, что украденная вещица… В общем, это дело рук дилетанта. Или даже спонтанная кража, не спланированная. Полагаю, он поддался импульсу и теперь понимает, что украденное надо сбыть, но не знает как.

– Тогда тебе нужны ломбарды.

– Боюсь, вор не так глуп. Мне кажется, он понимает, что у него в руках не просто какой-то перстень с топазом.

– Перстень с топазом? – оживился Павел Антонович: его глаза заблестели азартом, хотя лицо оставалось по-прежнему спокойным, по-чеховски благородным. – О каком перстне речь? О «Голубом озере»?

– Сейчас покажу, – Миронов взял папку, поставленную к стенке возле табуретки, и, немного пошуровав в ней, извлёк фотографию десять на пятнадцать.

Павел Антонович аккуратно взял её, достал из нагрудного кармана очки в тонкой металлической оправе и, приладив их примерно в середине расстояния между лицом и фотографией, принялся рассматривать изображение.

На фото была полная ухоженная женщина, обнимавшая девочку лет десяти, возможно, внучку. Левую руку дама положила на плечо девочки, и на среднем пальце отчётливо виднелся прямоугольный перстень с камнем насыщенного голубого цвета.

– Гляди-ка, не «Озеро»! – как будто разочаровался Измайловский. – «Слеза дракона»!

– Что? – Миронов слегка подался вперёд, как будто не расслышал слова собеседника.

– Этот перстень называют «Слезой дракона», но у него есть и второе название – «Голубая Смерть». Под ним он более известен.

– У драгоценностей всегда такие глупые названия?

– Названия не даются просто так. Каждое имеет свою историю. Например, вот этот перстень легко меняет хозяев, – Павел Антонович отложил фотографию и провёл рукой по бородке. – Заполучить эту вещицу довольно просто, а вот расстаться с ней означает расстаться с жизнью. В прямом смысле.

Миронов попытался стереть с лица скептицизм и заменить его хотя бы подобием любопытства, но попытка эта потерпела фиаско. В ответ на такую неблагодарность Измайловский возвёл глаза в район кухонной вытяжки и глубокомысленно умолк.

– Как понимать ваши слова? – не дождавшись продолжения, подал голос Миронов.

– Буквально, Миша.

Капитан досадовал на себя за несдержанность, которая оскорбила старика. Но что Миронов мог поделать, если все эти байки про пр*о*клятые вещицы, заговорённых бандитов и прочие магические штучки, которыми люди подменяли любое везение или хитрость преступников, вызывали в нём раздражение?! Правда, в данном разговоре Михаил Миронов повёл себя неразумно, едва не упустив возможность получить ценную информацию и даже помощь в розыске украденного перстня.

– Павел Антонович, вы не обижайтесь. Я так редко сталкиваюсь с чудесами в своей работе, что перестал в них верить.

– Дело не столько в чудесах, Миша, сколько в людских пороках, – вздохнул Измайловский и снова побарабанил пальцами по столу. – Они и есть самые страшные убийцы на свете, потому что убивают не тело, но душу.

Миронов опустил глаза: Павел Антонович любил философско-назидательные вкрапления в беседу. Иногда они были туманны и невыносимо скучны, иногда – интересны и мудры. К какому разряду отнести только что услышанное, Миронов ещё не решил.

Дав слушателю обдумать изречение, Измайловский снова заговорил:

– Этот камень – порождение человеческого зла. Оно постоянно требует подпитки: притягивает пороки, черпая в них силу. Ты спрашивал, почему этот перстень имеет такое странное название – «Голубая Смерть»? Потому что все, абсолютно все владельцы украшения покинули наш мир скоропостижно и ужасно.

Последнее слово ювелира заглушил свисток чайника. Павел Антонович приступил к завариванию чая – именно так можно было обозначить его действия. Он как будто совершал древний ритуал: ополаскивал заварочный чайник кипятком, засыпал в него три ложечки заварки, лёгким движением стряхивая с каждой лишнее. Он особым способом складывал полотенце, которым после накрывал чайник. Он убрал его на специальную подставку.

Миронов с удовольствием наблюдал за этими действиями. Они переносили его в детство, когда они всей семьёй вечеровали на веранде Измайловских. Павел Антонович тогда так же без суеты заваривал чай из самовара, а его супруга Тамара Леонидовна накрывала на стол. Однако сейчас капитану не терпелось перейти от фольклорной составляющей к фактической истории украшения, узнать, кто был его прежними владельцами, потому что эта информация могла помочь в расследовании. К сожалению, перемотать мифологическую часть было никак нельзя. Её надо было просто перетерпеть, как лирическую сцену в любимом боевике, который ты смотришь в кинотеатре.

Заворожённый действиями старого знакомого, Миронов, возможно, впервые в жизни неожиданно решился форсировать повествование:

– И много ли было владельцев у перстня?

– Предостаточно, – словно не замечая, что его вынуждают продолжить рассказ, откликнулся Павел Антонович. – Достоверно известно лишь о девяти из них. Восемь уже мертвы, а твоя эта женщина… Как, бишь, её фамилия?

– Соловьёва, – отозвался Михаил.

– Да, она – в большой опасности. Я думаю, что перстень перешёл к ней от любовницы Крутовского. Дело в том, что он был по этой части большой конспиратор, и кем была его возлюбленная, не знал никто – ни друзья, ни жена, ни соседи.

– Кто такой Крутовский?

– Это прежний владелец «Голубой Смерти». Последний, о ком мне было хоть что-то известно. После его смерти украшение так и не нашли, решили, что оно было украдено, но я думаю, что Станислав Петрович подарил его любовнице. С большой вероятностью можно сказать, что и она уже оставила наш мир.

Миронов открыл блокнот и быстро написал: «Любовница Станислава Крутовского».

– А кем он был? Ну, этот Крутовский…

Измайловский понял, что зацепил слушателя, поэтому оттягивал минуту раскрытия тайны всеми способами. Он собирал на стол, дотошно выясняя, с чем гость предпочитает пить чай, добавлять ли ему молока, льда или чего покрепче. Миронов терпеливо отвечал, но внутри у него всё кипело от того, что он попался на удочку рассказчика. А рассказчиком Павел Антонович был отличным: умел держать внимание слушателей, интонациями и паузами создавая нужную атмосферу. Для этого иногда даже приукрашивал повествование, наделяя его героев качествами, которыми они в реальной жизни не обладали. В детстве Михаил ждал рассказов Измайловского ради их сюжета, сейчас же убеждал себя, что привлекает его вовсе не сюжет, а информация, которая может помочь следствию пролить свет на личность грабителя.

Наконец, чай был разлит по чашкам, варенье, сгущёнка и другие вкусности расставлены по столу, а желания гостя выяснены до последней детали. Ничто больше не сдерживало Павла Антоновича, и он начал рассказ…

Горыныч

Вечером, как и обещал Вовка, мы отправились к таинственному человеку, носившему сказочное имя Горыныч. Мы выехали в пять часов вечера, и Вовка гнал всю ночь. Мы почти не разговаривали в дороге. Брат, видимо, чувствовал свою вину за то, что довёл меня до обморока, а я не хотел

говорить на тему мифологии, потому что чувствовал, что всё сказанное Вовкой больше не вызовет во мне протеста. Выглядеть сдавшимся бойцом мне не хотелось.

Тем не менее было в этой капитуляции какое-то странное, почти мазохистское удовольствие: зам*о*к на дверях открыт, но враг не знает этого и потому не заходит. Я наслаждался этим, пусть и временным, превосходством, ведь скоро неприятель обо всём догадается.

Это была моя первая дальняя поездка, если не считать побега из детдома. Одна и та же машина, один и тот же зимний пейзаж за окном, но дорога воспринималась мной иначе. Когда мы ехали из детдома, джип увозил меня прочь от старой жизни. Сейчас же он вёз меня к новой. Я смотрел в окно на расплывающиеся в зимних сумерках деревья, столбы и серые машины, которые мы легко обходили на трассе, и мне казалось, что не я еду куда-то навстречу новым событиям и приключениям, а это дорога уносит всю обыденность прочь, за спину, открывая мне горизонт для новых свершений.

Да и сам «Чероки» за это время стал для меня не просто машиной. Он олицетворял семью, дом, который объединял меня с братом. Печка обогревателя заменяла мне тепло очага, кожаное кресло – кровать, урчание двигателя – болтовню телевизора, а лобовое стекло – окно комнаты. Мой дом теперь не стоял на небольшой деревенской улочке, которая превращалась в пылевую пустошь летом и грязевое болото весной и осенью; мой дом теперь не торчал на отшибе в степи, окружённый бетонным забором из старых шлакоблоков и покосившимися хозяйственными постройками. Мой дом теперь двигался в любом направлении по освещённым автострадам, залатанным асфальтовым дорогам, похожим на стиральные доски, и разбитым грунтовым колеям. Мой дом теперь мог остановиться в любом месте, чтобы я мог насладиться пейзажем, сходить в туалет или пообедать. Мой дом теперь был сосредоточен в салоне старого джипа и одновременно располагался где угодно. Это чувство и волновало, и успокаивало меня.

Живя в детдоме, я часто мечтал о собственной квартирке – небольшой и уютной, моей берлоге, где я буду чувствовать себя в безопасности и покое. Я мечтал украсить её безделушками вроде плакатов и забавных статуэток, я мечтал затаиться в ней так, чтобы без потрясений прожить жизнь и спокойно встретить старость.

Но теперь, ощутив на губах вкус путешествий, уловив запах дороги – смесь бензина, грязи и свежего ветра, – я уже не мог помышлять о той жизни, о которой мечтал. Меня опьяняла свобода, новизна и сладкое волнение от предвкушения. И я был счастлив разделить это с братом.

В дороге мы остановились всего два раза: в одиннадцать вечера – заправиться и поужинать, и в восемь утра – заправиться и позавтракать. В полдень мы были уже на Волге.

Машину Вовка припарковал возле супермаркета, а до дома Горыныча, как водится, мы какое-то время шли пешком.

– Горыныч, Женька, это моё всё, – говорил брат по пути. – Он мне не только жизнь спас, но и помог на ноги встать. Я тоже ему кое-какую услугу однажды оказал, выручил его в трудную минуту, поэтому с тех пор у нас с ним уговор: просьбы друг друга выполнять во что бы то ни стало. Жень, если со мной когда-нибудь что-нибудь случится – иди к Горынычу, он поможет. И сам никогда не отказывай ему в помощи. Обещаешь?

Мне пришлось пообещать, потому что брат всё равно бы не отстал.

Горыныч жил на пятом этаже хрущёвской пятиэтажки. Я уже понял, что друзья брата, как и он сам, предпочитают верхние этажи, чтобы можно было слинять через крышу. Когда мы позвонили в дверь, у меня вдруг от волнения забилось сердце. Всю дорогу я гадал, как выглядит Горыныч. Мне он представлялся то растолстевшим от сидячего образа жизни писателем, который курит трубку и дважды в день гуляет с ирландским сеттером; то всклокоченным неформалом в заношенных джинсах и мятой толстовке; то отставным коммандосом, как Вовка, – крепким, немногословным, живущим в аскетических условиях. Однако я был сильно разочарован: дверь нам открыл низенький дядечка за пятьдесят, с большими залысинами на лбу и длинным хвостом седеющих волос на затылке, небритый несколько дней, в трениках с вытянутыми коленками и полинялой майке с Фредди Меркьюри на груди.

– Привет, Спецназ! – радостно воскликнул дядечка.

– Привет, Горыныч! – ответил брат, и они обнялись. Смотрелось это довольно комично, потому что голова Горыныча была на уровне подмышек Вовки.

– А это… брат твой? – выпуская гостя из объятий, поинтересовался Горыныч.

– Да, Женька.

– Младшой? – он произнёс это с ударением на последний слог, что меня покоробило.

– Нет, младшему пятнадцать сейчас. Это средний.

– Здравствуйте, – я протянул руку.

Горыныч пожал её своей маленькой ладошкой и кивнул за спину:

– Проходите, чего на пороге стоять?

Мы сняли куртки и разулись. И без того маленькая и тесная двухкомнатная «хрущёвка» была заставлена всяким барахлом: книжными шкафами, комодами, тумбочками, коробками, столами. Мой громоздкий брат каким-то чудом проходил между этими завалами, не сшибая углы и ни обо что не ударяясь. Он напоминал мне пожарную машину, разворачивающуюся на парковке малолитражек. Я же, хоть и был на полголовы ниже брата и гораздо уже в плечах, дважды врезался – сначала в косяк, потом в торчавшую из-под стола коробку.

– Чайку с дороги? – Горыныч, не дожидаясь ответа, отправился на кухню.

– Мне без сахара! – крикнул ему вслед Вовка и уселся на диван. Между полкой, которая над ним висела, и его головой остался зазор сантиметра в три. Я с замиранием сердца представил, что случится, когда брат резко встанет.

– Падай! – он похлопал рукой рядом с собой, и я осторожно сел.

– Я его себе не таким представлял, – шёпотом произнёс я.

– Осторожней, у него хороший слух, – предупредил Вовка.

– Слух хороший, но я не обидчивый, – отозвался с кухни Горыныч, и у меня непроизвольно рот открылся: мало того, что я сказал фразу шёпотом, так в комнате ещё работало радио. Чтобы не ляпнуть случайно чего-нибудь лишнего, я решил помолчать. Вовка закрыл глаза и откинулся на спинку дивана, видимо, отдыхая после дороги.

Горыныч нарезал бутербродов, достал маринованных огурчиков, полпирога с курицей и несколько подсохших кусочков сыра. Чай же он заварил ароматный, с чабрецом. Мне после сладких и еле тёплых детдомовских помоев любой запашистый чай казался верхом вкусовой пирамиды.

– Как добрались? – составив еду на доску, которая лежала поверх коробки из-под телевизора, Горыныч придвинул импровизированный стол к нам.

– Нормально, – Вовка взял чашку и отпил. – Давай сначала с делами разберёмся, а потом душевные беседы.

– Обожаю Ермоленко! – Горыныч хлопнул в ладоши. – Хватка что надо! Не зря его все Спецназом зовут: своего не упустит.

Вовка никак не отреагировал на комплимент. Горыныч кряхтя встал и скрылся в соседней комнате.

– Ешь давай, ужинать будем чёрт знает когда, – брат пихнул меня локтем.

– А ты? – я несмело взял пирог.

– Я поохотился, могу не только не спать, но и не есть.

– Хорошо поохотился? – Горыныч нарисовался в комнате с серым конвертом в руках.

– Так себе, – поморщился брат. – Лярва. Хоть и жирная, но…

– Такому богатырю, как ты, надо валькирий и демонов жрать, а ты себя диетами моришь.

– А что Кот? Ничего не слышно от него? – сменил тему Вовка.

– Что от него должно быть слышно? – удивился Горыныч.

– Он там что-то про радиацию говорил. Не проявлялся больше?

– После ранения я о нём вообще ничего не слышал. И про Бешу тоже.

Вовка понимающе кивнул и задержал взгляд на конверте.

– Да, конечно, – спохватился Горыныч и передал конверт ему. – Вот, как просил.

Вовка вынул оттуда паспорт и, раскрыв, прочитал вслух:

– Борчиков Евгений Сергеевич. Нормально.

Далее он вынул загранпаспорт и водительские права. Все были на имя Евгения Борчикова и имели мою фотографию. Где Вовка умудрился её достать – одному богу известно.

– Дурацкая фамилия, – вздохнул я.

– Зато искать не будут. Проверил всех двойников – в базах не значатся, – с гордостью заявил Горыныч.

– Вот и славно! – Вовка передал конверт мне, чтобы я изучил свои новые документы, а сам достал из заднего кармана джинсов узкий почтовый конверт, свернутый пополам, и протянул мужчине: – Пересчитай.

Горыныч вынул стопку пятитысячных купюр и молниеносно пробежался по ним пальцами.

– Тридцать два косаря! Это больше, чем надо, – подытожил он.

– На горючее тебе, – отмахнулся Вовка. – Ты меня очень выручил.

Горыныч хитро прищурился и унёс деньги в комнату, откуда приносил документы. Вернулся он с толстой и потёртой книгой. Я, грешным делом, решил, что это какая-нибудь Большая медицинская энциклопедия.

– Это тебе, Женя, – он протянул книгу мне с таким видом, словно это был торт, а я – именинник.

– Спасибо, – я принял подарок.

Он был довольно тяжёлый. На кожаной обложке золотым тиснением был выдавлен какой-то символ, который потемнел от времени и грязи.

– Что это такое?

– Кулинарная книга. Ты ведь мастер по этой части, – Горыныч сделал жест рукой, как будто что-то помешивая.

Я бросил вопросительный взгляд на Вовку, но тот с невозмутимым видом потягивал чай.

– Ты не сказал ему? – то ли удивился, то ли расстроился Горыныч.

– Что я должен ему сказать? Я сам ничего не знаю, – пожал плечами брат.

– Знаешь!

– Я не уверен.

– Это ясно как день!

– Пусть Шу скажет, – отрезал Вовка.

– Когда ты будешь жить своим умом?! – всплеснул руками Горыныч. – Ничего сделать не можешь без чьего-то одобрения. То Шу ему, видите ли, скажет, то Кот про радиацию сообщит! Ты сам себе хозяин, а не Шу и не Кот!

– Я не мастер в таких делах, ты знаешь, – Вовка помрачнел. – Я ещё многого не знаю, а Шу и Кот – знают. И поэтому я хочу быть уверенным, что не ошибаюсь. В нашем деле ошибаться нельзя.

– Ты Спецназ, а не сапер.

– Это одно и то же. Война везде одинакова.

Горыныч вздохнул и махнул рукой на Вовку. Чтобы не смущать двух ссорящихся своим пристальным вниманием, я открыл книгу и оторопел: она была написана какими-то витиеватыми каракулями.

– Ой… тут ничего не понятно, – я продемонстрировал открытую страницу Горынычу.

– Тебе так кажется. Просто вглядись повнимательней.

Я прищурился, отодвинул книгу от себя, попытался расфокусировать зрение, но ничего не менялось: каракули оставались каракулями и не складывались в понятные слова. Решив, что это какой-то шифр, я закрыл книгу: вдвоём с Вовкой разберёмся.

Закончив чаепитие, мы попрощались с Горынычем и вышли на улицу.

– Безопасней было бы сменить не только фамилию, но и имя с отчеством, но я попросил оставить хоть какую-то связь с прошлым, – вдруг произнёс Вовка. – А что фамилия дурацкая – забудь. Ты ей будешь пользоваться раз или два в год, так что…

– Да я не переживаю, – я видел, что брат был чем-то расстроен, и мне хотелось его подбодрить. – Ты мне поможешь разобраться с этой книгой?

– Не знаю, получится ли у меня, – Вовка потёр переносицу. – Эта книга только для тебя, ты сам должен с ней сладить.

– Что значит «сладить»?

– Увидишь, – брат сунул руки в карманы и ускорил шаг. Я поспешал за ним, как средневековый ученик, опаздывающий в школу, – с огромной книгой под мышкой.

Оставив меня в машине, Вовка зашёл в супермаркет, возле которого стоял «Черик», – купить в дорогу воды и еды. Обратно он хотел ехать без длительных остановок.

– Я думал, что вы с Горынычем помогаете друг другу безвозмездно, – сказал я, когда брат вернулся с большим пакетом с продуктами. – Тридцать с лишним штук за документы – это, мягко говоря…

– Это вторая часть. Первую я внёс, перед тем как поехать за тобой, – хмыкнул Вовка. – Пятьдесят процентов предоплата.

– Шестьдесят штук! – обомлел я. – Дорогая у вас дружба…

– Эти деньги я платил не ему. Я возмещал расходы, – Вовка включил зажигание, и машина тронулась.

Первые шаги

С новым паспортом я мог свободно разгуливать по улицам. Я записался в тренажёрный зал, чтобы заиметь такие же рельефы, как у брата, однако очень быстро понял, что добиться поставленной цели будет непросто. Сергей Ермоленко был настоящим русским богатырём, и Вовка пошёл в него – могучий и высокий. Такое тело только немного подправить – и вот тебе готовый воин. Сергей же Тартанов был сухопарый и к тому же невысокий – всего сто семьдесят сантиметров. И хоть я в росте обогнал отца на десять сантиметров, всё равно понимал, что бицепсов, как у брата, мне не видать. Я потел со штангами и гантелями, но только терял вес, не наращивая мышечную массу.

– Что ты переживаешь? Главное – не объёмы, а сила, – успокаивал меня Вовка. – Ты видел Горыныча? Он в спаррингах меня забивает на раз.

Мне было плевать на Горыныча: я словно в детство вернулся и хотел быть таким, как старший брат. Я тренировался каждый день: бегал по утрам, качал железо, отрабатывал приёмы и удары ближнего боя, но добился лишь того, что рубашки и футболки стали на мне болтаться. А мне хотелось, чтобы они обтягивали мои крепкие мускулы.

В начале марта Вовка принёс домой заготовку для меча: замерить по длине моей руки и весу, а ещё через неделю пришёл с мечом настоящим. Оказалось, он сам довёл его до ума: заточил, выковал перекрестье и украсил рукоять. Я слушал его рассказ, раскрыв рот. Я просто не мог поверить в то, что мой брат способен не только починить машину, но и выковать меч.

А меч, надо признаться, с лёгкостью мог бы считаться произведением искусства. Больше всего меня, конечно, потрясла гарда. На ней в разные стороны смотрели два дракона, и на первый взгляд они были совершенно одинаковы. Но лишь присмотревшись, я заметил, что у одного из открытой пасти свисает раздвоенный, как у змеи, язык, а у другого – вырывается пламя. Смысл этой композиции я понял лишь месяц спустя, а пока посчитал это причудой брата, который решил нестандартно подойти к украшению оружия. Эти два дракона передними лапами упирались в боковину меча, как горгульи на стенах готических соборов, а их тела, переплетаясь, создавали рукоять. Лишь кончики их хвостов расходились в стороны, но неведомая сила снова сближала их, образовывая в навершии рукояти нечто схожее с сердцем.

Впрочем, клинок тоже заслуживал отдельного внимания. Примерно половину его, начиная от гарды, занимали крупные зазубрины с обоих концов. Как пояснил Вовка, у зазубренных клинков больше режущая поверхность и меньше масса, что идеально подходит для начинающих фехтовальщиков. Меня смущало это оружие.

– Не обижайся, Вов, но на дворе третье тысячелетие, и мечи… – я не мог подобрать слова, чтобы не обидеть брата. – Тебе не кажется, что пистолет более функциональное оружие?

Брат в недоумении выпрямился, словно я сморозил чушь.

– Во-первых, против большинства тварей огнестрельное оружие бесполезно: одним оно не причинит никакого вреда, а в других очень сложно попасть, – терпеливо, как маленькому ребёнку, стал объяснять он. – И меч в данных обстоятельствах – единственное оружие, которое позволит сокрушить любого врага.

– Но если тварям пули нипочём, то и холодное оружие не достанет их.

– Холодное – да, но не наши мечи. Дело в том, что при их ковке драконы добавляют в расплавленную сталь свою кровь и используют магические заклинания. Всё это улучшает боевые качества оружия. Даже небольшая рана, нанесённая драконьим клинком, для любой твари в этом мире может быть смертельна. К тому же меч – это продолжение воина. Это его рука, его боевой друг, его история. Он не просто абстрактный предмет – он личность, имеющая человеческие и даже сверхчеловеческие качества. Он будет помогать тебе, будет спорить с тобой. Его можно обидеть и задобрить. Меч олицетворяет твою силу перед врагом. Это не «Макаров», из которого ты можешь отстреливаться, трусливо прячась за выступ в стене. Меч сводит тебя лицом к лицу с врагом, и в этом бою ты должен доказать, что сильнее, что ты имеешь право зваться воином и даже драконом. Кроме того, твой меч будет наполняться силой после каждого сражения, чего не скажешь о пистолете, который ты будешь перезаряжать новой обоймой. Кстати, в этом ещё один плюс холодного оружия: оно никогда не даст осечки, в нём не кончатся патроны и если кому-то удастся, например, отобрать твой меч, то умело использовать его дано не многим. Это не пистолет, где ты просто жмёшь на спусковой крючок.

Речь брата впечатлила меня, но я всё же не смог удержаться от едкого замечания:

– Если меч такой полезный, тогда зачем тебе «Стечкин»?

Сказав это, я испугался, что могу обидеть Вовку. Он пытается донести до меня какие-то знания, а я ерепенюсь. Но брат не обиделся, а лишь небрежно отмахнулся:

– Пистолет нужен для людей. Они будут доставлять тебе массу неприятностей, и, к сожалению, они редко вооружены мечами – в основном пистолетами. Так что тебе придётся говорить с ними на их языке.

Конечно, фехтовать я учился на деревянном мече, потому что стальной тушку курицы разрезал, как бумагу. По неопытности я бы в первую неделю остался без пальцев, ушей и, возможно, устроил бы себе харакири.

Итак, с середины марта моё расписание уплотнилось уроками фехтования. Мне вообще стало казаться, что меня призвали в армию: тренировки, режим, дисциплина, рукопашный бой, вождение, собирание оружия на время, трижды в неделю фехтование, дважды – стрельба в тире. Да, Вовка отдал мне свой первый пистолет – «Макаров» калибром 9 на 18 миллиметров.

– Пока учись на этом, а потом подберёшь себе оружие по характеру, – сказал брат, и я учился на «Макарове».

Штанги и гантели укрепили мускулы, моя рука стала твердой – и для того, чтобы гасить отдачу, и чтобы наносить опасные удары мечом. Мне нравилось, как изменилось моё тело. Пусть я не выглядел мощным, как Вовка, я стал сильнее и мобильнее. Я оттачивал остроту реакции, а мой мышечный корсет помогал достигнуть манёвренности. Вовка уже не мог ударить меня столько раз, сколько ему удавалось в феврале: я уворачивался и бил его в ответ. Этот бешенный ритм придал моей жизни неожиданно приятный вкус, и я уже не так сильно переживал из-за своей внезапной капитуляции. Временами мне казалось, что мой скептицизм вернётся ко мне, как после травмы людям, потерявшим зрение, возвращается способность видеть. Но то были кратковременные вспышки надежды. В остальное время я с любопытством и без тени сомнения внимал рассказам брата про различных тварей. Интерес подогревали и практические занятия: я несколько раз побывал с Вовкой на охоте. Пока что он охотился на паразитов, но обещал мне сафари.

– Ты пока больше человек, нежели дракон, а потому являешься хорошей приманкой для хищников, – гасил моё нетерпение брат. – Боюсь, для меня твоя охота превратится в операцию по спасению рядового Райана.

– И когда я стану больше драконом, чем человеком?

– Когда твоя сущность окончательно проснётся.

Кстати, о моей сущности. Я стал ощущать в себе нечто такое, чего раньше не чувствовал. Поначалу я был уверен, что это сила самовнушения, но с каждым днём мои ощущения становились всё ярче и глубже, и я стал подозревать, что пробуждение во мне дракона не за горами. Этот факт пугал меня и одновременно волновал, как пугало и волновало героев прочитанных мною книг первое свидание.

Первым сигналом, что со мной что-то не так, стали головные боли. Они были такие же сильные, как та, которую вызвал Вовка в ночь после первой охоты. Наверное, поэтому они и случались со мной ночью. Иногда до того, как я усну, иногда я просыпался от невыносимой мигрени и лежал, свернувшись в клубок и дожидаясь, пока меня отпустит. Звать на помощь брата мне было неловко, поэтому я терпел, сжав зубы. Но однажды приступ накрыл меня во время спарринга. Мигрень была настолько сильной, что сбила меня с ног. Я упал на колени, и у меня потемнело в глазах. Боль разрывала голову, словно в неё воткнули топор. Я лишь почувствовал, как брат подхватил меня под руки и уложил на спину. Не знаю, что он сделал, но боль из головы плавно перетекла в грудь, а потом растворилась в теле.

– Давно это с тобой? – строго поинтересовался Вовка, когда я пришёл в себя и сел.

– Второй раз, – соврал я.

– Я же просил сообщить мне!

– Вов, это случилось, когда тебя не было дома. Я хотел рассказать, но забыл.

Брат вздохнул и помог мне подняться.

– Как только я договорюсь, поедем к Шу. Затягивать с твоими болями не стоит.

Впрочем, я чувствовал, что не только они являются предвестниками моего необычного будущего. Ещё одним звоночком, что со мной происходит нечто необычное, стала неожиданная всеобъемлющая любовь ко мне представителей животного мира. На улице мне не давали прохода собаки. Они бросались ко мне, радостно виляя хвостами и повизгивая, они лизали мне руки и преданно заглядывали в глаза, вызывая у своих хозяев всю гамму чувств от недоумения до ревности. Воробьи, голуби, синицы и даже вор*о*ны ели у меня с рук. Коты терлись о ноги и урчали, как двигатель «Газели». Вовка подтрунивал надо мной:

– Смотри, чтобы голуби тебя за памятник не приняли, а то нагадят.

А ещё я стал видеть то, чего не мог видеть раньше в силу своей человеческой сущности. Например, тварей. Когда Вовка вынимал их из людей, я поражался, какими разными создала их природа. У каждого паразита был свой способ поедать человеческие души. Одни вгрызались в тонкую материю подобно гусеницам и объедали всё вокруг себя; другие двигались, как змейка в компьютерной игре, выедая тоннели и вырастая в длину; третьи сжимали душу в кольцо, поглощая выделяющуюся энергию; четвёртые прорастали в ней разветвлённой сетью корней, вытягивая живительные соки; пятые подобно коросте покрывали всю оболочку души, не давая ей развиваться.

Кроме того, я стал чувствовать этих маленьких монстров. Я не был уверен, что у Вовки происходит так же – все-таки он более опытный охотник, – но зато я был совершенно уверен, что этим особым чутьём я обязан тому, что пробуждалось во мне. Я ощущал, что от людей, в которых живёт тварь, исходит едва уловимый запах, напоминающий запах нагретого утюга. Чтобы проверить свою теорию, я спрашивал у брата, есть ли в человеке, пахнущем утюгом, тварь, и Вовка всегда отвечал утвердительно, рассказывал, какая именно и где засела.

На охоте я учился выслеживать тварей и смотрел, как брат вытаскивает их из людей. Поначалу он делал это руками, но потом признался, что ему так не совсем удобно, и стал… даже не знаю, как объяснить это… высасывать паразитов из людей. Брат просто открывал рот, вызывал внутренний

розовый свет, и тот словно бы вытягивал тварь. Попадая в поток этого света, она уже не могла вырваться и плыла прямо Вовке в рот.

Наблюдая за этим поглощением, я заметил странную особенность: всякий раз паразиты появлялись из разных частей человеческого тела. Чаще всего – из головы, но были и такие, которых Вовка вытаскивал из груди или живота жертвы. Я спросил, почему так происходит.

– Долгое время человечество вело религиозные споры относительно того, где находится душа, – охотно ответил Вовка. – Версии были разные, но в итоге все сошлись на том, что она в груди, где-то в области сердца. На самом деле душа проникает во все уголки нашего тела, а у некоторых людей даже выходит за его оболочку. Какую именно часть души поразит тварь, предсказать невозможно. Они селятся там, где им удобно, поэтому и вынимать их приходится через те места, что ближе всего к их укрытию.

– То есть тварь может жить, например, в пятке? – улыбнулся я.

– Может, – в ответ улыбнулся брат, – но из пятки её вынимать слишком трудно: маленькая площадь тела затрудняет выход. Поэтому приходится тянуть из более широких мест. Паразиты это понимают, и многие научились перемещаться в случае опасности. Кстати, поговорка про душу, которая ушла в пятки от страха, возникла именно из-за того, что в случае опасности твари прячутся именно туда – в самое труднодоступное место.

– Но ты ведь всё равно их достаёшь!

– Да, но инстинкт самосохранения есть у всех, и он велит бороться за свою жизнь.

Такие премудрости, которыми щедро делился Вовка, создавали некий ореол избранности вокруг моей новой жизни, и я стал находить в ней всё больше прелести. Например, мне очень нравилось, что я мог – и не просто мог, а был обязан – ходить с оружием. Конечно, ничто не запрещало мне носить пистолет, будь я простым человеком, но сейчас для этого у меня были веские основания. Я ощущал себя не то рыцарем средневековья, не то шерифом с дикого запада, не то охотником на монстров из фантастических книжек.

Кроме тварей, я ещё научился видеть лиг. Внешне они ничем не отличались от людей, но я замечал свечение, исходившее от них – едва заметный матово-белый свет, какой бывает, когда белая одежда отражает солнце. Брат старался избегать встречи с лигами, хотя они и не проявляли к нему никакого интереса.

Одним словом, после унылой жизни в детдоме я погрузился в мир захватывающий и ошеломительный, и за одно это я должен был благодарить Вовку. Собственно, я и был благодарен. И мне даже было несколько неловко от того недоверия, которое я испытывал к нему в первые недели.

В середине апреля, когда я вернулся из тренажёрного зала, Вовка сказал, что послезавтра мы едем к Шу. После знакомства с Горынычем я почему-то побаивался остальных героев дневника брата, но своего страха не показывал. Я не знал, как Шу намерен избавлять меня от головных болей, но что-то мне подсказывало, что это будет процедура, далекая от массажа ступней.

А ещё меня удивило, что Вовка стал собираться в дорогу основательно: сложил в сумку всё оружие, дневник, выгреб из шкатулки золото, велел мне забрать с собой подаренную Горынычем книгу и все документы, перекрыл на кухне газ, на два раза проверил, все ли окна закрыты.

– Вернёмся не скоро, – пояснил он, прочитав вопрос в моём взгляде.

– А где Шу живёт?

– В Москве.

– И долго мы там пробудем?

– Если всё пройдет ровно, то неделю. Если будут загвоздки, то придётся задержаться.

Я не стал спорить. Если брат считает, что к отъезду на две недели надо так основательно готовиться, значит, так тому и быть.

Шу

Москва меня поразила своими размерами, высотой домов и загруженностью дорог. К ней мы подъехали в восьмом часу утра, и наша скорость резко упала: на Каширском шоссе образовалась «тянучка», и все пять полос еле ползли в сторону столицы. После суток, которые мы промчались под двести километров, мне казалось, что мы стоим на месте.

– Почему такой затор? Что-то случилось? – спросил я.

– Рабочий день тут случился, – выдохнул брат. – По утрам и вечерам на всех шоссе так. Зря мы остановились в Николаевском. Надо было ехать дальше.

Медленно продвигаясь в толпе других машин, мы кое-как добрались до Москвы. Там остановились в гостинице «Милан». Она была почти на окраине, в районе станции метро Домодедовская, но выглядела фешенебельно. Публика тут тоже была соответствующая: бизнесмены и иностранцы.

– Будет чем поживиться, – подмигнул мне брат.

Я едва справился с эмоциями, когда вошёл в холл отеля: бордовое ковровое покрытие, огромные хрустальные люстры, портье в униформах, плазменные телевизоры, кожаные диваны. Я отродясь не видел такой красоты, я вертел головой и, по-моему, даже раскрыл рот. Приятная девушка на рецепции улыбнулась нам, как родным. Думаю, она сразу высмотрела в нас провинциалов, которые решили шикануть раз в жизни.

– Если можно, дайте нам номер на последнем этаже, – попросил брат.

– Сожалею, но этот этаж выкуплен для участников конференции, – извинилась девушка. – Могу предложить восемнадцатый.

– Хорошо, – улыбнулся в ответ Вовка. Я заметил, что он понравился девушке, потому что она несколько смущённо опустила глаза в компьютер, чтобы занести в него наши паспортные данные.

На свой этаж мы поднимались в лифте с прозрачными стенками, который курсировал по шахте, выведенной на внешнюю сторону здания. Я, как ребёнок, прильнул к стеклу, обозревая окрестности. Я думал, что сильнее удивиться уже не смогу, но войдя в номер, потерял дар речи.

– Сколько ты заплатил за это? – выдохнул я, разглядывая высокие кровати с золотистыми покрывалами.

– Это не шикарный отель. Средний, – отмахнулся Вовка. – Я третий раз тут останавливаюсь, потому что хорошо знаю окрестности и могу спокойно охотиться.

Приняв душ, мы спустились позавтракать, а потом отправились в ближайший торговый комплекс покупать себе одежду.

– Не будем выглядеть лохами перед Шу, – пояснил Вовка. – К тому же после Москвы нам предстоит совершить ещё одну поездку, в которой мы должны иметь презентабельный вид.

– Куда поедем? – поинтересовался я, разглядывая джинсы на манекене.

– За Максиком.

Я чуть не поперхнулся.

– Уже?

– Больше тянуть нельзя: и без того много времени потеряли, – Вовка снял с вешалки джемпер, приложил его ко мне, отрицательно покачал головой и вернул на место. – Перед Максиком мы должны предстать во всей красе, чтобы он захотел с нами поехать.

– А родители? Они согласятся, чтобы мы забрали его?

– У меня есть план на их счёт, – Вовка приложил ко мне другой джемпер. – Не думай пока об этом.

Мы убили на шопинг почти три часа. Я кошмарно устал, но мои обновки меня радовали: две пары джинсов, бежевая рубашка, несколько толстовок с модными узорами и новая кожанка, стильная и очень мягкая на ощупь. Себе Вовка купил свитер с кожаной вставкой на правом плече. Она шла до локтя, и поэтому казалось, что у него накинут плащ, как у рыцаря. Его короткое чёрное пальто с воротником-стойкой мне тоже очень понравилось. А ещё он купил себе умопомрачительный костюм – тёмно-синий, почти чёрный. И брюки, и пиджак сидели на Вовке как влитые, и в этом облике брат выглядел потрясающе.

– Тебе мы тоже такой купим, но чуть позже, – пообещал брат, убирая свой костюм в шкаф.

После обеда мы надели новые вещи (я – джинсы и рубашку, а брат – свитер с кожаной вставкой и чёрные брюки, которые привёз с собой) и поехали к Шу – в красивый многоэтажный дом в центре Москвы. Этаж последний, как я и предполагал, – двадцать пятый. От этой цифры у меня перехватило дух. И удивило, что на этаже было всего две квартиры. Я представил себе площади помещений и присвистнул.

Дверь нам открыла красивая девушка – настолько красивая, что я стушевался. Она была высокая и стройная, как фотомодель, у неё были иссиня-чёрные волосы, спадающие на плечи плотной блестящей завесой. Из-под прямой и густой чёлки смотрели большие голубые глаза. Прямой аккуратный носик и красивые, чуть выпяченные губы завершали портрет незнакомки. И, безусловно, обтягивающее бордовое платье до колен придавало девушке сексуальности. Я невольно отметил, что Шу не дурак по части девок.

– Добрый день, – мягко произнёс Вовка, в одну секунду преобразившись из немногословного воина в галантного джентльмена. Он поймал изящную ладонь незнакомки и поднёс к губам, слегка наклонившись, как будто в почтении.

Девушка повела бровью и улыбнулась.

– Ты вовремя, – она даже не удостоила меня взглядом, развернулась, качнув бедрами, и поманила Вовку пальцем: – Проходи.

Вслед за братом я с волнением шагнул через порог, ожидая встречи с Шу. Он мне представлялся очень влиятельным и богатым парнем, наркобароном или даже депутатом. С такими я ещё ни разу не общался, поэтому трусил, что каким-нибудь своим действием или словом опозорю Вовку. Брат же чувствовал себя вполне свободно. Он повесил пальто в прихожей, разулся и прошёл в комнату. Я боялся оставаться один в такой большой квартире, поэтому спешил за ним.

Мы оказались в просторной и светлой комнате, которая была размером, наверное, с квартиру Горыныча. Вся мебель была светло-бежевых и кремовых тонов, но больше всего меня поразил огромный диван из белой кожи. На нём могли одновременно поместиться и при этом не мешать друг другу человек пять или шесть. Девушка села в уютное кресло возле окна. Вовка коротко кивнул на диван, приказывая мне сесть, и я с опаской опустился на белую кожу, боясь посмотреть в сторону принимающей нас красавицы. Брат подошёл к ней и ловко вынул из кармана коробочку для колец.

– Что это? – удивилась девушка, но было понятно, что это удивление – пункт этикета, который эти двое строго соблюдают.

– Безделушка для тебя, – Вовка открыл коробочку.

Я было вытянул шею, чтобы разглядеть, что в ней лежит, но тут же одёрнул себя и опустил глаза. Почему-то мне было тревожно за брата: заигрывать с любовницей депутата чревато неприятностями.

– Как мило! – она взяла коробочку из рук гостя, повернула её к окну, чтобы лучше разглядеть подарок. – Оно великолепно! Вольдемар, я… Ты один умеешь меня порадовать.

Вовка улыбнулся уголком рта. Девушка закрыла коробочку, положила её на стеклянный столик неподалёку и закурила длинную сигарету, вставленную в мундштук:

– Это твой брат?

– Да, Женя, – Вовка вернулся ко мне и сел на диван.

– Евгений… Благородный – кажется, так переводится? – девушка уставилась на меня своими глазищами, которые издалека казались драгоценными камнями.

– Я не знаю… – в её присутствии я становился деревянным и не мог справиться с голосом.

– Ну да бог с ним! А я Шу. Приятно познакомиться.

Я вскинул на неё глаза. Шу – женщина?!

– Как ты себя чувствуешь, Евгений? – она не давала мне прийти в себя.

– Нормально, – я пожал плечами.

– У него уже начались боли. Пока ещё редкие, но сильные, – ответил за меня брат, и я почувствовал себя, словно на приёме у врача.

– Да, он уже готов. Удивительно, что ты так долго ждал, – Шу затянулась и подозвала меня жестом.

Я на ватных ногах приблизился.

– Где твой элебет? – строго поинтересовалась хозяйка.

– На спине.

– Показывай!

Я бросил на Вовку вопросительный взгляд, и брат едва заметно кивнул. Я непослушными пальцами расстегнул пуговицы и снял рубашку. Шу встала, обошла меня, скользнув кончиками пальцев по груди и плечу, и несколько секунд рассматривала татуировку.

– Интересный эскиз, – заключила она и развернула меня к себе лицом. – Ты уже охотился?

Я не знал, что ответить. Считать ли наши с братом вылазки полноценной охотой?

– Он ассистировал, – ответил за меня Вовка.

– И как всё прошло?

– Великолепно. Женька прирождённый воин.

– Колдун! – отрезала Шу. – Стопроцентный и истинный. И ты это видишь.

– Я сомневаюсь…

– Не верю, чтобы такой парень, как ты, когда-либо в чём-то сомневался, – усмехнулась девушка.

– Просто мне нужен был предлог, чтобы передать подарок, – улыбнулся Вовка, и я почувствовал, как рука Шу на моём плече дрогнула. Ага! Она запала на моего брата!

– Я же просила обращаться ко мне, когда тест по глазам даёт спорные результаты. Ты проверял его по глазам?

Вовка промолчал.

– Ты не проверял?! – рассердилась Шу.

– Не хотел подвергать брата…

– Вольдемар! – хозяйка взмахнула рукой, от чего пепел с сигареты упал на ковёр. – Глаза не врут!

– Я знаю, но…

– Иди сюда, – она схватила со столика бумажную салфетку и потащила меня к окну. – Сейчас мы покажем твоему брату, Женя, как проводится тест по глазам, чтобы он в следующий раз не беспокоил занятых драконов по пустякам.

Шу развернула салфетку, лихо поплевала на её углы и приклеила к стеклу. Пока она проделывала эту процедуру, я оглянулся на брата. Поймав мой взгляд, Вовка отвёл глаза. Я видел, что ему неловко и, может быть, даже стыдно.

– Смотри вперёд, вот сюда, – одной рукой хозяйка квартиры повернула мою голову к окну, а мундштуком во второй ткнула в сторону салфетки.

Не успел я перевести взгляд на бумажный квадрат, как Шу со всей силы вцепилась ногтями мне в руку выше локтя. От неожиданной боли я вскрикнул и попытался вырваться из хватки, но, к моему изумлению, оказался совершенно бессильным против девушки. Её, словно каменную колонну, невозможно было сдвинуть с места. Я попытался разжать её пальцы, но по мощи они не уступали каким-нибудь тискам на заводских станках. На большее сопротивление я не решился, поэтому сжал зубы и зажмурился.

– Открой глаза! – приказала Шу, и я не смог ослушаться.

Я чувствовал, как по руке стекают струйки крови, но пялился на чёртову салфетку, не отводя глаз. Через минуту пальцы девушки разжались. Я судорожно вдохнул, схватившись за место ранения.

– Смотри! – Шу отодрала со стекла салфетку и повернулась к Вовке. – Что и требовалось доказать!

– Там есть серый, – ухмылка не сходила с лица брата. – Я не зря сомневался.

Тут мне стало интересно, о чём они толкуют. Примерно на уровне моих глаз на окне обозначились два пятна размером со сливу. Они были полупрозрачные, как разводы от грязной

воды, но при этом нежно-зелёного цвета, как первая весенняя зелень, правда, пятна окаймляла серая полоса.

– Колдун и лекарь – пограничные ипостаси. Некоторые драконы их вообще в одну объединяют, – фыркнула Шу. – Я с этим не согласна, потому что колдун может стать лекарем, но лекарь колдуном – вряд ли.

– Я видел двойственность, думал, ты тоже заметишь, без теста, – подколол знакомую брат, и та обиженно повела плечами.

Тем временем кровь, стекавшая к моему локтю, всё-таки капнула на ковер. Я испуганно поднял глаза на хозяйку дома.

– Не беспокойся, это всего лишь капля крови, – Шу потрепала меня по волосам и вышла из комнаты.

Я подошёл к брату в надежде, что он подскажет, что делать, или поможет справиться с кровотечением, но Вовка только произнёс:

– Прости, я не хотел доводить до этого.

– Где там твои раны? – в комнате появилась Шу, держа в руке какую-то палочку, похожую на сладкую соломку. Взяв зажигалку, хозяйка подожгла край палочки и направилась ко мне. Я невольно попятился: ещё одна порция боли была лишней в сегодняшней программе.

– Не верю, что он твой брат, – пожаловалась Вовке девушка и ухватила меня за плечо. Я понял, что теперь сопротивляться бесполезно, и приготовился вынести новую мучительную процедуру. Но когда Шу прикоснулась дымящимся концом палочки к ране, я не ощутил боли – только приятную прохладу и лёгкое пощипывание. После прижигания кровотечение остановилось. Закончив обрабатывать раны, Шу потушила странную палочку, сунув её в рот, а потом снова вернулась в кресло.

– Можешь одеваться, – на ходу бросила она.

– Когда он сможет выбрать себе знак? – деловым тоном спросил Вовка.

– Можете прямо сейчас заехать. Я позвоню и предупрежу, – Шу закинула ногу на ногу, с вызовом глядя на моего брата. Всё-таки её сильно задевало, что он с ней вежливо-прохладен.

– А ритуал?

– Я позвоню.

– Мы ограничены во времени. Через неделю нам надо уехать.

– Я не принадлежу себе настолько, чтобы исполнять каждую прихоть приезжих, – отрезала Шу.

– Это не прихоть, это пожелание, – сдал назад брат. – Я понимаю, что ты очень занята, но вдруг у тебя получится устроить всё завтра или послезавтра…

– Мне нравятся напористые парни, но ты же прёшь как танк, – Шу повела бровью.

– Меня не зря зовут Спецназом.

– Дурацкое прозвище. Оно совершенно не для тебя, и ты знаешь, по какой причине.

– Тогда я жду звонка? – Вовка поднялся.

– Жди, – Шу одарила его выразительным взглядом. – Дверь найдёте?

– Приятного вечера, – улыбнулся брат.

– До свидания, – промямлил я.

Мы вышли в коридор, молча оделись и покинули квартиру, захлопнув за собой дверь.

– Она та ещё стерва! – сказал я, когда мы ехали в лифте.

Вовка усмехнулся уголком рта.

– И она на тебя запала.

Брат закатил глаза и помотал головой:

– Где она – и где я! Ты не понял разницу, я вижу.

Знак

Перемещаться по центру Москвы днём было чрезвычайно затруднительно, мы то и дело останавливались на светофорах и по два часа пропускали пешеходов, а когда Вовка решил срезать

дорогу дворами, то мы упёрлись в тупик из-за ремонта большого участка улицы. Ругаясь сквозь зубы, брат вернулся на прежний путь.

– Куда мы сейчас?

– Тебе нужен знак. У каждого дракона он должен быть, чтобы другие драконы видели своего. Это что-то вроде армейского жетона, – говорил брат, лавируя между другими машинами. – Это может быть любое украшение, ты сам выберешь то, что тебе по душе. Я браслет себе взял, – Вовка поднял вверх левую руку, напоминая, про что он говорит. – Но ты не должен снимать свой знак ни при каких обстоятельствах, поэтому отнесись к выбору серьёзно.

Я кивнул, но в душе решил, что тоже выберу себе браслет. Вовкин мне нравился. Он напоминал наручные часы: толстый кожаный ремешок с металлической застёжкой, только вместо корпуса часов – два узких продолговатых камня. Они были серого цвета, полупрозрачные и в то же время матовые, и если вглядеться, то можно было увидеть внутри них пузырьки воздуха – почти как в янтаре.

– Мы совершим обряд посвящения – разбудим твою сущность, чтобы ты стал больше драконом, нежели человеком, – продолжал тем временем брат. – Но во время ритуала на тебе должен быть знак. Он впитает информацию о тебе, и другие драконы смогут её увидеть, а ты сможешь читать знаки других драконов.

Мне не очень хотелось, чтобы кто-то получал обо мне хоть какую-то информацию. С тех пор как у меня появились фальшивые документы, я с опаской относился ко всякого рода рассекречиваниям.

– Шу сказала, что я колдун и лекарь. Что это значит?

– У каждого дракона есть своё предназначение – область, в которой он может достигнуть небывалых высот. Это предназначение даётся с рождения, но иногда не проявляется до тех пор, пока не проснется сущность. К счастью, в тебе твоё предназначение уже проявилось, но у меня были некоторые сомнения, одно ли оно у тебя. То, что ты дракон-колдун, я понял сразу, но к колдунам животные не липнут, только к нянькам или лекарям. Поэтому я и хотел убедиться на сто процентов.

– Что я колдун-лекарь? – я рассмеялся. – Вов, ты шутишь? Какой из меня колдун? Я не верю в магию.

– В магию пусть верят маги, а ты колдун, – хмыкнул брат. – Это примерно то же, что учёный. Ты знаешь свойства веществ и на их основе создаёшь новые вещества с новыми свойствами.

Я невольно вспомнил свои сны.

– Когда я увидел, как ты готовишь, я сразу понял, что ты дракон-колдун. И Горыныч это понял, потому и подарил тебе колдовскую книгу. Там рецепты на все случаи жизни, но, пока ты не готов воспринять информацию, книга её от тебя скрывает.

Я присвистнул.

– Задатки лекаря в тебе говорят о том, что ты сможешь придумывать и лечебные смеси. Что-то типа химика-фармацевта. Поэтому Шу и сказала, что колдун может стать лекарем, ведь химик может создать порох, а может и аспирин. Зато лекарь никогда не научится создавать порох. Его назначение – врачевать любыми методами: физиотерапевтическими, хирургическими, реанимационными, акушерскими…

– Я в шоке, – усмехнулся я. Мне хотелось сказать многое, но я не мог облечь свои мысли в стройную форму. – А ты кто по ипостаси?

– Дракон-кузнец. Чинить, ковать, собирать-разбирать – это моё.

Вот уж точно! Я вспомнил жизнь в деревне, когда на Вовке держалось всё хозяйство. Видимо, в стрессовой ситуации его сущность стала проявляться с самого детства.

– Я думал, что ты воин.

– Воин поневоле. Мне надо заботиться о вас с Максиком. Всему, что я сейчас умею, я научился с большим трудом, и поэтому воин я посредственный.

Мне не верилось, что мой могучий и спортивный брат может быть посредственным воином. Кто тогда не посредственный?

– Я и знак воина себе сделал, чтобы усилить свои боевые качества, иначе не смог бы справиться с крупными хищниками. И этот знак иногда сильно мешает моему прямому предназначению. Дракон-кузнец призван созидать, а дракон-воин – разрушать. И когда я что-то делаю, то, бывает, ломаю это – из-за татуировки, – Вовка хлопнул себя по предплечью.

Я вздохнул: брат пожертвовал своим предназначением, чтобы защитить меня и Максика. Теперь я в двойном долгу перед ним.

– А есть усиление для колдуна? – спросил я.

– Конечно, есть. И для лекаря тоже. Поэтому ты должен определиться, какую свою сторону будешь усиливать.

– А какая во мне больше выражена?

– Они примерно равны: одна создает форму, другая наполняет её содержанием. Прости, что тебе пришлось проходить через этот тест, – Вовка виновато посмотрел на меня. – Шу сделала это, чтобы уязвить меня.

– Не переживай! – я хлопнул брата по плечу. – Хотя тест странный.

– Изобретение лиг. Дракону причиняют боль, и его взгляд оставляет на гладкой поверхности – стекле или зеркале – следы разных цветов. Голубой или серый цвет означает предрасположенность к лечению, изумрудно-зелёный – к наукам, светло-зелёный – к созиданию, красный – к войне и так далее. Бумага или лёгкая ткань выполняет при этом функцию воронки, чтобы сконцентрировать следы в одном месте в виде пятна. Я мог бы выяснить твоё предназначение ещё дома, но не хотел лишний раз причинять боль.

– Я же сказал, что не сержусь, – отмахнулся я. – А Шу кто по предназначению?

– Королева.

– В смысле? У драконов есть и такая ипостась?!

– Кто-то же должен руководить нашим племенем. Король или королева решает внутренние или внешние конфликты, создаёт порядок внутри своего племени, а если на его кто-то покушается, то встаёт во главе армии. В общем, Шу – наш предводитель, которому подчиняются не только драконы в законе, но и незаконнорождённые. Хотя беглецы часто этим пренебрегают.

– Почему?

– Боятся, что королева сдаст их лигам.

– А нам не опасно общаться с ней?

– Шу хоть и занимает высокий пост, но не лишена авантюризма и ищет острых ощущений. Видел её кольцо?

Я вспомнил на её левом среднем пальце перстень с красным камнем, по которому расходились чёрные круги.

– С его помощью она делается недосягаемой для взора лиг и может в это время заниматься чем угодно. Это дань уважения с их стороны. Таким образом лиги признают её независимость и свободу, а она с помощью перстня показывает им, в какие моменты её нельзя беспокоить. Моменты тоже, знаешь, разные бывают.

– Значит, Шу общается с незаконнорождёнными драконами для острых ощущений? А если ей надоест? Или кто-нибудь оскорбит её, и она сдаст его лигам? – эта история с королевой драконов мне нравилась всё меньше.

– Ей невыгодно это, потому что тогда лиги узнают, что она общалась с беглыми. Это, как ты понимаешь, не поощряется. Мы для них – изгои и предатели, – лицо Вовки помрачнело. – Даже когда лиги возвращают беглецов и заставляют служить им, те всё равно не обретают доверия среди собратьев. Мы становимся чем-то вроде рабов – для грязной и опасной работы, а в случае войны или другого конфликта нами прикрываются, как живым щитом. Поэтому мама и хотела защитить нас.

Мне тоже стало грустно. Быть изгоем неприятно – я испытал это на своей шкуре.

Скоро мы подъехали к большому ювелирному магазину. Вовка долго парковался, втискиваясь между двумя «Нексиями». Выходить нам пришлось тоже боком, потому что нельзя было широко открыть двери, чтобы не поцарапать машины.

– Москва… – ругнулся брат, отряхивая рукав, которым задел грязный борт «Черика».

Мы вошли в ювелирный магазин, и я замер от такого количества сверкающих бриллиантов. Вовка же прямиком направился к продавцу и что-то сказал ему. Тот удивлённо отпрянул, потом кивнул и дал знак охраннику. Охранник подвёл нас к двери служебного входа, сообщил по рации своему напарнику, что пришли от Маргариты Эдуардовны. Через минуту дверь открылась, и нас принял другой охранник – в штатском. Мы прошли по коридору, спустились по лестнице вниз и остановились перед дверью с надписью «Бухгалтерия». Охранник постучал, потом заглянул и робко поинтересовался, можно ли войти посланникам Маргариты Эдуардовны. Ему что-то ответили, и он впустил нас внутрь, закрыв за нами дверь.

Мы оказались в небольшом, но уютном кабинете. Один из столов был свободен, а за вторым сидела полная женщина лет сорока. Мы поздоровались, при этом Вовка задрал рукав пальто, демонстрируя браслет.

– Слушаю, – она уставилась на нас поверх очков.

– Нам нужен знак. Ему, – брат кивнул на меня.

Женщина с минуту рассматривала меня так, будто я собирался жениться на её дочери. Я улыбался ей, полагая, что этим смогу произвести благоприятное впечатление. Видимо, мне это удалось, потому что бухгалтерша со вздохом встала, вынула из ящика соседнего стола толстую книгу и протянула нам:

– Выбирайте!

Вовка толкнул меня в спину, призывая открыть книгу. Это оказался каталог с изображениями различных украшений. Я сразу перешёл к разделу «Браслеты», пробегая глазами фотографии. Среди них было много красивых и необычных, но никакой мне не нравился так же сильно, как Вовкин. Я перелистывал страницу за страницей, чувствуя нарастающее разочарование.

– Чего зациклился на браслетах? – брат перекинул несколько страниц, демонстрируя мне кулоны. – Это может быть всё что угодно.

Я пробегал глазами по снимкам, мысленно представляя эти вещи на себе, но понимал, что никакую из них не хотел бы видеть бесконечно долго. Каталог подходил к концу, а я всё ещё не сделал выбор. На предпоследней странице надежда оставила меня, и я машинально перевернул лист. И увидел его – кольцо, от которого перехватило дух. Полоска белого золота с шестью перекрестиями на равном расстоянии друг от друга, сквозь которые продеты два тонких обруча из жёлтого золота. В центр каждого из перекрестий был вставлен маленький бриллиант. В одном месте центральная полоска имитировала язычок ремня, продетого через пряжку.

– Вот! – я ткнул пальцем в изображение. – Можно мне такое?

– Можно, – женщина пожала плечами. – Платить когда будете?

– Сейчас, – ответил Вовка.

– А размер мой есть? – уточнил я, потому что кольцо – это всё же не браслет и не кулон.

– Есть, – бухгалтерша захлопнула книгу и убрала её в стол. Потом вынула откуда-то связку ключей, подошла к шкафу и распахнула его дверцу, отгородившись ею от нас. Внутри, видимо, находился сейф, потому что женщина бренчала связкой, занырнув по пояс в шкаф. Она возилась там минут пять, а мы с братом переминались с ноги на ногу у порога. Наконец, женщина появилась из шкафа с железной коробкой в руках.

– У нас стопроцентная предоплата, – заявила она, глядя на Вовку.

Тот молча вынул из внутреннего кармана маленький мешочек из плотной чёрной ткани и протянул его бухгалтерше. Она распустила завязки и, заглянув вовнутрь, довольно улыбнулась. Отложив мешочек, она ключом открыла коробку, в которой лежало десятка два прозрачных пакетиков с кольцами. Ухватив один пакетик, она протянула его мне:

– Примерь!

Я достал своё кольцо и надел на левый безымянный палец. Оно село так, словно было изготовлено под заказ. Поняв, что я доволен, женщина бросила в коробку Вовкин мешочек и снова убрала всё это в сейф.

– Спасибо. До свидания, – Вовка потянул меня к двери.

– Счастливо! – отозвалась женщина, даже не взглянув на нас.

Охранник вывел нас в общий зал, и мы покинули магазин. Я был доволен как слон и всё любовался приобретением. У меня было ощущение, что я всегда мечтал иметь именно это кольцо, хотя к украшениям до сегодняшнего дня был равнодушен. Особенно к кольцам. Мне всегда казалось, что это женские побрякушки. Мужчине же украшательства ни к чему, разве что какой-нибудь кулон.

– Драконы редко выбирают золотые вещицы, – вдруг сказал Вовка. – Это всё равно что ходить с постоянно кровоточащей раной. Но раз тебе оно приглянулось, я не стал возражать.

– Мне с ним спокойней, – пояснил я.

– Верю, – кивнул брат и тут же чертыхнулся: вместо «Нексии» с водительской стороны стояла малолитражка, прижавшись к джипу так, словно просила у него защиты.

– Твою ж мать! – Вовка плюнул себе под ноги. – Купят права и думают, что они одни на дороге!

Я промолчал, потому что у меня-то как раз права были купленные, а водить меня научил брат.

Боевое крещение

– Хочешь развлечься? – неожиданно спросил брат, когда мы вошли в наш номер.

– Даже не знаю. А что ты предлагаешь?

– Можем съездить в какой-нибудь клуб, оттянуться. Или в казино.

– У нас есть деньги на казино? – удивился я.

– Нам надо заработать денег на поездку, и казино неплохой для этого вариант.

– Значит, поехали в казино.

Приезд в столицу всколыхнул в моей душе всевозможные чувства от страха до восторга, но я был рад этой гамме, потому что давно уже не испытывал такого разнообразия. Я был за любой поход, который предложит брат.

В десятом часу вечера мы отправились в казино. Я думал, что Вовка наденет свой тёмно-синий костюм и будет изображать Джеймса Бонда, но он вырядился в джинсы и чёрную толстовку. Я же был в том, в чём ездил к Шу. Вовка пояснил, что провинциалы в обычной одежде не привлекут внимания, что было нам на руку.

Ночная Москва потрясла меня подсветкой зданий и обилием транспорта, несмотря на поздний час. В городе, где я учился в училище, фонари стояли только на нескольких центральных улицах, а остальные освещались окнами домов, витринами магазинов да редкими светильниками, установленными местными бизнесменами. Поэтому с наступлением темноты мало кто разгуливал по тем улицам – только молодежь, ищущая развлечений, да владельцы собак, выгуливающие своих питомцев.

В Москве всё было иначе. С наступлением вечера и даже ночи толпы людей и потоки машин не уменьшались.

– Москва никогда не спит, – пояснил брат. – Здесь даже книжные магазины и спортзалы работают круглосуточно.

Мы подъехали к сверкающему огнями казино «Алмаз». Охранник на входе строго поинтересовался, совершеннолетний ли я. У меня по привычке похолодела спина, потому что восемнадцати мне ещё не исполнилось, но в новых документах я был на год старше реального возраста.

Раздевшись в гардеробе и обменяв деньги на фишки, мы прошли в большой и накуренный зал без окон. Здесь было много народу, штук десять игровых столов, на стенах висели плазменные телевизоры, по которым транслировались спортивные матчи. Между игровыми столиками сновали официанты с подносами.

– Зря не надел костюм, – оглядев публику, резюмировал я. – Ты бы выглядел шикарно.

– В костюме неудобно драться.

– С кем?!

– Когда мы поднимем большую сумму за игровым столом, к нам подойдут специально обученные люди, чтобы решить этот вопрос, – Вовка непринуждённо осматривал столы. – Поэтому нам, чтобы выйти отсюда, придётся драться.

– А если мы не сможем…

– Сможем!

– А если мы не поднимем большую сумму?

– Мне везёт, ты забыл? – брат подмигнул и быстро направился к столу, где играли в покер. Я следовал за ним, но на полпути Вовка остановился, дал мне треть фишек и велел пойти в соседний зал:

– Не надо, чтобы нас видели вместе.

– А если я проиграю деньги?

– Делай с ними, что хочешь.

Я отправился бродить по казино. Оно имело ещё два зала кроме основного, в одном из них стояли игровые автоматы. Я кинул фишку в прорезь и дернул рычаг «однорукого бандита». Первые две игры я проиграл, а вот на третьей мне повезло, и в лоток для денег насыпалась небольшая горка монет. Я кое-как сгрёб их в кучу и отправился менять на жетоны. Проходя через основной зал, я бросил быстрый взгляд на Вовку. Перед ним на столике стояли две стопки фишек, каждая из которых была в три раза выше той, с которой он пришёл. Когда я возвращался обратно, брата за покерным столом уже не было. Я пошарил взглядом по залу и обнаружил Вовку за рулеткой. Мне тоже захотелось попытать счастья с красным и чёрным. Первую ставку я сделал небольшую и проиграл, как проиграл вторую и третью. На четвёртой я выиграл немногим больше той суммы, с которой пришёл. Играть только ради того, чтобы выйти в ноль, мне было неинтересно, и я уже хотел закончить игру, как вдруг со мной произошла одна странная вещь.

Рядом сидела женщина, увешанная золотом, как новогодняя ёлка – шарами. Однако не золото, не перстни, серьги и цепочка томили меня. Я ёрзал на месте, пропуская ставки, и чувствовал себя всё хуже и хуже, не понимая причину такого состояния. И в тот момент, когда я уже решил встать и уйти, женщина вдруг чертыхнулась и принялась стягивать перстень с голубым камнем. И едва мой взгляд коснулся этого камня, как изнутри меня обожгло холодным огнём, будто я целиком проглотил шарик мороженого. Я понял, что вызывало во мне эту неведомую доселе тревогу, и с интересом смотрел, как женщина избавляет руку от перстня. Это давалось ей непросто, потому что палец отёк, а я за это время успел разглядеть мучивший меня предмет.

Перстень был серебряный, хотя остальные украшения на женщине были из чистого золота. Сам камень был тёмно-голубым, прямоугольной формы. Я не знал, какие драгоценные камни имеют такой цвет. Я вообще очень плохо в этом разбирался, потому просто рассматривал огранку голубого минерала. Первая ассоциация, которую он у меня вызвал, была с футбольным стадионом. Серебряное гнездо не огибало его по периметру: инкрустированные бриллиантовой крошкой планки на пару миллиметров не доходили до угла, и этим напоминали трибуны. Боковые же грани камня уходили под углом вверх, напоминая конус с усечённой вершиной. Из-за этого свет причудливо играл внутри минерала, отбрасывая отражение под разными углами и в разных направлениях. И мне то казалось, что внутри перстня жидкость, в которой плещутся мелкие блестящие звёздочки, то вдруг я видел камень не выпуклым, а вогнутым, а ещё через несколько мгновений мне почудилось, что он меняет свой размер, расширяясь в оправе, хотя такое вряд ли было возможным.

Я неотрывно смотрел на этот перстень, и у меня в горле начинались спазмы. Женщина, видимо, тоже стала чувствовать нарастающий дискомфорт.

– Что случилось? – обратился к ней сидящий рядом мужчина.

– Не могу больше… Сильно давит.

– Надо тебе сходить к врачу. Отёки – это нехорошо.

– Знаю, – огрызнулась женщина, наконец, избавилась от перстня и протянула его спутнику. – Спрячь подальше.

Мужчина сунул украшение во внутренний карман пиджака. В этот момент во мне и проснулась жажда охоты – настолько сильное и необычное чувство, что я уже не мог ему сопротивляться. Я ощущал это кольцо – так, словно держал его в руках, только не пальцы передавали сигнал моему разуму. Иной орган осязания гладил шероховатую поверхность металла, усыпанного бриллиантами, и прохладную гладь минерала. От этих ощущений мне было трудно дышать, и я мысленно повторял:

– Иди ко мне… Иди ко мне…

Я не знал, как это произойдёт и произойдёт ли вообще, но я страстно желал заполучить этот перстень. Охотничий азарт лишал меня здравого смысла, и мне с трудом удавалось скрывать своё возбуждение.

Сам процесс выскальзывания перстня из кармана я не видел. Я только услышал звук его падения. Откинувшись на спинку кресла, как будто я решил переждать несколько туров, я опустил глаза и заметил кольцо на полу. Продолжая его звать, я смотрел, как оно катилось ко мне, преодолевая шероховатости коврового покрытия и огибая ножки стульев. Когда оно оказалось рядом, я поставил на него ногу и сделал последнюю ставку. Деньги я проиграл подчистую, поэтому мне оставалось только встать и уйти. Напоследок я уронил свой сотовый, нагнулся поднять его и заодно прибрал перстень.

Я медленно отходил от места преступления, осматриваясь со скучающим видом. Совершённое воровство будоражило меня, но при этом я не чувствовал стыда. Я ощущал, что чужая вещь сама пришла ко мне, как если бы нашёл на улице чью-то собаку, и она пошла за мной. Трогая в кармане перстень, я наблюдал за Вовкой, дела которого, судя по количеству фишек, шли в гору. Но мне было немного не по себе: вдруг мужчина обнаружит пропажу, начнётся обыск. Как тогда мне избавиться от кольца? Я направился к брату.

Очередной выигрыш принёс ему новую порцию фишек. Крупье придвинул их к Вовке специальной лопаточкой и окинул взглядом других игроков:

– Делайте ставки!

– Вов, поговорить надо, – шепнул я брату на ухо.

– Последний тур. Пан или пропал, – Вовка собрался передвинуть один столбик на игровое поле, но я схватил его за рукав:

– Срочно!

– Ладно, ты прав. Пора остановиться, – брат встал и обратился к крупье: – У вас есть пакет?

– Ставок больше нет, – объявил тот играющим и вынул откуда-то из-под стола прозрачную «маечку».

– Спасибо, – кивнул Вовка и протянул пакет мне: – Держи.

Я подождал, пока он сложит в него фишки, а потом мы направились к выходу.

– Надо сматываться срочно, – сквозь зубы сказал я.

– Я, по-твоему, что делаю? – Вовка вёл себя непринуждённо, хотя я видел, как он стреляет глазами по залу. – Сейчас обменяем фишки и свалим.

Но сделать этого нам не дали: с разных сторон наперерез к нам двинулись два парня в чёрных костюмах.

– Когда я скажу «енот», зажми уши, понял? – приказал Вовка и остановился, ожидая, когда парни приблизятся к нам.

– Добрый вечер, – заговорил один. – Вы не могли бы пройти с нами?

– С какой стати? Я что-то натворил? – наигранно удивился брат.

– Нет-нет, просто наш босс – ваш одноклассник, – второй парень взял Вовку под локоть. – Он приглашает вас выпить.

– Я не ходил в школу, – Вовка освободился от хватки, но тут же второй вышибала подхватил его под другую руку:

– Это займет пять минут.

– У вас не босс, а какой-то бешеный енот! – вспылил Вовка, и я тут же приложил ладони к ушам. Я не разобрал ни слова, но слышал, что брат произнёс что-то быстро и отрывисто, а потом громче добавил:

– Пошли вон! Оба!

Вышибалы несколько секунд непонимающе смотрели на него, а потом развернулись и отправились прочь.

– Быстро! – Вовка схватил меня за рукав и потянул к выходу. – Возьми вещи, заводи «Черик» и выруливай со стоянки.

Я бросился с бирками в гардероб, а брат свернул в кассу – обменивать фишки. По парковке я шёл быстро, но старался не выдавать своего волнения, чтобы не вызвать подозрения у тех, кто следил за мониторами видеокамер наружного наблюдения. Быстро сел за руль, включил зажигание, дал задний ход. В зеркало заднего вида я наблюдал, как Вовка вышел на крыльцо казино и направился ко мне, но через пару секунд вслед за ним выскочили два охранника. Вовка двумя ударами разделался с ними и побежал к машине, но на крыльцо выскочила вторая партия охраны и рванула за братом, на бегу выхватывая пистолеты. Я чувствовал, что мне пора вмешаться, но не знал, как это сделать: покидать водительское место нельзя, потому что придётся рвать когти, и надо, чтобы машина была на старте.

Тем временем Вовка поднял руки и что-то выкрикнул. Я видел, как двигались его губы и как замер вооружённый громила, словно сказанное поставило его в тупик. Брат точным ударом выбил у него пистолет и апперкотом отправил противника на землю. Выиграв ещё несколько секунд, он заскочил в джип и захлопнул дверцу. Я втопил педаль, но наперерез мне выскочил ещё один вышибала с пистолетом. Я ударил по тормозам и дал задний ход. В тыл «Черику» никто не решился заходить, потому что дорогу я видел плохо, а скорость была большая. Развернувшись на полном ходу и ударив чью-то машину, я переключил скорость и рванул чуть ли не под сто километров. Послышались выстрелы, но, слава богу, ни один из них не достиг цели.

– Если они поцарапали «Черик», я их удавлю ногами! – выплеснул эмоции Вовка, а потом потряс перед собой пакетом. – Пол-лимона, Женька! Теперь наши!

– Нас будут искать.

– Счастливых поисков!

– У меня тоже улов, – скромно признался я и вынул кольцо. – Вот.

– Ух ты! «Слеза дракона»! – неподдельно восхитился Вовка. – Поздравляю, Жень, оно тысяч сто стоит, не меньше.

– Серьёзно?

– Ну… может, восемьдесят. Перекупщики возьмут за шестьдесят.

– Понимаешь, оно само ко мне пришло. Как будто звало меня, а потом раз – и пришло!

– У тебя уже пограничное состояние. Надо быстрее ритуал проводить, – Вовка вздохнул. – Зря Шу медлит. Упустим время…

Богем

Оставив меня в номере, Вовка ушёл, как он выразился, заметать следы.

– Никому не открывай, из номера не выходи, – сказал он, перед тем как выйти. – Если кто-то сунется – стреляй. Мне проще разобраться с чужим трупом, чем с твоим.

Я понимал, чем продиктовано волнение брата: когда мы улепетывали из казино, мне казалось, что за нами погоня. Не такая, как в боевиках, когда приходится шнырять между машинами и выскакивать на тротуар, а тихая и неприметная, как слежка. Я пытался вычислить этот автомобиль, но слепящие фары и отражающиеся в кузовах огни делали все машины в Москве одинаковыми. И когда я парковался, то всматривался в темноту: не притаился ли где-нибудь шпион. Поэтому и выходить из номера у меня большого желания не было: разбираться со столичными вышибалами – это тебе не деревенскому парню наподдать.

После ухода Вовки я пытался уснуть, но не мог: волновался за брата. Он, конечно, сильный и ловкий и наверняка контролирует ситуацию, но после того, как он мне рассказал о предназначении драконов, я стал беспокоиться, что брату не хватит сил одолеть противника. Я зажёг свет и включил телевизор. Машинально переключая каналы, я думал о том, что произошло сегодня – и про визит к Шу, и про покупку кольца-знака, и про кражу перстня. Ещё в январе я не мог представить вокруг себя такую жизнь, и если бы кто-то сказал мне, что я буду ходить по казино и обкрадывать его посетителей, а потом вместе с братом спасаться бегством от охранников, – я бы от души посмеялся.

Остановившись на музыкальном канале, я разглядывал украденный перстень. Внутри него отражённый свет перекатывал тёмные волны, словно топаз дышал – мерно, как спящий человек. И чем больше я смотрел на камень, тем сильнее становилась моя тревога. Смутные страхи поднимались с глубин души, и эта неизвестность пугала ещё сильнее. Напряжение стало таким сильным, что, когда в коридоре кто-то громко рассмеялся, я вздрогнул, словно от выстрела. Я убрал кольцо во внутренний карман куртки и снова лёг. Мне удалось заснуть на полчаса, но я проснулся от страха. Мне не снилось ничего ужасного, даже тех учёных с пробирками и приборами я не видел, но я открыл глаза в совершенной панике. Она не ушла ни во время просмотра кино, ни после принятия душа. Впервые замкнутое пространство давило на меня, хотя раньше мне было уютно в тесных помещениях. В них я чувствовал себя защищённым. Сейчас же всё было с точностью до наоборот. Я открыл окно, но это не помогло. Звонить брату я не стал: мало ли в какой момент застанет его мой звонок. Я ходил из угла в угол, не в силах справиться с эмоциями. В конце концов, сунув за пояс джинсов пистолет, я надел свой старый свитер грубой вязки, чтобы он скрывал оружие, и спустился в бар.

Как учил меня брат, прежде чем сесть за стойку, я продумал как минимум два пути к отступлению. Бармен посмотрел на меня с неприкрытым подозрением, и я пожалел, что оставил в номере свой паспорт.

– Колу со льдом, – попросил я. Бармен кивнул и отправился к холодильнику за бутылкой.

По телевизору шёл матч между «Вашингтоном» и «Питтсбургом», и на какое-то время я увлёкся хоккеем, но потом тревога снова пробралась в мои мысли. Я заказал ещё кока-колы и пил её маленькими глотками, чтобы унять беспокойство.

– Болеешь за кого-то? – раздался над ухом женский голос, и я чуть не подпрыгнул – так напряжены были мои нервы.

– Нет, так… – я повернулся к своей собеседнице, но рассматривать её больше трёх секунд мне стало неловко. Я отметил только, что она блондинка с короткой стрижкой и на ней надета блестящая зелёная блузка с глубоким декольте.

– Ночной рейс? – не унималась блондинка.

– В смысле?

– Почему так поздно в баре? Улетаешь утром или прилетел недавно?

Я поймал удивлённый взгляд бармена, который явно недоумевал, что ночная бабочка нашла в посетителе, одетом так, словно он только что вернулся с копки картошки. Впрочем, этому парню я сразу не понравился.

– Нет, просто… бессонница, – её допрос меня сильно смущал, потому что я понимал, с какой целью она подсела ко мне. Собственно, чего я ожидал в пятом часу утра в баре отеля?

– Такой молодой – и уже бессонница? – она положила свою ладонь поверх моей. – Тебе надо расслабиться.

Это прикосновение сыграло роль катализатора, словно в нём слилось всё то тревожное и паническое, что мучило меня весь вечер. Стрелка на шкале моего беспокойства скакнула к критической цифре.

– Спасибо, но нет. У меня нет денег.

– Это будет стоить, как три бутылки кока-колы, – её пальцы поглаживали мои. – На три бутылки у тебя есть деньги?

Я взглядом послал бармену призыв о помощи, но тот, видимо, был в доле, потому что сделал вид, что не замечает происходящего.

– Я не выпью три бутылки, поэтому у меня денег только на две, – я поднялся, но девушка держала меня за руку, не желая отпускать клиента.

Я чувствовал себя препогано: угодил в сети путаны, которая, видимо, за ночь не подцепила ни одного клиента и теперь готова вытрясти деньги с любого. Провинциальный паренёк, попивающий в баре кока-колу, конечно, был лёгкой добычей. Я не знал, как мне выбираться из всего этого на глазах у редких посетителей бара. Я бросил на стойку деньги за кока-колу и выдернул руку из пальцев женщины. Она тут же сорвалась за мной. «Ладно, – думал я, – выйдем отсюда, я дойду до рецепции и попрошу их принять меры относительно навязчивой девушки». Но как только я поднялся по ступеням в холл, путана испарилась. Я не удивился, а скорее, обрадовался этому обстоятельству и с облегчением выдохнул: пусть цепляет пьяных иностранцев!

В это время в двери отеля вошёл Вовка. Был он какой-то напряжённый и мрачный, но я не придал этому значения. Я так обрадовался его появлению, что забыл: я ведь нарушил его приказ.

– Вов! – я чуть не бросился к нему в объятия. Всё-таки рядом с братом я чувствовал себя в безопасности.

– Ты меня тут всю ночь встречаешь? – слабо улыбнулся он.

– Нет, в окно тебя увидел, – я был рад, что он не накинулся на меня с выговором за покинутый номер.

– Я приметная фигура, – согласился Вовка, неожиданно обнял меня за плечи и повёл к лифту. – Устал я.

– Завтра спим до обеда? – осторожно поинтересовался я.

– Точно!

Это тоже не походило на Вовку. Даже проведя ночь за рулём, он всё равно утром выходил на пробежку. И обещал, что в Москве поблажек не будет. Видимо, заметание следов после похищения полумиллиона вымотали его окончательно. Это означало, что завтра ночью он пойдет на охоту и, возможно, возьмёт меня с собой. Охотиться в Москве! Это действо обещало много интересного. Будет что вспомнить на старости лет.

Мы вошли в лифт, но за нами успел заскочить портье.

– Какой вам? – он вежливо повернулся к Вовке.

Брат промолчал, и пришлось ответить мне. Портье вышел на пятнадцатом.

– Почему ты не сказал ему этаж? – спросил я, когда двери за служащим закрылись.

– Не хочу, чтобы каждая собака знала, где мы живём, – буркнул Вовка.

Эта излишняя подозрительность мне не понравилась. Любой работник отеля, если захочет, может получить доступ к информации о номере проживания гостя, поэтому скрытность ничего не даст. Я не стал делиться своей теорией с братом, но когда мы вышли из лифта, произошла ещё одна странность. Край ковровой дорожки на площадке возле лифта загнулся, наверное, кто-то из гостей так усердно тащил свой чемодан. Я запнулся об этот край и остановился, чтобы поправить его. Вовка тоже встал, ожидая, когда я закончу. Я намеренно долго расправлял ковёр и притаптывал его ногой, чтобы он больше не задирался. Вовка всё ещё стоял в нескольких шагах от меня. И тут я понял, что он *не знает*, куда идти. Моё сердце буквально взорвалось бешеным ритмом: мой брат не был моим братом, потому что уж слишком много странностей в последние пять минут произошло с его подачи. Я не знал, что случилось: вселилась ли в Вовку какая-нибудь тварь или он находится под действием каких-то препаратов, – но я не мог разработать план действий. В голове крутился только наказ брата относительно слежки. «Продолжай движение. В дом не заходи, в машину не садись – не показывай врагу место твоей дислокации», – говорил он. И я намеренно свернул в другое крыло, на ходу вынимая карточку-ключ. Вовка шёл за мной, что убедительно доказывало мою теорию. Я остановился у первой попавшейся двери и всунул карточку в прорезь. Красная лампочка продолжала гореть. Я повторил попытку.

– В чём дело? Почему не срабатывает? – нахмурился Вовка.

– Ну-у… наверное, потому, что это не наш номер, – улыбнулся я, быстро выхватил пистолет и наставил его на брата. – Кто ты, чёрт возьми?!

– Ты чего? – он отшатнулся. – Опусти пистолет!

– Назови меня по имени!

– Что?

– Скажи, как меня зовут!

Вовка выдохнул, повёл бровью и выдал:

– Евгений.

– Мимо! Два шага назад, тварь! – я снял пистолет с предохранителя. – Или ты говоришь, кто ты, или я снесу тебе голову.

– Снесёшь голову брату? Жень, ты даёшь! – Вовка горько усмехнулся и развёл руки в стороны. – Ладно, если ты хочешь пристрелить меня – валяй. Из-за того, что я запутался в расположении комнат ты готов пустить пулю в родного брата, который вытащил тебя из детдома.

– Ты же говорил, что не первый раз останавливаешься в этом отеле!

Вовка закатил глаза и покачал головой.

– Ты неправильно назвал моё имя.

– Жень, не передергивай. Мы все устали: ты и я. Был безумно трудный день…

– Ты странно повёл себя с самого начала, – не сдавался я. – Ты велел мне оставаться в номере, а я вышел. Вовка бы отчитал меня.

– Не хотел делать это на людях. Что бы они подумали, если бы я начал ругать тебя, как пятилетнего ребёнка? Я просто оставил этот педагогический момент до возвращения в номер.

– Спать до обеда ты тоже собирался, чтобы люди ничего не подумали?

– Господи, да я пошутил! Хотел обнадёжить тебя, а потом поднять ни свет ни заря, чтобы ты не расслаблялся.

– Ни свет ни заря уже сейчас, – бессонная ночь лишила меня здравого смысла. Я понял, что сглупил, наставив на Вовку пистолет, и мне стало стыдно. Я хотел выйти из ситуации, сохранив остатки гордости, но не мог ничего придумать.

– Ты просто устал, – Вовка медленно приблизился. – Нервы сдают в самый неподходящий момент, да? Спрячь пушку, и сделаем вид, что ничего не было. Не буду гнобить тебя этим, обещаю.

Я прерывисто вздохнул и сунул пистолет обратно за пояс.

– И чтобы доказать тебе, что я твой брат… Дай карточку!

Я протянул её Вовке. Он ловко крутанул её между пальцев, направился в нужное крыло и подошёл к двери нашего номера:

– Ну? Будешь там стоять или зайдёшь?

Я двинулся к нему, чувствуя, как лицо моё заливает краска. Вовка тем временем открыл дверь и, придерживая её, ждал, когда я войду. Уже переступая порог, я вдруг краем глаза заметил левое запястье брата: на нём не было браслета.

– А где твой… – я не успел закончить фразу, как Вовка толкнул меня в грудь – с такой силой, что я упал на пол, чуть не ударившись головой о косяк.

– Глупое ничтожество! – прошипел он незнакомым голосом и бросился ко мне. Я еле успел увернуться, вскочил на ноги и выхватил пистолет, но в следующую секунду оружие отлетело к окну.

– Чёрт! – я схватил гостиничный телефон и хотел ударить брата по голове, но тот закрылся рукой, а второй, как пушинку, швырнул меня на соседнюю кровать. Я успел только моргнуть, как Вовка оказался надо мной и, навалившись всем весом, принялся душить. Правда, душил он меня странно, по крайней мере, мне представлялось, что делать это надо не так – не тянуть шею жертвы к себе, а сдавливать, перекрывая кислород. Резкая боль пронзила меня. Она начиналась между лопаток и ударяла мощными лучами в поясницу и затылок. От боли у меня выступили слёзы и парализовало руки и ноги. Я ждал, когда же брат меня задушит, но он оставлял мне возможность делать судорожные вдохи и выдохи.

Вдруг Вовка встрепенулся, и я заметил, как над его головой сверкнул клинок. Брат увернулся, но сталь полоснула его по левому плечу. Брат зашипел, как прохудившаяся шина. В первую минуту мне показалось, что от недостатка кислорода у меня начались галлюцинации, но, сев, я понял, что глаза меня не обманывают: в номере находились два Вовки. Оба в одинаковой одежде, оба похожи как две капли воды, только у одного был меч и браслет на руке, а у второго… Второй скалился и рычал, как животное, отступал к стене, готовясь к атаке.

– На меня твои уловки не действуют, – хмыкнул настоящий Вовка, но не нападал, чего-то выжидая.

– Не советую тебе связываться со мной! – прохрипел лже-брат.

– Ты зашёл в моё гнездо, отсюда нет выхода, ты знаешь.

– Я убью твоего брата!

– Кишка тонка! – Вовка сделал резкий выпад, снова задев двойника клинком. Тот взвизгнул, как собака, и, ощерившись, кинулся на моего брата.

Описывать то, что происходило последующие минут пятнадцать, не хватит слов. Два Вовки схлестнулись не на жизнь, а насмерть. Мой пытался отрубить двойнику голову, тот же оказался проворнее и сильнее раза в два. Он скакал по стенам, он перемещался с помощью странных акробатических фигур, он изгибался так, как ни за что не смогло бы изогнуться человеческое тело. А потом он выбил у настоящего Вовки меч из рук, схватил моего брата и прыгнул с ним на потолок. Прижав его, как когда-то меня, двойник вцепился ему в шею. Я очень хотел помочь Вовке, но не знал, что предпринять. Меня хватило лишь на то, чтобы вскочить на кровать и схватить нападавшего за пальто. Я рванул двойника в сторону, но тут пальто порвалось, и я грохнулся на пол. К моему изумлению, кусок ткани в моих руках превратился в бесформенное желеобразное вещество бледно-зелёного цвета. Меня чуть не стошнило, и я отбросил кусок подальше.

В поединке на потолке наступил переломный момент: Вовка столкнул с себя нападавшего и, поскольку на моего брата по-прежнему действовало земное притяжение, рухнул вниз, увлекая за собой тварь.

– Меч! – выкрикнул не своим голосом Вовка, и я тут же бросился искать оружие. Оно отлетело за тумбочку, на которой стоял телевизор. Я просунул руку между тумбочкой и стеной, нащупал рукоятку и пытался ухватить её двумя пальцами.

– Жень… – брат терял силы, и мне пришлось толкнуть тумбу в сторону. Телевизор с грохотом свалился на пол, а я смог достать меч.

Лже-Вовка в этот момент понял, что наибольшую опасность представляю я, и ринулся ко мне, но рука моя не дрогнула: голова монстра гулко ударилась об пол и тут же превратилась в желеобразную медузу. Вовка тем временем с трудом поднялся на четвереньки, одним рывком бросил своё тело к поверженному врагу и вызвал внутренний свет. Из растекающейся массы вырвалось пламя насыщенного серого цвета. Его языки плясали, пытаясь уйти от воронки, но свет дракона постепенно втягивал их в себя. Через минуту всё было кончено. Мы имели на полу три лужи зелёной субстанции, разбитый телевизор и разбросанные по всему номеру вещи. У меня ужасно болело между лопаток, а на Вовку было страшно смотреть: из разбитой правой брови и из раны над левым ухом стекали струйки крови, пальто было порвано, костяшки правой руки разбиты.

– Что это за хрень? – тихо спросил я, опускаясь на кровать.

– Богем. Демон высшей категории, – ослабшим голосом ответил брат. – На таких я ещё не охотился.

– Я думал, демоны вселяются в людей…

– Богемы могут не только вселяться, но и принимать любой облик. Их энергетический уровень настолько силён, что позволяет создавать плотную материю. Во время охоты они могут принимать разные образы, чтобы обезоружить жертву, сбить её с толку.

Я сразу вспомнил проститутку в баре, а Вовка продолжал:

– Богем может вселяться в человека, но человек не может долго выдерживать этого демона и умирает, поэтому богемы в постоянном поиске душ.

Я всё ждал, когда же брат скажет, что велел мне сидеть в номере и что всего бы этого не случилось, если бы я послушался. Но Вовка только тяжело дышал, утирая кровь.

– Прости, что я не остался в номере, – я сам подставился под удар.

– Это я виноват. Я совсем забыл про топаз, – брат бросил меч на пол. – Он подавляюще действует на драконов.

– Какой топаз?

– На перстне, который ты украл. Топазы называют слезами драконов, потому что, по преданию, эти камни наполнены страданиями наших предков. Дракона невозможно заставить плакать, но уж если это произошло, то падающие слёзы каменеют и превращаются в топазы.

– Ого!

– Красивая легенда – не более. Но я так и не нашёл объяснения, почему эти камни вызывают у драконов тревогу и даже панику.

– Я уже настоящий дракон? – я гордо подбоченился.

– Был бы настоящий – отличил бы демона от брата, – Вовка встал и хлопнул меня по плечу. Боль отдалась в спине между лопаток, и я невольно застонал.

– Замочек сработал, да? – ухмыльнулся брат. – Я же говорил: лучше быть сейфом, чем завтраком богема.

Девять негритят

– Как попал перстень к твоей даме, я не знаю. Это ты сам у неё спроси, – сунув в рот чернослив, начал рассказ Павел Антонович. – А в тысяча девятьсот семьдесят третьем году эту вещицу приобрёл Станислав Петрович Крутовский. Партия приставила его на «Мосфильм» бдеть, чтобы искусство не отклонялось от курса КПСС.

Мне думается, он был человеком несчастливым. Его более удачливые коллеги получили шефство над балетом или цирком, где антисоветского в постановках было мало, а вот зарубежных гастролей – много. У Крутовского же всё было с точностью до наоборот: каждый режиссёр норовил ввернуть в фильм что-нибудь, порочащее советскую власть, а заграничные поездки ограничивались кинофестивалями в Чехословакии, на которые ещё не всякий фильм и пошлёшь. Поэтому Станислав Петрович пытался выжать из своей работы по максимуму. С паршивой овцы, как говорится, хоть шерсти клок. И вот он, пользуясь своим партийным положением, стал оказывать работникам киноиндустрии различные услуги: где квартиру в центре Москвы поможет выбить, где гараж, а где новую «Волгу» вне очереди приобрести. Конечно, всё это он делал не за просто так. Власть хоть и была советской, а всё же робингудов в своих рядах не жаловала, поэтому Крутовский без стеснения брал взятки. Он так порешил: пока есть возможность давать и брать взамен – надо давать и брать. И он брал. Деньгами, хрусталём, индийскими коврами, уцелевшим от экспроприации дореволюционным серебром, иконами, украшениями и даже запчастями для автомобилей.

И вот однажды к нему обратилась вдова известного тогда оператора Анатолия Менькова. Дело в том, что Толя стоял в очереди на приобретение «Жигулей», но умерших заявителей вычеркивали из списков. Поэтому вдова Менькова и просила Станислава Петровича походатайствовать, чтобы в очереди почившего Анатолия заменили на неё. Само собой, такая просьба должна была сопровождаться презентом. И от его ценности зависело, будет ли оказана услуга, или Станислав Петрович разведёт руками: не удалось. Естественно, презент возврату не подлежал, поэтому все просители старались сразу угодить партработнику, чтобы дарёное добро не пропало зря.

Денег и особо ценного имущества у Толи не имелось, однако была у него шкатулка, прикасаться к которой было запрещено и жене, и детям. Шкатулка закрывалась на ключ, который Меньков хранил в тайном месте. Однако вдова страстно желала добраться до содержимого, полагая, что оно позволит ей не упустить новенькие «Жигули». За бутылку народный слесарь-умелец вскрыл шкатулочку, и вдова обнаружила в ней лишь несколько облигаций и перстень с синим камнем. Женщиной она была из простых, а потому не ведала, что за вещица покоится на хранении. Да и знай она, выбора всё равно у неё не было. Отнесла она перстень Крутовскому.

Станислав Петрович же, наоборот, был сведущ в делах ювелирных, да и вообще обладал широким кругозором, и потому, когда увидел, что поднесла ему вдова Менькова, сразу смекнул, что за украшение перекочевало в его коллекцию. Но прежде чем семья Менькова, конечно, получила вожделенный автомобиль, Крутовский принёс перстень мне на оценку. Случилось это в ноябре семьдесят третьего, а в семьдесят пятом Станислав Петрович был найден мёртвым на грузовом перегоне Казанского вокзала. Путевой обходчик обнаружил тело ночью. Причину смерти Крутовского установили быстро: встреча с катящимся вагоном в темноте редко заканчивается благополучно для человека. Но вот что делал Станислав Петрович в тех краях – так и осталось загадкой. Кстати, перстень с той поры тоже пропал. Жена Крутовского даже писала заявление в милицию, мол, украли в ночь убийства. Однако эту версию отмели, потому что все деньги и дорогие часы остались при убитом.

– Возможно, вы правы: он подарил перстень любовнице, – предположил Миронов.

– И её постигла та же участь, что и всех владельцев камня, – вздохнул Измайловский.

– А не может это быть совпадением? В нашем мире люди часто расстаются с жизнью не на смертном одре в преклонном возрасте.

– Многовато для совпадений восемь смертей подряд, а? – прищурился Павел Антонович. – Никого этот камень не щадит. Минералы вообще очень чутки к энергетике любого рода. Могут впитывать как добрую, так и злую, агрессивную энергию.

– Вы сказали восемь. Это Крутовский, Меньков, предположительно – любовница Крутовского… – Миронов стал что-то записывать в блокноте.

– Нет, её я не беру в расчёт. Я говорю лишь о тех смертях, о которых мне доподлинно известно.

– Хм-м-м… – капитан потёр подбородок и снова что-то пометил в блокноте.

– Не хочешь узнать, как погиб Толя Меньков?

Павел Антонович умолк, ожидая реплики, и Михаилу пришлось показать, что история камня захватила его.

– Его сбил грузовик.

– Удивительно редкий случай! – не сдержался Миронов.

– Ты не спросил о деталях! – Измайловский поднял указательный палец. – А должен был. Ты ведь опер.

Капитан хотел ответить, что расследует он вовсе не смерть Менькова, но промолчал. Зачем обижать пожилого человека?

– Там какие-то особые детали?

– В них всё дело, Миша, – Павел Антонович хлебнул чаю и отправил в рот курагу. Прожевав её, он снова заговорил:

– Они снимали натуру в Подмосковье. Знаешь, такие кадры, где солнышко светит, берёзки зеленеют, реченька бежит.

Миронову пришлось кивнуть.

– Толя установил камеру на склоне пригорка и снимал панорамный вид Оки, как вдруг словно из ниоткуда появился ЗИЛ. Сначала он, как полагается, ехал по шоссе, но у него отказали тормоза, и водитель направил машину на обочину, в гору, надеясь, что она таким образом сбросит скорость, а потом уткнётся в деревья и остановится. Но подъём оказался слишком коротким для такой махины, и она, перевалив через гребень холма, ринулась вниз, сметая на своём пути кустарник и молодые деревца. И Толю Менькова тоже смела. Водитель пытался отвернуть, но рулевую колонку заклинило. Такая вот нелепая и мгновенная смерть.

– С этим не поспоришь, – вздохнул Миронов. – А как перстень оказался у простого оператора?

– Он выиграл его в покер. Меньков был страстным игроком. Бывали времена, когда он проигрывал подчистую все деньги и вещи из дома. А потом наступал период, когда ему везло, и тогда он начинал сорить деньгами и покупать дорогие шмотки и технику, которые потом снова проигрывал. Единственное, что он никогда не ставил на кон – это вещи, которые выиграл у других.

Считал это плохим знаком. Не знаю, подозревал ли он, что за перстень выиграл у другого азартного любителя покера – начальника гаража «Мосфильма» Андрея Левина.

Левин, кстати, помимо автомобилей и покера ещё любил и за воротник закладывать. И умер через несколько дней после того, как проиграл украшение. Дело было на даче у его приятеля. Засиделись они за шашлычками и коньячком дотемна. Андрей Григорьевич пошёл по малой нужде, да, видно, лень ему было тащиться до домика с сердечком на двери. Решил он в ближайших кустиках облегчиться, тем более темно, хозяин не увидит. Шагнул Левин в заросли и споткнулся о шланг. Но поскольку подшофе был, да и в темноте опять же дело происходило… В общем, упал он неудачно – напоролся глазом на сук и до самого темечка на него нанизался. А товарищи, то есть собутыльники в данном случае, его только под утро обнаружили.

Миронов кашлянул и хлебнул из кружки. Истории внезапных смертей его уже не радовали, но старика было не остановить.

– Поговаривают, что сам Левин украл перстень у генерала Сонина, у которого служил личным водителем после войны.

– Не тот ли это Сонин, что умер от неизвестной болезни в пятьдесят девятом? – встрепенулся Миронов.

– Он самый! – обрадовался эрудированности собеседника Измайловский. – Был этот Алексей Тимофеевич далёк от образа советского офицера. В войну не чурался мародёрством, после разгрома фашистской Германии Сонин богато обставил квартиру и дачу дорогими трофейными вещицами. Здесь были и венские стулья, и дубовые столы, и мягкие диваны из аристократических усадеб, столовое серебро и тончайшей работы фарфор, бронзовые статуэтки европейских мастеров и, конечно, фамильные драгоценности. Среди них, мне думается, оказался и перстень с топазом. Я даже знаю, как генерал его смог заполучить.

– Как?

– Он квартировал в штаб-квартире немецкого полковника Генриха Шмайссера, родственника знаменитого оружейника Хуго Шмайссера. Полк Генриха был переброшен из Польши в Венгрию, где и был разбит Красной Армией. Это единственное логичное объяснение, как топаз оказался у Сонина, потому что до войны он хранился в варшавском Национальном музее, а наш генерал в Варшаве не был никогда. В отличие от Генриха Шмайссера.

– Вы намекаете на то, что Шмайссер разграбил музей, а Сонин – ограбил Шмайссера? – усмехнулся Миронов.

– «Ограбил» – не совсем верное слово для Алексея Тимофеевича, – фыркнул Измайловский и подлил себе и гостю чаю. – Сонин был мародёром, как многие на войне. Он называл привезённые из Европы вещи трофеями, хотя брал он их не в блиндажах и окопах врага, а в пустых усадьбах, музеях, дворцах и просто квартирах. За это его и наказал бог, а может, и перстень.

– Кстати, как он перекочевал к Левину? – спохватился капитан.

– Думаю, Андрей Григорьевич его украл. Как ты знаешь, генерал умер от неизвестной болезни. Он покрылся кровоточащими язвами, из-за неукротимой рвоты не мог ни есть, ни пить. Семь дней лучшие инфекционисты СССР боролись за его жизнь, но тело Сонина словно разлагалось ещё при жизни. Все родные и друзья генерала были в панике, они искали докторов за границей, в Китае и Японии, дома началась настоящая кутерьма. Полагаю, этой суматохой и воспользовался личный водитель Сонина. Перстня хватились только несколько недель спустя после похорон генерала, да вещицы-то уж и след простыл.

– Да, жуткая смерть его постигла, – поморщился Миронов.

– У Шмайссера была не лучше, – отмахнулся Измайловский. – Когда Красная Армия вошла в Будапешт, от дивизии, которой командовал Генрих Шмайссер, осталось лишь две неполных роты, которые рассредоточились по городу и вели в основном снайперский огонь. Думаю, ты знаешь, что за Будапешт шли многодневные и кровопролитные бои. В конце сорок четвёртого Гитлер стянул в Венгрию все силы армии «Юг», а это более тридцати дивизий. Несколько месяцев советские войска пытались пробить оборону противника, но враг отчаянно сопротивлялся. Для многих немцев

Будапешт был последней надеждой. Однако второй Украинский фронт наступал неуклонно, и уже тогда большинство немецких офицеров поняло, что война проиграна. Поэтому чем теснее сжималось кольцо Красной Армии, тем больше фрицев пускало себе пулю в лоб, сознавая, что в плену им придётся несладко. И когда весной сорок пятого Будапешт был взят, Генрих Шмайссер закрылся в своей штаб-квартире и попытался застрелиться.

– Ему помешали? – оживился Миронов, потому что рассказы Павла Антоновича о войне его всегда увлекали.

– Сложно сказать, – старик закинул в рот курагу. – Думаю, лишь сам Генрих знал, что на самом деле произошло в той комнате. Может, рука у него дрогнула, может, он в последнее мгновение передумал стреляться, но только пуля не поразила его мозг. Она пробила нёбо и через ухо вышла наружу, впечатавшись в толстый фолиант на полке книжного шкафа. Шмайссер потерял сознание, а очнулся, когда красноармейцы волокли его, связанного, в подвал. Там его и оставили умирать. Впрочем, смерть не торопилась к полковнику. Больше суток он пролежал там, истекая кровью, пока к нему не спустился адъютант Сонина. В первоначальном его докладе значилось, что немецкий полковник был ещё жив и даже пребывал в сознании, но состояние его было очень плохое. Спустя какое-то время доклад был переписан. Адъютант указал в нём, что Шмайссер сам спустился в подвал и там застрелился и что его мёртвое тело было обнаружено солдатами на следующий день после захвата здания. Но этот отчёт совершенно не объясняет, как пуля из именного маузера немецкого полковника оказалась в книге, которую, к слову, Сонин тоже прихватил в качестве трофея.

– А вы точно знаете, что до войны перстень хранился в варшавском музее? – Миронов уже и не пытался скрыть свой азарт.

– Да, об этом сообщается в каталоге тысяча девятьсот двадцать девятого года. Дело в том, что музеи раз в год выпускают каталоги экспонатов, где указывают, какие новинки появились в их собственности, и дают заключения об их подлинности, если эти экспонаты представляют какую-то историческую ценность. В том каталоге сказано, что в двадцать седьмом году Национальный музей получил в дар по завещанию несколько драгоценных украшений известного коллекционера Симона Пшевельского.

– По завещанию? То есть он тоже преставился?

– Да, и также весьма неожиданным образом. В сентябре двадцать седьмого года его убило молнией, когда он возвращался из Варшавы в родовое имение. Примечательно, что в шарабане с ним находилось ещё три человека – кучер, земельный оценщик и племянница двенадцати лет – и никто из пассажиров не пострадал. Молния выбрала именно коллекционера, а все остальные просто вылетели из повозки от удара и отделались синяками.

– Теперь мне уже интересно, как перстень оказался у Плешвельского…

– Пшевельского, – с улыбкой поправил Павел Антонович. – Белогвардейский офицер Никита Тетерин, бежавший из России в самом начале Гражданской войны, в восемнадцатом году, осел в Польше. Говорят, он хотел уехать во Францию, но дальше Варшавы продвинуться не смог. Дело в том, что двумя годами ранее он внезапно получил большое наследство от скоропостижно скончавшейся тётушки Марьи Антоновны Ольштейн, которая в своё время была фрейлиной императрицы Александры Фёдоровны. Внезапное богатство вскружило голову Тетерину. Он понимал, что времена неспокойные и опасался окончательной победы большевиков, поэтому спешно продал имение и облигации и бежал в Европу, прихватив с собой деньги и кое-какие драгоценности. В Польше он стал кутить и пристрастился играть на скачках, а потому очень скоро от наследства ничего не осталось. Чтобы поправить положение, Тетерин продавал драгоценности. В частности, перстень с топазом приобрёл у него известный польский коллекционер…

– Симон Пшевельский, – перебив рассказчика, закончил Миронов. – Так значит, перстень родом из России. Сюда и вернулся.

– Доподлинно не известно, откуда он взялся, – осадил собеседника Измайловский. – Фрейлина Марья Антоновна Ольштейн – первая официально известная владелица этого перстня.

– Полагаю, она тоже того? – хмуро поинтересовался капитан.

– Застрелена мужем, действительным статским советником Юлием Ольштейном, когда тот застал её в объятиях капитана драгун Владимира Зубова.

– О как! – восхитился Миронов. – Хоть где-то любовь! Кстати, а Тетерин как отошёл в мир иной?

– По сравнению с этой дамой более прозаично. Он в тот день играл на скачках, и лошадь, на которую он поставил, пришла первой. Она не была фаворитом, а значит, ставок на неё сделали мало, и это сулило Тетерину большой выигрыш. Однако там же, на скачках, присутствовали господа, которые дали Никите Павловичу денег в долг и, как ты понимаешь, не могли дождаться возврата займа. Видимо, чтобы не встречаться с ними и не отдавать выигрыш, Тетерин решил добраться до кассы обходным путём и воспользовался запасным балконом, который был закрыт для публики. И закрыт не зря, потому что доски там оказались прогнившими, и наш белогвардеец рухнул вниз с четырёхметровой высоты. А сверху на него упала двухпудовая балка, которая размозжила ему голову.

– Мда-а, кредиторам такой исход, наверное, не очень понравился, – протянул Миронов, и какое-то время они с Измайловским сидели в тишине. Наконец, Михаил отодвинул от себя пустую чашку и качнул головой:

– Не думал, что у какого-то простого перстня может быть такая кровавая история.

– А всё потому, что не простой это перстень-то. Душегуб. Одним словом – «Голубая Смерть».

– Прям даже не знаю. Может, не стоит возвращать его Соловьёвой? Опасно.

– Брось! Она подписала себе приговор, надев его хоть раз. А если вор наденет, то и он обречён.

Миронов болезненно поморщился.

– Кстати, спроси у своей Соловьёвой, как к ней перстень попал. Просто любопытно, ведь после Крутовского я потерял его след.

– Хорошо. Спасибо, Павел Антонович – за чай и за интересную беседу, – Михаил поднялся.

– Если я узнаю что-то, что может вывести тебя на перстень, сразу же сообщу, – пообещал Измайловский.

Ещё раз поблагодарив ювелира, Миронов убрал в папку блокнот, где делал записи, фотографию и ручку. Павел Антонович проводил его до двери, вслух рассуждая, кому он может позвонить, чтобы получить интересующую следствие информацию.

От старика Михаил вышел с тяжёлым сердцем. Эти мистические истории смертей владельцев перстня нагнали на него тревогу. Хотелось позвонить Соловьёвой и предупредить её – вот только о чём? Судя по рассказам, смерть могла настигнуть владельца перстня где угодно и каким угодно способом. Сонин вот умер от болезни, фрейлину муж укокошил, а поляка-коллекционера вообще молнией шарахнуло. Не будет же капитан угрозыска звонить Галине Викторовне с просьбой остерегаться всего на свете. С обратной стороны, и бездействовать тоже было не в правилах Миронова. Предупреждать преступления, а не расследовать их – вот чему его учил наставник Иннокентий Валентинович!

В задумчивости Михаил добрёл до остановки, дождался нужную маршрутку (машину сегодня взяла жена) и отправился в отделение. По дороге он обдумывал рассказ Измайловского. По сути, расследованию это не помогало. Разве что стоило выяснить, каким путём перстень оказался у Галины Викторовны. Возможно, путь этот был не совсем законный, и потому предыдущий владелец возжелал вернуть вещицу. И нанял для этого исполнителя, который и слямзил перстень в казино. С другой стороны, как предугадать, что именно там Галине Викторовне вздумается снимать украшение? Миронов допускал, что ответ на этот вопрос у него появится, когда он пообщается с женщиной. Он бы мог позвонить ей прямо сейчас, но номер её сотового остался на голубом стикере, наклеенном в деле.

Как только Миронов переступил порог отделения, его окликнул старший лейтенант Рукавица. Рукавица был адептом поговорки «от работы кони дохнут», поэтому цеплялся за любую

возможность спихнуть на коллег свои дела. Миронов, по обычаю, прикинулся глухим и поспешил скрыться в своём кабинете, но старший лейтенант настиг его возле самых дверей.

– Миха! – обрадованно воскликнул он. – Танцуй!

– Чё такое? – насторожился Миронов, потому что радостный тон сослуживца не предвещал ничего хорошего.

– Тебе звонил Костя Федоренко из прокуратуры. Ты ведь на Соловьёву Гэ Вэ ещё не завёл дело?

– Н-нет…

– Так вот и не заводи! Она сегодня кони двинула, так что можешь написать, что по её заяве нет состава преступления, и…

– Погоди-погоди… что ты сказал? Соловьёва умерла? – перебил коллегу Миронов.

– Ага.

– Как?

– Федоренко сказал, что сегодня утром на неё упал рекламный щит. Вернее, не только на неё, но и на мужа тоже… Короче, Костя хотел там что-то у тебя спросить…

Миронов, как выражался его начальник, словил паралич. Голос Рукавицы, который советовал воспользоваться удобным моментом и не нагружать себя лишней работой, звучал глухо и неестественно, словно из соседней комнаты. Несколько минут Михаилу потребовалось, чтобы усилием воли вернуть себя в разговор.

– Костя давно звонил? – опять перебил он Рукавицу на середине разглагольствований о невыносимой нагрузке, которая ложится на оперов.

– Да где-то с полчаса назад.

– Спасибо! – Миронов хлопнул старшего лейтенанта по плечу и вошёл в кабинет. Если бы перстень не был камнем, зажатым в куске металла, а был бы хоть чуточку одушевлённым, капитан бы решил, что эта вещица убирает свидетелей. Словно все владельцы топаза открывали какую-то тайну, и минерал не хотел, чтобы эту тайну узнали те, кто никогда к нему не прикасался. Но в мистику Миронов не верил, несмотря на то, что сегодняшний разговор с Павлом Антоновичем произвёл на него впечатление. Конечно, Измайловскому стоило знать о девятой смерти владельца перстня, но прежде надо было подробно расспросить Костю Федоренко о деталях случившегося.

Слеза дракона

– Я знал, что этот демон ошивается в отеле, – говорил Вовка, выворачивая со стоянки: мы ехали в тренажёрный зал, который находился в нескольких кварталах от отеля. – Я не думал, что он выберет мишенью тебя. Если бы ты сидел в номере, он бы не сунулся. Гнездо дракона – это своеобразная ловушка для тварей: они могут войти, а выйти – только если дракон мёртв. И поскольку большинство из них слабее нас, то и посещать наше логово для них – всё равно что для людей входить в клетку с тигром.

– Мне было ужасно не по себе в номере, – признался я. – Я чуть с ума не сошёл.

– Понимаю. Это всё из-за камня. Его надо продать.

– Нет!

– Почему? В его присутствии плохо будет нам обоим.

– Это моя первая добыча. Я хочу сохранить о ней память.

– Хорошо, – сдался Вовка. – Тогда его надо спрятать. Я достану шкатулку из драконьей кости. Она будет сдерживать энергию топаза.

– Из драконьей кости? – удивился я. – Ты говорил, что драконы покинули наш мир.

– Но пока не покинули, люди нещадно истребляли их, а из костей делали всё что угодно – от мисок до оружия. Понимаешь, кости наших предков обладали удивительным свойством: если в изделии по какой-то причине появлялась трещина, она со временем срасталась. Кость оставалась живой даже будучи отделённой от тела. Поэтому посуда из драконьей кости очень ценилась. К сожалению, войны двадцатого века уничтожили множество образчиков, а остальные осели в

коллекциях антикваров и музеях. Но кое-что достать можно. Я, например, сделал рукоятку для меча из обломка кости.

Я был поражён. Новый мир, который шаг за шагом открывался мне, всякий раз удивлял меня. Чем больше я узнавал о нём, тем яснее понимал, что я ничего о нём не знаю. Привычные вещи приобретали новый смысл, а новые едва вписывались в мою систему координат.

Мы подъехали к спортивному комплексу, и Вовке пришлось сделать несколько хитрых манёвров, чтобы выпустить выезжающую с парковки дамочку. Но как только мы уютно вписались между забором и клумбой, у брата зазвонил телефон. Увидев, кто звонит, Вовка, как мне показалось, разволновался. Он, теребя руль, слушал, что ему говорит собеседник, а когда тот замолчал, буркнул:

– Скинь мне координаты, я всё подготовлю.

Ответ не понравился собеседнику: я слышал, как он повысил голос. Слов я, правда, разобрать не смог. До конца этой тирады брат не произнёс ни звука, и только когда в трубке всё стихло, вздохнул:

– Хорошо, до связи, – и первым отключил телефон. Я выжидающе смотрел на него, а Вовка молчал, поигрывая телефоном.

– Это Шу, – наконец, заговорил он. – Сегодня ночью проведём ритуал.

Произнёс он это таким тоном, словно ему предстояло меня убить, и от этой интонации мне стало нехорошо.

– Это плохая новость? – уточнил я.

– Нет, сам по себе ритуал – это хорошо. Плохо, что у нас на руках «Слеза дракона». Так не вовремя этот камень! После ритуала какое-то время ты будешь ослаблен, и он может убить тебя.

Мне очень не хотелось с ним расставаться, и я предпринял несмелую попытку защитить свой трофей:

– Ты же вроде сказал, что его можно запереть в шкатулку.

– Жень, ты думаешь, изделия из драконьей кости продаются в магазинах? Допустим, я знаю, где украсть такую шкатулку, но на подготовку этой вылазки уйдёт не одна неделя.

– Тогда, может, положить его пока в банковский сейф?

Вовка повернулся ко мне и несколько секунд смотрел так, что мне стало неловко за свою глупость.

– Хорошая мысль! – кивнул, наконец, брат и завёл мотор. – Тренировку сегодня пропустим.

Мы вернулись в отель за топазом. Я сунулся в карман сумки, куда положил его перед уходом, но перстня там не обнаружил. Сердце неприятно ёкнуло: неужели его украли!

– Я же просил его убрать! – буркнул Вовка и кивнул на мою кровать. – Не надо провоцировать горничных. Люди слабы.

Я повернул голову и замер: перстень лежал на моей подушке.

– Вов, я убирал его в сумку…

Брат, который в это время открывал гостиничный сейф, замер и вопросительно уставился на меня.

– Я убирал перстень, я точно это помню!

– Плохо дело, Жень, он тебя уже преследует. Похоже, у него есть виды на тебя.

– В каком смысле? Спрячь его, Фродо, и никому не показывай? – хихикнул я.

– Понимаешь, в каждом камне спрятана какая-то история – хорошая, плохая, занимательная или кровавая. У них всё, как у людей, только камни хранят свои истории и не могут ни с кем поделиться. Им больно или страшно, но избавиться от этого они способны лишь тогда, когда найдут того, кто слышит. Видимо, ты слышишь этот камень, и он жаждет поведать тебе свою историю. Боюсь, теперь от него не избавиться. Он найдет способ вернуться к тебе.

– То есть если мы его отнесём в хранилище, то утром я снова найду перстень на подушке?

– Может, не утром, но через какое-то время он к тебе придёт. И будет очень зол. У него кроме нынешней истории появится ещё одна – твоё предательство.

– Что же делать?

– Поговори с ним. Сделай так, чтобы он не обижался на то, что ему придётся какое-то время пролежать в хранилище.

– Поговорить с камнем? – уточнил я.

– Да, – Вовка пожал плечами, вынул из сейфа пачку денег и снова закрыл дверцу.

– Поговорить – как мы сейчас с тобой разговариваем?

– Если ты умеешь ещё как-то говорить, то поговори по-другому, – брат сунул деньги во внутренний карман кожаной куртки. – Оставлю вас. Когда ваш тет-а-тет закончится, спускайся вместе с перстнем к машине.

Он глянул на телефон и вышел из номера, оставив меня в полном недоумении. Я взглянул на топаз, который при дневном свете наполнился приятным глубинным сиянием. Что ему сказать? Как объяснить ситуацию? Вообще, нормально ли это – разговаривать с камнем? Вдруг Вовка пошутил, а я сейчас, как дурак, буду душу выворачивать перед ювелирным украшением…

Свет так преломлялся в его гранях, что казалось, будто в камне что-то скрывается. Нечто такое, что я не могу уловить из-за оптической иллюзии. Я крутил перстень, невольно вглядываясь в топаз, и ощущал, как тревога в моей душе усиливается.

– Слушай, – тихо сказал я, садясь на край кровати, – мне надо будет отлучиться на несколько дней – съездить за братом. Я не могу взять тебя с собой, потому что нам придётся проходить таможню, а внимание этой службы лучше не привлекать. Но я не брошу тебя, потому что ты мне нравишься. У нас с тобой любовь с первого взгляда, так ведь?

Внутри топаза что-то шевельнулось, и от этого мой страх усилился.

– Знаю: ты хочешь сказать мне что-то важное. Я готов тебя выслушать. Прямо сейчас, – преодолевая дрожь в голосе, продолжал я. – Но после этого я отнесу тебя в сейф. Ты будешь там ждать меня, потому что я обязательно вернусь за тобой. Драконы своих не бросают, верно?

По граням камня пробежала волна. Возможно, это просто облако нашло на солнце, изменив освещение, но после этой волны мне стало совсем жутко. У меня задрожали руки и похолодела спина, но я не отводил от кольца взгляд.

– Говори… я слушаю, – почти беззвучно шептал я. – Говори…

Сердце моё билось всё быстрее, дыхание стало прерывистым, я не мог справиться с дрожью. При этом мне было очень жутко, словно я оказался один ночью на кладбище. Через какое-то время страх сменился болью – такой сильной душевной болью, что если бы у меня в руках был пистолет, я бы выстрелил себе в висок, не задумываясь. Меня трясло, как на электрическом стуле, из глаз полились слёзы. И вдруг – вспышка! – и передо мной мелькнула какая-то тень, отчего ужас усилился. Я готов был бежать и кричать от неконтролируемого животного страха, но тело моё окаменело настолько, что я даже выронил из непослушных пальцев кольцо.

За первой вспышкой пришла вторая – снова эта тень, приносящая страх и ощущение смерти. Потом ещё одна вспышка – кровь, заливающая пол, стены, люди в крови на полу. От этого зрелища я чуть не лишился чувств – настолько потрясло меня увиденное. Потом вспышки стали всё чаще и хаотичнее. Я видел то жуткие оскаленные морды каких-то тварей, то паническое движение вокруг, то мёртвые тела в помещении: оторванные головы, отрубленные руки, вспоротые животы. Я больше не мог выносить этот кошмар, но остановить его было не в моих силах. Топаз рассказывал мне о чудовищной бойне, память о которой не давала ему покоя. И я терпел, однако силы мои были небезграничны. Последнее, что я увидел, перед тем как отрубиться, – тёмное помещение, где едва различались предметы, но как только я его увидел, меня захлестнула невыносимая боль.

Я открыл глаза и понял, что свалился с кровати на пол. Всё тело ныло так, будто меня били три разъярённых вышибалы казино «Алмаз». Я приподнялся на дрожащих руках и взглянул на часы: я пробыл в отключке пятнадцать минут, а мне казалось – целую вечность. Кольцо лежало на полу неподалёку от меня.

– Теперь тебе будет легче, – я дотянулся до него и взял ослабшими пальцами. – Теперь тебе хватит сил дождаться меня.

Когда я подошёл к машине, Вовка не на шутку перепугался:

– Что случилось?

– Он мне всё рассказал, – я с трудом забрался в салон. – Это было ужасно.

– Ты выглядишь хреново. Может, останешься в номере? Я один съезжу в банк.

– Нет, топаз хочет, чтобы я был рядом.

– Как скажешь, – понимающе кивнул брат и завёл мотор.

Ритуал

Вовка не кормил меня целый день.

– Поверь, так будет лучше, – заявил он и, чтобы мне было не так обидно, сам тоже не ел. Ему, правда, вынести эту голодовку было намного проще: он недавно употребил богема и сил у него было хоть отбавляй. А у меня разболелась голова, но я ничего не говорил брату. Я сосредоточился на борьбе со страхом, потому что меня пугал предстоящий ритуал. Особенно после того, как Вовка купил пятьдесят метров крепкой верёвки и замочил её в какой-то неприятно пахнущей жидкости.

– Это в качестве страховки, – пояснил он. – Я не знаю, как поведёт себя твоя сущность. Бывает, что они вырываются и хулиганят. А это тебя сдержит.

Я почему-то представил, что Вовка накинет на меня лассо, как на дикого мустанга, и будет укрощать.

Шу переслала брату на телефон GPS-координаты места, где будет проведён ритуал. Вовка сверился с картой и остался доволен:

– Хорошее место: вода близко.

Выехали мы вечером и целый час мчались по Можайскому шоссе. Голос на GPS-навигаторе указывал нам, когда и куда сворачивать, и даже в этом мне чудился некоторый заговор. Мы ехали сначала по асфальтированной дороге, потом свернули на просёлочную, миновали деревню, дальше пошла колея, разбитая тракторами, но «Черик» справлялся. Колея разделилась: более глубокие борозды уходили в сторону поля, а едва заметные ныряли в лес. По ним мы и отправились дальше. Хоть я и был пристёгнут ремнём, всё равно крепко держался за ручку над дверью – так сильно мотало машину. «Черик» рычал, преодолевая горки и овраги, с хрустом протискивался через кустарник. В сгущающихся сумерках это передвижение казалось мне зловещим: вокруг лес, который становится всё глуше, и мы на джипе – как заблудившиеся странники. К тому же брат не включал фары, поэтому постепенно окутывающая нас темнота добавляла жути.

Наконец, справа показалась небольшая полянка, на которой стоял красный спортивный автомобиль. Я понял, что это машина Шу, но как она добралась сюда по лесу, где даже наш внедорожник порой буксовал, – для меня оставалось загадкой. Вовка поставил свой джип рядом.

– До цели осталось триста тридцать метров на северо-восток, – обиженно сообщила девушка из навигатора.

Вовка выключил прибор, заглушил мотор и выдохнул:

– Дальше пешком.

Когда мы выбрались из джипа, дверь спортивного автомобиля открылась, и нам навстречу шагнула Шу. Она была одета в обтягивающие спортивные штаны, футболку и короткую кожаную куртку. Волосы были забраны в хвост на затылке, что придавало её образу неожиданную сексуальность.

– Заждалась? – вместо приветствия спросил Вовка.

– Нет, я всё подготавливала, – Шу направилась через заросли на северо-восток.

– Ни секунды не сомневался, – брат закинул на плечо свою спортивную сумку и двинул за королевой. Я старался не отставать от него, потому что темнело с небывалой скоростью, и я уже с трудом различал стволы деревьев. По пути я несколько раз запинался о пни и корни, ветки хлестали меня по лицу, и мне приходилось прикрывать ладонью глаза. Один раз я оступился и упал. Вовка вернулся, поднял меня за руку и шепнул:

– Иди по моим следам!

Мне было неловко признаваться, что я не вижу следов, поэтому я продолжал движение, как слепой котёнок, натыкаясь на сучки и коряги.

Наконец, мы прибыли на место. Шу зажгла свечу и поднесла её к неглубокой чашке, стоявшей на метровом штативе. Свеча горела, на удивление, ярко, и в этом свете я разглядел поляну, по окружности которой было расставлено девять таких же штативов. Пока Шу во всех них зажигала огонь, Вовка скинул сумку и повернулся ко мне:

– Снимай крутку.

Я повиновался.

– Футболку тоже.

– Вов, не очень-то жарко на улице.

– Ничего, сейчас встанешь в круг – согреешься.

На самом деле я боялся не холода. Просто мне было неловко представать с обнажённым торсом перед Шу. Мне не нравилось, как она на меня смотрела тогда, у себя дома, поэтому я медлил раздеваться. Пока я переживал свои эротические комплексы, Вовка достал моток верёвки и разложил по окружности за штативами, замкнув кольцо.

– Снимай майку и иди сюда, – позвала меня Шу. – Только шагай аккуратно: не нарушай рисунок.

Я взглянул на землю, и увидел, что на ней ровными полукруглыми камушками, похожими на морскую гальку, был выложен какой-то знак. Я разделся и вошёл в круг.

– Выпей! – Шу протянула мне непрозрачный флакончик с герметичной крышкой.

Я не стал спрашивать, что это и для чего нужно пить. Я видел, что королева не в духе, поэтому не стал раздражать её своим любопытством, открыл крышку и быстро осушил флакончик. Жидкость на вкус была как прокисшее вино.

– Чем ты его свяжешь? – Шу обратилась к Вовке.

– Не буду связывать.

– Вольдемар!

– Я его удержу.

– Если он нарушит…

– Сказал же: удержу! К тому же я подстраховался: олий не даст ему выйти из круга.

Королева нервно выдохнула:

– С тобой неприятно работать. Я помогаю тебе в последний раз. Для своего младшего брата ищи другого дракона.

Вовка ухмыльнулся уголком рта.

– Два правила себе уясни, – Шу вынула из-за пояса кинжал с узким лезвием, взяла меня за руку и полоснула выше запястья. – Что бы с тобой ни происходило, не выходи за пределы круга. Второе: слушай, но не говори. Тебе нужно молчать, иначе ты всё испортишь.

Говоря это, она смачивала пальцы моей кровью, вытекающей из раны, и рисовала мне на левой груди какой-то знак. А потом на правой – несколько параллельных земле и друг другу полос.

– Это символ твоих собратьев – драконов, – пояснила она. – Плечом к плечу к единой цели, к единой судьбе. У нас все равны, несмотря на то, что кто-то – королева, а кто-то полукровка.

Закончив рисовать, она подвела меня к центру круга, где стоял глубокий чан на широком блюдце. На блюдце по кругу были разложены чьи-то кости, камни необычной формы, листья растений, украшения из золота.

– Встань на колени, – приказала Шу, и я тут же выполнил приказ.

Они с Вовкой тоже опустились на колени: он с левой стороны от меня, она с правой – и взяли за запястья.

– С этой минуты не произноси ни слова, – буркнула Шу, а потом запрокинула голову и начала напевать мелодию. Вернее, это даже нельзя было назвать мелодией – просто чередование гортанных звуков, повторяющихся в определённой последовательности. Вовка тоже запрокинул голову, но молчал. Постепенно ритм произнесения звуков ускорялся, и Шу начала пританцовывать, входя в транс. Я ощущал, как этот ритм передаётся мне, но не знал, можно ли мне шевелиться, поэтому

продолжал стоять смирно. В голове приятно зашумело, наверное, от выпитой жидкости. Я подозревал, что без чего-нибудь наркотического не обойдется, и с интересом прислушивался к новым ощущениям. Пока ничего необычного не происходило: не было ни галлюцинаций, ни кайфа, ни, наоборот, энергетического подъёма, ни даже опьянения. Возможно, напиток имел отсроченный эффект. Я пока рассматривал предметы на блюде и гадал, какому животному принадлежат косточки.

Внезапно Шу взвизгнула, будто увидела мышь, потом её тело содрогнулось в судорогах. Она осела на пятки, уронив голову на грудь, замерла так на несколько секунд, а потом вскинулась и быстро-быстро заговорила на незнакомом языке. Казалось, она торопится сказать что-то очень важное, но не успевает и потому повышает голос. Несколько последних слов Шу выкрикнула, словно доказывала свою правоту в супружеской ссоре. В чане передо мной вспыхнул огонь. Он так неистово заполыхал, будто именно с ним и ссорилась Шу. После этого Вовка, который до сего момента никак не проявлял себя, совершенно спокойно сунул мою руку в огонь.

От боли у меня на несколько секунд отключилось сознание. Я взвыл и дернулся, но брат держал крепко. Вторую руку сжимала Шу, и силы в этой дамочке было в десять раз больше, чем у Вовки.

– Чёрт! Что ты делаешь?! – заорал я, но вспомнил, что говорить мне нельзя. Я рычал, пытаясь освободиться от захвата и вынуть руку, пока ещё можно её спасти. Однако, к моему удивлению, боль стала постепенно проходить. Я боялся, что это из-за того, что все нервные окончания сгорели, и у меня ожог четвёртой степени с некрозом, обугливанием и другими малоэстетичными вещами. Через пару минут боль исчезла совсем, но в груди стала зарождаться другая – ноющая, усиливающаяся с каждой секундой, как будто у меня там была открытая рана. От этой боли закружилась голова и начало тошнить. Я дышал через нос, как обычно делал в приюте, чтобы не наблевать на кровать, но ничего не помогало. Я чувствовал, как эти волны подкатывают всё ближе и ближе к горлу, я понимал, что меня сейчас вырвет, и понимал, почему брат не кормил меня целый день. Говорить мне было нельзя, а Вовка и Шу как будто не замечали моего состояния. Я вытянул шею, чтобы не запачкать джинсы, и тут тело моё содрогнулось от рвотных судорог. К моему ужасу, на землю упали не частички пищи, как это обычно бывало, а несколько искр, которые тут же погасли. Я так перепугался, что на какое-то время даже справился с рвотным рефлексом. Однако природа взяла своё – и через минуту меня уже выворачивало наизнанку. На землю потоком сыпались искры, некоторые продолжали тлеть, другие гасли, а я не мог совладать с собой. Я ощущал, как изнутри меня что-то распирает, мне казалось, что от напряжения у меня сейчас лопнут лёгкие или сосуды в голове, и я сдохну на этой поляне от инсульта. Наконец, то, чего я боялся, случилось: что-то треснуло во мне с таким характерным глухим звуком – и сразу боль залила всё тело. Вовка и Шу отпустили меня, а я бился на земле в агонии. Я хотел попросить помощи у брата, хотя бы взять его за руку, чтобы не так страшно было покидать этот мир, но моё тело корчилось в судорогах. Где-то в области солнечного сплетения стал скручиваться тугой комок, который мешал дышать. Я хватал губами воздух, пытался наполнить лёгкие кислородом, но они практически не расправлялись и не сжимались. Вдруг этот комок, что креп во мне, резко, как часовая пружина, распрямился. Моё тело вытянулось в струну, болезненно хрустнули суставы, и я увидел, как из моего рта ударил луч света – бледно-розовый, примерно такой, какой был у Вовки, когда он поглощал тварь.

После этого перед глазами у меня замелькали картины, словно кто-то запустил слайд-шоу на большой скорости. Люди, пейзажи, твари, кровь, какие-то прекрасные создания и незнакомые миры. От каждой картинки я испытывал определённое чувство, и эти эмоции менялись так же быстро, как и изображения. Это было невыносимой пыткой – испытывать за одну секунду сильный страх и такое же сильное блаженство, любовь и ненависть, горечь и радость, агрессию и спокойствие. Этот калейдоскоп неожиданным образом придал мне сил. Я вскочил и бросился прочь, пытаясь избавиться от мучительного аттракциона, но вдруг на моём пути встала стена белого как снег огня. Что-то внутри меня знало, чем опасен белый огонь, и поэтому я инстинктивно шарахнулся назад, запнулся, упал на спину. Надо мной возник Вовка, прижал мои плечи к земле, что-то говорил, но я

не слышал ни звука – мелькающие картинки опустошали меня. Через какое-то время этот поток внезапно закончился, и тишина с темнотой, наступившие после него, окончательно лишили меня сил: я потерял сознание.

Перезагрузка

Я очнулся на переднем сидении в машине: я был одет и пристёгнут ремнём безопасности. Мы уже мчались по шоссе, Вовка с таким спокойствием смотрел на дорогу, что мне на секунду показалось, что весь обряд мне приснился. Я глянул на левую руку – никаких следов от огня, даже кожа не покраснела.

– Как самочувствие? – поинтересовался брат.

– Не очень, – честно признался я. Мои суставы ныли, мышцы не давали пошевелиться, тут же отвечая резкой болью, глаза слезились, губы пересохли и потрескались.

– Ничего, за пару дней отлежишься, – успокоил меня брат.

– Как всё прошло?

– Почти идеально, – бодро отозвался брат. – Я дважды присутствовал на ритуалах, но сегодняшний был самый быстрый и самый полный. Я же говорил, что момент выбран удачно: нам даже не приходилось вызывать твою сущность – она сама вырвалась наружу. И, насколько я понял, память тоже к тебе вернулась без особых усилий.

– Какая память? – не понял я.

– Память предков. Драконы обладают способностью помнить не только своё прошлое, но и прошлое своих мёртвых собратьев. Эти знания дракон хранит до конца жизни и может обмениваться ими с другими представителями рода.

– Зачем?

– Чтобы выжить. Чтобы знать, кто друзья и как их найти, какие есть враги и как их одолеть. Например, тело убитого дракона хранит информацию 99 дней, но поскольку люди сразу пускали тушу в дело, то при термической и химической обработке память навсегда въедалась в кожу и кости, поэтому предметы утвари превращались в своеобразные компакт-диски с записанной на них информацией. Кровь драконов применялась в металлургии и строительстве, поэтому многие древние здания и оружие тоже хранят в себе историю нашего рода.

– Замечательно, – я закрыл глаза.

– Мы с Шу передали тебе все свои знания. Потом ещё спасибо скажешь!

– Спасибо…

Я пытался подремать, но едва погружался в предсонное оцепенение, на меня наваливались воспоминания о ритуале – как из меня сыпались искры, как внутри что-то рвалось, как бегущие картинки и вызываемые ими эмоции раздирали меня на части. Я весь измучился, пока мы доехали до гостиницы.

– Идти сможешь сам? – заботливо поинтересовался брат, въезжая на парковку.

– Не знаю, – мне было ужасно плохо, и я хотел быстрее прилечь. – Попробую.

– Хотя бы мимо рецепции пройди с бодрым видом, чтобы вопросов не вызывать, – попросил Вовка.

Я взял себя в руки, и через холл прошёл хоть и медленно, но не качаясь. Зато в лифте я сполз по стенке, не в силах больше стоять на ногах. До номера Вовка практически нёс меня: у меня дрожали колени, и из-за этого я не мог сделать ни шага.

Два дня я не вставал с постели, разбитый, как после тяжёлой болезни. У меня была такая слабость, что я не мог удержать в руке стакан воды. Большей частью я спал. Слава богу, мне ничего не снилось – я провалился в вязкую пустоту и там пребывал до тех пор, пока брат не выдёргивал меня обратно. Вовка кормил меня шоколадом и варёными яйцами. Я поначалу скептически отнёсся к этому меню, полагая, что меня вывернет от первого же куска.

– Тебе нужен белок и энергия, – уверил меня Вовка, выкладывая на стол пачек двадцать тёмного шоколада и с десяток варёных яиц. – А когда встанешь на ноги, перейдём на высококалорийную пищу.

Я не верил, что когда-нибудь смогу встать на ноги, но с удовольствием ел яйца и шоколад. Про другие продукты даже думать не мог. Вместо чая Вовка заваривал какие-то травы, которые своим запахом вызывали воспоминания о покосе в деревне. Вовка с другими парнями ходил косить сено литовкой, а моей задачей было следить за Максиком, который, естественно, рвался к косарям. Мне приходилось занимать младшего брата всякой ерундой: я показывал ему насекомых, учил собирать землянику, закапывал секретики, – а сам с нетерпением ждал, когда же парни устанут и можно будет посидеть с ними, пообедать, послушать их разговоры. Я был рад даже сбегать за водой к ручью, который находился примерно в километре от луга, лишь бы заслужить одобрение Вовки.

Эти радужные воспоминания контрастировали с моим нынешним плачевным состоянием, что приводило меня в ещё большее уныние.

– Вов, когда это пройдёт? – стонал я.

– Сейчас драконья сущность заняла пульт управления и перестраивает организм в соответствии с новыми возможностями, – пояснял брат. – У тебя что-то вроде перезагрузки. Когда компьютер перезапустится, станет полегче, и ты сможешь контролировать своё состояние.

– Я не думал, что будет так хреново…

– Через это все проходят. Кто-то легче, кто-то тяжелее. Думаешь, так просто даётся умение держать огонь на руке и вызывать внутренний свет?

На третий день мне стало лучше, я уже самостоятельно добрался до туалета, а ночью Вовка сходил на охоту и принёс мне бестию. До сего момента я ни разу не видел этих тварей. В дневнике было написано, что они впиваются в душу человека, отчего та при развитии испытывает боль и перестает развиваться вовсе. Или развивается медленно и деформируется при этом. Ещё было сказано, что сильные бестии напоминают капкан, и снять его с души не так-то просто: приходится хитростью или силой разжимать клешни тварей. Вовка принёс мне слабую бестию в бутылочке из-под сока, на которой он нарисовал символы-замки, не выпускающие паразита. Тварь напоминала заколку-невидимку – две плотно сжатые тонкие и прямые полоски, поблескивающие, как лакированные. На месте сгиба полосок было небольшое уплотнение с едва заметными усиками. Вовка сказал, что из этих усиков вырастают новые «зажимы», и это позволяет бестии захватывать большие участки души и потреблять больше энергии.

– Пора тебе переходить на натуральную пищу, – пошутил Вовка, крепко сжимая в пальцах бестию. – Съешь её – и сил прибавится.

– Как её есть? – поморщился я. После шоколада мне было неприятно думать, что эта светящаяся заколка скоро окажется у меня во рту.

– Нужна воронка, которая бы поглотила тварь. Во время ритуала ты должен был почувствовать в животе такой… как бы узел. Как будто что-то закручивается в тугой комок. Было?

– Да.

– Ты должен вызвать его снова.

– Как?!

– Представь, что там у тебя зарождается торнадо.

– Господи…

– Жень, у всех происходит по-разному. Горыныч учил меня после вдоха задерживать дыхание на несколько секунд, а потом резко выдыхать. Попробуй, может, получится.

Я сделал глубокий вдох, но долго удержать воздух не смог – закружилась голова и затошнило.

– Мне ещё такой способ помогал: напряги пресс сильно-сильно, как на тренировке, а потом резко вдохни животом. Как только почувствуешь внутри этот комок, раскручивай его, как смерч. Он сам найдет выход – главное запустить механизм воронки.

Я испробовал этот метод. Что-то похожее на ту пружину, что чуть не порвала меня во время ритуала, шевельнулось во мне, но тут же затихло.

– Возможно, ты пока ещё слаб, но когда появятся силы, у тебя всё получится, – предположил брат. – Придётся мне помочь тебе. Только не думай, что я буду делать так каждый раз.

Он убрал бестию обратно в бутылку, крепко закрутил крышку и сел на кровать передо мной.

– Смотри мне в глаза, – приказал он и взял меня обеими руками за голову.

Я упёрся взглядом в такие родные серые глаза Вовки и ждал, что произойдёт дальше. Он смотрел на меня сначала спокойно, но с каждой секундой его взор становился всё напряжённей, агрессивней. И вот уже от него у меня по спине побежали мурашки и захотелось отвести глаза, но я собрал волю в кулак и держался. Вовка, продолжая сверлить меня взглядом, приоткрыл рот, и я заметил, как оттуда полился свет, который разгорался всё сильнее и сильнее. Почему-то в такой близости от этого света я чувствовал странное желание обнять брата, словно в приступе всеобъемлющей братской любви. Это же чувство заставило меня броситься к нему на шею, когда он приехал в детдом спустя восемь лет. Бороться с этим было труднее, чем с дискомфортом, который по-прежнему причинял мне Вовкин взгляд, и я, чтобы снять напряжение, положил руки брату на плечи.

Вовка открыл рот шире, и мне в лицо ударил ослепительный луч. Я шарахнулся и ощутил, как у меня свело живот. Поняв, что это то, о чём толковал брат, я принялся мысленно раскручивать это торнадо, но тут бутылка, в которой сидела бестия, покачнулась и упала на пол. Спазм у меня в животе моментально прошёл.

– Вот бестия! – ругнулся Вовка и поднял бутылку. – Напугалась, почуяв двух драконов. Давай ещё раз: у нас ведь почти получилось.

– Вов, мне не очень приятно…

– Ещё бы! Этот механизм драконы используют не только для того, чтобы есть, но и для того, чтобы призвать на помощь. Например, когда они ранены или когда детёныш потерялся и зовёт родителей. Поэтому я и сказал, что не буду делать это постоянно. Только пару раз, чтобы ты понял механизм.

– Вов…

– Жень! Твоя сущность не может не откликнуться на призыв моей. Вот увидишь!

Спорить с братом было бесполезно, да и я так устал, что хотел, чтобы всё это быстрее закончилось. Мы повторили процедуру снова, и на этот раз Вовке удалось вызвать мой внутренний свет. Я снова ощутил эту пружину, со страхом ждал, когда же она распрямится, но всё произошло намного мягче, чем во время ритуала. Я почувствовал и воронку внутри, правда, она вращалась не с центростремительной силой, а наоборот, с центробежной, как будто выталкивала что-то из меня. Вовка вынул из бутылки бестию и поднёс к моему рту. В тот же момент направление вращения воронки изменилось, и тварь всосало в меня, как в пылесос. Я ощутил, как какое-то прохладное инородное тело движется внутри меня, но через несколько секунд это ощущение пропало. Свет тоже начал угасать. Я повалился на кровать, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

– Скоро почувствуешь насыщение, – пообещал брат. – Посмотрим, как на тебя подействует новый рацион. Если всё будет хорошо, поймаю тебе кого-нибудь пожирнее.

Я закрыл глаза и улыбнулся. Эта почти животная терминология странным образом будоражила меня. Я помнил, какие противоречивые чувства в феврале вызвало у меня предложение брата пойти с ним поохотиться. Тогда страх победил любопытство моего уже начинавшего пробуждаться дракона. Сейчас я буквально жаждал охоты, я знал, что стоит мне выйти на тропу, как адреналин ударит в кровь и я с наслаждением выдерну какую-нибудь лярву из какого-нибудь алкоголика.

От этих приятных мыслей, а может, и от чувства насыщения я уснул, и мне впервые за последние три ночи приснился приятный сон.

Двуглавый

На шестой день я уже чувствовал себя сносно. Изредка меня беспокоила тошнота, но она проходила, стоило взять в рот кусок шоколада. Вовка сходил на охоту ещё раз и принёс игошу. Подкрепившись, я ощутил небывалый прилив сил. Это не походило на обычное чувство сытости.

Теперь я буквально физически ощущал, как меня наполняет энергия – словно топливо заливается в бак. Или заряжается аккумулятор. И если я ощущал, как наполняется этот неведомый мне резервуар, значит, по логике, я должен был и ощущать, как расходуется его содержимое, сколько в нём осталось килоджоулей, калорий или в чём там измерялась эта энергия. Мне не терпелось узнать это, но, забегая вперёд, скажу, что меня ждало разочарование. Новая энергия расходовалась так же, как и обычная – то есть незаметно. Но пока что я этого не знал и предвкушал едва ли не научный эксперимент.

– Готов к дороге? – заметив мою бодрость, спросил Вовка. Оказалось, пока я после ритуала валялся без сил, он сделал нам визы в Болгарию.

– Мы едем за Максиком? – я с любопытством разглядывал страничку с визой в паспорте.

– Да. Пора вернуть мелкого в семью.

Мы собрали вещи меньше чем за час, и я всё не мог преодолеть странное возбуждение перед полётом. Вовка же в десантных войсках налетался будь здоров, поэтому был спокоен.

– Я ещё ни разу не летал на самолёте, – признался я, когда мы выезжали со стоянки.

– Сочувствую, – не глядя на меня, бросил брат. – Боюсь, что никогда и не придётся.

– В каком смысле? Мы разве сейчас не в аэропорт едем?

– Нет. Передвигаться на самолёте опасно. Одни тебя выследили, проводили до борта, убедились, что он взлетел, сделали один звонок – и в месте посадки другие тебя взяли тёпленьким. К тому же как ты намерен перевозить по воздуху наш военный арсенал?

– А поезд?

– Там тоже небезопасно: от станции до станции ты заперт в пространстве. Если возникнет какая-то форс-мажорная ситуация, то придётся выпрыгивать на ходу. Да и поезд вряд ли едет быстрее, чем «Черик».

Не то чтобы мне не нравилось путешествовать в машине, просто я мечтал о самолёте с детства.

– По дороге заскочим кое-куда, – таинственным голосом, чтобы поднять мне настроение, сообщил Вовка.

– Куда?

– В Обнинск. Навестим двуглавого.

Эта новость меня почему-то напугала. Предыдущие герои Вовкиного дневника произвели на меня неизгладимое впечатление. Кем окажется двуглавый, я теперь терялся в догадках. Раньше он мне представлялся этаким двойным агентом. Например, занимает руководящий пост в силовых структурах и покрывает драконов, если те каким-то образом привлекут внимание правоохранительных органов или военных. Шу была примером такого двойного агента, но двуглавой её никто не называл. Поэтому мне стало казаться, что двуглавый – это какой-то ветеран или пахан, имеющий особенность во внешности, скажем, как Харви Двуликий из «Бэтмена». Или у него на пол-лица металлический каркас – последствие какой-нибудь травмы. В общем, моя фантазия разыгралась, пугая меня перед встречей с ещё одним дружком брата. К счастью, до Обнинска мы домчались быстро. На подъезде к городу Вовка набрал на сотовом чей-то номер.

– Ты дома? – вместо приветствия спросил он. – Мы подъехали… Да, нас двое. Хорошо, куплю.

Трасса М3 пересекала город по самому центру.

– Возьми в бардачке свой паспорт: купишь три бутылки хорошей водки, – Вовка сбросил скорость, отыскивая глазами магазин, где можно было бы приобрести спиртное.

Мне не очень нравилась эта затея: я не любил алкоголь ещё со времён детдома, и в училище тоже всегда игнорировал посиделки своих одногруппников. Дело в том, что я и так-то был не самого высокого мнения о своём окружении, но поскольку я совершенно не пьянел, то видел, во что превращаются мои сверстники после пары бутылок водки.

Брат заметил магазин и свернул на стоянку.

– Водку бери самую дорогую, понял? – напутствовал он.

Я кивнул и вышел. Всё моё существо противилось предстоящему застолью, но я не мог ослушаться брата. Если надо выпить литр водки, чтобы понравиться двуглавому, я это сделаю.

Вернувшись с покупкой, я застал брата говорящим по телефону. Завидев меня, он спешно попрощался и убрал сотовый.

– Всё как заказывали, – я продемонстрировал ему пакет с бутылками.

– Садись! – Вовка завёл двигатель.

Мы развернулись и направились по шоссе в обратном направлении, на выезде из города свернули на грунтовую дорогу и оказались в частном секторе. У меня защемило сердце от воспоминаний о нашей деревне. Однако скоро в это чувство вклинилась тревога: слишком много внимания привлекал наш джип. В мегаполисах большой машиной никого не удивишь, а в тихой глубинке, где все друг друга знают, громоздкий автомобиль с иногородними номерами бросается в глаза.

– На нас смотрят, – буркнул я.

– Пусть, – равнодушие Вовки меня немного успокоило.

Мы свернули на ещё более узкую и ещё менее проходимую улицу, и через несколько домов я понял, куда мы направляемся. В конце улицы справа стоял ничем не примечательный двухэтажный кирпичный дом. Простенький забор из профнастила скрывал б*о*льшую часть здания, но по крыше из тёмно-зелёного ондулина было понятно, что живут тут люди среднего достатка. Однако я сразу почувствовал, что этот дом – тот, что нам нужен. На коньке крыши был изображён двуглавый дракон. Мы подъехали к воротам, и Вовка посигналил. Через минуту рольставни ворот начали медленно подниматься. Джип буквально впихнулся в узкое пространство подъездной дорожки и встал, уперевшись капотом в крыльцо.

– Приехали, – зачем-то сообщил Вовка и заглушил двигатель.

Я вышел, озираясь по сторонам. Во дворе было чисто и даже красиво: поленница из четырёх кирпичных столбов, имевших навес и брезентовые шторы, сарайка для инструментов была сделана добротно, к*о*злы для пилки дров тоже укрыты брезентом. За дом вела мощёная дорожка. Кусты шиповника под окном подстрижены, рядом даже клумба разбита. Слева от дома я заметил пристрой, похожий на гараж. Собственно, что тут удивляться: у двуглавого наверняка есть машина!

– Тебе дай волю – ты на танке начнёшь ездить, – на крыльце появился парень, который своим видом не вписывался в окружающую атмосферу. Если бы я встретил его на улице, я бы сказал, что он мажор. На нём были узкие джинсы – видно, что дорогие, – обтягивающая футболка с дизайнерским рисунком, на плечи был накинут блейзер, какие в последнее время полюбили носить миллионеры. Его волосы лежали в художественном беспорядке, но с первой секунды было понятно: над своей причёской красавчик трудился минут сорок. Он был ухоженный, свежий, неотразимый и логично смотрелся бы в апартаментах Шу, но только не в деревенском доме.

– У меня семья большая, – с улыбкой ответил Вовка.

– Это твой Женька? – красавчик сунул руки в карманы.

– Он самый.

– Ну, проходите, – мажор развернулся на каблуках и скрылся в доме.

– Водку возьми, – бросил через плечо брат и двинулся к крыльцу.

Я шёл к дому, позвякивая бутылками, и думал, что моё первое представление о двуглавом было ближе к истине. Сразу вспомнился Брюс Уэйн, который днём был взбалмошным миллионером, а ночью надевал костюм Бэтмена и вершил правосудие.

В доме двуглавого было чисто и уютно, но пахло, как ни странно, не деревенским домом, а чем-то неприятно знакомым. А ещё меня поразила дорогая мебель и искусственный фонтан в углу гостиной, как будто мы оказались в резиденции банкира.

– Давай знакомиться, – красавчик уставился на меня и, выждав пару секунд, протянул руку. – Беша.

– Кто? – я слегка опешил от такого имени. Я слышал его от Вовки, но даже подумать не мог, что двуглавый может носить такое почти собачье прозвище.

– Беша, – четче повторил парень.

– Очень приятно, – я пожал его крепкую ладонь и уловил приятный запах парфюма. – Женя.

– Просто Женя?

– Мне нравится моё имя.

– Ясно, – кивнул Беша.

– А где… – начал было Вовка, но хозяин перебил его:

– Занят.

Если мы ждали ещё кого-то, то я засомневался, что перед нами двуглавый.

– Испытания закончены? – продолжал расспрашивать брат.

– Сегодня хотим провести полевые. Будешь участвовать?

– Не откажусь.

– Тогда придётся задержаться: это будет ночью.

– Я понял. Женьку можно с собой взять?

– Бери, – Беша пожал плечами. – А он в курсе?

– Пока нет, но мы расскажем.

Вдруг в соседней комнате послышалась возня, что-то ударилось с глухим звуком, а потом открылась дверь – и у меня в голове всё встало на свои места. Я понял, почему двуглавого зовут двуглавый и почему Вовка никогда не писал это слово с прописной буквы. В дверном проёме показался парень, который был точной копией Беши. Правда, одет он был в обычные джинсы и рубашку, а волосы его были просто зачёсаны назад. Он мог бы сойти для рубрики «До» в глянцевом журнале, а Беша, соответственно, для рубрики «После».

– Привет! – обрадовался близнец, увидев Вовку.

– Привет, Кот! – Вовка подскочил к парню и заключил в объятия. – Ну как ты? Как твоя ядерная физика поживает?

– Поживает, никуда не девается, – Кот перевёл взгляд на меня. – Твой?

– Мой, – с гордостью ответил брат.

– Колдун?

– Как и ты.

Кот кивнул и направился ко мне, и я понял, чем ещё он отличается от Беши. Кот хромал на левую ногу, левая рука у него не поднималась выше плеча, а на левой щеке обозначились три параллельных шрама, один из которых изуродовал ухо. Как я потом узнал, это были последствия того ранения, о котором сообщалось в дневнике Вовки.

– Кот, – вежливо представился близнец Беши и протянул мне ладонь.

– Женя, – я пожал её, стараясь вложить в этот жест уважение и сочувствие. – А вы тоже колдун?

– Драконы обращаются друг к другу на ты, – вставил Беша. – Мы же все братья! Тебе разве не объяснили это во время ритуала?

– Просто он вежливый, а ты хамло, – беззлобно огрызнулся Кот, и мне было приятно, что он, а не Вовка вступился за меня.

Беша разулыбался, словно ему сделали комплимент, и вспомнил про водку, которую я поставил у стены.

– Если ты колдун, поможешь мне с книгой? – обратился я к Коту. – Мне её Горыныч подарил…

– Хоть на какое-то доброе дело этот старый маразматик сподобился! – фыркнул Беша, унося бутылки куда-то в глубь дома.

– Что за книга? – не обращая внимания на брата, спросил Кот.

– Не знаю. Я не могу её расшифровать. Если хочешь, я принесу…

– Принеси.

Я бросился к машине.

Вообще, наши с Вовкой интересы сразу разделились. У него были свои разговоры с Бешей. Они вышли на улицу и обсуждали машины и оружие. Мы же уединились с Котом в его комнате. Впрочем, комната эта больше походила на лабораторию: два компьютера, две плиты с разного рода горелками. Сюда же был проведён водопровод, имелась большая ёмкость с песком и опилками. И два стеллажа книг – самых разнообразных, как в сказке про настоящего колдуна. Позже я узнал, что это только верхушка айсберга, но меня пока потрясло и это.

Кот сел в крутящееся кресло, аккуратно взял в руки мою книгу и открыл на первой странице. К моему удивлению, некоторые каракули в ней сложились в слова. Я даже разобрал целое предложение – «Начав врачевать, нельзя пятиться. Ветер в спину».

– И что конкретно тебе здесь непонятно? – Кот поднял на меня недоумённый взгляд.

– Ну… всё… – смутился я. – Каракули какие-то…

– Каракули?! – обрадовался Кот. – Заколдованная, значит! Первый раз такую в руках держу. Жень, тебе повезло!

– Что значит «заколдованная»?

– Ритуал у тебя недавно прошёл, да?

– Неделю назад.

– Понятно. Тогда расскажу, что тебе делать, – Кот отложил книгу и откинулся в кресле. – Есть такая теория, что драконы жили на Земле не сами по себе, а что у них были… хозяева, что ли. Но хозяева не такие, какими, например, являются владельцы собак, а другие… как боги, только ещё могущественней. И эти хозяева создали учения, как дракону развить свою сущность. Для колдунов – одна методика, для воинов – другая и так далее. Но боги эти рецепты выведали и записали в книги, чтобы учить своих воинов, колдунов, ловцов, планировщиков.

– Боги? – переспросил я, понимая, что утратил нить разговора.

– Так лиг издревле называли люди. Ну и лигам это нравится, поэтому они сами себя тоже называют богами. В общем, там большая иерархия, но сейчас не об этом. Поскольку боги украли секрет у Повелителей драконов, то боялись, как бы пришельцы из других миров не поступили так же. И тогда они заколдовали свои книги. Тот, в ком просыпается сущность, описанная в конкретном фолианте, постепенно начнёт разбирать слова. Но даже и здесь не всё так просто. Разобрав какие-то фразы, ты должен сложить их в алгоритм действия и выполнить его. Если всё будет сделано правильно, тебе откроются следующие фразы, которые ты опять должен будешь складывать в алгоритм. И так постепенно разгадаешь всю книгу.

– Получается, что она – просто набор головоломок? – заколдованность уже не вызывала во мне ни любопытства, ни предвкушения.

– Но эти головоломки не пустой звук. Например, ты разгадаешь рецепт реагента, пропитаешь им книгу – и получишь ключ к следующему шагу, но этот реагент, который у тебя вышел, ты сможешь использовать и в других целях, скажем, как лекарство или как элемент прочности при ковке оружия. Насколько я знаю, тут собраны и рецепты лекарств, и заклинания, которые усиливают свойства разных предметов, и правила нанесения магических знаков, – Кот постучал по обложке книги. – Дерзай, Женя! Мне кажется, это увлекательное занятие.

Когда суть магической книги была мне объяснена, я задумался о своём двойственном предназначении.

– А ты – просто колдун или ещё кто-то? – решил уточнить я.

– Стопроцентный колдун.

– А во мне ещё задатки лекаря есть. И я не знаю, что усиливать, – признался я.

– Мне кажется, лучше сделать упор на лекаре, – подумав, произнёс Кот. – Во-первых, их очень мало даже среди чистокровных драконов. Во-вторых, это редкое умение, и будет хорошо, если ты доведёшь его до совершенства. Ну и в-третьих, скажу по секрету: мастерство врачевания усиливает и колдовское мастерство. Скоро ты поймёшь почему.

Братские узы

Ночью Беша, Кот и Вовка отправились на испытания. Беша даже на полигон вырядился, как на съёмки «Матрицы». Он явно питал сильную, даже патологическую страсть к эффектному облачению. Он всегда готов был производить впечатление на окружающих, не важно, куда он при этом направлялся – на бал или в тренажёрный зал. В отличие от брата Беша был зависим от чужого восхищения. Для нормальной жизнедеятельности его организму наравне с водой, воздухом и пищей

нужна была ежедневная доза сторонних взглядов. При этом он довольствовался любыми эмоциями – от трепета до осуждения, от влюблённости до зависти.

Кот разительно отличался от брата как раз тем, что мнение окружающих его интересовало в последнюю очередь. Он был поглощён наукой, исследованиями и желанием сделать открытие, которое перевернёт жизнь драконов. И конечно, в лучшую сторону.

Близнецы гармонично дополняли друг друга: один был, что называется, мозгом пары, другой – её мускулами, но при этом они очень трогательно и ненавязчиво заботились друг о друге. После ранения подвижность левой руки Кота была сильно ограничена, и Беше приходилось помогать ему одеваться. В тот вечер я случайно увидел, как он аккуратно и заботливо продёргивает левую руку брата в рукав куртки и помогает застегнуть «молнию». Кот, конечно, ужасно стеснялся своей преждевременной немощности, но Беша делал всё с улыбкой, никак не подчёркивая слабость брата.

Оказывается, водка нужна была, чтобы подкупить охрану и пробраться на закрытую несколько лет назад атомную электростанцию. В одном из её помещений сделали музей атомной промышленности, реакторы были законсервированы. Формально в охране бывшей АЭС числились военные, а на деле за неприкосновенностью периметра следили сотрудники какого-то частного охранного предприятия. Я искренне удивлялся тому, что несколько бутылок водки могли послужить пропуском пусть в недействующий, но всё-таки когда-то функционировавший реактор, который Кот выбрал для проведения своих испытаний. Потом выяснилось, что водка являлась не только взяткой, но и прикрытием. Братья с помощью заклинаний гипнотизировали охрану, и если бы в случае тревоги на АЭС нагрянула полиция, то причина халатности бойцов ЧОПа была бы на виду – несколько початых бутылок водки.

Близнецы, как выяснилось позже, уже не первый раз проникали на территорию. Кот работал над повышением мощности драконов, чтобы защитить беглых собратьев. Он, как и Вовка, был против того, что от милости лиг зависела судьба нашей свободолюбивой расы. Кот досконально изучал свойства и ядерного топлива, и радиационных отходов, вывел некоторую закономерность, разработал соединения, которые требовали полевых испытаний. Беша добровольно согласился стать подопытным, тем самым внеся вклад в развитие науки. Мне хотелось присутствовать при эксперименте, но Вовка попросил меня остаться в машине на шухере. Загипнотизированная охрана – это одно, но внезапный рейд военных может испортить дело.

За рулём я провёл два часа в ожидании. Вокруг всё было тихо, если не считать криков одинокой ночной птицы. Я пытался догадаться, что за испытания проводит Кот, но мне не хватало фантазии представить область применения радиоактивных отходов. Я не знал, что происходит с драконом в этот момент: может ли он поднять дом одной рукой или дышать пламенем. Единственное, что я знал, – радиация не опасна для нас, но тем не менее волновался за брата и его новых друзей. Всё-таки у нас с ним, как и у Беши с Котом, были человеческие организмы, следовательно, биологические процессы в нас протекали такие же, как в людях. Мы ели пищу, спали, чувствовали жару и холод – значит, и радиационные отходы могли отразиться на нас.

В начале четвёртого я увидел движение в темноте: парни возвращались. Первым шёл Вовка, закинув на плечо бесчувственного Бешу. За ним хромал Кот.

– Что случилось? – я выскочил из машины, открывая заднюю дверцу. – Он жив?

– Да, просто передоз, – бросил брат, аккуратно усаживая Бешу на сиденье. Тот, не открывая глаз, что-то пробормотал.

– Что теперь будет? – я перевёл взгляд на Кота.

– Ничего не будет, – тот пожал одним плечом. – Отлежится.

– Отлежится?!

– Считай, что он перебрал на вечеринке, – терпеливо пояснил Кот. – Завтра проспится, послезавтра будет на ногах.

– Алкоголь и ядерное топливо – немного разные весовые категории, – не отступал я.

– Во-первых, не ядерное топливо, а жидкие радиоактивные отходы. Во-вторых, на драконов алкоголь не действует. Нам надо что-то помощнее. В-третьих, я очень точно рассчитал дозу – она не причинит вреда.

Спорить с Котом мне не хотелось, потому что я не был знаком с его исследованиями и не знал, что происходило внутри реактора. Мне просто было жаль Бешу, положившего своё здоровье на алтарь науки.

Мы отвезли братьев домой, Вовка уложил Бешу в кровать.

– Если нужна какая-то помощь… – начал брат, но Кот перебил его:

– Нет-нет, всё нормально. Завтра он встанет.

– А если не встанет?

– Значит, встанет послезавтра, – Кот смущённо улыбнулся. – Спец, серьёзно. Если бы мне была нужна помощь, я бы не стал ломаться.

Вовка понимающе кивнул, но поступил по-хитрому: сказал, что давно не охотился и поэтому силы у него на исходе. И попросил у Кота разрешения выспаться перед длинной дорогой.

– Завтра днём поедем, ты не против? – обратился он ко мне, как будто от меня что-то зависело в этой поездке: дорогу и время отъезда выбирал водитель.

– Не против. Я сам устал, – подыграл я. – Когда ещё выпадет случай поспать в горизонтальном положении?

Кот не хотел показаться негостеприимным хозяином и выделил нам для отдыха чердак. Там было чисто, но пустынно: всего один диван и низенький столик. Вовка уступил диван мне, а сам притащил из машины спальник и устроился возле двери на полу, объяснив это тем, что на диван у него не помещаются ноги. Эту хитрость я просёк только утром, а пока, утомлённый событиями дня, я лёг и вырубился через минуту.

Открыл глаза я только в половине одиннадцатого утра. Вовка к тому времени уже проснулся и даже успел приготовить завтрак. Я понял, почему он не лёг на диване – не только чтобы дать мне выспаться, но и чтобы иметь отговорку для Кота, если тот спросит, почему гость так рано встал. Кот не хотел казаться немощным перед посторонними, хотя последствия ранения не позволяли ему выполнять даже простейшую работу – например, помыть посуду или поставить на плиту кастрюлю. И Вовка, которому якобы было неудобно спать на полу, вызвался помочь другу, избавив того от неловкости просить об этом. Разгадав манёвр брата, я тоже захотел помочь Коту. Позавтракав и немного отдохнув, я взялся готовить обед.

– Хочу, чтобы ты попробовал моё фирменное блюдо, – пресёк я возражения хозяина дома.

– Женька вкусно готовит, – подхватил Вовка, и Кот сдался.

Минул обед, а Беша всё не вставал. Радовало, что он не валялся без сознания, а просто спал – богатырским сном, иногда похрапывая, но все попытки разбудить его оканчивались ничем. Он не реагировал ни на холодную воду, ни на пощёчины, ни на заклинания. Лишь только к вечеру он сел на кровати, осоловевшим взглядом озираясь по сторонам. Нельзя было с уверенностью сказать, что он проснулся, потому что явно с трудом осознавал реальность.

– Дай попить, – прохрипел он, и Вовка тут же принёс литровую кружку воды. Беша осушил её одним махом и потребовал ещё. Вторую кружку он тоже выпил полностью, но уже не с такой скоростью.

– Сколько я спал? – отдышавшись, поинтересовался он.

– Почти восемнадцать часов, – ответил Кот.

– Круто! – Беша попытался встать, но его так качало, что Вовка усадил его обратно.

– Это нормально, – успокаивал нас Кот. – Раньше он спал по шестьдесят-семьдесят часов. Прогресс налицо.

– И почему такая реакция? – не удержался я.

– Поглощение энергии, – Кот потёр подбородок. – Поначалу, конечно, идёт энергетическая вспышка, но она срабатывает по принципу маятника: чем сильнее качнётся в одну сторону, тем сильнее будет движение в другую. Большой выброс энергии заканчивается большим её поглощением

и, как следствие, длительным сном. Я добавляю реагенты, которые сокращают срок сна, но от этого уменьшается и энергоотдача моего зелья, – Кот вздохнул. – В идеале мои эксперименты должны привести к аккумулированию атомной энергии, чтобы дракон мог воспользоваться ей в нужный момент, потому что не всегда есть время пить радиационную воду.

Признаюсь, задумка Кота мне понравилась. Если драконы будут способны постоять за себя не только в схватке с тварями, но и с богами, то господству последних придёт конец.

Убедившись, что с Бешей всё нормально, мы с Вовкой отправились в путь. Выехали ночью, потому что в это время суток шоссе было пустынным и можно было гнать под двести.

– Интересные братья, – сказал я, когда мы выехали на трассу.

– Ты понравился Коту, – с некоторой гордостью произнёс Вовка. – Он вообще-то неразговорчивый и мало общается с другими драконами. Впрочем, Беша тоже нелегко заводит друзей, хотя и кажется общительным. Эти двое как будто замкнуты сами на себе и очень неохотно впускают в свой мир. Поэтому, когда Кота ранили…

– Как это произошло? – мне не терпелось поскорее узнать эту историю.

– На испытаниях. Беша по призванию воин – один из лучших, как говорят. Он постоянно совершенствуется, считает, что не достиг ещё той высоты, которая сделала бы его непревзойдённым. Поэтому он и согласился испытать на себе радиоактивный заряд, разработанный Котом. Они выехали в глухомань, потому что не знали, как поведёт себя препарат. Сначала всё шло хорошо, но после выброса энергии Беша отрубился. Кот пытался привести его в чувства, но всё было напрасно, и тогда нашему колдуну пришлось тащить брата до машины. Тут их и выследил бон.

– Кто?

– Это пришелец из другого мира. Очень опасный. Очень сильный и коварный. Он появляется из ниоткуда, может менять формы, превращаясь то в летающего, то в ползающего, то в водоплавающего хищника. Собственно, думаю, с него и пошли легенды об оборотнях, потому что он нападает на людей и съедает только сердце. Душа, что самое странное, его не интересует вовсе, поэтому лиги сквозь пальцы смотрят на промышляющих бонов.

– И он напал на Кота?

– Он хотел напасть на Бешу, потому что тот был лёгкой добычей, но Кот, естественно, защищал брата. А поскольку он не воин, то уступил в схватке. Бон его сильно потрепал. И Кот наверняка бы умер, но, к счастью, неподалёку охотились мы с Горынычем и услышали зов Кота. Увидев нас, бон бросился бежать, поэтому Горыныч метнул в убегающую тварь сюрикен Беши из заколдованного металла. Сила колдовства была в том, что держала раненого бона в определённом радиусе от первой капли пролитой крови, не давая выйти не только за пределы круга, но и за пределы нашего мира. К тому же бон уже не мог трансформироваться.

– Это его ты искал?

– Да, и нашёл очень быстро: бон был буквально при смерти, и я прикончил его, в доказательство этого вернув сюрикен Беше.

– А что за камень ты должен был достать?

– Камень отражений, – Вовка вздохнул. – Поскольку парни не очень-то водили дружбу с другими драконами, то, когда случилось несчастье с Котом, у Беши не оказалось знакомых колдунов и тем более лекарей. Он выхаживал брата сам, по его записям и по собственной интуиции. Я попросил Горыныча помочь близнецам, и тот предложил одно лечение, правда, оговорился, что никогда не пробовал его на драконах – только читал в книгах. Эксперимент прошёл неудачно: Кот чуть не умер, поэтому Беша ненавидит Горыныча. Так вот, когда Кот оказался при смерти, я поехал к Шу, упрашивал её помочь, и она после долгих колебаний согласилась. Велела привезти камень отражений – очень редкий бриллиант. Его надо было выкрасть в ювелирной галерее в Лондоне, и я отправился туда, с трудом, но добыл камень. Шу провела ритуал, и вся болезнь Кота перешла в камень. После этого в течение двадцати четырёх часов его необходимо было подсунуть кому-нибудь другому, чтобы он принял всё, что содержал в себе бриллиант. Как бы совершить обмен здоровьем, но при этом самому не касаться камня. Заключительный этап операции взял на себя

Беша и подкинул бриллиант карточному шулеру. Кот был спасён, но некоторые раны залечить не удалось, поэтому он остался калекой.

– Он сильно переживает из-за этого, – согласился я. – Не хочет показаться беспомощным.

– Он очень хочет быть полезным, поэтому работает без устали над своим изобретением. Уверен, у него получится.

– Да, – кивнул я и задумался о том, какую силу может дать атомная энергия дракону, если Кот всё-таки достигнет цели.

Начало пути

Вечером следующего дня мы приблизились к границе с Украиной. Мне предстояло впервые в жизни проходить таможню, и я волновался: у нас был полный джип оружия. За несколько километров от границы мы встали на заброшенной заправке, где обычно останавливались дальнобойщики, чтобы справить нужду. Вовка поставил джип между двух столбов, к которым раньше крепились бензоколонки, и поэтому с трассы мы плохо просматривались. Брат открыл заднюю дверцу, сунул руку между спинкой сиденья и корпусом машины – щёлкнул замок, и я с удивлением наблюдал, как Вовка сдвинул сиденье вперёд и поднял её, как крышку. В нише под сиденьем был оборудован тайник – лёгкая решётчатая планка с ремнями и креплениями для пистолетов и кинжалов. Я был потрясён не столько наличием самого тайника, сколько тем, что у брата кроме «Стечкина» и ставшего моим «Макарова» оказалось ещё три пистолета. Кольт «Анаконда» – серебристый красавец с мощным восьмидюймовым стволом. Увидев его, я понял, что именно о нём и мечтал всю жизнь. Рядом с «Анакондой» был ещё один кольт – короткоствольный «Питон». Мне не очень нравилось такое оружие, хотя я читал о его впечатляющих технических характеристиках. Третий был «Вальтер П-99», и о нём я знал мало. Только лишь то, что его разрабатывали специально для полиции и военных, а потому практичность и лёгкость стали его основными достоинствами.

Кроме пистолетов на решётке в специальных ножнах висели три ножа разных размеров. Чехлы были сделаны из толстой кожи и имели фиксаторы, чтобы оружие не выскользнуло во время манёвров машины. Вовка вложил свой меч в ножны, расположенные с левой стороны решётки, закрепил перекрестье фиксатором и попросил принести из багажника мой меч. Его он поместил в ножны, приделанные к днищу сиденья.

– Как мы перейдём границу с таким арсеналом? – наличие тайника меня и пугало, и будоражило одновременно.

– Сделаем непробиваемые лица и окутаем льдом сердца, – улыбнулся Вовка и опустил сиденье. Щёлкнул потайной замок – и оно намертво закрепилось в естественном положении.

– А если лёд растает?

– Тогда сдадимся и сядем в тюрьму, – брат хлопнул меня по плечу и сел за руль. – А если не хочешь в тюрьму, то тебе придётся применить своё лекарское обаяние в боевых условиях.

На таможне была небольшая очередь, но я обрадовался рано: машины двигались очень медленно. Кроме того два пограничника с собаками курсировали между ними. Я понимал, что они искали наркотики, но боялся, что собак натренировали ещё и порох находить. Пороха у нас было столько, что хватило бы расстрелять весь этот пограничный пост.

Оставив машину в специальной зоне, мы отправились заполнять декларации и проходить погранконтроль. Когда с бумажными формальностями было покончено, мы вернулись к своей машине для досмотра. Пока пограничник обследовал наш багажник Вовка стоял со скучающим видом, как будто он по пять раз на дню пересекает границы. А вот пограничная собака, увидев меня, завиляла хвостом. Сердце у меня ёкнуло: вдруг пограничнику это покажется подозрительным?

«Сидеть!» – мысленно приказал я, но собака не послушалась и со всей своей собачьей радостью устремилась ко мне. «Стоять! Фу! Назад!» – мысленно командовал я и вдруг понял, что пёс обучен другим командам и на другом языке. Пограничник, слегка прищурившись, приближался ко мне: моя личность его явно заинтересовала. В этот момент в машине, что находилась в соседней зоне

досмотра, заплакал ребёнок. Малыш, которому не было и года и который до сего момента вполне спокойно восседал у матери на руках, вдруг разразился громогласным плачем. Мать принялась укачивать его, поила водой из бутылочки, пыталась отвлечь игрушкой и видом пограничной собаки, но ребёнок остался равнодушным ко всем уловкам. Его плач перешёл в крик, и кричал он так, словно его без наркоза резала бригада хирургов.

Надо признаться, это вопящее чадо сильно мешало мне сосредоточиться. Я пытался говорить с собакой, пытался ей приказывать, но думал только о том, как бы заткнуть этого ребёнка. Впрочем, такие мысли вертелись не у меня одного. Я видел, с каким мученическим видом пограничник заканчивает осмотр нашей машины, как он то и дело кидает просящие взгляды на мамашу, которая не знала, что сделать со своим малышом, чтобы он замолчал, и гневные – на своего коллегу, призывая того принять срочные меры по устранению этого голосящего демона с территории досмотра. Отец ребёнка метался между ними и пограничниками, гладил своё чадо, орал на жену, заискивающе улыбался людям в форме. А я всё пытался говорить с собакой. Вспомнил слова брата относительно моего драконьего обаяния и, оставив команды, решил обратиться к собаке обычным тоном, на равных.

«Понимаешь, я еду за братом, – глядя псу в глаза, мысленно говорил я. – Мы не виделись восемь лет, потому что нас разлучили, когда мы были детьми. И от тебя зависит, как быстро мы с ним встретимся. Пожалуйста, не задерживай нас, то я увижу братишку ещё не скоро, а я так по нему соскучился!».

Четвероногий пограничник смотрел на меня умными глазами, навострив уши и склонив голову набок.

– Шукай, Гомер, шукай! – шепнул его хозяин, чуть дёрнув поводок.

Пёс лениво меня обнюхал, прошёл вдоль машины и сел, высунув язык. Пограничника такой результат не устроил, но ребёнок из соседней машины уже побагровел от крика. Вовка единственный в этом бедламе сохранял спокойствие: пригодилась его спецназовская выдержка.

– Вызовите врача! – спохватился наш пограничник, но его коллега и так уже что-то быстро говорил по рации.

Граница пришла в движение, подгоняемая истерикой малыша и его родителей. Собака, с которой я объяснялся, демонстративно переключила внимание на происходящее в соседней зоне. Вовка вежливо попросил пограничника продолжить наш досмотр. И тот вроде бы взялся за дело, но всё равно мысли его были там, куда уже спешил врач и где суетились его коллеги.

– Повезло нам с этим крикливым соседом, – сказал я, когда мы отъехали от поста. – Ослабил внимание пограничника.

– Удача – это часть продуманного плана, – хитро улыбнулся Вовка.

– Ты хочешь сказать, что запланировал истерику этого ребёнка? – ужаснул я.

– Я планировал отвлекающий фактор. Им могло стать что угодно – поступок или событие. И когда мы подъезжали к посту, я увидел это. Увидел, как будет орать этот ребёнок.

– Ты видел будущее?! – я аж развернулся к брату всем корпусом.

– Я же рассказывал, что иногда могу предвидеть события. То, что произойдёт через пару-тройку минут, могу видеть, не напрягаясь. А если заглядывать поглубже в будущее, то приходится сильно концентрироваться.

– Ты поэтому увернулся от пули возле того киоска? – догадался я. – Дело не в быстроте реакции, а в том, что ты знал, когда и куда выстрелит парень.

Брат сидел довольный – то ли моими дедуктивными способностями, то ли тем впечатлением, которое произвели на меня его умения. А я, мыслями вернувшись в прошлое, ещё раз проследил весь наш путь до границы. Вспомнил, как брат остановился на обочине и отправился в лес якобы отлить. Его не было долго, а вернулся он какой-то странный, словно сильно уставший. Я ничего не спросил, решив, что брата просто мутит от обеда в придорожной забегаловке. А потом мы, мчавшиеся по трассе под двести километров в час, вдруг сбавили скорость, пристроившись в хвост автоколонны из шести легковушек. Обычно Вовка обгонял такие тянучки, но тут почему-то не стал.

Лишь когда вдалеке показался пост, вклинился в центр цепочки. Теперь я понял почему: первой шла машина с крикливым ребёнком, и Вовка рассчитал всё так, чтобы на границе мы оказались с ними в соседних отбойниках.

– Очень сложный план, – заключил я, закончив экскурс в прошлое. – Не проще ли воспользоваться гипнозом?

– Стараюсь не делать этого с представителями закона, тем более в таких местах, где всё утыкано видеокамерами и имеются ресурсы для блокирования нарушителей, – охотно пояснил брат. – Сам пограничник, конечно, не заметит воздействия, но на записи его странное поведение отразится и вызовет подозрения. Нам нужно как можно меньше привлекать внимание силовых структур.

– Ты умеешь усыплять одним словом и уворачиваться от пуль. Чего ты боишься? – удивился я.

– Лиг. Они контролируют все людские органы власти, и, естественно, информация о нас быстро просочится к ним. Поэтому мой план и был рассчитан на событие, с нами никак не связанное.

Мне сложно было привыкнуть к мысли, что мы, по многим параметрам превосходящие людей, должны скрывать свои способности из-за страха перед лигами. Я не знал, на самом ли деле Вовка ощущает этот страх перед богами или его осторожность – это часть стратегии, чтобы без проблем добраться до Максика. Я, например, никакого страха не чувствовал. Нет, я понимал, что наш тайный враг силён – не только своими ресурсами, но и ресурсами людей, которыми управляет. Лигам ничего не стоит бросить на нашу поимку сотни или даже тысячи людей, потому что их жизнями можно смело жертвовать, ведь смертны лишь людские тела, но не души.

Но несмотря на своё могущество, лиги не внушали мне страха. Отчего-то мне казалось, что это они боятся нас. Не конкретно меня и Вовку, а нас, драконов. Боятся, потому что не могут нами управлять так же легко, как людьми. Боятся, что однажды сила, которую они себе подчинили, выйдет из-под контроля и обернётся против них. Не потому ли они так пристально следят за каждым из нас, даже за королевой?

Постепенно мои мысли перетекли на более приятные вещи. Я вспоминал королеву и то, как она смотрела на Вовку. Я вспоминал ритуал, во время которого я пусть на несколько секунд, но всё же ощутил себя настоящим драконом – могучим летающим животным, рассекающим облака. Я даже чувствовал удары ветра во время полёта и мелкие капли тумана, попадающие в ноздри. И необычное ощущение свободы, какое мне ещё не удавалось испытывать.

Проснулся я только утром – от того, что почувствовал: машина не едет. Я открыл глаза и зажмурился от яркого солнца. Мы стояли на парковке в каком-то городе. Старинные трёх- и четырёхэтажные здания с цветами на узких балкончиках, булыжная мостовая, цветущие кусты жимолости и жасмина.

– Где мы? – осипшим со сна голосом произнёс я.

– В Одессе.

– Ясно, – я потянулся, оглядываясь по сторонам. – Чем займёмся?

– Всем! С днём рождения, Женька!

У меня кольнуло сердце: в детдоме я отвык праздновать день рождения. Первые два года директор ещё помнил о нём. В этот день меня освобождали от дежурных обязанностей и выдавали три плитки шоколада, которые тут же отнимали старшие ребята. Я ненавидел свой день рождения, потому что он напоминал мне о том времени, когда мы праздновали его всей семьёй. Бабушка пекла торт и готовила целые горы угощений, Вовка всегда дарил мне что-нибудь восхитительное – фонарик, бескозырку, бинокль. К нам в дом приходили соседи и мои друзья со всей деревни. Это был настоящий праздник, а не то убожество, во что превратилось для меня тридцатое апреля в детдоме.

Я был так тронут тем, что Вовка помнит о моём рождении, что у меня на глазах выступили слёзы. И чтобы брат этого не заметил, я вышел из машины – как будто хотел потянуться в полный рост.

– Я тут набросал небольшой план мероприятий. Надо согласовать с именинником, – Вовка тоже покинул джип. – Для начала устроимся в гостинице. Потом – завтрак. В любом ресторане, на какой покажешь. Потом море – до самого вечера. Потом праздничный ужин в ресторане и дарение подарков. Если останутся силы – ночная морская прогулка на катере, либо ночная автомобильная прогулка на «Черике», либо задушевные беседы с видом на порт. Что скажешь?

– Утверждаю! – я едва сдержался, чтобы не обнять брата.

– Программа по ходу праздника может меняться, поэтому я открыт для предложений, – он обвёл взглядом площадь. – Пока заселимся в гостиницу, уже начнут открываться кафе. Там и позавтракаем.

Глаз

Едва посветлел небосвод и в Михеино, прочищая горло, захрипели первые петухи, Иван Кожемякин покинул свою низенькую халупу и неспешно двинул вверх по улице, обходя оставшиеся после вчерашнего ливня лужи. Шагал он крупно, но вдумчиво, не торопился, как будто от каждого шага зависело если не его далёкое будущее, то грядущий день точно. Был Иван высок, ладно скроен, сероглаз и светловолос. Его мягкая, в мелких кудрях борода цвета спелой пшеницы была ухожена и обрамляла лицо уютным полумесяцем. В деревне Иван слыл за рассудительного и трудолюбивого мужика, к выпивке тяготения не имел, христианские посты соблюдал. После Рождества женился на тихой, но работящей сироте Арине Лоскутовой, которая уже шестой месяц носила под сердцем его дитя. С женой Иван жил дружно, разговаривал полюбовно. Одним словом, в деревне его уважали и в чём-то даже ему завидовали.

С весны Иван, как и многие михеинцы, работал на демидовских копях. Правда, ни в шахты не спускался, ни киркой не махал в тальковом или асбестовом карьерах. Его работа зависела не столько от его рук, сколько от светлой головы: Иван помогал инженерам Глуховым прокладывать дорогу к заводам.

Фёдор и Александр Глуховы были выписаны Никитой Акинфиевичем Демидовым из Санкт-Петербурга, где обучались инженерному делу под покровительством Акинфия Демидова. Братья Глуховы, поскольку были приезжими, отчаянно нуждались на новом месте не столько в проводниках, сколько в толковых парнях, смыслящих в строительстве вообще. Сын каменщика Иван Кожемякин да пахарь Степан Мурашов оказались как нельзя лучше годными для дорожного дела. Степан имел природное чутьё земли, мог с точностью рассказать, какая землица для чего пригодна, какую пахать можно, на какой строить, а какая и вовсе не годна для дела. Также он разбирался и в горных породах, знал разновидности гранита и мрамора, слюды и сланца. Именовал он их народными названиями, и старший Глухов, Фёдор, только диву давался, сколь многообразны и полезны, а порой и уникальны знания Мурашова.

Иван Кожемякин же слыл мастером в каменном строительстве, хотя его предки возводили не только каменные крепости и храмы, но и деревянные мельницы, часовни и даже барские хоромы. Все знания пращуров сливались в голове Ивана, как ручейки сливаются в могучую реку. И река эта величественно катила свои воды, щедро одаривая всех, кто приходил к ней напиться.

Этих толковых мужиков с природной смекалкой высмотрел Александр и сразу позвал в артель – помощниками мастера. Артель занималась прокладкой нового пути от недавно разработанных железных руд до завода. Старая дорога была построена наспех, без учёта особенностей тех краёв. Она хоть и была прямой, но по весне её затапливало так, что ни одна подвода не могла пройти. Поэтому Никита Демидов задумал построить новую, для чего и вызвал опытных инженеров.

Работы начались по весне – едва сошёл снег и земля прогрелась так, что её можно было копать. Строительство первой половины дороги уже близилось к завершению, когда инженерам пришлось внести изменения в первоначальные планы. После проливных дождей в мае низину, где должна была пройти дорога, сильно затопило, и Фёдор предложил поискать обход. Тогда-то Глуховы и обзавелись двумя помощниками: в мае – Степаном Мурашовым из деревни Ключи, а на Троицу –

Иваном Кожемякиным из Михеино. С этими помощниками Александр выезжал в леса на несколько вёрст окрест, чтобы разведать, насколько там земля пригодна для прокладки пути.

И вот теперь Иван шагал по улице, что выходила на пригорок, к невысокой часовне, которую строил ещё его отец. Там его ждала телега из Ключей: Александр Глухов распорядился, чтобы его помощников каждое утро доставляли в строительный посёлок. Поскольку Ключи располагались дальше от посёлка, чем Михеино, то и лошадь снаряжали оттуда.

Телега подъехала, когда Иван миновал последний дом и до часовни оставалось пройти ещё с треть версты. Он приветливо махнул рукой сидящим в телеге вознице Андрею Рябову и Степану Мурашову. Андрей ответил кивком головы: был он мужиком угрюмым и неразговорчивым, а вот Степан тоже помахал в ответ.

– Дождь-то добрый прошёл, – первым заговорил Степан, когда Иван приблизился настолько, что мог уже его слышать. Хоть сам Мурашов был сухопарый и низкорослый, голос имел басовитый и на всех праздниках слыл первым запевалой.

– Добрый, – согласился Иван. – Вот сенокос только в разгаре.

– Не беда, – отмахнулся Степан. – Землица мягче будет, трава больше соков сохранит.

Иван покачал головой и взобрался в телегу.

– Закончим к Спасу, как полагаешь? – снова спросил Мурашов, выдержав, однако, положенное молчание. Неловко было начинать разговор вот так, с бухты-барахты.

– Да кто их разберёт? – пожал плечами Иван. – Дорога, что вперёд проложили, тоже сгодилась бы. Чутка там подсыпать надо. Из карьеру щебень али там крошку каменную подвезти да насыпь сделать добротную. Так и никакие подтопи не страшны.

– А что же Фёдор Николаич говорит? – живо поинтересовался Степан.

– Грит, щебень везти несподручно. Крюк придётся делать в пять вёрст. Но коли уж другого места для дороги не найдут, то придётся везти щебень-то!

– Дело говоришь! Мы что – тёмный люд, простота. А Николаичи-то оба учёные, башковитые. Им решать. А мы – люди иной нужды. Наше дело – подсобить. Скажут новую дорогу строить – будем строить. Али решат ту продолжить, то насыплем щебня-то. Жалко разве? Добротно насыплем, чтобы не как в Пичугином долу.

Иван молчал, слушая разглагольствования товарища. Он глядел, как розовый небосвод светлеет, как неистово пробиваются из-за горизонта лучи светила – жаркие, яркие.

Будучи восьми лет от роду Иван помогал отцу строить храм. Не здесь, не в Михеино, а севернее, в городе с двухэтажными каменными домами. И там артельщик Онуфрий – молодой ещё мужик, но уже плотно пристрастившийся к браге – зачем-то, может, смеха ради, а может, из жалости – обучил мальчонку Кожемякина грамоте. Рассказал про буквы, научил складывать их в слова, а слова – в цепочки со смыслом. Никаких книг у Онуфрия не было, сохранился только листок печатного календаря, который он подобрал на улице возле каменного дома купца Евласова. В календаре говорилось, что Михайло Ломоносов соорудил какую-то однозеркальную зрительную трубку, именуемую непонятным словом «телескоп», чтобы через неё наблюдать за движением небесных тел и Солнца. Маленький Ваня Кожемякин не знал, кто такой Ломоносов, но очень завидовал этому учёному мужу, который теперь наверняка узнает, что делает светило после того, как спрячется за горизонт.

С тех пор минуло двадцать лет, но Иван всё думал о солнце, о том, какое оно там, за горизонтом. Умаляет ли свой жар или, наоборот, сбрасывает душную облатку, чтобы наконец засиять что есть мочи, вдохнуть полной исполинской грудью, не боясь загубить всё живое. А потом, отдохнув, снова надевает защитный мундир и неспеша поднимается на небосвод. Ещё Иван считал, что огонь – это частички солнца. Падают на землю, как капли пота с лица труженика. Где упали – там пожар. А человек, коли с умом распорядится этими каплями, то сможет обернуть их себе во благо, а коли нет – то погибнет.

Иван давно хотел поговорить с Александром Глуховым про солнце. Узнать мнение учёного человека о том, куда уходит светило. Были у Кожемякина свои мысли на этот счёт. Он вот смекнул,

что Ад неспроста находится в преисподней. Туда спускается солнце, чтобы без устали печь грешников, чтобы подкидывать в костры жар. Там оно отводит душу, выпуская на волю свою истинную силу. А потом смиряет мощь и снова восходит на небо, чтобы дарить всякой животине и травине своё ласковое тепло.

Из раздумий его вывел голос Степана, который стал тише и немного подрагивал.

– Вань, как думаешь? А вдруг наткнёмся?

– На что? – нахмурился Кожемякин, поняв, что пропустил начало разговора.

– На глаз пёсий. Ведь близко подобрались, а? Мож, сказать Лександру Николаичу-то?

– Какой ещё глаз? Что ты брешешь? – Иван даже немного отодвинулся от товарища.

– Ну как же… – Степан был страстным любителем баек и сказов, а потому нетерпеливо облизал губы и тут же поведал историю, которую слышал по весне от старожила Нестора Петровича.

Нестор Петрович прожил долгую и насыщенную приключениями жизнь, о чём охотно повествовал слушателями всех возрастов. Был он низеньким и иссушенным жизнью старичком с сильно сморщенным лицом, покрытым клоками реденькой бородёнки. Но имелась у Нестора одна приметина: левый его глаз был карим, с кровавыми прожилками, а правый – светло-серым, вписанным в жёлтое яблоко, и постоянно слезился. Из-за этого в Ключах к старику относились по-разному. Одни его уважали, почитая за мудрого человека и всячески привечая. Среди других Нестор слыл балаболом и юродивым. И хоть обижать его не обижали, но в дом не звали и браги не наливали.

Степан Мурашов Нестора уважал и даже побаивался, а его жена Акулина и вовсе считала деда ведьмаком и страшилась, что он нашлёт на их семью напасти, если его невзначай обидеть. Посему в дом Мурашовых Нестор Петрович захаживать любил.

На Герасима Грачевника он тоже по обычаю шатался по деревне с байками про кикимор в поисках слушателей, но главным образом – дармовых харчей, и забрёл к Мурашовым. Жена Степана изобразила радушие, но обмерла в душе и, незаметно двигая губами, прочла молитву архистратигу Михаилу. Нестор же был человеком пожилым и почти всегда голодным, а потому был рад задержаться там, откуда не только не гнали, но и за стол усаживали. Кроме этого, старик был излишне чувствителен к утробе, которая требовала возлияний, а потому остался бы трапезничать, прочти Акулина хоть все молитвы от злых духов по три раза и вслух.

Степан, как глава семьи, уселся с гостем за стол, благо оба его пострела, пяти и семи лет, убежали на улицу гонять кикимор и шуликунов. Тогда-то, наевшись щей да пирогов с морковью, Нестор Петрович и поведал гостеприимным хозяевам сказ про Горного Владыку. Началось всё с невинного желания Степана сменить тему. Поглощая щи с пирогами, старик подробно пересказывал мытарства какого-то Клима Митрофановича, и в какой-то момент Мурашов порешил, что с него хватит выслушивать сплетни, и спросил напрямик, что рассказчик думает о небывалом снегопаде, который на прошлой неделе чуть не по пояс засыпал деревню. Нестор крякнул, огладил костлявыми пальцами рубаху на груди и со знанием дела изрёк:

– Видно, Владыка хочет камень понадёжнее спрятать.

– Какой Владыка? Какой камень? – встрепенулся Степан.

– Известно какой, – хитро прищурил старик слезящийся глаз. – Волшебный.

– Волшебный? – эхом повторил Степан.

– Чи-ра-дей-ствен-ный! – уточнил Нестор.

– И откуда ж у нас такие камни? – продолжал изумляться слушатель. – Обронил, что ли, кто?

– Ну, как сказать… Камень-то, вишь, силу имеет, поэтому манит к себе всякий сброд.

– Какой сброд? – теперь уже насторожилась Акулина.

– Известно какой. Мошенников да людей на руку нечистых. Нашёлся, вишь, такой, Акулина. Алчный да без царя в голове. Взял да и украл камень у Владыки.

– А Владыка-то кто сам будет? Царь ли какой? – уточнил Степан.

– Не царь, но властитель сущего, твари какой али нежити.

– Диавол? – испугалась Акулина, а её муж поспешно перекрестился.

– Типун тебе! Какой диавол?! – замахал руками Нестор Петрович. – Горный Владыка. Урал-батюшка. Творец всех мест, где мы живём – всякого камушка, былинки и твари животной.

– А как же Бог? В Святом Писании сказано, что это он создал землю, – заспорил Степан.

– Верно сказано, перечить не стану, – внезапно согласился старик. – Только, вишь, земля-то огромна, бескрайня. И Богу непременно нужны были помощники, чтобы подсобить в разных дальних землях. А как работа-то завершилась, так, вишь, все пряники главному Богу достались.

– У нас в артели тоже так было, – поддакнул Степан, которому поступок Господа Вседержителя напомнил об одном происшествии. – Парни пашут, руки в кровь стирают, а все благодарности – главному артельщику. Дескать, он молодец.

– А я об чём говорю! – обрадовался Нестор, что не придётся держать теологический диспут.

Степан тоже повеселел, забыв об изначальном пугающем предмете разговора. От слов старика ему несколько полегчало. Во-первых, от того, что порядок на небесах сильно совпадал с порядком на земле. Не только здесь не ценились усилия простых трудяг, но и там, в высших сферах, тоже. А во-вторых, Нестор рассеял его недавние сомнения. Степан сам считал, что Богу одному было не справиться с таким огромным миром за шесть-то дней. Правда, своими опасениями Мурашов боялся с кем-либо делиться, чтобы никто не усомнился в его вере. Не дай бог, ещё посчитают его нехристем да побьют камнями.

Нестор же тем временем воспользовался молчанием хозяина дома, чтобы продолжить рассказ.

– Трудился, значить, Горный Владыка в наших землях, лепоту наводил. Но не один, а тоже с помощником – верным псом. Вида он был самого наиустрашающего: тулово, вишь, собачье, а голова – как у ящера. Да и хвост длинный, гибкий, скользкий. Он этим хвостом ударит – так и русло для реки готово. Владыка в своём чудище души не чаял, а уж пёс, понятно дело, за хозяином как привязанный бегал. Чуть что – первый помощник в деле.

Только вот беда приключилась с этим образиной. Когда Горный Владыка закончил сотворение гор и лесов, рек и озёр, то прилёг отдохнуть после трудов праведных, а пса своего подручного отпустил порезвиться. Чудовище и забралось на самую высокую гору, чтобы полизать облака. Но гора была такая высокая и крутая, что озорник сорвался вниз и разбился об острые камни.

– Как же он так?! – распереживалась Акулина. – Добаловался, бестолочь!

– Да, – крякнул Нестор и повертел в пальцах пустую кружку.

Степан верно истолковал безмолвную просьбу и едва заметно кивнул жене. Та беспрекословно вынула из прохладной клети четверть браги и плеснула гостю в кружку. Морщинистое лицо Нестора Петровича немного расправилось от благодарной улыбки. Он царским жестом поднял кружку, словно кубок, и пригубил хмельной напиток.

– Так что же Горный Владыка? – нетерпеливо затребовал продолжения Степан. – Оживил, что ли, своего пса неразумного?

– Да какой там! – старик поморщился и ещё отпил браги. – Скалы были острые, что твои ножи. Искромсали бедного пса так, что от него остался лишь один глаз.

Акулина ахнула, а её муж расстроенно покачал головой.

– Очнулся ото сна Владыка и зовёт животину свою. Раз зовёт, два зовёт – не отзывается пёс. Тогда Владыка отправился искать его, а когда нашёл растерзанное тело, то заплакал горючими слезьми. Ничто уже не могло вернуть к жизни непутёвую псину. Делать нечего. Подобрал Владыка всё, что осталось – лишь голубой, как озеро, глаз пса, положил за пазуху и отныне везде носил с собой. В память о погибшем преданном друге.

– Так как же камень украли? – чувствуя, что задор повествования идёт на убыль, Степан снова подбросил дровишек в огонь беседы, а в кружку рассказчика подлил браги.

– Известно как, – отвесив поклон, Нестор принял полный сосуд. – Много сотен лет прошло с тех пор, людей расплодилось несметные тыщи. Всякого люда хватало: и доброго, и со злым умыслом. Прознали такие злыдни про камень – пёсий глаз. Что, де, дарует он своему хозяину неслыханную силу. Ежели тот камень в кулаке, например, зажать, то можно даже самим Горным Владыкой повелевать! Просить у него всего, чего душа пожелает – богатства, али чин какой, али

любовь-зазнобу, али жизнь нескончаемую. Только как камнем-то завладети, коли Владыка его всё время с собой таскает?

– Голь на выдумки горазда! – не без гордости вставил Степан.

– Это ты верно подметил, – Нестор подкрепился брагой. – Нашли эти хитрые людишки великана. Силушки в нём было – на целую артель, а вот ума бог не дал. Злодеи-то и подговорили его вызвать на бой Владыку. Набрехали дуралею, что станет он королём королей, коли одолеет древнего бога. Поверил он в басни-то, пришёл в горы дремучие и давай Владыку на бой звать. Оскорблял его словами гадкими, насмехался. Не стерпел Владыка такого обращения да и вышел к обидчику.

– Давай бороться, – молвит тот. – Кто кого на землю повалит да удержит до заката, тот и будет отныне владыкой мира.

Согласился древний бог. Снял шубу свою лохматую да косоворотку, золотом расшитую, дабы в пылу не повредить одёжу. Вышли биться они с великаном на самую большую поляну. Богатырь-то, слышь, хоть и дурень был, но смекнул, что не одолеть ему Владыку за так. И придумал он перед битвой подпилить самое крепкое да могучее дерево, чтобы им противника-то и оглушить.

Так и случилось. Сошлись силачи в схватке, а великан тут же прикинулся слабым. Опрокинул его Владыка на землю, сам сверху навалился и держит. А в это время злодеи, что камень надумали украсть, дерево подпиленное-то и повалили. Упало оно точнехонько на темечко Владыки. Тот и рухнул, как подкошенный. В глазах у него помутнело, разум притупился, а великан уселся на него сверху и ждёт, когда солнце сядет. Пока детина противника к земле прижимал, мошенники, слышь, одёжу-то Владыки перетряхнули и камень тот отыскали. Да и наутёк!

Степан раздосадованно хлопнул ладонью по колену, а Акулина, не прекращая замешивать опару, покачала головой, осуждая грабителей. Нестор Петрович остался доволен настроением слушателей и заговорил, приободряясь:

– Пришёл Горный Владыка в себя. Глядь, а солнце уже почти спряталось за деревьями, только маленький краешек алеет над верхушками. Встрепенулся он, скинул с себя зазнавшегося дурня да так к земле прижал, что тот по пояс в землицу-то и ушёл. А как солнце село, обратился великан в камень. Владыка же облачился в свою одёжу. Глядь – а камня-то и нет! Смекнул он, чьих это рук дело, бросился в погоню. Да только где там! Грабителей и след простыл.

– Так и не нагнал их? – расстроился Степан.

– Как знать… Владыка, знамо, рассвирепел и наслал на горы бурю невиданную, с градом и ливнем, с громом и молниями. Но настигла ли кара преступников – то неведомо. А ещё в заводской слободке поговаривали, что грабители те перебили друг дружку из жадности. И так остались лежать в лесной глуши, зверью на съеденье. И коли кто к камню близко подбираться начинает, то Горный Владыка сразу снегопад обрушивает али ливень какой, дабы камень-то схоронить поглубже. Видать, демидовские дороги шибко близко подошли к тому месту, где пёсий глаз лежит. Не хочет Владыка, чтобы он снова оказался в людских руках.

Сказ этот и тогда сильно тронул душу Степана, а уж сейчас и подавно голову заморочил. Чем дальше в лес они удалялись с разведкой под началом Глухова, тем неспокойней делалось на сердце у Мурашова. Этими тяжкими думами и решил поделиться он с Иваном, поскольку считал его мужиком мудрым и рассудительным.

– Так что ж ты думаешь, камень этот… пёсий глаз, у нас на пути лежит? – подытожил рассказ товарища Кожемякин.

– Бес его знает, – признался Степан. – Только я давеча думал над словами старика. И вот что выходит, брат: дурень тот, что Владыку на бой вызвал, он, значит, в каменную глыбу обратился, так?

– Ну, так.

– Как место для новой дороги разведывали намедни, так там, за Чёрной речкой, если в гору идти в обход ельника, то там поляна есть. Мёртвая поляна. А посередь неё скала стоит. Чёрная такая, гладкая – что твой богатырь. У скалы той, слышь, даже башка имеется.

Иван задумчиво нахмурился. Глыба и впрямь стояла в лесу. Самолично он её не видел, но мужики сказывали, да бабы, что по малину и чернику в лес глубоко захаживали. Говорили, что будто и взаправду она похожа на тулово мужеское, которое по пояс в земле увязло. Только человек этот огромный. Коли рядом встать да руку высоко надо головой поднять, то до макушки ему не дотянуться. Бабы ещё сказывали, что вокруг той скалы не росли ни цветы, ни ягоды – только мох да трава жухлая.

– Что ежели те разбойники, что камень у Владыки увели, неподалёку лежат? – предположил Степан. – Народ много чего сказывает, но правды никто не знает. Вдруг Владыка покарал воров прямо там? И начнём мы дорогу строить да и наткнёмся на глаз пёсий? И тадысь Владыка на нас осерчает.

Иван промолчал, задумчиво глядя перед собой. Суеверия он не жаловал по разным причинам. Отчасти из-за того, что каждый рассказчик по-своему сказывал: может, выдумывал, а может, и забывал чего. Как правду узнать, если у всякого люда своё толкование? Окромя этого, считал Иван подобные россказни бабьим уделом. Мужик, как думалось ему, должен быть твёрд рукой и умом, а суеверия ум размягчали. Да и негоже взрослому мужику тешить себя сказками про Горного Владыку. Посему всяких былинных персонажей Иван считал хоть и славными героями, но всё же давно умершими. К тому же он веровал в Господа Иисуса Христа и в силу знаний, почитал людей учёных да грамотных. Смог же какой-то Ломоносов изобрести машину, чтобы за солнцем подглядывать! Эдак скоро и тайн не останется!

– Как я думаю, ничего не случится, – после долгого молчания ответствовал Иван. – Никакого камня мы не найдём. А глыба… это просто скала. Стоит себе – и пусть стоит.

Мурашова такой ответ малость успокоил, но всё-таки ёрзать на месте он не перестал.

Дорога свернула к реке, и мужики заговорили о рыбалке, о наживке, какая пойдет для леща, а какая и для щучки сгодится.

Вскоре выглянули из-за деревьев первые хибары строительного посёлка. Поначалу, когда только пошли в разработку новые карьеры, заводчик Демидов хотел поставить здесь перевалочную пристань. Задумал он камни по реке сплавлять, как лес сплавляют, а тут место удобное: Чёрная речка поворачивается, можно большую пристань выстроить, да вот беда: мелеть стала реченька. Баржу гружёную уже не пустишь. Так и забросили посёлок. Зато как дорогу новую начали прокладывать, так Глуховы и надумали снова заселить его рабочими. Чтобы люд не гонять из деревень каждый день, не тратить понапрасну время. Однако сейчас рабочие были отпущены на сенокос, и посёлок почти пустовал. Никто не жил в нём окромя Архипа, его косой жены и Фёдора Глухова со слугой Митькой. Митьке надысь стукнуло четырнадцать лет, но он казался взрослее своих лет, был силён, расторопен и на все руки по хозяйству мастер: мог и печь истопить, и крышу подлатать, и силки на лесных горлиц ставил, и сам же готовил из них ароматную похлёбку для барина – так уважительно он называл Фёдора Николаевича.

Инженер проживал в добротном новом срубе, куда через день да каждый день приезжал его младший брат. У Александра в Карагаевском – крупном селе, стоящем на тракте, – была молодая жена, которую он боялся оставлять надолго одну, но и привозить в глухомань свою хрупкую и утончённую барышню тоже не желал. Каждую пятницу он уезжал в Карагаевское, чтобы провести субботу да воскресенье с женой, а в понедельник снова возвращался на строительство. Вот и сейчас его бричка стояла возле невысокого, в три ступени, крыльца.

– Младший-то уже прикатил! – Степан кивнул в сторону сруба. – Ранняя птаха.

– Радеет за дело-то своё, – согласился Иван.

– Да оба хороши! Фёдор-то, слышь, тоже не отстаёт, – заступился за старшего брата-инженера Мурашов. – В заводском посёлке мужики сказывали, будто три али четыре года тому болел Фёдор Николаич тифом, а работу не бросал. Полежит, водицы попьёт да встаёт, чертит, пишет всё. Совсем

слаб был, перо едва в руке держал. Думали, помрёт, но уж шибко ему строительство тогдашнее хотелось до ума довести. Видать, так и обманул костлявую.

Иван улыбнулся, а в душе ещё больше зауважал Фёдора Глухова, которого остальные мужики не столько уважали, сколько побаивались. Был Фёдор Николаевич человеком суровым, даже аскетичным. Говорил мало, на ласковые слова был скуп. А уж если работу затеет, то пока до конца не доведёт дело или какую-то его часть, – не бросит. Есть не будет, пить не будет, пока не доделает. Сам не отдыхал и другим не давал. Из-за этого упорства Фёдора Глухова мужики-то и недолюбливали, однако Иван видел в этом угрюмом человеке настоящего учёного. Поди, он один из всей деревни замечал в глазах Глухова живой свет мысли, видел, как искрит в этом свете разум, жадный до познаний. К таким людям Иван относился с большим почтением, а вот балаболов презирал и считал мракобесами.

На крыльцо сруба вышел Александр – высокий, статный, в тёмно-зелёном сюртуке из тонкого сукна, который лишь подчёркивал его осанистую фигуру. Александр был почти на десять лет моложе брата, внешность имел миловидную, характер лёгкий, но в то же время напористый. В отличие от старшего младший Глухов был франтом, одевался у известного на весь Екатеринбург портного Летягина, что выписывал ткани из самого Петербурга. Вот и сейчас ботфорты Александра были начищены до блеска, хоть и предстояло ему идти в непролазную глухомань. Впрочем, как и старший брат, младший Глухов унаследовал от отца трудолюбие и упорство, правда, было оно иного рода, нежели у Фёдора. Александра словно бы переполняла сила созидания, которую он выплёскивал на всех и вся. Всё, что оказывалось у него в руках, он улучшал и доводил до совершенства. Сломанные вещи чинил или приспосабливал под новые нужды, а новые вещи, которые он мастерил, выходили ладными и надёжными. Чего стоили одни его механические игрушки, которые он делал на потеху детворе! А бабы в Михеино всякий раз поминали добрым словом молодого инженера Глухова, который приладил колесо над колодцем, и теперь можно было доставать по полному ведру, не боясь, что ведро ударится о кладку и выплеснет воду. Колесо это давало такой плавный ход, что вытягивать вёдра с водой могли даже дети. Любое дело – и большое и малое – спорилось в руках Александра Глухова, словно невидимый ангел-хранитель вёл его по жизни, укрывая от невзгод, чтобы инженер мог сохранить силы на большие дела.

Увидев телегу, инженер остановился на крыльце, ожидая, когда она подъедет ближе. Когда лошадь встала, Иван и Степан спрыгнули на землю, сняли шапки и поклонились Глухову.

– Здорово, Иван! Здорово, Степан! Здорово, Андрей! – весело приветствовал мужиков Александр. – Погляжу, налегке вы в дорогу-то собирались?

– И вам доброго здравия, Лександр Николаич, – с готовностью отвечал Степан. – Так ить, чай, не зима. Прокормит земля-матушка.

Глухов заливисто рассмеялся, а потом с тем же задором сообщил:

– Заберём сегодня вправо от Чёрной речки. Двинемся на восток, в горы. Хочу разведать я места, про которые охотники сказывали. Мол, на склоне есть лесистые участки, где горная порода близко к поверхности подошла, не даст земле проседать. Если там дорогу проложить, то мы добрых четыре версты скинем. Что скажете?

Иван со Степаном переглянулись.

– Дело ваше, Лександр Николаич, – заговорил Мурашов, который никогда за словом в карман не лез. – Мы что, мужики простые. Подсобить надо – подсобим. А уж вы сами разумейте, где вам дорогу строить.

– Коли вы про старую делянку говорите, то до неё ходу полдня. Не успеем засветло вернуться-то, – подал голос Иван.

– На то и рассчитываю, – бодро согласился Александр. – Заночуем по дороге, а потом разведаем местность северней делянки.

Мужики снова переглянулись.

– Да не пугайтесь! Митька нам хлеба в дорогу напёк да карасей нажарил, – Глухов похлопал ладонью по столбу, подпирающему крышу над крыльцом. – Не помрём, чай, с голоду-то! Как ты, Степан, сказал? Прокормит землица!

Мурашов не успел ответить, как на крыльце появился Митька.

– Котомку собрал, барин. Ружжо-то возьмёте? Чай, с ружжом-то спокойней... – деловито заявил он.

– Тебе или мне спокойней, Митька? – Глухов хлопнул его по плечу и, подражая его манере, произнёс: – Ташши ружжо-то!

Мальчишка скрылся в доме, а инженер спрыгнул с крыльца и подошёл к мужикам:

– Там, за домом, инструмент я сложил. Тащите в телегу.

Сказал – и направился к повозке бодрым, пружинистым шагом. Мужики обогнули дом, забрали сваленные у стены лопаты и кирку, отнесли в телегу. Тут и Митька подоспел с «ружжом» и котомкой, полной еды. К слову, котомка у инженера Глухова тоже была не простая, а с выдумкой. С виду – так обычная сума из плотного сукна, и носил её Александр Николаевич, как все – через плечо. Но была на той котомке особая петелька, и ежели через нее продернуть лямку да закрепить завязочкой, то надевать суму можно было на оба плеча и носить тогда на спине, чтобы руки были свободны.

– До Лисьего холма доедем на телеге, а дале – пешком, – разъяснил свой план подошедшим мужикам Глухов.

Те промолчали: коли через лес напрямик податься, где ни лошадь, ни телега не пройдет, то к Лисьему холму быстрее можно выйти, но кому ж хочется ноги понапрасну трудить?

Пока ехали, Глухов расспрашивал о местности. Поначалу про то, почему в Ключах, скажем, Лисий холм зовут Седовым, а вот в заводской слободке и вовсе кличут Мокрым. Степан, любивший такие разговоры, охотно выкладывал истории этих названий. Что Лисьим холм зовут охотники, ибо там на лис и охотятся в основном. А как много лет назад на холм ушёл бобыль Никодим Седов, чтобы ведьму изловить, да и пропал там – так и стали то место звать Седов холм. Вроде как ведьма эта бобыля захомутала да мужем своим сделала, и он теперь там порядки наводит. И даже охотники его побаиваются. А что до заводской слободки, то они Мокрым холм зовут из-за древесины. Какое дерево на холме ни срубишь, оно гнить начинает, будто мокрое. И как бы ни сушил ты его, ничего не помогает.

Но больше всего инженер интересовался землёй: что и где произрастает, какие деревья да кусты, да трава какая. Степан в охотку рассказывал, сдабривая байками да побасёнками. Александр Глухов где посмеивался, а где и на ус мотал. Да всё пометки какие-то угольком делал на жёлтом бумажном листе.

Когда солнце проделало лишь половину пути до вершины небосвода, телега остановилась: дальше проехать было нельзя. Александр, поколдовав с лямками своей котомки, надел её на оба плеча за спину, и обозревал дремучий, буйный лес, словно вышедший из сказок. Того и гляди появится Кощей али Лихо одноглазое. А то и Соловей-разбойник свистом своим душегубским зальётся.

– Завтра после полудня, как солнце на убыль пойдёт, карауль нас здесь с телегой, – наказывал вознице Александр. – Выйдем мы к той вон сосне, что у корня раздвоилась.

Андрей кивал и нетерпеливо топтался на месте, торопясь скорее уехать. Наконец, мужики закинули на плечи кирку и лопаты и направились во след за Александром в самую чащу, а возница развернул телегу да припустил в обратный путь.

На корявой сосне, что раздваивалась у основания, Глухов сделал ножом первую засечку и далее, через каждые сто шагов на каком-нибудь дереве вырезал только ему одному понятные знаки. Иван не решился спрашивать, для чего они, но сам с собой рассудил так: коли Глухов дорогу намерился строить, то важно её длину отмерить да на карту нанести. Потому Александр Николаевич и останавливается спустя каждые десять зарубок да что-то в бумаге своей помечает. Окромя этого Глухов время от времени ещё и заставлял мужиков копать яму на сажень глубиной. С самого дна

той ямы брал несколько горстей землицы, в ладони мял да сквозь пальцы пропускал, а потом снова со дна зачерпывал и уже в мешочек кожаный ссыпал. Таких мешочков у него с собой была дюжина, да на каждом инженер пометки углём оставлял.

Вскоре путники притомились и, обнаружив в лесу ключ со студёной водой, сделали возле него привал. Степан достал две луковицы, Иван – репу да морковь, Александр поделился с мужиками хлебом. За обедом и зашёл разговор о пр*о*клятом месте. Вернее, поначалу Глухов предложил спуститься ближе к подножию холма, проверить почву там.

– Не надо вам туда соваться, Лександр Николаич, – встрепенулся Степан. – Гиблое там место, дурное.

– Да что же в нём гиблого? – удивился инженер. – Лес как лес – ни топей, ни болот, ни пещер.

Тогда-то и рассказал Мурашов то, что слышал от Нестора Петровича. Да ещё и жути нагнал, хотел вернее убедить Глухова в проклятье, но лишь сильнее разжёг в нём интерес.

– Идём к подножию! – порешил Александр. – Коли там земля пригодная, будем дорогу там прокладывать. А для верности часовенку там поставим с колоколом, чтобы души неупокоенные упокоить, а духов злых подальше в лес загнать.

После обеда направились вниз по склону, как и велел Глухов, и скоро, миновав овраг, вышли разведчики к чудн*о*й поляне. Доселе такого не видывал ни сам Александр, ни Иван, ни даже Степан, хоть и охоч был до всяких сказов. Поляна была круглой и такой ровной, словно не землёй покрыта, а скатертью. Посередь поляны торчал огромный камень, а вокруг него шагов на сорок не росло ни единой травинки, и только поодаль начинала пробиваться робкая и хилая травка. И чем дальше она произрастала от камня, тем сочнее и зеленее становилась. А за границей поляны, утопая в зелени, лежала поваленная могучая сосна. Ветви её иссохли, ствол снегами и ливнями к земле прижало. Глядя на него, каждый понимал, каким могучим и огромным был Горный Владыка, если не отдал концы, когда его по темечку таким стволом шибануло.

– Стало быть, это и есть твой дурень-великан? – Александр подошёл к глыбе вплотную, и даже вытяни он руку вверх и подпрыгни, то не достал бы до вершины скалы. – Воистину говорят: заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибёт.

– Уходить надо отсюда, Лександр Николаич, – жалобно попросил Степан. – Место здесь дурное. Вишь, и трава не растёт, и зверь не ходит.

– Занятное явление, – Глухов копнул землю носком сапога. Землица была тяжёлая, маслянистая, словно пропитанная топлёным жиром.

– Гнилая земля, гиблая, – не унимался Степан.

– Надо Фёдору показать, – Александр кивком головы приказал мужикам копать яму, как они делали это в лесу.

– Разгневаем Владыку, – ворчал Мурашов, орудуя киркой. – Оживёт великан-то, осерчает.

– Коли праведной жизнью ты жил, Степан, то защитит тебя Пресвятая Богородица, не даст в обиду детине каменному, – с усмешкой отвечал Глухов.

– Так Богородица что… Дева святая, давно ли жила? Иисуса родила, сына Божьего. А Владыка, – Степан смерил инженера быстрым взглядом, мол, не осудит ли за такие речи, – он подревнее будет! Он у самого Господа Вседержителя на поруках значился!

На лице Глухова отразилось сомнение, но вслух выразить Александр не решился. Бросил только:

– Образец землицы всё равно возьмём. Для Фёдора.

Мурашов скривился, будто откусил хрена, и Глухов, заметив это, добавил строго:

– Лучшее средство против страха, Степан Егорыч, это вера в Господа нашего и крепость духа.

Иван улыбнулся в бороду этим словам: занятно, что учёный человек разговаривает с мужиком, как с дитём малым.

– Прогневаете вы Владыку, Лександр Николаич, – бубнил Мурашов, не прекращая работать киркой, – ой, прогневаете! Спит себе великан каменным сном – и пущай спит! Нешто вам землицы в лесу мало? Вона её сколько – копай не хочу!

Глухов не отвечал, только следил за работой, и глаза его горели алчным огнём. Странное место будоражило его, и Иван начал поддаваться этому чувству. Словно в груди его застучало второе сердце – так хотелось узнать, что за тайна сокрыта под странным камнем и почему земля вокруг него мертва. Схватив лопату, Кожемякин бросился копать яму, да так ретиво начал, что Степан даже отпрянул в страхе.

– Окститесь, Лександр Николаич, – последней атакой пошёл на Глухова Мурашов. – Загубите душу свою. И мою, невинную!

– Тёмный ты мужик, Степан, – сокрушенно вздохнул Иван, на лопате выбрасывая из выемки новый ком земли. – Наука всё на свете может столковать. И солнца ход, и гром с молниями, и про землю эту.

Мурашов молчал, только с ужасом следил, как его товарищ выворачивает из ямы ровные, гладкие комья маслянистой почвы.

– Глубже бери! – командовал Глухов. – Ещё на две лопаты копни!

Иван послушно вонзал железное полотно в землю, стараясь добраться до слоя пожирнее, но вдруг его лопата ударилась обо что-то твёрдое. Иван остановился и ещё раз попробовал лопатой землю: полотно глухо ударялось в какое-то препятствие.

– Никак сундук, – Кожемякин перевёл взгляд на Глухова. – Александр Николаич, богом клянусь – там что-то зарыто!

Глухов, который только-только вынул кожаный мешочек для новой земли, удивлённо заглянул в яму. Сквозь тугие комья ничего было не разглядеть, и тогда Иван встал на колени и начал рукой разгребать землю. Вдруг он выдернул руку, словно ошпарившись, и шарахнулся от ямы, да так, что аж упал на седалище. Увидев такое, Степан на мгновение позабыл свой страх и тоже сунул нос в яму. То, что предстало пред его глазами, заставило Мурашова выдохнуть «Господи Иисусе» и трижды размашисто перекреститься.

– Ой, беда… беда… – простонал он и сбивчиво и неразборчиво забормотал молитву.

Глухов молча смотрел на дно ямы, его лицо оставалось неподвижным, будто находка и не тронула его вовсе. Но то было обманчивое ощущение: на щеках инженера проступил румянец, глаза вспыхнули интересом.

– Иван, копни-ка правее! Да полегче! – приказал он.

Кожемякин нехотя поднялся, одёрнул рубаху, поплевал на ладони. Проделал он это медленно, скрывая неохоту, но уж больно не хотелось ему показаться инженеру трусом и таким же суеверным и тёмным человеком, как Степан. Наконец, Иван поднял лопату и принялся копать, как приказал Глухов.

– Лександр Николаич, загубите вы душу свою молодую! – Мурашов приблизился к нему, но так, чтобы инженер оказался между ним и ямой. – Пропадёте ни за грош! Ведь не зря старики сказывают: гиблое тут место!

Александр не смотрел на Степана, его взгляд жадно впивался в углубление, которое всё сильнее уходило вниз под лопатой Кожемякина. На этот раз Иван работал не так хватко. Он неглубоко втыкал лопату в землю и, ласково поддевая, выбрасывал наружу очередной ком почвы.

Понимая, что увещевания не действуют на инженера, Мурашов переключился на товарища, стращая его карами небесными, которые непременно обрушит на него потревоженный великан. Иван не останавливался, словно окутанный чарами, и всё копал, копал, копал.

– Опять! – вдруг сообщил он, разгибаясь, и для верности постучал лопатой по твёрдой находке.

Теперь уже не выдержал Александр, сам опустился на колени и руками разгреб землю.

– Ещё копай. Теперь на полсажени влево.

Кожемякин тут же принялся за дело.

– Иван, ты умный мужик, рассудительный, – всё так же издалека увещевал Степан. – Жена у тебя молодая, дитё скоро народится. Зачем гневишь бога? Зачем душу чернишь? Жить бы да жить тебе!

– Дурень ты, Степан! – прервал его причитания Глухов. – Человечество выходит из мрака, науки изучает, чтобы поставить мир себе в услужение, а ты скулишь, как пёс подзаборный.

– Какая же это наука, Лександр Николаич?! – возразил Мурашов, немного успокоившись. – Богохульство одно! Вот давеча вы землицу из Медвежьего оврага изучали. В руках тёрли. Да братец ваш, Фёдор Николаич, её порошками всякими премудрыми посыпал. Вот это наука! А выкапывать всякую нечисть с пр*о*клятой поляны – никакая не наука вовсе!

– И как же ты понял, что это нечисть, а, Степан? – усмехнулся Глухов. – Ты даже толком не разглядел, что на дне ямы лежит, а уже толкование выдал.

– Так и то понятно: что тут может быть, окромя нечисти-то?

– А если клад какой? – хитро прищурился Александр.

Мурашов засомневался сперва, но тут же подобрался и со знанием дела заявил:

– Нечистый клад. Диавольский!

– Раз диавольский, то мы с Иваном его меж собой поделим, – Александр встал, отряхнул руки. – А тебя с носом оставим.

Степана задел такой расклад, и он насупился, отыскивая более весомое доказательство сатанинских происков. Однако как назло в голову не лезло ничего убедительного или сколь-нибудь устрашающего. Мурашов отошёл от ямы, с тревогой наблюдая, как орудует лопатой его товарищ.

– Готово, Александр Николаич, – наконец, сообщил Иван и с размаху воткнул лопату в землю. Потом они с Глуховым вдвоём опустились на колени и принялись руками разгребать находку на дне ямы. Степан, сам того не замечая, приблизился и, вытянув шею, пытался разглядеть, какой же клад сейчас отроют его более смелые товарищи.

– Господи Иисусе, – пробормотал Иван и застыл на месте, перебарывая суеверный страх. Как бы ни храбрился он перед Степаном, а всё равно находка сия пускала по спине противный холодок. И окажись рядом не инженер, а кто-нибудь из деревни, то Кожемякин сейчас, подобно Мурашову, крестился бы и поминал чёрта, но лишь присутствие учёного и уважаемого человека заставляло Ивана держать себя в руках.

Александр тем временем кончил разгребать землю и извлёк из ямы находку. Правда, не без труда, ибо жирная земля не хотела расставаться с сокровищем, однако силы в Глухове было предостаточно, чтобы отнять у леса схоронённый предмет. И когда он предстал перед взорами мужиков, Степан попятился, бормоча молитву святому Михаилу, а Иван не стерпел и несколько раз торопливо перекрестился.

Когда-то, много лет назад, это была чья-то левая рука, но время беспощадно расправилось с плотью. Кое-где полуистлевшие обрывки одежды прикрывали добела вышарканную землёй и вымытую подземными водами кость. Все пальцы кисти были на месте, а вот от плеча осталось лишь половина. Ровный срез говорил о том, что руку отрубили, но сказать, при жизни это случилось или нет, было невозможно. Но не сама выкопанная рука напугала мужиков. В этом-то как раз не было ничего удивительного: в лесах нет-нет да и находили человеческие останки. Кого медведь задрал, кто сам заблудился да замёрз, а кто с голодухи ягод да грибов ядовитых объелся. Бывали времена, когда кочевые башкиры охотников убивали да в жертвы своим богам приносили. И коли удавалось распознать, кем раньше был покойник, то отпевали его и хоронили честь по чести. Но такое редко случалось, потому что зверьё лесное до плоти раньше добиралось. Поэтому в отрубленной руке не было ничего странного: жуть нагонял перстень с ярко-голубым камнем, надетый на средний палец.

– Святая дева Мария, заступница наша! Молись за нас, грешных, – залепетал Степан, но вдруг оборвал молитву и почти выкрикнул: – Это глаз! Пёсий глаз!

– Полно брехать-то! – прикрикнул на него Глухов. – Просто перстень драгоценный. Видать, вельможу какого разбойники порешили.

– Ой, беда… беда… – лопотал Степан, беспрестанно крестясь. – Пропадём ни за грош все… Ой, пропадём…

– Копай дальше! – не обращая внимания на стенания Мурашова, приказал Глухов, но Иван не торопился браться за работу. Он опасливо косился на лежащую на краю ямы руку и не трогался с места.

– Сами подумайте, олухи! Как это может быть пёсий глаз, если это обыкновенный минерал?! – Александр заговорил спокойнее, стараясь вразумить мужиков. – Степан же сам рассказывал, что пёс этот был необъятных размеров, и лес для него был – что твоя трава. А теперь скажи мне, Степан, как у такого огромного зверя может быть такой маленький глаз?

Для верности инженер даже стянул со скелета перстень и протянул его Мурашову, чтобы тот получше разглядел камень, но мужик попятился и замотал головой.

– Брехня всё про твоего пса! И про Горного Владыку твоего! – разозлился Александр. – Уж коли зверь его был гигантом, то и глаз у него должен быть размером с колесо телеги, а то и больше.

Однако доводы инженера не тронули Мурашова: он был так напуган, что не желал ничего слушать. Зато Ивана такое простое и дельное объяснение вполне вразумило, и он, хоть и с неохотой, но всё же принялся за раскопки.

– Смотри, Иван, найдём клад – я с тобой щедро поделюсь. В долгу-то не останусь, – подбадривал его Глухов. – Перстень-то драгоценный. Видать, богатого купца тут зашибли. А ну как другие останки отыщем?

– Не гневите бога, Лександр Николаич, – оторвавшись от молитв, усовестил его Степан. – Не разоряйте могил! Не тревожьте кости покойничков!

– А что если это хан какой монгольский? – вдруг вступился за инженера Кожемякин. – Собаке и смерть собачья!

– Дело говоришь! – обрадовался союзнику Глухов. – Коли разорял он наши сёла и дома, то, знать, по заслугам ему и кончина пришла. А потому пусть хоть после смерти добрую службу сослужит. Перстень-то продать можно. Я мастера хорошего знаю, он дорого оценит. Тебе, Иван, десятую часть отдам. Купишь жене материи какой на сарафаны да душегрейку байковую. Или вот ребёночек скоро у тебя народится, так ты ему колыбелю справишь.

Слушая это, Иван стал копать усерднее, а Степан, надувшись, отошёл с поляны под сень деревьев и уселся там, ворча и молясь. Видя, что Мурашов не собирается участвовать в поисках клада, Глухов сам взялся за вторую лопату. Вдвоём с Иваном они споро перекопали чуть не всю поляну, работали до самых сумерек, пока ещё можно было что-то различить в земле, но ничего больше не отыскали. Ни украшения, ни монет золотых, ни даже косточки от остального тела.

Пока эти двое искали свой клад, Степан, чтобы в глазах господа бога не иметь ничего общего с богохульниками, отправился в лес собирать ягоды и грибы. Когда вернулся, то развёл костёр и, насадив грибы на прутики, зажарил их. Как раз к этому моменту стемнело, и кладоискатели закончили свои раскопки и сели ужинать.

– Может, он остался жив? – продолжая прерванный разговор, предположил Иван. – Может, убёг да помер в другом месте?

– Может, и так, – согласился Александр. – Но искать его не будем. И без того уйму времени потеряли.

Степан молчал, в мыслях уговаривая себя, что честно пытался отвратить беду, но уж коли в человека вселяется бес, тут мало что можно сделать. Кто он такой, чтобы тягаться с Диаволом?! Простой мужик, темнота, деревенщина. Да и на причастии давно не был. Оттого и голос его слаб.

После ужина легли спать. Александр вызвался первым сторожить и поддерживать огонь в костре – главным образом, для того, чтобы дым отпугивал комаров. Зверьё летом сытое, на человека не нападает, а потому в большом огне как бы и не было нужды, но инженер решил, что с огнём всё же будет безопаснее.

Утомившись после работы, Иван уснул, как только голову приклонил. Спал он богатырским сном и даже не слышал, как ворчал Степан и как Александр безуспешно пытался доказать ему, что никакого проклятья не существует, а что вокруг камня трава не растёт, так этому найдётся вполне научное обоснование, как только его брат Фёдор изучит состав почвы. Однако проснулся Иван от

странного звука: как будто кто-то тихонько плакал. И вроде не человек вовсе, не ребёнок, а словно зверь какой неведомый. Тоненько так и приглушённо, не иначе как уткнувшись во что-то мягкое.

И только Иван хотел поднять голову и осмотреться, разузнать у Глухова, слышал ли он раньше нечто подобное, как внезапно все звуки в лесу смолкли. Наступила такая тишина, что Ивану грешным делом показалось, будто он оглох. Смолкли совы, сверчки и даже ветер перестал трепать кроны деревьев. От такой тишины у Кожемякина по спине аж мурашки поползли. И он непонятным доселе чутьём ощутил чьё-то бесшумное приближение. И чем ближе этот кто-то подходил, тем холоднее становился воздух. Ивану даже показалось, что изо рта пар пошёл. Но и то сказать – показалось, потому что сам Иван еле дышал от страха. А жуть на него накатила такая, что он не то чтобы пальцем пошевелить – даже моргнуть не мог. Так и пялился на тёмный силуэт спящего напротив Степана.

Меж тем этот кто-то приблизился настолько, что стало слышно, как он дышит: размеренно, как бы чуток похрапывая. Дыхание это Иван ощутил на своей шее, но ужас сковал его тело, и ему оставалось только лежать и чувствовать, как неведомое чудище обнюхивает его. Чудище, похоже, не понимало, годится ли в пищу этот пропахший по*том* мужик, а Иван, беззвучно двигая губами, читал одну молитву за другой, надеясь, что Бог их услышит и сохранит ему жизнь.

Наконец, долгожданное избавление пришло. То ли кто-то из святых откликнулся на призыв о помощи, то ли чудище побрезговало простым мужиком, но только оно, всё так же бесшумно, удалилось в чащу. Иван понял это по тому, как начал теплеть воздух. Из-за этого по телу побежали колючие волны. Руки и ноги постепенно отогревались, возвращая себе подвижность. И тогда Иван, привстав на дрожащих руках, оглянулся. Свет от костра выхватывал из темноты лишь фигуру уснувшего инженера, а лесные звуки постепенно набирали силу. Вот заухал филин. Где-то далеко взвизгнул потревоженный зверь. Ветер зашевелил кроны, словно проверяя, не утащил ли ночной гость часть лесного богатства.

Иван сел поближе к костру, подкинул дровишек для жара и до самого рассвета больше не сомкнул глаз. Всё думал он о том, кто приходил к ночёвке. Ежели какой волк или медведь, то почему не сожрал? Разве испугался двоих других людей? Да что ему люди? У Глухова, конечно, было с собой «ружжо», но голодный медведь не станет примечать таких вещиц. Да и спят медведи по ночам. А ежели волк приходил, так больно хриплое дыхание у серого. Слышно же было, что дышит кто-то огромный да свирепый. Кабан ли? Те тоже ночью спать любят.

Иван терялся в догадках, ощущая, однако, что страх отступил, и его место мягко заняло тепло и умиротворение, от которых веяло тревогой. А ну как чудище наслало на него чары или ещё что! И коли он сейчас устоит, не поддастся безмятежности, приятной после такого леденящего страха, то и душу свою сбережёт. А коли даст волю сердцу да примет спокойствие, то тут бесы-то его в ад и утянут.

И потому крепился Иван, отказывался верить в благодать снизошедшую. Лишь когда проснулись первые птицы и своим пением возвестили о приходе нового дня, вздохнул он с облегчением. Как раз и Степан открыл глаза. Сладко потянулся, пошевелил плечом, которое прилежал во сне.

Вскоре проснулся и инженер. Встал хмурым, неразговорчивым. Наспех перекусил краюхой хлеба да в обратный путь засобирался. Мужики тоже молчали. Один раз только Степан заикнулся, де, бог миловал, никаких напастей ночью не случилось, так Глухов зыркнул на него недобро и пробурчал:

– Вы вот что… в деревнях своих не болтайте про камень-то. А то настоящую беду накличите.

И посмотрел так недобро, что у Ивана даже сердце ёкнуло. Не стал уж он рассказывать, какой гость к костру этой ночью приходил.

Всю дорогу до кривой сосны путники шли в тишине. Каждый думал о своём, перебирая в памяти прошедший день. Чем дальше от глыбы удалялись, тем светлее становилось лицо Степана, будто с плеч его мал-помалу сбрасывалась ноша. Александр Глухов же наоборот: мрачнел с каждой верстой да мешок с землицей, что с поляны была взята, крепче к телу прижимал.

С той поры о находке у каменной глыбы не вспоминали ни Степан, ни Иван, ни сам Александр, а если и вспоминали, то вслух не заговаривали. Зачем бередить лихо, коли уснуло тихо? Вылазок к пр*о*клятому месту тоже больше не делали: раз забыли, то забыли. Александр убедил брата, что земля на Лисьем холме неподатливая, и дорогу там прокладывать – только силы зря угробить, а потому порешили братья держаться первого намеченного пути.

Наступила осень – тёплая, сухая. Как будто кто намеренно давал Глуховым время завершить дорогу. Впрочем, Фёдор говорил, что закончат они к Рождеству, не раньше. Урожай был собран, озимые засеяны, поэтому крестьян ничто боле не отвлекало от строительства. Из каменоломен по старой дороге, пока её не развезло от дождей, возили булыжники и каменную крошку. Этим рабочие отсыпали основание новой дороги.

Александр Глухов теперь не уезжал к жене, а обосновался в срубе с братом. Говорил, что вернётся к супруге, как только закончат строительство. Был он всё такой же жизнерадостный и подвижный, но временами накатывал на него словно морок какой. Он вдруг безо всякой причины становился тих и мрачен и уходил в сруб, или в лес, а коли не было возможности уединиться, то хватал молот или кирку и шёл к рабочим. В посёлке поговаривали, будто с ним какая-то хворь приключилась, а другие языки болтали, что супружница его понесла от другого мужчины, и оттого Глухов к ней не торопится.

Степан после того похода стал дюже набожным. Посты соблюдал страстно, в церковь ходил исправно, дома истово молился и бил поклоны святым, особливо Николаю Чудотворцу, и крестился – чуть где слово бранное услышит или почудится ему бес какой.

Ивана Глуховы отрядили помощником мастера. Ходил он поглядывал, чтобы мужики ровно камень отсыпали, да не жалели его, чтобы сверху настил клали не абы как, а по науке, как Александр Николаевич рассказывал.

Однако жизнь – что твоя погода. То солнцем привечает, да и тут же дождём мочит. На исходе сентября по обычаю спозаранку, ещё затемно, приехал Иван в посёлок, чтобы к работе приступить, да и обомлел. Не спит посёлок, суетится, люди туда-сюда шастают. И запах такой стоит, что Иван сразу всё понял. Соскочил с телеги прямо на ходу да бросился к невысокой часовне, что Демидов поставил, дабы строители не ходили в деревенские церкви на молебны, время не тратили.

У часовни суеты было больше. Бабы, что постарше, стояли кружком да переговаривались, то громче, а то и на шёпот переходили. Бабы помоложе вместе с мужиками таскали всякий скарб домашний: посуду, одёжку кое-какую, лавки или просто доски. Время от времени из плотных сумерек слышались выкрики: «Ну-ка, ребята, подсоби!» или «Дружно! Взя-а-али!» Оттуда же доносились удары топора, звуки падения чего-то тяжёлого, ругань и нервное лошадиное ржание.

У Ивана замерло сердце: там, за часовней, внизу пригорка стоял один-единственный дом – сруб, в котором жили инженеры Глуховы. С той стороны пригорка хибары никто не ставил: далековато было за водой ходить. Дома работников жались к дороге да к реке, наседая друг на друга, словно любопытные зеваки на ярмарке. И только Глуховы поставил свой сруб за часовней, а для Митьки, которому каждый день следовало ходить по воду, Александр смастерил тележку с двумя большими кадками. Наполняй себе кадки, да кати тележку к дому. Всё легче, чем на своём горбу тащить.

Иван не стал огибать часовню по дороге: рванул напрямки, через огороды диакона и густые заросли малины. За самой часовней он встретил местного юродивого Симку. Было ему от роду двадцать три года, но вырос Симка лишь телом, а умом остался в своём безмятежном детстве. Оттого его так любили местные ребятишки, а бабы сердобольные жалели, кормили, да одёжу справляли. Летом Симка шатался по окрестным деревням, иногда работу кое-какую несложную выполнял – лошадей помыть али помочь дотащить чего. За это ему давали хлеба кусок да молока, да каши немного. Спал Симка где придётся, в сарае али в овине да и в собачьих будках бывало. Никакая живность к нему зла не испытывала, ни разу ни одна собака не облаяла. А ближе к зиме, когда ночи стали холодными, и потому хозяева запирали скотину, чтобы голодные звери не утащили, Симка приблудился к часовне. Диакон Архип пригрел несчастного, за это юродивый

помогал ему в работе: где воск с пола соскоблить, где воды натаскать, где стены от копоти свечной отмыть.

– Слышь, Симка! – окликнул парнишку Иван. – Что случилось? Отчего беготня такая?

– Так известно, от чего, – с пришепетыванием отвечал юродивый. – Ночью-то сруб, где нжерены проживали, сгорел.

– Как сгорел? – Иван опешил, даже не заметил, как Симка слово иностранное исковеркал.

– Да вот так. Дотла.

– Как же такое случилось?

Симка выразительно, как ребёнок, пожал плечами.

– А сами-то живы?

– Да поначалу были живы. Как дом-то заполыхал, так Митька хозяев растолкал. Они повыскакивали в исподнем одном, – начал объяснять Симка, растягивая некоторые слова. – А потом Фёдор-то Николаич как заголосит: «Четрежи мои! Сгорят!». Да как ринется в дом-то. Никто и не успел его ухватить.

– И?! – нетерпеливо потребовал продолжения Иван, когда парнишка замолчал.

– Сгорел Фёдор Николаич, упокой, Господи, душу его! – Симка размашисто перекрестился.

– А второй? Александр?

– Он-то поначалу командовал, кому куда встать, как вёдра принимать с водой. Но вода-то за версту, всё одно не успели бы затушить, – с готовностью продолжил Симка. – А как увидел Александр Николаич, что брата его давно не видать, так и заметался. Кричит: «Федя! Братец!». Ему и говорят, мол, Фёдор-то Николаич в огонь за своими четрежами прыгнул. Глухов-то как заголосит да как кинется в дом полыхающий. Насилу удержали его.

– А сейчас он где?

– Дом-то как стал догорать, так и рухнул. И похоронил под собой Фёдора Николаича-то. Вот Александр Николаич вместе с мужиками-то и разгребают завал, чтобы тело достать да похоронить со всеми почестями.

Иван поблагодарил Симку и заторопился к срубу. Юродивый вслед ему кричал про каких-то бесов и про знамения, о которых сказано в Писании, но Кожемякин его не слушал. Продирался сквозь колючие кусты, прикрывая лицо поднятой рукой, и вскоре оказался на краю крутого, осыпающегося спуска. Не раздумывая, шагнул он вниз, скатился по сухой, колкой земле да побежал к толпе мужиков, что орудовала на месте пожарища.

Александра Глухова Иван заметил сразу. Приметный он был среди других мужиков, в одном исподнем и в сапогах. Руки и лицо – в розовых пятнах ожогов, с левой стороны волосы на голове обгорели почти до темечка. В глазах блестит отчаяние и злость.

– Оттаскивай! Оттаскивай к лесу! – зычно командовал он мужиками, которые ухватились за толстое, непрогоревшее бревно.

Подоспевший Иван молча взялся помогать. У кого-то были багры и топоры, а кто-то, как и Кожемякин, голыми руками растаскивал ещё горячие, рассыпающиеся снаружи, и тлеющие внутри брёвна.

Скоро нашли и Фёдора Глухова, обгоревшего дочерна. Не узнать было в этой головёшке человека: словно чучело какое-то скукожилось, судорожно прижимая к груди руки. Видать, бумаги свои пытался укрыть от огня Глухов, да только остался от них один пепел.

Дотла сгорел сруб. Только печь уцелела да ларчик с кованой оплёткой. Подивились мужики: ларчик вроде деревянный, а огнём не тронут, даже бока не подтлели. Словно кто его уже после пожара под рухнувшие балки подсунул. Александр же ларец схватил да в рубаху завернул, подальше от глаз людских.

Отпевали и хоронили Фёдора Николаевича в закрытом гробу. Поговаривали, что сам Демидов предлагал Александру отвезти брата в Екатеринбург да там, на новом кладбище, похоронить, как государственного деятеля, но Александр отказался. Свой последний приют обрёл Фёдор Глухов на тихом деревенском кладбище ниже Ключей.

Вскоре за старшим братом последовал и младший. В ноябре он отправился в горы неведомо зачем. Взял с собой проводника из мужиков, да оба и не вернулись – медведь-шатун задрал. Так бы и пропал Александр Глухов, если бы не охотники. В посёлке он никому не сказал, куда и насколько уходит, а посему хватились бы его не скоро. Да под снегом как отыщешь, коли метель следы заметает? А вот охотники-башкиры наткнулись на медвежий схрон, где среди прочей живности, недоеденной косолапым, лежал и инженер с разорванным брюхом да без руки.

Схоронив мужа, молодая вдова Глухова вернулась обратно в Калугу, и больше о ней никто и не слыхивал. Строительство дороги заканчивал другой инженер, выписанный из Москвы. И хоть на картах подле дороги писалась теперь его фамилия, дорогу все равно прозвали Глуховской.

След Стража

Мы поселились в отеле «Фраполли» на Дерибасовской. Номер на четвёртом этаже – под самой крышей. С него было видно синюю полоску моря на горизонте. От шикарности апартаментов я уже начал уставать.

– Вов, давай в следующий раз выберем гостиницу попроще, – попросил я. – Мне так неловко среди этой дороговизны.

– Как скажешь, – брат пожал плечами. – Просто скоро у нас не будет возможности жить в дорогих отелях и вообще бывать в крупных городах. Поэтому…

– Я ценю это! – перебил его я. – Ты не думай, что я скотина неблагодарная.

Вместо ответа брат рассмеялся.

Стоит ли говорить, что на море я не был ни разу. Единственным водоёмом, у которого я провёл часть детства, была тихая речушка в двух километрах от деревни. Течение в ней было такое слабое, что прибрежная линия заросла тиной и камышом. Единственное место, где можно было купаться, – Сорокин обрыв. Там река делала поворот почти на девяносто градусов. Мы прыгали с обрыва в воду, а выбирались, хватаясь за торчащие над рекой корни деревьев. Море же мне представлялось чем-то суровым и опасным, поэтому я немного трусил.

Позавтракав в ресторане, мы отправились на городской пляж. Было утро рабочего дня: ребятня в школе, взрослые на работе. Мы бросили вещи недалеко от полосы прибоя и вошли в воду. Волны пугали меня. Мне они казались небывалой высоты, но Вовка смеялся и говорил, что это даже не шторм, а баловство. Я поплавал, понырял, но большого удовольствия не получил. Нестабильность водной поверхности не давала мне расслабиться. Я всерьёз опасался за свою жизнь, ожидая от моря подвоха. Делиться своими страхами с братом я не собирался: не хотел показаться неблагодарным. Он мне праздник устроил, а я сейчас буду морду воротить. Но всё-таки второй раз в воду заходить я не стал. Соврал, что вода холодная и у меня судорогой сводит ноги.

В отель мы вернулись во втором часу ночи. После большой культурной программы нелёгкая понесла нас в казино, где Вовка облегчил кассу на сто тысяч гривен. У меня тоже был небольшой улов – золотой браслет. Я не хотел его красть, но его присутствие жгло меня. Как будто обёртка из пупырчатого целлофана – невозможно удержаться, чтобы не начать лопать пупырышки.

Оказалось, что расстегивать силой мысли застёжки на браслетах – дело кропотливое и не такое простое, как виделось мне поначалу. Я провозился с этим четверть часа, не меньше, даже вспотел, пока браслет не соскользнул с руки дамочки. Мне оставалось только поднять его и незаметно убрать в карман.

Удивительно, но теперь к нашим вылазкам я относился иначе. После того, как мы поживились в московском казино, я два дня был в возбуждении. Всё оглядывался, не преследуют ли нас вышибалы. Кроме того, мне было не по себе из-за нашей аферы: всё-таки эти деньги мы выиграли нечестно. Помню, я думал об этом, когда валялся в постели после ритуала, всё размышлял, правильно ли мы поступаем. Можно ли нас оправдать, раз ничем другим в данной ситуации мы не могли заработать на жизнь? Или, например, тем фактом, что мы сжульничали в казино – месте, где обман и мошенничество заложены в самой сути игорного заведения, а потому украсть у вора – не

преступление. Так говорили мальчишки у нас в детдоме, когда кому-нибудь удавалось стянуть бумажник какого-нибудь бизнесмена-благотворителя.

Однако всё изменилось после ритуала. Теперь наша вылазка в казино уже не казалась мне преступлением. Более того, я стал усматривать в ней некоторую справедливость. Веками люди истребляли драконов, чтобы обустроить свой быт или повысить своё положение в обществе. Теперь пришло время драконов пользоваться своим преимуществом.

В Одессе мы пробыли два дня. После потрясающего праздника мы занялись делом.

– Тебе нужна татуировка, усиливающая какую-либо ипостась, – сказал Вовка. – Ты уже выбрал, что это будет?

– Лечение, – без колебаний ответил я. Слова Кота убедили меня.

– Тогда делать поедем сегодня, потому что на обратном пути у нас не будет времени.

Я не стал расспрашивать почему. Было у меня смутное подозрение, что из Болгарии мы будем улепётывать со связанным Максиком в багажнике.

Татуировщик обрадовался нашему визиту. Вообще, на татуировщика он походил мало: высокий блондин с приветливым лицом и осанкой, как у гимнаста. Обычно мастера в таких салонах выглядели довольно специфически: носили банданы, украшенные значками, бороды или странные причёски, одевались, как панки или рэперы, и обязательно имели какое-то эффектное увлечение помимо набивания рисунков на тело. Этот же татуировщик походил скорее на продавца «Макдональдса» или на студента-ботаника, чем на байкера или сёрфера. Казалось, что свободное от работы время он проводит в библиотеке или слушает симфоническую музыку.

– Два дня работы нет, – пожаловался блондин. – Сезон-то ещё не начался.

– Считай, что мы его открыли, – Вовка протянул ему эскиз знака, который он перерисовал из своего дневника.

– Во сколько цветов выполнять? Размеры эти же или увеличивать? – начал сыпать вопросами мастер.

– Отвечай: тебе ведь делать будут, – брат хлопнул меня по плечу.

– Чёрно-белую, размеры сохранить, делать вот здесь, – я закатал правый рукав.

– Хорошо, приступим! – татуировщик проводил меня в другую комнату, посреди которой стояло кресло, напоминающее стоматологическое, только без бор-машины. – Усаживайся поудобнее. Раньше делал когда-нибудь тату?

– Да, – я сел в кресло и положил руку на подлокотник.

– Отлично, тогда правила ухода знаешь. Или напомнить? – татуировщик скинул рубашку, оставшись в майке-безрукавке. Нашему взору предстали его испещрённые различными рисунками руки, что диссонировало с простоватой внешностью парня. В этот момент Вовка изменился в лице, но тут же справился с эмоциями.

– Интересный знак, – хмыкнул он, указывая на какую-то татуировку, которую не было видно с моего места.

– Какой? Этот? – парень взглянул на свою руку. – Да, прикольный. Два года назад приходил парень, принёс этот эскиз. Я его себе тоже наколол.

– У моего друга такая же. Неужели он был в Одессе и не сказал мне? – Вовка с сожалением вздохнул. – Не помнишь, как его звали?

– Сказочник.

– Просто Сказочник?

– Да, он так сказал, – татуировщик надел резиновые перчатки и стал протирать их спиртом. – Я ещё тогда пошутил, мол, как Ганс-Христиан Андерсен? А он: нет, как Генце. Кто такой Генце – хрен знает.

Ни один мускул не дрогнул на лице брата, но я видел по его глазам, что он в сильном смятении от услышанного.

– А Сказочник не сказал, откуда он родом? Не из Самары?

– Не знаю. Сказал только, что его зовут финны на какой-то… туру… туресари, что ли?

– Ретусаари, – поправил Вовка и кивнул. – Ну, точно, это он, мой дружбан! Вот ведь чёрт лысый! Был на море – и ни полслова!

– Может, с подружкой был? – предположил татуировщик, обрабатывая мне руку.

– Хрен его разберёт! Ладно, вернёмся – позвоню ему, – Вовка взял со столика журнал и сел на стул у входа.

Когда татуировщик нанёс мне контуры рисунка и принялся набивать краску, у Вовки зазвонил телефон.

– Да, Кот, – негромко ответил брат и вышел, чтобы мы не слышали разговор.

– Ну, а ты чем занимаешься? – спросил татуировщик.

– Учился на повара, но бросил. Путешествую, чтобы в армию не забрали.

– Армия – отстой, – резюмировал мастер и принялся насвистывать себе под нос мелодию. У неё был приятный и как будто знакомый мотив с этническим налётом. Я силился вспомнить, где я его слышал. Ответ лежал на поверхности, но всё время ускользал от меня. Не выдержав, я спросил у татуировщика напрямую.

– Это местная группа «Внутри сердца». Позавчера был на их концерте. Красивую музыку играют.

Я определённо не мог знать песни этой группы. Скорее всего, мелодия татуировщика походила на какую-то композицию, которую я слышал раньше.

– Привязчивый мотив. Запоминается с первого раза и потом целый день в башке крутится, крутится, крутится…

В комнату вошёл Вовка. По его лицу я понял, что Кот сообщил приятную новость.

– Когда ты закончишь работу? – спросил он у мастера.

– Часа через два, может, меньше.

– Хорошо, я через час вернусь. Если закончите раньше – звони, – он махнул мне рукой и снова ушёл.

С татуировщиком мы больше не разговаривали. Он всё так же насвистывал свою мелодию, а я погрузился в фантазии о том, как мы приедем в Болгарию за Максиком. Мне рисовались разные картины: то он несказанно радовался нам, то обиженно бросал оскорбления. И то, и другое очень походило на брата. Он и маленьким был неуравновешенным: если был счастлив, то мог задушить в объятиях, а если злился, то на глаза ему лучше было не попадаться.

Этой же ночью мы покинули Одессу. Администратор в отеле недоумевал, почему мы съезжаем на ночь глядя.

– У вас оплачено до утра, вы можете остаться.

– Нам пора. Обстоятельства изменились, – улыбнулся Вовка.

– Тогда, может, поужинаете на дорогу? За наш счёт.

– Спасибо, но времени в обрез.

Садясь в машину, я задел рукой о ручку на двери. Место татуировки неприятно заныло. И я вспомнил разговор брата и татуировщика.

– Ты не упоминал про Сказочника в дневнике.

– Я с ним не знаком, – Вовка захлопнул дверцу и включил зажигание. – Но очень бы хотел познакомиться.

– Но ты говорил с тем парнем так, будто ты знаешь, о ком речь!

– Если бы я расспрашивал его напрямую, он бы счёл это подозрительным и не стал бы ничего говорить, – брат вырулил на проезжую часть. – Если хочешь что-то выведать, говори с людьми так, будто ты всё уже знаешь. Не бойся ошибиться: люди не любят умников и поправят тебя.

– А это рутусари – что это?

– Ретусаари, – поправил Вовка. – Видишь, у тебя получается! Это финское название Котлина – острова, на котором стоит Кронштадт. Очевидно, Сказочника надо искать там.

– А что за татуировка была у парня?

– Она есть и на твоей книге. Ты увидишь её, когда начнёшь разгадывать. Это печать Повелителей драконов.

– Но книгу-то лиги писали!

– Печать – своеобразный копирайт. Книга, где она имелась, считалась подлинником.

– Разве печать не могли подделать?

– Её нельзя подделать. Этот знак обладает как бы генетической самозащитой. Даже если ты нанесёшь её несмываемой краской на какую-то поверхность, залакируешь, заламинируешь, зацементируешь, придумаешь ещё какой-то способ уберечь от внешнего воздействия, печать исчезнет через девять месяцев. Поэтому сдаётся мне, что татуировщик наврал: он сделал тату не два года назад, а примерно месяца два-три. Этого хватило, чтобы кожа зажила, но рисунок смотрится ярче остальных. Представляю, как парень удивится, когда он исчезнет!

– Но тебя что-то насторожило в его словах. Я видел, как ты слушал про Сказочника.

– Потому что Сказочник – дракон. И не такой, как Беша или Шу – он избранный.

– Что значит – избранный? Король драконов?

– Хранитель. Их ещё называют Стражами. Я не упоминал об этом в дневнике. Есть книга, которая описывает жизнь Повелителей и их личных драконов – Стражей. Они квинтэссенция нашего народа, ключ к разгадкам, ответ на все вопросы. Хранитель одинаково хорошо может быть воином, кузнецом, мудрецом, колдуном. Он носитель знания и идеальный продолжатель рода. Ему подчиняются все короли драконов.

– Почему?

– Потому что только Страж может говорить с Повелителями. Понимаешь, лиги выжили Повелителей из этого мира. Вернее, в каких-то источниках говорится, что они убили всех хозяев драконов, другие источники утверждают, что лиги просто выкинули их за пределы мира и поставили барьеры – как будто замок на двери поменяли. Но два Стража остались внутри – Генце и Руал. И когда Повелители драконов снова вернутся, хранители известят своих сородичей. И тогда мы перестанем подчиняться лигам и будем свободными.

– Ага! Перестанем подчиняться одним, начнём подчиняться другим.

– Да пойми ты! Лиги используют нас в своих целях. Они выращивают людские души, чтоб создавать новых богов, а мы для них – всего лишь охотничьи псы, которые волков гоняют. У лиг есть охотники, есть ловцы, армия, но никто из них особо не горит желанием рисковать ради спасения душ. Скажу тебе по секрету: многие монстры этого мира намного сильнее богов. Например, победить валькирию может только предводитель божественного войска либо охотник, убивший дракона. Нам же не требуется какой-то сверхсилы, чтобы справиться с этой летающей тварью. Вернее, раньше не требовалось. Сейчас же, когда драконы приняли облик людей, мы гораздо уязвимее.

– То есть ты думаешь, что Сказочник – потомок Генце? – вернулся я к первоначальной теме разговора.

– Да.

– А он не может быть каким-нибудь сошедшим с ума дракоидом, который нашёл знак в книге и решил стать легендой?

– Дракоид не смог бы нанести этот знак – он бы сжёг кожу, – Вовка упрямо мотнул головой.

– Но татуировщику-то не сжёг.

– Татуировщик – человек, а люди глухи к нашим магическим знакам. Нет, Женька, этот Сказочник определённо обладает силой Стража. Нам надо будет его найти, потому что он даст нам не просто защиту. Он даст нам будущее.

В непосредственной близости

Весь следующий день мы провели в дороге и пересекли две границы: сначала Украины с Румынией, потом Румынии с Болгарией. Ночью въехали в Добрич. Это был наш последний

перевалочный пункт, потому что утром наша дорога должна была окончиться в Варне – городе, где проживал Максик. Мы бросили машину на окраине Добрича и поохотились.

– Силы нам пригодятся, – пояснил Вовка. – Засада – самая выматывающая деятельность на свете!

В девять часов утра мы въехали в Варну. Оказывается, когда мы были в Одессе, Вовка забронировал номер в отеле «Аглая» – трёхэтажном доме, утопающем в зелени, недалеко от шумной улицы имени царя Бориса Третьего. Бросив вещи и переодевшись с дороги, мы отправились на поиски Максика.

Дело в том, что, являясь Вовке, мама дала ему адрес не только Горыныча, но и семьи Петровых в Варне. С помощью GPS-навигатора мы добрались до района, застроенного многоэтажными домами. Меня удивило, что при таком обилии новостроек в этой части города сохранились в большом количестве и ухоженные зелёные дворики. Ничего общего с теми бетонным коробками, в одной из которых жил Вовка, и уж тем более с московскими многоэтажками! Варне каким-то образом удавалось сочетать индустриальность с душевностью, почти провинциальной чистотой и нежностью. Здесь царила неповторимая атмосфера, свойственная лишь портовым городам: чем дальше от моря, тем больше умиротворения и тишины, тем спокойнее люди и уютнее дворы.

Петровы жили на улице Ивана Панайотова в многоквартирном доме, смотрящем на большой сквер. Мы оставили машину на соседней парковке, а сами заняли удобный пост во дворе дома. Вовка заставил меня надеть купленную в Одессе строительную куртку и оранжевую каску. Сам облачился в такую же одежду и вынес во двор треногу с фотоаппаратом. Работающие строители с геодезическим прибором ни у кого не вызывали подозрений.

Мы проторчали во дворе часа три, изображая не очень-то бурную деятельность. Будь мы на самом деле геодезистами, нас бы уволили через неделю, потому что мы то и дело присаживались отдыхать, болтали и лишь изредка делали какие-то пометки в блокноте – больше для отвода глаз. И когда я сел, прислонившись к дереву, чтобы в теньке отдохнуть от раскалившегося майского солнца, Вовка негромко произнёс:

– Медленно повернись на девять часов. Максик возвращается из школы.

Очень трудно было сдержать порыв и не подскочить с криком: «Где?!». Я развернулся в сторону дома и пошарил рукой в траве, как будто хотел найти упавшую ручку, а сам стрельнул глазами по пешеходной дорожке. И увидел невысокого и худощавого подростка в широченных джинсах, чудом державшихся на бедрах. Мало того, что джинсы были широкими, они ещё и собирались в гармошку у самой земли, скрывая обувь. Куртка у парня тоже была размера на три больше, на спине – огромный рюкзак, висящий ниже поясницы, на голове – бандана. Для полноты рэперского образа не хватало только золотой цепи в два пальца толщиной. Фотоаппарат Вовки защёлкал, запечатлевая парня.

– Это Максик? – с ужасом выдохнул я.

– Наш мальчик, да, – лицо Вовки озарилось полуулыбкой. – Одет, как ё-моё, но мы это исправим.

– Что будем делать? – прошептал я, глядя, как брат заходит в подъезд.

– В ближайшие три дня – следить. Ну, и выбирать один из трёх планов.

– А у тебя их три?

– Да, но не все мне нравятся.

– Может, поделишься?

– В гостинице.

Мы свернули аппаратуру и направились к машине.

– С завтрашнего дня сядем на разные тачки и разделимся: Максик не должен заподозрить слежку, а «Черик» слишком приметный, – говорил брат. – Изучим его маршрут: из дома до школы, из школы – до дома, надо узнать, куда он ходит по вечерам. Сегодня я этим займусь, а ты возьмёшь в прокат машины. Связь будем держать только через сотовый.

– А если он нас узнает?

– Не смеши мои тапочки! Ему было семь лет. Если он и запомнил наши лица, что вряд ли, то узнает максимум меня. А ты сильно изменился с момента своего десятилетия. Так что прекрати трусить!

– Я не трушу, я просто осторожен, – огрызнулся я.

Вовка остался во дворе, а я вернулся в отель и расспросил у служащего на рецепции, где можно взять машины в прокат.

С этим в Варне было плохо: отыскалось всего две конторы. До одной я добрался на такси, мы очень мило поговорили с менеджером, который оказался белорусом. Потом из двадцати машин я выбрал неприметный тёмно-синий опель-универсал. Заплатив за три дня аренды и внеся залог, я двинул на нём к следующему пункту проката. Оставив машину на стоянке возле супермаркета, я прошёл один квартал до конторы. Здесь ситуация была ещё более плачевная: выбирать пришлось из трёх автомобилей. Я остановился на старом, но хорошо подремонтированном форде, и укатил на нём к супермаркету.

– Обе машины у меня, – сообщил я Вовке по телефону. – Как там Максик?

– Пока торчит дома. Не думаю, что делает уроки.

– Что с машинами делать?

– Отгони одну к отелю, вернись за второй и приезжай сюда. Есть идея.

Через час я снова был возле дома Максика.

– Поставь машину вон там и следи за подъездом, – распоряжался Вовка. – Если он выйдет – поезжай за ним. Надеюсь, тебе хватит выдержки не прилепляться к нему, а держаться на расстоянии. Если он обратит на тебя внимание, проезжай мимо и больше не показывайся ему на глаза. Мы знаем, где он живёт, остальное – не важно.

– А ты чем займёшься?

– Наведаюсь в его школу, наведу справки: расписание занятий, кружки-секции, есть ли охрана и так далее.

– Думаешь, выкрасть его в школе?

– Надо продумать все варианты. Кстати, какую машину ты мне арендовал?

– Серый форд. Стоит у отеля, в дальнем углу стоянки, – я протянул брату ключи.

– Я на связи, если что…

Я поставил опель во дворе дома, удобно расположился в кресле. Мне не хватало только пончиков и кофе, а так был бы вылитый частный детектив. Вовка был прав: засада оказалась довольно утомительным занятием. Когда мы следили за домом вдвоём, можно было хотя бы поболтать. А одному пялиться на дверь подъезда было ужасно скучно. Я включил радио, но большинство песен звучало на болгарском языке. Он был понятен, но почему-то раздражал. Наверное, потому, что на этом языке теперь говорил Максик.

Наконец, на крыльце появился брат – в той же дурацкой одежде, но за спиной рюкзак с чем-то объёмным внутри. Я включил зажигание. Максик сошёл по ступенькам и направился в мою сторону. Я посильнее надвинул кепку на глаза, но понял, что зря волновался. Брат прошёл мимо, даже не обратив на меня внимания. Я заметил на нём наушники и вспомнил, что так и не купил себе плеер, хотя в день рождения мог бы потребовать с брата такой подарок. Когда Максик свернул за угол, я тронулся с места и медленно выехал со двора. Вовка был прав: брат шёл вдоль тротуара, и потому медленно ехать за ним было слишком подозрительно. Я остановился на выезде, благо машин в это время суток было мало, и ждал, куда свернёт Максик, но он шёл по прямой. Когда он удалился на приличное расстояние, я вывернул на проезжую часть, проехал метров двести и остановился, включив аварийку. Сдавалось мне, что шпион из меня вышел бы никудышный: я бы сам себя уволил за такую слежку, но я не знал, как правильно упасть человеку на хвост, а Вовки рядом не было. Слава богу, Максик надумал перейти дорогу, и я с радостью тронулся с места. Однако на перекрёстке меня ждало разочарование: поворот направо автомобилям был запрещён, но именно в ту сторону направлялся брат. Карты у меня с собой не было, GPS в машине тоже отсутствовал. Решение предстояло принять за доли секунды. Я понял, что если начну искать объездную дорогу, то

заблужусь и потеряю Максика, поэтому я свернул направо на следующем перекрёстке, бросил машину у какого-то магазина и побежал наперерез движению брата. Мой расчёт оказался верным: я выскочил на улицу в метрах ста позади объекта слежки. Остановился, отдышался и неспеша направился за Максиком.

Он привёл меня в кафе с яркой вывеской – сразу видно, что это место было любимым у молодёжи. Какой-то парень, завидев брата, окликнул его, и Максик остановился, дожидаясь, когда тот подойдёт. Встретившись, парни вместо рукопожатий ткнули друг друга кулаками в плечо и вошли внутрь. Я набрал Вовкин номер.

– Да, дорогая, – ласково ответил брат, и я понял, что рядом посторонние уши.

– Я бросил машину, шёл за Максиком пешком. Он сейчас в кафе встречается с друзьями.

– Ну что ты, зайка, не надо заходить в магазин. Я сам заеду.

– Мне ждать на улице?

– Если тебе не трудно. Я заберу тебя.

– Кафе называется «Луна и звёзды», адреса я не знаю.

– Через полчаса я освобожусь и сразу за тобой. Целую, – Вовка отключился.

Я оглядел окрестности в поисках места для засады, но ничего подходящего не обнаружил. Ни магазинов с большими витринами, ни скамеек, ни киосков, за которые можно было бы спрятаться в случае чего. Просто ходить туда-сюда по тротуару было глупо, и я решил спрятаться на самом видном месте. К тому же близость Максика лишила меня здравого рассудка, я еле сдерживался, чтобы не подбежать к нему и не прокричать:

– Привет, Максик! Это я, Женька! Узнаёшь меня?

Я вошёл в кафе и огляделся. Слева в небольшой нише располагались два полукруглых диванчика, на которых уже разместились Максик с другом и девчонка. По их оживлённому разговору я понял, что компания скоро увеличится. Я сел за столик у входа, чтобы можно было быстро смыться, в случае непредвиденной ситуации.

Определившись с заказом, молодежь отправила моего брата к кассе. Он прошёл мимо, даже не взглянув в мою сторону. Наверное, это было хорошо: мне надо было оставаться неприметным, но меня задело такое равнодушие, и я встал в очередь за Максиком. От него едва уловимо веяло парфюмом. Возможно, оставшимся от отца, а может, мелкий и сам приобретал себе туалетную воду. По его повадкам было заметно, что он не равнодушен к слабому полу и симпатичен девчонкам. От этого мне стало обидно за себя: я был старше и спортивнее, чем брат, но на меня девушки так выразительно не смотрели и очаровательных улыбок не посылали. А этот шпендик, у которого только начал ломаться голос, – уже имеет успех у девчонок.

Собственно, это было закономерно. Когда мы жили в деревне, то Максик был любимцем всех тётушек: маленький голубоглазый блондинчик с лукавой улыбкой. По количеству ласкательных прозвищ он, наверное, обошёл всех местных детей вместе взятых. Вовку тоже любили, но за его основательность, трудолюбие, спокойствие. С ним каждая женщина чувствовала бы себя как за каменной стеной.

Как в деревне относились ко мне, я уже не помнил. Точно могу сказать, что любимчиком я не был. Никто не охал надо мной и не складывал руки в умилении. Иногда мне казалось, что моё присутствие замечают только Вовка да бабушка. Ну, и ещё несколько мальчишек, с которыми мы вместе играли. А взрослые игнорировали меня, как будто я был тенью или досадным приложением к такому работящему старшему и такому милому младшему братьям.

Совершив в памяти этот экскурс в прошлое, я на какое-то время упустил происходящее и очнулся, только когда Максик заговорил. Он заказал три стакана кока-колы, два сэндвича и пирожное, и на некоторых нотках его голос забавно срывался.

Когда младший отчалил от кассы, я взял себе кофе и вернулся за свой столик. Брат сидел ко мне полубоком, и я мог беспрепятственно его разглядывать. Он сильно изменился за эти восемь лет. Вовка был сто раз прав, сказав, что Максик не узнал бы меня, а я – его. Разве что по улыбке –

правильным треугольником, обнажающем ровные зубы. Она осталась единственной неизменной деталью. Даже серые глаза стали какими-то чужими, неузнаваемыми.

У меня зазвонил телефон.

– Где ты? – строго поинтересовался Вовка.

– В кафе.

– С ума сошёл?! Я ведь велел ждать снаружи! Немедленно выходи!

Я сделал последний глоток кофе, бросил на Максика прощальный взгляд и покинул заведение.

– Чёрт! Как ты додумался-то вообще сунуться туда?! – я впервые видел Вовку в таком негодовании. – Нам нужно как можно меньше мелькать у него перед глазами, а ты, поди, пялился на пацана, как педофил какой-нибудь.

– Не пялился, а разведывал, – я обиженно плюхнулся на сидение и захлопнул дверцу.

– Ну и что разведал, если не секрет?

– Он часто бывает в этом кафе с друзьями после школы.

– Какое ценное наблюдение! – Вовка выехал с парковки. – Где машину оставил?

– Кажется, вон на той улице. Максик свернул направо, а автомобилям туда проезд закрыт, и мне пришлось импровизировать…

– Да уж, слежку тебе поручать нельзя, – Вовка резко крутанул руль. – Как ты ещё к нему с объятиями-то не кинулся?! Или кинулся? Ты говорил с ним?

– Нет, – я чувствовал себя ничтожеством.

– Хоть что-то…

– А ты что нарыл? – спросил я, чтобы сменить неприятную тему.

– С понедельника по субботу у него занятия в школе с восьми до часу, потом он посещает изостудию три раза в неделю. По вторникам и пятницам у него бассейн.

– Значит, в рюкзаке – купальные принадлежности, – догадался я.

– Чего?

– Рюкзак у него объёмный, не такой, с каким он из школы пришёл.

– Да, вечером наш мальчик пойдёт плавать. Оставим его в покое, нам нужно подготовиться к завтрашнему дню.

– Будем похищать?

– Пока ещё нет. Сначала надо его подготовить. Я узнал, что его приёмный отец умер в прошлом году, а мать работает в порту, значит, как минимум с утра и до вечера парень предоставлен сам себе. Понаблюдаем за ним завтра-послезавтра. Если к выходным он не созреет ехать с нами, то придётся его красть.

– Это один из твоих гениальных планов? – усмехнулся я.

– Садись в свою тачку и поезжай за мной, – Вовка притормозил у аптеки. – У нас много дел.

Послание

Следующим утром в начале седьмого мы были возле дома Максика. Проследили, как в семь пятнадцать тётя Оля с сыном сели в потрёпанный фиат и уехали. Мы прождали ещё час: никто не вернулся.

– Пошли! – скомандовал Вовка, и мы вышли из его форда.

У меня бешено билось сердце: нам предстояло влезть в квартиру Максика и оставить там для него послание. Я раньше никогда не занимался взломом квартир, и тем более квартир, где живут мои родственники, поэтому у меня подрагивали руки и вспотела спина. Вовка же выглядел непробиваемым. Впрочем, во многих стрессовых ситуациях он выглядел именно так. Трудно было сказать, что было причиной такой выдержки: служба в десантных войсках или драконья сущность.

Максик жил на пятом этаже. Тётя Оля, конечно, не знала о стремлении драконов к высоте, поэтому впихнула приёмного сына в самый центр железобетонной коробки дома. На площадке располагалось четыре квартиры. Вовка позвонил сначала в одну, но никто не открыл, потом в

другую – тот же результат. После звонка в третью за её дверью послышались шаги, и через несколько секунд на пороге появилась бодрая бабушка с телевизионным пультом в руках.

Вовка произнёс заклинание гипноза, а потом велел соседке возвращаться и два часа смотреть телевизор. Бабушка медленно кивнула, закрыла дверь. Шаги стали удаляться.

– Нам свидетели ни к чему, – брат развернулся к двери Максика и вынул из кармана отмычку. – Следи за лестницей.

Я отошёл к перилам, наблюдая, чтобы никто не спустился сверху или не поднялся снизу. Вовка справился с замком за пару минут и открыл дверь, приглашая меня в квартиру.

– А как мы будем разгипнотизировать старушку? – шёпотом спросил я.

– Через два часа действие заклинания закончится, она сама придёт в себя и подумает, что задремала, – брат закрыл за нами дверь и протянул мне пару медицинских резиновых перчаток.

Квартира была просторная, трёхкомнатная. Мы вышли в центр широкого коридора и огляделись: прямо напротив входа двустворчатая стеклянная дверь вела в гостиную. Правее гостиной располагалась кухня, по правую руку от нас находилась дверь в спальню родителей, а вот с левой стороны от зала жил Максик. Мы с Вовкой неспеша вошли в его комнату и остановились.

От увиденного я обалдел, а Вовка даже присвистнул: все стены, от пола до потолка были увешаны рисунками драконов. Рисунки были выполнены разными техниками – карандашные наброски, акварель, тушь, фломастеры. И почти все они изображали драконов воинственных. Они летели, ползли, сражались, выжидали в засадах. Только на двух рисунках эти существа были более-менее умиротворёнными: на одном дракон сладко спал, укрывшись от дождя перепончатым крылом, а на другом трёхглавый дракон пил воду, причём все три головы различались по характеру. Вовку почему-то развеселил этот рисунок.

– Смотри, это я, – улыбнулся он, указывая на среднюю голову, которая пила воду с олимпийским спокойствием.

Правая голова животного была явно обижена: её глаза были прищурены, мышцы челюсти сведены. Левая голова, чуть приподнявшись над средней, с любопытством наблюдала за правой.

– А это твоё подсознательное и бессознательное? – пошутил я, указывая на боковые головы.

– Балда! Это вы с Максиком. Наш мальчик – художник, очень тонко чувствует родственные связи.

– Изображает нас в виде трёхглавого дракона?

– Жень, мы и есть трёхглавый дракон, как Беша с Котом – двуглавый. Понимаешь, раньше сила дракона измерялась его головами. Чем их больше, тем непобедимее он был. Говорят, что с девятиглавым не могла справиться даже армия ангелов. Это идеальный воин, идеальный охотник. Он мог за один раз убить девять валькирий! Настоящая гроза! Но он ушёл вместе с Повелителями. Теперь, когда драконы стали людьми, то братские или сестринские узы заменяют нам головы.

– Ого! Я думал, что Бешу и Кота зовут двуглавым потому, что они близнецы.

– Это здесь ни при чём, – Вовка поставил свой рюкзак на пол. – Ладно, хватит трепаться. Давай осмотримся и займёмся делом.

Накануне вечером мы написали четыре записки, потратив на это три с лишним часа. Вовка принёс гору журналов, и мы вырезали буквы и наклеивали их на листы, чтобы потом подложить эти листы в такие места, где их сможет найти только Максик.

– Ищи бинокль! – приказал Вовка, осматривая постель брата. Одну из записок он положил под подушку, но так, чтобы край послания был виден.

Я шарил в ящиках стола в поисках бинокля. В нижнем я наткнулся на чертёжную папку, распухшую от рисунков. Моё любопытство оказалось сильнее конспирации, и я стал рассматривать работы брата. На них были монстры – отвратительные, ужасные, жестокие и кровожадные.

– Смотри! – я продемонстрировал Вовке листок с изображением оскалившейся длинноволосой женщины. У неё были острые тонкие зубы, вместо носа – пара треугольных дырок, глаза круглые, как у совы, а уши – острые, как у эльфов.

– Валькирия, – слабо улыбнулся брат, подходя ко мне. – Максик немного изменил её образ. Она не похожа на женщину, ушей у неё нет, как и волос. Она покрыта чешуей.

– А это? – я показал ему следующий рисунок, на котором из тьмы выступал полупрозрачный силуэт не то птицы, не то зверя.

– Сонный лев. Лиги его так называют, а люди прозвали эльфом. Он не охотится за человеческими душами, поэтому для людей безопасен. Он нагоняет дремоту и питается снами. Сонные львы – лакомая добыча для многих пришельцев и хищников. Съев его, боны, например, приобретают силы для метаморфоз. Чем больше количество объектов, в которые может превратиться бон, тем он сильнее. Убив сонного льва, феи получают защиту и могут пробираться в сны к людям и нападать оттуда. Но сонный лев – не такая уж лёгкая добыча. Он умён, хитёр и силён, его практически невозможно заманить в ловушку, к нему нельзя подкрасться, одолеть его в бою – непосильная задача для многих противников. Поэтому часто схватки заканчиваются не в пользу нападающих. Но раненый сонный лев – приманка для хищников, поэтому львы всегда стараются как можно быстрее восстановиться после сражений. Для этого им нужны самые прекрасные, завораживающие, образные сны. Такие бывают только у чистых, не заражённых болезнями, нетронутых паразитами, не раненных хищниками душ. Лучшая в этом плане добыча для сонных львов, как ты понимаешь, дети.

– Ясно. А это?

– Вампир, – Вовка взял у меня из рук пачку и начал перебирать листки, называя нарисованных монстров: – Фея. Кикимора. Ещё вампир. Чупакабра. Горгона. Изакарон.

– Погоди! Изакарон – это демон!

– Этот хищник дал имя демону. Люди никогда не вникали в тонкости видов тварей. К тому же на них всегда оказывала большое влияние художественная проработка образов. Вдохновенный рассказчик или известный писатель ляпнет, что первое в голову придёт, – и вот уже образ искажён до неузнаваемости. Например, бона люди называют вервольфом или оборотнем, хотя оборотни совершенно другие по своей природе, происхождению и образу жизни.

– Наверное, поэтому мне удивительно узнавать некоторые вещи, – согласился я.

– Знаешь, что меня больше всего волнует? – Вовка вернул мне рисунки. – Максик нарисовал всех этих существ с поразительной точностью, ничего не зная о них. Что-то его мучает. С ним что-то происходит – что-то такое, что может погубить его. Надо срочно проводить ритуал, чтобы освободить его сущность. Возможно, тогда ему полегчает.

У меня сердце сжалось от слов Вовки. Я убрал папку с рисунками в стол, разложив предметы в ящике на их прежние места.

– Ты нашёл бинокль? – спросил брат.

– Нет ещё.

– Ищи, Жень, времени мало.

Вовка всё рассчитал гениально. Придя домой, Максик сядет за компьютер, но, поскольку процессор стоит внизу, брат наклонится, чтобы включить его и увидит первую записку, засунутую между корпусом процессора и стенкой ниши. Она направит парня к следующей записке – под подушкой. Ещё одну такую же «стартовую» записку Вовка поместил в альбом для эскизов Максика. Но мы не знали, как часто он берётся рисовать, поэтому сия линия была запасная. Четвёртую записку мы должны были разместить на дереве в парке напротив дома. Вовка был уверен, что каждый мальчишка имеет бинокль, но у Максика его не оказалось.

– Зараза! – сквозь зубы ругнулся брат и сунул под одеяло свой бинокль. Предварительно, правда, он посмотрел в него через окно, выбирая дерево, на котором мы разместим последнюю записку с номером телефона.

– Всё, уходим! – Вовка направился к выходу.

– А вдруг он не найдёт записки?

– Жень, пацан бывает в своей комнате каждый день. Он найдёт, – Вовка потащил меня к двери. – К тому же ему сегодня на рисование, он точно воспользуется альбомом.

Мы бесшумно выскользнули за дверь, аккуратно закрыли замок, сняли перчатки и стали спускаться по лестнице. И когда нам предстояло вырулить на площадку первого этажа, хлопнула входная дверь. Вовка юркнул в нишу, где находился мусоропровод. Я последовал его примеру. Прижав меня рукой к стене, брат осторожно выглянул и тут же вернулся на исходную, беззвучно выругавшись. Я вопросительно мотнул головой, желая узнать, что он там увидел.

– Максик, – одними губами произнёс Вовка, и у меня похолодела спина.

Наш брат вызвал лифт, а когда двери за ним закрылись, Вовка схватил меня за куртку и рванул за собой. Из подъезда мы вылетели пулей.

– Иди в машину, отгони её к перекрёстку и жди меня там, – брат сунул мне свой рюкзак. – Быстро!

Я кивнул и потрусил к форду: бежать было нельзя, чтоб не привлекать внимания возможных свидетелей. Я сел за руль, быстро завёл мотор и выехал со двора. Перед перекрёстком был небольшой карман, возможно, оставшийся от старой автобусной остановки. Я припарковался там, не выключая мотор, и глянул в зеркало заднего вида. Вовки не было, хотя по моим расчётам он должен был находиться на дорожке, идущей вдоль парка. Я заволновался и уже оглянулся всем корпусом: брата как корова языком слизала. Решив подождать минут пять и потом набрать его на сотовый, я повернулся к рулю и вздрогнул от неожиданности, потому что в этот момент дверь с пассажирской стороны резко распахнулась.

– Трогай! – гаркнул Вовка, падая на сидение, и я втопил педаль газа.

– Откуда ты выскочил?

– Прятался за деревьями. Не мог же я бежать на виду: вдруг Максик уже нашёл записку и бинокль и сейчас высматривает номер телефона.

Глаза в глаза

Я ждал и боялся звонка от Максика. Вовка был уверен, что брат позвонит из любопытства, но мне казалось, что он испугается и обратится в полицию. Телефон затрезвонил в половине двенадцатого ночи. Вовка несколько секунд смотрел на дисплей, потом включил громкую связь и ответил.

– Кто это? – строго поинтересовался Максик.

– Тот, кто расскажет тебе правду.

– А имя у тебя есть? – говорил он по-русски хорошо, с едва уловимым балканским акцентом.

– Всё расскажу тебе завтра. Кафе «Луна и звёзды», десять утра. Угловой столик возле фикуса. Приходи один.

– Думаешь взять меня голыми руками?

– Если хочешь посвятить в своё прошлое друзей, приводи весь класс, – Вовка был спокоен, как ледяная скульптура.

– Я не маньяк и не убийца, что мне переживать из-за своего прошлого? – усмехнулся Максик.

– И про самоубийство твоего отца ты тоже рассказал друзьям?

– Мой папа умер от инсульта.

– Приёмный отец – да, но был ещё биологический. Сергей Тартанов. Он вылетел с моста на машине, в которой ехала и твоя мать.

Несколько секунд, которые мне показались минутами, Максик молчал, и я было подумал, что со связью какие-то проблемы, но тут внезапно брат взорвался:

– Кто ты такой, урод?!

– Завтра я отвечу на все твои вопросы. Смотри, не опаздывай. Я буду ждать только пять минут.

– Ты не… – начал было Максик, но Вовка отключился.

– Зачем ты вырубил телефон? – изумился я. – Он хотел ещё что-то сказать.

– Надо замотивировать его на завтрашнюю встречу.

Телефон снова зазвонил. Взглянув на номер, Вовка сбросил звонок.

– Это Максик?

– Да.

– Он разозлится и не придёт завтра.

– Придёт. Я сильно зацепил его отцом. К тому же я подстраховался и оставил в его комнате знак дракона. Он не даст его сущности покоя.

– Это жестоко.

– Жень, у нас мало времени. Ты сам видел, что с парнем творится что-то неладное. Ты обратил внимание, что все рисунки с монстрами датированы последними тремя годами? Раньше мальчик рисовал только драконов, но вдруг что-то заставило его начать рисовать монстров. Мне это не нравится.

Я был согласен с братом. Как ещё, если не через творчество, пацан мог выплеснуть то, что мучило его?

В кафе мы приехали к открытию – к девяти утра. Вовка объяснил это тем, что нам надо было разведать обстановку. Он сам предложил назначить встречу там, потому что для Максика это место – знакомое, а значит, он будет чувствовать себя на своей территории. К тому же оно было близко от дома, и поэтому он мог улизнуть на часок, не вызывая подозрений у матери. Я заказал нам завтрак, а Вовка в это время просчитывал пути к отступлению. Вернувшись из туалета, он сообщил:

– Брать парня здесь не будем: слишком узкие проходы и всего один служебный выход. В туалете нет окон, он находится в тупике, через центральный вход Максика не вытащишь, так что придётся заманить его в другое место.

Мне очень не хотелось похищать брата. Во-первых, потому, что сам процесс похищения мне претил. Во-вторых, потому, что такой метод не будет способствовать нашему сближению с Максиком. Конечно, со временем он бы понял, что мы хотели ему добра, но идти к этому пониманию придётся через тернии. Однако альтернативного плана у меня не было, и я полагался на Вовку.

Максик появился за двадцать минут до назначенного времени. Он был одет в спортивные штаны и куртку с капюшоном, который надвинул на лицо. Казалось, он вышел на пробежку, но я подумал, что в этой одежде Максик чувствовал себя более комфортно и был готов к бегству. Окинув взглядом кафе, он направился к нашему столику, а подойдя, обратился на болгарском:

– Извините, господа, но мне назначено здесь…

– Это я говорил с тобой по телефону, – перебил его Вовка. – Садись.

– Ты сказал, что будешь один! – Максик отшатнулся.

– Я этого не говорил. Я сказал, чтобы ты приходил один. Ты сядешь или так и будем орать на всё кафе?

Максик недовольно выдохнул и плюхнулся на диванчик по другую сторону столика. Я не мог отвести от него глаз: неужели он не узнаёт? Неужели ничего не чувствует?

– Ты сказал, что мой отец покончил жизнь самоубийством. Ты с ним работал? – начал он допрос, глядя на нас немигающим взглядом. Глаза у него были мамины – серые, тёплые, родные. Волосы белокурые, мягкие. Максик, конечно, сильно изменился, но мне так нравилось находить в его облике знакомые черты, связывать их с детством, как будто я воссоздавал процесс взросления брата.

– Ты мне польстил: одиннадцать лет назад мне было столько же, сколько сейчас тебе, – Вовка улыбнулся.

– Тогда какого…

– Ты дашь мне сказать или будешь ругаться?

Максик недовольно умолк.

– У тебя было два брата – Владимир и Евгений. Ты помнишь их? – Вовка вынул из внутреннего кармана фотографию, сделанную в деревне, когда бабушка была ещё жива. На ней он сам – в трико с вытянутыми коленками и тельняшке держал на руках Максика, который был одет в трусы и майку с моего выросшего плеча. Я же, в шортах и без футболки, стоял рядом со старшим братом с

лопатой в руке. Мы с Вовкой направлялись строить арык, когда его друг явился к нам хвастаться новым фотоаппаратом.

Максик взял снимок в руки и с минуту разглядывал его. Я видел, как сильно он старался показать, что эта карточка ничего для него не значит, но губы его сжались, на щеках выступил румянец, веки задрожали.

– Помню, и что? – он отложил фотографию и с вызовом посмотрел на Вовку.

– Они перед тобой, – тот снял тёмные очки и кепку, чтобы облегчить процесс узнавания.

Максик опешил настолько, что у него открылся рот и румянец сошёл с лица. Он с ужасом переводил взгляд с Вовки на меня и обратно и не мог произнести ни слова.

– Меня, полагаю, узнать проще, – Вовка улыбнулся и хлопнул меня по плечу. – А это Женька.

– Не может… быть… – выдохнул Максик, таращась на нас. – Вы… я не знаю, кто вы такие, но… мои братья умерли!

Теперь настала наша с Вовкой очередь опешить.

– Вовка погиб в Чечне, а Женька умер от пневмонии в детдоме. Мама хотела и его забрать, но он заболел и потом умер, – Максик сильно разволновался, заёрзал на месте, принялся дергать «молнию» на куртке.

– Тогда обрадую тебя, мы живы и здоровы, – Вовка стал говорить мягче, ласковей. – Приехали вот навестить тебя…

– Слушай ты! – Максик вдруг не на шутку разозлился. – Думаешь, это смешно? Думаешь, я клюну на такую чушь? Мои братья умерли, и не надо передо мной тут мексиканский сериал разыгрывать. Не знаю, что вам от меня надо, но я не хочу больше с вами разговаривать!

Он вскочил, и в эту секунду я испугался, что сейчас Максик убежит и больше не станет с нами говорить, поэтому я предпринял отчаянную попытку достучаться до него, раз уж Вовка бездействовал. Я схватил брата за рукав и заговорил быстро, чтобы он не поднял шум и не успел вырваться прежде, чем я закончу:

– Стой! Я могу доказать! Помнишь, когда мы переехали в деревню, ты гонялся за нашим петухом, и он клюнул тебя в лоб?

Максик замер, испуганно уставившись на меня.

– А когда умерла наша бабушка, мы с тобой купались на речке. Рыжий Андрюха прибежал и закричал, что бабушку убило сараем. Мы с тобой бежали через лес, а когда подбежали к дому, то чуть не угодили под машину скорой.

В глазах брата стоял ужас. Он оттолкнул меня и с ненавистью выкрикнул:

– Даже не приближайтесь ко мне, уроды!

И выбежал из кафе. Редкие посетители с опаской и любопытством смотрели на нас. Я очень расстроился. Сел, уронил голову на руки и не мог говорить: в горле стоял комок.

– Всё нормально, Жень. Я примерно на такое и рассчитывал, – Вовка погладил меня по плечу. – Я, правда, думал, что наш разговор продлится чуть дольше, но…

– Она сказала ему, что мы умерли, – с трудом выдавил я.

– Он с детства был прилипалой и задавал тысячи вопросов. Тёте Оле было проще похоронить нас, чем отвечать на ежедневные почему.

– Да, ты прав, – я глубоко вдохнул, чтобы немного прийти в себя. – Что дальше? Нападём на него с хлороформом, свяжем и сунем в багажник?

– Это запасной вариант, – кивнул Вовка. – Попробуем ещё раз поговорить.

– Не сработает. Он не захочет. Он в бешенстве.

– Сейчас – да, но уже к обеду отойдёт и позвонит.

– Ты уверен?

– Жень, его сущность отозвалась на мой зов. Я почувствовал это. А значит, наш мальчик заглотнул наживку. Он придёт – никуда не денется. Тогда-то мы его и похитим. Или просто уговорим сбежать с нами.

Оптимизм брата казался мне смешным. Мы проделали длинный путь в несколько тысяч километров ради того, чтобы услышать, что для Максика мы мертвы. Сегодняшний день определённо был самым ужасным в моей жизни.

Правда

Мне хотелось покоя и тишины, чтобы в одиночестве обдумать случившееся, привести мысли в порядок, найти силы пережить потрясение. Но Вовка таскал меня по каким-то скверам и площадям с фонтанами. Меня они раздражали, и впервые за все эти месяцы мне хотелось отделаться от брата. Несколько раз я подумывал сбежать или прямо попросить Вовку оставить меня в покое, но я боялся, что, во-первых, потеряюсь в большом и незнакомом городе и тем самым заработаю репутацию несмышлёныша. А во-вторых, я опасался, что брат в одиночку провернёт операцию по возвращению Максика: встретится с ним один на один, поговорит так, как умеет только он – доверительно и серьёзно, и младший проникнется этим разговором и согласится уехать с нами. Меня же Вовка поставит перед фактом, и тогда в глазах Максика я буду выглядеть непрезентабельно. Поэтому, чтобы сохранить свою честь в глазах братьев, я таскался за Вовкой по аллеям и паркам.

– Хоть город посмотрим, – пояснял он свою активность. – Скоро это станет непозволительной роскошью.

Он уже не первый раз повторял это, и мне бы стоило поинтересоваться нашим будущим, но я был слишком расстроен из-за Максика. Я чувствовал пропасть между нами и младшим братом, и эта пропасть казалась мне непреодолимой. И вот, когда мы добрались до набережной и молча смотрели на слепящее глаза море, у Вовки зазвонил мобильный.

– Что я говорил! Наш мальчик остыл и всё обдумал, – улыбнулся брат и включил телефон на громкую связь. – Слушаю.

– Это Володя? – вдруг раздался в трубке женский голос, и мы с Вовкой обменялись недоумённым взглядами.

– Да, это я.

– Это Ольга Петрова, – тётя произнесла свою фамилию на болгарский манер, с ударением на первый слог. – Нам нужно поговорить. Мы можем увидеться?

– Можем. Называйте место и время.

– Приходите к нам домой. Я хочу, чтобы Максим тоже присутствовал, – голос у тёти дрожал, она шмыгала носом, видимо, только что плакала.

– Хорошо, мы придём. Говорите адрес.

Тётя Оля назвала улицу, номер дома и квартиры, Вовка повторил это, как будто записывал. Я восхищался его умением конспирации.

– Мы будем через час-полтора, – сообщил брат и положил трубку.

– Это ловушка, – высказался я.

– Не думаю. Слишком мало времени на подготовку.

– А вдруг всё было затеяно, как только Максик отправился к нам на встречу?

– Мне нравится твоя осторожность, Женька, – брат хлопнул меня по плечу и направился к стоянке. – И чтобы удовлетворить её, мы приедем пораньше и всё разведаем.

По пути Вовка прочёл мне лекцию относительно ловушек и западней.

– Сидение в засаде требует большой выдержки, почти самоотречения, – говорил он. – Ты должен раствориться в пейзаже, стать его частью. Биение твоего сердца должно означать только, что ты жив, но ни в коем случае не должно отражать то, что ты чувствуешь. Ты вообще не должен ничего чувствовать – ни азарта, ни страха, ни сомнения, ни усталости. Сие мастерство постигают немногие в этом мире. Даже хищники, жизнь которых напрямую зависит от выслеживания добычи. Люди вообще не умеют строить засады. Им кажется, что они затаились, что надёжно замаскировались, но их выдаёт биение сердца. Оно отражает эмоции, каждый его удар – это адреналин, страх, предвкушение. Это очень легко почувствовать.

– Как?

– Расслабься, обратись в слух и улавливай эти волны. С каждым ударом сердце выдаёт волну, как круги по воде, – Вовка стал сжимать и разжимать кулак, изображая биение сердца. – Оно распространяет их вокруг себя. И чем ближе ты к засаде, тем яснее чувствуешь флюиды. Опасность, тревогу или, наоборот, неожиданный подъём. Или воздух вдруг стал гуще, его труднее вдыхать и выдыхать. Или, может, ты ощущаешь лёгкое жжение на коже? Это первые признаки засады. Если ты совсем близко, то можно даже уловить биение сердца. Быстрое, в рваном ритме – азарт; быстрое, но холодное – страх; медленное, но каждый толчок сильный – ненависть или жажда мести.

От этого рассказа у меня внутри всё замирало, как в детстве – от захватывающего поворота в книге. Мне не терпелось скорее испробовать эту методику, поэтому, когда мы въехали во двор, я прикрыл глаза и попытался прислушаться, но ничего не услышал. Просто какой-то гул. Вовка в этот момент осматривался.

– Полиции нет, никого подозрительного тоже, – выдал он. – Идём!

На наше счастье, из подъезда выходил пожилой мужчина, и мы проникли внутрь, не обнаруживая своего присутствия. У двери квартиры Петровых мы простояли минут десять. Вовка ждал, когда подойдёт назначенное время встречи, а я прислушивался к окружающему миру, как только что объяснил мне брат. Не услышал ни ненависти, ни страха – только боль. Или что-то на неё похожее: холодное, острое ощущение, от которого веяло темнотой и одиночеством.

Вовка нажал на кнопку звонка, и в этот момент мне захотелось сбежать. Я даже сделал два шага назад, но потом собрал волю в кулак и нацепил на лицо выражение холодной учтивости. Нам открыла тётя Оля. Она сильно изменилась за прошедшие годы. Я готов был поклясться, что больше всего в её переменах была виновата смерть мужа.

Тётя Оля взглянула на нас испуганно, но тут же опустила глаза.

– Проходите.

– Здравствуйте, – заговорил Вовка таким тоном, словно все здесь присутствующие были рады встрече. – Думаю, представляться нам не нужно?

– Нет, – тётя слабо улыбнулась. – Женя – вылитый Серёжа! Просто копия. Хочешь, покажу фотографии?

Она смотрела на меня с мольбой, и я согласно кивнул. Надо же было как-то сгладить неловкость встречи.

– Проходите сюда, – тётя Оля распахнула двери гостиной. – Я сейчас чайку поставлю.

Мы с Вовкой прошли в комнату и сели на диван. Было забавно легально находиться в квартире, которую вчера утром мы посетили без ведома хозяев.

– Максим, может, выйдешь? – с надеждой поинтересовалась тётя Оля, проходя мимо двери комнаты сына.

– Не выйдет он, – негромко отрезал Вовка и откинулся на спинку. – Он зол как чёрт, зачем ему выходить?

– С нами поговорить, – предположил я.

– В присутствии матери – ни за что!

Мне было несколько обидно, что Вовка лучше меня разбирался в психологии подростков, хотя я сам только-только вышел из этого возраста.

Тётя Оля вернулась с подносом, где стоял заварочный чайник, чашки, вазочка с печеньем и горкой лежали конфеты. Составив всё это на журнальный столик, она пододвинула его к нам:

– Я не знала, что вы приедете. Могли бы позвонить, я бы встретила…

– Не хотели вас беспокоить. С того света, – в Вовкиной вежливости чувствовалась едкость.

– Простите, – тётя всхлипнула и села на краешек кресла, сложив руки на коленях. – Мне правда жаль, что так получилось. Я хотела как лучше. Но я могу вам всё объяснить.

За стеклянными дверями зала я краем глаза заметил движение: Максик занял место в засаде и затаился. Вовка был прав: перед матерью он не хотел появляться, но и пропустить столь важный разговор тоже не мог.

– Вы не нам объясняйте, а сыну своему.

– Вам тоже. Это важно, – тётя Оля сделала глубокий вдох. – Это началось ещё на свадьбе ваших родителей. Мы приехали с Антоном на неделю: помочь в подготовке и потом ещё после праздника три дня погостили. И в день перед отъездом ваша мама подошла ко мне и сказала: «Оля, если со мной что-то случится – присмотри за мальчиками!». Я тогда не придала значения её словам, списала это на послесвадебную усталость – мало ли? А на следующий год мы снова встретились, на Волге. Помните?

Я смутно помнил, что это была Волга. Помню, мы и Петровы сняли домик в небольшой деревушке и прожили там почти весь июль. Ходили купаться, собирали ягоды, плавали на теплоходе. И поскольку двухлетним Максиком занимались аж четверо взрослых, мы с Вовкой были предоставлены сами себе – самый счастливый период в моей жизни. Он нашёл разбитый велосипед и починил его, и мы гоняли целый день – вдоль широкой реки, по деревне, по лесу, по шоссе. Мы пекли на костре хлеб, пили из родников и лазали по деревьям. Весь мир тогда состоял из меня и брата.

– Помним, – ответил я, отгоняя радужные воспоминания.

– Тогда ваша мама снова заговорила об этом. Сказала, что это как-то связано с её прошлым, что силы её на исходе, поэтому с ней может случиться что-то плохое. «Вовку отправь Алевтине Михайловне, – сказала она. – Женьку возьми себе, а Максика отдай Тамаре. Мальчики не должны быть вместе, пока не вырастут – это опасно. Если найдут одного – не страшно, но если сразу троих – это конец». Мне стало не по себе от этих слов, даже показалось, что ваша мама сошла с ума, но кроме этого разговора её безумие ни в чём не проявлялось. А незадолго до смерти она прислала мне вот это, – тётя слегка отодвинула полу халата и продемонстрировала золотой кулон на золотой же цепочке. – И ещё письмо. Его я сохранила, могу отдать вам, если хотите.

– Что в письме? – Вовкины челюсти были так сильно сжаты, что казалось, они сейчас хрустнут.

– Она писала, что ситуация накаляется, умоляла спасти вас. Просила, чтобы я ни за что не брала к себе всех троих. «Они не получат моих детей» – вот так она написала. Я столько раз перечитывала это послание, что, кажется, выучила его наизусть.

– И почему вы не поступили так, как просила мама? – не выдержал я.

– Я пыталась забрать вас, но Алевтина была против, – вздохнула тётя. – Она увезла вас в деревню, сказала, что пока ей хватит сил, вас будет растить она. Я не стала настаивать, потому что в то время у Антона на работе не было стабильности: зарплату задерживали, многих увольняли. Куда нам было ещё и ребёнка брать?!

– А потом, когда бабушка умерла? – не унимался я.

– К тому времени Томка – моя младшая сестра – попала в аварию и осталась прикованной к инвалидному креслу. Ей бы ни за что не дали оформить опеку. И я рассудила так: Володя взрослый, его скоро заберут в армию. Дом Алевтины перейдёт к нему, так что о себе он сможет позаботиться. А вы двое… Я подумала, что если возьму тебя, Женя, то Максимку кто-нибудь усыновит, потому что он маленький и такой хорошенький. И после этого его следов будет не найти, а я так боялась потерять вас. Ты же был постарше, таких детей редко усыновляют, поэтому риск был меньше. К тому же я была уверена, что Володя вернётся из армии и оформит на тебя опеку: дом есть, без работы он не останется. У тебя ведь золотые руки, – тётя с нежностью посмотрела на Вовку, и я заметил, как заблестели его глаза.

– Но вместо того, чтобы дать семье соединиться, вы похоронили нас, – вздохнул брат.

– Максимка меня изводил просьбой забрать и Женьку. Я отговаривалась, как могла: обещала сделать это через месяц, потом ещё через месяц, потом летом, когда брат уйдёт на каникулы. Я надеялась, что Максимка забудет про вас, но он требовал и требовал. И однажды я в сердцах сказала ему, что Женя заболел и умер. Он, конечно, плакал. Два или три дня – безутешно и беспрерывно. У меня сердце разрывалось на части, и я уже пожалела, что сказала это. Но потом он успокоился и перестал меня третировать. А когда кончился твой срок службы, Володя, Максимка стал требовать свидания с тобой. Он был ужасно настойчив, он выпрашивал у меня телефон

военкомата, он потерял сон и аппетит. И я прибегла к той же самой уловке – сказала, что Володю убили в Чечне. Максим не поверил, попросил у меня телефон военкомата, чтобы убедиться лично. Я подговорила коллегу по работе и дала сыну его телефон. Коллега отрапортовал, что Владимир Ермоленко числится погибшим и похоронен в братской могиле. Максим проплакал целый день, но успокоился быстро и попросил меня свозить его на эту братскую могилу.

– Всё понятно, – я больше не мог это слышать: у меня горло свело спазмами, и я чувствовал, что сейчас заплачу. – История, достойная мыльной оперы.

– Простите меня, – тут тётя Оля сама не выдержала и заплакала. – Я думала, что поступаю правильно, на благо Максиму.

– Сделанного не воротишь, – согласился Вовка. – Но вот мы живы и мы приехали за братом.

– Как… за братом? – тётя разом перестала плакать и уставилась на нас немигающим взглядом. – Вы что… хотите его забрать?

– Семья должна быть вместе, – пожал плечами Вовка. – К тому же угроза, о которой говорила мама, никуда не ушла. Время выходит, и люди, которые искали маму и нас с Женькой, могут найти Максика. Вы не сможете его защитить. Вы его только погубите.

– А вы, значит, сможете?! – вскинулась тётя. – Думаете, вы так просто приедете и заберёте его у меня?! Он мне как родной, понимаете? Это мой сын!

Брат выслушал тираду спокойно и так же спокойно ответил:

– Я вижу, что вы его любите. Но ответьте себе на вопрос: хотите ли вы, чтобы Максим оказался в руках бандитов? Они ищут нас, но мы с Женькой умеем прятаться и заметать следы, а вы? Что скажете вы, когда к вам в квартиру ворвутся пятеро вооруженных парней и утащат сына? Или они похитят его по дороге из школы. Или выкрадут из бассейна. В любом случае, даже если вы сами останетесь в живых, сына вы больше не увидите. Вы хотите этого?

Тётя Оля слушала нас с ужасом. Мне даже стало неловко из-за того, что Вовка так сгустил краски. Я попытался смягчить ситуацию:

– Вы замечали, что с Максиком в последнее время что-то творится? Мы видели его рисунки… – я ощутил, как Вовка ткнул меня носком ботинка, и тут же исправился: – …в изостудии. Мы говорили с преподавателем. Это место угнетает его, поэтому смена обстановки – хотя бы на время – избавит парня от дискомфорта.

Тётя понимающе кивала, но не произносила ничего.

– Я поеду с ними, – вдруг раздался голос Максика, и мы втроём резко обернулись к двери. Наш брат стоял на пороге, насупившись. По блестящим глазам и покрасневшему кончику носа я понял, что рассказ мамы заставил парня прослезиться.

– Максим, давай не будем пороть горячку и принимать решения на эмоциях, – тон тёти Оли резко изменился с плаксиво-извинительного на материнско-приказной. – Тебе надо закончить школу.

– К чёрту школу! – начал распаляться Максик. – Ты заставила меня страдать, сказав, что братья умерли. Тебе не кажется, что за тобой должок?

– Да, я ошиблась, но я хотела как лучше. Хотела защитить тебя, как меня просила твоя мама.

– Я еду с ними!

– Не обязательно уезжать навсегда, – мягко вступил в разговор Вовка. – Мы можем забрать Максика на пару месяцев, а потом он приедет и нагонит школьную программу.

Этот вариант давал нам надежду на похищение с минимальным риском. Да и Максику он прибавил оптимизма.

– Да, мам, я съезжу с ними, а потом вернусь. Я обещаю, что буду звонить тебе каждый день!

– Конечно, вы можете общаться, – поддержал его Вовка.

– Всё это так… – колебалась тётя Оля.

– Пусть он хотя бы навестит могилу наших родителей, – на удачу брякнул я, и это, как оказалось, перевесило чашу весов в нашу сторону.

Правила общежития

Я не ожидал, что нам удастся малой кровью вывезти брата из Болгарии. Как потом признался Вовка, он тоже не верил в столь благополучный исход событий. Тётя Оля подписала все необходимые документы: что она даёт разрешение сыну на выезд, что на время поездки ответственным за Максика назначается Вовка и прочую бюрократическую тягомотину. На младшего мы возложили сборы, и он набрал две огромные сумки всякого барахла. Увидев их, Вовка расхохотался:

– У меня, конечно, внедорожник, но, боюсь, этих баулов подвеска не выдержит.

Пришлось рассортировать обе сумки.

– Две пары джинсов, пять пар носков, тёплый свитер, толстовка, несколько футболок и куртка, – Вовка бросал эти вещи в отдельную кучу. – Всё, этого достаточно. Если что-то понадобится – купим.

– А спортивный костюм? – ужаснулся Максик.

– Его бери, ладно. Но больше – ничего. Только гигиену – шампунь, зубную щётку с пастой, полотенце…

– А рубашку?!

– Ты перед кем собрался щеголять, парень? На танцы тебе некогда будет ходить.

– Это выбросить не дам! – Максик прижал к груди свою художественную папку, больше напоминавшую этюдник, только без ножек.

– Это бери, – согласился Вовка.

Тётя вышла нас провожать со слезами на глазах.

– Успокойтесь, мы позаботимся о парне, – Вовка поглаживал её по плечу. – Он будет звонить вам каждый день.

Мы сели в машину: старший за руль, я рядом, Максик расположился на заднем сидении. Когда «Черик» выехал со двора, Вовка заговорил:

– Значит, так, небольшое введение перед предстоящим путешествием. Машина моя, и правила поведения в ней устанавливаю я. Кому они не нравятся – идёт пешком. Второе: кто за рулём, тот и прав. Поясню: с водителем не спорить, водителя не оскорблять, и музыку тоже выбирает водитель.

Я улыбнулся в этом месте, потому что за всё время, что мы путешествовали с Вовкой, он ни разу не включил радио или диск.

– Правило третье, – продолжал брат. – С таможенниками, полицейскими, военными и другими представителями закона разговариваю я. Остальные изображают моих слепоглухонемых братьев.

– Дышать-то хоть можно в твоей машине? – буркнул Максик.

– Можно всё, что не запрещено.

Когда выехали из города, Максик решился задать вопрос, который я ждал с самого момента отъезда:

– Мы так и будем ехать в тишине? Может, радио включим?

– Музыку выбирает водитель, – напомнил Вовка.

– Так я не против – пусть выбирает. Но мы едем без музыки!

– Это выбор водителя, – усмехнулся Вовка. – Вообще-то, я думал, что ты захочешь поговорить. Мы не виделись восемь лет – неужели нечего сказать, не о чем спросить?

Максик притих. Я решил ему помочь и слегка развернулся в его сторону:

– Почему ты стал рисовать драконов?

– Пошарились в моей комнате, да?

– У тебя все стены ими увешаны.

– Нравятся, – после паузы ответил брат. – Мечтал иметь собственного дракона, чтобы летать на нём, куда захочу. Хоть к тебе в детдом, хоть к Вовке на войну.

Вовка улыбнулся.

– А ты сам хотел бы стать драконом? – продолжал я.

– Чисто теоретически – да. Я бы улетел в горы и жил бы там среди скал, куда только орлы могут долететь. А море меня бесит. Я здесь как на ладони.

– Дракону нужно охотиться, чтобы не умереть с голоду, – вставил Вовка.

– Я бы охотился.

– Охота – жестокое занятие.

– Зато честное, – Максик подался вперёд. – Я смотрел фильмы Би-Би-Си. Каждый хищник – будь то лев или акула – съедает только третью жертву, потому что первые две либо убегают, либо дают отпор. Не хочешь быть съеденным – сражайся, хочешь есть – сражайся! Всё честно.

– Он точно воин, – подмигнул мне старший брат.

– Чего? – не расслышал Максик. – Кто я?

– Ты умеешь сражаться? – спросил я.

– Ну, так… В Тихвине ходил в секцию фехтования, а тут это дорого.

– Фехтования! – удивились мы с Вовкой в один голос.

– Да ты прирождённый воин! – восхитился старший брат. – А с огнестрельным оружием умеешь обращаться?

– Откуда? Мой отец был инженером, а не военным.

– Тогда я научу тебя стрелять, – пообещал Вовка.

– Серьёзно?

– Ты же хотел охотиться. В наше время без ружья охотиться опасно.

Глаза Максика засверкали. Это сразу разрядило обстановку и сократило расстояние между нами и нашим младшим.

За несколько километров до границы мы остановились пообедать в чудесном местечке с грозным названием Генерал-Тошево. Вовка притормозил возле ресторанчика, на козырьке крыльца которого красовалась улыбающаяся голова кабана.

– Мило! – резюмировал Максик.

Кормили тут очень вкусно. За время нашего длинного путешествия мы с Вовкой едали всякого. Иногда приходилось обедать в ужасных забегаловках, где тошнило от одного запаха горелого масла, но иногда мы находили ресторанчики, где готовили потрясающие блюда. Обычно в таких местах на меня и накатывала ностальгия по кухарству. Я мечтал, как мы привезём Максика домой, и я приготовлю свинину в винном соусе или побалую братьев фаршированными баклажанами. Думая об этом, я не заметил, как уплёл свои куриные крылышки.

После обеда, когда мы уже садились в машину, Вовка сказал:

– Кому надо отлить, сделайте это сейчас. На таможне туалеты хуже атомной войны.

– Я не хочу, – скривился Максик.

Я тоже отказался. Вовка кивнул и направился к ресторанчику.

– Сейчас-то можно радио включить? – спросил Максик, когда Вовка отошёл от машины.

Если честно, я даже не знал, как это делается, но показывать это младшему не хотел, поэтому небрежно бросил:

– Лучше не привыкай к музыке, иначе потом без неё будет труднее.

– Поездка намечается не такая уж приятная, – вздохнул Максик и вынул пачку сигарет.

Я насторожился, но до последнего не верил, что брат закурит. Когда же он поджёг сигарету, я, стараясь не выходить за рамки доверительного тона, сообщил:

– Вовка не любит, когда курят.

– Я тоже не люблю, когда командуют, – пожал плечами Максик.

– Но это его машина!

– А это мои сигареты, не его.

Я чувствовал, что напряжённость между мной и братом нарастает, но как сгладить конфликт до прихода Вовки, мне не приходило в голову.

– Послушай, сигареты – это… – начал было я, но Максик перебил меня:

– Знаю! Яд, медленная смерть, причина рака лёгких. Я ничего не упустил? Мой отец в своей жизни не выкурил ни одной сигареты, но умер от инсульта.

– Он бы прожил дольше, если бы не… – я чуть не ляпнул «если бы не ты», но вовремя осёкся.

– Отвали! – Максик пустил в потолок струю дыма.

Внезапно дверца с его стороны распахнулась – и через полсекунды сигарета полетела на асфальт. Это произошло так стремительно, что младший аж подпрыгнул на месте.

– Значит, так: в моей машине не курят, не пьют алкоголь и не матерятся, – грозно произнёс Вовка. – Кто нарушит правила, тот два месяца будет мыть «Черик».

– Если ты заметил, мы не в армии, – огрызнулся Максик.

– Именно поэтому тебя тут никто не держит. Сумку на плечо – и возвращайся в школу. Там никто не командует, я уверен.

Максик насупился и скрестил руки на груди.

– Отлично! – Вовка сел за руль.

Я опасался, что на границе возникнут сложности из-за Максика, и предчувствия меня не обманули. Восемь лет совершенно не изменили непредсказуемый характер брата. Поначалу всё шло гладко: младший улыбался и строил из себя пай-мальчика. Я надеялся, что внушение, которое Вовка сделал ему на подъезде к границе, настроило Максика на нужный лад. Всё-таки ему было уже пятнадцать лет – возраст, когда человек может сделать над собой усилие и хотя бы часа полтора не вести себя, как засранец.

Пройдя таможенный досмотр, мы зашли в помещение пограничного контроля. Оно представляло собой большой зал, в дальней трети которого располагались три кабинки. В них восседали три пограничника: двое мужчин сурового вида и одна женщина, ещё молодая и миловидная, но уже потихоньку обрастающая неприветливостью и неприступностью. К этим кабинкам выстроились три очереди. Начинались они, как водится, от ярко-жёлтой линии, нарисованной на полу метрах в трёх от этих стеклянных будок. И как только человек проходил пограничный контроль и получал отметку в паспорте, открывался турникет позади кабинки. Человек выходил уже по другую сторону границы, а его место перед пограничником занимал следующий очередной.

Я первым прошёл таможенный досмотр и встал в очередь к женщине. Мне почему-то казалось, что обмануть её бдительность проще, чем одного из мужчин. Видимо, многие, пересекавшие эту границу, размышляли так же, потому что к дамочке выстроилась самая длинная очередь. Вовка и Максик встали к соседнему пограничнику – уже седеющему болгару с лицом строгого, но справедливого учителя. Пока мы продвигались к жёлтой линии, а на это ушло минут двадцать или даже чуть больше, мы вели себя, как настоящая семья: разговаривали, подтрунивали друг над другом, делились планами на ближайшие два часа. Тон этому задал Вовка, который обнял одной рукой Максика за шею и тормошил его, как тормошил бы любой старший брат младшего. Максик фырчал и слабо сопротивлялся, но я, да и не только я – все видели, что ему такое внимание приятно.

– У нас ещё остались бутерброды? – как бы между делом спрашивал он.

– Проголодался, чертёнок! – Вовка ерошил его волосы костяшками пальцев свободной руки. – Говорил же: обедать надо плотно!

– Там было мерзкое мясо! Оно даже не жевалось!

– Ничего, домой приедем, я тебе приготовлю такой бифштекс – язык проглотишь! – успокаивал брата я.

Как мне казалось, мы все трое прикладывали максимум усилий, чтобы казаться обычными, и у нас это получалось. До тех пор, пока не пришла очередь Максика проходить контроль. Он направился к седовласому дядечке, улыбающийся и энергичный, а мы с Вовкой остались за линией.

Я первым почувствовал, что что-то пошло не так. Я ещё не мог подкрепить это ощущение фактами, но я уже заметил, что поведение младшего брата меняется. Слишком часто он сдувает чёлку со лба, слишком нетерпеливо переминается с ноги на ногу, слишком много мелких движений и жестов.

– Вов… – я привлёк внимание брата и едва заметно кивнул в сторону Максика.

Вовка выдержал несколько секунд и медленно повернулся в его сторону, словно бы блуждая взглядом по стенам помещения. К этому моменту волнение младшего стало очевидным. Он вцепился в край подоконника, предназначенного для документов, весь собрался, словно намеревался одним рывком перебросить себя в будку через узкое отверстие окна. Я следил за ним, опасаясь, что он выкинет что-то противозаконное, создаст нам проблемы и его не выпустят из страны. Я хотел бы помешать этому, но не знал как, потому что не слышал, о чём говорил с ним пограничник. Максик же показывал то на меня, то на Вовку, стучал пальцем по стеклу… Его разговор с пограничником затягивался. Уже отправился к моей будке мужчина, стоявший передо мной. В третьей кабинке тоже сменился турист, а седовласый болгарин всё что-то выяснял, глядя то в бумаги, то на экран монитора.

И вдруг Максик резко подался вперёд и, чуть ли не касаясь губами стекла будки, прокричал:

– Да вы издеваетесь, что ли?

Мы с Вовкой обменялись тревожными взглядами, и он тут же двинулся в сторону кабинки.

– Оставайтесь за линией! – прогремел голос из динамиков, но брат, не обращая на него внимания, подскочил к месту конфликта и что-то сказал в прорезь окна. Судя по тому, как обалдело замерли Максик и пограничник, Вовка произнёс заклинание гипноза, но со стороны это выглядело так, будто оба они сражены каким-то неоспоримым доводом подошедшего. Вовка тем временем положил руку младшему на плечо и что-то шепнул ему, как будто успокаивал, а потом обратился к пограничнику.

Я так увлёкся созерцанием происходящего, что даже не заметил, что подошла моя очередь подавать документы женщине. Парень, стоявший позади меня, вежливо попросил не задерживать очередь. Направляясь к своей кабинке, я мысленно восхищался братом: такая умелая маскировка! Ведь никто из присутствующих – ни туристов, ни служащих – даже не заподозрил Вовку в махинации. Всё, что он делал, выглядело естественно и неопасно, поэтому очень скоро мои братья вышли через турникет и направились к выходу. Я понял, что Вовка уводит Максика, чтобы разгипнотизировать его на улице. Да и задерживаться здесь было лишним.

Я заговорил, лишь когда пограничный пост остался позади, как будто упоминание об инциденте могло отбросить нас обратно на таможню.

– Что там произошло? Почему этот хрыч прикопался к тебе?

– Откуда я знаю? – Максик пожал плечами и уставился в окно, словно речь шла не о нём. Меня такое равнодушие взбесило.

– Почему тогда у нас с Вовкой нет проблем, а у тебя их всегда вагон? – едко поинтересовался я.

– Вовсе не вагон!

– Да как же! Ещё какой вагон! Аж спасать тебя пришлось…

– Я не просил меня спасать. Я бы всё уладил сам.

– Я видел, как ты улаживал. Орал на всю таможню. Если бы не Вовка, тебя бы арестовали.

– Ты всегда такой паникёр? Небольшая заминка – а ты сразу «арестовали»!

– Я не паникёр. Это ты не можешь простое задание выполнить – лезешь на рожон и всех провоцируешь.

– Истеричка!

– Заткнулись оба! – рявкнул Вовка, и мы оба испуганно притихли. – Разборки устраивайте вне машины.

В машине воцарилась тишина. Салон наполняло лишь гудение двигателя, да изредка врывался рёв машин, проносящихся навстречу. Вовка, казалось, тут же забыл о нашей перепалке, Максик закрыл глаза и делал вид, что спит. А я размышлял над тем, почему мы с ним в первый же день поцапались. Ведь я так ждал встречи с ним, я столько думал о нём, скучал, переживал, но вот мы вместе – и он опять меня раздражает, как в детстве. Стоило ему появиться – и тогда, и сейчас, – как наша с Вовкой идиллия бесследно исчезала. Вот и теперь Вовка велел ему вести себя естественно,

но Максик всё испортил, и старшему брату пришлось исправлять ситуацию с помощью колдовских чар. Иногда мне казалось, что младший брат намеренно вредит, чтобы притягивать к себе внимание.

– Где мы остановимся на ночлег? – прервал молчание Максик, которому надоело притворяться спящим.

– Нигде, – отозвался Вовка.

– В каком смысле? Мы не будем спать?

– Спи, кто тебе не даёт? – пожал плечами Вовка. – Могу достать подушку и плед из багажника.

– Спать в машине? – не унимался Максик. – Ты сдурел?

Вовка ударил по тормозам так, что младшего брата бросило вперёд.

– Кажется, я предупреждал, что водителя оскорблять нельзя и препираться с ним тоже, – в голосе старшего послышались металлические нотки. – Быстро вытряхивайся и топай пешком! Ночуй, где тебе нравится, – в мотеле, под кустом, в кузове фуры.

Максик сидел, забившись в угол, и испуганно молчал. Вовка вышел и распахнул заднюю дверь.

– Вылезай! – он схватил Максика за ногу и потащил из машины.

– Я больше не буду! Прости! Прости! – завопил младший, хватаясь за спинки сидений.

– Правила писаны для всех и наказание тоже для всех одинаково. Ещё хоть раз ты нарушишь…

– Нет, больше не нарушу! – Максик снова забился в угол. – Я буду вести себя хорошо.

– Очень на это надеюсь, потому что в дороге надо уважать своих попутчиков.

Вовка вернулся на место. Я внутренне ликовал. Обычно в детстве все шалости сходили младшему с рук, а тут он получил хороший нагоняй. Справедливость восторжествовала.

Неожиданный поворот

Ехать в молчании для Максика было невыносимо, и он заговорил. Расспросил Вовку об армии, меня о детдоме. Его любопытство никогда не знало границ.

– Ты обещал про моего папу рассказать, – напомнил он.

– Что именно? Почему я считаю его смерть самоубийством, а не несчастным случаем? – уточнил Вовка. – Потому что я провёл собственное расследование. Оно подробно описано в моём дневнике. Женька даст тебе почитать.

– И что ты выяснил? В чём была причина самоубийства?

– В маме, как ни странно. Она была не совсем человеком. Она была продуктом научного эксперимента, но сбежала и пряталась. Она пыталась затеряться среди простых людей, поэтому вышла замуж сначала за моего отца, потом за твоего. Однако та генетическая мутация, которая присутствовала в ней, негативно влияла на людей. Сергей Ермоленко, как впоследствии и Сергей Тартанов, не стали исключением – они оба покончили с собой.

– Хочешь сказать, мой отец догадывался, кто она такая, и намеренно убил её? – ужаснулся Максик.

– Не думаю, что он догадывался. Просто на подобное самоубийство человека толкает какой-то импульс – внезапная жажда смерти. Мой отец в разгар перестрелки выскочил на линию огня, твой – сиганул с моста в машине. Мама просто стала случайной жертвой.

– Что это за мутация такая? – в голосе младшего брата недоверие смешивалось со страхом и любопытством.

– Этой мутацией у тебя дома все стены увешаны.

– Драконы?! – Максик аж вперёд подался и вцепился в подголовник моего сидения. – А это здесь при чём?!

– Наша мама была драконом. Чистокровным. Выведенным в лаборатории после долгих столетий экспериментов, – Вовка произнёс это так, словно мы о политике США на Ближнем Востоке говорили. – А мы, соответственно, дракоиды, помесь.

– Приехали, блин! – Максик откинулся на спинку сидения. – Женька, скажи, что вы меня разыгрываете!

– Ни капли!

– Да ладно! Такого не может быть! Драконы – это сказочные существа. Их никогда не было!

– Откуда ты знаешь? Ты разве жил в стародавние времена? – удивился Вовка. – Я не могу тебе назвать точную дату, когда драконы ушли из этого мира, но я с уверенностью могу сказать: сейчас они в него вернулись.

Максик расхохотался. Как раз в это время мы подъехали к перекрёстку, на котором Вовка свернул налево, хотя нам надо было ехать прямо.

– У нас изменились планы? – спросил я старшего брата.

– Нет.

– Но ты свернул, а нам надо прямо! Мы ехали сюда по той дороге.

– Обратно поедем по другой.

– Тебе надо к кому-то заехать?

– Да, забрать посылочку для Кота.

– Хорошо, если мама была драконом, почему у неё не было крыльев? – возобновил свой допрос Максик.

– Я же тебе объяснил: драконов выводили специально для жизни в людском мире. Представь, какое внимание привлёк бы огнедышащий гигант с размахом крыльев в двенадцать метров!

– То есть у мамы не было родителей?

– Не было.

Аргументы Максика были исчерпаны. Он притих на заднем сидении, только что-то бубнил себе под нос. Но через несколько минут он уже собрался с силами для нового захода:

– Кому же понадобилось создавать человекодраконов? Жили мы без них – и всё было нормально.

– Не так нормально, как хотелось бы, – с готовностью ответил Вовка. – Видишь ли, с одной стороны, драконы оберегают людей от смертельной опасности, а с другой – длительное проживание бок о бок с драконом плохо влияет на людей. Настолько, что некоторые даже умирают. Такой вот побочный эффект…

– И от какой опасности драконы нас оберегают?

– Я тебе позже расскажу, – хитро улыбнулся брат.

– Я хочу сейчас!

– Придется потерпеть. Ты ведь наверняка потребуешь предъявить тебе какие-то доказательства, а я не могу этого сделать за рулём.

Максик недовольно замолчал. Я знал, что он ищет новые пути для атаки. Такой уж он был: его любопытство ничто не могло сломить. Если он хотел добыть какую-то информацию, он вытряхивал её вместе с душой. Поэтому я и ждал нового залпа: мне было интересно, как Вовка справится с нашим прилипалой. И прилипала не замешкался:

– А ты-то откуда узнал про драконов? Прочитал в интернете?

– Нет, я просто стал одним из них, – небрежно бросил брат.

И хоть я не видел лица Максика, я готов был поклясться, что оно вытянулось от удивления.

– Это что, прикол такой? – нервно усмехнулся младший.

– Вот так всегда: люди требуют сказать им правду, а когда слышат её, то почему-то считают выдумкой, – сказал Вовка, слегка повернувшись ко мне, как будто делился своими наблюдениями. Я подыграл ему и понимающе кивнул.

– Сговорились, да? Двое против одного… Ну ладно! – Максик обиженно надулся, и мне, как в детстве, захотелось его поддеть. Обычно я делал так, если в нашем с ним споре я оказывался правым или с запозданием торжествовала справедливость, и братишка получал за свои шалости нагоняй. Надо признаться, случалось это редко, потому что большинство проказ сходило ему с рук, и потому моё желание лягнуть его напоследок было особенно сильным. Таким, что и сейчас я не удержался. Вызвал внутренний свет и, повернувшись к Максику, прорычал:

– Отдай своё сердце!

– Что это?! Блин! – он шарахнулся в угол сидения, испуганно вытаращившись на меня.

– Мы с Вовкой уже обрели силу драконов, скоро и ты станешь одним из нас… – завывающим голосом произнёс я.

– Я не хочу участвовать в этой бредятине! Я хочу домой! – Максик был так напуган, что едва держался, чтобы не заплакать.

Вовка толкнул меня в грудь, заставляя вернуться в прежнее положение. Я сел, погасил воронку, со стыдом понимая, что перегнул палку.

– Домой тебе нельзя. По крайней мере, сейчас, – успокаивающе заговорил Вовка, поглядывая на младшего брата в зеркало заднего вида. – Мы должны держаться вместе, потому что только так я могу защитить тебя. Нашу маму искали, найдут и нас, и мы должны быть готовы дать им отпор. Ты же сам говорил: не хочешь стать едой – сражайся.

– Я хочу домой, – у Максика заблестели глаза и задрожали губы. – Пожалуйста! Я никому не скажу…

– Хорошо, – неожиданно согласился Вовка. – Но сначала я научу тебя драться и стрелять. Ты не против? Просто я хочу, чтобы у тебя был шанс спастись, когда за тобой придут.

– Ладно, – еле слышно ответил младший, который сейчас походил на загнанного зверька.

Я понял хитрый ход брата: сейчас надо успокоить Максика, увлечь новыми перспективами, а потом он свыкнется с ситуацией, и она перестанет его пугать.

Мы довольно долго ехали на север. Уже начало темнеть, а мы проезжали один населённый пункт за другим.

– Где ты должен забрать посылку? – не выдержал я.

– Скоро уже.

– Надеюсь, нам не придется пересекать границу?

– Боже упаси!

Перевалило за полночь, когда мы достигли населённого пункта Чернавода. Утомлённый событиями, Максик дрыхнул без задних ног, и поэтому я разговаривал с Вовкой шёпотом:

– Что здесь такое?

– Атомная электростанция.

– Ты собираешься…

– Да, Кот попросил привезти ему радиоактивное топливо. Отходы не дают нужного результата, вот он и экспериментирует.

– Но под Пензой есть завод по изготовлению ядерных боеголовок!

– Не то. Он просил топливо для АЭС.

– И что мы будем делать?

– Я схожу за топливом, а ты постоишь на шухере и заодно присмотришь за мелким. Его ведь нельзя оставлять одного ночью в машине рядом с запретной зоной.

– А как же радиация? На нас она не действует, ладно, – но Максик!

– Стержень находится в свинцовом футляре, так что не переживай. Излучение небольшое. Лучше подумай, как мы будем его через границу переправлять.

Мы проехали спящий посёлок, Вовка выключил фары, и по дороге, ведущей через поля, мы выбрались к жиденькому лесу. Сквозь молодую листву была хорошо видна освещённая территория АЭС, окружённая трёхметровым забором с выносом из колючей проволоки. В полях по обе стороны от леска возвышались сторожевые вышки.

– Ты знаешь, куда там идти? – спросил я.

– Вон то здание: Кот скинул мне подробный план. Хранилище в подвале, но сегодня вечером пришёл поезд, который доставил партию стержней. Разгрузка занимает много времени, поэтому за световой день они не управились. То, что не успели разгрузить, лежит в контейнерах в вагонах. Мне проще взять оттуда. В любом случае если за два часа не управлюсь – вернусь. У нас есть дело поважнее, – он кивнул на спящего Максика.

Младшего пришлось разбудить.

– Ну-ка привстань, соня, – Вовка вытащил его из машины и открыл тайник.

Увидев его, Максик сразу проснулся и восхищённо вытаращил глаза. Вовка взял «Стечкина» и прикрутил к нему глушитель, приговаривая:

– Врага лучше держать на расстоянии и в тишине. Но если он подберётся поближе, то…

С этими словами он надел на спину ножны с мечом, а к ремню на штанах пристегнул чехол с ножом.

– Это тебе, – Вовка протянул мне вальтер и глушитель к нему. – Тебе тоже лучше не шуметь и не подпускать никого близко.

– А если подойдут? – подражая брату, спросил я и взял свой меч.

– А мне? – Максик переступал с ноги на ногу от нетерпения.

– Ты будешь дозорным. Доставай бинокль, – Вовка закрыл тайник. – Сверим часы, парни.

– Два – ноль – восемь, – ответил я, взглянув на свои.

– К четырём я должен вернуться. Сидите тихо, – Вовка надел на голову вязаную шапочку, которая легко трансформировалась в маску, и шепнул мне: – Присматривай за ним, ладно?

Я козырнул, и Вовка потрусил к ограде.

Засада

Мы сидели в кромешной темноте уже полчаса. С момента ухода Вовки мы несколько минут наблюдали за ним. Вот он подкрался к забору, куда падала длинная тень от дерева, потом на секунду пропал из виду, а ещё через мгновение я заметил его фигуру возле одноэтажного белого здания, которое располагалось ближе всего к нам. Как брат сумел за такое короткое время пересечь расстояние в двести метров да ещё перемахнуть через забор, для меня осталось загадкой. Далее брат нырнул за угол здания, и мы окончательно потеряли его из вида.

– Ты видел? – возбуждённо зашептал Максик. – Он только что был тут, а потом…

– Он просто быстро бегает, – отмахнулся я. Почему-то мне неловко было признаваться в том, что Вовкино перемещение меня тоже удивило. Я делал вид, что знаю обо всех секретах. Это злило Максика и радовало меня.

Мы вернулись в машину, закрыли двери и стали ждать.

– Дай посмотреть пистолет, – попросил брат.

– Ты в темноте всё равно ничего не увидишь, – устало отозвался я.

– Давай включим свет.

– С таким же успехом мы можем врубить на полную катушку радио и бегать вокруг «Черика» с дикими воплями.

– Придурок…

– Ты не подумай, мне не жалко пистолет, просто в темноте ты можешь случайно выстрелить, а у вальтера нет предохранителя.

– Давай-давай, умничай…

– Почему ты так себя ведёшь? Мы не виделись восемь лет, а ты постоянно лезешь в бутылку.

– Потому что я не знал, что мои братья стали такими придурками. Один строит из себя капитана рейнджеров, другой – типа его правая рука и жополиз по совместительству.

Мне захотелось врезать Максику, но я сдержался. Вовке бы не понравилось, что мы подрались в его отсутствие. К тому же я вспомнил, как сам вёл себя в первые дни. Высмеивал брата, считал его сумасшедшим, пытался поймать на лжи, шарился в его вещах, надеясь отыскать доказательства, которые вывели бы Вовку на чистую воду. Максику ещё сложнее: он один против двоих, он напуган, ему кажется, что мы маньяки или служители секты, он сейчас балансирует на грани: возвращаться в школу ему не хочется, но и оставаться с нами он боится. Только и думает, как бы украсть денег и сбежать. Мне стало жалко его и захотелось успокоить, убедить, что опасности мы не представляем, но я не знал, как это лучше всего сделать.

– Если хочешь, завтра утром научу тебя обращаться с мечом, – предложил я.

– Может, лучше научишь меня дышать? – ёрничал младший. – Я шесть лет ходил в секцию фехтования. Кое-что об этом знаю.

– Прости, я забыл.

В молчании прошло ещё несколько минут. Я надеялся, что Максик заснёт, но по тому, как он постукивал пальцами по сидению, было понятно, что он всё ещё бодрствует.

– А если нас тут увидят, что ты будешь делать? – спросил он.

– Посмотрю по ситуации.

– Вот сейчас подкатит вооружённый румынский патруль, – начал фантазировать Максик. – Руки за голову! Всем выйти из машины! Какой у тебя план?

– Не знаю. Постараюсь вырубить их.

– Вырубить? Ты что, Бэтмен?

– Я дракон. И у меня есть некоторое преимущество перед людьми, даже если они вооружены.

– Блин, круто! Дашь автограф?

Я пропустил мимо ушей его колкость:

– А ты бы что стал делать?

– Сдался бы властям.

– Романтично, – хмыкнул я. – Только тебе бы припаяли ещё парочку висяков, которые отчетность портят.

– Хрена с два я подпишусь под таким!

– Ещё как подпишешь! Припугнут – и как миленький чистосердечное накатаешь.

– Меня не так легко запугать!

– Да проще простого! Сам же сказал, что сдашься властям. Сдаются только трусы.

– Пошёл ты!

– Ссыкун! Девчонка!

– Я сказал: затухни!

Мне было забавно выводить брата из себя, но я замолчал. Вовка оставил нас на шухере, и создавать ему лишние проблемы не стоило. Мы ещё какое-то время посидели в тишине. С тех пор как я прошёл ритуал, я стал различать предметы в темноте, но длилось это минуту или чуть больше, а потом всё снова сливалось в одну неразличимую массу. Но если проморгаться, то ночное зрение возвращалось. Я глянул на часы: без семи минут три. Значит, остался час. Может, брат всё-таки уснёт? Но Максик не думал спать. Он открыл дверцу и вышел из машины.

– Ты куда? – насторожился я.

– Отлить мне надо, не дёргайся, – буркнул он.

– От машины только отойди, а то Вовка тебя поверх кузова намажет тонким слоем.

– Пошёл ты!

Я оставил дверь открытой, чтобы контролировать брата и в то же время дать ему немного свободы. Я слышал, как журчала струйка, но когда она замолчала, Максик не вернулся в машину. Я ждал, наблюдая в зеркало заднего вида, но шла минута, другая, а никакого движения не было заметно. Моё сердце тревожно забилось. Я взял меч и вышел из джипа. Брат ушёл вправо от машины, и я направился туда, готовый в любой момент обнажить оружие. Ответ на загадку, куда делся Максик, я нашёл быстро и даже был несколько разочарован этим: среди деревьев тлел маленький красный огонёк, который время от времени описывал небольшую вертикальную дугу. Я решил проучить курильщика. Бесшумно подкрался к нему сзади и приставил к затылку рукоятку меча:

– Курение убивает…

– Чёрт! – Максик подскочил на месте и, к моему счастью, задохнулся от неожиданности, потому что в противном случае он бы заорал на всю Румынию, чего я не учёл в своей шалости.

– Тебе не понятна позиция Вовки по этому вопросу? – я выхватил сигарету у брата и затоптал её.

– Я курю не в машине, что ещё тебе надо?!

– Ты не понимаешь, что этот огонёк могут заметить?

– Кто? Тут листва и кусты. И я прятал…

– Тихо! – я дернул брата за рукав.

– Что «тихо»? Тоже хочется порулить в отсутствие коммандоса?

– Заткнись! – я зажал брату рот, но он тоже уже услышал этот звук – лёгкое шуршание, как будто ветер катил полиэтиленовый пакет.

– Что это? – испуганно озираясь, прошептал Максик.

– Не знаю, – я тоже оглядывался, стараясь во тьме разглядеть движение. Звук был нездешним, не из этого мира, – я ощущал это, – и он приближался. Надо было срочно принимать меры безопасности.

– Быстро в машину! – бросил я, толкнув брата в сторону «Черика», но тут же схватил его за ворот куртки и дёрнул обратно, потому что между нами и джипом стояла тварь. Вряд ли Максик мог разглядеть её столь детально, как я. Тварь была ростом со среднюю собаку, но головы как таковой у неё не было – только длинное, цилиндрическое тело, заканчивающееся пастью, которая больше напоминала паучье жвало. Ног у неё было шесть, все они состояли из трёх отделов, соединённых гиперподвижными суставами. Тварь была покрыта крупной чешуёй, которая шла от пасти до толстого и длинного хвоста слоями, как черепица на крыше.

– Что это за хрень? – испуганно пролепетал Максик, видимо, он всё же смог разглядеть это чудище в слабом отсвете фонарей АЭС, пробивающемся сквозь деревья.

– Химера, – шепнул я и встал между ним и тварью. – Не шевелись, и она тебя не тронет. Она нападает только на движущиеся цели.

Мне хотелось, чтобы это было правдой, потому что я не знал, что за уродина решила нами полакомиться. По описанию походила на химеру, но я не видел ни рисунков с ней, ни тем более фотографий. В дневнике Вовки говорилось, что химеры – пришельцы. Они появлялись из ниоткуда и так же исчезали. И охотились они стаями: бросались на жертву, нанося ей смертельные раны, а потом одна из химер впивалась ей в шею и начинала высасывать душу. Остальные особи, как в сказке про репку, вцеплялись челюстями в хвосты друг друга. Душа проходила по этой цепочке, и каждая из тварей брала себе лишь положенную часть – не больше. Наевшись, химеры отлеплялись друг от друга и исчезали. Почему эта была в одиночестве, я не знал, но это было недобрым знаком.

Я решил убедиться, что передо мной именно химера, а не кто-то другой, и резко выхватил меч из ножен. Тварь зашипела, присела на своих гуттаперчевых ногах и заострила всё внимание на мне.

– Что бы ни случилось – не шевелись, – говорил я, медленно отходя от Максика и отвлекая от него своего противника. – Химеры не нападают на неподвижные цели, потому что не видят их. У них нет глаз, они реагируют на движение воздуха и запахи.

– А ты? – голос Максика срывался и дрожал.

– Я с ней разберусь. Ты главное замри, понял?

Но сказать всегда легче, чем сделать. Я боялся, что от страха брат кинется бежать, а уж в скорости химерам нет равных. Меня по-прежнему волновало, что тварь была одна. Видимо, настолько проголодалась и разозлилась, что не побоялась напасть сразу на двоих, один из которых был, между прочим, наполовину драконом. Я провёл мечом перед собой, а потом сделал резкий выпад в сторону. Это спровоцировало мою противницу – она кинулась на меня, но я отпрянул назад, выставив вперёд клинок. Плотные чешуйки со скрежетом прошлись по лезвию, высекая искры: проткнуть химеру было не так-то просто. Но даже пронзи я её, это бы не убило тварь. Чтобы успокоить её навсегда, необходимо было отрубить ей голову, которая не пойми где начиналась. Я сделал ещё один ложный замах, но теперь химера на него не попалась. Она выжидала, готовясь к броску. Ей нельзя было ошибаться, потому что в этом поединке я был определённо сильнее. А мне надо было заставить её нападать, чтобы она не заметила Максика, и я ткнул мечом в её сторону. Тварь извернулась, зашипела и атаковала меня. Битва была короткой: два взмаха меча – и часть её тела, где, на мой взгляд, должна была находиться голова, с шуршанием улетела в кусты.

– Неплохо, а? – я обернулся к Максику, но каким-то непостижимым образом почувствовал сзади движение. Я едва успел выставить вперёд меч, потому что на меня кинулись как минимум десять

тварей. Я понял, что совершенно нелепо угодил в засаду: одна напала, продемонстрировав мою силу своим сородичам, те перегруппировались и бросились в атаку.

Это было моё боевое крещение. До сего момента я ещё не дрался с монстрами, только видел, как Вовка сражается с демоном, а потому я допускал ошибки. Вместо того чтобы убивать некоторых тварей, я отбрасывал их пинками. И я не сразу сообразил, что ножны тоже можно использовать как оружие – чтобы защитить шею от острых зубов. И ещё я не мог сосредоточиться на битве, как учил Вовка, потому что я всё время думал о Максике. Мне хотелось увидеть его хоть краем глаза, но твари наседали так, что я успевал только отслеживать их броски. Да, химерам не удалось застать меня врасплох, но я был молодым и неопытным бойцом, я тратил силы на ругань и лишние движения. В конце концов сумма этих мелких просчётов дала свой результат: одной из химер удалось вцепиться мне в ступню. Зубы пришельца были такие острые, что насквозь прокусили толстенную подошву и двойной слой кожи. Ужасная боль свалила меня с ног. Мне нельзя было кричать, чтобы не привлекать внимание посторонних, поэтому я сжал зубы, но боль лишала меня сил. Химеры почувствовали это и пытались добраться до моих артерий, чтобы быстрее покончить со мной и приняться за мою душу. Я размахивал мечом, как вертолёт – лопастями, и пытался встать на ноги, чтобы вернуть себе выгодную позицию. Меч скользил по броне химер, не убивая их, но и не подпуская ближе.

– Получай! – вдруг услышал я над головой голос Максика, и в следующую секунду тварь, которая метилась мне в бок, отлетела на пару метров. Младший брат, орудуя найденной где-то палкой, сбил ей двух химер, а третью подкинул, поддев под брюхо. Эти несколько секунд передышки дали мне возможность вскочить на ноги и продолжить битву.

К сожалению, мой партнер по битве продержался недолго. В темноте он видел плохо, к тому же драться сразу с несколькими противниками, да ещё такими специфическими, обучен не был. Твари свалили его с ног. Две вцепились Максику в голень и потащили в лес. Брат взвыл от боли, брыкался и хватался за траву, но его утаскивали всё дальше. Я хотел броситься вслед за Максиком, но понимал, что если сделаю это, на меня нападут сзади и так же, как брата, поволокут к разделочному столу.

– Жень! – в отчаянии выкрикнул брат, и этот зов разорвал мне сердце. Пинком отбросив очередную химеру, я рванул за братом – и меня тут же сбили с ног. Я только успел перевернуться на спину, чтобы продолжать сражаться, но положение моё было плачевное.

И вдруг я заметил, как химеры, предвкушающие сытный обед, замерли, словно почувствовали какую-то опасность, а в следующую секунду огненная стрела смела их с моей груди. Бросив меня, твари устремились на нового противника, а я вскочил и кинулся вслед за Максиком. Лишь успел мельком взглянуть на своего спасителя. Почему-то я был уверен, что это Вовка, но увидел другого человека. Я не разглядел его лица. Всё, что я заметил – плащ до колен, с рваными краями и меч – с голубой светящейся полоской на месте продольного желобка.

Брата не успели оттащить далеко: характер Максика, как выяснилось, осложнил жизнь не только мне, но и пятерым химерам, похитившим его. Каким-то образом младшему удалось стряхнуть с себя тварей: он активно работал палкой и второй ногой, не позволяя приблизиться к себе. Я одним ударом отсёк голову химере, пинком отбросил вторую. Третья попыталась всё-таки вцепиться в Максика, но получила от него палкой в пасть. Оставшихся двух сбила всё та же огненная стрела. Я оглянулся, чтобы рассмотреть этого незнакомца. Он расправил плечи, будто собирался сделать вдох, и тут все твари забились в конвульсиях, словно их пригвоздили к земле невидимые колья. Я ещё не видел такого зрелища: из химер выходила их жизненная энергия. Искрящимся туманом она плыла к незнакомцу и скрывалась в его груди. Ему не требовалось, как мне или Вовке, разгонять внутреннюю воронку и всасывать души через рот – они впитывались в его тело, как дым – в одежду.

На весь процесс поглощения ушло не больше минуты, после чего незнакомец развернулся и двинулся прочь.

– Стой! Кто ты! – я, забыв о Максике, бросился за ним. – Подожди!

Мужчина удалялся быстрее, чем мне хотелось бы, к тому же у меня была прокушена ступня, поэтому каждый шаг отдавался острой болью. Тем не менее я собрал волю в кулак и догнал спасителя.

– Эй, спасибо! Как тебя зовут? – я схватил его за плечо, и тут в меня ударило такой волной, будто меня сбил грузовик, несущийся на полной скорости. Меня отбросило на несколько метров, и я даже на мгновение потерял сознание, а когда пришёл в себя, незнакомца уже не было. Я с трудом поднялся: все суставы ломило, как во время гриппа, а мышцы ослабли. Но мне надо было помочь Максику. С трудом встав на дрожащие ноги, я добрался до него и попытался осмотреть его раны.

– Моя нога… – всхлипывал брат, катаясь по траве.

– Ничего, Максик, ничего… – я усадил его. – Рана небольшая. Ты сможешь идти?

– Нет! – в отчаянии выкрикнул он.

– Тише, нас могут услышать, – я ухватил его под мышки и кое-как привёл в вертикальное положение. – Всё, что от тебя потребуется, – просто расслабиться.

Я присел и перекинул его тело через плечо. Я видел, как в кино спецназовцы носят своих раненых друзей, но оказалось, что это не такая уж простая задача. Во-первых, я поторопился и неравномерно распределил вес брата. Перекладывать его поудобнее было некогда. Во-вторых, я сам был ранен, и моя хромота мешала мне балансировать. В-третьих, пробираться с раненым бойцом на плече через лес было сродни попытке пройти с коромыслом по оживлённой московской улице.

Кое-как дотащив брата до машины, я осторожно снял его и усадил на заднее сиденье ногами наружу. Меня радовало, что Максик оказался не нытиком. По его лицу текли слёзы, но он не кричал, только всхлипывал вполголоса:

– Моя нога… нога…

Достав аптечку, я ножом срезал лохмотья штанины. Увиденное заставило меня вздрогнуть: четыре глубоких борозды рассекали мышцу правой голени, одна рана была настолько глубокой, что я мог видеть кость.

– Вот дерьмо! – не сдержался я.

– Что там? – испугался Максик.

– Ничего, – бодро ответил я. – Просто придётся зашивать, чтобы не было уродливых шрамов. Но шить будем не здесь, чтобы заразу не занести.

Я перетянул брату ногу жгутом выше колена, наложил на раны стерильную салфетку и принялся туго забинтовывать, чтобы хоть как-то остановить кровотечение.

– Что у вас тут? – раздался голос Вовки у меня за спиной. – Что случилось?

– На нас напали химеры, – я старался говорить небрежно, словно произошедшее было плёвым делом. Так я надеялся предупредить взрыв негодования старшего брата.

– Я же сказал: не выходить из машины!

– В туалет нам надо было под себя ходить? – огрызнулся я.

– Ладно, прости, – Вовка кинул на переднее сиденье что-то, похожее на большой термос. – Рана серьёзная?

– Средней серьёзности. Надо обработать и зашить.

– Мы не можем сейчас останавливаться, – вдруг разозлился Вовка. – У нас тут обогащённый уран и виза заканчивается.

– Уран? – Максик даже всхлипывать перестал.

– Шутка такая, – Вовка потрепал его по голове. – Ты как? Продержишься пару дней?

– Вов, у нас нет пары дней, – я закончил перевязку и встал. – Парню нужна медицинская помощь.

– Предлагаешь отвезти его в больницу? С такими ранами нам придётся рассказать местной полиции пару сказок про драконов и химер. Ты готов к этому?

– Может, ты загипнотизируешь их?

– Я не знаю, какую помощь может оказать врач, находящийся под гипнозом. Возможно, он даже шприц не сможет наполнить. К тому же в больницах видеокамеры: их не загипнотизируешь.

– Тогда давай остановимся в гостинице. Хотя бы на сутки, – не сдавался я. – Хорошо обработаем рану, зашьём, нормально перевяжем, чтобы Максик смог выдержать два дня дороги.

– Всё это так не вовремя! – Вовка схватился за голову, и я впервые увидел его таким растерянным и беспомощным. Правда, он тут же взял себя в руки: – Хорошо, тогда быстро трогаем! Времени в обрез.

Лекарь

Вовка гнал так, что в какие-то моменты мне казалось, будто мы сейчас взлетим. Я был на заднем сидении с Максиком. Он полулежал у меня на коленях, положив раненую ногу на подлокотник противоположной дверцы. Так велел сделать Вовка, чтобы ослабить кровотечение. Максику становилось всё хуже. Он уже не плакал, только тяжело дышал, прикрыв глаза.

– Эй, не засыпай. Будь со мной, – я тормошил его, как только замечал, что он отключается. – Спроси меня о чём-нибудь…

Максик молчал. Его пальцы судорожно комкали подол куртки. Мне было страшно за брата. Я никогда ещё не видел таких ран, и мне казалось, что Максик умирает. Вдруг зубы и когти химер ядовиты, и сейчас какой-нибудь неизвестный токсин убивает моего брата? Хотя Вовка уверил меня, что никакого яда у химер нет, у меня было подозрение, что он сказал это, чтобы не сеять панику.

На рассвете мы въехали в Меджидию – первый большой город на нашем пути. На окраине встретили дежурную аптеку. Брат вышел и купил там бинтов, ваты, флакон антисептика и две упаковки одноразовых шприцев.

– А остальное? – удивился я.

– Купим в другой, чтобы не привлекать внимания.

У меня было большое сомнение, сможем ли мы найти ещё одну круглосуточную аптеку, но нам повезло. Буквально через четыре квартала мы заметили светящуюся вывеску. За остальными лекарствами брат послал меня.

– Так труднее выследить нас, – пояснил он, припарковав машину за автобусной остановкой, чтобы её козырек скрывал нас от любопытных фармацевтов.

В этой аптеке у меня возникли проблемы: не хватило румынских лей. Я пытался уговорить аптекаршу взять доллары, но она наотрез отказалась. Я был бы рад применить гипноз, но не овладел ещё этой техникой. Оставить брата без обезболивающего я тоже не мог, поэтому уставился тётке прямо в глаза и произнёс заклинание забывчивости.

Вообще, оно работало иначе. Нужно было оставить точку входа, как называл её Вовка, – любой звуковой, световой или тактильный сигнал, а потом произносить заклинание. С этого момента человек забывал всё, что слышал, видел, говорил и делал. Точкой выхода служил повторный сигнал, после которого функции памяти восстанавливались, но момент, ограниченный точками навсегда выпадал из жизни человека. Большинство людей этого даже не замечали. Но иногда не было времени на создание точек или нечем было подать эти сигналы. И тогда драконы использовали упрощённый вариант заклинания, просто глядя людям в глаза. Заклинание действовало, пока сохранялся зрительный контакт с человеком. Как правило, люди в такие моменты не моргали и не отводили взгляд, поэтому драконы сами контролировали длительность контакта. Стоило им хотя бы моргнуть, как чары тут же рассеивались, и возобновить их, как правило, было невозможно.

Поэтому я, вперившись в аптекаршу, произнёс заклинание, просунул руку в прорезь окошка, похитил упаковку обезболивающего и сунул её в карман, и только после этого моргнул. Контакт пропал, но женщина ещё с полминуты смотрела на меня, как сомнамбула.

– Сколько с меня? – громче спросил я, и аптекарша вздрогнула, очнувшись, мотнула головой и огляделась.

– Извините, я очень тороплюсь…

Фармацевт кивнула и опустила взгляд на кассу.

Пока я дурил аптекаршу, Вовка тоже не терял времени. Он выяснил, где на окраине есть гостиница, и, когда я сел в машину, двинул туда. По дороге я рассказал брату о своих подвигах в аптеке, и он пожурил меня за опрометчивость:

– Там наверняка была видеокамера, которая зафиксировала, как ты слямзил лекарство. Это не очень-то хорошо.

– А что мне было делать?

– Это заклинание надо использовать с умом. Камеры не записывают звук, поэтому ты можешь говорить все что хочешь, но выглядеть твои действия должны естественно.

Этот способ я и испробовал в отеле «Генриетта». Вообще, его сложно было назвать отелем. Это была странная смесь пансионата, мотеля и общежития, которая располагалась в левом крыле шестиэтажного жилого дома. Никаких ограждений или хотя бы зонирования, призванного отделить подъезд с квартирами от подъезда с номерами, я не заметил. Общий двор, общая парковка, одинаковые входные двери, со стеклянной вставкой в верхней половине. Разве что над дверью левого крыла висела табличка с названием отеля.

К моему удивлению, в начале седьмого утра за стойкой регистратора я обнаружил женщину лет сорока. Она не спала, а занималась текучкой: сверяла записи в толстой амбарной книге с какой-то таблицей, открытой в компьютере. Однако дверь отеля была заперта. Это в центре города большие и дорогие отели принимали гостей круглосуточно, а опытные швейцары были любезны с постояльцами и суровы с непрошенными визитерами. Здесь же, на окраине, маленький отельчик по-своему боролся с такими, как мы, – просто закрывал входную дверь. Постояльцам выдавались электронные ключи, поэтому если кто-то и возвращался за полночь, он не тревожил дежурного администратора, открывая дверь самостоятельно.

Это неожиданное затруднение поставило бы меня в тупик, если бы Вовка предусмотрительно не вручил мне своё удостоверение, которое в разных обстоятельствах играло роль корочек то эфэсбэшника, то опера угрозыска, то налогового инспектора. Не важно, успевали ли люди прочесть истинную надпись: брат внушал им то, что нужно было ему. Корочки служили лишь двум целям: они привлекали внимание человека и работали в качестве алиби, если поблизости имелась камера видеонаблюдения. У Вовки обычно это получалось легко и непринуждённо, словно он и был эфэсбэшником, налоговиком или опером. Теперь то же самое предстояло провернуть мне, и, надо признаться, я трусил. Если бы не раненый Максик, я бы ни за что не согласился на такую аферу. Но брат истекал кровью – и я стоял возле двери отеля «Генриетта» и давил на кнопку звонка.

Женщина отреагировала не сразу. Может быть, потому, что звонок не разносился эхом по холлу и коридорам, а тихонько пиликал у неё над столом. А может, и потому, что вид у меня был не совсем благонадёжный. Однако удостоверение сделало своё дело: я прижал его к стеклянной части двери и, как только администратор подняла на меня глаза, указал свободной рукой на корочки. Женщина заколебалась. Ей по-прежнему не хотелось меня впускать, потому что я сулил не одни, так другие проблемы, но перечить человеку с красным удостоверением она не посмела. Нехотя закрыла амбарную книгу, положив вместо закладки карандаш, и неспеша направилась к двери. Я не опускал корочки до тех пор, пока расстояние между мной с женщиной не сократилось до того критического отрезка, с которого уже можно разобрать, что на фото не я.

– Международная полиция, – прокричал я по-английски, чтобы женщина сразу поняла, что по-румынски я не бельмес. – Капитан П*е*тров.

Я произнёс эту фамилию на болгарский манер, как тётя Оля, с ударением на первый слог. Мне показалось это хорошей идеей: так моя собеседница поймет, что я из соседней страны, и это заставит её быть, с одной стороны, более вежливой, а с другой – менее подозрительной.

– Чем могу быть полезной? – без энтузиазма поинтересовалась администратор, приблизившись ровно настолько, чтобы я мог слышать её голос сквозь стекло.

– Международная полиция, – зачем-то повторил я. – Мадам, нам нужна ваша помощь.

Регистраторша что-то буркнула по-румынски, а потом по-английски спросила:

– Какого рода помощь?

– У нас есть информация, что в отеле остановился человек, который находится в розыске. Могу я взглянуть на список постояльцев?

Женщина поколебалась. Видимо, не в её характере было стремительно принимать решения.

– Что за человек? – прищурилась она.

– Фамилия не разглашается в интересах следствия. Просто позвольте взглянуть в журнал регистрации.

– Он мог остановиться не под своей фамилией, – начала упрямиться тётка, и я стал терять терпение.

– Нам это известно, мадам. Вы впустите меня или мне придётся составлять рапорт?

Глаза собеседницы забегали. Ей явно не хотелось открывать мне дверь, но и попасть в столь неприятный рапорт не хотелось ещё больше. Она была из тех людей, что всеми силами стремятся избегать проблем, поэтому, когда возникает такая дилемма, они тщательно взвешивают каждое решение, просчитывая степень неприятности его последствий. Я ждал, едва сдерживаясь, чтобы не выбить стекло и не открыть дверь самому. Наконец, женщина приняла решение в мою пользу – щёлкнул замок, дверь слегка приоткрылась.

Стараясь не делать резких движений и не пугать дамочку раньше времени, я перешагнул порог:

– Это не займет много времени, мадам.

Женщина прижалась к стене, пропуская меня, и это сыграло мне на руку. Я присвистнул и произнёс заклинание забывчивости, после чего открыл дверь шире, впуская Вовку с Максиком на руках, который настолько ослабел, что не мог даже обхватить брата за шею: его рука болталась вдоль спины Вовки. Продолжая доброжелательно улыбаться, я грозно спросил:

– На первом этаже есть свободные номера?

Диссонанс от моего вида и моего тона привели женщину в замешательство, которое после повторного вопроса переросло в страх. Она мелко замотала головой:

– Т-только на втором этаже… д-двадцатый…

– Второй этаж, двадцатый! – громко повторил я, и Вовка двинул к лестнице.

– Что это? Куда? – попытка регистраторши остановить его была скорее рефлекторная, чем намеренная.

– Ничего, всё в порядке, – я положил руки женщине на плечи и успокоил: – Это наш человек. Вы в безопасности.

После этого я повёл тетку обратно к столу, усадил на стул и попросил зарегистрировать меня в двадцатом номере на имя Александра Пушкина.

– Сделаешь это, и мы тебя не тронем, – доверительным тоном пообещал я, чем ещё сильнее напугал женщину. Дрожащими пальцами она внесла указанное имя и фамилию в компьютер, выдала мне электронный ключ. Я ещё раз напомнил ей, что её безопасность напрямую зависит от её благоразумности и что лучшая тактика для неё – сделать вид, что ничего не произошло. После этого я мило улыбнулся и направился к лестнице. Уже оттуда я свистнул, поставив вторую точку в заклинании, и бесшумно поднялся.

Номер находился в самом углу узкого коридора. Я протиснулся между Вовкой и стеной и отпер дверь. Мы уложили Максика на кровать, я распаковал пачку хирургических пелёнок, подстелил одну под его ноги, потому что повязка насквозь пропиталась кровью. Максик был бледен, на его лице выступила испарина, но он держался: не ныл, не капризничал.

– Теперь всё будет хорошо, – Вовка улыбнулся и потрепал его по щеке. – Сейчас доктор тобой займётся.

– С чего начнём? – спросил я у брата, готовый выполнить любое его приказание.

– Я откуда знаю! – пожал плечами Вовка. – Лекарь ты, не я.

– Подожди, ты хочешь сказать...

– Ты ведь сам выбрал своим профилем врачевание.

– Но я никогда не делал этого! – вспыхнул я.

– С химерами ты тоже никогда не дрался, но прекрасно справился.

– Потому что ты учил меня драться!

– Прости, но научить тебя медицине я не смогу. Я сам знаю не больше твоего.

– И что же мне делать? – я бросил взгляд на бледного Максика с окровавленной ногой.

– Лечить, – Вовка хлопнул меня по плечу. – Доверься инстинктам. А я выполню любое твоё поручение.

Мне было ужасно страшно – намного страшнее, чем оказаться лицом к лицу с тварями, пришедшими из другого мира. Но выбора у меня не было. Я медленно выдохнул и сказал:

– Хорошо, организуй мне тёплую воду, чтобы промыть рану.

Вовка скрылся в ванной, а я надел резиновые перчатки и принялся обильно протирать их спиртом. Снял с Максика окровавленные бинты, промыл рану водой, потом обработал антисептиком, потом обколол голень анестезией. Внутри у меня всё замирало: мне казалось, что я причиняю брату невыносимую боль, но тем не менее я не останавливался. Я никогда не зашивал раны, я даже не видел, как это делают. Весь мой медицинский опыт ограничивался пятью сериями сериала «Скорая помощь», которые мне удалось посмотреть в общежитии, да перевязкой порезанного пальца. У меня дрожали руки и на лбу выступил пот, но я, как в детстве, подбадривал Максика, как будто это он волновался, а не я.

– Вот видишь, ничего страшного, – бормотал я, соединяя края ран и продевая иглу сквозь кожу. – Зря ты переживал, если честно. Я ведь сказал, что дело плёвое…

Максик вынес операцию спокойно. Конечно, анестезия тоже сыграла в этом роль, но парень лежал и не дергался, не кричал, не плакал, не ругался и не показывал свой дурной характер. Просто смирился и терпел. Когда всё было закончено, Вовка дал ему обезболивающего, и Максик практически сразу уснул.

– Поздравляю, доктор Тартанов, – старший брат хлопнул меня по плечу. – Ты был восхитителен!

– Кто? Я?!

– У меня было впечатление, что я присутствую в институте Склифосовского на операции какого-нибудь светила травматологии.

– Отвали! – я отмахнулся и ушёл в ванную – смыть кровь с перчаток, умыться, просто побыть одному, чтобы хоть как-то снять напряжение. Но через минуту за спиной у меня выросла фигура Вовки.

– Раздевайся! – коротко приказал он, и у меня неприятно ёкнуло сердце.

– Чего? – я развернулся к нему лицом.

– Буду обрабатывать твои раны, доктор, – брат продемонстрировал флакон с антисептиком и упаковку ватных тампонов.

Я и забыл, что сам ранен. От напряжения во время операции и волнения за Максика мозг задвинул болевые ощущения на самые задворки сознания. На шее сзади у меня оказалась глубокая царапина, костяшки были сбиты в кровь: всё-таки лупить тварей, покрытых пуленепробиваемым панцирем, травмоопасное занятие. Когда я снял футболку, я невольно ахнул: я был весь в синяках и ссадинах. И после этого я вспомнил про прокушенную ногу. Вовка ухмыльнулся, видя мой испуг. Ему-то самому приходилось видеть вещи и похуже.

– Какой у нас дальнейший план? – спросил я. В этот момент я сидел на унитазе, положив раненую ступню брату на колено, а тот, стоя на другом колене передо мной, обрабатывал место прокола антисептиком. Мне повезло, потому что зубы химеры прокусили кожу между большим и указательным пальцами.

– Я отлучусь на пару часов: надо отмыть машину от крови и купить что-нибудь поесть. А ты оставайся с Максиком. Вдруг ему станет хуже, – говорил Вовка, не поднимая глаз. – Посидим тут до ночи, а потом двинем дальше.

– А если Максику станет хуже? Мы не можем его тащить через границу: мы вызовем подозрения.

– Жень, у нас кончается виза. Если мы выйдем ночью, то успеем завтра пересечь границу. Если задержимся ещё хоть на день, то нарушим визовый режим, и у нас будут проблемы.

– Вов, тебе важнее визовый режим или здоровье брата?

– Максик мне дороже, но сейчас обстоятельства немного не те…

– Что за обстоятельства?

– Я же объяснил: виза. С этими делами лучше не шутить.

– Вов, ты вчера на границе загипнотизировал пограничника, потому что у нас не было какого-то документа. И вдруг ты боишься просрочить визу? – я выдернул ногу из рук брата. – Говори, что случилось.

– Похищенный уран, конечно, ты в расчёт не берёшь. Если на АЭС обнаружат пропажу, а это наверняка случится сегодня днём, то на всех пограничных постах будут проверять машины на предмет радиационного излучения.

– Проверять будут прибором?

– Да.

– Тогда почему бы тебе не внушить пограничнику, что он видит другие показания?

Вовка посмотрел на меня, чуть прищурившись, и я понял, что именно так он и сделал бы, просто история с радиоактивным топливом для него – единственная официальная причина спешки.

– Скажи мне, в чём дело?

Вовка молча выбросил вату в мусорное ведро и встал. Я тоже вскочил и, боясь, что он уйдёт, схватил его за рукав:

– Вов, скажи, что происходит. Мы ведь одна команда, и будет лучше, если мы оба будем готовы к чему-то неприятному.

Брат тяжело вздохнул, а потом слабо улыбнулся:

– Нас засекли лиги и постараются схватить нас.

– Но мы уже сто раз попадались им на глаза, и никто не делал попытки…

– Это другие. Другой клан, – Вовка переступил с ноги на ногу. – Раньше мы находились на территории маргов. Это единственный клан лиг, который имеет право выращивать драконов. Но сейчас мы на территории клана Ирт. Эти лиги тоже имеют право пользоваться драконами, но лишь теми, которых им продаёт клан Марг. Конечно, продаёт в небольших количествах, чтобы не утратить могущества. Поэтому для иртов беглые или незаконнорождённые драконы – лёгкая и, что немаловажно, почти законная добыча. Они попытаются заполучить нас любой ценой, пока мы снова не въехали на территорию маргов. Так что пересечём Дунай – будем в безопасности. И чем быстрее мы это сделаем, тем лучше.

– Понимаю. От них можно отбиться?

– Если на нас натравят охотников, то, думаю, прорвёмся. А вот если выйдут воины…

Мне хотелось подбодрить брата, но я знал, что мои слова этого не сделают. Однако всё равно сказал:

– Мы будем биться вместе. Нас двое, а это уже кое-что, да? Двуглавый сильнее одного дракона в два раза.

– В три! Одна голова идёт за полторы, – Вовка вышел.

Опасность с воздуха

Сначала не было никаких предчувствий. Он вслушивался в тишину ночи, вглядывался во мрак, буквально растворяясь в нём, но никакой опасности не ощущал. Только сердито ухала ночная птица. Где-то далеко, за озером, дуэтом выли волки, да ветер нежно перебирал кроны деревьев, ласкал их, навевая сон. Но в этом умиротворении зарождалась и постепенно крепла, набирая силу, неясная тревога. Плотным туманом она окутывала сознание.

Дима посмотрел на командира. Его неподвижное лицо с большим орлиным носом в темноте напоминало маску. Командир стоял на краю скалы. Под ней замерло озеро. Было оно такое огромное, что с одного его берега едва угадывался берег противоположный, однако сверху, с горы, водоём был вполне обозреваем и не казался необъятным. В горах гулял ветерок, непривычно слабый для такой высоты, а там, внизу, было тихо. Воздух висел недвижимой пеленой над водной гладью.

– Чуешь? – почти не разжимая губ, спросил командир.

– Нет. Ничего.

– Это плохо. Ты понимаешь, почему это плохо?

Дима промолчал.

– Все затаились. Звери затаились. Ждут прихода.

– Прихода кого? – шёпотом поинтересовался Дима, потому что у него была иная версия насчёт того, почему плохо ничего не чувствовать.

– Смерти, конечно, – просто ответил командир.

– Вальки… – заговорил было Дима, но наставник шикнул, заставив замолчать.

В эту же секунду воздух начал густеть, словно невидимые потоки эфира сливались вместе, набирали плотность. Этот сгусток постепенно вытягивался, пока не принял форму человеческой фигуры, а потом из тьмы проявился Цезарь. Эта его способность перемещаться в пространстве не мгновенно, как делали все лиги, а вот так поэтапно, мягко, многими воспринималась как недостаток. Но были и те, кто восхищался плавностью перехода Цезаря и называл это великим даром.

Цезарь был моложе всех в команде, но внешность имел неподобающую возрасту. По людским представлениям таким и должен был быть воевода: высокий рост, крепкие мускулы, широкий торс, мощные ноги. Образ видавшего виды воина дополняло и широкое лицо с тяжёлыми надбровными дугами и такой же тяжёлой челюстью. Про таких как он говорили: косая сажень в плечах. Настоящий богатырь, которому впору командовать дружиной. Однако дружиной командовал Рональд – хоть и высокий, но сухонький, узкоплечий. Иззила шутил, что Рональду для того дан такой большой нос, чтобы командира хоть как-то было заметно в профиль. Рональд смеялся вместе со всеми, но в бою шутки заканчивались: этот сухостой являл свою истинную мощь, которая превосходила силы и Цезаря, и Иззилы вместе взятых. Поэтому-то Дима всегда воздерживался обсуждать внешность командира. В конце концов, у лиг внешность обманчива, потому что силу дают не мышцы и кости, а внутренний огонь, который с каждым годом горит всё жарче.

– Что видел, Цезарь? – всё так же не размыкая губ, спросил командир, даже не взглянув на появившегося.

– Ничего, Рональд. Кругом одно ничего, – пробасил Цезарь.

– Так не говорят, – улыбнулся Дима.

– Я – говорю, – заупрямился Цезарь и снова обратился к командиру: – Гнездо пусто. Они сменили место висянки давно. Больше недели назад.

– Висянки? – наконец-то лицо Рональда ожило, одна бровь изогнулась, поползла вверх.

– Да, где они висят.

– Мы говорим: лежанки, – терпеливо поправил Рональд.

– Но они висят, а не лежат!

– Будет лучше, Цезарь, если мы все станем придерживаться одних и тех же обозначений, – мягко заметил Дима.

Богатырь недобро зыркнул на него, и со стороны могло бы показаться, что он одним ударом может выбить дух из тонкого, почти по-женски изящного паренька, коим был Дима. Но Цезарь никогда бы не поднял руку на своих соратников. Он мог ругаться или обижаться, но драться было не в его характере.

– Плохие вести ты принёс, Цезарь, – задумчиво протянул командир, не отрывая взгляд от ночной панорамы, лежащей у его ног.

Великан пожал плечами, мол, какие есть, такие и принёс, и тоже уставился на чёрную, с ртутным блеском гладь озера, раскинувшегося у подножия горы.

– Что будем делать, Рональд? – Дима осмелился нарушить тишину лишь через несколько минут.

Командир ответил не сразу. Его неподвижный профиль в слабом лунном свете казался высеченным на монете.

– Будем атаковать, – прозвучало решительно и сухо.

– Кого? – удивился Цезарь. – Они улетели. Их нет!

– Они здесь. Если враг невидим, это не значит, что он не опасен.

Цезарь шумно вздохнул, показывая, что выполнит любой приказ, даже если считает его нелепым.

– Мы выманим их? – догадался о намерениях Рональда Дима. – И тогда нападём.

– Да, но они должны быть уверены в лёгкости добычи, иначе не клюнут.

– Я могу прикинуться раненым, – тут же предложил Цезарь.

– Твари не так глупы. Они знают, что физическое ранение не наносит нам урон.

Цезарь с Димой озадаченно молчали. Рональд думал в тишине, нарушаемой лишь шорохом листвы. Его воины терпеливо ждали решения.

Наконец, командир несколько раз быстро моргнул, словно очнулся от дремоты и медленно повернул голову вправо. Там, метрах в двадцати от лиг под невысокой и кривоватой сосной, укрывшись плотным плащом, спала женщина.

– Ты хочешь пожертвовать своим соколом? – испугался Дима.

– Лучше пожертвовать одним человеком, чем потерять сотню, – в голове Рональда слышалась неизбежность. – Полагаю, эти твари сотней не ограничатся. Ты же видел, что они сделали с поселением у озера?

Дима опустил глаза. То, что говорил командир, было разумно и правильно, но что-то внутри сопротивлялось этому, отказывалось принимать. Да, он видел эти изуродованные трупы: разорванных в клочья детей и обезглавленных женщин. Залитые кровью дома с багровыми брызгами на стенах. Внутренности, разбросанные по улице на несколько метров, словно тело с распоротым животом подняли в воздух и трясли там со всей силы. И это сделали не разбойники. Те, кто напал на поселение, пришёл не грабить, не захватывать земли и не уводить рабов. Они пришли, вернее, прилетели с одной целью – убивать. После такого налёта в живых не оставалось никого, потому что мало кто мог укрыться от этих кровожадных монстров или дать им отпор.

Почти два года Рональд со своей командой рыскал по округе, пытаясь по кровавым следам вычислить гнездовье стаи и убить чудовищ, но всё было напрасно. Валькирии словно бы нигде не жили. Конечно, и Дима, и Цезарь, и Иззила натыкались на места ночёвок тварей, но то были времянки – места, где можно отдохнуть, набраться сил и двинуться дальше. Но должно, должно было быть место – нора, пещера, непреступная скала, где валькирии могли жить, выводить потомство, залечивать раны. Ни одно существо на этой планете не может без дома, без места, куда нужно возвращаться после охоты. У валькирий, кажется, такого места не было, поэтому очень трудно было вычислить, куда уйдут монстры и откуда появятся. Какую деревню изберут следующей мишенью. Нападут всей стаей или отправятся охотиться разрозненно.

Цезарь предложил выступить открыто: ходить, не таясь, не прячась. Пусть валькирии видят, что охотники тут, они не дремлют и никого не боятся. Рональд эту идею поначалу отбросил, но Дима предложил её усовершенствовать. Играть открыто, но не где попало. Расставлять метки и ловушки, постепенно сужая территорию. Загнать валькирий в угол, зажать в центре круга. Тогда у них будет два выхода: прорываться с боем или затаиться. Без еды валькирии могли прожить несколько месяцев, но у охотников в запасе была вечность. И пусть уснул Иззила, без него, втроём, команде вполне по плечу продолжать сужать круг, заставляя врага проявить себя. И вот, похоже, момент настал. Затишье перед бурей. Валькирии, наконец, осознали, что их зажимают в кольцо, и стали готовиться к прорыву. Они напали на рыбацкий посёлок у озера и затаились, группируя силы. Мастер разведки Цезарь (да, несмотря на свои внушительные габариты, он был превосходным разведчиком. Возможно, как раз из-за умения медленно переходить с места на место) так и не смог найти приют этого сборища. Если валькирии готовились нанести удар, они должны были собраться вместе, разработать план, но Цезарь находил только остывшие и запустелые места ночёвок. Однако каждый день затишья придавал монстрам решимости и агрессии, и поэтому надо было действовать, пока ещё ярость не выплеснулась наружу.

– Она справится? – вопрос Цезаря прозвучал двусмысленно: он то ли сомневался в способностях женщины, то ли, наоборот, в них верил и ожидал подтверждения своей правоты.

– Здесь только она и справится, – спокойно ответил командир и одними губами произнёс: – Настасья!

Женщина под плащом заворочалась, открыла глаза. Увидев, что охотники смотрят на неё, она торопливо вскочила, схватив с земли короткий меч в ножнах.

– Подойди! – так же беззвучно скомандовал Рональд.

Женщина приблизилась, и сразу стало видно, что она вовсе не зрелая женщина, как могло показаться издалека, а довольно молодая девушка. Тяжёлый физический труд, к которому она привыкла с детства, развил её физически. Да и от рождения Настасья унаследовала нескладную фигуру – некий переход от женского строения к мужскому. Плечистый торс дополняли мускулистые и длинные руки и крепкие, ровные, как столбы, ноги с крупными ступнями. Казалось, что все силы роста организм Настасьи бросил в конечности, забыв про грудь и голову. Её голова казалась неестественно маленькой на таком массивном теле, а наличие груди угадывалось, лишь когда одежда намокала от дождя или после купания. Простоватое, округлое лицо девушки с чуть вздёрнутым носом и полными губами было всегда напряжено, как будто Настасья постоянно ждала подвоха, а когда говорил Рональд, она смотрела на него так, словно каждое его слово даровало ей день жизни.

Сейчас она, тоже не мигая, уставилась на командира, боясь пропустить мимо ушей хоть мало-мальский звук.

– Настасья, пришло время битвы, – бесцветно произнёс Рональд, и Дима подумал, что командиру бы не мешало расширить свой интонационный диапазон для общения с людьми.

Девушка с готовностью кивнула.

– Цезарь, раздобудь, коня!

В знак того, что понял приказ, Цезарь шмыгнул носом.

– С восходом солнца мы приступим к нашему плану, а пока обговорим позиции.

Солнце золотило озеро, слабо прогревая начинавшую уже по-осеннему остывать воду. Лёгкий ветерок пускал рябь по её глади, словно хотел, чтобы слепящие блики озарили всё вокруг. К воде вышла высокая, нескладно сложенная девушка с конём, навьюченным поклажей. Конь лениво перебирал ногами, но, почуяв воду, оживился, вошёл в озеро, потревожив копытами прибрежную гальку. Девушка скинула дорожный плащ на травяной островок подальше от воды, с наслаждением умылась, плеснула водой в коня. Ничто не нарушало идиллии странницы и её четвероного друга.

Дима наблюдал за Настасьей из укрытия, стараясь уловить, откуда появится стая, но гам леса скрывал едва уловимые перемещения врага. Нет, твари не думали нападать на человека при свете дня. Возможно, заметили замаскированный под седельной сумкой меч. Хотя оружие, коим владели люди, в большинстве случаев оказывалось бесполезно против атаки чудовищ. Отбиться от их стаи был шанс у хорошо вооружённого отряда опытных воинов, – и то мизерный шанс. Поэтому одна девчонка с мечом была для монстров безобиднее ребёнка. Однако нападать на неё валькирии не решались. Дима чувствовал их присутствие, хотя и не мог локализовать. Возможно, летающие твари тоже чувствовали его, ждали, что он предпримет.

Однако командир велел не отклоняться от плана при любом раскладе, и Дима, как верный воин, исполнял приказ. Его задачей было наблюдение за наживкой для валькирий, то есть за Настасьей.

Цезарь считал, что этот план нежизнеспособен, поскольку стае нужна добыча посерьёзнее девушки с конём, но Рональд делал ставку на суть девушки. Она была не какой-то простой селянкой или нищенкой. У неё на шее имелся ошейник – знак того, что она принадлежит существу более могущественному, чем самый богатый царь. Такие ошейники носили чаще всего соколы – люди, коих лиги обучали охоте на тварей. Валькирии, несомненно, должны были почувствовать, кому принадлежит ошейник, и напасть на человека, чтобы досадить своему заклятому врагу. Однако нападут твари только при одном условии: если будут уверены, что поблизости нет хозяев этой

девушки. Поэтому Рональд и Цезарь ждали в укрытии за много десятков вёрст от этого озера, а Дима, завернувшись в магическую накидку, скрывавшую его истинную сущность, караулил чудовищ в засаде. Это было довольно опасное предприятие, поскольку накидка лишала его силы и магии, а значит, в момент нападения он будет подобен человеку.

К слову, на это Рональд тоже делал ставку: обрадовавшись обессиленному противнику, валькирии потеряют осторожность, и в этот момент на помощь примчатся они с Цезарем. Такой манёвр лиги предпринимали не в первый раз, и до сих пор всё проходило гладко, потому что противник не был столь многочисленен и силён.

Настасья вела себя естественно, как будто на самом деле была простой путницей и вышла к озеру, чтобы отдохнуть с дороги и напоить коня. Дима с любопытством наблюдал за ней, так как давненько уже не видел людского быта, и потому был рад остаться наедине с человеком, пусть и отделённым от своего племени, но всё же сохранившим очарование простоты.

Настасья сооружала навес от солнца, чтобы отдохнуть в тени. Оно светило со стороны озера, поэтому деревья отбрасывали тени в лес, а низкий прибрежный кустарник служил плохим укрытием. Конь лениво бродил между деревьями, не углубляясь в лес и пощипывая тёмную траву. Картина была более чем умиротворённая. Настолько, что вернула Диме воспоминания о том времени, когда он сам был человеком.

Его звали Яска. Его отец надорвал спину, возводя стену вокруг княжеского терема, слёг на несколько лет, постепенно захирел и в конце концов помер. Яска, его брат Бажай и две сестры, Цветана и Малуша, остались в покосившейся лачуге с матерью, которая днём работала в поле, а по вечерам, пока хватало света, вышивала рушники и сарафаны замысловатыми узорами. Яска с Бажаем ходили в княжий град продавать убранство. Работу матери ценили, и она, чтобы выручить за вышивку больше, стала вышивать при лучине. И очень скоро ослепла. К счастью, к тому моменту, когда она уже перестала различать лица в двух шагах от себя, обе её дочери – погодки девяти и восьми лет – уже научились основам вышивки и складывания узоров. Правда, девчонки, хоть и были глазастые и с тонкими ловкими пальчиками, пока не умели создавать такие витиеватые рисунки, как мать, а потому дорого продавать рушники уже не получалось. Дела у семьи пошли неладно.

Тогда Бажай, который уже встретил шестнадцатую весну, нанялся в княжескую дружину. Платили там исправно, но Бажай не мог часто наведываться домой, чтобы передать заработок. Весь дом лёг на плечи тринадцатилетнего Яски. Он практически в одиночку вспахивал их десятину, нанялся батраком к боярину собирать яблоки. Боярин платил только харчами, но Яска был рад сытному обеду, потому что он давал силы работать. Дома хозяйничали слепая мать и две девчушки.

Однако этой хоть и тяжёлой, но всё же спокойной жизни пришёл конец. Как-то осенью горизонт затянуло дымом костров: на город надвигалось войско дикарей. Их кони были приземисты и выносливы, да и сами дикари были хоть и невелики ростом, но ловки и юрки. Они носили одежды из шкур, от них пахло зверьём и дымом. Они нападали на города и деревни, сжигая их дотла, убивая всех мужчин и уводя в полон женщин и детей.

Зря Яска надеялся, что Бажай придёт защитить семью: дружина осталась оборонять город. Многие мужчины в деревне пытались спасти свои семьи, пытались биться с захватчиками, но безуспешно. Дикари были опытными воинами, которые с лёгкостью одолевали земледельцев и ремесленников. Яска тоже, спрятав в доме мать и сестёр, вооружился топором и приготовился биться с врагом.

Первая его стычка с налётчиками закончилась удачно и неудачно одновременно. Дикарь, немолодой уже мужчина с багровым шрамом вместо левого глаза, замахнулся на паренька кривой саблей. То ли отсутствие глаза помешало всаднику хорошо прицелиться, то ли Яска оказался ловчее, чем враг рассчитывал, только успел парнишка поднырнуть под саблю и, тут же выпрямившись, всадить топор врагу в спину. Лезвие застряло в правой лопатке воина, а лошадь понесла его дальше, вырвав топорище из рук Яски. Враг ускакал, умирая и унося с собой единственное оружие. Оставался ещё нож с коротким лезвием, но для войны он не годился.

Яска бросился в дом, припёр дверь столом и скамьёй, но дикари не врывались в низенькие лачуги – они поджигали их. Соломенные крыши занимались яростно, а ветер перебрасывал пламя с дома на дом. Гонимые страхом, люди выбегали на улицу, где их поджидали вооружённые дикари.

Яска понял, что их лачуга горит, когда крыша подозрительно затрещала и в горницу повалил едкий белый дым. Парень разобрал завал у дверей и вместе с семьёй устремился прочь из горящего жилища. Слепая мать не удержала руку обезумевшей от страха Малуши, и та побежала с визгом по улице и тут же угодила под ноги выскочившему на перекрёсток коню. Всё это произошло так быстро, в одно мгновение: вот Малуша ещё бежит, визжа, а вот она уже лежит на земле с проломленной головой, и алая кровь смешивается с подсохшей грязью.

Мать не видела этого, потому что была слепой. А ещё потому, что её почти сразу же убил другой всадник – одним взмахом отсёк ей голову, словно она была не человек, а тыква.

Яска пытался увести с этой бойни Цветану. Кругом слышался треск огня, чадили догорающие дома, хрипели кони, дикари перекрикивались на своём лающем языке. Дым застилал деревню серой завесой, ел глаза, жёг горло. Уворачиваясь от коней, бегущих и падающих людей, Яска тянул сестрёнку к лесу, где можно было укрыться от набега.

Однако дикари разорили уже не одну деревню и прекрасно знали, куда побегут спасаться жители этой. Едва брат с сестрой выскочили за пределы поселения, наперерез им ринулся всадник, карауливший таких беглецов за околицей. Он нагнал их почти у самого леса, схватил Цветану за косу и рванул на себя. Сестрёнка закричала – то ли от страха, то ли от боли, упала на спину, а Яска, вдруг озверев от ненависти, вцепился дикарю в сапог и в кожаные штаны и выдернул из седла.

Упав, всадник тут же вскочил на ноги и обнажил кривую саблю. Яска видел его молодое, ещё не знающее растительности лицо: дикарь был чуть старше него самого. Глаза у него горели яростно, как у дикого зверя. Издав нечеловеческий вой, дикарь замахнулся оружием, но Яска успел перехватить его руку. Парни начали бороться. Видимо, дикарю было несподручно биться пешему, а Яске сил придавала ненависть и образ убитой Малуши. Парни пыхтели, поливая друг друга ругательствами – каждый на своём языке. В какой-то момент Яска начал одолевать противника и почти уже завладел его кривой саблей, как вдруг ощутил резкую боль в животе. Руки стали очень быстро слабеть, ноги подкосились. Яска из последних сил старался удержать саблю дикаря, но тот толкнул его в грудь. Яска упал и только теперь ощутил, что вся рубаха его и штаны мокрые насквозь и прилипли к телу. Он перевернулся на бок, чтобы позвать сестрёнку, но той и след простыл. Яска прижал руку к животу, ощутив, как пальцы склеивает тёплая вязкая жижа, и закрыл глаза.

Больше Дима ничего не помнил из той жизни. Он даже не мог сказать, что она была самой его удачной или любимой. Просто, возвращаясь в памяти к той осени, он страстно желал знать, что случилось с Цветаной. Удалось ли ей добежать до леса, а если да, то смогла ли она там укрыться от дикарей? Осталась она жива или погибла в тот день, а если выжила, то как сложилась её судьба? Увезли её в рабство или она нашла укрытие в городе? Разыскала ли Бажая?

Почему-то эта недосказанность и неизвестность до сих пор мучили Диму, как будто он всё ещё был ответственным за жизнь сестры.

На озеро опускались сумерки, облепляя лес синеватой мглой. Твари, видимо, решили дождаться наступления темноты, когда у них будет преимущество, потому что во мраке они видели так же хорошо, как и днём, чего нельзя было сказать о Настасье. Правда, она была не простым человеком. Рональд учил её не только драться на мечах, но и сражаться в темноте. Конечно, девушка не обладала таким зрением, чтобы видеть врага, но она могла его чувствовать: слышать его дыхание, звук шагов, ощущать движение воздуха, улавливать запах. Застать её врасплох твари или хищному зверю было сложно, и Рональд надеялся, что это умение даст его соколу шанс не пасть в первые секунды атаки.

Дима напрягал все органы чувств, чтобы успеть заметить приближение врага раньше Настасьи и подать ей сигнал. Но лес медленно и неотвратимо погружался в ночь. Просыпались ночные звери,

перекрикивались совы, где-то далеко выводил рулады волк. Настасья улеглась в зарослях, укрывшись плащом от прохлады, поднимавшейся от воды. Дима знал, что она не уснёт: служение лигам давало много преимуществ и умений, и одним из них было умение долго обходиться без сна. Ошейник помогал Настасье управлять собственным телом, поэтому она могла не просто притупить сонливость или чувство голода, но и вовсе избавиться от них на какое-то время. Тем не менее Дима считал своей обязанностью охранять покой девушки.

Рональд ворчал на подчинённого за то, что он неравнодушно относится к людям:

– Им нельзя сочувствовать или помогать. Они должны развиваться самостоятельно. Сами должны преодолевать трудности, принимать решения, мучиться. Облегчать их участь – значит играть против их души.

Дима соглашался. Слова командира были истинны, но иногда что-то внутри Димы – не душа, нет – откликалось на того или иного человека. Одним хотелось помогать, других – убить. Он старался сдерживать и тот, и другой порыв, понимая, что они свидетельствуют о его несовершенстве. Несовершенным лигам положено вернуться в людской мир и продолжить своё развитие в человеческом образе, а этого Дима боялся. Боялся, потому что жизни, которые он прожил человеком, принесли ему много боли, страданий, лишений, страха и ненависти. Очень редко в них были моменты истинного счастья. И потому Диму удивляло: как его допустили в стан лиг? Почему посчитали годным, ведь одним из главных критериев достижения людского совершенства было как раз умение быть счастливым.

Командир говорил, что у каждой души свой путь на вершину. Они, души, все разные, ни одна не похожа на другую, как не похожи снежинки, падающие в один сугроб. И для развития каждой души планировщики подбирают свои, оптимальные условия.

В сложную систему взращивания людских личностей Дима не вникал. Он, как и Рональд, как Цезарь и Иззила, был охотником, и на этом поприще он должен был достичь высшей точки – и после этого слиться с другими такими же совершенными лигами в единый Абсолют. А потому вмешательство в чужие сферы, например, в деятельность планировщиков, было чревато откатом назад. Кроме того, такие посягательства мешали работе планировщиков, которые, между прочим, тоже стремились к Абсолюту.

Но тем не менее чувство, что он каким-то образом имеет право влиять на поступки и жизни вверенных ему людей, не покидало Диму. Правда, ему самому в этой заботе виделась собственная ущербность, которую он пытался скрыть от командира. Но сейчас, когда Рональд был далеко и не мог видеть происходящее, Дима не таился. Не скрывая любопытства, он наблюдал за Настасьей днём и сейчас, обратившись в слух, старался первым обнаружить врага, чтобы успеть спасти девушку.

Однако враг всё равно появился неожиданно, словно вырвался из других сфер. Дима пока ещё не видел их, лишь смутно ощущал какое-то движение в ночной атмосфере, а его перстень с топазом уже туго сжал палец левой руки, хотя обычно на появление монстров камень реагировал едва заметной вибрацией, которую Дима лишь недавно научился распознавать. Но сейчас вибрация напоминала судороги, как будто топаз стремился вырваться из оправы навстречу чудовищам. Эта непривычная реакция камня смутила Диму, не позволив вовремя подать сигнал опасности.

Через несколько мгновений две крупные особи совершенно бесшумно материализовались в сотне метров над зарослями и спикировали на девушку. Конь беспокойно заржал и рванулся прочь. Его страх был так силён, что в порыве жеребец отломил ветку, к которой были привязаны удила. Настасья в этот момент откинула плащ и выхватила меч, но не успела выпрямиться в полный рост: тварь сбила её ударом в грудь.

Дима понял, что план Рональда провалился и придётся импровизировать, потому что Настасья не продержится и минуты. Может, третий или четвёртый удар валькирии станет для неё смертельным. И Дима вылетел из засады. Его меч бесшумно рассёк воздух и плавно отделил крыло одной твари от её тела. Она закрутилась вокруг своей оси, хлопнулась на землю, запрыгала, завертелась, неумело передвигаясь по горизонтальной плоскости. Настасья тут же отсекла зверюге

голову. Со второй Дима расправился на подлёте. Как-то получилось, что валькирия заложила вираж у него за спиной, и охотник мгновенно переложив рукоять в ладони так, чтобы клинок смотрел не вверх, а вниз, выбросил руку с мечом за спину. Манёвр был рисковый, потому что Дима не видел противника, а противник его – очень хорошо видел, и потому мог уклониться от удара. Но не уклонился. Ночное небо затихло.

– Это всё? – Настасья настороженно оглядывалась и прислушивалась. Она немного запыхалась, но скорее не от самого сражения, а от страха быть убитой.

Дима не знал, что ответить. Обе валькирии были хоть и крупные, но всё-таки малоопытные, иначе человеку и ослабленному охотнику не удалось бы так быстро с ними разделаться. Возможно, таких нападающих послали намеренно – на разведку боем. Она удалась, и теперь стая знает, что человек не один, а с лигой, и отступит. В таком случае Рональду нужен новый план.

Но что если вылазка этих тварей была самоволкой? Что если они просто решили поужинать втайне от остальных? Такое типичное поведение для молодых, самоуверенных особей, которым кажется, что природная ловкость и наглость даёт им гарантию безнаказанности и удачи. Вполне можно было допустить, что Настасью приметила одна из тварей и подбила другую на тайную вылазку. Первая добыча, которой не придётся делиться. Первая добыча, выслеженная и убитая без команды ферзи. Соблазнительный вариант.

Такая расстановка Диме нравилась больше. Она означала, что основная стая не знает о существовании у берега озера девушки с конём. И уж тем более не знает о том, что рядом с девушкой есть охотник. Это давало надежду на исполнение задуманного плана. Но как проверить, какой из вариантов истинный?

Настасья ждала ответа и команд от старшего товарища. Она чувствовала свою уязвимость в ночной тиши леса и хотела быстрее от неё избавиться. Поэтому, не дождавшись ответа, несмело предложила:

– Надо спрятаться…

– Да, укройся, – коротко согласился Дима и, схватив одну тварь за ногу, размахнулся и швырнул её в воду.

Вода возмущенно плеснула, потревоженная броском, проглотила тело с глухим бульканьем. Следом за ним последовала тушка второй валькирии и её крыло. Если допустить, что вылазка тварей была самостоятельным решением, то не нужно, чтобы сородичи случайно наткнулись на трупы. А если вылазка – часть разведплана, то отсутствие тел может сбить с толку ферзь. Настасья в это время затушила костёр, вооружилась, завернулась в плащ и ждала указаний.

Дима никогда не руководил соколом – так лиги называли своих людей-помощников. Дважды ему выпадал жребий командовать такими же охотниками, как и он, но то было иное. Дима знал, на что способны его собратья, знал силу и умение каждого, а ещё то, что каждый из них был в ответе за себя и свою оболочку. Людское же тело казалось Диме чрезвычайно хрупким: один сильный удар, одно неудачное падение – и сломаны кости. Человек, конечно, не умирал от таких травм, но лишался подвижности, что в итоге всё равно приводило к смерти. А ещё боль – ощущения, которые не каждый человек способен вынести и уж тем более контролировать. И возможности. У каждого человека они были разные: сила, выносливость, ловкость, воля. Даже два воина, прошедшие одинаковую подготовку, в бою показывали себя по-разному.

И взять ещё эту способность людей мобилизовать все резервы в момент опасности. Не каждому это было дано, и потому нельзя было заранее узнать, кто сможет собрать волю в кулак, а кто нет. Иногда слабые и уязвимые являли образец мужества и бесстрашия, а сильные и подготовленные сдавались и бежали. Дима помнил себя, помнил ту силу, подаренную Яске яростью и отчаянием. Эта сила пришла внезапно, помогла выбить из седла дикаря и даже почти побороть его.

Но Настасья… К этой девушке Дима был привязан, и эта симпатия мешала видеть её силу. Привязанность внушала охотнику и ответственность, которая возрастала в отсутствии хозяина – Рональда. Если командир не убережёт своего сокола – в этом будет его вина. Если сокол погибнет по вине подчинённого, то виноваты в смерти будут сразу двое – и Рональд, и подчинённый.

Огорчать командира Дима не хотел, поэтому излишне опекал Настасью. И потому сейчас не знал, что предпринять, чтобы не подвергать девушку опасности.

Она всё так же ждала ответа, но когда поняла, что его не будет, с рассудительностью, не свойственной женщинам её возраста, обратилась к охотнику:

– Похоже, эти двое пытались выведать, нет ли засады. Иначе они бы напали на меня и на лошадь сразу. Так сделали бы хищники. Но эти знали, что у меня есть хозяин, и поэтому напали только на меня и не стали догонять лошадь. Они поняли, что хозяин не допустит моей смерти. Так и случилось.

Дима кивнул, в очередной раз удивляясь умению Рональда выбирать себе соколов. Настасья была уже третьим, и хоть первого Дима не застал, от ума, сообразительности, интуиции и обучаемости второго он был просто в восторге. Когда Рональд подобрал Настасью – нескладную и грязную девочку-подростка, которая даже говорить толком не умела, и Цезарь, и Иззила, и он, Дима, – никто не поверил, что из неё выйдет толк. Но Настасья умела наблюдать, умела учиться, в том числе и на ошибках других. Она очень быстро превратилась из малограмотной девчонки в сообразительную охотницу, умеющую читать тактику врага, предвидеть его следующий шаг и наносить удары в незащищенные места.

– Надо уйти с открытого места. В чаще валькириям будет сложнее напасть.

Дима снова кивнул и прищурился, как будто проверял, насколько эта девушка способна оценить обстановку и принять правильное решение.

– Я видела неподалеку пещеру. Можем укрыться там, дождаться рассвета и сменить место.

– Сменить место? Но Рональд задал эти координаты, – возразил лига.

– Если за нами наблюдают, а это, скорее всего, так, то лучше показать врагу, что мы не догадываемся о его планах. Любой зверь, на которого напали, поспешит убраться подальше. И потом… разве мы не можем сообщить Рональду новые координаты?

– Мы? – Дима поднял одну бровь, и Настасья покраснела. Дима не видел этого, но почувствовал. И ещё почувствовал, что девушка испытала облегчение от того, что в темноте не разглядеть её румянца.

– Пещера там, – сменив тему, Настасья указала мечом на северо-запад.

– Вперёд! Коня найдём утром, – Дима зашагал первым, поскольку в темноте люди видят очень плохо.

То, что было громко названо пещерой, оказалось ямой под огромным валуном, скатившимся с горы в те времена, когда лес ещё только робко подбирался к озеру. За эти столетия камень тысячу раз служил убежищем: мелкое зверьё укрывалось тут от хищников, хищники прятали добычу, кочующие падальщики пережидали здесь непогоду, змеи впадали тут в спячку, грызуны выискивали насекомых, насекомые плодились и размножались. Валун мог бы поведать тысячи историй, рассказать о смертях и появлениях на свет, о пережитом страхе и о пьянящей радости спасения. Валун познавал жизнь таким способом: впитывал её в себя, чтобы однажды она проснулась в нём настоящей, подвижной душой, с характером и опытом.

Всё это Дима прочитал, коснувшись ладонью шершавой мшистой поверхности камня. Сейчас под ним никого не было, кроме пауков, личинок и другой мелкой и неопасной живности. Пропустив даму вперёд, Дима остался снаружи, чтобы ещё раз оглядеться, прислушаться, насторожиться.

Ничего. Ничего опасного, тревожного. Просто ночь, укрывшая землю чёрным одеялом, на котором звёзды казались прорехами, пропускающими свет других миров.

Дима послал Рональду сообщение, что место рассекречено, и они отправляются искать новое. О координатах сообщит дополнительно. Выждал несколько минут – нет ответа. Вряд ли Рональд был застигнут врасплох таким поворотом. Обычно у него всегда имелся запасной план, а то и не один. Тишина с другого конца связи вызывала беспокойство.

Дима забрался под камень. Настасья, завернувшись в плащ, удобно устроилась в углублении и лежала, прикрыв глаза, но не спала. Заслышав его, девушка открыла глаза, хотя для неё это было

бесполезно. Но люди слишком привыкли глядеть на собеседника во время разговора, поэтому пытаются нашарить его образ даже в кромешной тьме.

– Можешь вздремнуть, – шепнул Дима, но девушка уловила тревогу в его голосе, приподнялась на локте, насколько позволяла ниша валуна.

– Он не придёт?

Охотник промолчал. Не потому, что боялся напугать девушку правдой, а потому, что этой правды не знал. Рональд ведь мог не отвечать намеренно, потому что его молчание было частью плана, которую он утаил от подчинённого. Может, это проверка для него, Димы? Может, это проверка для Настасьи? Может, Рональд выбирает, какой из десяти придуманных им планов нужно воплощать теперь?

Своему командиру Дима доверял: всё, что Рональд делал, было продумано и выверено. И всегда приводило к нужному результату.

– Ждём здесь, – бросил охотник, чтобы как-то обозначить своё мнение. – Я буду снаружи: мне здесь тесно.

Он покинул яму, но вовсе не потому, что не помещался под валуном. Он не хотел, чтобы Настасья его расспрашивала. Ему тогда придётся молчать и изображать из себя сурового воина, а он не хотел, чтобы она думала о нём, как о суровом и жёстком. Для этого годился Цезарь, но не он, Дима. Это тоже было его уязвимое место – в желании казаться лучше. Или, вернее, в нежелании казаться хуже, чем он есть.

Чтобы отделаться от размышлений, Дима прохаживался по лесу вокруг валуна, завернувшись в плащ-невидимку, прислушивался, выслеживал, снова пытался вызвать командира на разговор. Чем дольше от того не было ответа, тем беспокойней чувствовал себя Дима. Если Рональд в опасности, то почему не пришлёт сигнал бедствия, почему не попросит помощи? Если же он в засаде и боится лишним движением спугнуть врага, то мог хотя бы прислать подтверждение, мол, сообщение получено, скоро отвечу.

Ночная тьма начала густеть туманом. С воды поднимались клочья серо-белых испарений, затягивая в свой плен прибрежный лес. Дима вдруг подумал, что в таком тумане на охоту выходит опасный зверь – вий. Его стихия – сгустки в воздухе. Облачаясь в туман, в столб пыли, в клочья дыма, вий нападал на зазевавшегося человека, укутывал, удушал, вращал, волочил. А потом, выпив душу без остатка, бросал жертву. Люди считали, что бедняга задохнулся в дыму или попал в смерч и умер от удара о землю. Версий было много, но никто не догадывался об истинных причинах смерти, потому что никто и не подозревал о существовании монстра. Он не прятался, нет, он сам принимал обличие тумана или дыма, удачно маскировался на пожарах, в пылевых бурях и в таких вот туманных клочьях. Как бы не пришлось с ним встретиться тут.

Вия Дима не боялся. Он знал, что Настасью тот не тронет, если почует рядом лигу. Он опасался, что валькирии могут использовать это чудовище как союзника. Лишняя боевая единица в стане врага – и перевес может обозначиться не в пользу охотника.

Туман густел, прохлада пробиралась под одежду. Заворочалась под камнем Настасья, сильнее кутаясь в плащ. Но Дима не ощущал холода: его тело не подчинялось биологическим законам теплокровных. Иная сила приводила в движение мускулы и скелет лиги.

Движение это охотник скорее почувствовал, нежели заметил. Отчасти оно напомнило медлительное перемещение Цезаря: туман начал сползаться в одну точку, образуя облако, которое вытягивалось и плотнело. Дима даже решил, что это и есть Цезарь, который пришёл по поручению Рональда. Однако облако не приняло человеческих форм. Так и оставаясь рваным и обтекаемым одновременно, оно двигалось из чащи в сторону валуна, выбрасывая вперёд косматые щупальца тумана.

Да, это был вий, собственной персоной. Дима видел такого монстра лишь однажды и то в заповеднике. Инструктор показывал, как нападает и как маскируется этот хищник, объяснял, как его можно одолеть. Но этого не требовалось: вий был довольно трусливым и никогда не вступал в схватку с более сильным противником. И ещё Дима почему-то вспомнил, что первоначальное имя

вия – вей. Веет-навевает, сочится дымной позёмкой, клубится таинственными и пугающими испарениями. Люди часто принимают его за привидение, когда вий не успевает развеяться. Такова была особенность чудовища: оно умело распадаться на молекулы, развеиваясь по ветру, а потом снова собираться в единое целое. Именно поэтому атаковать его было бесполезно.

Дима наблюдал за монстром, который тёк по лесу, цепляясь за деревья дымовыми мягкими щупальцами. Вий видел охотника и чуял человека, но не выказывал намерения нападать. Он миновал камень на расстоянии двухсот шагов и растворился в тумане. Отправился на охоту. Возможно, наткнётся на коня, если тот не почует опасность и не даст дёру.

Дима замер. Уход хищника ещё ничего не значил. Возможно, он вернётся с крылатым подкреплением. Неуязвимый для меча, вий может окутать Диму так, что тот потеряет ориентир и обзор, а валькирии в это время нанесут удар. Поэтому надо держать ухо востро!

Но монстр не вернулся. Небо на востоке уже пожелтело, потом стало розоветь, словно поспевающее яблоко. Проснулись и загомонили птицы, перекликаясь, как весёлые соседки в поселениях. Из-под валуна выбралась Настасья. Потянулась, принялась разминать уставшее от неудобной позы плечо.

– Что сказал Рональд? Куда выдвигаемся?

– Рональд предлагает мне самому решить этот вопрос, – соврал Дима.

Настасья кивнула, полезла в укрытие за оружием и плащом. Охотник ждал её появления. Он уже придумал, куда направится – к деревне у реки, что в одном световом дне хода от озера. В саму деревню соваться не стоит, надо найти укрытие неподалёку и ждать. Возможно, валькирии наметят её следующим местом удара.

И вдруг – какой-то обрывочный звук, сигнал. Ударил в запястье, толкнул в грудь. Дима понял: это сигнал от Рональда. Зов о помощи, отправленный не мудрёным прибором, что все лиги носили на запястье, а разумом. Командир звал его, отправлял ментальные волны, потому что только они могут пересечь пространство, почти не теряя интенсивности. Волны эти почти не содержали информации, чтобы не замедлять колебаний. Только точку отправки и прибытия. Однако Дима понял, что это сигнал бедствия. Для всего остального есть приборы.

Настасья высунулась из-под камня да так и осталась стоять на четвереньках, увидев напряжённое и сосредоточенное лицо охотника. Он скинул свой плащ-невидимку. Как глупо было заворачиваться в него! Теперь ему не достанет сил сражаться, не хватит мощи, чтобы спасти командира и Цезаря.

– Нам надо шагать! – голос охотника прозвучал, как призыв к бою, и Настасья поспешно выбралась на траву, застегнула ремни ножен на талии и устремила на Диму преданный взгляд. От этого взгляда у него защемило сердце: девушка готова ринуться на помощь своему хозяину, не понимая, что этот бой, скорее всего, станет для неё последним. А может, как раз и понимая. Теперь она узнала многое из того, что простым смертным недоступно. Она знает, что ждёт её за чертой, поэтому, наверное, столь бесстрашна в своих решениях. Обычный человек не понимает того, что толкает его на самопожертвование, а Настасья – осознаёт. И это так не вяжется с людской природой, выглядит уродливым шрамом на изящном теле. Дима стряхнул с себя это сожаление.

– Готова? – он схватил Настасью выше запястья. Девушка кивнула, потом глубоко вдохнула и резко выдохнула. Не выпуская её руку, охотник сделал шаг – и они оба исчезли.

Сражение

Эти лиги не давали мне покоя. Когда Вовка ушёл, оставив меня со спящим Максиком, у меня случился приступ паники. Я ни разу не видел бога-воина, я не знал, как они выглядят и на что способны. Возможно, этот парень со светящимся мечом – один из них. И вступился за нас, чтобы химеры не сожрали двух перспективных дракоидов. После этого он мог спокойно вернуться в штаб – или где там заседали лиги – и сказать: «Всё нормально, они в безопасности. Можно брать».

Ещё меня сильно настораживало то, что я сегодня узнал о лигах. Раньше я думал, что они – некое подобие племени, захватившего Землю. Теперь оказалось, что у этой расы есть кланы,

которые конкурируют друг с другом. Пока это соперничество не агрессивное, но что будет, если один клан пойдет войной на другой? Сомневаюсь, что лиги будут сражаться только своими силами, наверняка привлекут и людей, и драконов. Поэтому я боялся встречи с иртами. Кто знает, как они поступают с пленными драконами: могут озолотить и исполнить любое требование, а могут и запереть в темнице до лучших или, вернее, тревожных времён. Лучше не попадаться им на глаза.

Мне хотелось быть полезным брату не только своим пистолетом и мечом, но и чем-то ещё, чем-то таким, что могло бы спасти нас. Я вынул из рюкзака колдовскую книгу, внимательно рассмотрел обложку. Вовка был прав: кроме колдовского знака на ней было ещё одно тиснение – в нижнем правом углу. Оно не бросалось в глаза и проявлялось только под определённым углом, как защитные знаки на денежных купюрах. Я так до конца и не смог разобрать, что же именно там изображено. Только понял, что три разные по толщине ленты сплетаются своими концами, как знак мерседеса. Я открыл книгу, стал листать, вычленяя из иероглифов и каракуль какие-то слова и даже фразы.

Максик застонал во сне, заворочался. Я присел к нему на кровать и положил ладонь на перевязанную ногу. Я понимал, что анестезия отошла и теперь брат остался один на один с реальными ощущениями, поэтому я боялся, что он неудачно пошевелится и разбередит рану. Моё прикосновение подействовало на него успокаивающе. Возможно, парню важно было ощутить, что рядом кто-то есть. В любом случае, когда моя рука лежала на нём, он не стонал и был безмятежен, будто не ему час назад наложили двадцать шесть швов.

Я расположил книгу на коленях, вооружился блокнотом и карандашом и стал выписывать слова и предложения, которые смог распознать. Пока получалась белиберда, но Кот ведь сказал, что эта книга состоит из загадок. После часа напряжённого изучения я имел два листа, исписанных словами, никак не связанными между собой. Я помнил, что подсказка приведёт не только к открытию новых слов, но и будет иметь какое-то практическое значение. Пока для практического применения годился только десяток слов: соль, вода, песок, огонь, лёд, кости с пустотой, душица, крапива и полынь. Был ещё десяток глаголов, которые можно было отнести чуть ли не к любому этому компоненту: натереть, перемешать, сжечь до пепла, подогреть, пересыпать, добавить, отделить. Ещё мне не давали покоя некоторые описательные обороты. Например, «чёрная кровь земли» и «белая кровь земли», или «глаз солнца», или «огненный песок», или «пепел до огня». Я предполагал, что чёрная кровь земли – это нефть, но терялся в догадках относительно того, что может быть её белой кровью. Глаз солнца представлялся мне солнечным зайчиком, но какое он имел отношение к колдовству, сложно сказать.

Вернулся Вовка, притащив целый пакет еды.

– Что сказала регистраторша? – поинтересовался я.

– Ничего. Я усыпил её. Очень нервная женщина, – брат поставил пакет и снял куртку. – Как наш мальчик?

– Спит как дитя, – я погладил его по ноге.

– Тогда нет нужды сидеть рядом с ним.

– Когда он чувствует мою руку, он спокоен, – смутился я, но Вовку эти слова заинтересовали. Он расспросил, как ведёт себя Максик, когда я держу руку на ране и когда не делаю этого, а потом выдал свою версию:

– Сдается мне, твои прикосновения снимают боль. Татуировка усиливает твою сущность, и когда ты прикасаешься к Максику, то процесс заживления ускоряется.

Мне лестно было слышать такое, но я всё-таки рассмеялся:

– Теперь мне нельзя будет даже в туалет отойти!

Собственно говоря, примерно так оно и было: Максик спал до вечера, пока я разгадывал книгу с помощью Вовки, который взял на себя роль писаря. Благодаря ему я узнал, что огненный песок – это сера, белая кровь земли – ртуть, а пепел до огня – порох. Мы пытались соединить слова в осмысленные предложения, и со многими это получалось, но ставить такие химические опыты необходимо было в специальных условиях.

К вечеру мы оба выдохлись. Вовка повалился на соседнюю кровать и выдохнул:

– Умственный труд выматывает сильнее, чем физический. Я бы сейчас сожрал богема…

– Если хочешь поохотиться – иди. Я побуду с Максиком, – предложил я.

– Если я начну охоту, лиги вычислят меня.

Это было плохим известием. Я понимал, что если нам придётся держать бой с богами, то основной удар примет на себя Вовка, а потому силы ему были очень нужны. Но мы не могли подкрепиться, а книга не давала нам никакой помощи.

– Вов, что ещё я не знаю о лигах? – не из любопытства, а скорее чтобы заглушить тревогу спросил я. – Ты почти не рассказывал о них и мало описывал в дневнике. Я хочу узнать нашего врага поближе. Сколько у них кланов и какие между ними отношения?

– Я не хотел забивать тебе голову лишней информацией, думал, что тебе вообще не придётся сталкиваться с ними, – Вовка закинул руки за голову и, сосредоточенно глядя в потолок, начал рассказ: – У лиг есть четыре клана. Они поделили между собой не только территорию, но и сферы деятельности. Например, клан Луит отвечает за экономику, торговлю, добычу ресурсов и контролирует все перевозки. Его вотчина – все океаны и моря вместе с островами и двумя континентами – Австралией и Антарктидой. Клан Турис отвечает, скажем так, за воспроизводство людей, и потому на его территориях в основном расположены страны третьего мира – Африки, Южной и Центральной Америки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Когда маргам нужны были люди для освоения земель и новых проектов, Турис поставлял им живой товар.

– Кто такие марги?

– Это третий клан лиг. Отвечает за научно-технический прогресс и регулирование численности и качества человеческой расы. Грубо говоря, марги создают и поддерживают цивилизацию на земле. Это единственный клан, который имеет право развязывать войны, создавать техногенные катастрофы, эпидемии, голод и так далее.

– Я думал, что эпидемии и катастрофы – это стихийные бедствия, неуправляемые процессы.

– Не управляемые людьми. Иногда лигам нужно подстегнуть человечество: проредить популяцию, заставить большие массы людей переселиться с одного места на другое. Лиги научились управлять погодой и заболеваниями, создавать катаклизмы и запускать маховик войны. Это самый могущественный клан, и он единственный, кто имеет право разводить драконов. Догадаешься, какой территорией он владеет?

– Россией?

– Не только. В их собственности существенная часть Евразии, включая Россию, Прибалтику, Украину, Белоруссию и Казахстан. Кроме этого они владеют почти всей Северной Америкой и Японией.

– Да, теперь всё понятно, – хмыкнул я. – А четвёртый клан?

– Ирт. Расшифровывается как «история-религия-творчество». Как ты уже понял, отвечает за образование, развитие творческого и духовного потенциала людей. Ну, и ведёт летопись рода человеческого. Говорят, есть книги, где записано всё, что было в самом начале. И ещё говорят, что Библию тоже ирты написали.

– Логично. Они, получается, владеют Европой. Ты её не называл в числе земель других кланов.

– Да, Европой, Китаем и территорией вокруг Чёрного моря: немного России, Кавказ, Турция – в общем, всё, кроме Украины.

– Подожди, ты же сказал, что Россия – это территория клана Марг!

– Не путай государственные границы людей и сферы влияния лиг. У них свой раздел территории.

– Значит, сейчас мы на земле иртов? И они имеют право владеть драконами, но не могут их разводить, так?

– Да. Марги дают им наших соплеменников для выполнения различных задач. Драконы и дракоиды стимулируют человечество. С тех пор как мы появились, прогресс зашагал семимильными шагами. Маргам это выгодно. Иртам это выгодно. Луитам тоже выгодно. Но марги контролируют

ситуацию и не дают соседям много драконов, чтобы не утратить лидирующие позиции. Поэтому ирты рыщут в поисках беглецов и незаконнорождённых драконов. Мы как мёртвые души наоборот: нас формально не существует, но физически мы есть и можем приносить пользу и укреплять чью-то власть.

– Да, перспектива так себе, – я постучал пальцами по обложке книги. – И что же нам делать?

– Пока – просто затаиться. Позже мы отыщем членов организации, которая хочет положить конец монополии лиг на этот мир.

– Они хотят свергнуть их? – мысли о всяких бунтах и переворотах всегда воодушевляли меня.

Вовка расхохотался:

– Не-е-ет, лиги нам не по зубам. Мы просто отвоюем право распоряжаться своими жизнями. Но ты пока забудь об этом. Сейчас наша первоочередная задача – доставить Максика в безопасное место и провести ритуал. А дальше война покажет план.

В одиннадцатом часу, когда на Меджидию опустилась тёплая майская ночь, проснулся Максик. Был он бледен, но бодр. И даже с аппетитом поужинал.

– Как самочувствие, герой? – Вовка с непередаваемой теплотой во взгляде наблюдал, как младший ест.

– Я не герой, – запивая пирог томатным соком, ответил Максик.

– Ещё какой герой! – подхватил я. – Если бы не ты, меня бы химеры порвали на мелкие лоскутки.

Младший едва заметно покраснел. Если бы не большая потеря крови, он бы залился краской до самых волос.

– Максик, нам надо ехать, – мягко начал Вовка. – У нас кончается срок визы, и могут быть проблемы на границе…

– Хорошо, – младший кивнул. – Когда выдвигаемся?

– Ты лучше скажи, как ты себя чувствуешь, – осадил я его. – Мы два дня будем ехать без остановок. Придётся спать в машине…

– Я готов! – перебил меня Максик. – На обезболивающем я протяну. Но по приезде с вас исполнение трёх моих желаний.

– Хорошо, – быстро согласился Вовка.

– С каждого! – Максик поднял вверх указательный палец.

– Губу закатай! – Вовка дал ему лёгкий подзатыльник. – Час на сборы, и потом выдвигаемся.

– Давай подождем хотя бы до полуночи, – предложил я. – Пусть регистраторша уснёт или займётся какими-нибудь другими делами. Уйдём незамеченными.

– Уйдём, как пришли, – отрезал Вовка.

Мы так и сделали. Сегодня дежурила другая девушка, но тем не менее с помощью заклинания забывчивости мы проскочили мимо неё. Вовка гнал по трассе, сосредоточенно глядя перед собой. Максик, хоть и бодрился, но было видно, что ему плохо. Конечно, с такой раной человеку лучше неделю отлежаться в постели, а не мотаться по дорогам, но выбора у нас не было. Я боялся, что наш обогащённый уран в багажнике негативным образом подействует на Максика, но Вовка заверил меня, что причин для опасений нет.

Мы сделали одну-единственную остановку: в десять утра заехали в придорожное кафе по-быстрому перекусить и сходить в туалет. Меня радовало, что Максик почти всю ночь проспал: его организму нужны были силы. Меня самого тоже клонило в сон, но я боялся кемарить, чтобы не пропустить атаку лиг, если они всё-таки выйдут на наш след.

Мои опасения оказались не напрасными. На подъезде к Гречу, когда дорога пошла между полями, нас накрыло странной волной – как будто мы погрузились под воду. Все звуки стали глухими и доносились до ушей гораздо медленнее, чем обычно, краски поблекли, воздух поменял структуру и стал колючим, как в тридцатиградусный мороз. Вовка ударил по тормозам и выскочил из машины, бросив:

– Женька, поможешь мне…

Я готов был на любое задание, но то, что произошло дальше, меня слегка напугало. Вовка достал из багажника свинцовый футляр с ураном, открыл его и вынул пучок металлических трубок, собранных специальными креплениями. Ослабив крышку крепления, он вынул один стержень, мечом отсёк его наконечник и вытряхнул на ладонь цилиндр чуть шире и чуть длиннее фаланги пальца. Был он серого цвета, хотя я почему-то ожидал, что он будет флюоресцировать.

– Убери это, – он сунул стержень мне и быстро добавил: – Только осторожно!

Поместить повреждённую деталь обратно в карусель получилось не сразу, но я справился. Убрал пучок обратно в футляр, футляр осторожно поставил в багажник. Вовка в это время вызвал внутренний свет.

– Надеюсь, Кот простит меня… – он поднёс цилиндр к воронке и проглотил обломок. Я ждал в оцепенении. Мне казалось, что брат сейчас взорвётся или начнёт превращаться в Халка – я ведь не присутствовал при испытании ядерных отходов на Беше, а потому не знал, как радиация действует на драконов. Через несколько секунд я стал замечать эти изменения. У брата начались мелкие судороги: его веки и губы подрагивали, пальцы непроизвольно сжимались, дыхание стало неровным.

– Макс! – Вовка бросился к пассажирскому сидению и растолкал спящего младшего. – Вылезай, нам надо взять оружие…

– Что случилось? – спросонья бубнил Максик. – На нас напали? Что такое?

Вовка быстро достал мой меч и набор коротких ножей, а я успел схватить «Анаконду».

– Не поможет, – Вовка закрыл тайник и запихал младшего обратно в машину. – Сиди тут! – он вцепился Максику в плечо, от чего тот вжался в спинку сиденья. – Что бы ни случилось – оставайся в машине. Понял? Твоё геройство никому сейчас не нужно, оно может погубить и тебя, и нас. Ты понял меня? Отвечай!

Максик судорожно закивал. Вовка выпрямился и с шумом захлопнул дверцу. Мне было жутко на него смотреть: в его глазах светилась странная ярость, мышцы были напряжены, тело подрагивало от спазмов.

– Вов, тебе плохо? – осторожно поинтересовался я.

– У меня нет выбора: нам предстоит биться с лигой, – сквозь зубы ответил брат, обнажил меч и двинулся через поле. Я шёл за ним, оглядываясь. Я не знал, что происходит, но вокруг нас сгущалась непонятная энергия, от которой мороз бежал по коже. Мы отошли метров на сто от дороги, когда я увидел это. С противоположной стороны поля на нас с большой скоростью надвигалась прозрачная и высокая, с пятиэтажный дом, стена. Если бы не искажающиеся, как в оптической линзе, формы деревьев, я бы не заметил этого явления.

– Началось! – коротко выдохнул Вовка и повернулся к стене левым боком. – Сейчас ты познакомишься с ангелом.

– С ангелом? – я оглядывал поле, но не замечал пока ничьего присутствия.

– Ангелы – божье воинство. Так ведь сказано в Писании? Искусные и непобедимые убийцы. А лиги называют себя богами… Встретим врага лицом к лицу!

Я понимал, что он говорит это под воздействием урана, который был сродни сильному энергетику или даже наркотику.

Стена между тем стремительно приближалась.

– Готов?! – Вовка прижал к себе меч плашмя, направив острие в сторону стены. Я сделал так же, но когда до движущейся громадины осталось метра два, Вовка кинулся ей навстречу и проткнул мечом. Раздался звон, как будто лопнули тысячи стёкол. Что-то хлынуло на нас – неудержимое и неотвратимое. Меня отбросило назад, по ушам полоснуло резким звуком. Мир снова стал громким и ярким, даже слишком громким и ярким. Я зажмурился и невольно зажал руками уши. Однако долго разлеживаться было некогда: мой брат остался один на один с противником, и ему требовалась помощь. Превозмогая резь в глазах, я открыл их и поднялся. И сразу увидел ангела.

Вернее, если бы Вовка не сказал, что это ангел, я бы не догадался. Просто решил бы, что какой-то псих разгуливает голышом по полю. Но то, что я принял за голое тело, оказалось костюмом

телесно-розового цвета, который ближе к горловине и запястьям плавно переходил в тёмно-бордовый. Роста ангел был невысокого, ниже Вовки, поэтому брат рядом с ним смотрелся выигрышно, но я понимал, что сие неравенство обманчиво. В обеих руках противник держал короткие кинжалы, и я подумал, что это не очень удобно, потому что ему придётся подпускать противника слишком близко, чтобы убить. Но ангел, будто услышав мои мысли, решил продемонстрировать силу своих клинков. Он коротко замахнулся, и его кинжал молниеносно вырос в размерах метра на полтора. И если бы Вовка не отразил этот выпад, его бы пронзило насквозь. Я поднял свой меч и ринулся на ангела, но в следующий момент над головой воина неожиданно вскинулись крылья. Вернее, это больше походило на клубы тумана в форме крыльев. Они раскрылись над воином, как мощный парашют, а потом одна его сторона резко ушла вниз и непрозрачной полусферой отсекла меня от Вовки. Мой брат остался с этим парнем под колпаком тумана, и я слышал, как там звенела сталь, но не видел, что происходит. Я пытался пробить заслон, но броня была крепче, чем чешуя химеры. Я хотел обежать его, зайти сбоку, но ангел продлял поверхность сферы, не впуская меня. Я попробовал поддеть купол снизу, но он словно врос в землю. Все мои попытки проникнуть к месту поединка пали прахом. Я понимал, что нужен брату, но я был отрезан от него. Меня охватило отчаяние – такое, в котором матери, чтобы спасти детей, поднимают бетонные плиты весом в полтонны.

– Будь ты проклят, сукин сын! – заорал я и ещё раз врезал мечом по куполу. Непробиваемая сфера гулко отозвалась на мой удар, но устояла. В тот момент я готов был продать душу дьяволу, лишь бы стать самым сильным демоном Преисподней и накостылять этому недомерку с туманными крыльями.

И тут меня озарила внезапная догадка. Демоны, да и Преисподняя вообще, ассоциировались с серой, а сера – основной ингредиент пороха. Я выхватил пистолет и выстрелил в купол. К моему удивлению, пуля его пробила, оставив круглое отверстие, от которого сантиметров на десять в разные стороны разбежались лучи трещин. Я ударил ногой в это место, но слишком поздно. Ангел, видимо, активировал защиту, потому что трещины быстро срослись, и дырку снова затянуло туманом. Я понял, что дело не в пробивной силе пули и не в её калибре, а в том, что я выстрелил издалека, следовательно, на поверхность брони попало мало пороха. Я приставил пистолет к сфере и нажал на спусковой крючок. На этот раз получилось лучше: не только пуля повредила защиту, но и порох, который молниеносно разъел дыру размером с футбольный мяч. Я бросил тело на эту прореху, плечом разбивая надломленную поверхность, и ввалился внутрь колпака.

Поняв, что драконы воссоединились, ангел поднял свою туманную мантию и попытался снова отрезать меня от брата, но Вовка выставил меч на пути опускающейся завесы. Она ударилась о сталь и разлетелась на мелкие кусочки, которые тут же превратились в дым и растаяли в воздухе. Я взмахнул мечом, но один из мечей ангела резко увеличился в длине, едва не пронзив меня. К такому оружию трудно было приноровиться.

А вот брат мой был хорош! Уран, видимо, запустил ту самую реакцию, которая движет турбины электростанций, потому что Вовка стал в два раза быстрее, чем обычно, и агрессивнее. Я видел, что ангел от наступления перешёл к обороне и сдал позиции. Это вдохновило и меня, и я, размахивая своим мечом, бросился на небесного воина. С двумя ему пришлось несладко, хоть и было видно, что парень он не робкого десятка. Он пускал в ход все подручные средства: нагонял страх, вызывал какие-то колебания, от которых шумело в голове, пытался снова отрезать нас с Вовкой друг от друга, но его завеса превращалась в дым, едва только касалась одного из наших мечей. Я бился, не спуская глаз с оружия противника, и старался не смотреть ему в лицо: оно вызывало неприятные ассоциации. Плотно сжатые губы и совсем неподвижные мышцы делали ангела похожим на ожившую скульптуру. Только глаза его – большие, чуть на выкате, как у Петра Первого, – бешено вращались, отслеживая наши с Вовкой перемещения.

В какой-то момент ангел выбил у меня из рук меч и попытался насадить на свой, и мне пришлось упасть на землю и откатиться в сторону, чтобы противник не достал меня. Дотянувшись до меча, я рубанул противника по коленному сухожилию. Не думаю, что я нанёс ему сильные повреждения,

скорее всего, он припал на колено от силы моего удара. В эту секунду Вовка и пронзил его грудь своим мечом. Я увидел, как клинок вышел между лопаток противника, но тот не закричал от боли, не застонал и не сделал ничего, что обычно делают в кино поверженные бойцы. Он молчал, глядя на Вовку своими безумными глазами.

– Тебе меня не убить, – произнёс ангел, и голос у него оказался жуткий, словно скрип железа, помноженный на рык зверя.

– Я и не собирался, – тяжело выдохнул Вовка.

Кисти противника развернулись – и оба клинка мгновенно удлинились, чтобы сойтись в одной смертоносной точке. Поскольку меч Вовки был воткнут в тело, то отразить атаку врага он не смог бы, но уран придал его мышцам необычайную гибкость и силу. Брат откинулся назад, оказавшись чуть ли не параллельно земле, а ангельские мечи скользнули вдоль его груди, лишь слегка порезав одежду. Я тут же отсёк ангелу обе руки. Они упали, звякнув оружием. Увидев это, Вовка усмехнулся, а я вперился в ангела, ожидая увидеть фонтаны крови, хлещущие из артерий. Но ничего такого не случилось. Тело ангела было как будто заморожено.

– Вам предложат хорошие условия, – словно продолжая прерванный разговор, заговорил он. – Ты будешь руководить…

– Я не хочу руководить, – усмехнулся брат.

– Мы позаботимся о твоих братьях. Мы своих никогда не бросаем…

– Вот своих и не бросайте. А мы – не ваши и никому служить не собираемся.

– Я дам вам подумать. Километров пятьдесят…

– Моё решение не изменится ни через пятьдесят, ни через сто пятьдесят километров, – Вовка эффектным жестом вынул меч из ангела и одним замахом отрубил ему голову. Я слышал, как под лезвием хрустнул позвоночник, а после этого голова противника скатилась по его спине на землю, подпрыгнула там с глухим звуком и осталась лежать правым ухом кверху. Вслед за ней медленно, словно раздумывая, стоит ли это делать, повалилось тело.

– Он умер? – тихо спросил я. От напряжённой битвы у меня пересохло в горле, и голос звучал сипло.

– Его нельзя убить. Лиги – это сгусток энергии внутри какого-нибудь тела, – Вовка носком ботинка ткнул лежащую под ногами руку, всё ещё сжимающую меч. – Тела, в которые помещают ангелов, лишены крови, внутренних органов и всего прочего, что может заблокировать военные функции. Зато они напичканы спецэффектами вроде дымовой завесы, левитации, стены огня и силовых полей.

– Значит, душа… в смысле энергия этого ангела отправилась к своим в штаб сообщить, что ей надо новую амуницию? – я поднял ангельский меч, который выпал из другой руки. Он оказался практически невесомым. Немудрено, что этот парень размахивал им, как пропеллер.

– Их души не могут перемещаться в нашем мире без оболочки: он слишком груб для их тонкой материи, – Вовка неспеша двинулся к дороге. – Но если ты лишил тело лиги возможности перемещаться, его душа может перебраться в другое. Например, в то, которое к нему прикоснётся. Поэтому мёртвых лиг лучше не трогать.

– А с этим что будет? – я брезгливо отбросил ангельский меч и зашагал вслед за братом.

– За ним скоро придут, душу поместят в контейнер, доставят на базу, как ты выражаешься, и там пересадят в новое тело.

– И он кинется за нами в погоню.

– Да, он же обещал.

– Значит, нам надо торопиться!

– Именно, – Вовка так устал, что еле ворочал языком. А я напоминал любопытного Максика, который лезет с расспросами в самый неподходящий момент.

– Сильный, зверюга! – я бросил взгляд на то место, где лежали останки ангельского тела.

– Мелкая сошка, почти новобранец, – Вовка сунул меч в ножны, а ножны закинул на плечо, как дубинку. – С этим бы я и один справился, но всё равно спасибо. Ты мне очень помог. Думаю, теперь они пошлют в погоню кого-нибудь посерьёзнее. Не дай бог – архангела!

– Забавно прозвучало, – хихикнул я и толкнул брата локтем. И тут же ощутил, какой он горячий, буквально раскалённый. – Вов, тебе плохо?

– Мне жарко…

– Давай я сяду за руль!

– Нет. Ты присмотришь за Максиком.

– Ты можешь отрубиться, как Беша, – забеспокоился я. – Если это произойдёт на большой скорости, мы разобьёмся в лепёшку!

– Со мной этого не случится, – брат ускорил ход.

Я понял, что с ним бесполезно спорить. Я только надеялся, что у него есть план, как избежать встречи с архангелом.

Переправа

Мы мчались по шоссе, рискуя привлечь внимание полиции. Если бы я был лигой и мог переселяться из тела в тело, то я бы влез в каких-нибудь патрульных на трассе, чтобы остановить нас на законном основании, но боги, видимо, были заняты пересадкой души их расчленённого бойца в новую оболочку.

– Кто-нибудь расскажет мне, что происходит?! – возмущался на заднем сидении Максик. – Что это за хрен с горы?

Я рассказал ему то, что мне сообщил Вовка, отвечая попутно ещё на двести вопросов. Старший брат вцепился в руль и не отводил взгляда от дороги. На его щеках горел лихорадочный румянец и губы всё ещё подёргивались в судорогах, и я даже представить не мог, что творилось у него внутри.

– И как вы узнали, что этот ангел будет здесь? – недоумевал Максик.

– Предвидение, – коротко ответил Вовка.

Это было первое слово, которое он произнёс, с тех пор как сел в машину. Младший брат и тут обставил меня в плане логики. Я слишком разволновался из-за сообщения, что нас выследили лиги, и даже не спросил, почему мы остановились именно на тех полях. А Максика это интересовало. Возможно, если бы я не бился с ангелом, а наблюдал за всем из окна машины, у меня бы тоже было время многое обдумать.

– Это что-то типа вещего сна? Галлюцинации? – не унимался младший.

– Нет, просто я знал, что он нагоняет нас, – Вовка на пару секунд зажмурился и снова устремил взгляд вперёд. – Он мог бы догнать и застать врасплох. Поэтому я остановился, чтобы приготовиться. Ну, и здесь не пострадали бы люди.

– Ангел напал бы на нас в людном месте? – ужаснулся Максик. – Но тогда все бы увидели этого монстряку, а ты говорил, что лиги не хотят, чтобы мы знали…

– Ловцы бы всё подчистили.

– Кто?

– Ты задаёшь много вопросов! – вступился я за брата.

– Они устроили нам западню: граница перекрыта, – по лицу Вовки прошла тень отчаяния. – Единственное место, где мы могли бы выехать с их территории, недоступно.

– В каком смысле?

– Большая авария. Сейчас вся трасса встанет…

Впереди показался указатель на Гарван.

– Придётся сделать крюк… – сквозь зубы прошипел Вовка и на перекрёстке свернул направо.

– Но там нет дороги через Дунай! – я сверялся с картой. – Они загнали нас в угол!

– Прорвёмся! Выедем к морю, там арендуем катер.

– До моря далеко, они догонят нас!

– Значит, я их отвлеку, а ты увезёшь Максика. Пересечёшь границу, доберёшься до Горыныча – он поможет.

– Какого Горыныча? О чём ты? – Максик подался вперёд и вцепился в подголовник моего кресла. – Жень, что происходит?

– Игры кончились, парень, – серьёзно заговорил Вовка. – Если не хочешь, чтобы из тебя сделали машину для убийств, ты должен бежать с Женькой и слушаться его во всём!

– Я никуда не побегу! Я не хочу…

Слова Максика перебило радио. Вовка включил его кнопкой, которая, оказывается, была рядом с рычагом поворотника. Диктор говорил по-румынски, но даже нам, не владеющим этим языком, было понятно, что речь идет о большой автокатастрофе на трассе двадцать два Е недалеко от границы. Вовка выключил радио и беззвучно выругался.

– Как скоро они поймут, что мы поехали в объезд? – тихо поинтересовался я.

– Минут через тридцать, когда мы должны будем подъехать к переправе. Хорошо, если мы успеем за это время проскочить хотя бы Крапину.

Я не знал, что сказать. Я был профаном не только в слежке, но и в уходе от погони.

Мы миновали одну деревушку, другую, когда вдалеке замаячила третья, Вовка весь изменился в лице и прокричал так, будто командовал артиллерией во время боя:

– Пристегнулись оба! Быстро!

Я поспешно потянул за ремень безопасности, а Максик сделал попытку оглянуться и посмотреть в заднее стекло, но старший брат рявкнул ещё раз. Это подействовало моментально, и младший щёлкнул замком ремня.

Стрелка спидометра пересекла отметку в двести километров. У меня заколотилось сердце, потому что небольшая выбоина на полотне – и мы потеряем сцепление с дорогой, перевернёмся и… Возможно, Вовка и мыслит такими категориями, что лучше умереть, чем стать рабом, но я отчаянно хотел жить, потому что только-только обрёл семью, встретился с братьями. И даже надоедливый Максик был дорог моему сердцу.

Мы миновали озеро Крапина, и тут я ощутил, как воздух снова сгущается, а звуки доносятся, словно сквозь толщу воды. Не иначе как ангелы поняли, что мы нарушили их планы, и бросились в погоню.

– Что бы ни случилось – ремни не отстегивать! – кричал Вовка. – Меня не трогать. Держитесь за что-нибудь – будет сильно трясти.

– Что ты задумал? – я вглядывался в горящие безумием, как у того ангела, глаза брата.

– Попробуем оторваться…

Я глянул в боковое зеркало: на горизонте поднималась такая же невидимая волна, как та, которую мечом разбил Вовка на поле.

Мы не въехали даже – влетели в населённый пункт Исакча. Брат, конечно, сбросил скорость, и это значительно сократило расстояние между нами и нашими преследователями. Теперь даже Максик увидел погоню в зеркале заднего вида. Стена сжалась и приняла обтекаемую форму, напоминающую змею, что позволило преследователям увеличить скорость и лавировать на поворотах. Когда мы выехали с главной улицы за пределы посёлка, слева открылся шикарный вид на Дунай. И в другой раз я бы попросил брата остановиться, чтобы полюбоваться этой синей гладью, но сейчас красота предстала пред нами в неподходящий момент. Вовка крутанул руль влево, и мы стремительно пролетели сначала какую-то парковку, потом строительную площадку, а потом и площадку разгрузочно-погрузочную, которая была, как автодром, уставлена препятствиями: горами песка, железными бочками и контейнерами, платформами подъёмных кранов. После этой площадки дорога пошла вдоль Дуная, и Вовка всматривался в противоположный берег.

– Вовка!!! Они близко! – истошно заорал Максик, и я в боковое зеркало увидел, как эта прозрачная змея распахнула пасть в нескольких метрах от нашего джипа, готовясь поглотить нас.

– Держитесь! – гаркнул Вовка и резко свернул на колею, ведущую к воде.

– Ты с ума сошёл! Вовка-а! – голос Максика сорвался на визг.

У меня тоже похолодела спина, потому что брат втопил педаль газа, вцепился в руль, сжал зубы и зажмурился. Дорога пошла под уклон, и мы летели в воду внутри железной банки на колёсах. Я видел, как угрожающе быстро приближается синева, но крик застыл у меня в лёгких. Я по примеру старшего брата зажмурился, чтобы не видеть, как стихия положит конец нашим жизням. От ужаса я даже оглох – мне показалось, что от столкновения с водой у меня лопнули барабанные перепонки. Я ощутил, как джип встретился с толщей воды и напряжённо входит в неё, словно силясь прорвать. Мотор заглох на пару секунд, а в следующие взревел так, что внутри меня всё содрогнулось. От второго удара я открыл глаза, полагая, что этот толчок – результат удара о дно. Но к моему удивлению, в окно всё так же светило солнце, колёса джипа крутились, касаясь земли, но реки впереди не было. Мы по инерции стремительно промчались метров двадцать, въехали в кусты и резко остановились. Только сейчас внутреннее напряжение чуть спало, и я смог вдохнуть – резко и сильно, словно вынырнул с большой глубины. В следующую секунду меня бросило в жар, и потребовалось сделать пять или шесть вдохов-выдохов, чтобы немного прийти в себя.

– Что… это было? – проблеял с заднего сиденья Максик, который был напуган, наверное, ещё сильнее моего.

Я повернулся к Вовке и замер: брат неподвижно лежал, ткнувшись лбом в рулевое колесо. Я тронул его за плечо, но он не отреагировал на это.

– Вов? – позвал я, отстегнул свой ремень и откинул брата на спинку сиденья. Из разбитого лба его текла кровь, заливая лицо, из носа тоже вытекала красная струйка. Вовка был бледен и пугающе неподвижен.

– Что, блин, это такое?! Как мы здесь оказались?! – бесился Максик, а у меня сердце ушло в пятки, когда я дотронулся до сонной артерии на шее старшего брата. Она не билась.

– Во-ва! – заорал я, срывая голос, схватил брата за ворот куртки и встряхнул. – Во-ва! Вовка!

Его голова безвольно упала на грудь, изо рта полилась тягучая струйка тёмной крови.

– Нет… нет! – я уже не мог сдерживаться, у меня из глаз хлынули слёзы. Я встал на колени на своё сиденье, тряс брата, звал его. Разум отказывался верить в происходящее, и страх пожирал меня с каждой секундой.

– Он что… он умер? Жень, скажи, он умер? – словно через какую-то пелену доносился до меня голос Максика.

Я не мог говорить: меня душило отчаяние и чувство несправедливости. Что-то в этом мире пошло наперекосяк, и мы попали под раздачу, а Вовка… Он, как и обещал маме, защитил нас. Я обнял брата, прижался лбом к его лбу и закрыл глаза. Если бы можно было вернуть время назад, хоть на десять минут – до того, как мы ворвались в эту грёбаную Исакчу, то я… Не знаю, что смог бы сделать я. Выскочить из машины и броситься в пасть прозрачному чудовищу? Уговорить брата пустить меня за руль? Я понимал, что я ничего не смог бы изменить. И даже то, что мы каким-то чудесным образом перенеслись с одного берега Дуная на другой, не волновало меня так сильно, как смерть брата. Я почувствовал на плече руку Максика. Второй он обнял Вовку, прижавшись щекой к его затылку. Мы оба беззвучно плакали.

Сколько мы так просидели – трудно сказать. Когда я вспоминаю этот момент, то иногда мне кажется, что всего минуту, а иногда – что целый час. Но в ту секунду, когда я решил взять себя в руки и что-то предпринять, Вовка вздрогнул и судорожно вздохнул. Мы с Максиком резко отпрянули, вытаращившись на брата. Его глаза распахнулись, он хватал ртом воздух, потом резко подался вперёд, оперся локтем о руль и закашлялся. Мы с младшим братом переглянулись.

– Чёрт! Голова… – прокашлявшись, выругался Вовка и дотронулся рукой до лба, но тут же отнял руку, почувствовав, что испачкался кровью. – Вот дерьмо!

Он обвёл взглядом салон, наткнулся на моё лицо и слабо улыбнулся:

– Жень, дай вытереть чем-нибудь.

– Ты жив! Блинский конь! Напугал нас до смерти! – возрадовался Максик и сделал попытку обнять Вовку, но тот оттолкнул его руку:

– Погоди! Испачкаешься! Чёрт…

Я достал из-под сидения аптечку, смочил вату антисептиком и принялся смывать кровь с лица брата.

– Что это было? – принялся за свой допрос Максик, словно не он минуту назад рыдал над утратой. – Мы перенеслись на другой берег! Как ты это сделал? Ты научишь меня?

– На какой вопрос отвечать? – устало поинтересовался Вовка.

– На все! – радости младшего не была предела.

– Телепортация. Я никогда раньше не делал этого в машине с двумя пассажирами, поэтому извиняюсь за… временную отключку.

– А если бы не получилось, то мы бы утонули?

– Канули бы в Дунай, – пошутил Вовка и отстранил мою руку. – Дай, я сам. Ты лучше садись за руль.

– Мы сейчас находимся на Украине? – я вышел из машины и ждал, когда брат освободит мне место, а он стирал ватой кровь с руля.

– Да.

– Хороший способ переходить границу.

– Только опасный.

– Как и любой другой нелегальный, – я выпустил Вовку и сел за руль. – Пристегиваться не обязательно, я аккуратный водитель.

Два воина и два колдуна

Остальной отрезок пути мы проехали довольно спокойно. Один раз только у Максика был приступ головной боли, да такой сильной, что он потерял сознание и забился в судорогах. Я остановился на обочине, а Вовка уложил бесчувственного и содрогающегося Максика на сиденье, положил ладони ему на виски и вызвал свой внутренний свет. Я с любопытством наблюдал за процессом, потому что мне было интересно, каким способом пару месяцев назад брат остановил мой приступ. К моему удивлению, у Максика тоже начал разгораться внутренний свет, но не как обычно, а словно в обратном порядке. Сначала озарилось лицо, потом розовое свечение потекло по шее, заполонило грудную клетку, после чего у парня прекратились судороги. Ещё через несколько секунд он застонал и пришёл в себя.

– Давно это с тобой? – серьёзно спросил Вовка, усаживая Максика.

– Давно – что? – тот непонимающе переводил взгляд с меня на старшего брата.

– Головные боли.

– С детства. С того момента, когда мама сказала, что Женька умер, – Максик виновато опустил глаза. – Поначалу меня водили по врачам, но ничего не нашли. Сказали, что это из-за интенсивного роста. Выписали какие-то витамины. С тех пор я скрывал от родителей, что у меня это не прошло.

– И с годами только усиливалось? – наседал Вовка.

– Послушай, я не больной. Я могу это терпеть и не буду жаловаться, – разозлился Максик. – Если ты боишься, что мои боли помешают путешествию…

– Как раз наоборот! – оживился Вовка и потрепал брата по голове. – Мы тебя от них избавим раз и навсегда.

– Как?

– Выпустим твою сущность на свободу, – Вовка сел за руль, вынуждая меня занять пассажирское сидение. – Я думаю, известие о нашей с Женькой смерти негативно повлияло на тебя. Многоголовые драконы с утратой братьев или сестёр теряют и часть силы. Видимо, для твоей сущности это стало сигналом мобилизации, и она начала просыпаться раньше времени. Отсюда и все твои недомогания. И твои рисунки.

– Это просто фантазии! Я рисовал то, что мне хотелось видеть.

– Всё правильно, – Вовка выехал на дорогу. – Ты думал, что братья мертвы, и не хотел оставаться один, поэтому окружал себя сородичами.

Мне стало жалко Максика. Я вспомнил, что почти все его драконы были воинственными: они сражались, они готовились к броску, даже в статичном состоянии они выглядели довольно грозно. Видимо, он чувствовал себя очень беззащитным в этом мире, и потому окружал себя агрессивными соплеменниками. Произошло бы это, если б тётя Оля не наврала приёмному сыну относительно нас с Вовкой?

Сутки мы ехали практически без больших остановок. Пообедали и поужинали в Украине, а завтракали уже в России. Я так привык спать под мерный шум мотора, ощущая покачивание кузова джипа на дорожных неровностях, что уже с трудом представлял, как можно находиться в кровати, которая стоит на неподвижном полу. Максику тоже нравилось ощущение движения. Если в начале пути ему было неуютно и скучно и он одолевал нас расспросами, то теперь молчал, глядя в окно. Может быть, вспоминал ту жизнь, с которой так внезапно простился, поддавшись эмоциям. Может, жалел об этом, а может, и нет. За те дни, что мы провели в дороге, он пережил столько приключений, что это, наверняка, никак не укладывалось у него в голове. Что ж, я сам через это прошёл, поэтому не мешал брату рефлексировать.

Первая большая остановка у нас была в Обнинске – чтобы отдать Коту ядерное топливо, чтобы осмотреть раны Максика и починить «Черик»: после транспространственного скачка через Дунай у него забарахлила коробка передач и просела задняя подвеска. Я с любопытством наблюдал за Максиком: как он отреагирует на близнецов. Наверное, у меня было такое же лицо, когда я увидел сначала Бешу, а потом его точную копию, подпорченную боном.

– А третий будет? – бодро поинтересовался Максик, когда к нам вышел Кот. Беша расхохотался, его брат смущённо улыбнулся.

– Я предупреждал, что он сама непосредственность, – извинился за Максика Вовка.

– Надо осмотреть его ногу, – сказал я, обращаясь к Коту. – Я накладывал швы первый раз в жизни и в условиях, далёких от стерильности, поэтому…

– Женька прекрасно справился, – перебил меня Вовка. – Я таких ровных швов ещё не видел!

Чтобы не показывать своё смущение, я повёл Максика в лабораторию Кота, а Вовка с Бешей в это время отправились осматривать джип. Когда с брата были сняты бинты и стерильные клейкие повязки, Кот перевёл на меня вопросительный взгляд:

– Когда ты швы наложил?

– Три дня назад.

– Жень, их надо срочно снимать! Видишь, у него уже края раны стали невыраженными, – Кот достал пинцет и обильно протёр его спиртом. – Либо у Макса сказочная регенерация тканей, либо её кто-то таковой сделал.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился я.

– Твои руки. Ты ведь шил, значит, прикасался к ранам. Потрясающий феномен! Не все драконы могут лечить прикосновениями.

Я вспомнил, как просидел полдня, держа руку на больной ноге брата.

– Если это и так, то у меня получилось случайно.

– Представляю, что ты сможешь сделать, когда разовьёшь свой дар! – Кот аккуратно изъял нитки и достал пачку самоклеящихся повязок. – Бинтовать больше не надо. Будешь держать руку на ране брата хотя бы по полчаса в день – он через неделю сможет бегать.

– Я и без него смогу! – фыркнул Максик.

После обеда, который приготовил я, наш младший уснул как убитый. Вовка уединился с Котом в лаборатории. Того очень заинтересовал факт применения внутрь обогащённого урана и его последствия. Я тоже хотел узнать, что испытал Вовка в тот момент, но Беша позвал меня помочь ему. На заднем дворе стояла небольшая постройка, похожая на веранду, заставленную всякими садово-бытовыми приспособлениями. Здесь можно было увидеть и мангал, и газонокосилку, и тачку, в которой лежали разнокалиберные вёдра, и цепную пилу, и даже миниатюрную бетономешалку. Пожалуй, это было единственное место в жилище братьев, где царил хаос. Как я потом понял – не напрасно. Беша открыл дверцу старого холодильника, и я увидел, что это вовсе не

холодильник, а замаскированный вход в подземелье. Хлам, расположенный вокруг, скрывал тайник от глаз соседей, если бы те вздумали следить за братьями.

Мы спустились по узкой винтовой лестнице вниз на несколько метров и оказались в большом и хорошо освещённом арсенале. До сего момента мне казалось, что у нас с Вовкой в джипе целый склад, но после увиденного я готов был признать превосходство близнецов над нами.

– Ты всем этим владеешь? – восхитился я, идя вдоль трёхметрового стенда, увешанного мечами, кинжалами, ножами, топориками разных мастей и размеров.

– Да, – не без гордости ответил Беша. – Когда Кот… В общем, до его ранения мы любили поохотиться на крупную дичь – на богемов, химер, вампиров… Весёлое было время.

Мне стало неудобно, что я вывел Бешу на эту тему.

– Надо переставить все эти ящики в тот угол, – заговорил он, чтобы сгладить неловкость. – Кот заказал какое-то оборудование, его придётся установить в лаборатории, а сюда перенести всё барахло оттуда.

Мы стали таскать ящики. Каждый из них весил килограммов по пятьдесят.

– Что в них? – спросил я, когда мы поставили один на другой три ящика.

– Патроны, – Беша вытер пот. – Есть у меня знакомый оружейник, который на заказ делает пули с магическими символами. Такой пулей можно завалить кого угодно, даже бона.

– А ангела? – не удержался я.

Беша потёр подбородок и согласно кивнул:

– Наверное, и ангела можно.

– Дорого они стоят?

– А сколько тебе надо?

– Хотя бы обойму…

– Обойму я тебе так отдам, – отмахнулся Беша и направился к следующему ящику, задвинутому под стеллаж, на котором лежали два футляра для оптических винтовок. – Тяни давай!

Мы взялись за ручку ящика и вытащили его на свободное пространство. Он оказался раза в два тяжелее его предшественников, хоть и меньше по размерам. Я предположил, что такой громоздкий сундук надо было расположить в самом низу стопки, но Беша весьма недовольно зыркнул на меня, и я умолк. После того как мы водрузили тяжёлый ящик поверх остальных, близнец ушёл в конец стеллажа и оттуда крикнул:

– Калибр какой?

Я растерялся, несколько секунд не мог сообразить, о чём он спрашивает. Потом до меня дошло, и я, запинаясь, ответил:

– Сорок пятый. Под кольт. У меня «Анконда»…

– Видел, да, – пробурчал Беша, достал из коробки горсть патронов и вернулся ко мне:

– Извини, что россыпью. Наверху поищем какую-нибудь коробку...

– Да не стоит. Я даже не знаю, как тебя отблагодарить…

– А это Максу, – Беша снял со стенда узкий самурайский меч, вынул его из ножен и описал им в воздухе невообразимую фигуру. – Он ведь тоже воин.

– Да, но лучше ты сам подари ему.

– Хорошо. А вы не затягивайте с ритуалом. Парень держится из последних сил.

– Для ритуала нужен чистокровный дракон…

– А куда делась Шу?

– Она сказала, что не будет больше нам помогать, – вздохнул я.

– Вовка хорошо попросит, и она согласится.

– Сомневаюсь. Она королева, а он беглый дракоид, – я ссыпал патроны в карман. – Ума не приложу, как они познакомились.

– Так ты не знаешь? – удивился Беша. – Это была эпичная история!

– Расскажи! – оживился я.

Близнец усмехнулся и выдержал паузу, но я чувствовал, что его самого распирает от желания поделиться с кем-то этой довольно интимной историей. Он присел на край пирамиды из ящиков, которую мы только что соорудили, хлопнул себя по бёдрам и загадочно произнёс:

– Как и все мегалав-стори, эта началась с банальщины. Горыныч попросил королеву помочь ему провести ритуал, а для этого нужен чистокровный дракон, который будет проводником. Горыныч же полукровка, поэтому он всегда подыскивал драконов, которые не прочь заработать и помочь детям своих беглых соплеменников разбудить сущность. Не знаю, что его заставило в этот раз обратиться к королеве. Может, больше не нашлось желающих, а может, старый сводник сразу заподозрил, что они могут быть парой. В общем, Шу взялась быть проводником в ритуале, то есть передать разбуженному все свои знания. Думаю, это аналог христианского обряда крещения, когда крёстный берет на себя ответственность за крестника перед богом.

– И Шу тоже взяла эту ответственность? Над Вовкой и мной? – осторожно, чтобы мои слова не прозвучали хвастливо, уточнил я.

– Конечно, нет! Это я для примера, – отмахнулся Беша. – Просто между ними, между твоим братом и королевой, установилась связь. У нас, драконов, ведь как: мы сразу чувствуем, кто наша любовь до гроба. Никаких разбитых сердец, всё взаимно.

– Да уж, лав-стори! – усмехнулся я.

– Погоди, это только начало. Увидела королева своего суженого, а суженый-то – незаконнорождённый. Да к тому же в бегах. Думаю, Спец тоже решил, что с суконным рылом в калашный ряд соваться не стоит. В общем, не кондиция. Но судьба есть судьба, понимаешь. Пошёл как-то Спец охотиться на валькирий. Мы тогда с ним только-только познакомились, и он ещё опасался соплеменников. Даже таких беглых, как мы. Не доверял, боялся, что мы сдадим его. В общем, держался особняком. Но при этом не брезговал советами. И вот я ему по секрету открыл место, где эти твари гнездуют. Мы с Котом сами охотились неподалёку, поэтому, если что-то пошло бы не так, успели бы на помощь. Спецу, конечно, об этом не сказали, чтобы он не передумал. И вот поохотились мы, Кот предложил заночевать в лесу, чтобы Спеца одного не оставлять. Я согласился. Ближе к полуночи вдруг слышу – зов. Раненый дракон всегда зовёт на помощь. Не голосом зовёт, вернее, не человеческим голосом. Это такой… словно ультразвук. Он на много километров распространяется. Это трудно объяснить, думаю, ты сам услышишь это когда-нибудь. Мы с Котом бросились на помощь. Б*о*льшую часть пути преодолели телепортом, а потом уже по лесу бежали, потому что сила зова затихала. В общем, когда мы на месте оказались, то поняли, почему зов утих: раненого Спеца подобрала королева и уже в свою машину усадила. Ну, мы мешать не стали, раз такое дело. Уж не знаю, что у них там произошло дальше, но только с тех пор Шу питает к Спецназу непреодолимую нежность. Она даже предлагала ему руку и сердце.

– Она? Женщина делала парню предложение?! – ужаснулся я, потому что это известие нанесло урон имиджу королевы в моих глазах.

– У драконов так принято, – холодно прервал меня Беша. – Король или королева выбирает себе спутника жизни и делает ей или ему предложение.

Я облегчённо вздохнул: репутация Шу была восстановлена.

– И что же Вовка? Отказался? – заключил я.

Беша ответил не сразу. Сначала он поковырял пальцем край ящика, на котором сидел, потом шмыгнул носом и с неохотой выдал:

– Всё очень сложно, старик. Понимаешь, Спецу нельзя любить королеву так, как он мог бы любить её, будучи законным драконом.

– Что ты имеешь в виду?

– Законным драконам запрещено общаться с беглыми – это приравнивается к измене. Но боги понимают, что уследить за всеми связями всех драконов им не по силам, поэтому они обращают внимание лишь на случаи вопиющей наглости. Если королева назовёт королём незаконнорождённого дракоида…

– Это будет вопиющей наглостью, – с грустью закончил я мысль близнеца. – Но зачем же она тогда делала ему предложение?

– Пойди пойми этих женщин! Может, у неё был план, как обойти законы? – Беша выразительно пожал плечами. – Я знаю только, что эти двое не показывают окружающим свои чувства и сохраняют сугубо деловые отношения.

Я покачал головой. Любовная история брата порадовала меня и одновременно расстроила.

– Но ты не переживай, – Беша слез с ящиков и зачем-то отряхнул колени. – Приедет твой брат к Шу с золотой побрякушкой, и она согласится обратить Макса в дракона. И при этом будет делать вид, что ей всё это ужасно не по душе. Это такая игра, понимаешь?

Я кивнул.

После ужина Беша торжественно вручил Максику меч. Я думал, что первое персональное оружие обрадует брата, но он отнёсся к подарку, как к чему-то само собой разумеющемуся. Вынул меч из ножен, подкинул на руке и сделал несколько пасов.

– Не так держишь! – Беша не мог стоять в стороне. – Локоть расслабь. И замах немного снизу нужно делать – так тяжелее отразить удар.

Максик, не будь дураком, тут же испробовал эту методику, отчего Беше пришлось отпрянуть.

– Осторожнее! – строго произнёс я, но младший не обратил на меня внимания.

– Защищайся! – он сделал новый выпад в сторону Беши, и тому пришлось схватить со стола крышку от кастрюли, чтобы отразить удар.

Вовка засмеялся, подначивая младшего, Кот болел за брата. Всем, кроме меня, нравилось это спонтанное сражение, в котором Максик пытался достать противника (между прочим, боевым мечом!), а тот, ловко обороняясь крышкой, очень быстро перешёл от защиты к нападению и через пару минут выбил оружие из рук моего брата.

– Ничего, Максик, мы ему ещё покажем! – Вовка обнял его за плечи. – Шу сделает тебя драконом, мы вернёмся и накостыляем этому красавчику.

– Красавчик прямо обделался от страха! – фыркнул Беша.

Я чувствовал, что ему нравится Максик, поэтому я не стал делать младшему брату замечание. Если бы Беше пришлось не по душе его поведение, он бы сам осадил наглеца. Но, видимо, два воина, как и два колдуна, нашли друг друга. И мне было немного неудобно перед Вовкой, которому пары не досталось.

Слово королевы

Москва привела Максика в восторг, словно он после долгих скитаний попал в родную стихию. И в гостинице «Милан», где мы остановились, как и в прошлый раз, младший вёл себя так, будто бывал в таких местах каждый день. Он держался раскованно и свободно, мне даже казалось, что слишком раскованно. Пока Вовка оформлял заселение, Максик запустил руку в вазу с конфетами и выудил оттуда целую горсть, потом пристал к какому-то японцу, чтобы тот научил его ругаться «как настоящий самурай». Слава богу, к тому моменту, пока испуганный гражданин Японии вежливо пытался объяснить Максику, что ругаться неприлично, Вовка завершил все дела, схватил младшего за шкирку и потащил к лифтам. Большой город странно действовал на Максика: из него пёрла подростковая наглость и бесстрашие, он совсем не слушался меня, да и Вовку только после подзатыльника. Старший брат говорил: это от того, что сущность Максика улавливает присутствие других драконов, коих в Москве было несколько сотен тысяч, и младший не в состоянии справиться с ней. Вовка звонил Шу, но она просила подождать несколько дней. А у нас их не было. С каждым часом Максик становился всё более неуправляемым. Он закатывал скандалы, что мы не выпускаем его из номера, требовал развлечений, дрался, курил в номере. Это были самые долгие и непростые три дня в моей жизни. Перед ритуалом нам с Вовкой следовало подкрепиться, и мы охотились по очереди. Потом Шу сообщила нам, что готова провести ритуал.

Перед нами с Вовкой встала непростая задача: затащить на него Максика, потому что к этому времени младший стал совершенно диким. Пришлось даже спрятать подаренный Бешей меч, чтобы не началась серьёзная потасовка. Конечно, мы с Вовкой без труда бы связали буйного брата, но как вывести его в таком виде через холл отеля к парковке? Старший брат придумал план, от гениальности и простоты которого у меня захватило дух. В тот вечер, когда должен был пройти ритуал, Максик по обычаю закатил истерику по поводу своего домашнего ареста.

– Как тебя в город выпустить, ты даже дома не можешь себя адекватно вести! – гаркнул Вовка.

– Потому что ты не даёшь мне шанса вести себя адекватно! – взвился младший. – Сижу тут, как заложник, шагу не шагнуть без твоего разрешения.

– Ладно, посмотрим, – Вовка шумно выдохнул. – Одевайся, поедем на дискотеку.

От услышанного младший брат даже опешил. Да и я тоже на несколько секунд впал в ступор.

– Посмотрим, как ты будешь вести себя на людях. Ты уже выбрал ночной клуб?

– Я? Нет… Я не думал… Ты правда отвезёшь меня в клуб?

– Сказал же: одевайся! Быстрее, пока не передумал!

Максик радостно бросился к своей сумке. Даже хромать перестал. Напялил новые джинсы (мы пару дней назад свозили его за покупками, чтобы обновка немного успокоила его внутренний пожар) и какую-то странного цвета и пятьдесят второго размера футболку, нацепил бандану, увешался фенечками. Что порадовало – надел и кулон, который ему приглянулся в том самом магазине, где я когда-то выбрал себе кольцо.

– Мы втроём поедем в клуб? – насупился Максик, заметив, что я тоже одеваюсь.

– Нет, закинем тебя, а сами прошвырнёмся по Москве, – успокоил его Вовка. – Снимем шлюх, в конце концов.

Максик хотел было возмутиться, что он тоже хочет шлюх, но вовремя осёкся. Так он, ничего не подозревающий, уселся с нами в джип, и мы помчались по вечерней Москве. Вовка намеренно провёз нас чуть не по всем центральным улицам столицы. Суть его манёвра я осознал позже: он хотел воодушевить мелкого и тем самым усыпить его бдительность.

Москва готовилась к ночной жизни, как девушка готовится к свиданию. Она спешно убирала с улиц москвичей с детьми, семейные пары, старушек и старичков, одиноких и усталых людей. Она вытесняла их молодёжью, затушёвывала дорогими автомобилями и шумными компаниями. Как девочка-подросток, пытающаяся замазать прыщи тональным кремом, Москва замазывала надвигающимися сумерками уродливые стройки и заборы, ограждающие бесконечно ремонтируемые дороги, она накладывала поверх яркие неоновые огни, подсвечивала здания, как модница выделяет тенями веки, а вместо украшений надевала гирлянды освещённых проспектов. Конечно, пока всё это было не так заметно, но я знал, что через час стемнеет – и вот тогда первая красавица страны окунётся в ночную жизнь с головой.

Максика это будоражило. Он был одной крови с этими шумными, яркими, активными компаниями, которые пестрели то тут, то там, сливались воедино и распадались на группы. Правда, когда за окном старые здания центра сменились однотипными высотками окраин, младший забеспокоился.

– Заскочим кое-куда, надо заплатить за одну вещицу, – небрежно ответил Вовка. – Не волнуйся ты, Москва никогда не спит!

Максик притих, но после того, как мы миновали МКАД, снова начал возмущаться:

– Завезли бы сначала меня, а потом ехали бы по делам.

– Там ребёнок маленький, они скоро спать лягут, – пояснил Вовка.

Мы свернули в сторону посёлка с безликим названием Михайловка и, когда отъехали на приличное расстояние от трассы, Вовка остановился.

– Максик, выйди! Поменяйтесь с Женькой местами, – бросил он.

Я понял, что это знак. Вышел из машины, потянулся, но когда брат приблизился к дверце, я схватил его за руку и завернул её за спину, а левой рукой я обхватил Максика за шею, лишая его возможности двигаться. Но парень оказался не промах. Он, используя меня как опору, оттолкнулся

ногами от машины, и мы оба повалились на землю. Я больно ударился спиной не то о камень, не то о корягу, но хватку не ослабил. Через пару секунд рядом оказался Вовка с верёвкой, которой он связал сначала ноги младшего, а потом и руки за спиной. Рот ему мы заклеили скотчем и уложили на заднее сиденье. Старший брат сел за руль и довольно улыбнулся:

– Не расстраивайся, Максик! Сегодня будет намного веселее, чем на дискотеке.

Шу, как всегда, прикатила на своём спортивном авто, на котором непостижимым образом опять забралась в самую чащу. Я хотел у неё спросить, как ей это удаётся, но увидел, что она была напряжена и взволнована, как будто куда-то торопилась.

– Быстрее! – она не дождалась, пока мы вынем из машины Максика, ринулась через заросли. Я поспешил за ней. Вовка взвалил связанного брата на плечо и тоже не отставал.

Круг, как всегда, был уже готов. Мы с Шу начали зажигать светильники. Вовка в это время развязал Максику ноги и помог принять вертикальное положение.

– Если будешь орать, я снова тебе заклею рот, ты понял меня? – он поднял голову брата за подбородок. – Мы находимся в двадцати километрах от трассы, так что шансов, что тебя кто-то услышит, очень мало. А шансов, что ты получишь от меня по шее, хоть отбавляй. Усёк?

С этими словами он снял с Максика скотч.

– Что вы собираетесь делать? – младший был не на шутку напуган.

– Он что, не знает про ритуал? – Шу строго посмотрела на Вовку.

– Я объяснял, но он не слушал, – тот пожал плечами.

– Ты не бойся, ничего страшного, – я старался успокоить Максика, поглаживая его по плечу. – Я тоже через это прошёл и, как видишь, живой. А ритуал – это чтобы разбудить твоего внутреннего дракона.

– Вы не будете меня резать? – дрожащим голосом поинтересовался Максик.

Я вспомнил, как Шу рисовала моей кровью на моей груди странные узоры.

– Немного, чисто символически.

К нам подошёл Вовка и ножом разрезал футболку на груди младшего.

– Ты чего?! Это моя любимая майка! – взорвался Максик.

– Мне достать скотч? – сурово спросил Вовка, и младший притих.

Его ввели в круг, по-прежнему не развязывая руки.

– Останься здесь: тебе сюда нельзя, – Шу остановила меня жестом. – Лучше смотри, чтобы твой брат за пределы круга не выскочил.

Я остался наблюдать за приготовлениями со стороны. Мне было очень любопытно увидеть то, что я пережил сам. Максик, конечно, не мог не сопротивляться. Он ругался, вырывался из рук Шу, которая рисовала на нём знаки, пытался выпутать руки из верёвки. Вовка положил этому конец довольно сильной затрещиной, после которой младший обиженно насупился. На колени его тоже поставили с трудом. Вовке даже пришлось встать над ним, надавливая на шею, чтобы Максик не поднимался. Меня забавлял этот спектакль: я-то знал, что у Шу хватит сил удержать «Камаз» – не то что гонористого подростка.

– С этого момента не произноси ни слова, – ледяным тоном сказала она.

– А то что? – огрызнулся Максик.

Вовка молча достал моток скотча и оторвал от него полоску. И как ни крутил головой младший брат, эта полоска очень скоро заклеила его рот. Шу опустилась на колени рядом с Максиком, положила руку ему на плечо и начала напевать ту самую песню. Я вдруг внезапно вспомнил, что именно её и мурлыкал себе под нос татуировщик. Неужели одесская группа «Внутри сердца» – драконы? Размышления об этом так увлекли меня, что на какое-то время я выпал из происходящего и пришёл в себя, только когда Шу вскрикнула и замерла, перед тем как войти в транс. Я забеспокоился, как Максик будет контактировать с огнём в чане, ведь руки у него связаны за спиной, но как только пламя вспыхнуло и забилось, Вовка почерпнул его, как воду, и приложил к груди Максика. Тот замычал, задёргался, но старший брат крепко держал его за шею, не позволяя

подняться. Когда боль от ожога прошла, Вовка содрал с Максика скотч, и изо рта младшего повалил дым, как будто он только что сделал сильную затяжку сигаретой. У меня такого не было, поэтому я с интересом наблюдал за происходящим. Впрочем, дальше всё пошло по известному сценарию. Максика начало рвать искрами. Было такое ощущение, что у него во рту обойма петард, которые взрываются по очереди. Вдруг вместо искр из Максика вырвался язычок пламени, и я заметил, как Вовка намотал на ладонь конец верёвки, которой были связаны руки младшего. Огонь, вырывающийся из его рта, становился всё ярче, всполохи всё сильнее, и я невольно напрягся. Брат вскочил на ноги и издал рычание, которому позавидовали бы львы в саване. Я знал, что его мучил каскад образов и ощущений, но понимал, что никто ему ничем не поможет. Максик бросился вон из круга, но верёвка не позволила ему сделать и пару шагов. Он упал на колени и, взрывая землю и раскидывая камни, рвался прочь от чана с огнём. Смотреть на него было жутко: его глаза горели красным, изо рта валил дым вперемешку с пламенем, лицо исказилось гримасой ужаса и боли. Вовка держал крепко, не позволяя брату сдвинуться с места. И тут неожиданно для меня и для старшего брата Максик взвыл как сирена и разорвал путы. Вовка по инерции отшатнулся назад, а младший, оттолкнувшись освобождёнными руками от земли, как бегун на олимпиаде, рванул из круга.

Чтобы принять решение, мне понадобилось меньше секунды – и я бросился ему навстречу. Мы столкнулись, как два лихих гонщика на трассе. Это было очень больно, но я всё равно обхватил брата и прижал к себе, не позволяя пересечь границу круга, которая была в шаге за моей спиной. Максик бился, изрыгал огонь, обжигая мне плечо и шею. Я терпел и не разжимал объятий, боясь, что маленькое послабление даст брату фору. Через какое-то время Максик затих и обмяк в моих руках, но я не выпускал его: вдруг это хитрый манёвр. К нам подошёл Вовка и негромко произнёс:

– Жень, всё…

Тогда только я ослабил хватку, и Максик тут же осел, но Вовка подхватил его под мышки и аккуратно уложил на землю. Шу уже несла пластиковую пятилитровку воды, и старший принялся смывать кровь с груди младшего. Я отвернулся. Мне было ужасно не по себе, как будто я стал свидетелем чего-то ужасного или снова пережил эту мучительную смену картинок и эмоций. Я отошёл подальше от круга, потому что у меня из глаз потекли слёзы, и я не хотел, чтобы это видели.

Кто-то коснулся моего плеча, и я, вздрогнув, обернулся. Это была Шу.

– Ты молодец, – улыбнулась она и, не дав мне ничего сказать, обняла и прижала к себе.

Из глубин памяти тут же всплыла картинка. Летний вечер в деревне, а может, и на Волге. Мама сидит в плетёном кресле, а я забрался к ней на колени и прижался всем телом. Мама укрыла меня полой вязаной кофты, как крылом, и тихонько что-то напевала. А я смотрел в темнеющее небо, на котором зажигались звёзды, и наслаждался уютной близостью.

Это воспоминание вместе с бархатной теплотой принесло и боль, и я отпрянул от Шу. Она погладила меня по щеке, царапая ногтями, потом чмокнула в лоб и тихо, почти шёпотом, сказала:

– Ты не такой, как все драконы, Женя. Ты с нами, но как будто выше нас. Чувствую, что однажды мне придётся склонить пред тобой голову и повиноваться…

Я скептически фыркнул.

– Ты поведёшь за собой нас всех.

– Почту за честь, – мне становилось неловко от таких излияний. Я знал, что во время ритуала проводник испытывает нечто вроде аварийного перезапуска системы. Вся информация, что хранится у него в голове, проходит экстренную и жёсткую ревизию, а потому несколько минут и даже часов после высвобождения чьей-то сущности дракон-проводник бывает не в себе. С Шу, похоже, творилось то же самое, поэтому я избрал тактику во всём соглашаться с ней. Она приняла мою покорность как должное, послала воздушный поцелуй и направилась к Вовке.

Тот уже смыл с Максика кровь и сейчас насухо обтирал его же футболкой.

– Трёхглавый воссоединился? – глянув на бесчувственного Максика, спросила королева. – Хороший у тебя воин.

– Да, неплохой. Врагам не поздоровится.

Шу ладонью затушила один из светильников, но вдруг покачнулась, ища рукой твердую опору, а потом осела. Хорошо, что Вовка успел подхватить её под руки и аккуратно опустил на землю. Я тут же подбежал к ним:

– Что случилось?

– Не знаю. Никогда такого не было.

– Наверное, это из-за ритуала, – я склонился над королевой с другой стороны, пытаясь привести её в чувство.

– Ритуал не отнимает у драконов силы, – возразил Вовка. – Тут что-то другое…

– Слушай, а может, она… больна?

– Чего? – насторожился брат.

Я заметил, какой ледяной страх мелькнул в его глазах, поэтому поспешил исправиться:

– Или просто беременная. Такое бывает у женщин.

– Не знал, что ты ещё и акушер-гинеколог, – усмехнулся Вовка, а потом добавил: – Шу не может иметь детей.

– Почему?

– Потому что она королева! У драконов ни короли, ни королевы не могут воспроизводить потомство: ничто не должно отвлекать их от заботы о своём народе.

– Ого! – я невольно присвистнул. – А как же тогда… если вдруг король или королева умрёт?

– На трон восходит следующий претендент. Ведь быть королём – такое же призвание, как быть колдуном или воином. С ним рождаются.

– Тогда это может породить дворцовые перевороты и заговоры, чтобы сместить одного дракона и дать дорогу на трон другому.

– Короли и королевы не рождаются так часто, чтобы из них выстраивалась очередь. В нашей истории были моменты, когда и на трон-то взойти было некому.

– Она не приходит в себя, – мои попытки привести Шу в сознание не увенчались успехом, но возникла одна хулиганская идея. – Вов, может, ты её…

– Что? – Вовка весь напрягся.

– Поцелуешь. Как в сказке. Вдруг сработает?

– А если не сработает?

– Тогда ты просто поцелуешь королеву, воспользовавшись удачным случаем…

– Иди ты! – брат толкнул меня в грудь, но я заметил, как порозовели его щёки. – Засунь свои советы знаешь куда!

Я встал, украдкой наблюдая за Вовкой, который с заметной нежностью поглаживал Шу по щеке и что-то шептал. Через минуту она пришла в себя и открыла глаза.

– Хватит валяться, ваше величество, – тон брата оставался ласковым, но слова так не вязались с ним. – Не по-королевски это как-то…

– Как тебе удаётся быть таким хамом и джентльменом одновременно? – Шу, опираясь на его руку, встала.

Вовка отнёс Максика в машину, усадил на заднее сиденье и велел мне присматривать за ним, а сам вернулся – помочь Шу собрать светильники и камни. Вдвоём там было работы на десять минут, но брата с королевой не было больше получаса. Я понимал, что Вовка воплотил в жизнь мой совет и сейчас вовсю целует королеву, которая, конечно же, сама не против такого развития событий. Я прислонился к капоту джипа и с наслаждением вдыхал свежий майский воздух, давая влюблённым шанс побыть наедине.

Трёхглавый

Максику было ещё хуже, чем мне: он так и не пришёл в себя на обратном пути. Нам с Вовкой пришлось тащить его из машины на руках, по пути на всех насылая забвение. Ещё никогда в жизни я не встречал столько любопытных людей, и за те десять минут, что мы добирались до номера, они

меня очень утомили. Я истратил на них все оставшиеся силы, поэтому, когда Вовка уложил брата на кровать, я обессилено рухнул на соседнюю.

– Надо раздеть его, – Вовка приподнял бесчувственного Максика. – Жень, помоги мне.

И в тот момент, когда мы разоблачили младшего, он пришёл в себя. Промычал что-то нечленораздельное, попытался приподняться, но снова рухнул на подушку.

– Пусть поспит, – Вовка укрыл его одеялом. – Если хочешь отдохнуть, то кровать свободна. А я смотаюсь за шоколадом.

Максик проспал весь следующий день. Мы дважды будили его, чтобы накормить, но он отказался от шоколада и яиц, только выпил пару глотков отвара, приготовленного Вовкой.

К вечеру Максику стало хуже: он был ледяной и мокрый. Я обтирал его полотенцем, но через несколько минут он снова покрывался испариной. Ближе к ночи он вообще впал в забытье и не реагировал на наши с Вовкой попытки разбудить его. Тогда старший брат прислонил подушку к изголовью, сел на кровать, прижавшись спиной к подушке. Потом он усадил мягкого, как тряпичная кукла, Максика, к себе на колени и обнял. Максик прижался к нему, как ребёнок.

– Жень, сядь рядом! – попросил Вовка, и я сел, как он, тоже подложив под спину подушку.

– Возьми его за руку. Он должен чувствовать, что мы оба рядом.

Держать младшего брата за руку мне было неудобно, поэтому я сложил его ноги к себе на колени. Заодно отогнул края пластыря – проверить состояние ран. Они хорошо затянулись, швы были чистые. Я снял пластырь совсем и положил руки на шрамы Максика. Я не знал, как действует моя сила, не умел её активировать и не чувствовал, как она исходит от меня. Поэтому первое время мне приходилось действовать наобум. Я представил, что моя ладонь – что-то сродни лампы, которая излучает лечебное свечение. Я представлял себе этот свет – мягкий и тёплый, словно бы приглушённый тканевым абажуром. Он лился бледно-голубыми волнами, которые постепенно набирали силу и окрас, принимая насыщенный изумрудно-зелёный цвет. И чем плотнее и ярче становились волны, тем сильнее меня клонило в сон. Через какое-то время я уже не мог ему сопротивляться.

Разбудил меня голос Вовки.

– Жень! Жень! – тихо звал он. – У меня рука затекла…

Я мотнул головой, чтобы окончательно проснуться. За окном стояла ночь. Старший брат всё так же сидел на кровати, обняв младшего.

– Сейчас… – я встал, вернул подушку на место, осторожно, чтобы не разбудить, стянул Максика на кровать и укрыл одеялом. Меня порадовало, что он был тёплый и сухой. И он спал, посапывая, как маленький.

Вовка встал, разминая затёкшее плечо.

– Как наш буян? – я кивнул на младшего.

– Ещё нас переживёт! – Вовка довольно улыбнулся. – Уж если в машине сработало, то тут-то и подавно должно было.

– В какой машине? – не понял я.

Вовка поморщился, видимо, пожалел, что сказал это, но всё же пояснил:

– Там, в Румынии, когда мы Дунай перескочили.

Он сделал большую паузу, словно не решался в чём-то признаться, и я помог ему:

– Когда ты отключился? Мы с Максиком перепугались не на шутку, что ты умер…

Вовка вздрогнул, с подозрением уставился на меня, а потом тихо добавил:

– Так я и умер там…

Я не ожидал, что он признается в этом. Обескураженный такой честностью, я тоже выдал вопрос, который волновал меня с того самого момента и который я никогда бы не задал, не будь таких благоприятных обстоятельств:

– Что же вернуло тебя обратно к жизни?

– Вы с Максиком, – смутился брат. – Многоголовые драконы потому и считаются очень сильными, что их практически нельзя убить. Если ранена одна голова, то две другие отдают ей свои силы, и она восстанавливается.

– Как в сказке, – усмехнулся я.

– В сказках всего намешано: и правды, и вымысла. Будешь внимательно их читать – и поймёшь, что является истиной, а что сказитель придумал, дабы приукрасить повествование.

Я вспомнил хрестоматии со сказками народов мира на книжной полке в Вовкиной квартире. Тогда мне эти книги казались случайными, а теперь их наличие приобретало совсем иной смысл.

– Я устал жутко, – Вовка прилёг на свободную кровать. – Разбуди меня через два часа – я уступлю её тебе.

Я согласно кивнул и отправился в туалет, а когда вернулся, Вовка спал богатырским сном. Я сам валился с ног от усталости, видимо, Максик высосал из меня больше, чем я был готов отдать, но я бодрился и держался, сколько мог. Но сдался я минут через пятнадцать: осторожно прилёг на край кровати Максика, полагая, что в таком неудобном положении я не смогу крепко уснуть и лишь подремлю. Но как только я сомкнул веки, сразу отрубился.

Проснулся я от жёсткого столкновения с полом: переворачиваясь во сне, Максик спихнул меня с кровати. Ещё вчера он был настолько слаб, что едва мог оторвать голову от подушки, а сегодня сбросил меня на пол и даже не проснулся. Я поднялся и взглянул на часы: половина восьмого.

От шума проснулся и Вовка. Увидев, что давно рассвело, он с укором посмотрел на меня:

– Я же просил разбудить меня через два часа!

– Я сам отрубился, – признался я.

– Как наш ниндзя?

– Дрыхнет!

– Запасы шоколада надо пополнить. И поохотиться сегодня ночью.

– Ему тоже притащим что-нибудь?

– Посмотрим на его поведение, – Вовка потянулся.

Максик проснулся в обед – румяный и свежий. За раз слупил три плитки шоколада и четыре яйца, запил это дело двумя стаканами отвара и снова уснул.

– Пусть набирается сил, – отмахнулся Вовка. – Когда дети спят, как-то спокойней.

Меня почему-то порадовало, что старший брат считает Максика ребёнком.

Я попросил у Вовки машину – съездить в банк за топазом.

– Пусть лежит там! – нахмурился брат.

– Не могу, я обещал ему, что заберу, – я вдруг почувствовал к этому камню некоторую нежность, как к домашнему питомцу.

Вовка не стал меня отговаривать – молча протянул ключи от джипа.

В банке я сразу же нацепил перстень на палец – и тут же моё сердце сжала тупая боль. Однако топаз не стал мучить меня: через пару минут боль отступила. По дороге домой мне в голову пришла мысль, что этот камень нельзя никому показывать. Даже братьям. Я заехал в галантерею и купил там обыкновенную толстую цепочку из нержавейки, надел на неё перстень, а цепочку повесил на шею, спрятав топаз под одежду. Он приятно холодил тело, был укрыт от посторонних глаз, но я постоянно ощущал его присутствие. Вскоре я похвалил себя за такое решение, потому что присутствие топаза будоражило Максика. Он вёл себя беспокойно – даже Вовка это отметил, но я надеялся, что разбуженная сущность младшего брата скоро привыкнет к близости топаза и переключится на другие заботы. Главным образом, на охоту.

Вечером следующего дня мы выехали из отеля. Младший был ещё слаб, но держался бодрячком и сам нёс свою сумку, хотя и было видно, что это даётся ему с трудом. В начале пути Вовка несколько раз пытался завести с ним разговор о ритуале и о том, что теперь младшему придётся охотиться, как и нам, но Максик всячески избегал общения. Он либо менял тему, либо отнекивался, что ничего не помнит и поэтому не понимает, о чём речь. В итоге Вовка отстал от него, но я чувствовал, что к этому разговору брат ещё вернётся.

Формально ничего не изменилось: нас в машине было по-прежнему трое, за рулём всё так же сидел Вовка, который не включал радио. И Максик остался верен себе и донимал меня и брата расспросами о следующем пункте назначения. Но я ощущал, как изменилась атмосфера. Словно мы выбросили что-то лишнее или громоздкое, что ранее мешало нам наслаждаться дорогой. Даже Максик меня не раздражал так сильно, как по дороге из Румынии. Я размышлял над Вовкиными словами про единство трёхглавого. Наверное, нам воссоединиться в одно целое будет намного труднее, чем Беше и Коту: у нас большая разница в возрасте и разные родители, мы стали драконами в разное время, и у нас разный порог силы. В превосходстве Вовки я не сомневался ни секунды. Он, как на том рисунке Максика, был средней головой – самой сильной, опытной, мудрой, могучей. А мы, Тартановы, у него на подхвате. Хотя сила Максика меня, мягко говоря, настораживала. Я слишком хорошо помнил, как еле удержал его во время ритуала. Возможно, если он будет развивать свои способности, то догонит Вовку. Я же был готов остаться скромным колдуном и врачевателем, чтобы залечивать раны братьев. В том, что раны будут, я не сомневался: не только охота грозила опасностями, но и тренировочные бои. Взбалмошный Максик не постеснялся на Бешу меч поднять – что уж говорить о тех, кто встанет у него на пути!

Первая добыча

Мы могли бы быть дома уже к вечеру следующего дня, но Вовка заехал в небольшой городок по пути – поохотиться. Не столько для себя, сколько для Максика. На этот раз мы не стали рыскать по тёмным улицам, а зашли в ресторан. Красивая неоновая вывеска и тёмно-бордовые шторы, виднеющиеся в окнах, красноречиво убеждали, что это заведение уютное и респектабельное, но интерьер в две минуты развеял этот образ. Романтичный полумрак достигался несколькими неработающими лампами. Цементный пол бывшей столовки был покрыт старым ковролином, который местами собирался складками, а на стыке полотен загибался, создавая женщинам на каблуках опасное препятствие. Скатерти были тёмно-зелёные, не первой свежести, кое-где прожжённые сигаретами.

– В таких заведениях тоже хорошо охотиться, – сказал Вовка, усаживаясь за столик у окна. – Люди, носящие в себе паразитов, любят тусоваться с себеподобными. Думаю, у тварей тоже есть страх одиночества и они постоянно ищут общения.

Официантка принесла нам меню и объявила, что с десяти вечера в ресторане живая музыка, поэтому с каждого посетителя будет взиматься плата.

– Если не хотите платить, то просим вас покинуть наш ресторан до начала концерта, – сообщила она, изо всех сил стараясь скрыть раздражение за натянутой улыбкой.

– Мы заплатим, не проблема, – успокоил её Вовка, а когда официантка ушла, обратился к нам. – Закажем еду чисто символически, чтобы не вызывать подозрений.

– Но я есть хочу, – насупился Максик.

– Сегодня ты поешь по-настоящему, поэтому не набивай желудок, – Вовка открыл меню. – Делай вид, что выбираешь блюдо, а сам тихонько осмотрись. Скажешь мне, что заметил.

Максик, прикрывшись раскрытой книжицей, начал оглядывать сидящих в зале, как шпион из старых фильмов. Это было уморительно, но я не делал ему замечания: раз Вовка молчит, то мне не стоит вмешиваться в педагогический процесс. Сам-то я давно разведал обстановку. С момента свершения моего ритуала я научился видеть тварей, а не просто чувствовать их. Я толком ещё не разобрался в этом механизме, но стоило мне немного расфокусировать зрение, как сквозь человеческую оболочку начинала проступать оболочка паразита.

За соседним столиком сидели три женщины лет сорока. Видимо, они давно не виделись, потому что постоянно смеялись и взахлёб рассказывали что-то, перебивая друг друга. В одной из них я увидел игошу – совсем молодого, тоненького, коротенького, не больше ладони. Он двигался суетливо, кидался с одной стороны тела на другую, ошалев от обилия пищи. Этого игоши как раз хватило бы Максику.

Столик в углу занимал одинокий мужчина с сумкой для ноутбука возле стула. Наверняка командировочный. Весь он был объят бледно-зелёным огнём. Это был демон, самый слабый и самый распространённый его подвид. В своём дневнике Вовка называл его видом или встречником. Два этих названия происходили из образа жизни твари. Поскольку он был самым слабым из демонской братии, ему не хватало энергии, чтобы скрыть свою оболочку от глаз людей. Из-за того, что он был виден, его и прозвали видом. Поэтому нападал он на одиноких путников, которым никто не придёт на помощь. Встречники умели прятаться внутри жертвы, если вдруг появлялись конкуренты или опасность, и потому сейчас, в ресторане, демон затаился, почуяв драконов, и ждал, когда его носитель выйдет за стены заведения.

За длинным столиком у сцены сидела компания: четыре мужчины и две женщины. Было видно, что кабаки для них – привычное времяпрепровождение. Трое из мужчин были заражены лярвами разной степени упитанности, ещё в одном копошились бесы, напоминающие рой светящихся дробинок. Обе женщины несли в себе суккубов. Эти твари, похожие на обручи, как и инкубы, постепенно сжимали души тугим кольцом, заставляя человека искать забвение в пьянстве, обжорстве, беспорядочных связях, азартных играх. Чем сильнее сжималось кольцо, тем больнее было душе и тем отчаянней она пыталась заглушить боль в разгульном образе жизни. С инкубами и суккубами я ещё не сталкивался, но был уверен, что без труда стяну эти кольца с душ. Демона я благородно оставил Вовке.

– Ну, кого выследил? – спросил он через несколько минут, отобрав меню у Максика.

– Вон та тетка, – тот кивнул на столик с тремя подругами. – Она вся увешена золотом.

– И что?

– Не знаю. Никогда раньше не обращал внимания на чьи-то побрякушки, но от этих просто глаз оторвать могу.

– Хорошо. Ещё что?

– У командировочного обручальное кольцо в кармане. А у тех, – Максик кивнул на столик с компанией, – вообще ни одного украшения.

– Кроме этого ты что-то заметил?

– Только несколько золотых зубов…

Вовка одобрительно кивнул, а я с досадой прикусил губу: на золото я даже не обратил внимания. Видимо, оно было не моей породы, потому что я не ощущал его зов.

Когда мы сделали заказ и официантка ушла, Вовка продолжил свой обучающий семинар, рассказывая Максику, как нужно выслеживать добычу и как правильно нападать.

– Дашь ему игошу? – небрежно спросил я. Мне хотелось щегольнуть перед младшим своим опытом.

– Да, наверное. Или суккуба, – предположил Вовка.

– Оставь суккуба мне, – попросил я. – Хочется чего-нибудь новенького попробовать.

– Тебе пора переходить на более калорийную пищу. Бери демона.

– Я его тебе оставил.

– Ерунда! Я поохотился в Москве.

– Всё равно забирай демона себе.

Максик смотрел на нас, как на полоумных, а потом не выдержал и встрял:

– Можно я возьму демона?

– Не надорвёшься? – усмехнулся Вовка.

– Дай мне шанс – и я справляюсь. Только скажи, что надо делать! – оживился младший.

– Это произойдёт не сегодня, – отрезал Вовка. – Чтобы дать тебе демона, я должен знать кое-какие детали твоего ритуала, но раз ты их не помнишь… Подождём, пока память к тебе вернётся, а потом возьмёмся за крупную дичь.

Это был очень хлёсткий и действенный приём. Максик поджал губы, понимая, что сам виноват в такой реакции брата.

Мы ждали достаточно долго. Нам уже принесли заказ – три салата и сырную нарезку. Мы потихоньку ели, наблюдая за своей потенциальной добычей. Первым в меню вошёл командировочный. Он расплатился, с недовольством что-то высказывая официантке, получил от неё достойный по грубости ответ и с оскорблённым видом направился к выходу.

– Он твой! – я кивнул Вовке.

– Хорошо, тогда проследи за игошей, – тот изобразил, что у него сработала сигнализация на машине, и вышел вслед за демоном. За Вовку я не волновался, а вот процесс обучения Максика меня весьма смущал. В основном, из-за того, что младший вряд ли будет слушаться меня.

– Ты умеешь вызывать воронку? – спросил я.

– Чего?

Я попытался объяснить ему процесс поглощения тварей, но Максик смотрел на меня ясными глазами, как блондинка, которой рассказывают строение атомной бомбы. У меня опустились руки. Я молил бога, чтобы Вовка побыстрее разделался с демоном и вернулся, взяв на себя обучение подрастающего поколения, но в этот момент тетка-игоша направилась в туалет.

– Иди за мной! – бросил я брату и встал из-за стола.

Я подождал, пока за ней закроется дверь с картинкой, изображающей женский профиль, а потом шепнул брату:

– Когда она выйдет, я зажму ей рот и втащу обратно. Ты сразу за мной, закрывай дверь и никого не впускай. Ну, и смотри, как я буду доставать тварь.

Мне хотелось показать младшему своё умение, но я волновался, что он не даст мне этого сделать и всё испортит. Как потом выяснилось, я волновался не зря. Мы ждали несколько минут, но меня это не тяготило, а вот Максик потерял терпение и заглянул в туалет. За дверью была небольшая комната, из которой две двери вели непосредственно в кабинки.

– Жень, давай здесь! – позвал меня Максик, но его голос услышал, конечно же, не только я.

– Кто здесь? – испугалась тётка, которая всё ещё находилась в одной из кабинок.

Мне хотелось треснуть брата об стену, но я сдержался.

– Извините, мы ошиблись дверью, – вежливо произнёс я, прижал Максика к стене и зажал ему рот, чтобы тот не произнёс ни звука. При этом я намеренно громко хлопнул дверью, чтобы женщина подумала, что мы ушли. Однако тётка оказалась не такой доверчивой, как я предполагал. Она встала на унитаз и разведала обстановку, выглянув над дверцей кабинки.

– Что вам здесь надо? Уходите немедленно! – гневно произнесла она.

Охота была испорчена. Выпускать женщину тоже было опасно, потому что она могла нажаловаться на нас менеджеру заведения. Вовка учил меня не привлекать к себе излишнего внимания. Ситуацию нужно было как-то разрешить, но мне в голову не приходило ни одной стоящей идеи. Выломать дверь? Слишком шумно. Выманить женщину угрозами тоже вряд ли удастся. Загипнотизировать? Но Вовка говорил, что вынимать паразитов из человека, который находится под гипнозом, ужасно трудно, а потому это не самый удачный пример для обучения. Пока я лихорадочно искал выход, Максик его нашёл.

– Мы тут прячемся кое от кого, – шёпотом сообщил он. – Видели здоровяка с нами? Он хочет вернуть нас приёмным родителям, а мы не хотим возвращаться в этот ад. Поэтому мы посидим тут немного, потому что он не додумается заглянуть в женский туалет и решит, что мы сбежали.

Женщина слушала с ярко выраженным скептицизмом.

– Вы можете выходить, мы вас не тронем, – пообещал Максик, и голос у него в этот момент был по-настоящему ангельский. Я сам верил каждому его слову. – Только не говорите нашему опекуну, что мы тут. Пожалуйста!

Несколько секунд тётка думала, а потом спросила:

– Откуда мне знать, что вы меня не тронете?

– Мы можем повернуться лицом к стене, если хотите, – предложил я.

– Зайдите в соседнюю кабинку, – приказала женщина. – И закройтесь на шпингалет.

– Мы там не поместимся вдвоём, – начал артачиться Максик, но я ткнул его в бок:

– Хорошо, мы зайдём. Но вы нам тоже пообещайте, что никому не скажете про нас.

– Ладно.

Ее «ладно» по десятибалльной шкале неубедительности прозвучало на девять с половиной, и если бы мы с Максиком на самом деле тут прятались от кого-нибудь, то нас бы взяли тёпленькими через две минуты после выхода тётки из туалета. Однако нам важнее было выманить добычу, поэтому мы играли по её правилам. Зашли в кабинку, прикрыли за собой дверь, я даже для убедительности щёлкнул шпингалетом, но, конечно, не задвинул его. Женщина выждала с минуту, а потом резво бросилась вон из своего укрытия. Думаю, если бы она знала, что мы с Максиком драконы, она бы без шума сдалась нам, потому что все её попытки обдурить нас походили на попытки туриста с рюкзаком на плечах удрать от тигра. Мы были сильнее и быстрее нашей жертвы, а потому я схватил её и зажал ей рот раньше, чем она успела добраться до внешней двери. Я обхватил её шею рукой, пережимая сонную артерию, и через десять секунд женщина обмякла в моих руках.

– Что ты сделал? – испугался Максик. – Ты убил её?!

– Нет, она всего лишь потеряла сознание. Придёт в себя минуты через две или того меньше, так что у нас мало времени! – я усадил тётку на пол, приложил руку к основанию её шеи и ухватил игошу. Он забился, как рыба, которую тащили из воды, но я был сильнее в этом поединке, и через полминуты повернулся к брату с добычей в руке.

То, что происходило в этот момент с Максиком, меня напугало. Он был бледен и тяжело дышал, со страхом вытаращившись на меня.

– Не бойся, это наша еда, – заговорил я как можно мягче, но брат попятился и прижался к стене, с ужасом взирая на какого-то невидимого противника. Мне стало не по себе от такой реакции, я даже невольно оглянулся: не стоит ли кто за мной.

– Успокойся, всё нормально, – я положил руку брату на плечо, но он дёрнулся, словно его пронзило током, и застонал:

– Не надо… пожалуйста…

После этого по его телу прошла волна судорог. Максик впился в меня умоляющим взглядом, продолжая трястись, как эпилептик. Я видел, что у него зарождается внутренний свет, но не подозревал, что сей естественный для драконов процесс будет для брата столь мучительным. Он хотел сбежать, из последних сил оттолкнувшись руками от стены, но я прижал его обратно. Сделать это было довольно просто, поскольку брат совсем обессилел. Когда его воронка набрала силу, я поднёс игошу ко рту Максика, и центростремительный поток тут же подхватил тварь. Брат скривился, но всё же проглотил её, и только после этого начал успокаиваться. Его так вымотало это поглощение, что он сполз по стене и остался сидеть на корточках, закрыв глаза.

– Ничего страшного, такое бывает, – я старался как-то его подбодрить. – Вовка наверняка знает, как избавиться от этого…

– Нет! – чуть ли не выкрикнул Максик и схватил меня за руку. – Не говори ему, ладно?

– Почему?

– Это пройдёт… Это просто… – он снова умоляюще взглянул на меня. – Жень, пожалуйста, не говори. Лучше… я сам…

– Хорошо, как скажешь, – согласился я.

В этот момент дверь дернули снаружи. Мы с Максиком вздрогнули и насторожились.

– Это я, – раздался голос Вовки. – Вы тут?

Я отпер дверь, а Максик тут же вскочил. Вовка вошёл в туалет, кинул взгляд на бесчувственную женщину, потом перевёл его на нас.

– Мы тут… охотились… я достал игошу… – я попытался объяснить произошедшее, но старший брат коротко бросил:

– Быстро пошли отсюда. Оба!

Мы с Максиком, как нашкодившие первоклассники, толкаясь в дверях, покинули место охоты.

– Ждите меня за столиком! – приказал Вовка и закрыл за собой дверь.

– Не говори ему, – прошептал младший, осторожно взяв меня за руку.

Это был такой неожиданный жест доверия, что у меня аж в груди защемило. Мы сели за столик, стали доедать ужин. Через пару минут в зале появился Вовка, который вёл ту самую тётку. У неё был осоловевший вид, как будто её разбудили среди ночи. Я понял, что брат загипнотизировал её и сейчас представил всё так, будто она неожиданно упала в обморок в туалете.

Дом

Я не очень следил за дорогой, то и дело проваливаясь в дремоту. В тот вечер я так и не поохотился. Компания внезапно покинула ресторан, унося с собой суккубов. Вовка пообещал, что у меня будет возможность подкрепиться по приезде домой, и я ждал. Не сказать, что мне было очень уж плохо, но я чувствовал усталость и меня клонило в сон. Видимо, сказывались те ночи, которые я провёл в бодрствовании, потому что после охоты даже и пробовать уснуть не стоит – такой ощущаешь прилив сил.

Открыл глаза я, когда уже рассвело. Джип ехал по грунтовой дороге, идущей через лес.

– Куда мы едем? – спросил я, осматриваясь.

– Домой, – коротко ответил Вовка.

Я не стал спрашивать, почему дорога в город идёт через лес: подумал, что Вовка выбрал короткий или по каким-то параметрам безопасный путь. Странно, что Максик вёл себя тихо, не доставая нас расспросами. Я оглянулся: он сидел, прислонившись головой к стеклу, и безразлично провожал глазами проплывающие деревья и кусты. Через некоторое время дорога стала едва угадываться в траве, джип рычал, преодолевая кочки и протискиваясь между кустарниками, и, наконец, встал.

– Приехали, – Вовка заглушил двигатель. – Выходите: поможете мне.

– Ты же сказал, что мы едем домой! – происходящее несколько озадачило меня.

– Уже приехали.

Вовка прошёл вперёд несколько метров, нашёл среди ветвей деревьев верёвку, выкрашенную в тёмно-зелёный цвет, и потянул. Тут же приподнялась армейская маскировочная сетка, открывающая сооружение, напоминающее гараж. На самом деле это была землянка с выносом вроде крыльца. У него были деревянные стены, косая крыша из листового железа и рольставни вместо дверей. Вовка поднял их, открывая нашему взору узкое и тёмное помещение, которое задней стеной упиралось в холм.

– Мы будем здесь жить? – ужаснулся Максик.

– Невысокого ты обо мне мнения, – усмехнулся Вовка. – Это дом для «Черика». Нам я присмотрел жилище попросторней. Выгружайте всё из багажника.

Мы с Максиком достали сумки, оружие и ноутбук, Вовка загнал машину в гараж, закрыл рольставни, опустил маскировочную сетку, подхватил на одно плечо свою спортивную сумку, на другое – сумку с оружием и зашагал в гущу леса, взбираясь на холм. Мы с Максиком молча шли за ним, уворачиваясь от веток, которые словно нарочно цеплялись за сумки, одежду и обувь.

– Глухомань какая! – ворчал Максик. – Тут, поди, даже сотовый не ловит. Как вообще можно жить в таком месте?

– В деревне же ты как-то жил, – я продирался сквозь заросли, стараясь не отставать от Вовки.

– Там был водопровод и электричество! А здесь даже помыться негде…

– Зато воздух какой! – я с наслаждением вдохнул лесные запахи, которые пьянили меня. Знакомые ароматы воскрешали в моей памяти картины из детства. Но к этим запахам примешивались и незнакомые, будоражащие сознание. Я прислушивался к ощущениям, вызванным этими ароматами, и так увлекся, что прослушал вопрос Максика. Он, отстав на несколько шагов, запустил в меня шишкой и повторил:

– До ближайшего города сколько топать?

– Не знаю.

– Хочешь сказать, что ты торчал тут и ни разу не выбрался в город?

– Да, потому что я тут не торчал. Я, как и ты, впервые в этом месте.

– Чёрт! – Максик остановился и скинул сумку. – Зачем мы тогда отдали ему всё оружие! Вдруг он убьёт нас и закопает трупы в этой чаще. Тогда нас вообще никто не найдёт!

– Тебя даже убивать не надо, – донёсся голос Вовки. – Просто оставь в лесу – и ты сам помрёшь с голоду.

– А вот и не помру! – вдруг обозлился Максик, и я испугался, что он сейчас по правде уйдёт в лес.

– Это хорошо, – беззлобно продолжал Вовка, который даже не запыхался от подъёма с утяжелением. – Значит, я буду спокоен, когда ты пойдёшь погулять.

Максик скривился, поднял сумку и продолжил шествие. Когда мы забрались на холм, то увидели внизу крышу дома, просвечивающую сквозь деревья.

– Хоть нормальный дом, а не палатка. И на том спасибо, – буркнул Максик.

– Чем ты недоволен, я не пойму? Боишься жить в лесу? – хмыкнул Вовка. – Не бойся, мы с Женькой будем рядом.

– Ничего я не боюсь! – ершился младший. – Просто не пойму, чем тебе цивилизация не угодила.

– Мы вернёмся в город обязательно: там проще охотиться и держать связь с другими, но пока я не обучил вас всему, пока я не буду уверен, что вы сможете постоять за себя самостоятельно, мы поживём тут. Посмотри, как красиво вокруг! – Вовка развёл руками. – Деревья, свежий воздух, птицы поют. До озера десять минут ходьбы.

Максик насупился. Мы приближались к дому. Сквозь заросли был уже виден тёмно-зелёный двухметровый забор из профнастила. Над одним из столбов, державших полотно, я увидел метровую палку, к концу которой была приделана странная маска, сморщенная, как чернослив, но размером со средний арбуз.

– Чёрт, это что за фиговина?! – воскликнул Максик, шарахнувшись от маски.

– Полкан, – равнодушно ответил Вовка, идя вдоль забора.

– Полкан? Ты собаку, что ли, убил? – возмущался Максик.

– Ты должен знать, что за полкан. Ты ведь рисовал его, – бросил Вовка. – В виде чёрного пса с горящими глазами.

Младший растерялся, даже остановился, не зная, как реагировать на такие слова.

– Ты что… копался в моих вещах? Ты видел ту папку?! – он пришёл в себя, когда мы с Вовкой уже завернули за угол, и бросился догонять нас. – Тебя не учили, что брать чужое без спроса нехорошо?!

– Во-первых, я ничего не брал: всё осталось при тебе, – спокойно парировал старший брат. – Во-вторых, нам надо было познакомиться с тобой поближе, чтобы понять, что с тобой происходит.

– Со мной ничего не происходит! – фыркнул Максик.

– Как скажешь, – пожал плечами Вовка. – Пришли!

Мы оказались перед воротами, в которые вполне мог проехать «Черик». Я оглянулся: от ворот в лес вела едва заметная колея, которая уже заросла травой. Максик тоже отметил это и не преминул высказаться:

– Почему на машине сюда не заехал?

– По кочану! – Вовка вынул «Стечкин», открыл ворота секретным ключом и приотворил створку. – Ждите меня здесь: проверю, нет ли незваных гостей.

Он скрылся за воротами, а мы с Максиком остались вдвоём.

– Ты ещё не рассказал ему? – шёпотом спросил я.

– Некогда было. Он же за рулём всё время.

– Как это мешает разговору?

– Не могу, когда не вижу глаз собеседника.

Этот довод показался мне разумным, и я отстал от брата. Через пару минут появился Вовка.

– Все чисто, – улыбнулся он, снова подхватывая свои сумки. – Добро пожаловать в фамильное гнездо!

– Это не гнездо, это какая-то… хижина дяди Вовы, – пробурчал Максик, оказавшись во дворе.

Но мне дом не показался хижиной. Это был добротный одноэтажный сруб. Во дворе – несколько хозяйственных построек, курятник, поленница, за домом я увидел баню. В левом углу двора – колодец.

Вовка снял тяжеленный засов с входной двери и шагнул в дом. Мы с братом последовали за ним. Миновав сенцы, мы оказались в просторной и светлой гостиной – горнице, как её раньше называли. Слева находилась русская печь и некое подобие кухни. Длинная перегородка, идущая от левой до правой внешней стены, делила дом пополам. В стене были две двери, ведущие, видимо, в другие комнаты. В правом ближнем углу горницы была лестница на чердак, а под ней находился люк в подпол. Посередине, как водится, стоял массивный обеденный стол.

– Вот хрень! – скривился Максик, оглядев довольно аскетичное убранство. – Откуда у тебя этот дом?

– Мне его подарил один дауншифтер. Я спас ему жизнь, а он отплатил вот этим и уехал в Тибет, – начал объяснять Вовка, но младший перебил его:

– То есть не надо опасаться, что его труп зарыт под забором?

– Ещё раз намекнёшь, что я кого-то убил, – получишь в лоб, – нахмурился старший. – Занимайте комнаты!

– А ты? – я вопросительно посмотрел на него.

– А я буду жить на чердаке.

– Чёрта с два! Я буду жить на чердаке! – выпалил Максик. – Не хочу видеть всё это убожество!

Я почему-то думал, что Вовка поставит его на место, но старший брат как-то неопределённо повёл плечами и вздохнул:

– Хорошо, живи на чердаке. Только там кровати нет.

– Плевать! – Максик стал взбираться по лестнице.

– Тогда ты выбирай комнату, – Вовка хлопнул меня по плечу. – Советую левую. Она ближе к печи, зимой там очень тепло.

– Мы останемся тут до зимы? – удивился я.

– Всё зависит от того, как быстро вы будете обучаться.

Я кивнул и направился в левую комнату. Она оказалась больше, чем я предполагал, в два окна. Кровать, стол, шкаф для одежды и некий гибрид книжного шкафа с комодом – всё самодельное. Вряд ли, конечно, это было Вовкиным творением: уж слишком простовато, как будто впопыхах сделано.

– Нравится? – он появился в дверях.

– Очень, – я сел на кровать. – А Максик привыкнет.

– Я знаю, – Вовка шмыгнул носом. – Жень, приготовишь нам что-нибудь на завтрак?

– А есть продукты?

– В моей сумке посмотри. После обеда мы с Максиком съездим в город, закупимся основательно.

Демоны прошлого

Еду я приготовил на костре – не хотелось возиться с печью. Максик с аппетитом смолотил свою порцию, хоть и продолжал ворчать. Вовка не обращал внимания на его гундёж: надо было обустраивать быт. Пока мы привели дом в порядок – убрали пыль и паутину, протерли окна, перемыли посуду, застелили постели – я ужасно вымотался, прямо с ног валился.

– Пойдём! У меня есть для тебя бодрящее средство, – Вовка поманил меня жестом и открыл подпол.

Любопытный Максик тут же нарисовался рядом и возмутился, что его не посвящают в тайны быта.

– Я тоже, между прочим, живу в этом доме!

– Я думал, что ты занят. Но если хочешь посмотреть – валяй. У меня нет от тебя тайн, – Вовка скрылся в темноте подпола. – Подождите только, я тут свет зажгу.

Под светом он понимал, конечно, не лампочку, а настенный масляный светильник: электричества в такой глуши не было. Когда подпол озарился жёлтым светом пламени, мы с Максиком спустились вниз. Я ожидал увидеть всё что угодно, но только не такое: вдоль одной стены тянулся стеллаж от пола до потолка, на котором стояли стеклянные бутылки – из-под пива, вина, шампанского. На них белой краской были нарисованы какие-то знаки, а вместо этикетки приклеены полоски лейкопластыря с надписями.

– Что это, блин, такое?! – удивление Максика превзошло моё. – Ты что, собирал бутылки, как бомж?

Вовка проигнорировал эту колкость.

– Это наш запас на чёрный день – на случай неудачной охоты или ещё чего. Тут сто сорок семь тварей. В основном, паразиты: их проще хранить.

– Ты запер тварей в бутылках? – уточнил я. – Они не сбегут?

– Стекло – самый надёжный в этом плане материал, – пояснил Вовка. – Не зря же придумали сказки про джиннов в бутылках. А если ещё нарисовать на стекле магические знаки, то твари точно не выберутся. По крайней мере, паразиты. С хищниками я не стал рисковать, поэтому их всего шесть – на особый случай, – Вовка указал на бутылки из-под шампанского, стоящие на самой нижней полке. – Тару пришлось укрепить на всякий случай, чтобы они не опрокинули бутылку.

– Ты собирал тварей про запас? – предусмотрительность брата меня восхищала.

– Это было нетрудно. Гораздо труднее было найти тару и подготовить её.

Я прошёлся вдоль стеллажа, читая надписи на бутылках: бесы, бестия, лярва, бука, стень… Увидел инкуба и осторожно взял бутылку с полки:

– Можно?

– Конечно! Ты ведь не охотился вчера.

– А суккуб есть?

– Нет, но они не отличаются по вкусу – только своими предпочтениями. Инкубы поражают мужчин, а суккубы – женщин.

Вообще, твари не имели вкуса. Возможно, полноценные драконы, жившие несколько веков назад, и могли его ощущать, но у нас, перемещённых в человеческие тела, просто не было такого органа осязания. Тем не менее после каждого поглощения добычи мы испытывали различные чувства. Лярвы порождали ясность мыслей, бестии вызывали прилив сил, игоша давал ощущение умиротворённости. Мне стало интересно, что будет после поглощения инкуба. Я повертел бутылку в руках и бросил на Вовку вопросительный взгляд.

– Ешь! Для этого я их и собирал.

В этот момент за спиной раздался грохот. Мы с Вовкой оглянулись и увидели Максика, который, попятившись, опрокинул табуретку. С младшим определённо происходило что-то недоброе. Даже в тёплом свете огня было видно, как сильно он побледнел. К тому же его била мелкая дрожь, которую Максик всеми силами старался унять.

– Если тебе нехорошо, поднимись наверх, – предложил Вовка.

– Мне хорошо! – огрызнулся младший, сжав кулаки.

Старший пожал плечами и обратился ко мне:

– Бутылку потом убери в коробку. Вдруг придётся пополнять запасы.

Пока я возился с вытаскиванием пробки, Максик демонстративно небрежно приблизился к стеллажу, чтобы показать Вовке, что чувствует себя отлично. А может, он таким способом пытался справиться со своим недугом. Но только облегчения ему это не принесло. Он держался изо всех сил: он так сжал кулаки, что побелели костяшки пальцев. Когда же я, наконец, открыл бутылку и вызвал внутренний свет, Максик не выдержал. Он схватился за голову и грохнулся на колени как подкошенный. Вовка бросился к нему, а я не знал, что мне делать. Бутылка была открыта, и инкуб рвался на свободу. Я понимал, что это мучает младшего брата, поэтому запрокинул бутылку и

залпом проглотил паразита. Но Максику от этого легче не стало. Он трясся в мелких судорогах и шептал:

– Убери их… пожалуйста, убери…

– Дыши носом! – приказал Вовка, взяв его двумя руками за голову. – Давай вместе со мной. Вдох… Выдох…

– Не могу… убери…

– Женька! Дай сюда кого-нибудь мелкого! – попросил Вовка, и я метнулся к стеллажу, выбрал самую тощую бестию и протянул бутылку брату. Тот ловко вынул пробку зубами.

– Нет! Убери! Нет! – Максик попробовал вскочить, но я удержал его, понимая, что сейчас Вовка будет проводить терапию.

– Послушай! – старший брат положил руку ему на плечо. – То, что происходит с тобой, – это нормально. Со мной то же самое происходит, и с Женькой. Ты не должен этого бояться.

– Уй…ди… – сквозь сжатые зубы, выдохнул Максик.

Вовка вытряхнул бестию на ладонь, схватил двумя пальцами и поднёс к лицу младшего, тот попытался оттолкнуть его ногой, но старший пресёк эту попытку.

– Максик, пойми: то, что мучило тебя, когда ты был человеком, сейчас стало естественным процессом. Ему не надо сопротивляться. Надо просто расслабиться и принять его. В первые два-три раза будет некомфортно, но постепенно тело адаптируется. А если ты будешь сопротивляться, станет только хуже.

– Ты не знаешь… как это… больно… – почти простонал Максик.

– Знаю! Со мной тоже так было. Я знаю, каково это, когда не хватает воздуха, а ты не можешь его вдохнуть, потому что кажется, будто лёгкие сейчас лопнут. И этот свет обжигает всё внутри, как будто ты выпил литр уксуса.

Максик со страхом и надеждой смотрел на Вовку.

– Я с трудом прошёл через всё это, – продолжал тот. – Мне повезло, потому что на моём пути встретился опытный дракоид. Он научил меня, как жить с этим и как это использовать. Я прислушался к его совету – и ты видишь, кем я стал! Теперь я прошу тебя прислушаться ко мне, потому что я хочу помочь.

Максик слабо кивнул, или, может, его голова качнулась от судорог.

– Ты должен расслабиться. Я знаю, что это непросто, потому что внутри всё – как натянутая струна, но ты должен успокоить дыхание и расслабиться. Давай: вдох… выдох…

Максик повторял за Вовкой, не сводя взгляд с бестии, трепыхающейся в руках старшего.

– Вот, хорошо! Теперь ты должен контролировать спазмы. Как только они начинаются – сразу расслабляй мышцы живота.

Максик очень старался. Мне даже стало обидно: если бы я ему сказал такое, он бы послал меня, а Вовку слушается. Впрочем, я бы, наверное, не смог сказать так, как Вовка. Тот, дождавшись, пока у Максика восстановится дыхание, снова поднёс к нему бестию:

– Спокойно открой рот. Контролируй спазмы и дыхание. Медленно втяни воздух в себя. Вот так… Теперь так же медленно втяни в себя бестию.

Максик повиновался, и это несколько сбило его настройки. Он снова заволновался, начал дышать отрывисто, но сумел совладать с собой. Когда брату полегчало, Вовка похлопал его по щеке и улыбнулся:

– Немного тренировки – и все негативные ощущения уйдут.

– А вдруг не уйдут? – испуганно поинтересовался Максик.

– Уйдут, – успокоил его Вовка. – Я не говорил, если бы не прошёл через это.

– И через кошмары по ночам?

– У меня это начиналось рано утром, часов в шесть. Я до сих пор просыпаюсь в это время.

– Тебе тоже являлись монстры?

– Нет, а тебе являлись?

Максик промолчал.

– Ты поэтому стал их рисовать?

– Поначалу кошмары приходили редко, но прошлым летом всё вдруг ухудшилось. Эти сны стали сниться почти каждую ночь. Чудовища приходили в мою комнату, нападали на меня, но каждый раз невероятными усилиями мне удавалось отбиться от них. Или я просыпался. А следующей ночью всё повторялось. Я бы не выдержал этого, если бы однажды во время кошмара мой нарисованный дракон Генце не сказал мне, что может сожрать эту тварь, если она будет нарисована. На следующий день я изобразил её на бумаге, и она перестала мне сниться. Так я начал рисовать всех чудовищ, что видел во сне, и они потихоньку отступали.

Мы с Вовкой переглянулись.

– Теперь ты сам сможешь лопать их сколько влезет, – старший брат взъерошил Максику волосы. – Только не из этого запаса. Я научу тебя охотиться.

Максик с благодарностью улыбнулся.

Ближе к вечеру Вовка с Максиком отправились в город за продуктами.

– Надо нашему мальчику элебет сделать, – шепнул мне старший брат. – Не нравится мне его рассказ.

Я был согласен с ним. Происходящее с Максиком заставляло насторожиться: действительно ли во сне приходили к нему твари, или это был кошмар наяву, который мозг отказывался принимать за реальность.

Когда братья ушли, я немного прибрался в доме и пошёл в свою комнату отдохнуть. Мне необходимо было свыкнуться с мыслью, что здесь я проведу несколько месяцев, поскольку я уже отвык от постоянного места жительства. Правда, при этом в моём сознании закрепился образ дома – Вовкиной квартиры. Её я воспринимал как точку отсчёта, как место, куда хочется вернуться после скитаний. И заменить её новым домом мне было непросто.

Я лёг на кровать, закрыл глаза и долго прислушивался к запахам и звукам нового жилища. Вот ветер шуршит листвой. Вот где-то кукует кукушка. Вот совсем издалека доносится гудок поезда. Этот мир не был мне враждебен, он мягко обнял меня и незаметно погрузил в сон.

Мне снились всё те же учёные, которых я не видел больше месяца. Они были озабочены, даже встревожены: что-то не так пошло в их эксперименте. Они до сей поры никогда не разговаривали между собой, но сегодня один обратился к своим коллегам:

– Мы теряем его! Поторопитесь!

Другой учёный взял шприц, наполнил его не жидкостью, а кроваво-красным газом и направился в соседнюю комнату. Я незримой тенью следовал за ним и, когда пересёк порог, то обомлел. На операционном столе лежал Максик, плотно привязанный ремнями к специальным петлям по периметру. Он слабо моргал, словно находился под воздействием какого-то наркотика. Учёный приблизился, намереваясь воткнуть в него шприц.

– Нет! Стой! – я ринулся к учёному, пытаясь оттолкнуть от стола, но в этот момент проснулся. Моё сердце бешено колотилось, я весь вспотел от пережитого страха. Мне хотелось вернуться в сон, чтобы спасти Максика, но уснуть в таком состоянии я не мог.

Я решил заняться делами, чтобы отвлечься, но сон не шёл у меня из головы. Что означали эти учёные? Почему именно сейчас я осознал опасность их деятельности? На самом ли деле Максик был в плену чего-то ужасного и могущественного?

Вовка прав: чем быстрее брату нанести элебет, тем лучше для него.

Будни в лесу

Наша жизнь входила в своё русло и постепенно налаживалась. Мы привыкли к месту нашего обитания. Более того, мы – каждый для себя – обустроили в нём свой уголок, чтобы заниматься тем, к чему лежит душа.

Вовка оборудовал себе кузницу под навесом между домом и баней. Он целыми днями пропадал там, создавая различные предметы быта и оружие. Например, он выковал красивые дверные петли и засов для дома, украсив всё это магическими знаками. Они не только отпугивали хищников (хотя в

гнездо дракона ни одна здравомыслящая тварь не сунулась бы), но и делали наш дом недосягаемым для пришельцев. Некоторые из них, скажем, бон или чупакабра, совершенно не боялись драконов, особенно в новом, человеческом обличии, а потому могли внезапно нагрянуть.

Но не от хищников и пришельцев мы скрывались главным образом, а от лиг. От них Вовка тоже соорудил своеобразные обереги – души девяти хищников, которые расположил по периметру двора. Он поместил их в стеклянные бутылки, разрисованные магическими символами, бутылки закопал в землю под забором и на том месте водрузил на шестах головы поверженных.

– Чтобы не забыть, кто где спрятан, – пояснил он нам с Максиком.

Суть оберега была в том, что каждая тварь, охотящаяся за человеческой душой, создавала некое подобие защитного экрана от лиг-охотников или научалась чувствовать их близость за несколько километров. Всё это Вовка и использовал, чтобы укрыться от наших преследователей или знать об их приближении.

А чтобы защититься от богов вне дома, он выковал нам с Максиком два потрясающих меча. Помимо того, что их эфесы были украшены искусной вязью, клинки были сделаны из секретного сплава, в который Вовка добавлял несколько капель драконьей крови. Не нашей, дракоидной, а настоящего дракона. Уверен: та двухсотграммовая баночка с кровью, которую Вовка хранил в подполе, была подарена Шу. Ей ничего не стоило сцедить для любимого стакан крови.

Как объяснял нам Вовка, этот сплав, конечно, не убивал лигу, но надолго парализовал его. Даже если тело оставалось невредимым, если нанесённые раны были не смертельны, бог всё равно не мог пошевелиться – не говоря уж о том, чтобы преследовать жертву. Паралич этот длился от нескольких часов до нескольких дней – в зависимости от силы бога. И чем могущественнее тот был, тем больше времени требовалось ему, чтобы побороть ядовитое воздействие клинка.

Максик неожиданно проникся идеей сражения с лигами. Я почему-то был уверен, что он воспримет её ещё более скептично, чем я, но младший внезапно заинтересовался историей противостояния лиг и драконов. Думаю, в нём говорила его сущность: воину положено иметь врага – кровного или идеологического, иначе сама суть воинской ипостаси оказывается бесполезной. Подгоняемый этой крепнущей ипостасью, Максик ежедневно тренировался. Для этого Вовка оборудовал ему спортплощадку на заднем дворе, и там младший по нескольку часов в день фехтовал, выполнял силовые упражнения, отрабатывал броски и удары. Через месяц он уже стал побеждать меня в спаррингах, а ещё через пару месяцев сравнялся по ловкости и хитрости с Вовкой. Безусловно, воинское искусство давалось Максику легко, но надо отдать ему должное, он не останавливался на достигнутом. Когда ни я, ни Вовка не могли составить ему компанию для тренировок, он устраивал, как говорят боксёры, бой с тенью и фехтовал в одиночку. Стрелял он тоже метко – навскидку попадал точно в яблочко движущихся мишеней.

Я же просиживал за своей магической книгой. Находящаяся в подполе батарея бутылок навела меня на мысль. Некоторые ингредиенты, расшифрованные мной в тексте, применялись для изготовления стекла, и я принялся делать его в домашних условиях, воспользовавшись кузнечной печью Вовки. После трёх неудачных попыток у меня, наконец, получилась бесформенная и неровная стеклянная бляшка. Она была толщиной с палец, а её волнообразная поверхность искажала предметы. Но когда я случайно положил её на раскрытую книгу – прижал страницу, чтобы она не переворачивалась, – сквозь мою корявую линзу я разглядел новое слово, которое раньше было сокрыто от меня. Эта удача вдохновила меня на более детальное изучение книги. С помощью линзы я просмотрел все страницы и выписал в блокнот ещё с полсотни новых слов, которые вкупе со старыми могли образовывать целые фразы. Сложив их в рецепт, я в качестве эксперимента сделал отвар из листьев подбела, крапивы и дикой вишни. Оставив его остужаться, я спустился в подпол за пустой бутылкой, чтобы перелить в неё получившееся средство, но Максик, вернувшийся с тренировки, услышал приятный запах, который давали вишнёвые листья, и хлебнул отвара, думая, что это чай. Слава богу, на вкус он оказался отвратительным, иначе Максик бы окочурился, а с одного глотка он только сознание потерял. Мы с Вовкой еле привели его в себя, но парень всё равно был вялым, не мог сосредоточиться, координация его движений и речь были нарушены, и мы

уложили Максика в кровать. Он проспал больше суток, но зато проснулся свежим и полным сил. Я подробно записал детали этого спонтанного эксперимента и понял, что мне необходима дополнительная литература. Наведавшись в библиотеку соседнего городка, я обнаружил там старую книгу с рецептами народной медицины и всяких житейских снадобий. Мне стыдно говорить об этом, но книгу я украл. Ещё одну – народный травник – выменял у деревенского алкоголика на бутылку водки. Эти рецепты приворотных зелий, средств от болей в боку и способы изготовления крысиного яда были наивными, но я ощущал в них рациональное зерно. Я непостижимым образом чувствовал, что именно могу взять за основу, а что является фольклорным излишеством. Я смело экспериментировал и подробно записывал все шаги. Чтобы не повторилась история с нечаянным употреблением моих экстрактов, я купил себе специальную посуду, хранил полученные отвары и настои у себя в комнате и обязательно подписывал флаконы.

Не забывали мы и про охоту. Лес, в котором стоял наш дом, имел выход на пять населенных пунктов: три деревни и два небольших городка, куда мы раз в неделю наведывались поживиться тварями. Чтобы мы научились ориентироваться и чувствовать направление, Вовка заставлял нас передвигаться по лесу пешком, и мы преодолевали по двадцать, а то и больше километров – бегом по пересечённой местности. Поначалу Вовка бегал с нами, обучая ориентированию, чтению следов и прочим премудростям, которые полезны не только в лесу, но и в городе. Но позже он отправлял нас с Максиком одних, указывая на карте место, где будет ждать на машине. Это были одни из самых неприятных часов в моей жизни: в лесу младший брат становился просто невыносимым. Он спорил по каждому поводу, на всё у него имелось своё мнение. И даже когда он оказывался неправ, он всё равно гнул свою линию. Часто мы, разругавшись, расходились в разные стороны, но, на удивление, всегда оба приходили к назначенной точке почти одновременно.

За время охоты я сделал несколько интересных наблюдений. Например, что хищники очень редко нападали на мелкие поселения. Казалось бы, именно там проще выследить добычу и сожрать её, но хищники этого не делали. Вовка высказал предположение, что в таких местах ещё пока сильно воздействие фольклора, в котором сохранились и способы борьбы с монстрами. Например, перевёрнутая подкова над входной дверью – вовсе не амулет, приносящий счастье. Она защищает от проникновения феи, которая входит в дом только по следам его хозяев. Перевёрнутая подкова символизирует зеркальное отражение входа и тем самым ловит фей в ловушку. К тому же в деревнях жители более сплочены, все на виду друг у друга. Убийство одного породит подозрения, жители объединятся и пойдут в атаку, чего хищникам не хочется. В городах же всем друг на друга плевать. Большинство не интересуются жизнью соседей. Жизнь в толпе делает людей безликими и одинокими, что значительно облегчает охоту. Не только хищникам, но и нам, честно говоря. Разобщенность людей в больших городах помогала нам маскироваться и выслеживать тварей.

Однако хороший или, как говорил Вовка, калорийный улов случался не так часто, как хотелось бы. Основной нашей пищей оставались по-прежнему паразиты. Их мы добывали как раз в деревнях. На наше счастье и на своё несчастье, люди, избавленные нами от паразитов, очень быстро обзаводились новыми. В мелких поселениях для этих тварей был настоящий рай: источив одного человека, они тут же переключались на другого – члена семьи или соседа. Там я впервые увидел, как один паразит может вытеснять и даже убивать другого. Когда я вытаскивал лярву из одной женщины, в её душе я заметил свежий, ещё не затянувшийся след от игоши. Вовка сказал, что лярва способна поедать душу вместе с живущей в ней другой тварью. Думаю, поэтому хищники избегали деревень. Кому хочется есть добычу, обглоданную червями?

Впрочем, не только охота заботила нас. Не забывали мы и о других событиях. Например, про день рождения Максика второго июня. Он случился через пару недель после нашего приезда в лесную хижину, поэтому выезд в город младший брат воспринял, как глоток свежего воздуха. Мы отправились в областной центр, где Вовка пообещал Максику любые удовольствия, какие только придут ему в голову. Там мы сначала налопались суши до отвала, потом играли на симуляторах, потом отправились в парк и без малого три часа провели на экстремальных аттракционах, от которых у меня разболелась голова. И Вовка не был бы Вовкой, если бы не совместил приятное с

полезным. Он предложил Максику отправиться в казино, и глаза младшего радостно засверкали. Конечно, в такие заведения несовершеннолетних не пускали, но немного гипноза – и вот мы втроём в игровом зале.

– Жень, покажи ему, как звать золото, – шепнул мне Вовка и громче добавил: – Парни, я за рулетку, а вы можете заняться игровыми автоматами.

Пока Максик тиранил «однорукого бандита», я учил его своим премудростям:

– Ты видишь золотую цепочку на том парне? Только резко не оборачивайся…

Максик скосил глаза в сторону и кивнул.

– Ты чувствуешь её?

– В каком смысле?

– Играй, не отвлекайся, – я ткнул его в бок. – Чувствуешь её присутствие? Как будто она жжёт тебя, не дает покоя, как загнутый край скатерти.

– Мне плевать на скатерть.

– Я образно, болван! Неужели ты не ощущаешь зов золота?

– Нет.

Я не знал, как ещё объяснить ему то, что ощущал я. Цепочка не давала мне покоя, буквально сводила с ума.

– Смотри, как я буду действовать. Возможно, когда-нибудь ты попробуешь сам, и у тебя получится. Тогда ты поймёшь, что я имею в виду, – я прижал указательный и средний палец к большому, а потом резко разжал их. Цепочка расстегнулась и соскользнула в рубашку парня.

– Нормально! – хихикнул Максик. – Как ты её теперь будешь доставать?

– Никак. Она сама придёт, – я совершал едва заметные вращательные движения указательным пальцем, как будто наматывал на него нитку. Через полминуты цепочка показалась из штанины парня и медленно заструилась ко мне по полу. Максик от удивления открыл рот, хотя Вовка ему уже показывал фокус с летающим золотом.

– Думаешь, только старший брат умеет непостижимые вещи? – гордо хмыкнул я, наклонился и поднял цепочку. – Попробуй ты!

– У меня не получится! Я даже не понимаю, как надо чувствовать золото.

– Однако ты его хорошо видишь. Попробуй притянуть его, словно магнитом. Услышишь, как оно отзовётся. Ты сразу поймёшь, что это голос золота.

Максик наморщил лоб, закрыл глаза и замер, словно перед прыжком. Однако произошедшее дальше напугало не только меня, но и его самого. Внезапно заслонка в кармане игрового автомата, куда должны ссыпаться выигранные монеты, открылась. Вернее, даже не открылась – её словно сорвало! И деньги хлынули нам на колени металлическим дождём. Мы с братом испугано переглянулись, но я нашёлся первым.

– Ты выиграл, чёрт! – заорал я, схватил Максика за плечи и принялся от души трясти. – Ты выиграл в грёбаный автомат в свой день рождения!

К чести Максика надо сказать, что он тут же подыграл мне: начал скакать и кричать от радости. На нас стали оглядываться люди.

– Я выиграл! Выиграл! – верещал младший. – Теперь я куплю себе ноутбук!

Он кинулся собирать деньги, набивая их в карманы джинсов. В зале появился Вовка. По его лицу я понял, что нам надо уходить, поэтому помог брату собрать все монеты до последней и повёл его к выходу.

– Я, кажется, просил привлекать к себе как можно меньше внимания, – бурчал Вовка, пока мы шли к джипу. – Зачем было так шуметь, если вы выиграли?!

– В том-то и дело, что мы не выиграли, – кашлянул я. – Я учил Максика притягивать золото, а он притянул деньги.

Вовка остановился и вопросительно взглянул на младшего.

– Я не знаю, как это получилось, – тот пожал плечами, отчего монеты в кармане его мастерки брякнули. – Со мной раньше такого не случалось.

– Ладно, садись в машину. По дороге поговорим, – Вовка открыл дверцу.

– Сегодня просто волшебный день! Вов, поехали в стрип-клуб! – воодушевился Максик, забираясь на заднее сиденье.

– Ещё чего!

– Ты сам сказал, что сегодня исполнишь все мои желания! – обиделся младший. – Или твоё слово ничего не значит?

– Давай стрип-клуб перенесём на твоё шестнадцатилетние.

– Это нечестно!

– Если ты все желания израсходуешь сегодня, то что будешь делать через год?

– Через год я буду опять в Варне, и там мне стриптиз не светит ещё три года!

Вовка тяжело вздохнул, завёл мотор и выехал с парковки.

– Так что, поедем? – с надеждой поинтересовался Максик.

– Нет, извини, но мы домой.

– Ты обещал исполнить все мои желания! – в голосе младшего послышалась обида.

– Я обещал исполнить их в твой день рождения, – усмехнулся Вовка. – Посмотри на часы: уже третье июня. Так что извини, парень, но стриптиз будет позже.

Гости

Жизнь в изолированном месте, таком как тюрьма, детдом или домик в лесу, имеет свои особенности и в частности искажает восприятие времени. В детдоме я это не особо замечал, потому что поначалу голова у меня была забита мыслями о брате, а потом – о побеге и разыскных мероприятиях, но вот теперь я смог прочувствовать это явление и даже немного изучить его.

Думаю, весь фокус тут заключался в том, что наше внимание было слишком уж направлено на нас. Мы так увлеклись своим, скажем так, становлением, что перестали замечать мир вокруг. И в том числе и время. А оно, пользуясь нашим невниманием, как шаловливый ребёнок, то бежало галопом вперёд, то замирало, то переходило на шаг. Я не заметил, как пролетело лето. Просто в один прекрасный день я глянул в окно и вдруг обнаружил, что грушевая ветка, которая упиралась в стекло, уже жёлтая.

Именно в это время, где-то в середине августа, к нам пожаловали близнецы. Кот продвинулся в исследованиях ядерного топлива, и ему требовались масштабные испытания. Вовка с Бешей имели в этом ценный опыт, меня интересовал научный аспект, а Максик просто был рад случаю продемонстрировать другому воину свои умения.

Я встречал близнецов у развилки, где дорога сворачивает с шоссе к лесу. Прождал час, прежде чем появилась их машина – спортивный серебристый «Додж Чарджер».

– Красивая тачка, – похвалил я, забираясь на заднее сиденье. – Только по лесу на ней далеко не уедешь.

– Не оскорбляй мою детку, если ты не видел её в деле, – обиделся Беша.

Мне стало неловко, особенно после того, как машина свернула в лес и продолжила движение по колее как ни в чём не бывало.

– Всё дело в магии, – пояснил Беша. – Я нанёс на колёса заклинание устранения. В старину его использовали, чтобы проходить сквозь стены, но немного выдумки – и можно увеличить и проходимость автомобиля, и пробивную силу пули, и проникающие способности света.

Я с интересом слушал. Возможно, наша телепортация с одного берега Дуная на другой могла быть более мягкой, если бы Вовка использовал это заклинание. И, возможно, именно так Шу добиралась на своём спорткаре в глухомань.

– Что за испытания вы хотите провести? – спросил я.

– Твой брат поделился очень интересной информацией про использование ядерного топлива, – вступил в разговор Кот. – Конечно, ему пришлось действовать спонтанно, но у меня была возможность всё проанализировать и изучить. В результате я пришёл к весьма обнадёживающим выводам: драконы могут стать такими, какими их привыкли видеть люди.

– В смысле?

– Огнедышащими! – не выдержал Беша. – Мечта всей жизни, да, брат?

Кот смущённо улыбнулся.

– Если мы научимся изрыгать огонь, нам не придётся бояться богов, бонов и других чудовищ, – продолжал Беша. – Это они будут бояться нас. Даже архангелы!

– А ты не думаешь, что боги ещё сильней начнут контролировать нас? Раньше мы были для них просто пожирателями тварей, а теперь начнём наводить ужас. Возможно, они будут использовать нас как оружие в борьбе с другими кланами.

Кот промолчал, но не Беша:

– Как они смогут использовать нас, если мы станем сильнее них?

– Эту силу нам будет давать обогащённый уран, а значит, он сделает нас и уязвимыми. Стоит им только взять под контроль атомную промышленность, как мы окажемся у них в руках.

Беша фыркнул, а Кот задумчиво смотрел в окно.

– Я хотел защитить нас, но получается, что я сделаю нас ещё более беззащитными, – тихо произнёс он и вздохнул.

– Но это не значит, что ты должен бросать исследования! – я поспешил его успокоить. – Ты делаешь нужное дело, и никто не знает, где и когда это пригодится.

Додж мы оставили рядом с джипом.

– Забрались к чёрту на рога, – Беша оглядел окрестности. – Серьёзно думаете, что вас тут не найти?

– Ты бы не нашёл, – улыбнулся Кот.

Мы направились к дому. Переход по пересечённой местности давался Коту нелегко: его хромота не позволяла ему двигаться с нашей скоростью, поэтому Беша то и дело останавливался под разными предлогами – то поправлял сумку, то зашнуровывал кроссовки, то углядел в траве ягодку земляники. Мне такая завуалированная забота казалась очень трогательной.

Увидев наши обереги по периметру, Кот восхищённо присвистнул:

– Да вы мастера конспирации! Я бы ни за что не додумался!

– Это всё Вовка, – не без гордости сообщил я.

– Умно придумано: вий, изакарон и кикимора создают защитный экран, фея, полкан и горгона отпугивают других тварей, а вампир, валькирия и див предупреждают о приближении богов. Нам надо тоже соорудить нечто подобное. Что скажешь, брат?

– Да, наши соседи будут в восторге, – кивнул Беша. – Особенно Коноплёвы – рассадник паразитов.

Кот недовольно качнул головой.

Вовка с Максиком ждали нас во дворе.

– Неплохо вы вложились в недвижимость, – вместо приветствия произнёс Беша, по-дружески обняв Вовку и пожав руку Максику.

– Просто повезло, – отмахнулся Вовка. – Пообедаете?

– Давайте сразу приступим к делу. Хотелось бы к ночи уже уехать, – вздохнул Кот.

– Я думал, вы будете проводить испытания несколько дней.

– Боюсь, на несколько дней у нас не хватит асбеста и одежды, – Беша нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

Мы с братьями переглянулись.

– Рассказать о сути эксперимента? – Кот присел на чурбан.

– Конечно!

– То, что ты мне рассказал про бой с ангелом, показалось мне весьма интересным, – начал Кот. – Я уже давно понял, что ядерные отходы дают драконам силу, но раньше её всплеск по принципу маятника сначала давал, потом отнимал энергию. Причём отнимал в два раза больше. Снижение дозы отбирало меньше сил, но и выхлоп давало тоже небольшой. У тебя же после употребления

урана не произошло обратного поглощения энергии. Я сначала думал, что дело – в топливе. А потом понял, что не только в нём. Конечно, обогащённый уран сильнее, чем отработанное топливо, но он дал не просто силу. Он позволил тебе воспользоваться энергией более сложного и могучего существа.

– Ангела? – удивился я.

– Нет. Меня зацепил один момент. Спец сказал, что когда ангел пустил волну, он разбил её мечом.

– Да. Направил его острием навстречу… – припомнил Вовка.

– Но только одна вещь в этом мире может сопротивляться ангельской волне.

– Какая? – не выдержал Максик.

– Огонь, – ответил Вовка.

– Именно! – Кот хлопнул себя по коленке здоровой рукой. – Напитавшись ураном, ты смог привлечь на свою сторону силу огня. И я подумал: может, это поможет сделать нас огнедышащими?

– Как в самых страшных людских кошмарах, – хищно усмехнулся Беша.

Мы с братьями ошарашено молчали, и Кот истолковал это, как недоверие.

– Я перерыл множество книг, я искал символы и заклинания, – кинулся объяснять он. – И в результате понял, как надо действовать. Как получить власть над огнём и использовать его в своих целях. И я нашёл способ!

Кот вынул из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и развернул, демонстрируя рисунок:

– Символ солнца и огня во многих людских религиях и культурах. Это первый элемент. Второй – уран. Ураном звали первого верховного греческого бога, который символизировал небо.

– Муж Геи, породивший Кроноса, который потом сверг отца? – уточнил я.

– Именно! Третий – радий. «Лучистый» металл, открытый первым из своих собратьев. Он светится, и это видно невооруженным глазом.

– Да-да, его и назвали радием потому, что по-латински «радиус» означает «луч», – Максик тоже не преминул щегольнуть своими знаниями.

– Точно! – похвалил его Кот. – Лучи, освещающие небо, исходят из…

– Солнца! – обрадовался наш младший.

– Уран, обогащённый радием, – это небо озарённое лучами. Лучами солнца. А древний символ – власть над этим солнцем или огнём, – закончил Кот.

У меня мурашки бежали по коже от его рассказа. Этот парень казался мне научным гением. Я за два месяца разгадывания книги додумался только сделать стекло да приготовить с десяток коктейлей, из которых мне помог только один, а о назначении других я мог лишь догадываться. Возможно, они вообще не имели никакой силы. Но Кот! Он занимался ядерной физикой и химией в домашних условиях, он обладал потрясающим багажом знаний. Не думаю, что поиск взаимосвязей между вещами давался ему легко, но Кот умел находить связующую нить. Находить и внедрять в свои изобретения.

– И как этот знак действует? – заинтересовался Вовка.

– Его можно носить в виде амулета, чтобы он постоянно касался тела. Можно нанести татуировкой, тогда не надо опасаться, что ты потеряешь амулет или в нужный момент он утратит контакт с твоей кожей.

– Я так и сделал, – Беша задрал рукав футболки и продемонстрировал нам татуировку. Она ажурным обручем обвивала его бицепс, при этом символ огня так искусно вплетался в узор, что угадать его могли только посвящённые.

– Могу продемонстрировать мой эксперимент в действии, – предложил Кот.

– Если это не спалит наш дом.

– Поэтому и нужен асбест. Прежде чем я понял, что нельзя проводить испытания на открытом пространстве и вблизи легковоспламеняющихся материалов, я чуть не сжёг свою лабораторию и нашу машину.

– И небольшой пожар на старом складе не забудь, – хмыкнул Беша. – Славно горело! Восемь пожарных машин, четыре часа на локализацию, двести тысяч ущерба…

Кот опустил глаза и шумно выдохнул.

– Здесь кругом лес – не самое удачное место для таких испытаний, – Вовка развёл руками. – Но недалеко есть озеро.

– Вообще-то мы хотели предложить примерно то же самое, – Беша потёр переносицу. – В паре километров озеро с большим песчаным пляжем. Песок – хорошее противопожарное средство.

– Но вам ведь хочется испытать силу огня на большом расстоянии? – предположил Вовка. – Боюсь, пляж не даст вам такого разбега.

– Ты прав, – кивнул Кот. – К тому же хотелось бы попробовать стрельбу по движущимся мишеням.

– Это как? – насторожился Максик.

– Я пропитал асбестом два комбинезона и сделал шлемы. Может, кто-нибудь из вас согласится посостязаться с Бешей в скорости метания огненных зарядов?

Мы снова переглянулись.

– Мне самому… не очень удобно… – я видел, с каким трудом Кот произносит эти слова. – Потому что я… мне…

– Ему надо вести наблюдение, а не пулять в меня огненными стрелами, – выручил брата Беша. – Ну что, Спец, будешь моим напарником?

– Я буду! Я хочу! – словно чёртик из табакерки, выскочил Максик.

– В очередь, мелкий, – беззлобно осадил его Вовка и, видя, что брат надулся, добавил: – Я не могу рисковать единственным воином.

– Тогда снимай рубашку – нарисуем тебе символ солнца, – Беша вынул из сумки небольшую пластиковую баночку, в каких продаётся гуашь.

Вовка слегка сдвинул брови, но промолчал.

– Не дрейфь, это краска, которой наносят контуры татуировок, – заметив его взгляд, пояснил близнец. – Сойдёт через неделю.

Испытание огнём

Я не ожидал, что эксперимент произведёт на меня такое сильное впечатление. Вовка и Беша надели огнеупорные комбинезоны и тряпичные шлемы, пропитанные асбестом.

– Вам самим огонь не причинит вреда, но простая одежда может вспыхнуть, – говорил Кот, наблюдая за переоблачением. – Такого, правда, ещё не было, но я решил подстраховаться.

После этого участники эксперимента проглотили по куску урана размером с горошину. Кот уверил, что он точно рассчитал дозу и её должно хватить на несколько часов.

– Не думай об огне, – советовал Беша Вовке. – Думай о том, как достать меня. Твоя сущность сама призовёт стихию на помощь.

Сначала парни провели разминочные упражнения. Беша несколько раз метнул огонь в Вовку. Самой стрелы видно не было – только огненные искры посыпались, когда она ударилась об асбестовый костюм. У Вовки не получалось так же хорошо, как у близнеца, видимо, тот за время своих тренировок успел наладить связи со стихией. Однако парни постепенно раззадорились, и вот уже через час они носились по берегу вдоль воды и, словно снежками, перестреливались огнём. Смотреть на это было забавно, особенно на то, как огонь, попадая на комбинезоны, рассыпался алым дождём. Веселье закончилось, когда Вовка промахнулся и рядом с Бешей вспыхнул куст.

– Чёрт, туши его! – испугался Максик и бросился к кусту. Беша тоже принялся забрасывать его песком, но я зачерпнул ведром воду и вылил её на огонь.

– Откуда у тебя ведро? – удивился Вовка.

– Прихватил для такого случая, – мне нравилось, что в чём-то я оказался предусмотрительней остальных.

– Испытания переходят в опасную стадию, – Кот потёр переносицу.

После этого пришлось перенести их на дальнее расстояние. Вовка на лодке переправился на небольшой каменный островок, находящийся в паре сотен метров от берега, а Беша остался на берегу. По уговору он должен был расстреливать моего брата, которому нужно было уворачиваться и скрываться от огня.

– Я должен рассчитать скорость и дальность полёта заряда, чтобы модифицировать его, – объяснял им Кот. – Чем больше мы знаем об этом явлении, тем больше у нас шансов подчинить его себе.

Боже, как мне нравились его слова! Он говорил, как настоящий учёный! И ради его экспериментов я сам готов был пуститься на любое испытание. Впрочем, не я один. Максик крутился вокруг Беши, как губка впитывая его советы и приёмы. Я не трогал его. Если бы младший мешал близнецу, тот бы прогнал его, а так один воин перенимал опыт у другого, и моё вмешательство только бы навредило. Сам-то я с не меньшим вниманием следил за всем, что делал Кот. Как он измеряет скорость заряда, просит брата выстрелить под углом, с разбега и с разворота. Мне вдруг вспомнился тот незнакомец в лесу, который спас нас с Максиком от химер. Его огненные заряды были намного сильнее тех, которыми обстреливали друг друга Вовка и Беша. У незнакомца они набухали прямо в ладони, как будто он не призывал на помощь стихию, а сам воспроизводил огонь. И стрелы эти были плотнее и ярче, их было видно от начала полёта до самого попадания в цель. Сдаётся мне, поражающая сила этих зарядов тоже в несколько раз превышала ту, что рождали урановые всплески на наших испытаниях. Однако волна, которой он меня отбросил, имела не огненную природу. Это было словно силовое поле. Узнать бы, как он это сделал! Мне казалось, что это умение даст драконам намного больше, чем метание огня.

После эксперимента братья остались на ужин. Я запёк картошку с мясом, и пока блюдо готовилось, у нас с Котом состоялся профессиональный разговор.

– Как продвигаются твои дела с книгой? – спросил он.

– Медленно, – признался я. – Всё такое запутанное… Я приготовил массу отваров, каких-то смесей и жидкостей, но не знаю, правильные ли они.

– Секрет этой книги в том, что все её элементы и все способы приготовления – правильные. Важно не то, что и с чем ты смешиваешь, а то, для чего пригодится полученное. Изъятие одного ингредиента или изменение порядка их смешивания влияет на конечные свойства продукта.

– Но как мне выяснить эти свойства? Максик однажды хлебнул отвар, и мы с Вовкой его еле откачали.

– Настоящего колдуна не должен останавливать страх, – глаза Кота заблестели. – Вот, возьми, – он протянул мне свёрнутый в несколько раз листок.

– Что это? – я развернул его и увидел рецепт.

– Панацея. Слышал о такой?

– Лекарство от всех болезней?

– Именно. У людей не получилось создать его. Вернее, создать-то они его создали, но на людей он не действует, – Кот понизил голос. – Я достал этот рецепт незаконно. Украл. У богов. Они лечат этой штукой все свои раны, и нам она тоже помогает. Снимает негативный эффект любого яда, лекарства и даже оружия. Оно как бы возвращает тебя на исходную точку. Так что имей это противоядие всегда при себе и смело проводи все испытания.

– Когда на вас напал бон, у тебя его с собой не оказалось? – догадался я.

Кот опустил глаза и тяжело вздохнул:

– Да. К тому же надо успеть принять его в первые девять минут. Именно столько организм дракона сопротивляется самому сильному яду. Ну, а про раны и так понятно: чем быстрее выпьешь, тем меньше крови потеряешь и тем быстрее восстановишься.

– Спасибо, Кот, – я положил руку на его левое плечо. – Могу ли я к тебе обращаться, если мне понадобится какая-то помощь?

– В любое время. К тому же у меня есть и на тебя виды в качестве ассистента. Пока об этом рано говорить, но ближе к зиме я посвящу тебя в свои планы. Так что скорей овладевай своим лекарским искусством.

Его вера в меня и мои способности окрыляла. Я готов был хоть сейчас сесть за изучение книги, но присутствие гостей не давало мне возможности уединиться. Впрочем, близнецы собрались в путь, когда стемнело. Мы с Максиком проводили их до машины.

– Научишь меня подсекать мечом? – младший не отлипал от Беши. Весь остаток дня они провели во дворе, фехтуя на мечах и бросая друг друга через бедро.

– Непременно! Но пока отрабатывай то, что я тебе сегодня показал. Скоро мы встретимся и устроим турнир. Всё будет по-настоящему, я не стану поддаваться, – подначивал его Беша. – Буду бить в полную силу.

– Я тоже буду в полную, – успокоил его Максик. – Посмотрим кто кого.

Подойдя к машине, Беша открыл багажник и кинул туда свою сумку. В это время Максик резко выбросил руку в сторону его лица. Конечно, он бы не достал Бешу, просто в юношеском задоре решил проверить реакцию своего кумира. Кумир не подкачал, ловко перехватил его кисть – и через пару секунд нападавший полетел в траву лицом вниз, а близнец упёрся ему в спину коленом.

– Всё-всё, сдаюсь! – смеясь, просил пощады Максик, но Беша не спешил отпускать его.

Кот закатил глаза и мотнул головой, но в этом жесте не было ни недовольства, ни осуждения. Скорее, наоборот, ему нравилось, что брат нашёл себе ученика, который скоро сравняется с ним по силе и станет настоящим напарником. Думаю, Кот переживал, что из-за своих ран он лишил Бешу полноценных тренировок, охоты и просто дурачеств. Поэтому не вмешивался, позволяя двум воинам вдоволь нарезвиться. Он положил в багажник свою сумку и захлопнул крышку, намереваясь сесть в машину и дождаться конца возни там.

– Ну… приезжайте ещё, – улыбнулся я, протягивая Коту ладонь для рукопожатия, но Беша, вдруг отпустив Максика, резво вскочил и отстранил меня:

– Ты что сейчас сделал? – не то испуганно, не то разозлённо обратился он к брату.

Кот ошарашено замер, потом пролепетал:

– Закрыл багажник. Там остались ключи?

– Нет, чёрт возьми! Ты закрыл багажник! – теперь в голосе Беши слышалась радость.

– Д-да… – Кот настороженно сдвинул брови. – Я всегда так делаю…

– Но не левой рукой!

Теперь мы с Максиком остолбенели, потому что для такой нехитрой процедуры, как закрытие багажника, требуется поднять руку выше плеча, чего раньше Кот сделать не мог.

– Ну-ка, попробуй ещё раз! – потребовал обрадованный Беша. – Давай, брат, подними руку!

Кот оглядел нас, словно искал защиты, а потом медленно поднял руку до уровня груди.

– Выше! – настаивал его брат.

– Не могу…

– Ты только что захлопнул эту чёртову крышку! Ты можешь!

– Я захлопнул её правой рукой.

– Нет, брат, на правом плече у тебя была сумка. Ты скинул её, а левой взялся за крышку.

Мы с Максиком с замиранием сердца следили за происходящим. Кот ещё раз попытался поднять руку, но было видно, что усилие причиняет ему боль.

– Да не могу я! – в отчаянии воскликнул он.

– Сейчас не можешь, но если ты сумел закрыть багажник, значит, не всё потеряно! – Беша схватил его за плечи и тряхнул. – Не всё потеряно, Котяра! Мы прорвёмся!

Кот вдруг повернулся ко мне и как-то нехорошо прищурился:

– Это ты!

– Что я? – я чувствовал, что начинаю краснеть.

– Ты сегодня клал руку мне на плечо. На левое плечо.

– Не помню…

– Зато я помню! Когда мы болтали, ты подошёл и положил руку мне вот сюда! – Кот хлопнул себя по больному плечу. – От тебя исходят лечебные волны.

– Значит, ты можешь вылечить моего брата? – оживился Беша.

– Слушай, если бы я мог это сделать, я бы держал на нём руки с утра до ночи, – смутился я. – Но я не умею лечить такие болезни. Я вообще не думал об этом в тот момент!

– Он и ногу мне так вылечил, – влез в разговор Максик.

– Значит, и моего брата вылечишь, – улыбнулся Беша, но улыбка у него была весьма пугающая. – Чего бы тебе это ни стоило!

– Беша! – осадил его Кот. – Поехали!

Близнецы сели в машину.

– Совершенствуй мастерство, – сказал Кот перед тем, как захлопнуть дверцу.

Впрочем, не только со мной в тот день творились странные вещи. Когда мы с Максиком вернулись в дом, то нашли Вовку в его кузнице. Он развёл в печи огонь и смотрел на него, неподвижно сидя на земле напротив. Мы окликнули его, но брат не пошевелился. Казалось, он уснул с открытыми глазами.

– Вовка! Вовка! – я тормошил его за плечо. – Пошли в дом!

– Я не могу пожертвовать… – почти не двигая губами, произнёс брат.

– Чего? – Максик присел перед ним.

– Не могу жертвовать братьями… – всё так же тихо говорил Вовка. – Они – всё, что у меня есть. Я потерял отца и мать, не могу потерять ещё и их…

В тот момент я подумал, что Вовке, наверное, тяжело жилось с отчимом. Мой отец, конечно, никогда не бил и не унижал пасынка, но отказывал ему в праве быть нашим старшим братом. Как будто он был соседским мальчиком, который по непонятным причинам жил в нашем доме. При том что Вовка давал нам несравнимо больше, чем отец. Я осознал это только сейчас, и от этого у меня испортилось настроение.

– Вова! Вова! – взывал к брату Максик, похлопывая того по щекам. – Очнись же, ну! Хватит бормотать – приходи в себя!

После нескольких минут транса Вовка вернулся в сознание и очень удивился, увидев нас рядом.

– Ты плел какую-то чушь! – выпалил Максик, но я ткнул его в спину, призывая не откровенничать.

– Пойдёмте спать. Завтра у нас много дел, – Вовка поднялся и принялся гасить огонь в печи.

Ночью меня разбудил какой-то странный звук. Я сел на кровати и несколько минут прислушивался: звук доносился из подпола. Взяв кухонный нож, я подошёл к люку, и в это время из своей комнаты появился Вовка.

– Ты тоже это слышал? – шёпотом спросил он.

– Да, кажется снизу…

Мы спустились в подвал и обнаружили там Максика. Он сидел на полу в дальнем углу и раскачивался из стороны в сторону. По его щекам ручьями текли слёзы, а взгляд был устремлён куда-то вдаль, сквозь пространство. В руке Максик сжимал мой топаз, который мы с Вовкой спрятали в коробке, украшенной драконьей кожей, а коробку закопали в подполе.

– Отрыл ведь! – выдохнул Вовка, осторожно разжимая пальцы брата и забирая у него камень. – Надо перепрятать.

Пока я закапывал кольцо в новом месте, старший сел на колени перед младшим и обнял его, прижав к себе.

– Я не хочу смерти… не хочу, – всхлипнул Максик. – Ты умрёшь, а мы останемся…

– Я не умру. Драконы бессмертны, ты же знаешь, – успокаивающе говорил Вовка, поглаживая брата по спине.

– Олий… Олий убивает… Олий! – последнее слово Максик выкрикнул так громко, что у него сорвался голос. Это и привело его в чувство.

Он, как и Вовка в кузнице, очень удивился, обнаружив себя и нас в подвале. Смутился своих слёз.

– Зачем вы притащили меня сюда? Думаете, это смешно? – он вырвался из рук Вовки и бросился к лестнице. – Шутники хреновы! Я вам устрою!

– С нами что-то происходит… – Вовка устало провёл рукой по лицу. – И это мне не нравится.

Память предков

Близнецы оставили нам две пригоршни урановых зарядов, как называл их Кот.

– Вы украли это для меня, помогли провести эксперимент, а значит, имеете право оттачивать мастерство, – сказал он, протянув нам свинцовую коробочку. – Потратьте их с умом.

Не скрою, несколько дней мы с братьями по очереди тренировались производить огненные выстрелы, но постепенно у нас с Вовкой это увлечение сошло на нет. Не знаю, как он себя чувствовал, а у меня урановые заряды вызывали неприятные ощущения. Я становился раздражительным и агрессивным, любая мелочь могла вывести меня из себя. Кроме того, я чувствовал, как нервы мои напрягаются до предела: я вздрагивал от малейшего шума, мне всё время чудилось, что кто-то стоит за спиной, боковым зрением я видел какое-то движение, что отвлекало меня от тренировок. А после, когда действие урана заканчивалось, я долго не мог сосредоточиться над книгой.

А вот Максик тренировки не бросил. Вовка сказал, что в нём говорит сущность воина, которая не даст ему покоя, пока в руках есть такое сильное и притягательное оружие, как огонь. Чтобы мелкий не спалил дом, в дальнем углу двора Вовка оборудовал ему тренировочную зону из асбестовых плит. Там-то Максик и проводил по несколько часов в день, пока уран не терял силу воздействия.

– Он истратит все заряды, а когда придёт время применить их, коробка окажется пуста, – говорил я старшему.

– Не беда, я раздобуду ещё стержней и отвезу Коту. Он распилит его для нас, – ответил Вовка.

Это меня успокоило. И хоть я ворчал на младшего, что тот откалывается от коллектива, сам был не лучше: просиживал за своей книгой с утра до вечера, пропуская тренировки и пробежки. Вовка сердился на меня.

– Ты потеряешь форму и не сможешь охотиться, – твердил он. – Не надо надеяться на запас в подполе. Однажды он кончится, и ты останешься ни с чем.

– Я ведь не любовные романы читаю, – огрызался я. – Мне надо разобраться с книгой, чтобы создавать лекарства и другие снадобья для нас.

– Снадобья – это прекрасно, но они не заменят тебе пищи. Чем ты будешь питаться, если нас с Максиком не окажется рядом?

– Если я не буду знать, как вылечить вас после ран феи или чупакабры, вас очень скоро не окажется рядом, – парировал я.

Я знал, что придирки брата продиктованы заботой, но все мои мысли поглощала только книга. И очень скоро я поплатился за это.

К концу сентября в свинцовой коробке осталось всего две урановые горошины. Максик прекратил тренировки, а Вовка заявил, что пришла пора навестить ещё одну атомную электростанцию. Он связался с Котом, они назначили день, когда Вовка приедет к нему с топливом, чтобы тот распилил стержень для нас. Через несколько дней брат собрался в дорогу.

– Я за ураном, а потом сразу к двуглавому, – поделился он планами. – Вернусь не раньше чем через неделю. Если к десятому октября не появлюсь или не дам о себе знать, начинайте беспокоиться.

Мне не понравилась такая формулировка, но я надеялся, что это всего лишь одна из мер предосторожности, о которой брат не забывал ни на минуту.

Когда он уехал, в доме сразу стало пусто. Раньше присутствия Вовки особо не замечалось: он много времени проводил в кузнице, но зато его отсутствие сразу бросилось в глаза. Мы с Максиком

поужинали в тишине, потом я долго не мог уснуть. Вышел на улицу и увидел на крыльце младшего. Как он сумел неслышно проскользнуть со своего чердака?

– Я так привык к Вовке за эти месяцы, что в его отсутствии мне не по себе, – сказал я, потому что мне очень хотелось поделиться своими чувствами.

– Он и раньше оставлял нас одних, – пожал плечами Максик.

– Но тогда он не уезжал так надолго.

– Я присмотрю за тобой, не скули, – хмыкнул брат, и мне захотелось врезать ему. Я тут душу выворачиваю, а он издевается. Трогательный эпизод тоски по Вовке был испорчен. Я было уже приподнялся, чтобы уйти, но Максик вдруг произнёс:

– Ты никогда не думал о смерти?

Я вспомнил, что он бормотал тогда, во время транса, и теперешние его слова меня насторожили.

– Нет, а ты?

– Это так страшно, – голос брата дрогнул. – Когда смерть – не в бою, а так… глупая, напрасная.

– Если мы будем осторожны…

– Вовка говорил, что драконы бессмертны, – тихо продолжал Максик, – но это не так. Если убить тело, то душа остается жить. Не переселяется в другое, а остается тут, в этом мире, и живёт среди нас. Понимаешь, умершие драконы слышат и видят нас, но мы не видим и не слышим их.

– Почему?

– Потому что мы чёртовы люди! – зло бросил Максик, встал и ушёл в дом.

Я же ещё долго сидел и любовался на полную луну, которая висела над деревьями, как огромный апельсин. Слова Максика напомнили мне рассказ Вовки про то, как мама спасла его от валькирий в разгар обстрела. Если он смог увидеть её, значит, и мы можем видеть души драконов. Наверное, если те сами того пожелают. Мне пришло в голову устроить спиритический сеанс и призвать душу какого-нибудь нашего предка. Единственное, что меня настораживало – это тонкий мир, в котором души обитают. Не станет ли он проводником между нами и богами? Не услышит ли кто-то посторонний мой зов? Я надеялся, что книга даст мне ответ.

К тому времени я разгадал в ней рецепт напитка, выпив который, я мог понимать многие заколдованные слова и складывать из них фразы. Жалко, что действие напитка длилось не дольше десяти минут, и я не успевал исследовать больше страницы. К тому же, когда магическое действие заканчивалось, я напрочь забывал всё, что увидел, поэтому мне приходилось параллельно записывать прочитанное. Такими темпами изучение продвигалось медленно, а напиток расходовался быстро, поэтому мне приходилось каждый день варить новый. Наступала серьёзная осень, температура воздуха по ночам понижалась до минусовых отметок, поэтому шансы отыскать ингредиенты коктейля падали. Я решил подбить Максика на поход: углубиться в горы, чтобы набрать побольше ягод и кореньев. Брат выслушал меня и отказался, мотивировав тем, что в пятницу нам всё равно придётся идти на охоту, вот тогда мы и соберём по пути мои ягоды и коренья. Ждать три дня было опасно: вдруг выпадет снег. Искать траву под снегом не так-то просто.

Я бы мог пойти на сбор один, но я боялся оставлять Максика. Один раз Вовка уже доверил мне его, а я облажался. Наступать на одни и те же грабли было не в моём характере. Мне надо было что-то придумать, чтобы выманить брата из дома, и к обеду я разработал план, как это сделать. Я поднялся по лестнице на чердак и постучался в люк. У нас с братьями была договоренность, что мы уважаем личное пространство и без стука или в отсутствие хозяина в комнаты друг друга не заходим. Я бы тоже не открыл крышку люка, если бы не услышал звук, похожий на вздох. Я принял его за приглашение и открыл крышку. Поднявшись ещё на две ступеньки, я увидел стены комнаты брата и обомлел: все они были увешаны рисунками мёртвых драконов – с отрубленными головами, с распоротыми животами, распластавшихся на камнях в неестественных позах. Но один рисунок особенно сильно резанул меня по сердцу – мёртвый дракон в клетке. На ногах его были кандалы, которые крепились к стене тяжелыми цепями. Кожа под кандалами была стерта до крови, впрочем,

как и кожа под ошейником. Дракон лежал на боку, вытянув шею к решетке, как будто до самой последней минуты звал на помощь и надеялся, что его спасут.

От этого зрелища у меня потемнело в глазах, руки и ноги задрожали, я вдруг ощутил приступ сильной паники. Закрыв люк, я спустился вниз, но ноги плохо держали меня, поэтому я сел на ступеньки, чтобы немного прийти в себя. Мёртвый дракон напомнил мне о чём-то страшном и неизбежном, к чему каким-то образом был причастен и я. Сдерживать страх уже не было сил, и я заплакал – как будто слёзы могли вымыть из памяти увиденное.

На ступенях я просидел несколько минут, пока не услышал шаги Максика на крыльце. Я тут же скрылся за дверью своей комнаты. Меньше всего мне сейчас хотелось видеться с братом, но он, как назло, постучался ко мне.

– Жень, ты тут? Жень!

Я знал, что если ему не ответить, он заглянет и увидит меня с заплаканными глазами, поэтому я отозвался и тут же сообщил, что у меня эксперимент и ко мне входить нельзя.

– Я тут подумал… давай сходим в поход. Завтра утром, ты не против?

– Чего вдруг передумал?

– Снег скоро ляжет. Как ты будешь искать свои травки под снегом?

– Слава богу, догадался! – пошутил я. – Ладно, договорились. Вечером обсудим детали.

След в след

Это была битва, какой Дима ещё не видел. Ему и раньше доводилось сражаться со стаями тварей, правда, не летающих, но мелких, с прочной, как броня, чешуей. Удары меча, даже помноженные на нечеловеческую силу лиги, не ранили тварь, а лишь наносили ей ушибы да высекали сноп искр. При этом химеры не были так хорошо организованы, как валькирии, не имели командира, не меняли тактику, а нападали оголтело и хаотично.

А вот нынешний враг агрессивней, сильнее и, самое главное, умнее бронированных химер. Валькирии очень четко организовывали атаку, меняли строй и тактику в зависимости от расстановки сил противника. Всем этим руководила ферзь – самая крупная и сильная особь. Она напоминала полководца: в бою участвовала редко, наблюдала за происходящим с самой высокой точки, раздавая команды своим солдатам. К тому же эти монстры имели ещё одно неоспоримое преимущество: они умели летать. Отражать эти воздушные атаки лигам, прикованным к земле, было чертовски сложно.

Дима готовился к этому, шагая по призыву Рональда. Он знал, что окажется в эпицентре ожесточенной схватки, знал, что придётся биться с первой секунды. И когда он завершил шаг и очутился на месте, то увиденное потрясло его настолько, что он не смог воспользоваться эффектом неожиданности, который, безусловно, был бы на руку лигам.

Они с Настасьей оказались в большой деревне на сотню дворов, не меньше. Тут имелась даже ярмарочная площадь и невысокая деревянная церквушка. Своя мельница, своя кузница, несколько бань. Сразу видно: деревня дружная, работящая.

Однако в это утро сюда даже не постучалась – ворвалась беда. Металлическими исступлёнными волнами летел над домами, огородами, колодцами, амбарами, овинами колокольный звон, спускавшийся с пригорка. Дима не сразу понял, почему валькирии не убили звонаря. Набатный призыв разлетался далеко по округе, и твари надеялись, что он привлечёт в деревню жителей соседних поселений, которые поспешат на помощь. Больше людей – больше пищи.

Основное же действо происходило на ярмарочной площади, посреди которой был вбит высокий и толстый столб. Во время гуляний его использовали для развлечений: храбрецы и ловкачи взбирались по нему на самый верх, где был прикреплён главный приз – сапоги, отороченная мехом душегрейка или жирный гусь. В будни столб использовался для наказаний. Но сейчас он возвышался мачтой смерти над грудой искалеченных, ещё живых, копошащихся, стонущих и кричащих тел. Валькирии приносили сюда всё новых и новых жертв. Догоняя бегущих, они хватали их с воздуха, рвали на части, но не убивали, а стаскивали на ярмарочную площадь. Тех, кто пытался убежать или

уползти, снова поднимали в воздух и бросали с высоты. Со сломанными ногами или позвоночниками люди не могли выбраться из этой могилы. Десятки человек с оторванными руками и ногами, со вспоротыми животами, медленно умирали, истекая кровью, их крики и стоны смешивались с надрывным звоном колокола и с кличем валькирий.

Кровавое липкое болото расползалось всё шире и шире. От этой жижи, которая плохо впитывалась в утоптанную тысячами ног землю площади, исходил тёплый и сладковатый смрад мясной лавки. Небо пестрело от крыльев летающих монстров, по земле метались их рваные тени, казавшиеся почти осязаемыми в рассветных сумерках.

На одном конце площади, где дома были поосновательнее, находился Рональд, который пытался навязать бой врагу. Но валькирии не подлетали к нему близко, дразня безнаказанностью и собирая кровавую жатву. Рональд перемещался с земли на крыши домов, пытаясь ухватить или ранить подлетающую к площади тварь. Иногда ему это удавалось, и тогда валькирия была вынуждена биться. Но большинство попыток командира оставалось безуспешными, и он снова возвращался на землю, чтобы сбить с толку тварей или успеть перехватить падающего человека.

С другой стороны деревни Цезарь, почти как его командир, скакал по крышам в надежде одолеть жестоких монстров. Правда, он не телепортировался, потому что процесс этот у него отнимал гораздо больше времени, чем требуется в бою, но зато он применял магию, позволяющую заметно уменьшить вес тела. Он использовал все возможные поверхности, перепрыгивал с крыши на дерево, с дерева на другое дерево, а оттуда – снова на крышу. К тому же он успел вооружиться предметами людской утвари – топорами, ножами, лезвиями от литовок. Эти острые предметы Цезарь метал в валькирий, и в метании, надо сказать, он был мастер. Доказательством этого служили тела убитых тварей, разбросанные по всей деревне тут и там.

Но после появления Димы Цезарь улучил момент и прыгнул с дерева на валькирию, которая, бросив на площади очередную жертву, отправлялась на поиски следующей. Охотник ухватил её за ногу, а та, пытаясь сбросить груз, металась из стороны в сторону и чуть не столкнулась с другой тварью. Цезарь изловчился и ухватил вторую за крыло. Валькирии бросились в разные стороны, но силы в охотнике было больше, чем в простом человеке, поэтому разорвать его так, как чудовища разрывали селян, у них не получилось. Твари, издавая пронзительные отрывистые крики, опускались на землю в дерганом штопоре. Из-за этого охотник одновременно и опускался, и улетал в бок, и вращался вокруг своей оси.

Всю эту картину Дима охватил одним взглядом, уловил тысячи деталей, проанализировал, принял решение. И выхватил меч.

Появление подкрепления валькирии восприняли с неодобрением. Возможно, они надеялись, что та пара, отправленная к озеру, разберётся с человеком и лигой, поэтому пополнение в рядах охотников их совсем не обрадовало. Ферзь, взвившаяся в воздух с какого-то дерева, издала клич, больше напоминающий клёкот: как будто хотела напугать и обратить в бегство врагов, но захлебнулась на самой высокой ноте, и в горле у неё забулькало, закипело.

Что означал этот крик, Дима не знал, но мог предположить, что ферзь перестраивает свои войска. Или предупреждает о возросшей опасности.

«Сюда бы ангела», – с грустью подумал Дима, до сего момента считавший этих воинов дармоедами, которые пригождались от случая к случаю. Однако сейчас была именно та ситуация, когда требовалась помощь опытного воина, обученного сражаться с любым врагом. Да, ангелы, как и охотники, не умели летать, но в их арсенале был целый набор уловок и различных приспособлений. Они могли напускать туман, стрелять разрывными стрелами, выпускать ядовитый дым, могли ослеплять светом и плавить броню раскалённым железом. Всего этого так не хватало команде Рональда!

Между тем одна из валькирий набросилась на Диму. Он отразил одну атаку, вторую, третью – и вдруг понял, что надо сделать, чтобы дезориентировать противника, сломать его планы. Это внезапное решение придало ему сил, и он без труда пронзил вёрткую тварь мечом. И сразу бросился к Настасье, которая пыталась помочь мальчику с откушенной по локоть рукой.

– Поджигай солому! Со всех сторон площади. Нужно много дыма! Поджигай всё, что чадит! – крикнул Дима, потому что чудища не понимали человеческую речь, да и не было сейчас в воздухе тварей. – Надо заставить валькирий спуститься на землю и принять бой.

Он знал, что твари не улетят, не бросят добычу. Не для этого они накрывали эту кровавую поляну.

Настасья бросилась выполнять приказ, а сам Дима шагнул, исчезнув с площади, но тут же появился на конце деревни, откуда дорога уходила в соседнее поселение. Орудовал он быстро: проверял, не осталось ли в домах людей, и поджигал крыши. Крытые соломой, кизяками и хвоей, они сразу давали столбы бело-серого едкого дыма. Устроив пожар на одном конце деревни, Дима переместился в другой и проделал то же самое. Завеса дыма должна была помешать валькириям летать. Кроме того, в ней охотникам было легче спрятаться и напасть неожиданно: из мишеней они превратятся в скрытого, и потому опасного противника. Поняв задумку соратника, Рональд бросил попытки ухватить вьющуюся над деревней валькирию и тоже принялся поджигать крыши. И только ножи и колья Цезаря продолжали настигать окутанных дымной мглой тварей.

Летающие монстры растерялись. Сбились в стаю над лесом, не зная, как подобраться к сложенной на центральной площади добыче. А оставить её и дождаться, пока дома прогорят и дым рассеется – значит, остаться голодными, потому что за это время лиги призовут ловцов, а те переправят души в лимб – место, куда путь закрыт всему сущему, кроме людских душ и самих лиг.

Ферзь снова что-то проклёкотала, и её стая поднялась так высоко в воздух, что полутораметровые чудовища стали размером с голубей. Дима не мог видеть, что там происходит, но понимал, что, скорее всего, перестроение для атаки. Вот твари вроде бы построили какую-то геометрическую фигуру, рассыпались, снова собрались в стройные ряды, разлетелись… К ним присоединялись новые особи, вернувшиеся из полётов в другие селенья или нагонявшие беглецов в поле. Чудовищ становилось всё больше и больше, и Дима с ужасом заметил, как к парящему строю присоединились ещё две ферзи. Поразительно! Раньше вожаки стай никогда не охотились вместе. Каждая ферзь вела свой клан, состоящий, как правило, из двух-трёх десятков особей, на охоту на заранее разведанную территорию. Твари разбивались на пары или тройки и атаковали выделенную им часть местности, поедая людские души. После этой трапезы группы приносили ферзи часть добычи: в основном, детей, потому что их проще было поднять в воздух. В уединённом и охраняемом месте ферзь вкушала плоды охоты, и после этого стая отправлялась в укрытие – отдыхать до следующей вылазки.

Но тут… Три стаи слились в одну армию – это что-то новенькое! Видимо, ещё и поэтому валькирии стаскивали людей в одно место – чтобы удобнее было делить добычу. И сейчас три ферзи пытались договориться, как им действовать дальше. Этот бы момент использовать для атаки, но уж больно высоко взлетели чудища. Даже Цезарь с его соколиным глазом и твёрдой рукой не добросит туда ни нож, ни копьё.

Между тем решение в небесах было принято, и валькирии выстроились конусом, который, вращаясь вокруг своей оси, стал быстро спускаться на землю, как огромный наконечник копья, как спираль, готовая ввернуться в землю.

– Оружие к бою! Готовность к обороне! – гаркнул Рональд, и голос его прокатился над деревней, как раскат грома, поверх колокольного звона.

Клин пронзил дымовую завесу и распался на отдельные части, которые шрапнелью метнулись – каждая к своей цели.

Кто напал на Цезаря, Дима не видел. Успел только заметить, что три самые мускулистые валькирии налетели на Рональда. Верный тактический ход: пока есть силы, надо атаковать командира. На Диму насели сразу четыре, но молодых и не очень опытных монстра. Видимо, купились на тщедушность его фигуры, посчитали, что с ним будет просто справиться.

Что ж, они ошиблись. Одним ударом Дима отсёк голову самой первой атакующей твари. Три другие отпрянули, понимая, что придётся попотеть, чтобы свалить этого охотника. Неопытность тварей проявлялась в том, что они не могли решить, как атаковать противника. Начинали скопом –

мешались друг другу, а по одиночке им было страшно: меч лиги свистел в опасной близости от их тел, и вместо того, чтобы наносить удары по противнику, валькирии подлетали, уворачивались от его оружия и отлетали на безопасное расстояние. Может, они надеялись таким образом вымотать лигу? Глупое решение, потому что лиги не чувствовали усталости и могли биться несколько часов подряд.

Но вот одна все же решилась нанести удар. Дима прикрылся левой рукой, как щитом, но за секунду до того, как когти твари коснулись его предплечья, он ухватил валькирию за ногу, резко развернулся вокруг себя, размахивая пойманным противником и отпугивая двух других, а потом насадил тварь на меч. Этому фокусу научил его Иззила. Правда, хорошо срабатывал он на сухопутных врагах, а на летающих Дима применил его впервые. И сразу удачно!

Однако порадоваться этому не дал человеческий крик. Он не походил на крики людей, умиравших на площади, но в то же время этот голос Дима очень хорошо знал. Подняв глаза, он увидел, как над домами поднимаются две валькирии. Одна держала Настасью за ноги, другая – за правую руку, в которой был всё ещё зажат меч.

Дима рванулся в ту сторону, но понял, что помочь девушке ничем не сможет: слишком высоко поднялись чудища. Словно по команде они раздались в стороны. Треск разрываемой плоти резанул по ушам, и следом его перекрыл истошный крик Настасьи. Валькирия бросила оторванную руку, и та, падая, завертелась по спирали, увлекаемая тяжестью оружия.

Крик услыхал и Рональд. Он коротко вскинул голову, но не посмотрел на своего растерзанного сокола – всё его внимание было приковано к атакующим его тварям.

Дима молниеносно переместился на крышу сарая, выхватил нож и метнул его в Настасью, чтобы прервать её мучения, но валькирия, нёсшая девушку, на мгновение затормозила в воздухе, и нож вместо груди вонзился в живот Настасье. Твари издали ликующий крик, и в этот момент Дима ощутил, как в его спину вонзаются острые и длинные когти валькирии.

Сбросить монстра со спины оказалось трудной задачей: тварь хлопала крыльями и оттаскивала охотника то в сторону, то назад. Давала делать замах, но не давала наносить удар. Дима понял, что больше не может игнорировать валькирию за спиной, но избавиться от неё не успел – услышал Рональда.

– Цезарь, шагай в локацию! Проси помощи у Лавра! – прокричал командир охрипшим от дыма и натуги голосом.

Цезаря Дима не видел, но знал, что великан услышал приказ. Вот только шагать Цезарю было опасно. Во-первых, слишком медленно он это делал. Когда лига шагает, иными словами, когда он перемещается в пространстве, за ним остаётся коридор от точки входа до точки выхода. Проход этот держится не более десяти секунд, и мало кто, кроме, конечно, самих лиг, может видеть его. И уж тем более перемещаться по нему. Однако валькирии научились это делать. Дано ли было им это умение от рождения, или развилось за столетия противостояния – никто не знал, потому что валькирии были самыми малоизученными монстрами в этом мире. Но Рональд-то знает, что валькирия будет преследовать лигу по пятам и перегрузки ей нипочём. А за медлительным Цезарем может переместиться не одна и не две, а целая стая. Так почему командир приказал именно этому охотнику шагать?

Во-вторых, Цезарь переместится сразу в локацию – место, где хранится оружие, где спит беззащитный Иззила и откуда можно без проблем попасть в Центр. Если валькирии додумаются, как это сделать, то Центру придёт конец. Конец всем планировщикам, ловцам, магам, наставникам – всем, кто управляет судьбами всего живого в этом мире. По сути, это будет означать конец мира.

Но Дима всё же надеялся, что наверху должны были предусмотреть вариант неожиданного вторжения, а вот за Иззилу он переживал очень сильно. Тот спит, безоружен, не слышит и не чувствует ничего, что происходит вокруг – лёгкая добыча даже для самого тщедушного монстра. Но если валькирия употребит душу лиги, она станет ферзью. Ферзи практически непобедимы, потому что в одном теле уживаются две силы. Одолеть ферзь удавалось только отрядам вооружённых до зубов ангелов, половине из которых после боя потребовалось новое тело.

Зачем Рональд так рискует? Может, у него есть план? Может, в локации засада? Тогда не проще ли связаться с ними и попросить вызвать сюда ангелов?

Дима, не оглядываясь на командира, шагнул в то место, где в последний раз видел Цезаря. Прямо с валькирией за плечами переместился к церквушке, на которой уже замолчал колокол. Видимо, из-за дыма звонарю стало трудно дышать, и он покинул звонницу.

Предупредить Цезаря об опасности приказа Дима не успел. Всё, что он увидел, – это тающий в воздухе силуэт соратника. В этот силуэт врезалась и исчезла из вида одна тварь. Надо было торопиться.

То, что Дима сделал далее, повергло в ужас и ту валькирию, что болталась у него за спиной, как крылатый капюшон, и ту, что хотела атаковать с лёта. Охотник вскинул свой меч и всадил его себе в грудь по самую рукоятку. Тварь за спиной взвизгнула, затрепыхалась, пытаясь отцепиться. На плечо Диме брызнула горячая жижа.

Другая валькирия испуганно шарахнулась в сторону, заложив острый пируэт, поднялась в воздух на несколько метров и зависла там, с тревожным любопытством наблюдая, что будет дальше. С её точки зрения противник в самый разгар боя совершил самоубийство, прихватив с собой врага. Одного врага, а мог бы десяток! Одним словом, увиденное так потрясло тварь, что она даже не сообразила, что пока меч в охотнике, он безоружный. И Дима воспользовался этим замешательством – шагнул прямо с бьющейся в агонии за плечами валькирией. Однако, выйдя из коридора в локацию, он вынул из груди меч, повернулся лицом к проходу и выставил клинок вперёд. Ловушка сработала. Валькирия, бросившаяся вслед за ним, напоролась на меч, завизжала и забилась. Дима упёрся сапогом ей в живот и выдернул клинок из умирающего тела.

Всё это заняло не более трёх секунд – и в это время в паре метров от Димы начал проявляться Цезарь. Дима бросился к товарищу, чтобы предотвратить переход тварей вслед за ним в локацию. Задумка была хорошая, но слишком уж медленно Цезарь двигался по коридору. Едва он завершил переход, как в локацию посыпались твари – с десяток валькирий вывалились в холл из его прохода, как мелочь из дырявого кармана. Две сразу кинулись на Диму, и завязался нешуточный бой. Поскольку Цезарь был крупнее товарища, его валькирии воспринимали как более серьёзную угрозу и облепили со всех сторон, пытаясь разорвать на части. Цезарь отбивался: стряхивал с себя тварей, давил их, прижимая к стенам плечом или спиной, откидывал пинками раненых, перекладывал меч из руки в руку, чтобы менять направление удара и запутывать соперника. Дима хотел бы помочь ему, но сам никак не мог справиться с вёрткой парочкой, которая избегала его меча, не позволяя наносить смертельные удары.

Мечи лиг в материальном мире могли лишать жизни любое существо, даже не нанося ему смертельных ран. Достаточно было воткнуть оружие в тело настолько, чтобы выпуклая полоска, идущая вдоль клинка, вошла в плоть. Обычно хватало двух-трёх секунд, чтобы запустить механизм поглощения сущности: контейнер, находящийся в рукояти, через клинок начинал всасывать в себя чужую жизнь. Однако в локациях лиг контейнер не работал из-за эктоплазменного генератора, гасившего любые другие источники энергии, поэтому приходилось использовать меч как обычное оружие – протыкать, крушить, отсекать.

В холл сходились четыре коридора. Один вёл в арсенал, где хранилось не только оружие, но и необходимые для исследования и бытовых нужд приборы и генератор локации. Другой ход вёл в лабораторию, третий – в кладовую контейнеров, где держали пойманных для исследования тварей. Рональд называл это место аквариумом, хотя воды там отродясь не было. Четвёртый же коридор вёл в жилой отсек. Там лиги отдыхали, планировали операции, готовились к разведке. Там сейчас спал Иззила – в своей комнате, которая, конечно, не запиралась. Краем глаза Дима заметил, как одна из валькирий, покинув сутолоку сражения, поскакала именно по этому, четвёртому, коридору. Может, учуяла ещё одного охотника, а может, просто случайно выбрала это направление. В любом случае Иззила был в опасности, и Дима рванулся вслед за тварью, но на него тут же насели другие. Дима уж не сражался, он вырывался, как ребёнок, – лишь бы успеть спасти товарища. Когда он понял, что из когтей ему не вырваться, то заорал что есть сил:

– Иззила! Проснись!

– Опасность, Иззила! Вставай! – подхватил своим басом Цезарь.

«И зачем Рональд послал его? – с болью подумал Дима. – И сам погибнет, дурак, и нас с Иззилой загубит».

Его мысли оборвал крик, раздавшийся из комнат отдыха. Валькирия настигла спящего охотника. Вернее, он уже успел проснуться, но до оружия не дотянулся. Почти сразу крик перешёл в хрип и тут же умолк. Это означало не только то, что Иззила погиб, но и то, что в локации теперь появилась ферзь. И теперь не имеет значения, перебьют ли они с Цезарем тварей в холле. Тот монстр, что появится здесь через минуту-другую, прихлопнет обоих охотников в два счёта. Спастись можно было, только если выйти за дверь. Не шагнуть через пространство, чтобы ферзь не увязалась следом, а просто выйти за дверь и запереть зверюгу в локации. А там уже совместно с другими охотниками решить, как поступить дальше: вызвать ангелов и всё-таки убить тварь или же оставить её подыхать с голоду взаперти.

Момент был удачный: пока ферзь не вернулась в холл, можно выскочить наружу. И пусть даже следом вылетят остальные – их осталось-то всего четверо. Но в ту же секунду Дима подумал о лаборатории. Там имелся капсульный канал сообщения с Центром – что-то типа лифта, соединяющего материальный мир с миром тонкой материи, где обитали лиги и где находился Центр. И если ферзь каким-то образом догадается, как пользоваться этим лифтом (ничего мудреного в этой технологии не было), то мигом окажется в Центре. Поэтому перед тем, как покинуть локацию, нужно было обезопасить святая святых от нежелательного вторжения.

– Я перекрою канал! – Дима метнулся к нужному коридору, а за ним по пятам неслись ещё две твари. Хватаясь за косяки, чтобы не заносило на поворотах, охотник миновал карантинную зону, склад с реагентами и непосредственно саму лабораторию. Позади неё находилась рубка с каналом связи. К сожалению, она не имела дверей, а потому отрезать преследователей Дима не мог. Он подскочил к стеклянному двухметровому в диаметре тубусу, который вырастал из пола и уходил в потолок, и ударил по нему мечом. Покрытие неожиданно тонко зазвенело, как хрусталь, по нему скользнула трещина, намереваясь опоясать тубус, но замерла, не пройдя и нескольких сантиметров, как будто у неё кончились силы. Схватив бросившуюся на него тварь, Дима швырнул её на стекло. Теперь оно ответило сухим хрустом, трещина разветвилась, а её ствол стал более объёмным. Надо во что бы то ни стало сломать защитный пенал, и тогда внутри канала невозможно будет создать давление для перемещения.

Выставив меч вперёд клинком, Дима навалился на сооружение всем весом. Металл заскрежетал, скользя по стеклу, но потом острие угодило в небольшую выемку трещины, меч зафиксировался. Тубус издал резиновый скрип и лопнул с оглушительным звоном, плюнув в охотника фонтаном осколков. Валькирия, которая изготовилась для новой атаки, испуганно прижалась к полу. Вторая со страха прыгнула к дальней стене. Дима воспользовался этим и метнул в дальнюю тварь большой осколок, а ближнюю пригвоздил к полу мечом. Убедившись, что расправился с противником (осколок так удачно вонзился в горло валькирии, что почти отрезал ей голову), Дима вынул меч и бросился обратно к Цезарю.

В голове уже созрел план: прямой наводкой к двери, открыть, выскочить самому и вытащить, если он ранен, Цезаря, а потом дверь захлопнуть. Она бронированная и выдержит напор целой стаи ферзей. К тому же локация не имеет ни окон, ни других отверстий, сообщающихся с поверхностью, например, вентиляции, но ферзь этого не знает и бросится искать другой выход. Это отвлечёт её от двери, и можно будет разработать ловушку.

Цезаря, видимо, тоже посетили подобные мысли, потому что едва он заслышал шаги Димы, как заорал:

– Ыстрее дыерь! Я рирою!

Выскочив в холл, Дима понял, почему тот так нелепо выговаривал слова: его рот был порван до правого уха, и нижняя губа свисала на грудь кроваво-красной тряпицей. Вообще, выглядел Цезарь настолько плачевно, что Дима понял: выберутся они из передряги – и друга придётся пересаживать

в новое тело. Сейчас у него не было левой руки, мышцы на спине и бедрах вырваны клочьями, кое-где даже виднелась кость. Левого глаза Цезарь тоже лишился, на его месте по черепу шли три глубокие царапины – следы от когтей.

Надо было спешить: со стороны спален, со скрежетом царапая пол когтистыми лапами, двигалась ферзь. Поглощённая сущность лиги даровала ей не только небывалую силу, но и внушительные размеры. Обычная тварь была ростом с человека, но ферзи вырастали более двух с половиной метров, и размах крыльев у них становился исполинский.

В этой было метра три, не меньше. С одной стороны, это давало ей неоспоримое преимущество в бою, но с другой – локация стала тесна ей. Вот сейчас ферзь буквально протискивалась по коридору, по которому несколько минут назад резво скакала к спящему Иззиле. Её крылья даже в сложенном состоянии скребли по потолку, а их кончики волочились по полу, и это доставляло твари дискомфорт. Она постоянно выгибала спину то вправо, то влево, вытягивала шею, пытаясь уменьшить свои габариты.

Пока коридор играл роль сдерживающего фактора, надо было уходить, и Цезарь открыл дверь. Смертельно раненая, но ещё сохранившая силы валькирия вцепилась зубами ему в ступню, намереваясь откусить её. Цезарь торопился покинуть локацию, пока ещё не лишился возможности ходить.

Тварь же собрала последние силы и бросила своё тело в противоположную сторону от двери, увлекая за собой лигу. Цезарь с грохотом растянулся на полу лицом вниз. Дима поспешил к нему, подхватил под уцелевшую руку и рывком привёл в вертикальное положение. Лицо товарища вдруг вытянулось, единственный глаз округлился. Дима шарахнулся в сторону, и на месте, где мгновение назад была его голова, просвистела лапа ферзи. Валькирия, которая до этого пыталась отгрызть Цезарю ногу, дала Диме подсечку.

Ферзь ринулась к нему, но на её пути оказался Цезарь: обнял одной рукой монстра, как старого друга, с которым не виделся много лет, и они, сплетясь, покатились по полу. Дима вскочил на ноги, но Цезарь истошно заорал:

– Дэ-э-эрь!

Дима понял, чего хочет товарищ. Вызвать подкрепление они так и не успели. Передатчик находился в жилом отсеке, но оставаться в тесном пространстве с разъярённым монстром глупо.

– Я вернусь! – пообещал Дима и выскочил за дверь. Ферзь дёрнулась следом, не желая отпускать добычу: аппетиты у этой зверюги тоже выросли, – но Цезарь намертво вцепился в неё и, упираясь ногами в пол, сдерживал продвижение чудовища. Дима снаружи прислонил к двери рукоятку меча, дверь плавно тронулась с места, уменьшая просвет.

Чтобы случайные охотники, грибники или другой люд, который любит шастать по глухим лесам, не обнаружили тайную локацию лиг, по периметру устанавливались защитные экраны, которые отпугивали не только людей, но и зверей. Однако Дима на всякий случай огляделся: никого. Бросился прочь от двери, напролом через густые заросли, чтобы увести за собой валькирий, если таковые притаились где-нибудь возле входа в локацию.

Однако чем дальше Дима удалялся от локации, тем сильнее кольцо сжимало его палец. Под ним уже трещала перчатка. Будь Дима человеком, он бы сейчас кричал от боли, но охотник ничего не чувствовал, кроме тугого сжатия. Да и топаз изменил цвет: стал ярче, а внутри него словно волны ходили. Дима остановился, чтобы разглядеть изменения, которые происходят с перстнем, но тут же усмехнулся: всего лишь тени от деревьев играют на гранях. Он ещё раз крутанул головой: нет ли преследователей, – и шагнул.

Очутился он на огромной и идеально круглой, словно след от гигантского ведра, поляне. Вокруг всё поросло травой, а под ведром осталась чёрная земля, нетронутая растениями. Впрочем, кое-какая травка и блёклый мох смогли пробиться с краев и выросли – жиденькие и чахлые из-за отсутствия солнца. Версия с ведром Диму почему-то развеселила. Возможно, потому, что до сего

момента он ни разу не смотрел на поляну чужими глазами, глазами того, кто попал сюда в первый раз и не знает, что здесь находится.

А находился здесь, ровно посередине круга, трёхметровый валун – вход в локацию Лавра. Она была самой крупной в восточном секторе и одной из самых внушительных в клане, потому что строилась одной из первых. Раньше здесь обретались все охотники и ангелы, а теперь – только три отряда охотников и линейка ангелов. Большой эктоплазменный генератор питал локацию, чтобы поддерживать в боевой готовности снаряжение ангелов. Этот генератор и изменил ландшафт поляны, но сам Лавр не очень переживал по этому поводу. Он говорил, что это неплохо отпугивает людей, и потому нет необходимости ставить заслоны.

А ещё людей отпугивала сама глыба. Иззила рассказывал, что этот валун притащил сюда один из первых охотников – Сон. Случилось это в стародавние времена, когда командир Лавра, ныне старейшего среди лиг, сам был молодым и неопытным охотником в команде Сона. Сон намеренно выбрал такой огромный камень: чтобы в дверь могли пройти не только охотники, но и ангелы. В те времена они ещё не использовали человеческие тела как сосуды, а помещались внутри механических трёхметровых приспособлений. Иззила говорил, что существовало несколько и четырёхметровых образцов, потому что чем сильнее был ангел, тем габаритнее ему требовался «костюм».

К тому же так удачно сложилось, что по форме глыба напоминала человеческую фигуру, которая глубоко ушла в землю: овальная голова, плавно переходящая в плечи с выступами рук. Этот образ сначала заставил древние племена соорудить из камня идола, но Сон парочкой фокусов разогнал шаманов. С тех пор о камне шла дурная слава – лучше для маскировки не придумать.

На правах хозяина самой большой восточной локации Лавр принимал у себя охотников, ловцов и ангелов, которым нужна была помощь или поддержка. Вот и Дима сейчас бежал к валуну, чтобы позвать на помощь Лавра и его мини-армию. Он подскочил к камню, приложил к нему рукоятку меча, ожидая, когда откроется дверь, но этого не произошло. Локация, по-видимому, была заперта, а все её обитатели разошлись по делам. Но даже если и так, объединённая локация всё равно должна впускать гостей! Для того и создали замк*и*, чтобы вовнутрь не проникли посторонние, а свои могли попасть в любое время, если имели ключ! Ключом выступали рукоятки мечей, которые настраивались под каждого владельца индивидуально. И было странно, что дверь не открывается, ведь меч принадлежал Диме и был активен.

У него имелась одна догадка на этот счёт. Строго говоря, сама локация, как и все остальные, находилась в ином измерении, но выход из неё всегда делался в материальном объекте этого мира – как правило, в камне, потому что он долговечнее. И дверь можно было переносить на любую сторону объекта, поэтому Дима обошёл глыбу и снова приложил меч. Нет, не хотят его впускать.

Это сначала обескуражило, а потом разозлило. Неужели помощи не будет? Неужели Рональду суждено погибнуть вместе с сотнями людей, которые угодили на кровавый пир валькирий? Неужели никто не спасёт Цезаря, запертого с ферзью? Дима с размаху ударил по скале кулаком, отчего с поверхности глыбы посыпались каменные крошки.

И тогда он ощутил это – близость опасности и растущую тревогу. Он осторожно выглянул из-за камня и обомлел: там, где он несколько минут назад вышел из коридора телепортации, сидела ферзь. Она принюхивалась, хищно смежив выпуклые, лишённые ресниц глазища.

Дима спрятался обратно за камень. Как она тут оказалась? Коридор должен был закрыться ещё в тот момент, когда охотник подошёл к камню. Так быстро долететь сюда на крыльях через несколько сотен километров тварь не могла, но это совершенно точно была та ферзь, что осталась с Цезарем. У неё на шее всё ещё кровоточили царапины от рук Цезаря. Может, ему удалось выскочить из запертой локации, но он не смог вовремя закрыть дверь, и потому ферзь тоже выбралась наружу? Или Рональд вернулся, открыл дверь, а тут эта зверюга...

Допустим, каким-то образом она оказалась вне локации, но как тогда перенеслась сюда? Коридор закрылся, а самостоятельно перемещаться сквозь пространство эти твари не умеют – только идти по следам. Хотя поручиться за это охотник не мог: слишком плохо были изучены валькирии.

Однако надо было что-то предпринимать. Скоро ферзь учует его, и тогда придётся дать ей бой. Чтобы одолеть столь сильного противника, нужна хитрость. Эффект неожиданности отменяется, потому что тварь сама чуть не застигла Диму врасплох. Подмоги ждать неоткуда. Остаётся надеяться на смекалку.

Охотник огляделся и приметил недалеко от края поляны толстенную сосну. Нижние ветки её, как водится, потеряли хвою, но зато торчали не хуже рогатины. Дерево было достаточно тяжёлым, чтобы придавить ферзь и не позволить ей выбраться. Даже если оно удержит тварь хотя бы с полминуты, этого хватит, чтобы Дима расправился с чудовищем.

Но как свалить дерево? Срубить мечом с одного удара не получится: слишком толстый ствол. Вырвать его с корнем Дима не сможет. Единственный быстрый вариант – подрубить сосну настолько, насколько хватит одного замаха, а потом раскачать и свалить. Для этого придётся забраться повыше на дерево, чтобы оно упало под весом лиги.

Дима прижался спиной к камню, пытаясь уловить, что делает ферзь. Не было у него такого дара, как у Цезаря – чувствовать намерения противника по его позе и даже тени. Единственное, что ощутил Дима – что ферзь его заметила и выжидает, с какой стороны камня он появится, чтобы напасть.

Действовать надо сейчас, пока враг не сделал ход первым и не помешал осуществить задумку. Дима покрепче сжал меч и шагнул, исчезнув у камня и появившись возле нужного дерева. Он с размаху вогнал меч в ствол. Затрещала и брызнула во все стороны сухой крошкой кора. Клинок продвинулся до середины ствола и замер. Дима надеялся, что удастся подрубить сосну поглубже, но ферзь заметила его и устремилась к добыче.

Несмотря на большие крылья, валькирии довольно проворно перемещались по лесу, опираясь крыльями о стволы и защищаясь от хлещущих веток. Такой крупной особи, как эта, густая крона нипочём. Там, где обычная валькирия остановится, боясь запутаться в ветвях, ферзь попрёт напролом, как лось через валежник.

Охотник не стал дожидаться, пока тварь продемонстрирует свои таранные качества, вынул меч из ствола и снова шагнул, оказавшись на верхушке дерева с подрубленной стороны. Ферзь, ещё секунду назад готовая броситься на лигу, теперь остановилась, глядя на него с настороженностью и любопытством. Сосна опасно закачалась, и, чтобы она не упала раньше времени, Дима схватился за ветки и откинулся назад, создав противовес. Устроился поудобнее, словно схоронился в хвойных лапах.

Ферзь выжидала, что лига предпримет дальше, но тот бездействовал, и тогда тварь приняла решение. Она обошла вокруг дерева, примериваясь, как лучше добраться до добычи, и взлетела, намереваясь схватить её. Но Дима этого и ждал: начал быстро перемещаться вокруг ствола. Колючие ветви мешали твари схватить лигу, поэтому она в охотничьем азарте пробивалась сквозь хвою, ломала тонкие отростки сосновых лап, желая во что бы то ни стало добраться до жертвы.

Как только Дима совершил первый круг и снова оказался на подпиленной стороне, он ухватил ферзь одной рукой за шершавое кожистое крыло и рванул на себя. Потеряв равновесие, тварь боком завалилась на ствол, и тут охотник схватил её второй рукой за лапу. Ферзь рванулась, чтобы освободиться от захвата, и тем самым потянула дерево. Оно стало медленно накреняться. С оглушительным треском ломался ствол в подрубленном месте. Ферзь поняла, что сосна падает на неё, впилась зубами в правое запястье охотника. Дима сжал зубы – не от боли, но от напряжения. Удерживать зверюгу становилось всё труднее, но сдаваться нельзя! Надо продержаться, пока ствол не окажется на земле. И даже если тварь откусит ему кисть – наплевать! Он одинаково хорошо владеет мечом и правой, и левой рукой.

Однако дальше произошло нечто, не входящее в планы лиги. Если бы Дима был лесорубом, он бы учёл этот момент, но он ни в одной из жизней, к сожалению, не валил лес. Сосну он выбрал широкую, разлапистую, и стояла она не у края поляны, а глубже в лес. Дима посчитал, что веса дерева хватит, чтобы упасть, подминая кроны более тонких берёз и тем более кустарников, но ветви

росшей в стороне липы сцепились с лапами сосны. Тогда, сидя у камня, Дима посчитал эту сцепку незначительной, а вот сейчас…

Словно прося помощи у товарища, сосна хваталась хвойными руками-ветками за лиственные плечи липы, и та поддержала соседку в трудную минуту. Поддержала и в переносном, и в прямом смысле. Падение остановилось.

Ферзь тут же воспользовалась заминкой и одним махом откусила Диме большой палец на правой руке. Это было проще, чем отгрызать целую кисть, но из-за отсутствия пальца охотник не удержал крыло, и тварь вырвалась. Замахала крыльями, уходя в сторону. Дима зарычал, сжимая лапу валькирии. Нельзя её отпускать, иначе весь план насмарку!

Ферзь злилась, что никак не может освободиться из такого нехитрого захвата. Она упиралась в ствол свободной лапой, дергаясь всем телом. Кора трещала под её когтями. Как порванный парус, хлопали крылья, обдавая лигу волнами воздуха. Откусить палец на второй руке тварь не решалась, потому что боялась приближать голову к охотнику. Она тянула его, вжимая в угол между толстенной веткой и стволом. Дима ощутил, как внутри него что-то оборвалось и сместилось, вызывав незнакомое доселе ощущение. Наверняка лопнуло ребро и воткнулось обломком в мышцу. Но охотник не сдавался. Он чувствовал, что перелом в сражении наступит уже совсем скоро.

И он наступил… Правда, не такой, как Дима ожидал. Липа не выдержала нагрузки и выпустила сосну из своих ветвей. Повинуясь тягловой силе рвущейся ферзи, сосна продолжила падение, но только теперь ещё и поворачивалась вокруг своей оси, как бы катясь, перебирая лапами по кронам мелких берёз и сосёнок. А когда под ней кончились опоры, она с шумом повалилась на землю.

И только тогда Дима, до сего момента увлечённый борьбой с тварью, осознал, что падает он спиной вперёд. Он тут же выпустил ферзь и попытался перебраться на другую ветку, что была повыше, но вес летящего на него дерева лишал проворности. Спустя четыре секунды сосна гулко грохнулась на поляну.

Если бы не мощные ветки, которые упёрлись в землю, как распорки, Диму бы раздавило стволом. Лига может игнорировать травмы, в том числе и столь значимые для человека, как перелом позвоночника, но если тело разорвёт на куски или оно превратится в кашу, воспользоваться им лига уже не сможет. Однако в этот раз удача была благосклонна к охотнику: он остался цел, но при этом зажат в капкан из толстых веток и мощного ствола сверху.

Ферзь увидела, что её противник теперь уязвим, и поднялась высоко в воздух. Дима понял, что она хочет спикировать на сосну, чтобы своим весом и силой разгона сломать ветки, которые не дают дереву раздавить лигу.

Дима попытался телепортироваться, но для прохождения сквозь пространство требовалось сделать шаг: именно поэтому сие перемещение так и называлось. Шаг задавал и ускорение, и направление движения, но придавленный стволом, охотник не мог его сделать. Он начал лихорадочно работать руками и ногами, стараясь выбраться из соснового плена. Получалось плохо. Хвоя цеплялась за одежду и волосы и не давала двигаться быстро.

Ферзь тем временем с размаху приземлилась на ствол, как акробат на жердь, лежащую на плечах его друзей. Захрустели более слабые ветки, дерево угрожающе приблизилось к Диме, но пока ещё держалось на нескольких обломках. Теперь между грудью охотника и стволом с трудом можно было просунуть руку. Сквозь ветки он видел, как ферзь снова поднялась высоко, развернулась, расправив огромные крылья, как гигантская птица. Это самый важный момент для любого хищника – момент наивысшей концентрации сил и энергии перед решающим броском или ударом. Правое крыло твари заслоняло появившееся над лесом солнце. По тени Дима мог ориентироваться, как и с какой стороны зайдёт для удара тварь, и почувствовал, как она камнем устремилась к поваленному дереву…

Но вдруг тень дрогнула и резко ушла в сторону. Солнце ударило по глазам, сочась между иголками. Крылья хлопали, как бельё на ветру, унося хозяйку от опасности. А в том, что опасность была, Дима не сомневался. Иначе почему ферзь так неожиданно сдала назад? Что-то заставило её сменить курс, и это насторожило Диму, потому что третьего действующего лица (или лиц) он не

видел. Однако этой паузой надо было воспользоваться. Возможно, у охотника будет больше времени, если два хищника устроят битву за добычу.

– Эй ты, там! Выбирайся! – услышал он незнакомый голос.

Судя по отсутствию беспокойства в голосе (а любой человек забеспокоился бы, что столь огромная сосна придавила незадачливого лесоруба), говорил лига. Дима, обдирая кожу о кору и сучья, перекатился на живот и пополз не вдоль ствола, как делал раньше, а к краю кроны. Там ветви мягче, их можно будет сломать.

Выбравшись, наконец-то, из-под завала, он увидел Фоля – охотника из локации Лавра. Фоль был первоклассным разведчиком, поэтому его редко брали в большие битвы. Цезарь восхищался умением этого лиги маскироваться и настолько сливаться с окружающей средой, что его не замечали ни звери, ни твари. Он единственный из всех лиг смог подкрасться к жилищам эльфов и несколько дней наблюдать их быт. Собственно, всё, что лиги знали об этих существах, они знали со слов Фоля. Видимо, и к ферзи он тоже хотел подкрасться незамеченным, но потом понял, что на засаду и маскировку нет времени, и вступил в бой.

Фоль был невысокого роста, гибкий и ловкий, как балаганный акробат. При этом славился своей немногословностью – ценное качество для разведчика. В этом Цезарь стремился ему подражать, хотя сам был любителем почесать языком. Фоль стоял в нескольких шагах от пня с высоко торчащей щепиной, отломившейся от ствола при падении. В одной руке он держал меч, а в другой – хлыст с длинным и тонким, сплетённым из серебряной канители хвостом. Дима слышал, что это оружие, прозванное Языком смерти, в руках Фоля намного опаснее, чем меч в руках Рональда.

– Отходи в локацию! – коротко бросил Фоль и, чуть согнув колени для устойчивости, отвёл руку с хлыстом назад для замаха.

Дима быстро огляделся: в лесу слишком много преград для такого оружия: деревья, кустарники. Чего доброго хвост обовьётся вокруг ствола – и останется охотник без оружия. Но вслух ничего не сказал: Фоль не первый год орудовал Языком смерти. Дима трусцой побежал к камню.

Ферзь в это время закладывала новый вираж. Она, скорее всего, уже ощутила на себе опасность оружия охотника, и поэтому метила в другого, который двигался к поляне. Фоль вскинул руку, описав над головой небольшой круг. Серебристый хвост лениво повторил это движение по более длинному радиусу, а потом молнией рассёк воздух, сшибая мелкие ветки, вытянулся в блестящую струну и самым кончиком коснулся ноги ферзи. Тварь взвыла, дёрнулась вверх, резко набирая высоту.

Дима подскочил к камню и снова приложил к нему рукоять меча. И снова дверь не шелохнулась.

– Не открывается! – крикнул он коллеге, который медленно и всё так же на чуть согнутых ногах пятился к глыбе, задрав голову и не спуская глаз с ферзи.

– Мой откроет! – отозвался Фоль и, быстро обернувшись к Диме, швырнул ему свой меч.

Дима хотел напомнить, что меч в руке чужака теряет свойства ключа, но тех секунд, на которые Фоль прервал зрительный контакт с тварью, хватило, чтобы она ринулась на него с бешеной скоростью. Охотник коротко замахнулся хлыстом, но ферзь увернулась от удара. Она прощупывала соперника, отыскивая его слабое место и примериваясь к его оружию.

Дима поднял меч и приложил его рукоятку к камню. Дверь снова не поддалась.

– У меня не получается! Твой меч не реагирует… – начал Дима, но Фоль перебил его в замахе:

– Вставь в камень!

Дима оглядел и для верности ощупал поверхность глыбы ладонью: гладкая, как коленка. Ни щербинки, ни щели. Куда вставлять меч?

Где-то над головой, со свистом разрывая воздух, пролетел кнут Фоля, но ферзь не издала ни звука. Это означало, что она уже приноровилась к оружию и теперь готовит атаку.

– Просто воткни в камень! – донёсся напряжённый голос охотника.

Дима по привычке размахнулся и хотел всадить клинок в твердь, но из-за отсутствия большого пальца не удержал рукоятку. Оружие со звоном ударилось о породу и отскочило, едва не лишив лигу уха. Дима зарычал с досады, сунул в ножны свой меч и торопливо поднял клинок Фоля левой рукой.

На этот раз всё получилось, как надо. Меч вошёл в камень, как в спелый арбуз. Послышалось едва уловимое шипение пневмопривода – и в камне, справа налево, начало шириться отверстие входа. Дима повернулся, чтобы сообщить Фолю, что вход открыт, но увидел, как ферзь выставила лапу навстречу летящей серебристой молнии. Хлыст тут же обмотался вокруг неё, ферзь для верности прихватила оружие пальцами и резко взмыла вверх. Фоль сразу выпустил хлыст из рук, чтобы его не утянуло следом, и во весь дух побежал к камню. Тварь кинулась в погоню пущенной стрелой, настигла охотника, когда тот уже почти переступил через порог, впилась когтями в спину и рванула назад.

Будь Фоль ростом и шириной плеч, как Цезарь, он бы, возможно, удержался на ногах. Но щуплый и гуттаперчевый охотник только беспомощно взмахнул руками, уносимый хищником. Дима выскочил из убежища и успел поймать ладонь товарища. Второй рукой он уцепился за косяк входа. Мускулы его напряглись, сопротивляясь силе твари. Она дёргала добычу, стараясь разбить сцепку, и ещё пара-тройка таких рывков – и Дима бы не выдержал. Он либо выпустил бы руку Фоля, либо сорвался с косяка. К счастью, его соратник уже придумал, как можно избавиться от твари.

– Меч… – прохрипел он, и Дима тут же понял его задумку. Собрав последние силы, он согнул в локте руку, которой держал Фоля. Тот свободной рукой дотянулся до ножен Димы и с размаху полоснул тварь. Та заголосила на весь лес и выпустила добычу. Оба охотника кубарем полетели в дверной проём.

– Закрываем! – скомандовал Фоль, видя, что валькирия снова бросилась в атаку. Её рана была опасной, но не смертельной, и если бы ферзи удалось сожрать хотя бы ещё одного лигу, ей бы достало сил залечить ранение в короткие сроки.

– Меч! – спохватился Фоль, но Дима уже выскочил наружу, потому что пока клинок торчит из камня, дверь не закроется. Он левой рукой (чтобы не потерять оружие) без труда вынул его из скалы, но в следующую секунду в левое предплечье вцепились зубы твари.

– Закрываю! – предупредил Фоль, и Дима увидел, как стремительно сокращается проём. Времени, чтобы забрать у товарища свой меч и сразиться с тварью, не было. Дима боком протиснулся в сужающуюся щель, и дверь прижала его левую руку в локте к косяку. Охотник надеялся, что тварь разожмёт зубы, но ферзь не сдавалась. Она скребла когтями по камню, пытаясь отодвинуть дверь, чтобы пробраться вслед за лигами.

Глаза Фоля сверкнули холодом. Он коротко взмахнув Диминым мечом и отсёк ему руку чуть ниже плечевого сустава. Ферзь по инерции отбросило от камня, дверь захлопнулась.

– Там твой меч, – поднимаясь, напомнил Дима.

– Не мой. Я не ношу мечи, – спокойно ответил Фоль.

– Тогда как ты…

– Кинжалом. Метаю его во врага – контейнер делает своё дело.

– Почему не метнул сейчас?

– Контейнер полон.

Дима с сожалением взглянул на свою культю:

– Я пришёл за помощью.

– Знаю. Лавр уже там. Меня оставили на случай, если придёте вы с Цезарем и вас потребуется доставить в Центр.

Дима слабо улыбнулся: Рональд всё предусмотрел.

– Цезарь, как я понимаю, теперь внутри ферзи? – неожиданно спросил Фоль.

– Да. И Иззила тоже, – Дима бросил взгляд на дверь, прислушиваясь, хотя знал: ничего он не услышит, потому что они уже за гранью того мира.

– Как нам одолеть эту зверюгу?

– Сейчас летим в Центр. Ты получаешь новое тело, я собираю нам отряд ангелов.

– Годится! – кивнул Дима и только сейчас понял, что вместе с рукой снаружи остался и его перстень.

– Мой топаз… – охотник поморщился. – Улетел вместе с рукой.

– К лучшему, – успокоил Фоль. – Частица дракона жаждет сражения с давним врагом. Этот камень оставил маячок ферзи, чтобы она переместилась за тобой.

– Переместилась? Не совсем понимаю.

– Пока души Иззилы и Цезаря не растворились в валькирии, она может пользоваться их умениями, например...

– Например, шагать, – закончил мысль Дима, но, несмотря на услышанное, оставлять перстень он не хотел. «Закончится всё – вернусь за ним», – подумал он, ещё не зная, что вернуться в локацию Лавра ему не суждено никогда.

Бой с тенью

Мы вышли рано утром. Ещё было темно, но отсутствие освещения меня давно уже перестало волновать. Однако искать траву лучше всего было при свете дня, поэтому мы с Максиком вышли так рано, чтобы добраться до места к рассвету. Большей частью мы шли молча, изредка перекидываясь обычными в дороге фразами. Мне ужасно хотелось поговорить с братом о его рисунках, и особенно – о том драконе в клетке, но я сдерживался. Если бы я заговорил об этом сейчас, Максик бы разозлился, что я заходил в комнату в его отсутствие, и только ещё сильнее бы замкнулся. Поэтому я старался вывести его на разговор окольными путями, но психолог из меня был аховый.

Когда рассвело, брат поймал белку. Вовка учил нас извлекать тварей из животных, хоть это был не самый простой процесс. Паразиты редко нападали на представителей фауны, потому что те вовремя распознавали врага. В основном, животные становились жертвами хищников или пришельцев. Но Максик выследил белку, поражённую стенью, которую ещё называли самаром. Эта тварь нападала чаще всего на грудных детей – беззащитных и бессловесных. Пожирая их душу, стень делала малышей чёрствыми, жестокими и безразличными. Это происходило потому, что душа покрывалась коркой, которая твердела год от года, пока вовсе не превращалась в окаменевшую субстанцию. И вот у Максика в руках оказался наглядный пример, как паразит мог одолеть животное. Возможно, этот бельчонок был слаб от рождения или его бросила мать, раз он стал жертвой такого подлого создания. Брат предложил мне полакомиться стенью, но я чувствовал, что он сам не против позавтракать ею – иначе зачем ему было охотиться на белку?!

– Ешь ты: тебе нужны силы, – я отодвинул его руку с добычей.

– С чего ты взял, что они мне нужны? – фыркнул Максик. – Считаешь меня малахольным?

– Ты ведь собрался тренироваться. Вон, два меча взял и пистолет, – поддел его я.

Максик промолчал, но стень проглотил.

Через полчаса мы вышли на поляну, покрытую подсохшим донником. Стебли и листья мне были ни к чему – меня интересовали корни. Конечно, я не собирался выкапывать всю поляну, как какой-нибудь вандал – решил оставить несколько цветков для продолжения рода, а оставшихся мне должно было хватить для приготовления большого количества «читательного» напитка.

– Я осяду тут, а ты в ближайшие два часа можешь заниматься своими делами, – я с силой воткнул лопату в уже подмёрзшую землю.

– Когда мы поднимались на склон, я видел в километре отсюда озерцо, – Максик неопределённо махнул рукой за спину. – Если что – зови. Это близко, поэтому я прибегу за пару минут.

Бегал он действительно быстро, но меня укололи нотки превосходства в его голосе, и я холодно бросил:

– Я тоже вооружен.

– Лопатой? – хихикнул брат, и мне пришлось продемонстрировать «Анаконду», которую мне пару месяцев назад презентовал Вовка.

– Ясно, – сдержанно улыбнулся Максик. – Так я пойду?

– Иди.

Он развернулся и неспеша зашагал на восток. Я проводил его взглядом и надел перчатки: копать придётся много, так что ладони надо беречь.

К моей радости, подмёрз только верхний слой почвы. Стоило копнуть поглубже, как лопата добиралась до ещё тёплой и потому рыхлой земли. Это сильно облегчало выкорчёвывание, и через час я уже перепотрошил полполяны, а посему решил отдохнуть. Сел на поваленное дерево, возле которого кучкой складывал собранный донник. Чтобы дать отдохнуть спине и рукам, я принялся очищать корни от земли и срезать с них засохшие стебли. За такой механической работой лучше думалось, и я размышлял над причиной рисунков Максика. Раньше он рисовал воинственных драконов, но при этом все его изображения были лишь изображениями. Теперь же за каждым мёртвым драконом я чувствовал реальную историю. Помнится, после ритуала Вовка сказал, что они с Шу передали мне всю информацию о наших предках. Возможно, это так и было, но она, эта информация, видимо, хранилась где-то очень глубоко, потому что я не мог извлечь её по первому требованию, как, например, таблицу умножения. А Максик, видимо, смог. Причём у него получилось извлечь самые трагичные и жуткие моменты истории драконов.

Вдруг странное чувство заставило меня оторваться от размышлений: в лесу за моей спиной находился кто-то ещё. И он наблюдал за мной. Вовка учил не показывать, что слежка обнаружена.

– Если они увидят, что ты их заметил, они затаятся и вынудят тебя паниковать, – говорил он. – А если ты не покажешь, что заметил преследователей, то сам сможешь наблюдать за ними и заставишь играть по своим правилам.

Вот и сейчас я продолжал счищать землю с кореньев, прислушиваясь к передвижению за моей спиной. Это было не так просто сделать, потому что противник двигался бесшумно, скользил между деревьями, словно тень. В какой-то момент мне стало казаться, что нет никакого наблюдателя, а его перемещения – лишь игра воображения. Но я убедился в обратном, когда незнакомец рискнул приблизиться. Видимо, он задел ветку, потому что в десяти шагах за моей спиной осыпалась пригоршня листьев.

Я с сожалением взглянул на лопату. Расстояние до неё было в два раза больше, чем до невидимого преследователя. В руках у меня был только короткий нож – не самое удобное оружие для боя, потому что придётся подпускать противника слишком близко. Лопата же давала больше свободного пространства и увеличивала манёвренность. У меня, правда, под курткой имелся ещё кольт, но стрелять в лесу означало привлечь к себе постороннее внимание.

Тем временем противник не шутил: я чувствовал, что он готовится к прыжку. Воздух позади меня сжался пружиной, как будто незнакомец хотел использовать её для броска. Мне следовало нанести упреждающий удар. Я медленно, чтобы противник не разгадал мои планы, положил очищенный корень на землю, потянулся – и тут же вскочил, выхватив «Анаконду». Но мне не дали даже развернуться в сторону леса: какая-то неведомая сила выбила кольт у меня из рук. В этот момент я струхнул, потому что не увидел перед собой никого. Я не чувствовал запаха нападавшего, не слышал его движения, не улавливал ничего такого, что помогло бы мне сориентироваться в битве. Поэтому следующий удар я пропустил. Что-то толкнуло меня в грудь с такой силой, что я свалился на землю, правда, тут же вскочил, заметив краем глаза чёрную тень справа. Но тень-то была справа, а удар мне нанесли слева – чем-то твердо-мягким, как резиновый шланг. И упасть на этот раз не дали: схватили сзади за куртку, рванули назад. Я же, напротив, ринулся в противоход, выдернув руки из рукавов, кувыркнулся вперёд и схватил лопату.

Противник по-прежнему был невидимым, к тому же после моего манёвра затаился. Я, медленно переступая, продвигался к упавшему кольту, продолжая контролировать пространство вокруг себя. Я готов был среагировать на малейшее движение, на едва уловимый шум, но в лесу было так тихо, словно я оглох.

И вот новая атака – из ниоткуда, будто прямо из воздуха, на меня вылетела тень, похожая на большое одеяло. Я видел её одну секунду – и она исчезла, но в следующее мгновение снова сбила

меня с ног. Однако лопату я не выронил. Встав на ноги, я стал крутить её, как дирижёр оркестра барабанщиков – жезл, не позволяя тени подобраться ко мне. Я не знал, что за тварь на меня напала, а потому не мог принять нужную тактику, и этим я бой проиграл. Я хотел добраться до пистолета одним броском, но вдруг услышал позади едва уловимый звук – как будто разомкнулись губы. Я резко обернулся – и тут же мне в основание шеи вонзился шип. Он был маленький, не более сантиметра, но поскольку выпустили его с большой скоростью, то он вошёл в меня целиком, заражая кровь ядом. Через пару секунд у меня зашумело в голове, ноги и руки налились свинцом. Я снова заметил тень, попытался отогнать её взмахом лопаты, но не смог устоять на ногах. Упал я неудачно – на лопату, поэтому, когда нападавший схватил меня за куртку и поволок в лес, острый край полотна порезал мне правое бедро. Я очень смутно чувствовал боль, словно находился под действием местной анестезии. Впрочем, это ощущение распространялось на все мои конечности и на гортань. Я с трудом мог глотать, а голосовые связки вообще атрофировались. Перед глазами у меня плыл туман, который становился всё гуще и гуще. Последнее, что я помнил – как мне связали руки и ноги и, подвесив на жердь, как какого-нибудь подстреленного кабана, потащили прочь с места сражения. Я лишь надеялся, что достаточно сильно поранил ногу, чтобы Максик смог найти меня по каплям крови.

Пленники

Я приходил в сознание медленно, словно слой за слоем снимал с себя оцепенение. Сначала я ощутил, что выбрался из тумана и могу моргать, правда, сильно это мне не помогло: глаза слезились, и из-за этого ничего не было видно. Потом я ощутил ломоту в плечах. Она нарастала с каждой минутой и скоро стала просто невыносимой. К тому же к ней добавилась боль в запястьях, и таким образом я понял, что подвешен за руки, а ноги у меня по-прежнему связаны. Ещё через какое-то время ко мне вернулся слух, и я уловил потрескивание дров в огне и чьё-то прерывистое дыхание справа. Сквозь пелену слёз я видел, что нахожусь в какой-то тесной комнатке: слева от меня горел камин, справа была сооружена клетка от пола до потолка, в которой кто-то находился. Я не мог различить пол пленника, но видел, что это человек.

– Эй! – позвал я хрипло: после яда у меня во рту всё пересохло. – Как тебя зовут?

– Не говори со мной! Сейчас они вернутся… Они этого не любят! – запричитал мой собрат по несчастью, и по голосу я понял, что это сестра.

– Они – это кто? – продолжал я допрос, не обращая внимания на страх собеседницы.

Вместо ответа она всхлипнула.

– Послушай, я могу вытащить нас отсюда, но ты должна сказать мне, с кем мы имеем дело, – произнёс я как можно убедительнее, хотя катящиеся по щекам слёзы не добавляли мне крутизны. – Верь мне, я знаю, как сбежать.

– Не получится. Они… они наверху, – пленница перешла на шёпот. – Они как осьминоги. У них десятки щупалец… они схватят тебя – даже оглянуться не успеешь!

Я с досадой прикусил губу: как раз только оглянуться я и успел. И по описанию пленницы я понял, что угодил в плен к эллогам – пришельцам, похищающим души для продажи в своём мире. Говорят, там наша жизненная энергия была сродни сильному наркотику, поэтому эллоги разделяли души на мелкие кусочки: розница в любом мире обходилась покупателям дороже.

Эти пришельцы были опасны и неуловимы, потому что умели скрываться в прослойке между мирами. Я понял, почему мне так трудно было почувствовать слежку: эллоги перемещались в этом нейтральном слое, лишь изредка показываясь в нашем мире. К тому же наличие нескольких десятков щупалец делало их почти непобедимыми противниками в бою. Правда, несмотря на свою сверхмобильность и силу, в нашем мире эллоги были крайне уязвимы: буквально всё несло для них опасность. От соприкосновения с водой у пришельцев появлялись ожоги, а если они оказывались в воде целиком, то растворялись в ней без остатка за считанные секунды. Кварц, производным которого являлся обыкновенный песок, липнул к ним, как магнит, и это не позволяло эллогам переходить из мира в мир. Кроме того, особую опасность нёс жёлтый цвет. Например, сок растений,

имеющих жёлтые цветки, был для осьминогов страшнее, чем серная кислота для человека. И конечно, самым сильным оружием против пришельцев был огонь. В их мире он считался редким явлением, поэтому эллоги держались от него подальше. И странно, что в комнате, где они разместили пленников, горел камин.

– Зачем они развели огонь? – спросил я.

От моего вопроса девушка заплакала.

– Эй! Эй! – я перешёл на шёпот. – Как тебя зовут?

– Настя…

– Настя, мне нужна твоя помощь. Без этого я нас не вытащу. Скажи, зачем они развели огонь в камине.

– Они… приносят ему жертвы, – едва справляясь со слезами, стала рассказывать пленница. – Убивают людей… а их головы бросают в камин… чтобы задобрить огонь.

Теперь я понял, чем пахло в комнате, – горелыми костями.

– Ты давно здесь? – продолжил я.

– Не знаю… А какое сегодня число?

– Третье октября.

Пленница помолчала, высчитывая в уме, а потом вздохнула:

– Почти два месяца. Я думала, что уже год прошёл.

– Как ты угодила сюда?

– Приехала на каникулы к двоюродной сестре. Мы с ней пошли в лес, и на нас напали эти… эти осьминоги. Сестру убили…

– А тебя почему не тронули?

– Они бросили жребий, кто будет их переводчиком. Жребий пал на меня, – девушка снова заплакала.

– Настя, держись! Будь сильной!

– Не могу… Столько всего случилось…

– Если ты поможешь мне, я клянусь, что вытащу тебя отсюда. Я могу их одолеть, этих осьминогов, но мне нужна сильная помощница, – я пытался проморгаться, чтобы лучше осмотреться. – Сколько комнат в доме?

– Две. Одна большая и эта. Тут держат пленников, пока не убьют, и проводят ритуалы поклонения огню. А в другой осьминоги живут.

– Слушай меня внимательно, – я старался говорить не очень громко, чтобы не привлечь эллогов, но четко, чтобы информация дошла до адресата: – Эти осьминоги ужасно боятся огня, поэтому ему и поклоняются. Я постараюсь устроить тут пожар, а ты, когда всё загорится, держись возле меня. Я знаю, тебе будет страшно, но огонь тебя не тронет, если ты будешь рядом со мной. Поняла?

– Угу, – тихо отозвалась Настя.

– И ещё… Чем меня связали? – я старался разглядеть верёвки, но они были полупрозрачные, словно силиконовые, однако при этом сохраняли свойства бечевы. В этот момент я пожалел, что не расспросил Кота о том, как рисовать знаки устранения. По сути, путы – это те же препятствия, а магические символы помогли бы мне пройти сквозь них.

– Это… какое-то вещество… осьминоги вырабатывают его, как паук – паутину, – стала объяснять пленница. – Оно очень прочное, его нельзя разрезать даже ножом. Но когда оно высыхает, то становится, как бумага.

Большего мне и не надо было знать. Я задрал голову и увидел, что путы, связывающие мои запястья, надеты на железный крюк, торчащий из потолка. Единственным союзником, который мог помочь мне с побегом, оставался огонь, но его нужно хорошо попросить. Я коротко выдохнул и до крови укусил себя за правое плечо.

– Ты чего?! – испугалась Настя.

– Доверься мне… – я смачивал нос в выступающей крови и ею рисовал на левом плече знак, который показывал Беша. Когда всё было готово, я закрыл глаза и мысленно обратился к огню. Я

умолял его помочь мне, я просил защиты. Без урановой подпитки призвать эту силу на свою сторону было сложно, но огонь услышал меня: дрова в камине вдруг затрещали, из огня вылетела искра и упала возле моих ног. Примерно с минуту она тлела на полу, а я усилием мысли пытался разжечь её. В итоге мне это удалось, и тогда по деревянным доскам пола огонь добрался до меня, дальше по моей одежде – вверх. Я просил его не разрастаться: пока у меня связаны руки и ноги, мне не нужен пожар. Меня, конечно, огонь не тронет, но есть же ещё и дым, а также Настя в соседней клетке.

Пламя было медлительно, но послушно. Оно добралось до моих ладоней, и там я укрыл его от посторонних взглядов, ожидая, когда же оно подсушит верёвки. Тогда я смогу освободиться сам, освободить пленницу и устроить побег.

Но тут дверь распахнулась, и в комнату пожаловали эллоги – два осьминога, как называла их Настя, но мне они больше напомнили шевелящуюся кучу тряпья с рваными краями разной длины. Эллоги перемещались по потолку: наличие щупалец делало их бесшумными, а движение поверху – незаметными. Один пришелец, видимо, рангом пониже, остался висеть у двери, а второй моментально очутился возле клетки. Настя шарахнулась в дальний угол и запричитала.

– Не трогай её! – крикнул я, чтобы привлечь внимание пришельца, но он не отреагировал на мои слова. Он набросился на девушку сзади, обхватив щупальцами за шею, голову, туловище, прижимая к нему руки. Несколько секунд Настя трепыхалась, сопротивляясь захвату, но потом замерла, медленно поднялась и уставилась на меня совершенно непроницаемым взглядом. Я понял, что эллог теперь контролирует её движения и мысли. Девушка медленно подошла ко мне, оглядела с ног до головы и произнесла бесцветным голосом:

– За твою душу, дракон, мы получим столько, что сможем с супругой обеспечить себя до конца жизни.

– Что, ипотека не по карману? – ухмыльнулся я, стараясь потянуть время, чтобы путы нагрелись.

– Болтай-болтай, недолго тебе осталось, – совершенно без эмоций ответила Настя. – Но прежде чем ты умрёшь, призови сюда своего сородича.

– Не понимаю, о чём ты…

– У тебя кольцо! Драконы носят такие вещицы, чтобы их сородичи могли почувствовать зов и прийти на помощь. Я хочу, чтобы твои его тоже услышали.

– Я тебе не Дед Мороз, чтобы желания исполнять, – я намеренно дерзил, чтобы вывести противника из себя и посмотреть, что он предпримет. – И у меня нет родных.

– Неправда! Я же вижу, что ты не одиночка! Зови сюда свою семью – или будет очень больно.

– Думаешь, если ты связал меня, то, стало быть, ты крутой? Пока что ты на моей территории, а значит, главный тут я.

– Не зли меня, дракон! Я убивал таких, как ты, много раз.

Я с тоской вспомнил рисунки Максика, а вслух ухмыльнулся:

– И до сих пор не заработал на счастливую старость? Выходит, хреновый ты делец.

– Я делал это ради удовольствия. Все они умирали медленно и мучительно.

– Если бы ты пленил хоть одного дракона, то знал бы, что с нами нельзя разговаривать. Мы проникаем в мысли наших врагов, завладеваем ими, а потом заставляем делать то, что нужно нам. И с той минуты, когда я произнёс первое слово, ты обрёк себя на смерть.

Это был блеф чистой воды, но говоря эти слова, я смотрел прямо в остекленевшие глаза Насти, надеясь, что через неё эллог почувствует всю мою решимость.

– Тогда умри! – девушка схватила со стола, что стоял возле камина, прибор, напоминающий фен. – Твои сородичи почувствуют твою смерть и прибегут за тобой.

– Не жадничай! Тебе и у одного дракона душу не отобрать, а ты уже разинул рот на целую стаю.

Прибор загудел, как реактивный самолет, – и непонятная сила рванула меня изнутри. Всё тело пронзила невыносимая боль, от которой я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Мне казалось, что кто-то невидимый подцепил крюком все мои жилы, органы, мышцы и тянет наружу. Я сжал зубы, инстинктивно сопротивляясь этой силе. Борьба длилась с минуту, может, больше, но мне

показалось, что я целую вечность сопротивляюсь смерти. Наконец, прибор умолк. Крюк, вырывавший мои внутренности, тоже исчез. Настя отступила на шаг, впервые на её лице появилась тень эмоции – лёгкое недоумение.

– Я же сказал: кишка тонка! – засмеялся я, хотя мой смех больше походил на кашель.

– Как такое возможно?

– Идёшь на дракона – бери калибр побольше.

Настя медленно приблизилась. Эллог слегка отстранился от неё и принялся исследовать мою грудь, спину и руки несколькими щупальцами. Видимо, отвлекшись на меня, он потерял контроль над пленницей, потому что пелена спала с её глаз, и я увидел в них леденящий ужас. Мы с Настей находились так близко друг от друга, что мне казалось: этот ужас вот-вот перекинется на меня.

– Спаси меня, – одними губами прошептала девушка, но тут же её лицо снова стало непроницаемым: эллог вернулся к управлению.

– Ты запер свою душу замком, – сообщил он голосом пленницы. – Думал, я не догадаюсь?

– Да, была такая мысль, ведь умом ты не блещешь.

– Любой замок можно сорвать! – Настя взяла кочергу и сунула в огонь. – Я выжгу дыру на месте элебета, и тогда ты станешь моим.

– Не надорвись только, – я почувствовал, как путы теряют эластичность. Ещё немного – и я смогу их разорвать. – Жаль, что эллоги несъедобны для драконов, иначе я бы уже с хрустом жевал тебя, гнида.

– Пока греется палка…

– Она называется «кочерга», – перебил его я.

– Не важно! Пока она греется, я составлю список того, на что потрачу заработок от твоей души.

– Ты делишь шкуру неубитого медведя.

Эллог отстранился от Насти и застрекотал, как сверчок. Его подельник, который болтался всё это время под потолком, отвечал таким же стрекотом. Пока они переговаривались, Настя посмотрела на меня с отчаянием и болью. Мне хотелось её подбодрить, но произносить что-то вслух было опасно, поэтому я только подмигнул. Девушка закрыла глаза, из-под её ресниц выскользнула слеза. Я почему-то вспомнил детдом – ощущение, что ты бесправный и беззащитный пленник. Не знаю, как с этим справлялись другие сироты, но меня от самоубийства удерживало только желание встретиться с Вовкой. Если бы мне, как Максику, сказали, что брат погиб, я бы повесился в тот же вечер.

Закончив переговоры, эллог снова захватил Настю, приблизился ко мне и сорвал с меня футболку:

– Думаешь, если элебет у тебя на спине, то его никто не найдёт? – девушка обошла меня сзади и провела рукой между лопаток. Если бы не обстановка, я бы сказал, что это было даже приятно.

– Туда редко кто заглядывает.

– И никогда больше не будут. Мёртвые драконы не интересны, – Настя направилась к камину.

Это был момент истины. Я сконцентрировался, собрал все свои силы в одну точку – в солнечном сплетении – и мысленно направил их в камин. Огонь в нём вспыхнул так, словно в него плеснули бензина. Настя в страхе шарахнулась чуть ли не к противоположной стене. Второй эллог тоже мгновенно перебежал по потолку подальше от пламени.

– Смелее, гад! Без этой палки тебе не выжечь на моей спине дыру, а без дыры – не видать тебе моей души, – издевался я.

– Я прикончу тебя! – в глазах девушки появилось что-то наподобие презрения.

– Элебет перенесёт мою душу в другой мир, как только тело перестанет функционировать.

Настя махнула рукой, и второй эллог вышел из комнаты, но через полминуты вернулся. В его щупальце был кинжал с узким лезвием. Девушка выхватила оружие и молниеносно всадила его в мою левую ключицу:

– Зови своих!

Я задохнулся от боли. В глазах на несколько мгновений потемнело, но мне хотелось погеройствовать перед девушкой, потому что она, хоть и была во власти пришельца, слышала, видела и осознавала всё, что происходит. Я с трудом улыбнулся и выдохнул:

– Ты думаешь, у моих сородичей нет элебета?

– Зови! – пленница повернула рукоятку кинжала.

На сей раз от боли я зарычал. Все мои силы ушли на то, чтобы остаться в сознании. Терять нить происходящего было нельзя, потому что верёвка уже достаточно нагрелась и вот-вот должна была лопнуть.

– Они… придут с оружием… – пытаясь восстановить дыхание, сказал я. – Ты затягиваешь… свою петлю…

– У тебя не получится запугать меня. Пока всё, что ты смог, это разжечь сильнее костёр. Есть ли у тебя козыри посильнее?

– Скоро увидишь.

– Сомневаюсь, – Настя вынула нож из ключицы и со всей силы всадила его мне в живот.

Это было так неожиданно и так подло, что я даже не почувствовал боли. Я смотрел в её непроницаемое лицо, стараясь понять причины такого поступка. Словно услышав мои мысли, она ответила:

– К умирающему собрату драконы будут спешить, забыв про осторожность.

О да, это было про Максика! Вовка бы ни за что не попался на такую уловку, но младший ворвётся сюда и даже по сторонам забудет посмотреть.

– Умирать ты будешь медленно, так что у нас есть время подготовиться, – Настя вынула кинжал, и я понял: если я сейчас что-то не предприму, то так и истеку кровью, подвешенный к потолку, как подстреленная дичь. И я что было сил рванул руки в стороны. От столько резкого движения огонёк вылетел из моей ладони и приземлился рядом с клеткой.

К моему счастью, верёвки подсохли достаточно, и мне удалось разорвать их. Я приземлился на слегка онемевшие ноги, правой рукой упёрся в тело эллога, а левой за Настино плечо. Как Самсон, разрывающий пасть льва, я пытался разъединить девушку и её ужасного повелителя, и у меня бы это получилось, если бы не рана и не связанные ноги. Настя по приказу эллога отскочила, а я не удержался на ногах и упал.

– Отпусти её! – я собрал в кулак своё отчаяние и злость – и тот огонёк, что упал с моей руки, вспыхнул сильнее, жадно пожирая сухие доски пола. Я дотянулся до камина, сгрёб огонь пятернёй и швырнул его в сторону двери.

Дверной проём – единственный способ выбраться из комнаты – вспыхнул алым пламенем. Эллог мгновенно бросил девушку и заметался по потолку. Я же схватился за живот, пытаясь остановить кровь, вытекающую из раны. Настя присела на колени рядом со мной и заплакала:

– Прости меня… прости… это была не я…

– Знаю, – я слабо кивнул. – Держись рядом со мной, что бы ни случилось!

От проёма занимались огнём стены и пол. Эллоги, издавая страшные свистящие звуки, сталкивались на потолке, не зная, как им выбраться из ловушки: дверь полыхала, единственное окно было забито досками снаружи. Мне не стоило дожидаться, пока разгорится вся комната. Нас с Настей огонь не тронет, но от дыма моя спутница могла задохнуться. Её необходимо было вывести, используя своё тело как щит, но у меня были связаны ноги, и разрезать путы не представлялось возможным. К чести сказать, Настя пыталась это сделать, но кинжал, с такой лёгкостью дважды проткнувший меня, оказался бессильным против верёвок. Мне оставалось только обнять её, чтобы в панике она не начала метаться сломя голову.

– Ляг на пол, дыши через ткань, – командовал я. – Сейчас я тебя вытащу.

Как это сделать, я не представлял. Ведь если я попытаюсь покинуть комнату, эллоги поймут мой манёвр и используют меня как прикрытие. Их бы стоило убить, но мне нечем было сделать это. Разве что…

Я вынул из огня кочергу, но эллог разгадал мой план. Он обвил щупальца вокруг шеи пленницы и направил на неё аппарат по изъятию душ. Страшная машина взревела, Настя взвизгнула, я сделал отчаянную попытку подняться и достать пришельца кочергой, но в этот момент мощная огненная стрела смела эллога с потолка. Он вспыхнул мгновенно, как пропитанная маслом тряпка.

Я обернулся и увидел в дверном проёме Максика. Он был сосредоточен и решителен – как настоящий воин. В левой руке он держал меч, а правой провёл по стене, соскребая пламя, как снег. В его ладони образовался огненный шар. Второй эллог от ужаса забился в угол, но через секунду этот шар настиг его.

Облегчение от благоприятного исхода едва не лишило меня сознания. Я лёг и прикрыл глаза и тут же ощутил пальцы брата, схватившие меня за ладонь, которой я прикрывал рану.

– Женька, ты как?

– Спаси девчонку… – только и произнёс я, хотя намеревался дать ещё пару указаний насчёт оказания мне медицинской помощи. Но темнота поглотила меня, оставив Максика без руководства к действию.

Перед чертой

Я очнулся в своей комнате. В окно било солнце, значит, наступило утро. Я надеялся, что это утро следующего дня, а не третьего или пятого после моего похищения. Я был очень слаб. Мне едва достало сил переместить руку на живот: под пальцами я ощутил тугую повязку. Слава богу, у Максика хватило мужества не только порешить эллогов, но и справиться с моими ранами. Кот говорил, что очень часто даже самые смелые воины становятся растерянными и беспомощными при виде кровоточащих ран или сломанных костей.

Открылась дверь, в комнату зашёл Максик. Я до мельчайших деталей помнил его в образе сосредоточенного и хладнокровного воителя. Можно было залюбоваться! Но сейчас он снова стал потерянным и напуганным подростком.

– Ты как? – тихо спросил он, присаживаясь на стул возле кровати.

– Хреново, – признался я.

– Я не знал, как нужно… в общем… зашил, как сумел, – Максик прерывисто вздохнул.

Мне хотелось его как-то подбодрить.

– Спасибо, что спас меня!

– Ты тоже спасал мне жизнь…

– Но тогда ты ещё не был воином.

– Теперь стал. Так что обращайся в любое время.

Мы помолчали. В этот момент я ощутил ту связь с братом, которой мне не хватало все эти месяцы, – его искренность, открытость, доброту.

– А где Настя?

– Здесь. Не мог же я бросить её в лесу одну, – брат смутился и потёр нос. – Она ночевала в Вовкиной комнате. Как думаешь, он рассердится?

– Я полагал, что ты, как джентльмен, уступишь ей свою.

– Я не мог. Там… – Максик запнулся. – Не прибрано!

– Так прибери сейчас. Тебе бы самому понравилось, если бы ты вернулся домой и обнаружил в своей комнате незнакомого человека? – я пытался вывести брата на разговор о рисунках, чтобы отвлечь его от моего ранения, но он понял меня превратно.

– Ты чего раскомандовался? Лежи и болей давай! – возмутился он.

– Ладно, извини. Будь другом… На второй полке, вон там, стоит пузырёк из тёмного стекла. Найди его.

Максик встал, принялся искать лекарство.

– Кажется, вот оно. Тут написано «покой».

– Да, верно, – я задержал дыхание, потому что в животе неприятно заныло. – По три капли два раза в день в питьё. Давай Насте. У неё стресс после всего, что она пережила. Капли помогут его снять.

– По три капли два раза в питьё, – повторил Максик и убрал флакон в карман. – А себе ты что-нибудь выпишешь?

– Если бы я в течение девяти минут после ранения принял панацею, то был бы уже здоров. Но мне даже и в голову не пришло взять её с собой. Когда выздоровею, я сделаю небольшие капсулы, разолью по ним лекарство, и каждый из нас будет носить с собой по паре капсул: для себя и для друга.

– Это всё здорово, но сейчас-то что делать? Ты подберёшь лекарство для себя?

– Не могу. Я не знаю, что со мной.

– Ты не помнишь, как тебя пырнули ножом?

– Помню, но это не просто порез. Там может быть воспаление, внутреннее кровотечение, ещё какая-нибудь ерунда.

– Кончай умничать! Просто скажи, какой из твоих флаконов тебе дать.

Я видел, что брат напуган, и мне не хотелось усиливать этот страх, забирая у него надежду.

– В шкафу на нижней полке стоят три стеклянных бутылочки из-под кетчупа. На их крышках знаки – треугольник, круг и крест. Круг означает отвар, треугольник – настойку, крест – экстракт. Это так, на будущее. Вдруг тебе понадобится лекарство в моё отсутствие…

– Не отвлекайся!

– Да. Возьми бутылку с крестом, завари обычный чай и добавь в кружку две чайные ложки экстракта.

– Хорошо! – Максик сорвался с места, и я еле успел его остановить:

– Эй, шустрик! Найди мне соломинку.

– Да! – брат сиганул за дверь.

Я закрыл глаза: пользы от этого чая было немного. Более того, он мог усугубить моё состояние, потому что если у меня внутреннее кровотечение, питьё убьёт меня. Но мне не хотелось лишать брата надежды, поэтому я рискнул. Это была опасная игра ва-банк. Впервые в жизни я ощущал себя бессильным что-либо сделать. Раньше опасность или отчаяние придавали мне сил, и я стремился противостоять обстоятельствам, преломить их в свою пользу или хотя бы извлечь какую-то выгоду. Сейчас же я находился в полном неведении. Даже если бы я видел свою рану, мне всё равно не хватило бы знаний справиться с ней. У меня наверняка были повреждены внутренние органы, и потому спасти меня мог только профессиональный хирург. Вызвать скорую сюда не возможно, везти меня в больницу было не на чем. Я оказался в заложниках у неизвестности и неизбежности. И они, как те два эллога, намеревались употребить меня без остатка. Всё, что требовалось от меня в данной ситуации, – с достоинством принять смерть и постараться причинить как можно меньше страданий брату.

Через пять минут вернулся Максик с чашкой чая.

– Он ещё горячий, но скоро остынет, – заботливо произнёс он. – И я нашёл соломинку!

– Что бы я делал без тебя?

Максик смутился.

– Как думаешь, Вовка рассердится?

– Из-за комнаты?

– Нет. Ну… что я оставил тебя одного и позволил эллогам…

– Максик! – мне стоило немалых усилий повысить голос, чтобы перебить его. – Ты не виноват. В этой ситуации никто не виноват, потому что эти твари очень хитрые и сильные. И, окажись ты на той поляне, не известно, как бы повернулась ситуация... Возможно, тебя бы тоже взяли в плен… возможно, даже убили бы… Всё случилось, как случилось… и ты поступил правильно… сделал всё, что мог…

Я старался говорить бодро и держаться молодцом, но голос мой слабел с каждым словом. Я чувствовал, что делаю слишком большие паузы, я задыхался и дрожал. И видеть при этом бледное испуганное лицо брата было невыносимо. Я собрал остаток сил и сказал:

– Максик, тебе не нужно бояться. Ты ни в чём не виноват...

– Ты говоришь так, будто умираешь…

– Такой вариант возможен.

– Замолчи!

– Я просто пытаюсь… подготовить тебя на всякий случай. Ведь произойти может всё что угодно…

– Ты просто пользуешься своим положением!

Я молчал. Во-первых, мне было трудно говорить, во-вторых, я пытался подготовить брата к худшему, но только сильнее пугал его.

– Ты прав, я капризничаю, – я прикрыл глаза. – Имею право… Не каждый день меня ранят в живот.

Максик улыбнулся, и эта улыбка стоила дороже всех сокровищ мира. Мне не хотелось оставлять его одного, но я не знал, хватит ли мне сил дождаться Вовки. Максик смотрел на меня с надеждой и отчаянием. Мы только что стали братьями – без всяких условий и условностей. Это был момент, о котором я мечтал, как только мы отправились в Болгарию. Именно так я его себе и представлял: наша с Максиком братская привязанность возьмёт верх над нашим соперничеством и обидами.

Как я и предполагал, чай мне не помог, и с каждым часом я чувствовал себя всё хуже и хуже. Я проваливался в забытье, а когда снова приходил в себя, видел у своей кровати брата. Похоже, он не отходил от меня ни на минуту, потому что едва я открывал глаза, как его лицо озарялось улыбкой облегчения и надежды. Я пытался говорить с ним, но голос мой ослаб настолько, что я сам не слышал того, что произносил. Я чувствовал себя виноватым перед братом за то, что заставляю его проходить через этот кошмар.

Когда я пришёл в себя после очередного провала в темноту, Максик, видимо, не выдержал происходящего и сам заговорил о том, к чему я пытался его подготовить:

– Знаешь… Вовка был прав: после ритуала мои сны о чудовищах прекратились. Я снова стал видеть то, что видел, когда был маленький – события из жизни, всякие путешествия и глупые ситуации. Это было так здорово! Я словно освободился, словно излечился от тяжёлой болезни. Но потом приехали близнецы и дали мне попробовать уран. Да, он придаёт силу, и мне нравится управлять ею, но… кроме этой силы он даёт мне ещё кое-что… нечто жуткое, – Максик сделал долгую паузу, как будто набирался смелости, чтобы произнести это. – Ночные кошмары про мёртвых драконов. Я вижу их снова и снова – убитых, заморенных голодом, замученных – и не могу найти покоя, пока не нарисую, – глаза брата заблестели. – Словно вся история гибели нашего рода проходит через меня… Я боялся, что я сойду с ума от этого, потому что каждая ночь для меня – пытка. А сейчас… – губы Максика задрожали. – Не заставляй меня переживать ещё и твою смерть… Я просто не вынесу этого!

У меня в горле встал комок, из-за которого было трудно дышать. Мне и так каждый вдох и выдох давался нелегко, а тут я просто задохнулся. Максик воспринял это как попытку что-то сказать, поэтому положил руку мне на плечо и улыбнулся:

– Молчи, не трать силы. Лучше борись, Женька! Ты нужен мне и нужен Вовке! Знаешь… моим ярким воспоминанием детства был не он, а ты. Ты был со мной рядом в детдоме, ты заступался за меня, ты успокаивал и говорил, что всё будет хорошо. Ты, а не он.

Я попытался возразить, но Максик остановил меня:

– Я понимаю: он боролся за нас по-своему, но всё же ты оставался моим кумиром. Помнишь, в детдоме дети забрали у меня водяной пистолет и солдатиков? Ты сказал тогда: «Я не дам тебя в обиду, потому что ты мой младший брат». Помнишь?

Я слабо кивнул.

– Ты самый лучший в мире старший брат, Женька! – на мою ладонь капнула слеза, и мне стало невыносимо стыдно. Тогда, в детдоме, я повторил Максику слова Вовки, сказанные им в тот день, когда нас увозили в детдом. «Я не дам вас в обиду, потому что вы мои младшие братья», – шепнул он мне, перед тем как нас с Максиком посадили в машину. И чтобы придать себе сил в новом коллективе, я опять, как в детстве, играл в меня и Вовку, отведя себе роль старшего брата.

– Женька, пожалуйста… не умирай… – Максик перешёл на шёпот и, уже не в силах справляться с нахлынувшими эмоциями, заплакал.

Раньше я никогда не думал о своей смерти: как она настигнет меня, где это произойдёт и сколько будет длиться. И вот наступил момент, когда не думать о ней уже невозможно. Если бы можно было выбирать, я бы предпочёл умереть в бою. Красиво упасть – пронзённым вражеским мечом или сражённым вражеской пулей. Я бы предпочёл, чтобы братья нашли меня уже бездыханного – тогда бы они смогли дать волю чувствам, они могли бы кричать в бессильном гневе или рыдать, не беспокоясь о том, что причинят этим страдания мне. Но медленно угасать в постели – беспомощным и хилым – это было нечестно по отношению ко мне и моему пятнадцатилетнему брату. Если бы я мог продержаться, просто пережить какой-то отрезок времени, после которого наступило бы выздоровление, я бы пережил. Я бы стиснул зубы и сделал всё, чтобы перебраться на другую сторону. Но я не знал, есть ли такое условие. Я не знал, что происходит с моим организмом. Возможно, то, что я ещё жив, – уже большое достижение.

Максик вытер слёзы и взял себя в руки.

– Я не отпущу тебя, понял? – сквозь зубы процедил он. – Что бы ты себе ни думал, никуда ты от меня не денешься!

Это прозвучало так безапелляционно, что я сам поверил в сказанное. Если бы смерть вызвала брата на дуэль, я уверен: Максик бы вышел победителем.

К сожалению, смерть предпочла действовать тихой сапой и постепенно подтаскивала меня к черте, переступив которую, я потеряю все шансы на возвращение. Я снова проваливался в небытие и снова возвращался, и с каждым разом моё пребывание в сознании становилось всё короче, а чёрные пробелы – всё длиннее. И когда я открывал глаза, я видел, что отчаяние в глазах брата крепнет. Мне хотелось его поддержать, и я улыбался. Не знаю, насколько жалкой выглядела эта улыбка, но это всё, что я мог сделать для младшего.

Когда меня в очередной раз накрыла темнота, я вдруг почувствовал, как медленно погружаюсь на дно реки. Я всем телом ощущал её течение, но мне было не победить его. Толща воды придавила меня так, что я не мог пошевелить и пальцем. Только лежал и смотрел, как река катит надо мной свои тяжёлые тёмно-зелёные волны. Сквозь них почти не проникал свет и звуки доносились искажёнными и глухими. Возможно, именно это явление древние греки и назвали Стиксом – рекой забвения.

Воскрешение

Под водой было тяжело даже моргать. Я, сколько мог, лежал с открытыми глазами, но стоило мне их закрыть, как я преодолевал небывалое сопротивление, чтобы снова увидеть бутылочно-зелёную толщу воды. И вот, когда я в очередной раз, дав себе отдохнуть, с трудом приподнял веки, в глаза мне ударил нестерпимо яркий свет. Я помнил, что о таком свете рассказывали люди, пережившие клиническую смерть, но они описывали его тёплым и приятным, а этот без жалости слепил меня. И не было никакого чувства защищённости и гармонии. Видимо, для драконов смерть наступала несколько иначе. Я зажмурился, ожидая, когда душа покинет тело и перенесётся в другой мир, но вместо этого ко мне начал возвращаться слух.

– Он приходит в себя, – донёсся издалека чей-то голос.

Я снова попытался открыть глаза, но свет резал по ним белым ножом, и я ничего не видел.

– Всё хорошо, Женя! Всё хорошо, – я ощутил на своём лбу чью-то руку – тёплую, сухую, лёгкую. От неё веяло спасением.

Я хотел спросить, где я и что произошло, но из горла вырвался только хрип.

– Не надо разговаривать, не трать силы, – голос слышался уже отчетливей. Он был знакомый и приятный, но я не мог определить, кому он принадлежит. И сквозь вуаль ресниц я видел одним расплывчатым пятном чьё-то лицо. Если он называет меня по имени, значит, ему можно доверять, потому что незнакомца Максик бы не подпустил ко мне.

– Женька! – второй голос прозвучал громче, и его я узнал бы из тысячи других – Вовка! Моя постель покачнулась – он сел на край кровати и взял меня за руку.

– Ну, как ты, дружище? Напугал нас…

Сквозь туман и слёзы, вызванные светом, я пытался разглядеть брата, но лишь по плечистой фигуре и голосу понимал, что передо мной – Вовка. Я беззвучно, как рыба, шевелил губами – спрашивал, как Максик.

– Теперь всё будет хорошо. Кот поставит тебя на ноги, – заботливо произнёс брат.

Кот! Это его голос я услышал первым. Видимо, Максик позвонил двуглавому, чтобы попросить совета, ведь из меня лекарь был хреновый. А близнецы приехали, чтобы не бросать парня одного наедине с проблемой.

– Максик рассказал мне про эллогов, – продолжал Вовка. – Давненько о них не было ничего слышно. Но ты, я смотрю, на всех фронтах успеваешь: пришельцев заколбасил, по пути подружку завёл.

Если бы не моя болезнь, я бы покраснел как помидор, но я лишь закатил глаза.

– Да ладно, ничего страшного, – Вовка легонько похлопал меня по груди. – Она симпатичная, хозяйственная. Помогает нам… И человек хороший. Жаль, что ей уже никогда не оправиться от увиденного. Такие раны не заживают, впрочем, как и твоя.

Мне хотелось узнать, что там с моей раной и насколько плохи или хороши мои дела, но говорить я не мог. Я закрыл глаза всего на полминуты, но неожиданно для себя уснул. Не провалился в темноту, а именно уснул и даже видел какой-то сон. Когда я снова открыл глаза, дневной свет показался мне не таким ярким. Я подождал, пока глаза к нему привыкнут, и осмотрелся. В кресле возле окна сидел Кот и листал мой блокнот, в котором я записывал рецепты произведённых мною отваров и настоев. Заметив, что я проснулся, Кот тут же переместился ко мне на кровать.

– Хорошо поспал, – с улыбкой констатировал он. – Как себя чувствуешь?

– Хреново, – просипел я.

– Это от наркоза. Ты хоть и был в отключке, но я не хотел резать тебя без анестезии.

– Резать?

– Я сам не в восторге от такого сценария, но иначе ты бы погиб. Нож пробил кишечник в двух местах, у тебя было внутреннее кровотечение. Ещё немного – и начался бы перитонит, – Кот опустил глаза. – В экстренной хирургии тебя бы спасли, но у нас каждая секунда была на счету, поэтому я… удалил часть кишечника…

– Что?..

– Прости, но в данной ситуации это был единственный выход.

Я закрыл глаза. Наверное, я должен был радоваться, что остался жив, но мне до слёз было жалко свой кишечник. Хоть я никогда в жизни не видел его, всё равно он был дорог мне, как рука или ухо. Он был частью меня – и вот его нет.

– Ты жив – и это главное. Скоро боли от рубцов пройдут, и ты сможешь запускать воронку.

– Спасибо, – выдохнул я. – Ты спас меня…

– Я сделал это с корыстной целью, – улыбнулся Кот. – Когда ты восстановишься, то излечишь меня.

Я вопросительно уставился на него, и вместо ответа близнец поднял левую руку.

– Помнишь то прикосновение, когда мы приезжали к вам в августе? С той поры я несколько раз делал этой рукой вещи, которые доселе были мне недоступны. Но это всегда происходило в моменты, когда я не контролировал свои движения – делал что-то на автомате или повинуясь импульсу. Я понял, что сознание блокирует подвижность руки, и стал работать в этом направлении.

Видишь – я достиг больших результатов. Беша, правда, ещё не доверяет мне водить машину, но я делаю это без его ведома. Думаю, через пару месяцев я начну тренировки с оружием.

Мне было радостно слышать, что у Кота такие положительные перемены со здоровьем.

– Так что я жду твоего выздоровления, чтобы ты исцелил мою ногу. И тогда я буду в вечном долгу перед тобой.

– Я столько не проживу…

– Прослежу, чтобы прожил, – Кот поднялся. – Схожу за твоим лекарством. И кстати… я дочитаю, не возражаешь?

Он потряс моим блокнотом. Я, конечно, возражал, но всё равно согласно кивнул.

– Мне нравится твой подход к экспериментам. До некоторых вещей я не додумался, хотя они лежат на поверхности. Потом обсудим.

Кот вышел из комнаты, а мне стало тревожно: не нашёл ли он дневник Вовки? Мне бы очень не хотелось, чтобы туда заглядывал кто-то кроме нас троих.

В тот день у меня побывало много посетителей. Самым частым был, конечно, Кот. Он взвалил на себя функцию не только моего лечащего врача, но и медбрата, и сиделки и проводил со мной много времени. Вовка тоже заглядывал часто и всякий раз намеревался побыть со мной подольше, но Кот выгонял его, мотивируя это тем, что мне нельзя переутомляться. Несколько раз заходил Беша. От него веяло бодростью и оптимизмом, которым я невольно заражался. Мне хотелось, чтобы он, такой пыхающий энергией, задержался хотя бы на полчаса, но эта энергия не позволяла близнецу засиживаться, и через пять минут он покидал меня. Дважды ко мне заглянула Настя. Умытой и причёсанной я не сразу её узнал. Оказалось, что у неё густые пепельно-русые волосы, когда-то подстриженные под каре: короткое на затылке и удлиняющееся спереди. Такая причёска ей определённо шла.

Вообще, Настя была очень гармоничным человеком. Не красавицей и даже не симпатичной девчонкой, а именно гармоничной. У неё были красиво очерченные глаза с чуть опущенными уголками, такие же чётко очерченные губы с мягкими изгибами, нос уточкой, но с закруглённым кончиком. Женский и аккуратный вариант носа Депардье.

Когда Настя начинала говорить, то сначала едва заметно сжимала губы, словно причмокивала. А ещё она моргала не одновременно обоими глазами. Правое веко опускалось на долю секунды быстрее левого. Мне нравилось наблюдать за ней и улавливать вот такие мелочи, которые казались мне милыми.

Она поинтересовалась, как у меня дела, поблагодарила за спасение. В следующий приход она принесла медикаменты и инструменты, видимо, выполняя задание Кота. Единственный, кто так и не посетил меня, был Максик.

К вечеру я не выдержал и спросил, что с ним.

– Они с Бешей тренируются, – ответил Вовка. – Ты же знаешь: когда встречаются два воина…

– Тренировки ему дороже здоровья родного брата?

– Он спас тебя. Вытащил из огня, нёс на руках по лесу. Ты слишком строг к нему, – заступился за него старший, но мне было обидно, что младший игнорирует меня после того, как вывернул передо мной душу. Я чувствовал себя виноватым за тот разговор, будто я хитростью вынудил его на откровения.

На второй день я не выдержал и потребовал к себе Максика. Он явился с таким видом, словно я обделил его в завещании.

– С твоей стороны было мило справиться о моём здоровье, – я старался говорить нейтрально, но раздражение всё равно проскальзывало.

– Кот велел тебя не беспокоить.

– Другие беспокоили.

– Поэтому я и не лез, – Максик поджал губы и прислонился к косяку.

– Я чем-то тебя обидел?

– Нет.

– Возможно, я просил тащить меня по лесу несколько километров? Просил зашивать мне раны?

– Не просил.

– Или я обещал сдохнуть и не сдержал слово?

– Ты позвал меня, чтобы отчитать? – Максик отлепился от косяка и зло уставился на меня.

– Я не понимаю, почему брат, который пару дней назад рыдал у меня на груди и просил не бросать его, сейчас воротит от меня нос.

– Ты сам знаешь…

– Увы, нет! Просвети меня!

– Я говорил это лишь для того, чтобы мотивировать тебя. Ты должен был продержаться до приезда Кота, и я…

– Почему ты стесняешься этого? Почему боишься быть братом?

Максик слабо улыбнулся:

– Я брат тебе, что бы ты там ни говорил. Я спасу тебя снова, если ты окажешься в западне, я буду сражаться плечом к плечу с тобой, но развозить сопли по каждому поводу – это не для меня. Так что обнимашек не будет, извини.

– Я знаю другого Максика.

– Другим я не умею быть, – он одарил меня тяжёлым взглядом и вышел из комнаты.

Конечно, брат переживал из-за того, что я узнал его тайну про сны и мёртвых драконов, и он боялся, что я расскажу её Вовке. Мне надо было успокоить Максика, пообещать, что я сохраню его секрет, но я начал разговор не с той ноты, и теперь брат ещё больше замкнулся. Это обстоятельство не способствовало улучшению настроения. Впрочем, его окончательно испортило ещё одно известие.

На третий день я ощутил голод. Настоящее и сильное желание поесть. До этого я лишь пил – отвары Кота и бульоны, которые мне готовила Настя. И вот, чувствуя вполне естественное желание перекусить, я попросил Кота принести мне мяса из бульона.

– Старик, боюсь, это пока невозможно, – смущаясь, заявил он. – Видишь ли, я отрезал тебе с десяток сантиметров кишок, зашил, как сумел. Я не знаю, насколько после этого у тебя восстановится функция органа. Поэтому от твёрдой пищи тебе пока лучше воздержаться. Да и в будущем тоже.

– На одних отварах я на ноги не встану!

– Ты недооцениваешь их возможности.

– Я хочу есть нормально! – от волнения я аж покрылся испариной.

– Ты так говоришь, как будто всё зависит от меня! Если хочешь, я могу сказать: ешь мясо, – но через три дня мы отправим тебя в больницу с непроходимостью кишечника. Снова операция, которая вызовет вопросы, где была сделана первая…

– Чёрт! Я не хочу так! – я понимал, что злиться на Кота бесполезно: он лишь сделал необходимое, спас мне жизнь. За своё спасение я платил высокую цену.

– Будешь питаться тварями. Чаще, чем твои братья, но на одних монстрах можно протянуть. Поверь мне, я сам был при смерти и знаю, о чём говорю. Выше нос, Женя, у тебя начинается новая жизнь! Она будет отличаться от старой, но и из этого можно извлечь пользу.

Новая жизнь мне не нравилась. Конечно, стоило бы прислушаться к советам того, кого схватка с боном сделала почти инвалидом. Кот не мог самостоятельно выполнять многие простые манипуляции, не говоря уж о том, чтобы водить машину или драться. Мне же следовало лишь отказаться от биологической еды и полностью перейти на энергетическое питание, свойственное драконам. Мелочь по сравнению с тем, чем пришлось пожертвовать близнецу, но всё равно мне моё будущее оптимизма не внушало.

Настя

Кот был прав: есть твёрдую пищу мне оказалось категорически нельзя. Я дважды пытался, но оба раза заканчивались сильными болями в животе и лихорадкой. Поднимавшаяся температура,

слава богу, спадала сама через день-другой, но я решил больше не экспериментировать, и отныне в моём рационе значились только твари и вода. Из-за этого моим братьям приходилось в два раза больше охотиться, потому что теперь одного паразита в неделю мне было маловато: организм требовал подпитку каждые два дня. Хищника, правда, хватало на неделю, но достать их было не так-то просто. Пока я восстанавливался после ранения, Вовка с Максиком без устали совершали рейды в окрестные города и сёла, привозя с собой по пять-шесть бутылок с паразитами и, если охота оказывалась удачной, одного хищника.

– Ничего, это ерунда, – успокаивал меня Вовка. – Окрепнешь – сам будешь охотиться. А пока мне не трудно.

Максик ничего не говорил, но я чувствовал его недовольство. Я видел, как тяжело братьям даётся моя нынешняя диета: оба возвращались с охоты измотанные и тихие. Вовка сразу ложился спать, чего раньше с ним не случалось, а Максик запирался в своей комнате. Я боялся, что эта забота обо мне рассорит братьев, но она, наоборот, сблизила их. Я заметил это по тому, как у них стали появляться какие-то шутки на двоих, непонятные мне; как они стали понимать друг друга с полувзгляда. Иногда в разговорах Максик бросал на Вовку вопросительный взгляд, и старший отвечал ему лёгким кивком или же отрицательно качал головой. Что значил этот вопрос и этот ответ – знали только они. Иногда братья о чём-то разговаривали вполголоса, а когда к ним приближался я, замолкали. Не могу сказать, что это вызывало во мне ревность – нет. Скорее, любопытство. И ещё я надеялся, что компания старшего брата сделает Максика более дружелюбным и мягким.

Из-за частого отсутствия братьев моим собеседником, сиделкой и помощником стала Настя. После приёма моих лекарств её физическое здоровье быстро восстановилось, а вот раны душевные девушка залечивала трудотерапией, в которой просвечивало самоотречение, граничащее с аскетизмом. Это помогло Насте быстро и гармонично вписаться в нашу отшельничью жизнь. Вовка отдал ей свою комнату, потому что он много времени проводил либо на охоте, либо в кузнице. Дом для него стал местом, где можно поесть и поспать. Поэтому он устроил себе лежанку на печи. Из-за этого мы с Максиком подшучивали над ним, называя Ильёй Муромцем.

Настя взяла на себя обязанности по хозяйству, избавив нас от ненавистного дежурства. Теперь нам надо было только следить, чтобы бочка с водой для хозяйственных нужд была полной, а уж Настя расходовала её на чистоту в доме. Правда, готовила она не очень хорошо, но пока я свыкался со своей диетой, путь на кухню мне был заказан.

Мы с Настей много разговаривали, особенно в первое время, пока я не вставал с постели. Она просиживала у меня по несколько часов, расспрашивая о братьях или рассказывая о себе. Так я узнал, что она училась на программиста в Казани, но бросила университет на третьем курсе, потому что стало скучно.

– Преподаватели рассказывали нам то, что я и так давно уже знала, а некоторых я бы сама засыпала на экзамене, – объяснила она. – Вот я и пошла работать.

Сначала в компании, занимающейся связью, а потом ушла и оттуда, потому что один знакомый предложил ей более интересную и хорошо оплачиваемую работу – в частном сыскном агентстве. Ей приходилось взламывать корпоративные почтовые программы и пароли компьютеров, программировать системы слежения и так далее.

– Мне нравилось, что за это много платят, да и работа давала мне адреналин, – призналась Настя.

Это натолкнуло меня на идею использовать таланты гостьи. Так в нашей глуши появился бесплатный Интернет: Вовка купил бензиновый генератор и беспроводной модем, который мы закрепили на дереве, а Настя без труда взломала сеть одного из провайдеров. Кроме того, она закодировала наши сотовые, чтобы по ним нельзя было вычислить со спутника наше местонахождение.

Вообще, с появлением девушки наш мужской быт преобразился в лучшую сторону не только в техническом плане. Вовка стал вести себя, как глава семьи. Теперь он не просто раздавал команды

направо и налево, а совещался с нами, прежде чем принять какое-то решение. Он по-прежнему был внимателен и заботлив, но отныне эта забота приобрела какой-то ласковый оттенок, словно у него кроме двух братьев-раздолбаев появилась ещё и сестра.

Максик тоже преобразился: стал тщательнее следить за своей внешностью, перестал нецензурно ругаться, взял моду разгуливать по дому с голым торсом. Он, конечно, выглядел спортивно, но Настю в разы сильнее впечатлил Вовка, однажды снявший при ней футболку. Как я уже говорил, нам с Максиком досталась отцовская сухопарая конституция тела, а вот старшего папаша наградил мощным телосложением.

У меня же Настя вызывала противоречивые чувства. Она мне нравилась как человек, как друг. Я был рад, что спас её. Но иногда наедине с ней я чувствовал себя ужасно неловко и мечтал, чтобы братья вернулись поскорее. Я просил Настю выйти из комнаты, но через минуту жалел о сказанном. Когда я сидел над своей книгой и она спрашивала, что нового я узнал, я раздражался и ворчал. Когда она ничего не спрашивала, мне было обидно, что она игнорирует меня.

Узнав, что мы драконы, Настя восприняла услышанное, как должное, и это меня немного задело. Я ожидал, что она удивится или хотя бы испугается, но видимо, после эллогов она готова была поверить хоть в зелёных человечков. Однако мой рассказ не прошёл даром, и Настя стала относиться к нам, как к занесённым в Красную книгу сайгакам. Её стремление излишне оберегать нас и волноваться из-за каждого пустяка меня очень напрягало. А вот Вовке, похоже, нравилось. Он всегда подолгу убеждал Настю, что с нами ничего не случится, что он будет приглядывать за Максиком.

– А ты присмотри за Женькой, – говорил он, понизив голос и подмигивая, и мне хотелось дать ему хорошего пенделя.

К середине ноября я уже худо-бедно набрал форму, и Вовка стал брать меня на охоту с ними. Слава богу, Максик подобрал на той поляне мою «Анаконду». После болезни она казалась мне невообразимо тяжёлой, но я упорно возвращал себе навыки стрельбы.

Мы теперь практически не трогали паразитов, а ходили только на хищников. Выследить их было непросто, и приходилось расставлять ловушки в городе. Обычно я загонял на братьев фей или вампиров, изредка заманивал в западню амона, однажды нам даже удалось изловить вия. Я великодушно отдал его Вовке, как командиру нашего отряда. Но в основном нашей добычей были вампиры. Город им приглянулся, и они развелись в нём в большом количестве: эти хищники искусно маскировались под людей и не светились, как паразиты, поэтому приходилось провоцировать тварь, чтобы она проявила себя.

Вовка рассказывал, что ещё двести-триста лет назад вампиры вели себя иначе. Хищник нападал на жертву, съедал её душу и выпивал кровь, которая была нужна ему, чтобы принять облик убитого. Его тело вампир прятал, чаще всего зарывал на кладбище, после чего мог разгуливать на свободе в новом облике, подыскивая следующую жертву.

Несмотря на свою древность и силу, эти хищники были довольно уязвимы перед человеком: вонзённый в грудь кол (не только осиновый, но и любой деревянный), железный прут, меч и другой колющий предмет лишал вампира защитной оболочки. Он принимал свой истинный облик, которому вредили солнце, вода и огонь. С появлением огнестрельного оружия убить вампира стало возможно одним выстрелом в грудь и, конечно, в голову. Частички серы, содержащиеся в порохе, быстро вступали во взаимодействие с защитной оболочкой твари, вызывая у неё стремительную гангрену. И если при ранении в руку или ногу вампир мог отрубить поражённую конечность, чтобы спасти жизнь, то пуля, угодившая в туловище, становилась смертельной.

С наступлением технократической эры промышлять этим хищникам стало всё труднее: доступность людям огнестрельного оружия заставила вампиров искать новый способ выживания. И они очень быстро его нашли: теперь они не высасывали кровь из жертвы и не избавлялись от её тела, а переселялись в него. Это давало им возможность в течение нескольких лет поглощать человеческую душу. Приспособившись жить в человеческом теле, вампиры быстро переняли повадки людей и научились хорошо маскироваться. Однако вычислить их всё равно было можно.

Во-первых, у них были сухие, потрескавшиеся из-за обезвоживания губы, которые вампиры постоянно облизывали. По этой же причине вампиры избегали солнца, которое ускоряло испарение жидкости, а значит, и приближало гибель тела. Во-вторых, вампиры опасались зеркал. Но не потому, что не отражались в них, а потому, что как раз отражались. Люди не видели разницы между обычным человеком и тварью, забравшейся в тело, а драконы видели. К тому же в нашем распоряжении оставался ещё один способ – огонь. Вампиры, как и большинство других тварей, его боялись и начинали паниковать.

Свою добычу мы съедали на месте, чтобы не шокировать нашу гостью, хотя, не скрою, у меня не раз возникало желание продемонстрировать Насте воронку. Вовка запрещал это делать.

– Лучше останемся для неё обычными парнями, – говорил он. – Она и так довольно насмотрелась всяких ужасов.

Однако Максик не послушался и его, и однажды я застукал его с Настей в асбестовом тренировочном уголке. Младший, глотнув урана, демонстрировал фокусы с огнём, чем привёл девушку в неописуемый восторг.

– Вовка запретил это делать! – я оттащил брата подальше, чтобы Настя не слышала наших разборок.

– Он запретил жрать при ней тварей.

– Он просил быть для неё обычными парнями.

– Которые ничего не едят, но до сих пор не сдохли с голода? – зло прищурился брат.

Это был удар ниже пояса, и мне ничего не оставалось, как ответить на него другим ударом:

– И у которых вся комната увешена мёртвыми драконами.

– Ты… ты заходил без спроса в мою комнату?! – взвился Максик.

– Ты сам мне рассказывал про них!

– Я не говорил, что я вешаю рисунки на стенах. Ты шпионил? Чёрт… – младший поджал губы и быстро направился к дому.

– Я не шпионил, я просто заглянул к тебе, думал, что ты там! – я попытался удержать его за руку, но брат оттолкнул меня.

– Отвали!

Наши стычки с Максиком были обычным делом, но эта оставила в моей душе неприятный осадок. Такой, что я думал о ней целый день и даже ночью мне не спалось. Я вышел во двор подышать морозным воздухом и сразу учуял запах дыма. Обойдя дом, я заметил отсвет костра в асбестовом уголке: Максик сжигал там свои рисунки. У меня в груди закололо так, что стало трудно дышать. Услышав моё приближение, брат обернулся.

– Что ты здесь… – начал было он, но я перебил его:

– Прости меня. Я не хотел. Я не должен был говорить так…

Максик молча отвернулся к огню.

– Я понимаю, как много они значат для тебя…

– Нет, не понимаешь.

– А для меня они значат много, – я увидел среди ещё не брошенных в огонь листков тот, на котором был нарисован дракон в клетке. – Можно я возьму его?

Максик грустно посмотрел на рисунок, потом перевёл взгляд на меня и вздохнул:

– Его бы я не сжёг.

– Так я возьму? Подаришь его мне?

Брат медлил, словно сам не хотел расставаться с рисунком.

– В нём есть что-то такое… родное… – тихо произнёс он. – Как будто это наш предок. У меня сердце щемит, когда я на него смотрю.

– У меня тоже.

– Забирай, – Максик протянул мне листок. – Только не показывай никому. Даже Вовке. И тем более Насте.

– Хорошо, – кивнул я, понимая, что справиться с желанием показать рисунок Насте мне будет труднее всего. – И ещё раз: прости меня.

– Забыли! – примирительно улыбнулся Максик и хлопнул меня по плечу. – Я тоже сказанул лишнего.

– Не будем ссориться из-за девчонки! – я хлопнул его по плечу в ответ.

Глаза Максика хитро заблестели. Я не стал комментировать это, развернулся и зашагал к дому, прижимая к груди рисунок.

Казань

В начале декабря Вовка собрал нас всех на совет.

– Я хотел бы поговорить о Насте, – начал он, и у меня ёкнуло сердце. – Хочу, чтобы меня все поняли правильно: я не против неё, но пребывание среди драконов опасно для человека.

Настя напряжённо всматривалась в него, а Максик покусывал нижнюю губу. Выдержав паузу, Вовка развернулся к девушке и продолжил:

– Я хочу, чтобы ты знала, как умерли наши отцы. Наша мама была драконом, и мой отец через почти пять лет совместной жизни совершенно неожиданно бросился под пули во время перестрелки. Отец Женьки и Максика продержался дольше, но и он свёл счеты с жизнью, утащив за собой и нашу маму. Я не хочу, чтобы тебя постигла их участь.

Настя удивлённо подняла брови.

– Я не могу предсказать, как дракоиды подействуют на человека. Мы все давно освободили наши сущности, которые теперь развиваются и с каждым днём становятся всё сильнее, – Вовка испытующе уставился на девушку. – У тебя есть семья, Настя?

– Есть. Мама и сестра.

– Думаешь, они не хотели бы увидеть тебя снова – живой и невредимой?

Настя промолчала.

– Только не подумай, что я гоню тебя. Ты можешь оставаться у нас, сколько захочешь. Но подумай о тех, кто тебя любит…

– Думаешь, после того, как мы с двоюродной сестрой пропали без вести, нас ещё ждут дома? – тихо спросил Настя.

– Мать никогда не прекратит искать своего ребёнка, – Вовка улыбнулся, но губы его дрогнули. Я понял, о чём он подумал в этот момент.

– Я не уверена, что смогу жить обычной жизнью. Я от неё отвыкла. Мне страшно возвращаться, – призналась девушка.

– Понимаю, – глаза Вовки потеплели. – Я обозначил свои опасения, но решение будешь принимать ты.

– Если нет никаких признаков, что ей плохо, то может и не стоит… – влез в разговор Максик, но старший брат одарил его таким взглядом, что он умолк.

– Я так понимаю… уехать мне надо насовсем? – голос Насти стал ещё тише.

– Можешь вернуться, когда пожелаешь. Например, приехать на лето. Тут красиво: сосны, озеро, птицы поют…

– Или встретишь с семьёй Новый год, а потом обратно, – подхватил Максик.

Мне стало обидно, что братья выпроваживают спасённую мной девушку, пусть даже и таким деликатным образом. Как будто они собираются вынести на свалку диван, который я купил на свои кровные деньги. Я чувствовал, что доводы Вовки убедительные и неоспоримые, что он прав насчёт совместного проживания людей и драконов, но мне хотелось сказать хоть что-то в защиту той, кого я спас. И когда Настя посмотрела на меня, ища поддержки, я произнёс:

– К тому же ты ведь не можешь всю жизнь прибираться за тремя мужиками!

Откуда эта фраза возникла в моей голове и почему она сорвалась с языка – было за гранью моего понимания. Я растерялся ничуть не меньше Насти.

– Вы правы: я не могу бесконечно пользоваться вашим гостеприимством, – она говорила спокойно и дружелюбно, но все мы испытывали неловкость от ситуации. – К тому же быть вечной иждивенкой – не в моих правилах. Если вы не против, я буду изредка навещать вас…

– Когда пожелаешь! – подскочил Максик.

– Настя, мы делаем это ради твоего блага, – Вовка подошёл к ней и положил руки ей на плечи. – Я просто стараюсь тебя защитить. И всегда буду это делать, поэтому если тебя кто-то обидит или ты попадёшь в беду, ты знаешь трёх драконов, которые придут на помощь – только позови.

– Я знаю, – она погладила его по щеке. – Спасибо, я ценю это.

– Думаю, тебе не надо объяснять, что дома про нас лучше никому ничего не рассказывать.

– Я не дура. Лучше придумай, что мне сказать родным и полиции про то, где я столько месяцев пропадала.

– Уже придумал, – Вовка широко улыбнулся. – История будет выглядеть правдоподобно.

– Ладно. И последнее: как я доберусь до дома?

Вовка недоумённо взглянул на неё:

– Мы отвезём тебя!

– Что… в Казань?

– Хоть в Бангладеш.

– И когда мы двинемся в путь?

– Когда будешь готова.

Через два дня мы повезли Настю домой. Вовка отправился прогревать машину и прихватил с собой Максика, намеренно оставив меня с Настей наедине. Что мне с ней делать, я не знал, поэтому молча собрал свои вещи и вышел во двор. Через несколько минут там появилась и Настя – в джинсах и короткой осенней курточке: теплее мы ей ничего не достали. В руке она держала рюкзак, который я ей пожертвовал для хранения её немногочисленных вещей. Настя остановилась на крыльце, глядя на меня из-под капюшона куртки. Было в этой позе и этом взгляде столько щемящей грусти. Как будто мы были знакомы с детства и теперь расставались навсегда. Как будто кто-то из нас улетал на Марс.

– Ничего не скажешь? – тихо спросила Настя.

– Замёрзнешь. Иди к машине, – сказал я и протянул руку, чтобы взять рюкзак, но девушка отодвинулась от меня.

Я понимал, что она ждёт чего-то трогательного, романтичного, но мне в голову ничего не пришло лучше, чем сказать:

– У тебя есть мой телефон. Звони.

– А ты? Будешь звонить?

– Тебе надо как можно быстрее влиться в нормальную жизнь…

– Я знаю, что мне нужно, – Настя уставилась мне прямо в глаза, но я выдержал этот взгляд спокойно. – Ты скажи: будешь мне звонить или нет?

– Чтобы бередить старые раны?

– Какие раны, Жень? Ты говоришь так, будто у нас случился бурный роман! – она вздохнула, мотнула головой и, сунув мне рюкзак, зашагала к воротам.

Я чувствовал себя болваном. Почему Вовка всегда находил слова, которые были к месту и не раздражали Настю? И как изящно он умел разговаривать с Шу: не заискивая, но и не оскорбляя королеву панибратством.

Старший брат то ли не заметил неловкости, которая возникала между нами с Настей, то ли давал мне шанс всё исправить, но впервые в жизни он на переднее пассажирское сиденье посадил Максика.

– Впереди – это моё место! – попытался возразить я, но Вовка сунул младшему атлас дорог:

– Пусть учится разбираться в картах.

Максик торжествующе улыбнулся.

Пока не выбрались на шоссе, мы ехали молча. Настя смотрела в окно, между нами лежал её рюкзак. Максик сосредоточенно листал атлас, видимо, думал, что Вовка на самом деле по этой причине усадил его вперёд. Когда «Черик» выбрался на шоссе, Настя спросила, сколько нам ехать до Казани.

– Часов двенадцать-пятнадцать, – подумав, сообщил Вовка. – Всё зависит от того, сколько остановок мы будем делать.

– То есть к вечеру я уже буду дома?

– Будешь.

Ответ устроил девушку. Она ткнулась лбом в стекло и закрыла глаза. Но в планы Вовки, видимо, не входило всеобщее молчание, и он стал расспрашивать Настю, нет ли у неё вопросов по легенде, которую он для неё придумал. Они ещё раз шаг за шагом повторили историю похищения, побега из плена и амнезии. Причём Вовка задавал неожиданные и каверзные вопросы, на которые Настя отвечала, что ничего не помнит.

– Если вдруг следователь будет на тебя давить или запутает тебя, скажи, что очнулась в нашем доме.

– Но тогда к вам придёт полиция!

– Пусть приходит. Нас трое, а ты одна.

– Я своих не сдаю.

– Приятно, что мы для тебя уже свои, – сказал я впервые что-то умное, что понравилось Насте. Она смущенно улыбнулась и накрыла мою ладонь своей. Я в ответ сжал её пальцы. Стена неловкости между нами рухнула. Через полчаса Настя уже подпевала песням, звучащим по радио, которое Вовка включил по её первому требованию. Мы с Максиком удивлённо переглянулись. Ещё через час она взахлёб обсуждала с моими братьями какие-то гаджеты для телефонов и программы, помогающие шифровать информацию. А ещё через час рюкзак был сброшен на пол, а девушка задремала, положив голову мне на плечо. Я приобнял её и замер, боясь разбудить неловким движением. Вовка с отеческой полуулыбкой поглядывал на нас в зеркало заднего вида.

В Казань мы приехали в десятом часу вечера. Настя показала дорогу к дому, а когда мы подъехали, несколько минут не решалась выйти из машины, разглядывая двор в окно. Было ощущение, что она чего-то боится. Может быть, встретить знакомых. Или незнакомых.

– Тебя проводить? – спросил я.

– Нет! – встрепенулась она. – Спасибо, что подбросили. Будем на связи, хорошо?

Мы втроём вышли из машины. Настя с благодарностью обняла Вовку, потрепала Максика по волосам и чмокнула его в щёку. Меня же она словно бы избегала, а я стоял с её рюкзаком, как дурак.

– У тебя в подъезде темно, – констатировал Вовка, кивнув на серые квадраты окон лестничной клетки пятиэтажного дома. – Женька тебя проводит.

– Не надо, я сама.

– Хочешь, я провожу? – вызвался Максик, но старший брат схватил его за куртку и потащил к капоту:

– Посвети мне. Кажется, свечи потекли, что ли…

Я понимал, что мне предоставлено право попрощаться по-взрослому, но я не знал, что сказать или сделать.

– Пойдём, а то замёрзнешь, – я направился к подъездной двери. – Не бойся, я не буду напрашиваться в гости. Только доведу тебя до двери, чтобы быть спокойным.

Настя кивнула.

Её квартира находилась на втором этаже. Мы поднялись, ещё не успев придумать, что сказать друг другу.

– Я так боюсь, – Настя остановилась, не дойдя трёх ступеней до конца пролёта. – Что они скажут, когда меня увидят? Что я им скажу?

– Ничего не говори, – я вдруг вспомнил, как впервые встретился с Максиком в кафе. – Всё равно ты забудешь все слова, какие сейчас подготовишь.

– Ты прав.

– Думай обо мне, и я буду с тобой, – шепнул я, склонился над Настей и поцеловал её в губы. Мне почему-то казалось, что она обнимет меня или хотя бы прижмётся, а она отстранилась и хихикнула:

– Почему ты делаешь это только сейчас? У нас в лесу было столько времени!

Я ужасно смутился – настолько, что почувствовал, как кровь прилила к лицу. Хорошо, что на лестнице было темно.

– В лесу не было атмосферы, – выдохнул я.

– Атмосферы… – и вот тут Настя обняла меня двумя руками и страстно впилась в мои губы. И я впервые за два месяца ощутил, что она старше меня. И не на формальные пять, а на много-много лет. Я был неопытным мальчишкой, а она – зрелой женщиной. И это ощущение пугало и одновременно окрыляло.

Когда мы отстранились друг от друга, я погладил её по щеке, шепнул:

– Звони! – и стал спускаться по лестнице.

– Женя! – окликнула меня Настя, но я не обернулся. – Женя! Рюкзак!

Я забыл отдать ей чёртов рюкзак! Возвращаться я боялся, потому что не хотел новых поцелуев, но притвориться, что я не слышал оклика, я не мог. Я развернулся и сделал пару шагов вверх по лестнице, но в это время щёлкнул замок одной из квартир. Я мгновенно нырнул под лестницу.

– Наська! – услышал я женский возглас, и понял, что дверь открыла сестра.

Теперь возвращаться точно нельзя, и я бесшумно побежал вниз.

– Ты чего с рюкзаком? – спросил Максик, когда я выскочил из подъезда.

– Она сказала, что он ей не нужен, – соврал я.

– Фетишист хренов! – хмыкнул брат, залезая на заднее сиденье. – Хоть поцеловались?

– Не твоё дело!

– Значит, поцеловались, – резюмировал Вовка, садясь за руль. – Это хорошо.

Мне хотелось наподдать им обоим, чтобы не сплетничали, пока я провожаю девушек.

Раз уж мы оказались в большом городе, Вовка предложил поохотиться. Вечер пятницы – самое благоприятное время для охоты. После рабочей недели люди ищут развлечений. Добыча разгуливает и в центре города, и на окраине, сбивается в стаи, что значительно упрощает задачу. К тому же алкоголь, к которому стремятся многие носители паразитов, притупляет реакцию, и тварь не может учуять опасность. Впрочем, алкоголь облегчал охоту не только нам, но и хищникам, которые высматривали пьяных, чтобы полакомиться душами. Мы колесили по улицам, пока не учуяли добычу – молодого и неокрепшего демона-богема, который поселился в теле такого же неокрепшего, как он сам, подростка. Он двигался по небольшой улочке, которая выходила на широкую и людную улицу с большим количеством транспорта, а потому брать добычу стоило здесь.

– Это вам с Максиком, я поищу кого-нибудь покрупнее, – Вовка обогнал парня, свернул во двор и притормозил возле стены, огораживающей мусорные баки. Таким образом, «Черик» и стена закрывали нас от случайных прохожих, и мы могли спокойно вооружиться: достали из тайника меч Максика и мой пистолет. Максик молча снял куртку, нацепил на спину ножны, застегнул ремни и снова оделся. Я же сунул свою «Анаконду» в карман пальто.

– Видели по дороге памятник мужику в кресле? – спросил Вовка, пока мы заканчивали приготовления к охоте.

Мы с братом кивнули.

– Встретимся возле него через три часа. Если замёрзнете – звоните!

Максик закатил глаза. Проводив джип взглядом, я перевёл его на брата:

– Я пойду дворами, а ты загоняй богема на меня.

– Я подам сигнал, – Максик затрусил в сторону улицы, чтобы преследовать добычу там.

Такому приёму научил нас Вовка. Один из нас (чаще всего это был Максик) нападал на жертву или каким-то другим способом демонстрировал свои не очень добрые намерения, заставляя её отступать туда, где поджидал я. Как правило, видя агрессивного дракона, паразит внутри человека начинал нервничать, заставляя своего хозяина совершать необдуманные и порой глупые поступки, из-за чего тот не замечал западни. А когда появлялся я, то тварь была настолько деморализована, что сдавалась почти без боя. Впрочем, иногда они всё же сопротивлялись, и тогда мы с Максиком играли в злодея и спасителя, то есть я по условному сигналу бросался якобы на помощь жертве. Обрадованный такой неожиданной поддержке, паразит не сразу соображал, что количество драконов увеличилось в два раза. Поэтому оказывался в одном из нас раньше, чем успевал понять свою ошибку.

Вот и сейчас я бегом бросился к противоположному концу дома, чтобы успеть перехватить богема, которого Максик должен был загнать во двор. К слову, в умении загонять добычу в западню брату не было равных. Он делал это с особым изяществом, всегда очень точно вычисляя слабые места противника. Если тот был трусом, Максик пугал его; если тот рад был новым знакомствам, особенно когда те с большой долей вероятности могли закончиться выпивкой на халяву, то Максик сразу намекал на попойку. Доверчивым он предлагал помощь, отзывчивых просил помочь ему, грубиянам хамил, честолюбцев брал на слабо – одним словом, он для каждого находил самый действенный способ.

Однако в этот раз кто-то из нас дал маху: едва я достиг противоположного торца дома, как увидел Максика, который шёл по тротуару ускоренным шагом и жестом указал мне двигаться вперёд. Видимо, у него поменялся план относительно жертвы, и я теперь должен был подыгрывать почти вслепую. Однако у меня возникли некоторые трудности с выполнением его приказа: следующий дом, что стоял вдоль по улице, изгибался внутрь двора буквой Г, а значит мне нужно было обежать его. И я быстро справился бы с этим, не окажись на пути ещё одной преграды – почти двухметрового забора, огораживающего какой-то элитный шестиэтажный дом и примыкающего впритык к перекладине Г. Преодолеть такую высоту для меня было плёвым делом, но даже оно требовало времени. Я как мог быстро перебрался через забор, потом ещё через один, потом мне пришлось обогнуть ещё и магазинчик, и только тогда я оказался на улице, где Максик должен был остановить богема. Однако ни того, ни другого я там не увидел. Это обескуражило меня, и я пытался сообразить, как могли развернуться события и куда подевались два их участника. На выскобленном от снега тротуаре не осталось никаких следов, но я почему-то был уверен, что Максик не стал бы возвращаться. В конце концов, если первоначальный план провалился, то брат просто употребил бы богема сам. А я бы нашёл себе новую жертву, как делал уже не раз. Однако как бы ни повернулась ситуация, оба её участника должны были сейчас находиться в поле моего зрения. Даже если бы один улепётывал со всех ног. Правда, до шумной улицы оставался всего один дом – каких-то пятьдесят метров. Что если богем раскусил замысел моего брата и побежал в тот самый момент, когда я скрылся во дворе? Самая верная тактика для жертвы – выйти на людное место, где охотник не посмеет напасть открыто.

Я добежал до конца дома и, перейдя на спокойный шаг, вышел на тротуар у перекрёстка: мне, как партнёру на подхвате, не стоило привлекать внимание резкими движениями. Оглядевшись, я сразу увидел брата, и компания, которая его окружала, мне сразу не понравилась.

А окружал его полицейский патруль – три здоровых мужика, у одного из которых на плече болтался автомат. Двое оттеснили брата к стене дома, а тот, что был с автоматом, остался стоять на тротуаре, небрежно прикрывая своё оружие рукой. Часто так делают владельцы собак бойцовских пород, чтобы продемонстрировать свою власть над животным: мол, пока моя рука лежит на нём, пёс вас не тронет, но стоит мне убрать руку…

По тому, как брат переступал с ноги на ногу и как задирал подбородок во время разговора, я понял, что он сильно нервничает, а значит, дерзит. Вовка учил нас не лезть на рожон с блюстителями порядка. Лиги контролировали силовые структуры людей и досконально просматривали все случаи задержания, потому что беглые драконы попадались на кражах, на сбыте краденого и даже во время

охоты, которая со стороны выглядела, как нападение на человека. Поэтому с полицейскими и гаишниками Вовка всегда разговаривал спокойно и вежливо, а если ситуация всё же принимала конфликтный оборот, то насылал на стража порядка забывчивость или под гипнозом заставлял возвращать наши документы и отпускать нас.

Максик же не умел гипнотизировать. Да и остальные заклинания у него получались через раз, а тут ещё он сам был на нервах и не мог сконцентрироваться, поэтому своим поведением только затягивал петлю. Его срочно надо было спасать, но прежде чем ввязаться в это, я должен был разведать обстановку. Поэтому неторопливо прошёл за спиной у автоматчика, прислушиваясь к разговорам.

– В отделении разберёмся, – ответил один из полицейских на какую-то реплику Максика. – Руки сюда!

– Я ничего не сделал! На каком основании?! – кипятился брат, вырываясь из хватки ментов.

Парень с автоматом повёл плечом и перенёс руку с тела оружия на ремень, но пока не снимал его. Ситуация требовала немедленного вмешательства, поэтому я быстро приблизился и заговорил как можно дружелюбнее:

– Добрый вечер. Какие-то проблемы?

– Проходи, проходи, – раздражённо буркнул автоматчик, подталкивая меня в плечо. – Мы тут без тебя разберёмся.

– Но это мой брат. И я хочу знать, почему вы его задерживаете.

Полицейский бросил вопросительный взгляд на своих коллег. Я не стал дожидаться, пока мне кто-то ответит, и шагнул прямо в гущу событий, протиснулся между двумя стражами порядка, которые пытались надеть на Максика наручники:

– Что происходит? Почему вы задержали моего брата?

– Это ещё кто? – возмутился полицейский. – Игорь! Убери его!

Игорем звали автоматчика, и он тут же бросился ко мне, но я вывернулся из его рук.

– Объясните, что происходит!

Игорь, досадуя, что выпустил ситуацию из-под контроля, всё-таки сдёрнул с плеча автомат и угрожающе рыкнул:

– Лицом к стене! Руки!

Я повиновался, чтобы не усугублять ситуацию. Игорь носком сапога ударил меня в голень, заставляя расставить ноги шире. Что происходило у меня за спиной, я не видел. Слышал только, как один из полицейских не то удивился, не то возмутился:

– Это что у тебя? Меч?!

По щелчку кнопки я понял, что второй выхватил из кобуры пистолет.

– Не трогай его! – взвился Максик, и я испугался, что сейчас начнётся потасовка или даже перестрелка, поэтому заговорил громко, четко выговаривая слова, чтобы их услышали все участники ситуации.

– Опустите оружие. Мы ничего не сделали! Это какое-то недоразумение! – после этой фразы я постарался наслать на полицейских гипноз, но у тех случился выброс адреналина, и моё заклинание не подействовало.

– Игорь, обыщи этого! – приказал командир троицы, и через несколько секунд автоматчик нащупал у меня в кармане «Анаконду». На этой секунде шанс решить проблему мирным путём растаял без следа.

– Откуда у тебя ствол? – гаркнул автоматчик.

– У меня есть на него разрешение, – спокойно ответил я.

– Давай обоих в отделение – там разберёмся, – приказал командир, и после его слов на моих запястьях щёлкнули наручники.

«Бобик» стоял на небольшой, на несколько машин, парковке у обочины. За рулём не было никого, а значит, водителем был кто-то из этой троицы, и в моей голове родился план побега. Но

для его осуществления надо было, чтобы полицейские, и в особенности тот, кто поведёт машину, немного успокоились, чтобы я мог использовать заклинание.

Нас запихнули в задний отсек, который был отгорожен от салона железной перегородкой с зарешеченным окном. Игорь сел на заднее сиденье и положил автомат на колени. Командир отправился на переднее пассажирское сиденье, а второй парень сел за руль. С третьей попытки уазик завёлся, задрожал всем телом, словно пытаясь стряхнуть с себя сонное оцепенение. И хотя нас рассадили по противоположным скамейкам, я быстро пересел на сторону брата, едва машина тронулась. Сидеть вдвоём было тесно, особенно из-за того, что руки нам сковали за спиной, но я подавил все попытки брата возмутиться, зашептав ему на ухо:

– Открой замки наручников, как затворку шлюза в игровом автомате.

Максик глянул на меня сначала испуганно, потом в его взгляде проскользнуло недоверие, а потом он понял, наконец, чего я от него хочу. Закрыл глаза и выдохнул через нос, сосредоточившись. Мы миновали одни перекрёсток, потом второй, а Максик всё никак не мог справиться с наручниками. Мне не хотелось его торопить, но с другой стороны, чем ближе мы были к отделению, тем опасней становился наш побег. Вдруг Максик повёл головой в сторону, и замки на его браслетах открылись. Аккуратно сняв наручники, чтобы не бренчали и не привлекали внимания, брат повторил ту же процедуру, только для верности наложил руки на мои оковы.

– Эй вы, ну-ка тихо там! – прикрикнул Игорь, услышав нашу возню.

– На жену свою ори! – огрызнулся Максик. Я гневно зыркнул через плечо, призывая брата не тратить силы на препирательства, а сосредоточиться на открытии замка, но Максик проигнорировал мой посыл.

– Тебе за такой ножичек светит три года колонии, понял? – не унимался Игорь.

– Это не ножичек, а меч. Выкованный по технологиям древних оружейников, – дерзил в ответ брат.

– А за изготовление тебе ещё года полтора накинут.

– Не пугай меня, а то наложу от страха в машине. Будешь всю дорогу говно нюхать, – съязвил Максик, и в этот момент хватка моих браслетов резко ослабилась.

Я стряхнул наручники, молниеносно укусил себя до крови за левое запястье и на тыльной стороне ладони кровью нарисовал знак устранения, как на колёсах машины Беши. Ждать, пока мой неумелый брат справится с замком на двери «бобика», не было времени.

– Как только остановимся – усыпим их и валим, – шепнул я.

– А оружие?

– Заберём.

– Ну-ка заткнулись оба! – снова повысил голос Игорь, но в этот момент уазик затормозил. Может быть, на светофоре, может, пропускал пешеходов или какую-то другую машину, но я понял, что вот он – тот благоприятный момент, когда надо рвать когти. И я выкрикнул во всю глотку заклинание сна. Через пару секунд в салоне стало тихо, только рация шуршала и потрескивала, выплевывая неразборчивые обрывки фраз.

Я мысленно произнёс заклинание устранения и бросился на заднюю дверцу. Беша говорил, что пока не отработаешь приём, брать такие преграды надо с разбега. Места на разбег у меня не было, наверное, поэтому и выход на свободу не удался. «Бобик» качнуло от моего броска, а от мощного столкновения с железной дверью я разбил себе лоб.

– Ты псих, что ли? – осторожно поинтересовался Максик.

Вместо ответа я ещё яростнее бросился на дверцу. Если бы заклинание не сработало на этот раз, я бы убился, но вдруг тело моё провалилось в вакуум, а потом его словно что-то вытолкнуло на поверхность – и я упал на колени на укатанный машинами, обледеневший наст снега. Я вскочил на ноги и огляделся: лучше совершать побег из полицейской машины без свидетелей. Однако то, что я увидел, заставило меня юркнуть за уазик и затаиться. Оказывается, наш «бобик» каких-то пятьдесят метров не доехал до отделения полиции. Он остановился перед небольшим перекрёстком, видимо, пропуская выезжавшую с другой дороги машину. Но той машины уже и след простыл, а наш уазик

одиноко стоял на проезжей части. Любая другая полицейская машина, выезжающая из участка или направляющаяся в него, может остановиться и поинтересоваться, всё ли хорошо у коллег. Чтобы избежать такого сценария, я открыл дверцу кутузки снаружи, выпуская брата на свободу.

– Лихо ты! – не скрывая восхищения, он хлопнул меня по спине. – Научишь?

– Непременно. Берём оружие и валим. Только осторожно: рядом менты.

Максик выглянул из-за машины и понимающе кивнул. Мы проскользнули вдоль бортов уазика: я по правому, а брат по левому. Его меч Игорь положил на заднее сиденье, потому что в пакет это оружие просто не влезло. А вот моя «Анаконда», упакованная в пластиковый пакет, лежала на коленях командира. Может, он хотел рассмотреть узор на стволе, может, у него были какие-то другие планы насчёт моего револьвера. Забирая оружие у полицейского, я заметил под ним листок. Я машинально заглянул в него и обалдел: там была фотография Максика. Сам текст я не успел прочитать – увидел только, что в розыск объявлен Петров Максим Антонович. За что брата разыскивали, я не мог представить: на вылазках он был с Вовкой, и старший бы ни за что не допустил криминала. Однако факт имел место, и стоило с ним разобраться. Я свернул листок и сунул его в карман.

– Женька, ноги! – вдруг встрепенулся Максик и бросился прочь от машины. Я заметил, что к нам приближается ещё один «бобик», и рванул за братом.

Мы с Максиком бежали так, как никогда ещё не бегали. Мне казалось, что земля горит у нас под ногами. Скрывшись во дворах, мы продолжили удаляться от участка, но вслед нам нёсся вой сирен. Страх придавал мне сил, иначе я бы не выдержал такого темпа. Выскочив на одну из улиц, мы увидели метрах в двухстах от нас патрульную машину и рванули обратно. Мы уходили на север. Я уже не мог сориентироваться, где нас будет ждать Вовка – нам надо было оторваться от погони. Во дворе соседнего дома замелькала мигалка: нас зажимали в кольцо.

– Жень, беги! – Максик приотстал. – Я задержу их.

– Никто никого не будет задерживать! – я схватил его за руку.

И мы снова бежали. Я слышал, как по улицам вдоль дворов, по которым мы уходили, ехали полицейские машины. Но мы неслись с такой же скоростью, поэтому они не могли нас обогнать. Дома закончились и начались гаражи, а за ними – железная дорога.

– Сюда! – я буквально взлетел на крышу одного из гаражей и помог взобраться брату. Из трёх преследующих машин осталась только одна: две остальные упёрлись в тупик. Мы же бежали по крышам, перескакивая с одного блока на другой, а за нами, петляя в проездах между гаражами, гналась машина. Я не знал, куда нам деться, когда крыши кончатся, но увидел вдалеке огни поезда: к нам стремительно приближался товарняк.

– За мной! – я добежал до конца гаражного блока и спрыгнул наружу, где зимой сугробы, а летом, наверное, заросли полыни и другой дикой травы отделяли гаражи от железнодорожного полотна. Полицейская машина, обогнула блок, потеряв полминуты. Это дало нам фору: мы с братом ринулись к железнодорожным путям.

– Не успеем! – выдохнул Максик.

– Стой! Буду стрелять! – раздался сзади голос: машина не могла продолжать преследование, забуксовав в снегу, а мы с братом, как сайгаки, скакали по сугробам.

– Жень, поезд! – Максик снова притормозил, и звук выстрела накрыл нас оглушительным эхом.

– Первый – в воздух, – я снова схватил брата за руку и потащил за собой. – Просто верь мне!

– Женя!

Расстояние между нами и товарняком сокращалось с ужасающей скоростью. Машинист дал длинный басовитый сигнал, словно хотел им отбросить нас в сторону. Следом за этим гудком – ещё один выстрел.

– Жень, не успеем!

– Просто верь!

Точку, в которой мы должны были пересечь полотно, вместо нас пересёк локомотив. Но в спину нам дышали вооружённые менты, и проводить ночь в камере у меня не было желания. Я вдохнул и

зажмурился, как во время телепортации через Дунай. Губы сами произнесли заклинание – и я грудью рассёк пространство.

Проходить через движущийся поезд было совсем не то же самое, что через дверцу уазика. Во-первых, движущаяся преграда, конечно, сильно отличалась от статичной. Тонны несущегося железа сменялись короткой пустотой, и мне показалось, что я попал в мощный водный поток, который швыряет меня, как щепку, мнёт, терзает, хочет не то разорвать, не то сплющить. Во-вторых, я был с Максиком, который не имел рисунка, как у меня. Но я подумал: если Беша рисует знаки только на колёсах машины и этого достаточно, чтобы она везла пассажиров по бездорожью, значит, и я смогу выполнить роль такой машины – протащить брата за собой. Свои силы я, конечно, не рассчитал. К тому же, будь у меня время подумать и взвесить все за и против, я бы, наверное, не рискнул сигать сквозь поезд. Но я был в отчаянии, адреналин наполнял меня до краев, и это толкнуло меня на безрассудство. И это же спасло нам с Максиком жизнь.

Очутившись на пару секунд в жёстком водовороте, мы с братом упали с другой стороны грохочущих вагонов, покатились кубарем. У меня болело всё тело – как будто меня этот товарняк переехал. Каждый вдох отдавался режущей болью в левом боку – видимо, я сломал ребро. Максик тоже с трудом поднялся на ноги. Его лицо и ладони были исцарапаны, некоторые ссадины кровоточили. Куртка на плече свисала лохмотьями.

– Ты… козёл! Понял?! – задыхаясь, выдал он.

– Согласен, – я видел, как мечутся с той стороны разозлённые и наверняка ошарашенные менты. – Бежим!

И мы устремились дальше, превозмогая боль и запутывая следы. Я на ходу сорвал с шеи капсулу с панацеей и, как только мы добежали до первого строения, юркнул за угол и опрокинул содержимое контейнера в рот. Язык обожгло сладковато-острым и вязким, как сироп, содержимым. Я не надеялся, что лекарство поможет мгновенно, я лишь хотел, чтобы мои раны начали заживать.

Сердце матери

Когда стало ясно, что от погони мы оторвались, мы с братом остановились и огляделись. Ноги привели нас на окраину, в какой-то спальный район с большими и тихими дворами.

– Чёрт, я пробежал, наверное, больше, чем за всю жизнь, – Максик повалился спиной в сугроб на детской площадке и раскинул руки и ноги, давая телу отдых.

У меня тоже дрожали колени, а боль в левом боку усилилась настолько, что дышал я поверхностно и часто, как умирающее животное. Я присел на скамейку, осторожно откинулся на спинку и прикрыл глаза. Возможно, панацея не подействовала, потому что я неправильно её приготовил. А возможно, она как раз и сработала, и мои нынешние боли были пустяком по сравнению с тем, что я ощущал бы на самом деле, не проглоти лекарство. Просто мне надо было немного отдохнуть, всего несколько минут…

– Жень, ты чего?! – раздался рядом взволнованный голос брата, и я даже вздрогнул от неожиданности. Видимо, я задремал и пропустил какой-то вопрос, что заставило Максика подойти ко мне.

– С тобой всё в порядке? – настороженно поинтересовался он.

– Не очень. Кажется, лекарство не действует…

– Чёрт, хреново. Надо позвонить Вовке. Пусть приедет сюда, потому что нам сейчас опасно…

– Звони, – устало перебил его я. Мне смертельно хотелось спать. Я не охотился два дня, и забег через пол-Казани и ранение лишили меня последних сил.

Я знал, что Максику не хочется звонить Вовке, потому что, когда тот узнает, в какой переплёт мы попали, он обрушит свой гнев на того, кто будет на том конце провода, но младший всё же мужественно набрал номер.

– Вы где? – в голосе старшего брата я уловил волнение и некоторое раздражение.

– Знать бы… – вздохнул Максик. – Нас замели менты, но мы сбежали и теперь шаримся по какому-то району…

Я закрыл глаза: мой бесхитростный брат выложил Вовке правду, которую можно было бы скрыть.

– Сбежали? – удивился Вовка. – Почему не позвонили мне из участка?

– Мы это… не доехали до участка.

– Балбесы! Примерно можете описать, что это за район?

– Сначала бежали вдоль реки, потом пересекли железную дорогу – незабываемые ощущения, надо признаться, – начал вспоминать Максик. – Потом мимо каких-то ангаров с самолетами, а дальше вышли к домам.

– Улица как называется?

– Мы проходили Молодёжную, а на какой сейчас – не знаю.

– Оставайтесь на связи, – Вовка отключился.

Максик убрал телефон в карман и взглянул на меня, ища поддержки.

– За что тебя менты остановили?

– Не знаю. Докопались до ерунды, – поморщился брат, но я чувствовал, что он не хочет говорить на эту тему, а значит, причина для задержания у полицейских была.

– До какой ерунды?

– Да просто, наверное, денег хотели стрясти, – отмахнулся Максик. – Ты идти-то сможешь?

– Постараюсь, – я не без труда поднялся. – И всё-таки скажи, за что тебя остановили, чтобы мы могли придумать легенду для Вовки.

– Да не надо никакой легенды! Говорю же: они просто план выполняли.

Мы с братом зашагали вдоль дома, потом свернули и скоро оказались на широкой улице, по которой тянулись троллейбусные провода.

– Звони Вовке, скажи название улицы, – я кивнул на указатель на доме.

Максик вынул телефон, набрал номер брата и путано стал объяснять, где мы находимся. Впрочем, Вовка уже сориентировался по карте и сказал, что будет на месте минут через пятнадцать. Мы присели на скамью на троллейбусной остановке. Холод уже пробирался ко мне под пальто, но я знал, что в машине быстро отогреюсь. Чтобы не думать о морозе и о боли, я снова заговорил с братом о недавнем инциденте:

– Знаешь, в машине я видел ориентировку на тебя…

– Ну и что? – Максик нервно пожал плечами. – Может, нас с Вовкой объявили в розыск за кражу в казино.

– Там была только твоя фотография. И фамилия значилась – Петров. Наверное, ты потерял паспорт, когда грабил казино.

Щёки брата заалели, он заёрзал на месте и смачно сплюнул в сторону.

– Почему ты боишься сказать мне? Я-то не капитан полиции, ничего тебе не сделаю.

– Потому что я не знаю, что тебе сказать! Я не могу влезть в голову к ментам, которые составляли ту ориентировку.

– Ты весь на взводе…

– Да, чёрт возьми! После прохождения через поезд мне, мягко говоря, не очень-то по себе.

Я понял, что брат закрылся и теперь из него ничего не вытянешь. Я умолк, сунул руки в рукава и поёжился: декабрь в Казани выдался морозным. С тех пор как я стал драконом, моё тело быстро адаптировалось и к жаре, и к холоду, но даже оно с трудом выдерживало минус двадцать градусов.

Минут через десять Максик ткнул меня в плечо. Я поднял голову и увидел мчащийся по улице джип. Мы с братом бросились к нему, как десантники к вертолёту, прилетевшему забрать их из зоны боевых действий.

– Оба назад! – скомандовал Вовка, когда я открыл переднюю дверцу. Я не стал с ним спорить: мы и так наломали дров, поэтому молча уселись на заднее сиденье и притихли. Джип рванул дальше по улице, а старший брат достал мобильник и набрал номер. Когда ему ответили, он, задыхаясь и запинаясь, начал говорить:

– Это… тут два парня… напали на мужчину… Стукнули по голове. И отобрали телефон и кошелёк… Да, одному лет шестнадцать, он в тёмно-коричневой куртке. Другой постарше, в пальто. Нет, я только со спины видел… Находимся где? Пересечение проспекта Победы и академика Глушко. Мужчине помощь? Не знаю, у него бровь разбита… Хорошо, мы подождём. Только вы это… быстрее, а то холодно!

Повесив трубку, Вовка буркнул, не оборачиваясь:

– Снимайте верхнюю одежду и спрячьте под сиденье.

Мы с Максиком повиновались.

– Когда скомандую – оба на пол. И чтоб ни звука!

Задумка Вовки мне понравилась: он стянул полицию в удалённый от нас район города, чтобы беспрепятственно выехать на шоссе. Мы, правда, покидали Казань с западной стороны, но небольшой крюк ради спасения наших шкур – это мелочь.

На выезде из города, перед постом ГАИ, мы с братом на всякий случай легли на пол. Когда пост остался позади, Вовка, не сбавляя скорости, принялся за допрос.

– Какого чёрта вас в ментовку потянуло?!

Мы с Максиком переглянулись, и он кивнул, позволяя мне держать ответ.

– Мы охотились за богемом, но он переиграл нас. Почувствовал опасность и выбежал на оживлённую улицу, по которой как раз двигался полицейский патруль. Нас остановили и обыскали, а когда нашли оружие, то засунули в машину и повезли в участок.

– Балбесы… – беззлобно выдохнул брат. – И почему не доехали до участка?

– Мы сбежали раньше. Как только «бобик» остановился, мы усыпили экипаж и дали деру.

– Вы без наручников, что ли, были?

– С наручниками, но я открыл замки. И мы слились прямо перед носом ментов, – не преминул похвастаться Максик, и меня это ужасно разозлило. Я тут стараюсь сгладить нашу оплошность, а он влезает с совершенно ненужными замечаниями. И я решил проучить его.

– Когда мы забирали у ментов наше оружие, я нашёл ориентировку на мелкого, – нарочито небрежно сказал я, и Максик испуганно умолк.

– Что за ориентировка? – нахмурился Вовка.

– Вот, читай, – я вынул из кармана пальто свернутый помятый листок и протянул брату. Максик изменился в лице, не ожидав от меня такого удара. Я намеренно отдал бумагу Вовке, потому что знал, что Максик не даст мне прочитать ни слова – отберёт листок и порвёт в клочья. Старший брат, видимо, понял это, поэтому одной рукой развернул листок и, положив на руль, стал читать вслух:

– Разыскивается Петров Максим Антонович… Интересно! Похищен 16 мая и обманным путём вывезен из Варны (Болгария) в Россию Ермоленко Владимиром Сергеевичем и Тартановым Евгением Сергеевичем…так, описание внешности… В последний раз похитители выходили на связь двенадцатого октября… Очень интересно! В данное время местонахождение Петрова Максима неизвестно.

После прочитанного в машине минуту висела тишина.

– Не хочешь нам ничего объяснить? – Вовка откинул листок на пассажирское сиденье.

– Возможно, меня с кем-то перепутали… – упавшим голосом произнёс младший.

– Ещё глупее не мог придумать отговорку?

– Я не знаю, откуда взялась эта ориентировка, – совсем притих Максик.

– Так я объясню тебе, – Вовка повысил голос, и я вдруг понял, что он буквально в ярости, как тогда, в детдоме, когда директор сказал ему, что не хватает какой-то справки. – Это значит, что тётя Оля накатала заявление в полицию. Понимаешь? Она написала, что мы тебя похитили. Обманным путём вывезли в Россию. И ни слова – что мы твои братья. Так, какие-то вероломные киднепперы.

Максик опустил голову и кусал губы.

– А теперь, будь добр, объясни, почему она это сделала.

Младший не отвечал, прижавшись лбом к окну.

– Хорошо, тогда я позвоню ей и спрошу, – Вовка вынул мобильник и стал листать меню.

– Не надо звонить ей, – пробурчал Максик.

– Но это единственный способ мирно решить проблему. Я не хочу, чтобы за нами с Женькой гонялись менты всея Руси.

Максик тяжело вздохнул и признался:

– Я не звонил матери с двенадцатого октября. Я ей так и сказал, что этот звонок последний и что домой я не вернусь.

– Вот те раз! По-моему, мы с тобой договорились, что ты будешь звонить ей раз в неделю и говорить, что с тобой всё хорошо, – Вовка аж руками развёл. – В чём дело?

– Я не хочу с ней больше разговаривать.

– Максик, это жестоко и несправедливо по отношению к человеку, который вырастил тебя.

– Не говори мне о справедливости! – едко парировал Максик. – Когда умерла бабушка, тебе должны были дать опеку над нами – вот это было бы справедливо. А что мы получили вместо этого? Тебя отправили в армию, а нас с Женькой – в детдом!

– Тётя Оля дала тебе семью в самый непростой период, – настаивал Вовка.

– Она отняла у меня семью! – вдруг выкрикнул Максик. – Всё, что у меня было! Заставила меня пережить сначала смерть Женьки, потом твою. Она даже представить не могла, на что она обрекла меня! Не у неё ведь были эти кошмарные головные боли, не она проводила бессонные ночи, глядя в окно!

– Она не знала о твоей особенности. И она думала, что так будет лучше.

– Она ничего не думала! И никогда не хотела лучшего для меня, иначе она бы приструнила своего мужа! – Максик замолчал, шумно дыша через нос.

– А что её муж? – напрягся Вовка. – Он что-то делал с тобой?

– Какая теперь разница? Он умер – и слава богу.

– Максик, скажи! Он тебя бил?

– Нет, но иногда я думаю, что лучше бы он бил меня… – буркнул брат.

Вовка ударил по тормозам. Джип остановился у обочины. Старший брат повернулся назад и, чётко произнося каждое слово, спросил:

– Что он делал с тобой?!

Максик закрыл ладонями лицо, потом медленно опустил их:

– Он наказывал меня… Запирал в кладовке. Это было как раз после того, как мама сообщила о твоей смерти. Со мной происходили ужасные вещи: я практически перестал спать, я не мог сосредоточиться, у меня шла носом кровь… В школе я скатился на двойки, и отец, думая, что я намеренно бойкотирую учёбу, после каждой плохой отметки запирал меня в кладовке. Там было душно и темно – хоть глаз выколи. И страшно. Но страшнее всего была не темнота, – голос Максика стал едва слышным. – После нескольких минут взаперти я проваливался… в какое-то странное место. Там была серая бескрайняя высохшая степь и такое же серое бескрайнее низкое небо, покрытое плотными облаками. Оно было очень низкое – на уровне десятиэтажки или типа того. И в этой бесцветной пустыне… там было так жутко, что у меня волосы шевелились на затылке.

Мы с Вовкой с замиранием сердца слушали брата, а он боялся поднять на нас глаза и накручивал подол рубашки на указательный палец.

– Я там был не один, в этой пустыне. Там был кто-то ещё. Я не видел его, но чувствовал его присутствие. Он как будто приглядывался ко мне, как к жертве. Он ждал, что я пошевелюсь или издам какой-то звук, чтобы был повод напасть. У меня от страха такой ком в горле вставал, что я не то чтобы звук произнести – я дышать не мог! И только боль могла вернуть меня обратно в кладовку, поэтому каждый раз я до крови царапал себе руки. И после этого снова оказывался дома.

Отец считал, что эти царапины – знак протеста, и говорил, что он не поддастся на мои трюки, – Максик прерывисто вздохнул. – Однажды я снова провалился в эту серую пустыню и начал царапать руки, но это не помогало. Кровь капала у меня с локтей, но я по-прежнему сидел на серой земле и спиной ощущал взгляд этого невидимого чудовища. Тогда я закатал штанины и начал царапать ноги.

Я ужасно испугался, что теперь навсегда останусь в этом жутком месте, и нещадно сдирал с себя кожу. От страха я даже не чувствовал боли. Я просто боролся за свою жизнь, а когда очнулся, надо мной уже склонились врачи скорой помощи. Меня отвезли в травматологию, а потом в психиатрическое отделение, где меня кололи какой-то гадостью, от которой немел язык, – по лицу Максика покатились слёзы. Он старался незаметно смахивать их, но они прибывали быстрее, чем ему хотелось бы. – Через три недели меня выписали, но врач велел принимать таблетки. Мне было плохо от них, но родители всё равно заставляли меня их пить. Я, конечно, научился прятать пилюлю под язык, а потом выплевывать, но два года меня мурыжили этим лечением и походами к психиатрам. И родители смотрели на меня, как на психа. Особенно отец. Он говорил, что это у меня наследственное – от матери. Он говорил, что она тоже была… сумасшедшая.

– Но ведь он оказался прав, – вкрадчиво заговорил Вовка. – Это у тебя от мамы. Только не болезнь, а сущность. Просто твой приёмный отец не знал этого.

– Он считал меня психом! Уродом! – взвился Максик, и тут я не выдержал, обнял его за плечи и притянул к себе. Я ожидал встретить жестокое сопротивление и боялся этого, потому что Максик в пылу возни наверняка бы поддал мне по сломанному ребру, но брат вдруг ткнулся лбом мне в плечо и заплакал.

– Тебе пришлось несладко, – согласился Вовка. – Но прошлого не изменишь. Попытайся понять родителей…

– Я пытался, да, – брат поднял голову. – Я спросил мать, почему она позволяла отцу так со мной обращаться. И она ответила: потому что это был единственный выход. Единственный! Прислушаться к мнению ребёнка – не выход?!

– Ты не походил на обычного мальчика, и они боялись тебя.

– А я не боялся их? – Максик шмыгнул носом. – Сначала эта кладовка, потом таблетки, врачи… Я и в фехтование пошёл, чтобы защитить себя. Я был готов заколоть отца, если он ещё хоть раз заикнётся про кладовку!

– Хорошо, что ты не убил его. С этим очень тяжело жить, – Вовка потрепал младшего по волосам.

– Вы моя семья, – уже спокойней добавил тот. – С вами я чувствую себя в безопасности. У меня нет страха, который был там. Поэтому я и сказал матери, что больше не приеду к ней.

– Хорошо, мы разберёмся с этим, – Вовка повернулся к рулю, и джип тронулся.

Я снова прислонил к себе брата, прижался щекой к его макушке и думал, как по-разному и как одинаково сложилась судьба у нас троих. Конечно, вместе нам было бы намного лучше, но тогда мы стали бы приметной мишенью. Мама была права, разделив нас. Так она спасла нам жизни, но при этом обрекла на страдания. Вовка угодил на войну, я в детдом, а Максик в приёмную семью, где так и не нашёл любви.

Две половинки

По дороге домой Вовка велел Максику позвонить матери и уладить вопрос с розыском. Младший наотрез отказался звонить, сказал, что он принял обдуманное решение и менять его не собирается. Они минут пятнадцать ругались по этому поводу, но Вовка понял, что младшего не свернуть, поэтому замолчал. Однако и Максик, и я понимали, что Вовка не сдался, а, как говорят в армии, просто отошёл на перегруппировку.

Когда мы проехали больше половины пути, старший вдруг вышел из своей задумчивости и прицокнул языком:

– Чёрт, доставил нам мелкий хлопот!

Максик немедленно надулся и уставился в окно.

– Придётся его убить, – со вздохом произнёс Вовка, барабаня пальцами по рулю.

– В каком смысле? – опешил младший.

– В прямом.

– Вы что… пристрелите меня? – Максик вжался в спинку сиденья.

– Убийство спровоцирует расследование, а вот суицид не вызовет вопросов. Ты напишешь предсмертную записку, в ней попрощаешься с матерью, скажешь, что больше не можешь выносить эту жизнь, что она сводит тебя с ума. И прыгнешь под поезд.

Младший смотрел то на меня, то на Вовку, не понимая сути задумки. Мне стало жалко его, и я вклинился в беседу:

– Надо, чтобы тело было сильно изуродовано. Тогда сложно будет визуально доказать, что это не ты. А отчёт мы можем состряпать какой угодно, лишь бы тётя Оля поверила в твою смерть.

– Значит… это будет подстава?

– А ты что подумал? – Вовка сдвинул брови.

Максик опустил глаза. Тем же вечером, когда мы добрались до домика в лесу, он под диктовку написал предсмертную записку неровным почерком.

– Экспертиза должна установить, что ты писал это под кайфом, чтобы не было подозрений, – пояснил Вовка.

– Я не хочу, чтобы мама считала меня наркоманом! – возмутился младший.

– Тогда звони ей и проси забрать заявление! – Вовка протянул ему сотовый, и Максик умолк, набычился обиженно, но принялся писать.

К его чести, задание он выполнил на пятёрку: путаная речь, пляшущие строчки, пропущенные буквы. После этого Вовка велел ему свернуть листок и носить в кармане куртки, чтобы тот поистерся. А сам он пока занялся поиском подходящего трупа. Мы настроились на полицейскую волну и отслеживали сообщения, которые могли быть полезны нам. К счастью, ждать пришлось недолго: примерно через неделю полиция нашла несколько тел замёрзших беспризорников.

– Собирайся! – Вовка кивнул мне. – Глянем на этих пацанов.

Максика мы оставили дома, чтобы он, как выражался Вовка, лишний раз не отсвечивал. Дело в том, что наших фотографий у тёти Оли не было, она ограничилась только словесным описанием, но Вовка подозревал, что наши изображения полицейские могли запросить у пограничников. Правда, я сомневался, что изображения с видеокамер сохранились: всё-таки прошло полгода. Поэтому подозрения старшего брата казались мне беспочвенными, ведь заграничные паспорта у нас были на другие фамилии. Другое дело – если в нашей с Вовкой компании окажется Максик, фото которого было в ориентировке. Впрочем, младший понимал, что наломал дров, поэтому и не просился с нами.

Пока мы выбирались из заснеженного леса на «Черике», я спросил Вовку, почему он не стал сам звонить тёте Оле. С его дипломатическими способностями он мог бы уладить проблему в два счёта, но Вовка сказал, что расклад с мёртвым Максиком наиболее выгоден для нас.

– Тётя, конечно, в его смерть не поверит. Возможно, будет и дальше строчить жалобы и заявления, но у ментов будет официальная причина игнорировать её: у них есть труп, заключение судмедэксперта, записка Максика, подлинность которой подтвердит графолог. Оснований считать мелкого мёртвым больше чем достаточно – и менты будут рады сбагрить это дело, как и расследование смерти твоего отца.

Я согласился с ним, хотя мне не нравилась мысль, что мы обманом заставляем тётю Олю страдать. С другой стороны, она сама когда-то поступила так же с приёмным сыном. Теперь настал час возмездия.

Когда мы добрались до города, уже стемнело, хотя было ещё не поздно. Я помнил, как мне не нравилось в городской темноте, когда я был человеком. Я мало что видел, и это меня раздражало, но теперь темнота не являлась преградой для меня. Я научился зрением приглушать свет фар и обострять контуры слабоосвещённых или вообще не освещённых предметов. Наверное, именно поэтому мы с Вовкой оба заметили эту девушку. Она собиралась переходить дорогу по пешеходному переходу, но поскольку два фонаря на этом отрезке улицы не горели, девушка не решалась ступить на проезжую часть. Поэтому Вовка затормозил, предлагая ей перейти. Этот поступок был продиктован не только вежливостью водителя: и брат, и я хотели увидеть лицо девушки. Сейчас оно было скрыто от нас прядью длинных чёрных волос, которые ветер разметал в разные стороны.

Заметив, что машина пропускает её, девушка убрала волосы от лица и двинулась по переходу. Я разочарованно выдохнул: не Шу. Хотя, не скрою, мы с братом оба решили, что это она – такая же стройная, с горделивой осанкой, прямыми чёрными волосами. Вовка проводил девушку взглядом и, как мне показалось, с облегчением выдохнул. Правда, его взгляд задержался на незнакомке дольше положенного: он проследил за ней до тротуара, дождался, пока она смешается с пешеходами.

– Вов, поехали! – я тронул брата за руку, и мои слова тут же поддержал сигнал машины, что остановилась за нами.

Вовка тронулся, но я видел, что этот незначительный эпизод всё ещё крутится у него в голове. Чтобы как-то снизить градус, я сказал:

– Мне тоже показалось, что это Шу. Я ещё так удивился…

– Да, королева была бы здесь некстати, – перебил меня брат и прибавил газу.

– А чего ты так занервничал? Даже если бы она и была тут – нам какое дело?

Вовка оставил мою реплику без ответа, только губы поджал. Я понял, что задел какую-то болезненную тему, и разум говорил мне, что стоит замолчать, но сердце подсказывало, что брат очень хочет поговорить.

– Скучаешь по ней? – после небольшой паузы спросил я.

– Не больше, чем ты.

– А мне кажется, что больше. Ты в эту девушку прям вперился взглядом, до самого тротуара вёл. Знаешь почему? Она тебе королеву напомнила.

Вовка с досадой поморщился.

– Пока мы в городе и связь хорошая, может, позвонишь Шу? – несмело предложил я.

– Зачем мне ей звонить? – в голосе брата послышалось раздражение.

– Потому что ты ей нравишься. Да и она тебе тоже, – я сделал многозначительную паузу и покосился на брата. Тот смотрел на дорогу, сдвинув брови. – Вов, ты можешь разыгрывать небрежное равнодушие перед королевой, но не передо мной. Я же вижу, что вы подходите друг другу. Так, может, хватит сопротивляться судьбе и пора отдаться чувствам?

– Для нас обоих будет лучше держать свои чувства при себе, – ледяным тоном ответил Вовка.

– Господи, да оставь ты эту сериальную хрень! Бесит, понимаешь? Когда два человека любят друг друга, один почему-то берёт на себя неоправданную смелость решать судьбу второго. «Я оставлю её, чтобы она была счастлива». Это всё ерунда и трусость.

Брат мрачнел с каждым моим словом, но я не мог остановиться. Меня вдруг захлестнула беспощадная волна сводничества, и мне казалось, что только от меня зависит, соединятся ли влюблённые сердца. А в том, что брат любил Шу, я уже не сомневался. Конечно, он всеми силами старался не выказывать своих чувств, и порой мне казалось, что я надумал себе эту тонкую красную нить, связующую королеву и моего брата. Но после ритуала с Максиком я окончательно убедился в правоте своих догадок. Да, я не видел, как Шу ведёт себя с другими подданными, но внутреннее чутьё подсказывало, что не так, как с Вовкой. Она то держалась чересчур холодно, то вдруг начинала говорить ласково и тихо; она то едко поддевала брата, то хвалила его – но во всех этих моментах в её глазах я видел тёплый свет, какой, по моему мнению, и должен наполнять женщину, которая любима.

Сейчас же брат практически сознался в своей любви к королеве, и я уже не мог повернуть назад, я гнул эту линию с намерением вправить Вовке мозги, поэтому, не обращая внимания на растущее недовольство брата, я продолжил свою тираду:

– Тебе кажется, что, отступая, ты спасаешь её, а на самом деле причиняешь невыносимую боль.

– Ты не знаешь ситуации…

– Не важно, какая ситуация. Всё что ты скажешь – про безопасность, про разное происхождение, про что-то ещё – это лишь отговорки, удобный предлог, чтобы сдать назад и при этом не выглядеть в собственных глазах трусом. А за любовь, Вова, надо бороться. Наши любимые – это единственное, ради чего вообще стоит сражаться.

– Я тоже сперва думал, что смогу победить систему, – горько усмехнулся Вовка. – Но очень скоро понял, что для победы мне придётся пожертвовать слишком многим: моими братьями, друзьями и, возможно, даже любимой женщиной.

– Мне кажется, ты драматизируешь. Вы с Шу просто созданы друг для друга.

– В этом и кроется наша трагедия. Мы две половинки, которым природой предназначено соединиться, но этот союз принесёт страдания нашим близким. Поэтому мы решили держаться друг от друга подальше. По крайней мере, пока ситуация не изменится.

– Ты сейчас сам себе противоречишь, – этот разговор настолько взбудоражил меня, что я повернулся к брату и говорил, эмоционально жестикулируя. – Если вы две половинки и вам суждено соединиться, то в чём дело? Почему ты идёшь против своей природы?

– Всё дело в том, кто я…

– Типа она королева, а ты плебей, и ты решил, что её недостоин? Что за комплексы, Вов?!

– Нет, дело не в том, что она королева, а я кузнец. Как ты знаешь, у драконов нет сословий и родословных, как у людей. Король или королева может родиться в любой семье. Дело в том, что я и вы с Максиком – мы потомки золотого дракона. Я говорил, что все они сбежали, кроме одного – Доппельгангера, который заперт в Башне. Лиги до сих пор не могут найти ни одного беглеца. Столько трудов насмарку! И вдруг появился бы я – прямой потомок. А со мной ещё двое братьев – какой прекрасный материал для исследования! Ты бы хотел стать подопытным кроликом? Я – нет. И для вас не хочу такой участи. Думаю, это имела в виду мама, когда говорила мне держаться как можно дальше от лиг.

– Но мы несколько раз уже сталкивались с ними, и пока никто из них…

– Лиги ищут тех, на кого у них есть информация. Я не знаю, есть ли она на нас, поэтому лучше перестраховаться. Свобода – наше преимущество. Согласись, проще справиться с тигром, который сидит в клетке, чем с тем, кто разгуливает по лесам.

– Но Шу – королева. Она могла бы защитить нас.

– Королева с псевдовластью. Лиги дают ей иллюзию независимости, не вмешиваются в её личную жизнь и дела её подданных. Королеве дана свобода решать бытовые конфликты, назначать драконов на разные посты и снимать их оттуда, награждать героев и судить преступников. И всё до той поры, пока дело не коснётся интересов богов: тут у королевы не будет силы голоса. Лиги сделают так, как нужно им, а тех, кто будет противиться – даже королеву – быстро поставят на место. Мы с Шу много говорили об этом и пришли к выводу, что лучше нам оставить всё как есть.

Я заговорил не сразу. Ещё пару минут мой разум активно искал решение проблемы, подбирал варианты, как обмануть богов и сохранить неприкосновенность, но я заставил себя остановиться.

– Наверное, ты прав. Но если ты любишь её, то почему ведёшь себя, как бессердечный терминатор?

– Потому что больно. Каждый поцелуй дарит секунды счастья и несколько дней страданий.

– Почему так?

Вовка не сразу приступил к объяснению. Он сначала пересёк довольно оживлённый перекрёсток. Хотя ситуация на дороге никогда не мешала ему вести разговор, я решил, что брат просто дал себе время собраться с мыслями.

– Всё дело в строении душ драконов, – заговорил он, когда мы оставили развязку за спиной. – Наша душа состоит из трёх слоев. Оболочка – это информационный слой. Я его называю опытом, потому что это те знания, что дракон накапливает в течение жизни. После смерти оболочка растворяется в эфире, пополняя его новыми знаниями, и потом оттуда же притягивается душами родителей, зачавших детёныша. Таким образом, наш род обменивался информацией. Думаю, это то, что учёные называют генетической памятью.

Под этой оболочкой кроется второй слой – магический. Это стандартный набор колдовских умений драконов, топливо для его чудес. Этот слой истончается с каждым применённым заклинанием.

– Именно поэтому ты против частого использования магии? – догадался я.

– Да, и поэтому тоже. Информационный и магический слои находятся в тесной взаимосвязи, ты обретаешь опыт, новые знания, в том числе и магические. Твои колдовские способности становятся сильнее, для них требуется всё больше энергии из второго слоя. Помни об этом, когда дочитаешь книгу Горыныча.

Мне не хотелось думать о грустном, поэтому я продолжил выспрашивать:

– А третий слой? Что он такое?

– Это наша личность. То, что делает каждого дракона индивидуальным. Там же и заложен генетический код, который заставляет нас искать конкретного партнёра – такого, с которым мы можем произвести здоровое и сильное потомство. Это притяжение – залог сохранения вида: каждой твари по паре.

– Но ведь может так произойти, что кто-то один умрёт до того, как найдёт пару, – предположил я.

– Я встречал противоречивые сведения на этот счёт. В одном источнике говорилось, что драконы раньше жили долго, по несколько сотен лет, а половой зрелости достигали очень быстро – лет за двадцать-тридцать. Поэтому если один дракон умирал, не встретив свою половинку, то его душа тут же начинала путь в новом теле – об этом заботились Повелители. Таким образом, у половинок появлялся шанс встретиться. В другом источнике говорилось, что если одна из парных душ покидала этот мир, то второй дракон становился «всеядным» – то есть ему было всё равно с кем заводить семью. Скорее всего, он создавал союз с такой же обездоленной особью.

Услышанное озадачило меня. С одной стороны, драконы казались ограниченными. Вот тебе только один партнёр на всю жизнь, а если ты его не встретишь, то будешь своеобразным изгоем. С другой стороны, людская жизнь в этом свете казалась более жестокой. Сколько людей, дожив до самой смерти, так и не узнали настоящей любви! Сколько из них влачило свои дни в браке с ненавистным человеком, которого они вынуждены были терпеть из страха одиночества! Сколько неразделённых, безответных чувств терзали людские сердца! Сколько боли они причиняли! Скольких людей отправили на тот свет!

– А как узнать, жива ли моя половинка? Может, я такой чёрствый по отношению к девушкам, потому что моя суженая отдала богу душу? – этот вопрос волновал меня давно, но я постарался обратить его в шутку.

– Людская природа, конечно, сильно изменила нас. Раньше драконы чувствовали своего партнёра на расстоянии и могли найти его. Сейчас всё не так, – Вовка вперился взглядом в красный светофор, словно от его воли зависело зажигание зелёного. Тот, как назло, долго не загорался, а когда всё же вспыхнул, брат не сразу тронулся с места. Казалось, он ждал ещё какого-то сигнала.

– А как сейчас? – прервал я молчание, чтобы вывести Вовку из задумчивости.

– Я могу гарантировать тебе две вещи, – не сразу заговорил тот. – Первая: когда ты встретишь свою девушку – ты поймёшь. Ты сразу всё поймёшь без лишних раздумий. Как будто выключатель в голове щёлкнет. При каждом прикосновении ты будешь ощущать, что вы как будто сливаетесь, прорастаете друг в друга.

Я почему-то покраснел на этом месте.

– И второе. Если вдруг такое, не дай бог, случится и твоя половинка умрёт до того, как ты отыщешь её, ты тоже почувствуешь это. Как будто лопнет верёвка, которая держит тебя над пропастью – и ты полетишь вниз. Такое ощущение не пропустишь.

– А ты-то откуда об этом знаешь? – подковырнул я брата.

– Беша рассказывал, – бросил тот, и я не нашёлся что сказать на это.

Я уставился в окно и молчал. Голос на навигаторе сообщил, что через триста метров мы достигнем пункта назначения.

В морг мы проникли с бригадой, которая привезла новое тело в пластиковом мешке. Народу в этом заведении, на удивление, оказалось предостаточно. Я всегда думал, что там дежурит один патологоанатом, который всю ночь глушит кофе и смотрит какое-нибудь кино на переносном

телевизоре. Но в этом заведении народу было, как в базарный день. Признаюсь, если бы мы не были драконами, нам бы пришлось туго с похищением тела, но мы использовали заклинания забывчивости и гипноза, и через четверть часа уже тащили труп беспризорника к нашему джипу.

Парень оказался русоволосым, поэтому мы обрили его наголо, переодели в одежду Максика, вложили в карман предсмертную записку, а потом сбросили под поезд с моста над железной дорогой. Нам повезло: товарняк так изуродовал тело, что отправить в Варну на похороны можно было только несколько фрагментов. После этого Вовка отпустил меня поохотиться, и как развивались события дальше, я не знаю. Мне думается, что брат вызвал полицию, а потом точно так же под гипнозом заставил патологоанатома переписать результаты экспертизы – указать, что шестнадцатилетний подросток был жив, когда угодил под поезд.

– Когда-то она похоронила вас, теперь похоронит и меня, – сказал Максик, когда мы с Вовкой вернулись из города следующим вечером.

Клуб

Двадцать шестого декабря мы выехали в Москву. Я уговорил брата подарить нам с Максиком праздник – встретить Новый год в столице. Впрочем, новогодняя ночь была лишь официальной версией: я настоял на поездке, чтобы Вовка мог встретиться с Шу. После того разговора я много думал над тем, что сказал брат, и в итоге пришёл к мысли, что ему не стоит отдаляться от Шу.

– Если ваши половинки притягиваются друг к другу, тебе надо бороться за свою женщину, – я снова завёл этот разговор, когда Максик ушёл тренироваться в свой асбестовый уголок, а Вовка колол во дворе дрова.

– Расставание причиняет боль, – брат одним ударом расщепил полено. – Мне не хочется, чтобы она страдала.

– Не надо принимать решение за другого. Может, для неё самое сильное страдание – это как раз разлука с тобой. Просто спроси: хочет ли она встретиться. Если да, то поезжай к ней.

Вовка усмехнулся уголком рта и вытер рукавом пот со лба:

– Ты говоришь так, будто Шу – это Большой театр. Приехал, купил билет…

– Именно! Она – Большой театр, поэтому билетов не достать. Но у тебя есть пропуск со служебного входа…

Вовка закатил глаза и продолжил колоть дрова.

– Мы тут справимся без тебя.

– Помнится, в последний раз, когда я оставил вас вдвоём, то по возвращении обнаружил тебя при смерти, – Вовка с укоризной уставился на меня.

– Это больше не повторится. Я буду беречь себя.

– А Максика?

– И его тоже.

Брат замотал головой:

– Почему у меня чувство, что ты хочешь от меня отделаться? Тебе какая выгода в том, что я увижусь с Шу?

– Я хочу, чтобы вы были вместе. Да, сейчас это невозможно, но ситуация может измениться, и тогда…

– Вот тогда и вернёмся к этому разговору, – брат всадил топор в чурбан.

– Не думаешь, что будет поздно? Если природой так задумано, что половинки притягиваются, чтобы стать сильнее, значит, надо это использовать. Да, разлука причиняет дискомфорт, но ты не думай о нём. Думай о том, какую силу обретают ваши души.

– В каком смысле?

– Каждый раз после расставания они устремляются друг к другу всё сильнее, а при встрече крепче схватываются. И в один прекрасный день они сольются друг с другом уже навсегда. Вы с Шу обретёте ту самую силу, про которую ты мне говорил. И на это потребуются не годы, а всего лишь

несколько встреч и разлук. Это как мускулы тренировать: чем больше нагрузка, тем крепче они становятся.

– Ты просто хочешь от меня избавиться, – Вовка снова взялся за топор.

– Подожди! – я остановил его руку. – Сам подумай: в ваших отношениях всё зависит от тебя. Шу – королева и не может махнуть к тебе в глухомань в любой момент, а ты можешь приехать к ней. И она уж наверняка выкроит пару ночей для вас.

Губы Вовки помимо его воли разъехались в улыбке, а на щеках выступил едва заметный румянец.

– Сделай девушке подарок, – я пихнул брата в бок. – Она будет тебе благодарна, если ты встретишь с ней Новый год.

– Но я хочу встретить его здесь, с вами.

– Ты можешь встретить его с нами, но не здесь, – я подмигнул. – Всегда мечтал выпить шампанского на Красной Площади под бой Курантов.

Так и случилась наша поездка в Москву. Максику мы это преподнесли, как новогодние каникулы. Стоит ли говорить, что его радости не было предела! Всю дорогу он выспрашивал, какая нас ждёт программа.

– Для тебя – ночные клубы и стриптиз, – пообещал Вовка.

– Стриптиз? – младший чуть не задохнулся от радости.

– Самый лучший в Москве. Сколько бы это ни стоило. Я ведь обещал.

Мне было забавно наблюдать за Максиком, для которого пределом счастья были сомнительные удовольствия.

В Москве все гостиницы были заняты, поэтому мы сняли трёхкомнатную квартиру на проспекте Вернадского. Уверен, здесь не обошлось без участия Шу, потому что так быстро найти хорошее жильё приезжим непросто. Максик сразу занял комнату с видом на проспект, нам с Вовкой достались смежные комнаты окнами во двор.

– Какая разница? – я пожал плечами. – Всё равно дома мы будем проводить мало времени.

Брат согласно кивнул.

Первый этап своего плана я выполнил: привёз его в Москву. Теперь мне предстояло отвлечь Максика, чтобы Вовка мог увидеться с Шу. Брат не скрывал, что собирается увидеться с королевой, только причину назвал другую: сказал, что Шу поможет выяснить, закрыто ли дело о похищении Максима Петрова. Утром следующего дня мы разошлись в разные стороны: Вовка поехал к своей любимой, а я без устали таскал младшего по предновогоднему городу. Мы накупили себе шмоток на распродаже, поохотились, я покормил брата в дорогом ресторане (где, кстати, поживился золотыми цепочками и браслетом), потом мы посетили ВДНХ и даже покатались с гор.

Вечером мы встретились на квартире и похвастались каждый своим предпраздничным уловом: Максик шмотками, я – золотом, а вот Вовка достал пригласительные на тридцатое декабря в один из самых престижных клубов Москвы.

– Специально для вас. Рассадник зла и пороков, – усмехнулся он, протягивая нам билеты.

– Вау! Офигеть! – Максик схватил их и запрыгал по комнате. – Ты настоящий брат, Вовка!

– Я рад, – тот сдержанно улыбался. – Только оденьтесь поприличней, не позорьте меня перед золотой молодёжью.

– Будь спок! – Максик кинулся в свою комнату, откуда через минуту донеслось: – Женька, дай мне свою рубашку!

– Свои пора иметь, мелкий! – крикнул я и улыбнулся.

– Отдай ему рубашку, а то он не пойдёт, – Вовка подмигнул мне. – И постарайся продержаться там как можно дольше.

– Если надо, я там сутки пробуду, – я хлопнул брата по плечу. – Не волнуйся, я тебя прикрою, если Максик что-то заподозрит. Скажу, что ты напал на след нашей мамы…

– Нет уж! Если он что-то заподозрит, то лучше сказать ему правду, потому что рано или поздно докопается до истины и обидится.

– Хорошо, как скажешь…

Тридцатого с утра мы снова отправились по магазинам, и у меня было ощущение, что вместе с нами туда отправилась вся Москва. Люди, напичканные паразитами; твари, выслеживающие добычу в толпе; пришельцы, присматривающие тварей себе на ужин; драконы, которые терялись от такого многообразия блюд. У меня было ощущение, что мы попали на какую-то сумасшедшую вакханалию, где все под масками, но при этом каждый знает, кто под какой скрывается. К обеду у меня разболелась голова, и мне пришлось употребить довольно свирепого бабая. Я напал на его носителя в мужском туалете торгового комплекса. Однако терапевтический эффект ужина быстро сошёл на нет и домой я вернулся уставший и разбитый. А ведь мне предстояло ещё выдержать целую ночь в клубе с грохочущей музыкой! Я закрыл глаза и сказал себе, что справлюсь, чего бы мне это ни стоило.

Близился вечер, а Вовка так и не появлялся, и Максик начал нервничать.

– Уже восемь часов, а его всё нет! Кто нас отвезёт в клуб?

– Максим Сергеевич, повзрослей и вызови такси! – буркнул я, прекрасно понимая, что брат волнуется не из-за отсутствия машины, а из-за отсутствия Вовки.

В такси Максик всю дорогу наставлял меня, как надо вести себя на такой публике, говорил, что можно делать, а чего нельзя, и требовал, чтобы я не лез к нему, когда он познакомится с девчонками. Я понимал, что этот треп – от волнения, поэтому не особо прислушивался и только кивал, представляя, как Вовка и Шу сейчас, отужинав в дорогом ресторане, возвращаются к ней домой. Шу – в красивом чёрном платье с зелёным отливом, Вовка – в том самом тёмном костюме, в котором он похож на миллиардера. Шу смеётся над его шутками, он приобнимает её за талию. Это всё очень походило на сцену из какого-нибудь романтического кино, но мне и хотелось, чтобы у них всё было, как в кино.

На входе в клуб, несмотря на довольно неприятные минус двенадцать, толпилось человек пятьдесят желающих проникнуть внутрь. Юные тусовщики и тусовщицы высматривали кого-нибудь хоть каплю знакомого из клубной богемы, чтобы набиться в сопровождающие и с их помощью войти в святая святых. Но, видимо, характер мероприятия не предполагал наличие знакомых чьих-то знакомых, потому что охрана бдела в оба глаза и все попытки неприглашенных просочиться на праздник жизни пресекала на корню. На нас с Максиком охранник посмотрел так, что я сразу понял: мы в этой тусовке будем смотреться, как балерина в пачке в строю десантников. Но наличие у нас пригласительных открыло нам путь на праздник жизни.

Внутри было шумно и дымно, и эта атмосфера навеяла на меня уныние, а Максика, наоборот, приободрила. Он сунул мне куртку, чтобы я сдал её в гардероб, а сам направился в зал, отделённый от фойе тяжёлой портьерой. Я боялся потерять его из виду, но понимал, что моя опека не должна быть явной, иначе младший даст дёру. Сдав верхнюю одежду, я несколько минут медлил, не решаясь шагнуть за занавес, но потом всё же сделал это.

И сразу оказался в мире оглушительных дуц-бац. Коридор за портьерой вёл к двустворчатым полупрозрачным дверям, за которыми начиналась лестница, уходящая ступеней на десять вниз – на танцпол. Я спускался в эти беснующиеся звуки, окутанные дымом, – как в бушующее море, и мне было так же не по себе, как тогда в Одессе.

Свою белую рубашку я разглядел сразу: в лучах ультрафиолетовых ламп Максик светился, как матовый плафон.

– Какой план? – мне пришлось кричать ему на ухо, чтобы он меня услышал.

– Напиться! – выдал брат.

– Только деньги переводить. На нас не действует алкоголь!

– Не выделяйся из толпы – и будешь своим в любой тусовке.

Мне пришлось заказать выпивку. Бармен строго посмотрел на нас.

– Я совершеннолетний. Могу права показать, – глаза брата нехорошо заблестели, и я понял, что он гипнотизирует парня.

Не успели мы сделать по глотку коктейля, как к нам подошли две девушки. Одна из них походила на Шу.

– Вы тоже не местные? – спросила она.

– Мы из Болгарии, – ответил Максик. Надо отдать ему должное: в этой атмосфере он чувствовал себя как рыба в воде, а вот я терялся.

– Ого! – оживились девушки. – И откуда вы знаете Пабло?

– Какого Пабло?

– Который устраивает эту вечеринку.

– Мой брат однажды оказал ему неоценимую услугу, – Максик хлопнул меня по плечу, и мне пришлось улыбнуться и кивнуть. Я чувствовал себя напряжённо, как телохранитель знаменитости, которая возжелала развлечься в толпе, полной опасностей. Меня не занимали ни девушки, ни выпивка, ни тем более музыка. В каждом пойманном взгляде окружающих я читал недоумение. Видимо, тут собрались друзья и знакомые Пабло, большинству присутствующих было за тридцать, поэтому мы с Максиком смотрелись, мягко говоря, глупо. Правда, среди гостей я видел несколько парней моего возраста, видимо, особо богатеньких мажоров, легко вписывающихся в любую тусовку.

– Сколько тебе лет? – продолжала допрос девушка, похожая на Шу.

– В ноябре исполнилось восемнадцать, – соврал Максик.

– Молодо выглядишь!

– Зато многое умею! – этот чертёнок вёл себя, как опытный ловелас, и мне было немного обидно, что я до сих пор не освоил это умение.

Когда брат заказал девушкам выпивку, те поняли, что у нас есть деньги, и приклеились к нам намертво. Максику это, похоже, нравилось, а меня раздражало. С той девчонкой, что досталась мне, я разговаривал вежливо, но отстранённо, давая ей понять, что кроме этих самых бесед, ей сегодня вечером ничего не светит. Но барышня была опытной в таких делах и не собиралась сдаваться. Она предпринимала разные тактики, нащупывая мои слабые места. Я чувствовал это и злился, но успокаивал себя тем, что в любой момент могу вырубить её заклинанием сна или забвения.

Примерно через час, когда гости уже хорошенько подогрелись алкоголем, музыка притихла. На небольшую сцену ударили прожекторы, в которых появился парень в блестящем костюме. После минутного приветствия он сообщил, что виновник торжества – сам Пабло – наконец-то прибыл и готов выйти к гостям. Осветители добавили прожекторов, и в разноцветной дымке появился невысокий мужчина лет сорока пяти. Он был одет просто: в джинсы и футболку с непонятным принтом, но публика взвыла от восторга, а мы с Максиком переглянулись: Пабло был драконом. Мне это почему-то не понравилось.

– Дорогие мои, добрый вечер! Как же я рад видеть вас! – неискренность сквозила в каждом слове Пабло, хоть он улыбался и посылал публике воздушные поцелуи. – Спасибо, что вы почтили меня своим присутствием. Сегодня знаменательный день, который я хочу разделить с вами.

Его слова не весили ровным счётом ничего, но люди, поглощая коктейли, не понимали этого или не хотели понимать. Пабло говорил что-то ещё столь же пустое, и вдруг мы с ним встретились взглядами. Нас разделяло метров пятнадцать, темнота и дым, и, будь мы людьми, мы бы даже не заметили, что смотрим друг на друга. Но для драконов не было помех, чтобы почувствовать взгляд сородича. В эту секунду Пабло, поздравлявший всех с наступающим Новым годом, запнулся и закашлялся.

– От дыма першит в горле, – засмеялся он.

Но я понимал, что это не от дыма. Я продолжал смотреть на него, стараясь понять, чем грозит нам с братом встреча с чистокровным драконом в незнакомом городе. Тревога нарастала в моём сердце. Я взглянул на Максика, который вовсю ворковал с копией Шу. Даже если он и уловил сигнал тревоги, то разыгравшиеся гормоны его подавили. Забота о нашей безопасности легла на мои

плечи, и я пожалел, что не протащил с собой хотя бы нож: мог ведь загипнотизировать охранника с металлоискателем!

Мне стоило осмотреться и продумать пути к отступлению. На всякий случай.

– Мне надо отойти, – сообщил я своим спутникам и медленно направился по периметру зала, считая двери. Две вели в обходные коридоры, которые заканчивались курительными комнатами с диванами и искусственными цветами. Ещё две – выходили в коридоры с туалетными комнатами. Одна справа, что была ближе всех к сцене, вела в служебные помещения. Ещё одну дверь я заметил за стойкой бара, и одну – за сценой. Но туда точно не стоило соваться: внутренние помещения наверняка хорошо охранялись. Закончив осмотр, я двинулся к бару, где оставил брата, но не нашёл его там. Максик с девушками куда-то переместился. К этому времени Пабло со сцены ушёл, снова загрохотала музыка и выключился свет: темноту разрезали только эстрадные прожекторы и стробоскоп. Я протискивался между двигающимися в такт телами, уворачиваясь от работающих локтей и мотающихся голов. Мне казалось, я иду по дну моря между колеблющихся от шторма водорослей, в которых можно запутаться и остаться в пучине навсегда, поэтому я, как ледокол, пересекал танцпол, не останавливаясь и осматриваясь на ходу.

Максика я заметил на диванчике в небольшой нише. Девчонки сидели по обе стороны от него, и он поочередно с каждой целовался. Прерывать их идиллию мне не хотелось, но предупредить брата об опасности я всё же должен был. Я дождался, пока он закончит поцелуи с одной девушкой и, пока не начал с другой, склонился над братом:

– Макс, можно тебя на пару слов?

– Говори!

– Наедине.

Максик подмигнул девушкам, встал, и мы отошли на несколько шагов.

– Тут что-то назревает. Не знаю что, но мне это не нравится, – заговорил я. – Видишь вон ту дверь, она ведёт…

– Женька, успокойся! Ты такой напряжённый, – Максик погладил меня по плечу. – Я понимаю, что эта обстановка тебя пугает, но поверь мне: ничего опасного в ней нет. Я столько раз был на тусовках. Я бы заметил.

– Ты дашь мне договорить? – я стряхнул его руку с плеча. – Вон та дверь ведёт в служебные помещения, поэтому в случае чего беги туда, понял? Запасной вариант – дверь за барной стойкой. Я видел, как за ней скрылся бармен, а потом появился в зале, значит, там есть сообщения с другими коридорами. Ясно?

– Ясно. Я могу идти, генерал?

– Потом спасибо мне скажешь.

– Уже говорю: за вторую девчонку. Уж прости, но ты не произвёл на неё впечатления…

– Сейчас запл*а*чу от горя, – я развернулся и направился к бару: оттуда было удобнее следить и за обстановкой в зале, и за диванчиком в нише.

Сосед попытался со мной заговорить, но я оставил без ответа его реплики, и он умолк. Ночь мне предстояла трудная и длинная. Я заказал себе безалкогольный коктейль, чтобы не вызывать подозрений, а сам неустанно обводил взглядом клуб.

Вдруг произошло нечто неожиданное. Музыка затихла, словно я зажал уши подушками. А вместо неё я услышал звук – не то вой, не то стон, не то свист. Протяжный, монотонный, но одновременно наполненный тысячей оттенков. В нём была и боль, и страх, и надежда, и ярость. Словно глас умирающего. Я завертел головой, пытаясь понять, откуда идёт этот звук, но его, похоже, слышал только я. Бросив взгляд на Максика, я понял, что он тоже ничего не чувствует.

Между тем вой всё нарастал. От него тревожно билось сердце, как будто бы от меня требовали какого-то поступка, который я не в состоянии был совершить. Мне стало трудно дышать, я отставил бокал и оттянул ворот рубашки. Вой заполнял уже всё пространство, вытеснив музыку в другое измерение. Это был чей-то зов – мощный, непреодолимый, на который нельзя было не ответить. Я спрыгнул с табуретки и, шатаясь, двинулся сквозь танцующих. Я шёл на звук, не

понимая, чего он от меня требует и куда приведёт. Я просто переставлял ноги, всё так же уворачиваясь от двигающихся тел. Когда я добрался до боковой двери, вой прекратился. И тут же во все колонки ударила музыка. Это буквально смело меня с ног, отбросило на стену. Я съехал вниз и почувствовал влагу на губах. Дотронувшись до них рукой, я увидел на пальцах кровь. Вскочив, я бросился в туалет. Умылся холодной водой, привёл себя в порядок, отдышался. Из зеркала на меня смотрело встревоженное и бледное лицо с лихорадочно блестящими глазами.

– Надо убираться отсюда, – произнёс я, словно дал клятву отражению.

Как и следовало ожидать, Максика я на диванчике не нашёл. Я боялся, как бы он не уединился с девчонками где-нибудь в женском туалете, где я не смогу его защитить. Обойдя чуть ли не весь зал, я, наконец, обнаружил его на другом диванчике – за колонной. Теперь компания Максика увеличилась ещё на четырёх человек: двух парней с двумя подругами. Не надо было быть экспертом, чтобы понять: все они находились под действием наркотиков. Включая моего брата. Алкоголь на драконов не действовал, а вот та дрянь, которую он или вдохнул, или проглотил, чтобы не выделяться из тусовки, его опьянила. Он был гипервозбуждён, громко говорил, размахивал руками и непрерывно смеялся. Вдобавок ко всему наркотики, видимо, активизировали его возможности, потому что он вдруг начал высекать огонь из колонны и жонглировать им. Компания визжала от радости.

– Ты что делаешь? – я схватил его за руку и сдернул с дивана. – Совсем сдурел?!

– Жень… смотри! – брата трясло от перевозбуждения, но при этом речь его была заторможенная и бессвязная. – Ты умеешь… так?

– Пошли отсюда! Быстро! – я потащил его в туалет, смутно надеясь, что удастся привести парня в себя холодной водой и промыванием желудка.

Максик упирался, постоянно выдёргивал руку, что-то говорил и норовил вернуться к своей компании, которая, похоже, не отследила момент его исчезновения.

– Оставить нельзя на пять минут, – ворчал я. – Вовка прав: ты ещё ребёнок, с тобой нянчиться надо, как в детстве.

– А помнишь… в детстве… – Максик опять остановился. – Не надо! Нянчиться…

Я пытался снова поймать его руку, но брат пятился.

– Женька… скажи им… я больше не буду… – жалобно протянул он, глядя мне за спину. Я обернулся и увидел четырёх парней. Они тоже были драконами, но какими-то странными: я не видел их внутреннего света, я не чувствовал их ипостасей. Складывалось ощущение, что драконами они выглядели формально, словно маскарадные костюмы надели.

Тем не менее парни быстро приближались, рассекая танцующих.

– Уходим! Быстро! – я развернулся и потащил брата к двери в служебные помещения. – Шевели ногами!

– Хорошо… только не сдавай меня… Пожа-алуйста… Дурь не моя… я чуть-чуть…

– Не сдам, если будешь слушаться, – мы ввалились в дверь, и я закрыл её за собой на щеколду. Она, конечно, недолго сможет держать натиск, но небольшую фору нам даст.

– Это они! Они! – слышались голоса с той стороны, а я тащил своего обдолбанного брата по коридору, к лестнице. Помня, что в зал мы спускались, я рванул вверх по пролёту, но Максик запинался и падал. Сзади слышался шум погони.

– Быстрее! Соберись! – я буквально поволок его, подхватив под мышки. – Помоги мне хоть чуть-чуть!

Лже-драконы выскочили на лестницу, когда мы миновали второй пролёт. Дверь на этаж была заперта. Я попытался высадить её ударом, но замок держал крепко. В этот момент я похвалил себя, что после случая в Казани сделал татуировку с тем знаком, который помогал проходить сквозь стены. Я шепнул заклинание и рванул вперёд, но меня ждало разочарование: Максик ударился о дверь и остался на лестнице.

– Чёрт! – я выскочил обратно, поднимая осевшего брата, трущего ушибленный лоб.

В этот момент от лже-драконов нас отделало полпролёта. Если бы Максик был трезвым, я бы успел протолкнуть его сквозь дверь перед собой, но он, увы, плохо держался на ногах.

– Стойте там! – я отпустил брата, и тот съехал по стене на пол. – Не подходите! Чего вам надо?!

– Чтобы вы пошли с нами, – сказал один с монголоидной внешностью.

– Зачем?

– Пабло хочет поговорить.

– Я не знаю Пабло, и говорить мне с ним не о чем, – я принял боевую стойку, показывая, чтобы парни не приближались.

– Зато ему есть о чём поговорить с тобой, – монгол ринулся на меня. Я отбросил его ударом, но другие уже спешили на помощь коллеге.

Завязалась драка, в которой пытался участвовать и Максик. Он вскочил на ноги и заехал кулаком одному из нападавших в нос. На этом запал брата иссяк: его скрутили и прижали лицом к стене. Я продержался чуть дольше. Будь я один, я бы увернулся от всех ударов и надавал бы нападавшим своих, а потом проскочил бы сквозь дверь – и был бы таков. Но со мной был младший брат, за которого я нёс ответственность. Я полагал, что Вовка, может, и не сразу, но простит мне, что я позволил мелкому наглотаться колёс. Но того, что я оставил его в руках недружелюбных охранников, Вовка не простил бы мне никогда. Поэтому, увидев, что Максик обездвижен, я позволил скрутить и меня. Мне дали профилактический удар под дых, хотя я уже перестал сопротивляться.

– Быстрее! Нас могли слышать, – скомандовал монгол, и нас потащили вниз по лестнице.

Сказочник

Мы оказались в подвале – месте, оборудованном под неофициальные разговоры. Под потолком болталась одна-единственная лампочка, дававшая ровно столько света, чтобы можно было различить в темноте фигуры людей, старый стол и два стула. Меня подтащили к вертикальной трубе, завели за неё руки, и один из лже-драконов крепко сжал мои запястья, не позволяя вырваться. Максика просто припёрли лицом к стене. Из темноты вышел Пабло и присел на край стола.

– Это очень дерзкий поступок: явиться сюда в такой день, – начал он. – Вы либо очень глупы, либо чересчур самонадеянны. Но, как видите, я готов к неожиданностям любого рода.

– Мы здесь случайно, – вступил в переговоры я. – Мы в Москве проездом и ещё вчера не знали, что сегодня окажемся в этом клубе.

– Пропущу мимо ушей подобную чушь, – вздохнул Пабло. – Скажи мне только одно: он здесь?

– Кто?

– Не играй со мной, мальчик, – Пабло кивнул, и один лже-дракон ударил меня в живот. – Да или нет?

– Не понимаю, о чём ты, – я еле успел восстановить дыхание после первого удара, как тут же получил второй. В лёгких словно клапан перекрылся, и я не мог наполнить их воздухом.

– Я прекрасно помню его слова насчёт гонцов. И предыдущего я оставил в живых, только чтобы он передал ему: эта вещь не продаётся. Оставлять в живых вас я не вижу резона, – Пабло развёл руками. – Разве что вы мне скажете, где его найти…

– Кого?

– Как вы с ним держите связь? По телефону? Через записки? Он назначает место, куда ты должен явиться за заданием или наградой? Может быть, небеса расщедрятся и пошлют мне в подарок адрес норы, где прячется этот выродок?

Я молчал, не зная, что сказать. Пабло явно спутал нас с кем-то и не хотел признавать свою ошибку.

– Я отпущу вас живыми обоих, если вы мне скажете, как найти вашего хозяина.

– У нас нет хозяина. Мы просто пришли развлекаться, – я снова попытался объясниться, но получил третий удар.

Пабло закрыл глаза и шумно втянул воздух носом, а потом спросил, делая акцент на каждом слове:

– Как он с вами связывается?

– Да кто?! – выкрикнул я, не выдержав нелепости беседы.

Дракон соскочил со стола, быстро приблизился и выдохнул мне в лицо:

– Сказочник!

Моё удивление было таким сильным, что на несколько секунд я перестал чувствовать боль.

– Не знаю никакого Сказочника, – наконец, произнёс я.

– А вот твои глаза сказали другое, – Пабло отстранился. – Похоже, я выбрал не ту тактику.

Он кивнул другому прислужнику, и тот, отлепив Максика от стены, ударил его по лицу. Если бы брата не держали, он бы не устоял на ногах – такой силы был удар. Я испугался, как бы ему не выбили зубы.

– Не трогай его! Он тут ни при чём! – я пытался остановить Пабло, но не мог найти слова, которые убедили бы его.

– А ты, значит, при чём? – тот слегка наклонил голову. – Говори, как мне найти Сказочника!

– Не знаю, честно!

Лже-дракон продолжил избивать Максика, а я никак не мог вспомнить название острова, про который говорил татуировщик.

– Отпустите моего брата! Он же ещё мальчишка, – взмолился я, глядя на его окровавленное лицо. – Оставьте меня в заложниках…

– Какой нам от тебя толк, если ты не хочешь сотрудничать? – Пабло вынул из кармана складной нож. – Думаешь, мне доставляет удовольствие ломать сопротивление упрямцев? Нет, парень, я привык общаться с деловыми людьми, знающими цену чужому времени и имеющими хорошую память. У тебя с ней, как я понимаю, проблемы, поэтому её надо освежить.

После этих слов лже-дракон подтащил Максика к столу и ударил под колено. Брат, естественно, тут же осел на пол, а лже-дракон прижал его голову к столешнице.

– Пустите! Больно! – заныл Максик, отталкиваясь руками от стола, но Пабло оказался рядом и схватил его за волосы, а лже-дракон в это время поймал руки брата и завернул их за спину.

– Итак, даю подумать десять секунд, после чего начну резать крысёныша, – Пабло подкинул на ладони узкий нож с коротким лезвием. – Время пошло! – он оттянул ушную раковину Максика и приставил к её основанию нож: – Одна секунда… две… три…

– Не могу вспомнить названия, – я пытался вырваться из цепкой хватки лже-дракона, который стоял позади трубы.

– Ничего страшного. Как показывает практика, после первого отрезанного уха память чудесным образом возвращается. И ты тоже всё вспомнишь, будь уверен!

Максик всхлипнул и заплакал. Вряд ли он ясно понимал, что происходит. Скорее всего, ему передавался мой страх.

– Семь… восемь… – продолжал Пабло.

– Стой! Это остров… Котлин! – я аж вскрикнул от озарения. – Точно, я вспомнил!

– Уже лучше. Где он? – дракон отпустил ухо Максика.

– Под Кронштадтом.

– Адрес!

– Не знаю адреса. Он никогда не называл его.

– Логично. Тогда как ты с ним связываешься?

– Он сам находит меня и передаёт записки через посторонних людей. В основном через мальчишек.

– Как он вывел вас на этот клуб?

– Никак. Мы здесь по другой причине.

– А если подумать…

– Клянусь! Мы пришли просто потусоваться, провести время.

– Мне почему-то кажется, что если я отрежу твоему брату ухо, твои показания изменятся, – Пабло снова оттянул ушную раковину Максика.

– Нет! Нет! Клянусь!

– Он же сказал, что здесь не из-за меня, – раздался из темноты низкий голос с хрипотцой.

Пабло от неожиданности вздрогнул и обернулся на звук. В дальнем углу подвала, едва различимый, стоял человек. Плащ с рваными краями, на голове капюшон, в темноте, словно тлеющие угли, слабо светятся пальцы правой руки.

– Ты… явился сам? – приходя в себя от испуга, спросил Пабло.

– Я дал тебе шанс…

– Меч не продаётся!

– Глупец! Ты взял то, что тебе не принадлежит. Я должен был убить тебя, как того требует закон, но я сохранил тебе жизнь, а ты смеешь торговаться со мной?!

– Это моя добыча! Я нашёл его! – процедил Пабло, делая ударение на «я».

– Ты не сможешь совладать с силой этого оружия.

– Скоро найдётся тот, кто сможет, – ухмыльнулся Пабло.

– Он уже нашёлся, и поэтому ты должен вернуть меч!

– А то что? Убьёшь меня? Но я единственный знаю, где он спрятан, – Пабло улыбнулся и развёл руками. – А спрятан он так хорошо, что тебе и жизни не хватит отыскать его.

– Отпусти мальчишек, и продолжим разговор тет-а-тет, – предложил Сказочник.

– Может, мне и мою охрану отпустить, чтобы тебе было проще убить беззащитного? – усмехнулся Пабло.

– Твоя охрана мне не помеха, – ладонь незнакомца стала накаляться, и через несколько секунд в ней образовался огненный шар. Сказочник выкинул руку вперёд, будто катнул шар по воздуху. Огненный комок тут же распался на четыре кометы, каждая из которых молниеносно поразила лже-драконов. Те вспыхнули, словно были пропитаны бензином, и меньше чем за полминуты сгорели дотла. Я был свободен и, пока Пабло не пришёл в себя от шока, метнулся к нему. Схватив его за руку, в которой он держал нож, я локтем другой ударил его в висок. Он потерял равновесие, и мне хватило этого, чтобы вторым ударом отбросить противника на пару шагов. Я подхватил брата под мышки и рванул прочь, но запнулся и упал. Продолжая прижимать к себе Максика, я отполз к противоположной стене. Пабло, раздосадованный моей выходкой и испугавшийся, что потерял гарант безопасности в лице Максика, рванулся за нами. Я скинул брата с себя, но вскочить на ноги не успел: между нами и Пабло словно из-под земли вырос Сказочник. Столкнувшись с ним нос к носу, Пабло заметно струхнул и попятился.

– Ты давал парню десять секунд, чтобы он назвал мой адрес. И тебе я даю столько же, чтобы ты сказал, где лежит меч, – наступал на него Сказочник. – Или я убью тебя без сожаления.

– Ты не сможешь… драконы не убивают драконов…

– Предателей убивают, если ты помнишь. Ты предал наш род, Пабло. Ты стал рабом лиг, которые когда-то выгнали наших Повелителей из этого мира. Ты украл у драконов самый ценный артефакт, а у богов – ключи для открытия Врат драконов, которые продал хобиям. И теперь наивно полагаешь, что меч Руала спасёт тебя, если твоё предательство раскроется.

– Я не… ты не знаешь, о чём говоришь, – губы Пабло задрожали, он выглядел как двоечник, которого неожиданно вызвали к доске.

– Либо ты меня сейчас же отведёшь к мечу, либо…

– Нет, я не могу… Там много охраны…

Сказочник молниеносно выхватил меч с голубой горящей полосой посередине – и голова Пабло упала на пол с глухим стуком. Внутри у меня всё замерло, и я почему-то закрыл брату глаза ладонью. Тело убитого рухнуло на колени, и Сказочник оттолкнул его ногой, чтобы оно не забрызгало его кровью, а потом повернулся к нам. У меня перехватило дыхание.

– Не смотри мне в лицо. Если ты его увидишь, я буду вынужден тебя убить, – произнёс он так спокойно, словно рассказывал, как провёл выходные. Но его слова вызвали во мне совершенно

противоположную реакцию: я пристально вглядывался в темноту под капюшоном, силясь разглядеть хотя бы овал лица. Странно, что мы, драконы, могли видеть предметы в кромешной тьме, а тут при свете, пусть и тусклом, я не мог различить ни единой чёрточки.

– Что с ним? – Сказочник кивнул на Максика.

– Накачался наркотиками…

Дракон наклонился над нами и положил руку брату на голову. Тот вздрогнул, выгнулся, уперевшись затылком в стену, и застонал.

– С ним всё будет хорошо, – Сказочник отстранился, а Максика скрутили судороги: его начало рвать. Сначала коктейлями, потом какой-то белой пеной, а потом посыпались искры и угли, как тогда, во время ритуала. Я придерживал брата за плечи и не заметил, как и куда пропал Сказочник. Несколько минут продолжалась детоксикация, после чего Максик обессиленно откинулся на стену.

– Пойдём! Надо валить отсюда, пока не нашли этого… – я кивнул в сторону окровавленного тела Пабло.

Мы выбрались из подвала и двинулись наверх. Я на ходу вызывал такси. Рубашка Максика была в крови и в дырах, прожжённых искрами, поэтому показываться на танцполе ему было нельзя.

– Слушай меня, – я остановился и заглянул брату в глаза, чтобы убедиться, что он меня понимает. – Ты выйдешь через служебный вход и пойдёшь в сторону улицы. А я быстро метнусь в гардероб, возьму наши куртки и встречу тебя.

– Хорошо, – кивнул Максик. Он был тих, бледен и послушен.

– Я мигом. Ты не успеешь замёрзнуть! – я подтолкнул его к служебному выходу, а сам бросился в зал, грубо работая локтями, пересёк его, выскочил к гардеробу, где забрал куртку Максика и своё пальто, и выбежал на улицу. Брат уже ждал меня на углу, дрожа от холода.

– Ничего, всё будет хорошо, – я надел на него куртку, сверху накинул пальто. – Сейчас приедешь домой, примешь ванну…

Максик трясся так, словно через него пропустили электрический ток. Даже в тёплом такси он никак не мог справиться с ознобом и стучал зубами.

– Т-тольк-ко Вовк-ке не г-говори, – попросил он, обхватив себя руками.

– Молись, чтобы его не было дома.

Прощание

Молитвы Максика были услышаны: Вовка вернулся домой лишь к обеду следующего дня. Был он угрюм и молчалив, и я, грешным делом, забеспокоился, не поссорились ли они с Шу. На мои вопросы он отвечал, что всё в порядке, да я и не ждал, что он вдруг начнёт плакаться мне в жилетку. Я решил дать ему время, а потом, когда острота переживаний притупится, вывести на разговор по душам. А пока я приготовил праздничный ужин.

Новый год мы встретили, как Вовка и обещал: на Красной Площади под бой Курантов. Правда, впечатление подпортила толпа пьяного народа, но я внутренне был готов к подобному. Домой мы вернулись в начале второго и завершили наш праздничный ужин. Но как только тарелки братьев опустели, раздался звонок в дверь.

– Ненавижу, когда в новогоднюю ночь соседи начинают ходить друг к другу, – пробурчал Максик.

Вовка со вздохом поднялся и отправился открывать дверь, но через полминуты из коридора донёсся голос Шу:

– Вам надо срочно уезжать!

Нас с Максиком сдуло из-за стола и вынесло в прихожую.

– Что случилось? – нахмурился Вовка.

– Военачальник убит в том клубе, куда ходили твои братья.

– Это не мы! – выпалил Максик, но я поддал ему локтем, и он тут же умолк.

– Я знаю, что это не вы: вам Пабло не по зубам. Да и вряд ли вы смогли бы отрубить ему голову голыми руками, – Шу опустила глаза, но тут же подняла их на Вовку. – Но его убил другой дракон, и он был намного сильнее.

– Сказочник, – сообщил я.

Вовка перевёл на меня недоумённый взгляд, а Шу удивлённо приподняла брови:

– Сказочник? Хотите сказать, он существует?

– Как ты и я.

– С чего ты решил, что Сказочник был в клубе?

– Мы видели его, – тут же влез в разговор Максик, раз уж я раскрыл карты.

– Зачем ему убивать Пабло?

– Потому что тот предал наш род. Украл меч Руала и продал хобиям ключи от Врат, – я повторил королеве слова Сказочника, не совсем понимая их смысл, но на её лице отразилась боль.

– Я подозревала, что это он, но не могла поймать с поличным, – она потёрла виски, а потом мотнула головой, словно стряхивая с себя дурные мысли. – Но теперь он мёртв, и потому доказать его вину будет невозможно, а все подозрения падают на вас.

– Мы можем рассказать, как было дело, – предложил Максик.

– Вряд ли это поможет. У нас Сказочника считают выдумкой, фольклорным персонажем. Вам лучше бежать.

– Хорошо, завтра утром мы… – начал Вовка, но королева перебила его:

– Немедленно! Я не знаю, сколько мне удастся направлять поиски по ложному следу, – в её голубых глазах отразилось отчаяние. – И вам будет лучше не возвращаться сюда.

Вовка понимающе кивнул и опустил голову. Им надо было попрощаться, и я обнял Максика за плечи и потащил в его комнату:

– Давай собирать шмотки, чтобы не оставлять улик!

Чтобы брат не подслушивал, о чём говорят Вовка и Шу, я начал командовать, указывая, что надо делать. Максик, конечно, сразу стал препираться. Именно этого я и добивался: пока Максик говорит сам, он не услышит, о чём говорят в коридоре. Доведя брата до нужного градуса, я пустился на хитрость и быстро покинул его комнату, якобы спеша к себе. Мне очень хотелось хоть одним глазком увидеть жаркую сцену расставания влюблённых, но Вовка с Шу просто стояли, обнявшись. Она склонила голову ему на плечо, а он прижался губами к её виску. И оба молчали.

Я хотел тенью проскочить в свою комнату, но, видимо, задержался дольше положенного. Шу с неохотой отпрянула от Вовки и прошептала:

– Возьми. Это поможет вам спрятаться от взгляда богов.

Она вынула из кармана тёмно-зелёную пластину размером с ладонь и протянула брату.

– Что это?

– Магнитный сплав с душой вия, – Шу впервые с момента прихода улыбнулась. – Это единственный хищник, которого сложно учуять. Мы носим с собой такие пластины, когда покидаем границы своей территории. Ты ведь знаешь: наши не совсем удачливые соседи мечтают заполучить дракона любой ценой.

– Да, знаю… – эхом отозвался Вовка.

– Она крепится к любому металлическому предмету – оружию, машине, замку на двери. Радиус покрытия – примерно сотня метров, поэтому жилище тоже можно защитить. К тому же пластина не вызывает электромагнитных помех, так что спокойно можешь пользоваться телефоном и компьютером.

– Спасибо!

– Я больше не могу задерживаться. Мне надо идти, – Шу попятилась, Вовка инстинктивно шагнул за ней. – Прощайте, мальчики!

– Подожди! – брат поймал её за руку. – Береги себя, ладно? Когда всё закончится, я навещу вас…

– Не надо, это опасно, – Шу выдернула руку. – Прощайте!

По лестнице застучали её каблуки. Брат с полминуты стоял, с тоской глядя перед собой, потом повернулся и сначала как-то отстранённо, а потом всё более осмысленно начал отдавать команды:

– Так… Надо собрать вещи… Мусор – в мешок, посуду помыть, из холодильника всё забрать. Жень, займись кухней! Максик! Проверь, чтобы в ванной ничего нашего не осталось. Любая мелочь может вывести на след.

Мы разошлись – каждый со своим заданием, за двадцать минут привели квартиру в первозданный вид, ещё раз проверили все комнаты, шкафы и полки на предмет забытых вещей и спустились в машину.

– Не очень-то хочется начинать новый год с бегов, – Максик засунул в багажник пакет с едой.

– Не хочешь бежать – оставайся, – буркнул Вовка и включил зажигание.

Москву мы покинули без проблем и ехали молча. Каждый думал о своём. Вовка наверняка о Шу, Максик – о своей трёхдневной ударной программе, а я – о Сказочнике. Уже второй раз он спасал нас с Максиком, и если в первый я был уверен, что он оказался в Румынии случайно и между делом решил выручить двух мальчишек, то теперь я был уверен в другом: он следил за нами, проверил, что нам известно о нём, а в последний момент появился и спас, чтобы выглядеть героем.

Когда пошёл второй час пути, Вовка, наконец, заговорил.

– Не хотите рассказать, как вас угораздило пересечься со Сказочником?

– Случайно попались ему под ноги, – пожал плечами Максик.

– Почему не рассказали сразу?

– Ты тоже не рассказываешь, чем занимаешься наедине, – парировал младший.

– Это касается только меня!

– А Сказочник касается только нас, – поддержал я Максика.

– Вам не кажется, что скрывать то, что вы стали свидетелями убийства высокопоставленного дракона, не очень правильно?

– Мы не знали, что он высокопоставленный, – фыркнул Максик. – Думали: просто придурок какой-то или бандит.

– И что, Сказочник явился для того, чтобы просто покарать предателя? – продолжал допрос Вовка.

– Нет, он требовал меч Руала, – эту информацию я мог утаить от Шу, но не от брата. – Насколько я понял, Пабло украл этот меч и где-то спрятал.

– Меч Руала – это серьёзно, – брови Вовки сошлись на переносице.

– Руал – это второй из драконов-стражей?

– Да. Если меч не у него, значит, он мёртв.

– Если драконы раньше были летающими, то зачем им мечи? – Максик, как всегда, смотрел на ситуацию под неожиданным углом: у меня даже мысли не возникло, что Руалу и Генце нечем эти самые мечи держать.

– Это оружие принадлежит Повелителям. Чтобы доказать свои мирные намерения, они отдали мечи на хранение драконам-стражам. Тут-то боги наших Повелителей и выперли.

– Понятно. Никогда больше не расстанусь с пистолетом, – хмыкнул Максик.

– А что за Врата, о которых говорил Сказочник? – поинтересовался я.

– Даже не представляю… Может, какие-то двери, ведущие в другой мир?

– Тогда кто такие хобии?

– Впервые слышу.

– Шу знает. Можно спросить у неё, – влез Максик.

– Теперь уже нельзя, – вздохнул Вовка. – Мы влипли в большую передрягу. Надо сменить все документы и разработать новую систему безопасности.

Я чувствовал, что наша жизнь изменится теперь не в лучшую сторону. Я как будто снова возвращался то время, когда Вовка похитил меня из детдома – жизнь с оглядкой через плечо. И если тогда я не понимал, что за опасность нам грозит и кто наши враги, то теперь они были ясны, но облегчения это не приносило. Наши сородичи, которые до сего момента были нашими

потенциальными друзьями и не трогали нас, перешли в статус врагов. Попадаться им в руки из-за убийства, которое мы не совершали, мне не хотелось. Не важно, отдали бы нас на суд богам или вынесли приговор самостоятельно – ни к чему хорошему не привело бы ни то, ни другое. Я слабо верил, что нам удастся убедить драконов в существовании Сказочника. А в то, что он придёт и снова спасёт нас, я верил ещё меньше.

На память

Дима полюбил слушать мир. Только недавно он научился вычленять эти нити звуков из общего полотна, временами невыносимого и отвратительного. Поначалу этот, казалось бы, привычный мир пугал и раздражал своим звуковым натиском. Когда Дима покинул Центр и впервые вышел в мир лигой в человеческом облике, то был буквально раздавлен его многоголосием. Будучи человеком, Дима не улавливал и десятой доли того, что начал слышать, став лигой. Мир пел, кричал, шептал, переговаривался и даже молчал миллионами звуков.

Уже потом, когда Диму определили в группу Рональда и над ним взял шефство Иззила, Дима узнал, что слышит он не только звуки.

Они с Иззилой стояли на вершине небольшого холма. Внизу золотым морем колыхалась рожь, а почти на самом горизонте, где жёлтое полотно упиралось в зелёную изгородь леса, поднимались в воздух едва заметные дымки деревенских труб.

– Когда ты был человеком, ты всю информацию воспринимал отдельно: звуки – слышал, цвета – видел, прикосновения – ощущал, – говорил Иззила слегка покровительственным, но в то же время и небрежным тоном. – Сейчас ты способен всё воспринимать одним способом. В этом мире действует закон сохранения информации, поэтому она передаётся в эфир по всем возможным каналам – зрительным, звуковым, ментальным, тактильным и так далее. Однако у каждого из нас есть один ярко выраженный приёмник. Иногда их бывает два, но очень редко.

– Что за приёмник? – перебил его Дима, боясь, что наставник не пояснит этого, посчитает, что ученик должен знать такие вещи.

– Это орган чувств, который воспринимает абсолютно всю информацию. У тебя это уши, а у меня глаза, – охотно пояснил тот. – Остальные органы чувств у тебя работают в пределах возможностей человеческого тела, а вот слух… Ты ушами воспринимаешь мир во всём его многообразии – цвета, запахи, температуру...

Его слова не удивили Диму. Скорее, озадачили. Как же теперь ориентироваться в этом океане звуков?

Иззила терпеливо обучал его разделять слышимое на то, что можно воспринять другими рецепторами: глазами, кожей, носом, – чтобы освободить основной канал. Этому Дима научился быстро, как будто его сущность только и ждала такого приказа. После этого он тренировался разделять звуковой поток на отдельные партии, словно вытаскивал по прутику из плетёной корзины. Научившись разделять слышимое по каналам, он стал овладевать новым умением – приглушать одни и усиливать другие. Поначалу это давалось с трудом. В какой-то момент Дима даже отчаялся, что ему не дано искусство вычленять нужное из этого стремительного потока, но постепенно делать это становилось всё легче и легче. И в какой-то момент охотник понял, что он теперь может контролировать свой приёмник, как называл это Иззила. И контроль этот дарил необыкновенное наслаждение.

Когда мир не звенел сумасшедшим хором в голове, Дима полюбил слушать его музыку. Он уединялся в лесу и внимал деревьям. Не только тому, как ветер перебирает их листву или как скрипят, покачиваясь, корабельные сосны. Он слушал, как по стволам бегут соки, которые корни вытягивают из земли; как потрескивает кожица листика, сохнущего на ярком солнце; как с глухим скрежетом отмирает старая кора.

Он любил бродить в горах в одиночестве и наслаждаться тихим гудением камней, похожим на монотонное пение древних шаманов. Он любил слушать шорох выветривания гранита, мягкий хруст

твердеющих минералов, эхо глубинных вод, бегущих по пещерам и пробивающим себе дорогу в породе.

Он слушал, как звенят солнечные лучи и как вторит им серебряным пением отражённый лунный свет. Слушал утробный говор глубоких вод, вздохи моря, гомон рек. Улавливал тихий, но ровный звук бегущих по небу облаков. Замечал, как с лёгким треском рассекает воздух летящая птица.

Иззила понимал увлечение Димы и всегда позволял ему уединяться после отлично выполненной задачи. Рональд же считал, что такое увлечение мешает главному делу, ворчал, но пока никак не ограничивал подчинённого.

В тот день Дима тоже слушал. Сидел на камне возле говорливого горного ручья, который со звоном и брызгами нёсся вниз, как проказливый мальчишка. Голос ручья дополнял шорох ветра, скользящего по камням – колючим, ощетинившимся острыми углами, готовым сопротивляться любой силе, что задумает их обтесать.

Дима приглушал то одну партию, то другую, стараясь насладиться каждой в отдельности, а потом многоголосием. Тогда-то он и уловил этот новый звук – пока ещё непонятный и едва живой. Он летел издалека и был слабым. Дима даже не сразу понял, на что это похоже. Стал прислушиваться, пытаясь соотнести это с тем, что слышал ранее. Звук приходил толчками, неравномерными по силе и продолжительности, поэтому Дима сделал вывод, что кто-то или что-то издавало его намеренно. Охотник приглушил звучание остального мира, чтобы сосредоточиться и полностью отдаться новой волне. Он принимал её всем телом, пропуская через себя, делил на отдельные звуки, а потом суммировал их. Он понял одно: это звучание пропитано отчаянием – чувством, рождающимся в страдании. В эту тягостную мелодию холодными и жёсткими нитями вплетался страх. Кое-где лига улавливал нотки боли и одиночества. Сомнений не было: Дима слышал чей-то плач.

Охотник поднялся, прошёлся в одну и в другую сторону, чтобы определить направление звука, но он был так слаб, что практически растворялся в воздухе. Дима шагнул на отвесный выступ скалы. В ущелье звуки собирались, как капли дождя в чаше. Плач стал слышен лучше, но по-прежнему нельзя было определить, откуда он доносится.

Дима по очереди переходил со склона на склон, пытаясь вычислить направление звука. На южном плач был слышен лучше всего, и Дима двинулся по хребту на юг. След привёл его на край глубокого ущелья, которое разверзлось в теле горы, как уста. Словно древняя скала хотела сказать что-то, но так и застыла в немом оцепенении.

Сейчас между этими каменными стенами было метров тридцать, не больше – идеальный проход для небольшой группы и столь же идеальное место для засады. На дне ущелья, неестественно заломив могучие крылья, лежал дракон с отрубленной головой. Впрочем, над тушей этого исполина усердно потрудились не только стервятники. У дракона отсутствовали ступни на трёх лапах. Четвёртой Дима не видел с этой точки, но готов был поклясться, что и у неё тоже отрезали ступню: амулеты из драконьих когтей и зубов сильно выросли в цене, с тех пор как эти летуны покинули землю.

Дима знал, что не все успели улететь, пока были открыты Врата. Рональд говорил, что ещё пара десятков драконов летает тут и там, но их дни, увы, сочтены. Не только из-за жадности охотников, но и из-за того, что Повелители драконов тоже ушли из этого мира. Хозяева душ перестали контролировать своих подопечных и поддерживать порядок, а это почти всегда заканчивается плачевно. Существа, оставленные без присмотра, дичают и становятся угрозой для других видов, и тогда другие виды рано или поздно их уничтожают.

Живого дракона Дима не видел, только слышал рассказ Иззилы о том, как однажды дракон спас его от чупакабры – одного из самых древних и хитрых пришельцев. Они мастера устраивать западни, и Иззила угодил бы в одну из них, если бы дракон не спугнул монстра. Дима с сожалением глядел на обглоданное падальщиками тело крылатого великана, догнивающее на дне ущелья. Вдруг это последний дракон? Самый последний из тех немногих, что остались. И умер он не от старости, а стараниями охотников и отчаянных головорезов, нанятых каким-нибудь богатым феодалом. Дима

опустил глаза: это так по-человечески – уничтожить последнего дракона, который единственный может избавить людей от тех монстров, что охотятся за их душами. Будучи сам человеком, Дима не замечал сути своих сородичей, но, став лигой, прозрел и теперь ужасался, насколько жестока, агрессивная и жадна человеческая раса.

Дракон умер давно. Судя по степени разложения и обглоданной спине – около двух недель назад. Это означало, что плач, на который Дима шёл, исходил не от этого исполина. Однако и плач тоже утих. При этом Диму не покидало чувство, что он уже близок к его источнику. Он стал осматриваться, пытаясь логически вычислить, где может находиться тот, кто плакал. Скорее всего, это либо пещера, либо расщелина, куда несчастный провалился и не может выбраться. Дима шагал с одной стороны ущелья на другую, продвигаясь всё дальше от мёртвого дракона. Скалы то поднимались над землёй, то ухали вниз опасными провалами, скатами и ущельями. Наконец, охотник увидел то, что искал.

Вход в пещеру был спрятан от посторонних глаз большим островерхим камнем. Снизу казалось, что этот камень выдаётся прямо из скалы, но со склона было заметно отверстие за глыбой. Правда, добраться до него без крыльев или без умения перемещаться в пространстве, как лига, вряд ли кто-то смог бы. Возле входа в пещеру имелась небольшая, но ровная площадка, которая плавным склоном уходила в отверстие и пряталась в темноте. Лучшего места для гнезда трудно было придумать: и безопасно, и уютно. Дима тут же переместился на площадку, немного помедлил и осторожно вошёл внутрь.

Здесь было так темно, что человек, наверное, не смог бы привыкнуть к мраку. К тому же в нос бил специфический запах большого животного – запах чужой и обитаемой, а потому и опасной территории. Дима ещё ни разу не бывал в жилище хищника, поэтому обнажил меч и озирался.

Пещера состояла из трёх комнат. Первая, в которой сейчас находился лига, была огромной, с куполообразным сводом и отличной акустикой. Скрип песка под каблуками умножался в несколько раз, окутывая гостя облаком эха. На полу пещеры царил беспорядок: валялись останки добычи и обломки оружия, видимо, дракон затаскивал в пещеру неудачливых воинов, чтобы пообедать в спокойствии. Или эти стрелы, обломки копий и гарпунов дракон вынул из своего тела.

Дима продолжил осмотр жилища и почти сразу наткнулся на хранилище – узкую и длинную комнату, на треть заполненную сокровищами: золотыми и серебряными украшениями и предметами утвари и драгоценными камнями. Драконы несли в свои жилища всё, чем люди задабривали их и что удавалось снять с врагов. Не только с людей, но и с тварей, склонных к собирательству, например, с демонов. Поэтому драконьи хранилища были предметами людских мечтаний. Многие охотники за сокровищами – столь алчные, сколь и смелые – пытались добраться до этих кладов, но проникнуть в пещеры удавалось единицам. И практически никому – покинуть их.

Дима вздрогнул, очнувшись от мыслей о кладоискателях. Он снова услышал этот звук. Теперь он не плыл, а висел в воздухе, как утренний туман над рекой. Дима прошёлся взглядом по стенам и обнаружил за массивным каменным выступом ещё одну комнату. Впрочем, её нельзя было назвать полноценным помещением – скорее, нишей. Её пол был устлан сухой травой, мхом и корой, а на каменные стены были прикрыты шкурами животных. Уютное местечко для маленького обитателя, который лежал на подстилке, прикрыв глаза. Дима убрал меч в ножны. Как он сразу не догадался, что плачет детёныш?! Ведь понятно же было, что ему и страшно, и одиноко, и больно.

Продвинувшись глубже в нишу, Дима присел рядом с дракончиком и дотронулся до него кончиками пальцев. Малыш вздрогнул всем телом. Маленькие, ещё не развитые крылышки встрепенулись, вскинулись над тельцем, но тут же снова улеглись: настолько детёныш ослаб от голода. Ему хватило сил только разомкнуть веки и посмотреть на лигу жёлтыми и блестящими глазами. Полоска зрачка была настолько тонкой, что её не сразу можно было заметить, и от этого глаза дракончика казались слепыми.

Охотник огляделся в поисках еды, но обнаружил лишь тонкие, похожие на обрывки кожи остатки скорлупы. Судя по их состоянию, детёныш вылупился несколько дней назад. Значит, на дне ущелья лежала самка. Она бросилась защищать кладку и угодила в западню, а малыш вылупился уже

после смерти матери. Сейчас он умирал от голода и звал на помощь своих сородичей, но драконы ушли из этого мира, и никто не слышал голос детёныша. Никто, кроме лиги, который и дракона-то ни разу в жизни не видел.

Впервые за последние месяцы Дима разволновался. В его задачи не входила забота о ком-то, кроме людей, но он не мог допустить смерти беззащитного существа. Детёныша надо было срочно чем-то накормить, но чем питаются только что вылупившиеся драконы? Молоком? Мясом? Про взрослых особей Дима хоть немного, но знал, а вот насчёт их потомства – ничего. Тут требовался совет кого-то более опытного.

– Потерпи, малыш, – Дима аккуратно взял на руки дракончика. Он был гладенький и тёплый, ещё не покрывшийся защитными наростами и шипами. Учуяв чужой запах, детёныш слабо зашипел, обнажив тонкие, но уже острые зубки.

– Не бойся, я помогу тебе, – прошептал Дима, прижимая к драконьему тельцу его неловкие, трепещущие крылышки, и шагнул.

В локации его встретил Рональд. Увидев необычную ношу Димы, он слегка приподнял одну бровь:

– Живой?

– Умирает, – не стал лукавить Дима. – Его надо накормить.

– Драконы – не наш профиль, – напомнил Рональд и, развернувшись на каблуках, быстрым шагом направился по коридору, ведущему в лабораторию.

Дима был готов к такой реакции: командир любит поворчать. Ну и пусть! Главное – что он поможет. Дима поспешил, прижимая к груди найденыша:

– Рональд, я не мог его бросить! Он же совсем малютка. И потом… я подумал, что драконы нам не помеха, а наоборот, если, скажем, выходить этого и воспитать, как сокола…

– Клади его сюда! – прервал его речи командир, зажигая лампу над стальным столом, где лиги лечили раны друг друга или препарировали пришельцев. – Пока у летунов не окрепли зубы, они питаются исключительно тварями. Придётся сейчас скормить ему кого-нибудь из аквариума, а потом ты будешь охотиться.

Дима согласно кивнул, осторожно опустил малыша и кинулся за едой. Уже миновав половину коридора, спохватился: паразита или хищника нести? Мигом вернулся, чтобы спросить, но вопрос застыл у него на губах от увиденного. Сняв рукоять-контейнер с меча, Рональд вонзил заборную иглу в спину детёныша, и теперь контейнер наполнялся розовым дымом.

– Ты что… что ты делаешь?! – придя в себя, гаркнул Дима, одним прыжком достиг стола и перехватил руку командира.

– Он испустил дух прямо на столе, – спокойно ответил Рональд, заканчивая начатое. – Его душа испарилась бы, растворилась в воздухе. Смерть драконов не похожа на смерть людей, но раз уж это всё равно произошло, я решил использовать это в наших целях.

– В наших?! – Дима чувствовал, как сжимается что-то внутри, на ладонь ниже горла. Раньше, когда он был человеком, он думал, что там находится душа. Но сейчас, когда он знал, что такое душа и где она живёт, ему было сложно объяснить, что он чувствует. Это неведомое для лиги состояние на минуту сковало его.

– Сущность дракона укрепляет нашу сущность, – наставительно сообщил Рональд и, вынув иглу из тела найдёныша, воткнул её себе в грудь.

Розовый дым заметался, не желая перемещаться в новое тело, но Рональд оказался сильнее и буквально втянул его в себя. Дима, всё ещё в ступоре, наблюдал, как уходит из контейнера жизнь, которая ещё недавно теплилась в маленьком существе. Он ощущал неприятную слабость в руках и ногах – бессилие перед несправедливостью, жестокостью, властью. Даже среди тех, кто по идее должен уметь всё это подавлять.

Лигами становились лишь те людские души, чьё развитие позволяло им сопротивляться внутренним противоречиям и поддерживать баланс, необходимый для дальнейшего развития. Эти души словно сдали вступительный экзамен в университет жизни, и теперь должны были двигаться

только вверх по лестнице, ведущей к абсолюту. Однако сданный экзамен не означал, что души теперь полны гармонии. В них по-прежнему кроме света оставалась и тьма, победа над которой венчала путь к абсолюту. У Рональда временами тьма одерживала верх, и Дима со страхом замечал это, а сегодня к страху добавилась ещё и неприязнь. Командир с самого начала не собирался спасать найдёныша. Он задумал использовать его, чтобы стать сильнее и неуязвимее. Жжение в груди от несправедливости этого поступка перерастало в пожар, и Дима поймал себя на том, что неистово сжимает рукоять меча. Лишь неимоверным усилием воли он запер этот пожар глубоко внутри и заставил себя разжать непослушные пальцы.

– Я похороню его, – сквозь зубы выдавил он.

Рональд хотел возразить, но, встретившись взглядом с подчинённым, промолчал.

Дима бережно взял мягкое, безвольное тельце и на том месте, где лежала тупоносая мордочка детёныша, заметил выпуклую тёмно-голубую каплю. Заставить дракона заплакать может не каждый, но Рональду удалось. А может, не Рональду, а Диме, который принёс беспомощного малыша на растерзание?

Капля быстро твердела, как воск, оставаясь при этом всё такой же прозрачной. Дима незаметно для командира сковырнул её со стола и спрятал в кулаке.

В мастерской было душно и тесно. Несмотря на то, что сквозь большие окна, вырубленные в стене под самым потолком, лился дневной свет, казалось, что в этом помещении постоянные сумерки. Возможно, от того, что сизым дымом чадила печь, или от того, что комната была заставлена сундуками и столами, завалена всякой утварью. Всё это поглощало свет, рождая тени и неприятный сумрак. За узким столом, что разделял комнату на две половины, сидели трое разновозрастных мальчишек-подмастерьев. Двое перебирали что-то в большой корзине, а третий, зажав щипцами какую-то пластину, от души лупил по ней маленьким молоточком. Увидев гостя, мальчишки отвлеклись от своих занятий и с любопытством разглядывали вельможу. Сам мастер, возившийся возле печи и услышавший, что мальчишки бросили работу, развернулся к столу и, не стесняясь в выражениях, велел им вернуться к заданиям.

Этого мастера Диме порекомендовал Вяз – охотник, с которым Дима часто пересекался в последнее время. Вяз работал среди людей, выслеживая в основном паразитов, промышляющих в городах и деревнях. Очистив от напасти один населённый пункт, Вяз перемещался в другой, потом в третий. Именно поэтому он хорошо, да что там – лучше всех! – знал людскую расу. И посоветовал Диме обратиться к ювелиру, который создавал поистине великолепные украшения.

Выглядел этот талантливый мастер довольно странно и даже отталкивающе: чумазый и низкорослый мужчина лет пятидесяти, чья голова сверху заросла космами, перетянутыми на лбу красной тряпицей, а снизу – жёсткой и плотной бородой. Кроме того, ювелир ужасно шепелявил и сильно хромал на правую ногу.

Увидев благородного гостя (а Дима для такого случая по совету Вяза нарядился в богатые одежды и даже раздобыл коня), мастер с неохотой приблизился. Было видно, что ему не хочется бросать работу, но он всё же заставил себя улыбнуться, показав вошедшему гнилые и кривые зубы:

– Щто челаете, гощподин?

– Желаю сделать заказ, – охотник протянул ему замшевый мешочек, стянутый узорной тесьмой. – Перстень.

Мастер полез грубыми пальцами в мешочек и неожиданно ловко извлёк оттуда минерал насыщенного голубого цвета. Камень был идеально гладкий и напоминал горное озеро, отражающее небо. В нём ходили едва уловимые тени, похожие на тени облаков. Они то собирались вместе, то рассеивались под дуновением несуществующего ветерка. Ювелир оглядел камень со всех сторон мутноватыми глазами и заключил:

– Плохой топащ… Нехорощий.

Дима нахмурился, но смолчал.

– Много бед принещёт. Щам диавол щидит в нём, – пояснил космач, видя, что первое высказывание не возымело силы.

– Нужна огранка и оправа, столь же прекрасная, как этот камень, – подражая манере богачей, произнёс Дима.

Ювелир принялся кряхтеть и почесываться. Он вертел в руках камень, смотрел сквозь него на свет, льющийся в окна, лизал, пробовал на зуб, подкидывал на ладони. Дима спокойно наблюдал за этим спектаклем, стараясь стереть с лица брезгливость.

– Щколько платищь? – наконец, перешёл к главному мастер.

Дима выдержал положенную паузу:

– Два золотых.

Ювелир недовольно скривился, словно топаз вдруг превратился во что-то мерзкое и склизкое.

– Если управишься до начала ярмарки, накину ещё столько же, – пообещал Дима.

– Ощень плохой камень. Нещащья в нём!

– Берёшься или нет?

Мастер тяжело вздохнул, на его лице отразилась мука всех тех, кого против воли заставляют браться за опасную работу.

– Пять… – прошептал он.

– Пять золотых? – уточнил Дима, сунув руку в карман.

Космач закивал и смиренно потупился.

– Вот три, – охотник опустил в его грязную ладонь монеты. – Остальное получишь, когда перстень будет готов. Я зайду на будущей неделе. И не вздумай дать дёру!

– Мерку бы щнять, – в плотной бороде обозначилось что-то, напоминающее улыбку.

Дима без удовольствия последовал за ювелиром вдоль стола с подмастерьями в глубь мастерской, где за печным выступом находился квадратный стол. Мальчишки снова бросили свою работу, обратившись в зрение и слух, но мастер на этот раз не прикрикнул на них. Возможно, он даже хотел, чтобы его чумазые помощники слышали, как умело он разговаривает с важным заказчиком.

Стол был усеян различными инструментами, деталями, заготовками, неудачными вариантами предыдущих изделий. Покопавшись в них, космач извлёк толстую, но гибкую проволоку с петлёй на конце. Петля была подвижной, как на виселичной верёвке, а хвост проволоки, по которому петля двигалась, сужаясь и расширяясь, имел зазубрины-отметки.

– Перщатку бы щнять… – заискивающе попросил мастер. Полученный задаток расположил его к гостю, и в движениях ювелира появилась учтивость и даже какая-то нежность.

– Я буду носить перстень поверх перчатки, – отрезал Дима.

Космач понимающе закивал, надел петлю на средний палец гостя и слегка затянул. Потом подвигал туда-сюда, ещё затянул, снова подвигал. Охотник со скучающим видом оглядывал грязных мальчишек, которые буквально легли на стол, чтобы лучше видеть происходящее за печью.

Закончив примерку, мастер снял проволоку и обратным её концом прямо на столе что-то нацарапал.

– Защем вам такой перщень? – уже без предостережения, скорее, с тревожным любопытством спросил он.

– На память о людях, – небрежно бросил Дима и, немного помолчав, зачем-то добавил: – И о богах.

История

– Нам надо избавиться от прошлого, – сказал Вовка, когда мы вернулись в наш домик в лесу. – Избавиться от всего, что может привести к нам. Изменить внешность, насколько это возможно, изменить привычки, имена… Горыныч сделает нам новые документы, и с этой поры мы перестанем быть братьями. Формально.

– Думаешь, драконов это остановит? Они в каждом из нас видят трёхглавого… – попробовал возразить я.

– Да, видят, но не знают, кто две оставшиеся головы. Поскольку многие драконы занимают высокопоставленные посты в этом мире, а другие имеют влияние на людей, занимающих эти посты, то им не составит труда по документам вычислить нас троих. Если мы перестанем считаться братьями на бумаге, это затруднит поиск.

– Согласен, – кивнул Максик.

Свой джип Вовка тоже перекрасил. Теперь из сине-чёрного «Черик» превратился в тёмно-бордовый. Номера ему брат тоже сделал новые. Свою внешность мы не стали менять: цвет и длина волос не обманет компьютер. Просто мы перестали появляться в людных местах при свете дня, потому что в темноте легче скрыться. Благо короткий световой зимний день играл на нашей стороне. Однако нам была необходима и документальная поддержка: в Москве мы с Максиком засветили наши паспорта, сдавая украденное золото в ломбард.

Двадцать четвёртого января мы втроём отправились к Горынычу за новыми документами. Для Максика это была первая встреча со старым драконом, и я почему-то волновался за него. Я знал, что Беша недолюбливает Горыныча, и это настроение передалось и нашему младшему, который считал близнеца своим кумиром и во многом подражал ему.

– Я не пойду к нему, подожду вас в машине, – буркнул Максик, когда мы приехали.

– Не дури! Мы пробудем у него несколько часов, – Вовка заглушил мотор и обернулся. – Выходи.

– Сказал же: останусь тут.

– Это невежливо!

– С каких пор тебя стали волновать правила этикета? – Максик скрестил руки на груди. – Ещё бы во фрак вырядился!

– Я сказал: выходи! – Вовка силой выволок младшего из машины.

Стоит ли говорить, что это кардинально повлияло на поведение Максика: он держался намеренно отстранённо, дерзил и всем своим видом показывал, что не может дождаться отъезда.

– Какой характер, а! – восхитился Горыныч. – Не каждый чистокровный дракон может таким похвастаться.

Максику были приятны эти слова, и он слегка сбавил обороты. Однако Вовка нанёс последний удар, окончательно сломивший спесивость младшего:

– У Максима всё по максимуму. Беда тому, кто это недооценит.

Такая неприкрытая лесть разом обезоружила младшего, и через полчаса он уже как ни в чём не бывало уплетал за обе щёки пирог, которым нас угостил Горыныч.

– А у тебя как дела с книгой? – спросил он меня, когда темы для разговоров стали иссякать.

– Почти разгадал. Осталось несколько страниц, – похвастался я.

– Я знал, кому её дарить! Столько лет лежала у меня мёртвым грузом, а ведь могла служить потомкам, – Горыныч говорил это с такой гордостью, будто я был его сыном. – Знаешь, поиск финального ответа можно облегчить, если записывать всё на бумаге. Когда что-то записываешь, то в процессе информация автоматически систематизируется.

– Я так и делаю, – улыбнулся я.

– Вечно я лезу с советами к молодёжи, которая и так всё знает без меня, – Горыныч примирительно поднял руки вверх.

Мне стало неудобно перед ним, и я вынул книгу из рюкзака и открыл в том месте, где у меня была закладка:

– Без твоего совета мне всё-таки не обойтись. Знаю, ты не видишь надписи, которые вижу я, но вот этот знак… Я не встречал его ни в каком другом месте.

Горыныч несколько минут рассматривал нарисованный на картинке знак, тёр подбородок, морщил лоб, потом пробубнил: «Сейчас…» и вместе с книгой направился в другую комнату.

– Нам надо ехать, – тихо произнёс Вовка.

– Вы можете подождать меня в машине.

– Если ты спросил про знак не просто ради того, чтобы что-то спросить, то мы подождём, – Вовка закинул ногу на ногу. – Я не хочу, чтобы у тебя оставались белые пятна в разгадывании книги.

Через пару минут Горыныч вернулся. Поверх моей открытой книги лежала ещё одна – поменьше и потоньше.

– Что-то похожее я видел вот тут, – он продемонстрировал мне иллюстрацию. На ней был изображен всадник, лицо которого скрывал платок вроде того, какие носят бедуины. За спиной всадник вёз щит, а на нём была гравировка, очень похожая на знак, что я встретил в своей книге.

– Что это за воин? – я вглядывался в картинку, пытаясь понять по пейзажу, где происходит действо.

– Елизар. Он был вскормлен драконом и из-за этого получил некоторые способности, недоступные людям, – стал рассказывать Горыныч. – Он был выдающимся воином и мудрым дипломатом, защищал драконов от нападок людского племени. А когда между Повелителями драконов и богами разгорелся конфликт, он убедил обе стороны сложить оружие. Боги отозвали ангелов, Повелители отдали свои мечи на хранение Стражам.

– После чего лиги выкинули наших хозяев за пределы этого мира, – закончил историю Вовка.

– Мда… – Горыныч поскрёб щетину. – Елизара они тоже убили.

– С богами неприятно иметь дело, – подытожил Максик.

– Кстати, о богах… Можно тебя на минутку? – Горыныч поднялся, приглашая Вовку покинуть комнату.

– У меня нет секретов от братьев. Говори, – тот даже не пошевелился.

Хозяин дома окинул нас оценивающим взглядом, потом сел на место и с неохотой сообщил:

– Поговаривают, вы убили Пабло…

– Если двое мальчишек-полукровок могут завалить главного военачальника, то хреновый он воин, как ни крути, – фыркнул Вовка.

– Я понимаю, что это сделали не твои парни, но на вас объявлена охота. Вас ищут не только драконы, но и боги.

– Мы в курсе, – спокойствие брата меня вдохновляло.

– Причина охоты – вовсе не смерть Пабло, – Горыныч подался вперёд и почему-то понизил голос. – Говорят, вы украли меч Руала.

– Чего-о? – скривился Максик. – Да мы даже не знаем, что это такое!

– Это самое глупое обвинение, какое я когда-либо слышал, – улыбнулся Вовка.

– Дело в том, что Пабло отрубили голову. И не просто каким-то мечом – артефактом, который незадолго до этого пропал из хранилища. Боги уверены: Пабло взял его с собой, чтобы продать, но сделка сорвалась, и его убили этим оружием.

– Меч Сказочника, конечно, не рассматривается в качестве орудия убийства? – спросил я.

– Сказочника не существует, – отрезал Горыныч. – Его придумал Поло и сам в этом признался.

– Под пытками в чём только ни признаешься! – съязвил Вовка.

– Он был сумасшедшим и выдумывал всякие вещи, которые казались правдоподобными.

– Нам пора, – Вовка поднялся, и было ясно, что разговор про Поло его разозлил. – Спасибо тебе за помощь. Увидимся!

– Рад, что вы теперь вместе. Держитесь друг друга, парни, – Горыныч последовал за нами, чтобы проводить.

– Кто этот Поло? Ты не рассказывал о нём, – заговорил я, когда мы вышли на улицу.

– Дракон. Чистокровный. Он служил лигам, и его задачей было отыскать Генце. Поло это почти удалось: он напал на след хранителя, и лиги снарядили его в экспедицию во главе целого отряда из опытных воинов и колдунов. Из неё он вернулся один и ни с чем. Сказал, что больше не будет подчиняться лигам, и сбежал. Лигам, конечно, такой оборот не понравился. Они поймали Поло и пытали, чтобы выведать, что случилось во время поисков Генце. Он сначала ничего не рассказывал,

утверждал, что за ним придёт Сказочник и спасёт, но Сказочник не пришёл, и Поло в итоге сломался. Боги узнали всё, что хотели, и выкинули его умирать. Поло выжил, но рассудком повредился. Он покончил с собой чуть больше года назад.

Мы с Максиком молчали. История Поло красноречиво показывала, в какой мы с ним опасности.

Удар

После посещения Горыныча у меня осталось гнетущее чувство. Я понимал, почему в убийстве Пабло боги и драконы обвиняли нас: им надо было найти виноватого и устроить показательную казнь. Но почему Горыныч верил в то, что мы убили военачальника, для меня оставалось загадкой. У нас не было ни мотивов, ни оружия, однако старик всё равно подозревал нас. Я поделился тревогой с Вовкой.

– Не знаю, почему он так решил, – честно признался брат. – Но это даёт мне лишний повод гордиться вами. Если лиги уверены, что вы в состоянии справиться с таким опытным воином, как Пабло, значит, вас оценили по высшему разряду.

Я невольно вспомнил, как легко, двумя ударами, отбросил этого военачальника к стене. Конечно, я переживал за брата и находился в состоянии аффекта, да и Пабло был ошарашен внезапным воспламенением своей охраны, но тем не менее тогда он не показался мне сильным воином.

Было уже далеко за полночь. Мы мчались по совершенно пустому шоссе. Максик дремал на заднем сидении, я размышлял о нашем будущем. Неужели нам теперь придётся всю жизнь быть в бегах? Ведь можно найти способ доказать нашу невиновность. Например, отыскать Сказочника или того, кто на самом деле украл меч Руала.

Вдруг я заметил, как Вовка вздрогнул, словно какой-то звук вывел его из задумчивости. Он никогда не засыпал за рулём – тут было что-то другое. На его лице отразилась тревога и даже страх. Он вдруг резко затормозил, отчего Максика бросило вперёд и ударило о моё сиденье.

– Ты чего? Офонарел?! – он спросонья тёр лоб, не понимая, что случилось. – Мы кого-то сбили?

– Быстро из машины! – Вовка выскочил первым и бросился к багажнику.

Мы с братом последовали его примеру, напряжённо озираясь.

– Вов, что происходит? – я старался говорить спокойно, но испуг брата сбивал меня с настроя.

– Держите, – он протянул нам наши рюкзаки, выгреб из бумажника все деньги и сунул мне. – Этого хватит, чтобы добраться до дома.

– В чём дело?

– Нас засекли.

– Кто?

– Лиги. Они будут здесь с минуты на минуту, так что бегите, а я их отвлеку. Пушки при вас?

Мы с Максиком кивнули.

– Мы останемся, – решительно заявил младший. – Мы сразимся с ними втроём…

– Это плохая идея. Если сцапают троих, то никто нас не спасёт. А если попадусь я один, вы меня вытащите. Ведь вытащите?

– Я никуда не пойду без тебя! – Максик вцепился в рукав брата. – Тебя могут убить.

– Трёхглавого не так просто убить, – Вовка положил руки на виски младшего и заглянул ему в глаза: – Помнишь, как в сказке? Отрубают дракону одну голову, он чиркает по ней пальцем – и она снова прирастает. Так и вы…

– Нет!

– Возьми! – он снял с руки браслет и протянул Максику. – По нему ты будешь знать, жив я или мёртв. Да и я не хочу, чтобы лиги считали по нему информацию о нас.

– Ты говоришь так, будто обречён, – у меня комок встал в горле.

– Просто готовлю вас к разным вариантам, – Вовка отлепил от машины пластину, подаренную Шу. – Держите, так вас не засекут. Всё, бегите!

– Я тебя не брошу! – в отчаянии выкрикнул Максик.

– Уходите! – рявкнул Вовка. – Женька, помнишь, ты мне клялся, что выполнишь мой приказ во что бы то ни стало. Момент пришёл. Я приказываю: уводи брата!

Моё горло сжали судороги, я не мог произнести ни слова, но сгрёб в охапку упирающегося Максика и потащил к ельнику на противоположной стороне дороги. Младший вырывался, но, когда ему удалось выскользнуть из моих рук, джип уже тронулся с места.

– Всё, уходим! – я снова изловил брата и потащил к ельнику.

Едва мы успели миновать первый ряд деревьев, как завизжали тормоза. Джип удалился от нас метров на триста, поэтому нам хорошо было видно происходящее. На «Черик» стремительно надвигалась прозрачная волна, предшествующая появлению богов. Вовка, разогнавшийся, чтобы увести преследователей подальше от места нашей высадки, теперь жал на тормоза, но зимняя дорога сыграла против него: джип несло по дорожному полотну, и он на полной скорости врезался в стену. Его развернуло и отбросило в кювет, где он дважды перевернулся с колёс на крышу и остановился на боку. Мы с Максиком замерли в оцепенении. Брат дёрнулся, чтобы поспешить на помощь, но тут словно из ниоткуда на дорогу шагнули три бога. Один был могучий, как Вовка: под два метра, широкоплечий и мускулистый. Другой был ему по плечо, поджарый и вёрткий. Третьей была женщина – ростом с того, худого, изящная, даже хрупкая, но её хрупкость была обманчивой, как и у Шу.

Невысокий с лёгкостью лани одним прыжком преодолел расстояние от дороги до джипа, вскочил на него, сорвал дверцу и отбросил в сторону. После этого он запустил внутрь руку и вытащил на поверхность Вовку. Брат был ранен и, похоже, без сознания, потому что его голова безвольно откинулась назад. Бог уложил Вовку, чтобы взяться поудобнее и стащить с машины, но как только он наклонился над нашим братом, в темноте мелькнул клинок и полоснул нападавшего по животу. Тот странно выгнулся, издал протяжный стон и свалился на землю.

– Ветер! – взвизгнула женщина и ринулась к поверженному.

Вовка в этот момент спрыгнул с машины и побежал в поле, что находилось на противоположной от нас стороне дороги. Брат уводил лиг за собой, давая нам с Максиком возможность скрыться, но мы замерли в ельнике, не в силах пошевелиться.

Рослый бог бросился за Вовкой и нагнал его метров через пятьдесят. Броском свалил с ног, но брат тут же вскочил, готовый биться. Мечи сошлись с такой мощью, что посыпались искры. Мы видели, что бог-богатырь обладает недюжинной силой, но Вовка не уступал ему. Женщина пока приводила в сознание раненого товарища, но я чувствовал, что она сильно злилась. И что будет, когда к битве присоединится она, мне страшно было представить.

Тем временем Вовка начал одолевать лигу. Тот пропустил несколько ударов, один раз Вовка даже сбил его с ног, но пронзить себя богатырь не дал, прокатившись по земле и вскочив на ноги. Женщина заметила, что перевес уже не на стороне её могучего товарища, бросила раненого бойца и поспешила на помощь. Её техника боя напоминала метель: богиня налетала, кружась и сверкая мечом, потом чуть отходила в сторону, пытаясь зайти с тыла. Вовке пока удавалось отбивать её атаки, к тому же с другой стороны как танк пёр здоровяк. Вдвоём они умотали нашего брата за несколько минут.

– Я не могу! Надо помочь! – Максик рванулся из засады, и я еле удержал его:

– Чем ты поможешь? У нас нет мечей, а пистолеты против лиг бессильны. Беша подарил мне пули, которые парализуют этих сволочей, но обойма осталась в машине. Мы не сможем незаметно пробраться к ней.

Максик прикусил губу. Внутри него, как и внутри меня, шла нешуточная борьба. Сердце велело бежать в поле и вступить в бой, но разум останавливал страхом: попади мы в руки лиг – и наша участь будет незавидней, чем у Поло.

В битве тем временем наступил перелом. Женщина выбила у Вовки меч, но брат выхватил пистолет и выстрелил в неё. Богиня чудом увернулась от пули. В этот момент здоровяк ударил Вовку по затылку рукоятью меча. Брат пошатнулся, но устоял на ногах. Женщина выхватила у него пистолет, а её товарищ ударил Вовку по лицу, а потом в живот. Удары дезориентировали брата, и

пока он не пришёл в себя, здоровяк схватил его за шиворот и рванул на себя. При этом он сам на пару секунд пропал из видимости, а показался в нескольких метрах от места битвы. Это перемещение отчасти лишило брата сил. Он пытался устоять на подгибающихся ногах и норовил ударить здоровяка, но тот проделал свой фокус с телепортацией ещё раз. На месте нового появления их уже ждала богиня, которая ловко защёлкнула на запястьях Вовки наручники. Брат понял, что его хотят заковать, рванулся, но руки уже были стянуты за спиной. Он ринулся на здоровяка, как бык на матадора, а тот схватил нашего брата за ворот куртки, опять пропал из виду, а потом появился в нескольких метрах от места исчезновения. Это окончательно добило Вовку. Он упал в снег лицом. Богиня тут же оказалась верхом на нём и надела на него ошейник. Её товарищ вынул из куртки небольшую палку и раздвинул её, как антенну, на два метра, прикрутил палку к ошейнику и кивнул напарнице. Та отправилась проведать раненого друга, а здоровяк рывком поднял на ноги почти бесчувственного Вовку, удерживая его на расстоянии от себя, а потом шагнул вперёд и пропал вместе с братом. Богиня в это время подняла того, кого называла Ветром, закинула его руку себе на плечо, тоже сделала шаг и исчезла.

Мы с Максиком напряжённо ждали, не появятся ли они где-нибудь, но тишина и темнота скрывали место недавней битвы.

– Они убьют его… – по лицу Максика текли слёзы, которых он уже не стеснялся. – Всё из-за нас…

– Если бы они хотели его убить, то сделали бы это сейчас. Он им нужен живой…

– Чтобы выведать всё про нас!

– Он не скажет, – каждое слово давалось мне с трудом.

– Они замучают его, как Поло! – Максик направился к дороге.

– Не ходи туда! Это может быть ловушка, – я хотел удержать его, но брат оттолкнул мою руку:

– Мне плевать! Они забрали его… Они убьют его…

– Послушай, вот что мы сделаем, – я догнал его и пошёл рядом. – Мы заберём оружие, выясним, куда лиги унесли Вовку, и придём за ним. Он же сказал, что мы должны его спасти. Чиркнем пальцем по отрубленной голове, так ведь?

Максик кивал, вытирая слёзы рукавом. Мне тоже хотелось плакать, но я не мог. Как тогда, в детстве, когда умерли наши родители, я не мог выжать из себя ни слезинки, хотя сердце моё разрывалось на части от боли.

«Черик» лежал на боку, как убитый скакун. Он был искорёжен, несколько стёкол разбиты. Мы попытались перевернуть его на колёса, но передняя ось, видимо, от столкновения с волной лиг лопнула и погнулась. Джип превратился в тонну металлолома. Мне было больно смотреть на него, но я всё же нашёл в себе силы забраться внутрь. Мы с Максиком собрали всё, что смогли, и сложили в наши рюкзаки. Оружие из тайника мы поместили в спортивную сумку Вовки и направились по безлюдному шоссе в полном молчании.

Вот так, всего за четверть часа, мы потеряли брата. И не было ни могилы, чтобы оплакать его, ни имён врагов, чтобы отомстить.